

Г. ЭМАР

Г. ЭМАР

Scan Kreyder - 25.02.2018 - STERLITAMAK

Γ.ΘΜΑΡ

Г. ЭМАР

собрание сочинений
в двадцати пяти томах

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1995

Г. ЭМАР

собрание сочинений
в двадцати пяти томах

том двадцать четвертый

Сожженные Леса

Тайные чары
великой Индии

Вождь Сожженных Лесов

Рассказы из жизни
в бразильских степях

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1995

ББК 84.4 Фр.
Э54

Оформление художника
А. ЕВДОКИМОВА

- Эмар Г.
Э54 Собрание сочинений: В 25 т. Т. 24: Сожженные Леса; Тайные чары великой Индии; Вождь Сожженных Лесов: Романы. Рассказы из жизни в бразильских степях / Пер. с фр. — М.: ТЕРРА, 1995. — 704 с.

ISBN 5-300-00106-6 (т. 24)

ISBN 5-85255-092-2

В настоящий том Собрания сочинений известного французского писателя Гюстава Эмара (1818—1883) вошли романы «Сожженные Леса», «Тайные чары великой Индии», «Вождь Сожженных Лесов», а также сборник очерков «Рассказы из жизни в бразильских степях».

Э 4703010100-157 Подписное
А30(03)-95

ББК 84.4 Фр.

ISBN 5-300-00106-6 (т.24)

ISBN 5-85255-092-2

© Издательский центр «ТЕРРА», 1995

Сожженные леса

ГЛАВА I

Река Ветра

Двадцать седьмого ноября 1859 года, в третьем часу пополудни, на изгибе одной из узких и глухих горных тропинок показался какой-то человек. Эта тропинка постепенно поднималась все выше и выше и огибала самые возвышенные пики Сьерры в районе реки Ветра, то есть в одном из пустынейших и диких мест неизмеримых и грозных Кордильер, которые проходят через всю Америку и выглядят как бы ее спинным хребтом и которым в этой стране дали характерное название «Скалистых гор».

Обогнув угол тропинки, человек, о котором мы начали говорить, остановился, машинально взглянул вокруг себя, опустил приклад своего ружья на землю и, облокотившись обеими руками на его дуло, на несколько минут погрузился в глубокую задумчивость.

Мы воспользуемся открытой и привлекательной позой, которую принял незнакомец, и постараемся схватить несколько характерных черт этой личности, которой суждено занимать если не главную, то по крайней мере одну из первых ролей в той истории, которую мы начинаем рассказывать нашим читателям.

Наш незнакомец был выше среднего роста и замечательно крепкого, вполне пропорционального сложения. Он был красив собой, хотя по его широкому открытому лбу прошли уже заметные морщины — эти неизгладимые следы, проложенные не столько количеством лет, сколько их тяжестью, глубокими думами, внутренним горем.

Его большие голубые глаза глядели прямо и загорались, когда он воодушевлялся каким-то особенным, словно магнетическим порывом непреодолимого могущества.

Его правильный, отчасти сгорбленный нос с широкими ноздрями опускался на замечательный рот, окаймленный пунцовыми губами и скрывавшийся почти весь в густой белокурой бороде, в которой уже проглядывали седые волосы, занимая всю нижнюю часть лица.

Лицо этого человека дышало откровенностью, добротой и смелостью и вместе с тем невольно привлекало к себе. При виде его всякий сразу признавал в нем могущественную и исключительную натуру.

Он, казалось, далеко уже пережил половину своей жизни, и его длинные белокурые волосы, видневшиеся из-под лисьей шапки, надетой на его голове, уже начинали мешаться с сединой. Но, несмотря на это, он был строен, крепок и, казалось, нисколько не утратил еще своей силы, которая, судя по его внешности, должна быть геркулесовскою.

Он носил с какой-то особенной гордостью и неприужденностью грациозный и живописный костюм охотника долин.

Этот простой костюм состоял из суконной шапки, опушенной мехом голубой лисицы, — из красной фланелевой рубашки, воротничок которой был схвачен черным шелковым галстуком. К галстуку была приколота длинная золотая булавка, украшенная превосходным бриллиантом. Рубашка наполовину скрывалась под широкой блузой, украшенной голубыми жгутами и перехваченной у пояса широким кушаком из шкуры лани.

К одной стороне этого пояса была привязана сабля, вроде штыка, которую можно было надевать на дуло ружья, — а с другой стороны находился маленький топорик, очень похожий на те, что носят моряки.

Кроме того, он имел еще при себе патронницу и пару великолепных длинных шестиствольных пистолетов, которые, имея приклады, в минуту нужды могли заменить собою карабины, так как стальные остроконечные пули их доходят до цели точнее, чем пули лучших ружей, — и эти пистолеты выходили из мастерской знаменитого Галланда и были тогда почти неизвестны в Америке. Костюм его довершался штанами из кожи лани и штиблетами, к которым были привязаны прелестные индей-

ские мохитосы. Все это дополнялось еще ружьем, заряжающимся с казенной части и вышедшим из той же мастерской, где приобретено и прочее вооружение только что описанного нами человека. Напомним еще о туго надетой охотничьей сумке, висевшей у него на перевязи и заключающей в себе, по всей вероятности, провизию.

Внимательный взгляд наблюдателя сразу заметил бы, что этот человек, смотря по обстоятельствам, мог быть или грозным врагом, или могущественным союзником.

Через несколько минут незнакомец медленно поднял голову и, дотронувшись рукою до своего лба, как бы желая прогнать те грустные мысли, которые овладели им, почти чуть слышно произнес три слова, заключающих в себе, как казалось, ужасный смысл:

— Так должно быть!

С того места, где стоял этот человек, открывалась неизмеримая местность.

Несмотря на все свое пресыщение красотами природы, пресыщение, бывшее следствием его долговременного пребывания в пустынях, — человек этот не мог удержаться от крика восторга при виде той картины, которая представлялась его глазам.

Перед ним, над ним, вокруг него возвышались в поэтическом хаосе покрытые снегом верхушки гор. Эти горы реки Ветра — этого неизмеримого резервуара, источники которого — озера и тающие снега, порождают несколько могущественных рек, ниспадающих с горных вершин и протекающих целые тысячи километров, посреди самых разнообразных стран, чтобы наконец исчезнуть бесследно в Атлантическом либо Тихом океане.

По склонам гор струилось множество потоков; вода на поверхности их искрилась и блистала на солнце, как бриллианты, и, падая со скалы на скалу, с пропасти в пропасть, скрывалась наконец в высокой траве пустыни.

Все внимание нашего незнакомца было сосредоточено на одном глубоком овраге, где перед ним разворачивалась странная и вместе с тем величественная картина.

Четыре путешественника: трое мужчин и одна дама верхом на мустангах — этих диких степных лошадях — с большими усилиями старались переехать через овраг, по дну которого стремился грозный поток, где их лошади рисковали ежеминутно сломать себе ноги, проходя под

водами, которые ниспадали с такой высоты, что достигали до дна оврага в виде широко бьющегося дождя. В иных местах им приходилось брести в потоке, вода которого стремилась с одной скалы на другую, несясь со страшным шумом и покрывая волны массой пены.

Незнакомец пристально следил за этими четырьмя путешественниками, которые, несмотря на все затруднения и непреодолимые препятствия дороги, продолжали переходить овраг и подвигаться мало-помалу до той местности, где он теперь отдыхает.

Но вдруг в нескольких шагах от него раздался стук — такой стук, понять который мог только кто-либо из обитателей здешней местности.

Незнакомец живо зашел за скалу, около которой стоял, и, зарядив свое ружье, выдвинулся несколько вперед.

— Гуг, — проговорил чей-то грубый голос с резким гортанным акцентом.

Вероятно, звуки этого голоса были хорошо известны охотнику, так как он разрядил ружье и занял беспечно свое прежнее положение.

Почти вслед за этим появилась новая личность.

Эта личность — был индейский воин, раскрашенный и вооруженный с ног до головы.

Он был высокого роста — со сморщенным надменным лицом и мрачным бесстрастным взглядом, хотя в его черных глазах проглядывало много разума и хитрости.

Как ни трудно было определить возраст этого индейца, во всяком случае ему должно было быть уже около пятидесяти лет.

Его вооружение состояло из такого же оружия, которое было и на охотнике, и вышло из тех же мастерских.

— А вот и вы, вождь, — проговорил незнакомец, протягивая ему руку.

— Гуг! — повторил индеец.

— Почему же мой брат так запоздал? — продолжал охотник.

— Серый медведь силен, а двуутробка хитра и пронырлива; да дело не в том. Курумилла остался последить...

— За кем последить?

— За бледнолицыми. Мы заметили их лагерь.

— Как! Вы рискнули проникнуть туда?

— Янки — собаки, над которыми дети индейцев смеются. Курумилла обошел их лагерь, заметил их тропинки, слышал их голоса.

— Какая неосторожность! Вождь, уверены ли вы, по крайней мере, что вас там не узнали?

— Один ворон почувствовал врага и начал было следить за ним, но он ничего не расскажет, — добавил индеец с иронической улыбкой, — пусть мой брат поразузнает там еще кое-что. — Проговорив эти слова, он распахнул надетое на нем платье из шкуры бизона и показал висевшие у его пояса окровавленные волосы от человеческой головы. — Он охотится теперь в богатых странах своих предков, — продолжал индеец.

— Отлично отделался, — заметил беспечно охотник, — одним негодяем стало меньше, а их еще довольно в пустыне.

Вождь кивнул утвердительно головой.

Несколько минут продолжалось молчание.

Но охотник прервал его первый.

— Но почему же Добрый Дух не вместе с моим братом? — спросил он.

— Охотник в лагере, — ответил начальник.

— Как! — воскликнул с удивлением незнакомец, — вы покинули нашего друга среди этих негодяев?

Индеец улыбнулся.

— Мой брат не понимает, — сказал он, — Добрый Дух готовит вечерний ужин.

Охотник сделал недовольный жест.

— Зачем дожидаться здесь, — начал опять индеец, — дорога очень не хороша; бледнолицые не придут, это ведь знает мой брат.

— Однако для того, чтобы вернуться в свой лагерь, они ведь должны проходить здесь?

Индеец покачал отрицательно головой.

— Они нашли другую тропинку, хотя гораздо длиннее этой, но зато безопасней.

— Вы уверены в этом, вождь?

— Курумилла видел; нам некуда теперь спешить. Пусть великий бледнолицый охотник следует за своим другом — вскоре он увидит.

— Хорошо, я согласен, вождь, но поторопимся же. Нам нельзя терять ни одной минуты.

— Голова моего брата покрыта сединой, а его жесты все еще молоды; вождь знает, что он говорит. Двухтрубка имеет глаза, чтобы видеть.

Охотник взглянул еще раз на овраг, махнул рукой и вскинул свое ружье на плечо.

— Пойдем же, если вы этого хотите, — сказал он и пошел вслед за индейцем, который уже направился по дороге.

Когда путешествуют в громадных пространствах целых высоких цепей гор, то почти невозможно без особенной долгой привычки вычислять и определять положительно верно пройденное пространство.

И действительно, по мере того как вы поднимаетесь все выше и выше, разжиженный воздух придает окружающей вас атмосфере такую прозрачность и ясность, что вам кажется, что горизонт подвигается к вам.

Ваше зрение беспрепятственно проникает вдаль по всем направлениям, не различая темных мест, которые представляются вам как бы мелкими пятнами, и при этом-то полном освещении вы не имеете точки опоры, чтобы определить известное расстояние между двумя предметами, находящимися на одной линии и которые кажутся вам точно рядом, между тем как в действительности их разделяет большое пространство.

К тому же на известной высоте пары сгущаются около высоких горных отрогов и образуют почти непроницаемые облака, в которых, если смотреть сверху, отсвечиваются все тени, придавая великолепным горным видам какой-то фантастический оттенок, который окончательно сбивает все ваши вычисления.

Итак, нет ничего легче, как сбиться с пути в Кордильерах и других горах Старого и Нового света.

Много лет пройдет, прежде чем вы ценою усталости и многочисленными опасностями приобретете немислимую опытность управлять собой в этих прелестных горах, — но и тогда еще сколько опытейших проводников сделаются жертвой своей самоуверенности в знании тех местностей, которые они проходят. Уже больше двадцати лет охотник белой расы Валентин Гиллуа и индейский вождь Курумилла, о которых мы только что говорили, бродили вместе в громадных американских пустынях.

Начиная от мыса Горна и до Гудзонова залива запечатлели они свои следы в песках всех пустынь, в траве

всех саванн, в глубине девственных лесов и на снеговых верхушках всех сиерр величественных Кордильер, которые оба американца прошли во всех направлениях.

Если невозможно, то по крайней мере очень трудно найти двух лесных охотников более опытных и более решительных и смелых, чем они. Валентин Гиллуа ошибся, когда он следил за переходом четырех путешественников, о которых мы только что говорили, и ошибка не только в расстоянии, отделявшем их от него, но даже и в направлении, которого они держались, т. е. он сделал двойную ошибку, которую и поспешил исправить, внутренне покраснев за себя.

Оба охотника шли не рядом, но один за другим по узенькой извилистой тропинке, делавшей множество оборотов и постепенно спускавшейся вниз и оканчивавшейся у густого дубового, перемешанного с громадными кедрами леса.

Солнце было уже так низко, что до вечера оставалось не более часа. Оба охотника не колеблясь вошли в этот лес и через несколько шагов уже находились в глубоком мраке.

Но этот мрак, как казалось, нисколько не беспокоил их — они даже не уменьшили своего шага, так что можно было подумать, что взамен зрения, которое не служило уже им здесь, они руководились другими чувствами.

Они шли ровным и самоуверенным шагом по этому живописному лесу и вскоре достигли потока, по берегу которого продолжали свой путь.

Пройдя небольшое расстояние, они подошли к такому месту, где вода, остановленная на своем пути скалой, разделялась на два рукава и переливалась через это препятствие в виде водопада, почти в двадцать метров вышины. Здесь они остановились, как бы сговорившись раньше.

Шум от падения воды был здесь так силен, что напоминал собой нескончаемую канонаду нескольких митральез и, конечно, делал невозможным какие бы то ни было разговоры.

Валентин шел спереди, — вот он полуоборотился и положил свою руку на плечо Курумиллы, затем он тщательно завернул курок ружья в полу своей блузы и спустился на дно потока, вода которого доходила ему почти

до колен, — после того он нагнулся и, подавшись вперед, исчез под водой каскада.

Бесстрастный Курумилла внимательно следил за всеми движениями своего товарища и, как только тот исчез под водой, в свою очередь прыгнул в поток — но перед этим он тщательно стер следы ног и расправил кустарники, помятые им в дороге.

Валентин ожидал своего друга позади скал, закрывавших вход в один грот, которого снаружи было положительно невозможно заметить.

Спутники продолжали свою дорогу.

Этот грот, или, вернее сказать, подземелье, состояло из прохода в четыре фута ширины и в семь футов высоты и снабжалось воздухом через маленькие, почти невидимые отверстия в разных местах, так что в нем можно было свободно дышать. Пол его состоял из очень мелкого и рыхлого песка.

Охотники уже шли минут двадцать этим проходом, соединявшимся с множеством разных галерей, которые, как казалось, направлялись на громадные расстояния под землей, когда, наконец, они вышли на свежий воздух и очутились на дне обширной площадки, образовавшейся между громадными скалами, которые, возвышаясь на необъятную высоту, окружали ее со всех сторон.

Здесь нельзя было найти клочка травы, и ни один кустарник не произрастал в этой пустыне. Неровный пол этой площадки был покрыт глыбами кварца, который своим тусклым цветом походил на гуммигут; этот пол — эти глыбы кварца были не что иное, как золото, а эта воронкообразная площадка, затерявшаяся между скалистыми горами, была попросту одной из самых богатых американских россыпей золота.

Наступала ночь и одевала своим темным покровом эти неизмеримые богатства, собранные здесь в продолжение целых веков и которые, вероятно, в продолжение целых веков останутся здесь же, не тронутые рукой человека.

Охотники, не уменьшая своих поспешных шагов, с полным равнодушием попирали своими ногами это золото — причину стольких преступлений и стольких героических дел.

Перейдя через эту россыпь, они снова вошли в другое подземелье и, пройдя мимо двух или трех галерей, достигли входа в грот, в конце которого находилось широ-

кое отверстие, через которое можно было увидеть небо, усеянное блестящими звездами.

Посередине этого грота сидел на шкуре бизона какой-то человек и усердно жарил на горячих углях большие куски мяса лани, которые он посыпал солью и перцем, не забывая в то же время наблюдать за печением груды картофеля, зарытого в золу.

Шаги пришедших нисколько не возбудили его любопытства.

Эта беспечная личность была не кто иной, как канадский охотник Добрый Дух, о котором Валентин с Курумиллой уже говорили.

Добрый Дух был большой весельчак лет сорока — худой как спичка, хотя мускулы казались выделанными из железа. Он был кирпичного цвета с рыжеватыми волосами и одарен одной из тех улыбающихся добродушных физиономий, которые с первого раза невольно располагают в свою пользу.

Может быть, благодаря этой-то физиономии и беспечному характеру его и прозвали Добрым Духом, под каким именем он был вообще известен всем.

В нескольких шагах от входа в грот на пучке сухих листьев лежал еще человек, одетый в костюм искателей золота.

Человек этот, лица которого нельзя было видеть, ибо он лежал, обернувшись к стене, был крепко связан кожаным лассо.

Странную картину представлял в это время вид грота, освещенного слабо мерцающим светом единственного факела, с этими людьми, спокойно сидевшими около огня, с связанным пленником, лежавшим на куче листьев; кой-где на полу валялись шкуры бизонов, три или четыре тюка с мехами, несколько арканов, ружей, десять или двенадцать деревянных тарелок, немного посуды — все это было перемешано и лежало в самом живописном беспорядке.

Судя по первому впечатлению, можно было подумать, что вы перенеслись в пещеру одного из тех легендарных бандитов, которые в средние века наводили такой ужас на те местности, где они основывали свое жительство.

Но кто бы подумал об этом, тот был бы сильно обманут, как это покажет продолжение этого рассказа.

— Идите же! — закричал весело Добрый Дух, когда наши охотники показались на пороге грота.

— Неужели уже так поздно? — спросил Валентин, кидая к огню шкуру бизона и садясь на нее.

— Гм, скоро восемь часов.

— Уже.

— Да, однако, кажется, время не особенно долго для вас.

Валентин не отвечал; он вынул свой нож, воткнул в кусок мяса и положил его перед собой; затем он достал картофелину и начал ее чистить.

— Гуг! — глухо проговорил индеец.

— Ну, — ответил Валентин, поднимая голову, — что там такое?

Индеец молча показал пальцем на кучу листьев.

— А-а, — заметил Валентин, пристально посмотрев на Доброго Духа, — что там такое?

— Пленник, — ответил лаконично канадский охотник.

— Пленник или шпион? — возразил Валентин, посмотрев вопросительно на него.

— О, черт побери! — заметил Добрый Дух, — я не уточняю слов.

— Нет, — ответил Валентин, — но вы уточните факты. Вероятно, во время нашего отсутствия что-нибудь произошло?

— Ничего такого, что бы могло вас беспокоить, хотя в той местности, где мы находимся, всякая предосторожность необходима.

— Отлично сказано! Кто этот человек?

— Не знаю. Оставшись один, я вышел, чтобы застрелить лань.

— Ту, которую мы едим?

— Ну да — я бродил уже около часу в долине, как вдруг до меня дошел какой-то странный, непонятный звук, выходивший из кустарников, находившихся от меня на расстоянии пистолетного выстрела. Я приложился и в ту секунду, когда хотел уже спустить курок, на одной ветке показался человек и закричал мне: «Эй, человек в кастровой шляпе, не стреляйте, я не лань и не дикое животное». Мой незнакомец в свою очередь тоже приложился. Что бы вы сделали на моем месте, Валентин?

— Черт побери, я бы выстрелил.

— Это-то я и сделал, но только я прицелился так, что не ранил его, а сломал только его карабин, и это произошло так удачно, что у него в руках остался один приклад — между тем как удар был настолько силен, что этот человек привскочил на своем месте.

В первую минуту я предполагал, что убил его наповал. Но этого не случилось — я связал его своим лассо, как какой-нибудь табачный картуз. Затем я заткнул ему рот, чтобы он не мог кричать, так как мне ничто так не надоедает, как вопли. Не правда ли, Валентин?

— Я согласен с вами, — ответил, смеясь, охотник.

— Ради осторожности я завернул его голову в мою блузу, и в ту минуту, когда я готовился взвалить его на свои плечи, я увидел лань, бегущую в шагах пятидесяти от меня. Я бросил своего пленника на землю, вероятно, не совсем ловко, так как он глухо застонал. Затем я убил лань — и в результате принес сюда в грот живую и убитую дичь. Я рассудил, что нам не мешает порасспросить кой о чем этого господина и уже тогда поступить так, как будет нужно. Тем более что ты всегда успеешь разmozжить пулей его череп.

— Друг мой, добрый друг, я не сделаю вам комплимента, но скажу по совести, что при таких обстоятельствах вы поступили с замечательной осторожностью.

— Черт побери! Спасибо вам за то, что вы мне сказали, а я, Валентин, боялся, не сделал ли глупости. Что же вы? Решаем!

— Прежде всего нам не мешает узнать, с кем мы имеем дело: судя по вашим словам, наш пленник и не подозревает, где он находится?

— Нет, я развязал ему глаза только четверть часа тому назад. Говоря между нами, мне кажется, что я немножко туго завязал ему шею, так что он начинал задыхаться.

— Отлично. Мы сейчас допросим его.

— Теперь?

— Да, лучше кончить все сразу. Мы успеем еще поужинать.

— Как вы хотите.

Охотник тяжело поднялся со своего места и направился к пленнику, не делавшему ни малейшего движения и, казалось, нисколько не интересовавшемуся этим

разговором, который к тому же происходил вполголоса и на французском языке.

Канадец молча подошел к пленнику, нагнулся к нему и, развязав его, освободил ему рот.

— Эй, человек, — крикнул он, — вставайте и следуйте за мной. Вас тут хотят повидать.

Незнакомец не ответил ни слова охотнику и, бросив на него суровый взгляд, сразу поднялся на ноги. Но его ноги так ослабели, что он бы упал, если бы только не поспешил опереться о вход грота.

Прошло две или три минуты, и наконец незнакомец сделал усилие и, преодолев силой воли боль, которую чувствовал, выпрямился.

— Пойдем, — сказал он и, шатаясь, направился к огню и остановился против Валентина Гиллуа.

Охотник внимательно и пристально посмотрел на него, это было легко, так как огонь костра ясно освещал лицо незнакомца. Что же касается до этого последнего, то он, кажется, и не заботился об этом внимательном осмотре; он по-прежнему оставался равнодушным и бесстрастным, и только одни его губы насмешливо улыбались перед этими людьми, которые были теперь его судьями.

Он был человек средних лет, небольшого, но крепкого телосложения, с правильными и выразительными чертами лица. Его взгляд был суров и пристален, а крючковатый нос, закругленный подбородок, широкий рот, украшаемый белыми правильными зубами, и его оливковый цвет лица придавали его физиономии какой-то особенный, величественный, могущественный вид и сразу указывали на его испанское происхождение.

А замечательная, непонятная непринужденность, с которой он держал себя, указывала больше всего на происхождение этого человека, а его нежные руки и красивые ноги были изящны и женственны.

В ту минуту, когда, по всей вероятности, люди, перед которыми он стоит, решали вопрос о его жизни или смерти, — казалось, он и не думал о том, что его ожидает, и это было бы непонятным для тех, кто не знает характера испанцев. Продлив свой осмотр две или три минуты, Валентин Гиллуа решился наконец прервать молчание.

— Ты мексиканец, — сказал он незнакомцу, — как же случилось, что тебя встретили так далеко от тех мест, которые обыкновенно посещают твои соотечественники?

Незнакомец пристально посмотрел на охотника, потом незаметно пожал плечами, нагнулся, поднял уголь и закурил сигаретку.

— Ты не хочешь отвечать? — продолжал Валентин.

— Прежде всего, — проговорил наконец незнакомец, — по какому праву ты меня спрашиваешь? Кто ты такой, что являешься с притязаниями предписывать законы? Не принадлежит ли земля всему свету? Напал ли я на вас? Расставлял ли я вам сети? Нет, я защищал только свою жизнь, которой угрожали. Какое вам до меня дело?

— Может быть, вы и правы, но я не вхожу в рассуждение с вами, а допрашиваю вас.

— А если я не хочу отвечать, что тогда произойдет?

— Что тогда произойдет?! — вскрикнул с горячностью Валентин.

— То, что вы меня зарежете, — перебил его живо незнакомец, — так как на вашей стороне сила.

— Не будем терять понапрасну времени в пустых рассуждениях, — заметил сухо охотник, — хотите вы мне сказать, кто вы — да или нет?

— Зачем вам это, — возразил тот, пожимая презрительно плечами, — если вы меня уже не узнали?

— Что вы хотите этим сказать? Разве я уже вас видел?

— Да, однажды — пять лет тому назад, в продолжение пяти минут. Но, однако, наша встреча была при таких обстоятельствах, что, несмотря на всю ее краткость, я удивляюсь, что вы забыли о ней.

— Я... — промолвил с удивлением Валентин. — Вы, вероятно, ошибаетесь.

Незнакомец покачал головой.

— Я нисколько не ошибаюсь, — сказал он. — Не тот ли вы французский охотник, которого прозвали в степях Искателем следов?

— Правда, но кто же вы?

— Я? Хорошо; так как вы хотите этого — я вам скажу: я тот человек, который, подвергая свою собственную жизнь опасности, почти один и без всякого оружия бросился между вами и вашими палачами в тот день,

когда черные ноги привязали вас к столбу пытки... Но, — прибавил он с горькой иронией, — в этом свете всегда так: чем больше какая-нибудь услуга — тем меньше воспоминаний о ней. Вы забыли — это меня не удивляет, так как это в порядке вещей и должно было быть так; следовательно, мне не на что жаловаться.

— Я вспомнил. Навая Гамбуцино! — вскричал Валентин, вскакивая и бросаясь к незнакомцу. — Вы! О, я вас узнаю теперь.

— Наконец-то, — заметил незнакомец, сделав шаг назад и гордо подняв голову. Ну, кто вас останавливает, сеньор, — проговорил он, — не считаете ли вы себя мне обязанным?

— Да, — возразил в волнении Валентин, — да, я вам обязан.

— Итак, — продолжал опять насмешливо незнакомец, — пришел час расплатиться.

— Конечно, — горячо ответил охотник, — и я это сделаю.

— Я это знал, — заметил насмешливо мексиканец и грубым движением раскрыл себе грудь. — Убейте же меня, — вскричал он громовым голосом. — Так вот как вы, европейцы, люди севера, понимаете благодарность!

Гамбуцино

За смелыми словами, произнесенными с такою горечью мексиканцем, последовала тишина, полная гнева и немых угроз.

Добрый Дух и Курумилла стояли нахмурившись. Лица их изменились от гнева, а руки схватились за оружие, и энергические взгляды были обращены на Валентина Гиллуа как бы для того, чтобы дать ему понять, что, по их мнению, такая дерзость требует немедленного искупления. Охотник меланхолически улыбнулся и протянул руки к своим друзьям.

— Остановитесь, — сказал он и медленно обернулся к мексиканцу, который стоял в двух шагах от него, сложив руки на груди. — Сеньор, — начал он нежно и с такою грустью, которую невозможно передать, — это правда, что я вам обязан спасением своей жизни. Вы сами только что сказали, что мы виделись тогда всего пять минут и что вы спасли меня, не зная, кто я. Случай заставил нас расстаться. С тех пор прошло пять лет, и вот сегодня тот же случай свел нас опять, и вот без всякого объяснения с моей или с вашей стороны вы обижаете меня и всю нацию, к которой я принадлежу, причем бездоказательно. Знаю ли я, что произошло между вами и моим другом? Знаю ли я, с какой целью вы бродили в окрестностях этой пещеры; вы, старый охотник, хорошо знаете, что для человека самый неумолимый враг — это тот, кого неожиданно встречаешь вблизи своего лагеря. Мы, я и мои друзья, считали себя в без-

опасности, находясь в этой местности, которую мы выбрали, ценя ее отдаленность. Ваше присутствие в нескольких шагах от этого грота показалось подозрительным моему другу. Ваше первое движение, когда вы убедились, что вас заметили и открыли, заключалось в том, что вы схватились за карабин. Мой друг, вместо того чтобы застрелить вас как животное, удовольствовался тем, что обезоружил вас и поставил таким образом в невозможность вредить себе. Неужели же это называется поступать по-неприятельски?

— Но он захватил меня, — ответил мексиканец глухим голосом, — он связал меня как какого-нибудь бандита и краснокожего вора и принес меня сюда.

— Он должен был так поступать: то гостеприимство, с которым вы представились ему, оправдывает предпринятые средства. Крайняя необходимость требует того, чтобы наше местопребывание сохранялось в тайне от всех. Принес вас сюда человек, захвативший вас и спасающий не только свою и нашу жизнь, но и успех того предприятия, которое удерживает нас в этих горах. К тому же он ничего не знал о моем обязательстве в отношении вас. Вы отказались сообщить нам то, что мы просили, — я не буду больше настаивать. Вы только что осуждали нашу честность и великодушие; мы не поступили подобно вам и, не требуя вашего слова, отдаем в ваши руки нашу жизнь и наши самые дорогие для нас интересы: мы вас знаем, и знаем как честного человека. Сеньор Навая, вы свободны. Обезоруженный — вы наш гость, а если вам будет угодно оставаться с нами до утра, то мы будем безбоязненно спать около вас.

Если вы желаете немедленно оставить нас — вот оружие — выбирайте любое и подходящее для вас. Я готов лично проводить вас до саванны.

Мексиканец важно поклонился перед тремя охотниками, черты его лица заметно изменились и осветились откровенной радостью, как лучом солнца между двумя облаками.

— Благодарю за ваши слова, — сказал он, — сеньор, я счастлив, что нашел вас таким, каким мне вас описали. Я действительно бродил в окрестностях этого грота; я искал вас, сеньор Валентин, вот уже два месяца, как я слежу за вами.

— Вы искали меня?

— Да, — ответил мексиканец, покачав грустно головой, — так как, в свою очередь, я хочу просить вас об одной услуге.

— Садитесь, гость, — сказал Валентин, протягивая ему руку, — я буду счастлив, если мне удастся сделать то, что вы желаете.

— Я не знаю ваших сотоварищей и предполагал, что вы одни, — это обстоятельство объяснит вам нашу недружественную встречу с этим храбрым охотником, которого я благодарю за то, что он не убил меня.

— Да, да, — пробормотал с горечью Валентин, — так всегда бывает в степях — здесь сходятся с людьми только после прицела.

— Ба, — возразил Добрый Дух, — городские жители несколько не лучше, даже, может быть, еще хуже — они употребляют только другие средства, но результаты их всегда одинаковы. Черт побери, я очень счастлив, что все это так скоро кончилось и вместо врага у меня одним другом больше. Все хорошо, что хорошо кончается. Вы наш гость, скушайте этот кусочек, и желаю вам хорошего аппетита.

Валентин и Наваля пошутили над вспышкой охотника и снова принялись за прерванный ужин; на этот раз он окончился благополучно. Лесные бегуны от постоянных сношений с краснокожими усвоили себе и привычки их, между которыми выдается особенно одна: никогда не задавать вопросов тому, кто находится под их кровом, и, как бы сильно ни было любопытство, никогда его не высказывать, но терпеливо ожидать, пока гость не вздумает сам объясниться; если же он принял чужое имя, то уважать вполне его инкогнито, не стараясь узнавать причин, по которым он действует, хотя бы поведение его и казалось странным.

В настоящую минуту Валентин не изменил своих индейских привычек: во все время ужина не сделал ни малейшего намека относительно слов, сказанных мексиканцем, и трое молодцев весело разговаривали о посторонних предметах. Мы говорим — трое, потому что Курумилла, верный своему безмолвию, не принимал никакого участия в их болтовне.

Бальюмер (Добрый Дух) нацедил из бочонка в кубок старой французской водки, которая произвела благотворное влияние на собеседников; охотники закурили труб-

ки, Курумилла набил свой калюме, мексиканец скрутил папирску, и все четверо принялись курить с молчаливой важностью, которую сохраняют лесные бегуны, принимаясь за это упражнение, одно из высших для них наслаждений при кочующей жизни. В продолжение долгого времени ни одно слово не было произнесено. Наконец Курумилла встал, стряхнул пепел из калюме на палец, взял ружье, зарядил его и, не сказав ничего, вышел из пещеры.

— Начальник что-то пронюхал, — заговорил шутя Валентин.

— Похоже, — отвечал в том же тоне Бальюмер, — он с утра точно дичь поджидает. Верно, на след напал.

— Я сегодня наткнулся на двойной след, — сказал мексиканец, прервав свое молчание, — ничто не может нас беспокоить.

— Вы их исследовали? — быстро спросил Валентин.

— Да, по старой привычке охотника, которой я постоянно придерживаюсь!

— Что же вы нашли?

— Ничего важного. Оба следа идут на север, и, судя по отпечатку, надо предполагать, что это охотничья стезя, а не бранный след, но, впрочем, есть одна маленькая особенность, которая поразила меня.

— Какая? — спросил лениво Бальюмер.

— Вместе с мокасиными краснокожих я заметил лошадиные подковы и признак гвоздей, из чего можно предполагать, что торгаши янки пристали к индейцам.

— Но много ли их?

— Я не мог разобрать.

Валентин и Бальюмер переглянулись.

— Эти два следа шли рядом? — спросил Валентин.

— Нет, — живо отвечал мексиканец, — я даже почти уверен, что они чужды и, может быть, враждебны один другому.

— О! о!.. Почему вы сделали такое заключение?

— Первый след принадлежит Индейцам-воронам. Вы знаете их мокасины? Они остроголовые и украшены когтями серых медведей, которые глубоко вонзаются при ходьбе в землю.

— Верно, — возразил Валентин.

— На втором следу я поднял один мокасин, оставленный, вероятно, за ветхостью и принадлежащий черноногим. Странно, как эти враждебные племена могли встретиться на одном и том же поле охоты. Ну признаюсь, мне не вдогадку. Я только со вчерашнего дня в этой местности и не мог собрать никаких важных сведений относительно саванны.

— Когда вы заметили эти следы?

— Около восьми часов утра, и так как я продолжал путь свой, то, по моему расчету, я их миль за десять видел отсюда.

— Так направление их не в нашу сторону?

— Нет, совершенно обратное.

Эта уверенность не успокоила Валентина, а напротив, скорей еще более встревожила.

Из густого слоя дыма, произведенного папироской, мексиканец зорко наблюдал за охотником; наконец после короткого молчания он заговорил.

— Слушайте, Валентин, хотите знать мое мнение?

— Еще бы! — отвечал тот.

— Я уверен, что у нас троих мысль общая!

— Как, вы это понимаете! — воскликнули оба охотника.

— Дружья ли мы теперь?

— Самые преданные! — подхватил Валентин.

— В таком случае наши предприятия и интересы должны слиться воедино, и потому нам не следует ничего скрывать друг от друга.

— Это и мое мнение, — сказал Валентин.

— И мое, — отвечал Бальюмер.

— Не хвастаясь, мы все трое изучили степи и леса в совершенстве. Нет индейской дьявольщины, которую бы мы не поняли сразу. Все коварство краснокожих нам давно известно, и мое мнение, что это ложные следы, оставленные с намерением. Индейцы слишком хитры и лукавы, чтобы не скрыть по возможности свой след, когда они с охоты возвращаются домой. Мне случалось видеть, как индейцы, отправляясь торговать в мексиканские города, тщательно заматали отпечаток своих ног. Я не знаю побудительной причины вашего присутствия в этом краю; не знаю, чего вы ожидаете от индейцев, хорошего или дурного, но я твердо убежден, что если ваше предприятие имеет враждебный ха-

ракетер против них, то эти следы оставлены с тем, чтобы вас сбить с толку.

— Я это подумал, — сказал Валентин, — и в свою очередь объяснюсь откровенно. Мы действительно предприняли экспедицию против краснокожих и торгашей янки; но нами все предосторожности приняты, и хитрости индейских лисиц не обманут нас.

— Мы хорошо знаем, что окружены неприятелем, и вот почему я вас хотел арестовать.

— Вы меня приняли за их лазутчика?

— Черт возьми... да!

— Что сказать против этого, — возразил, смеясь, Навая, — вы были вправе это сделать. Но позвольте, сеньоры, заметить вам, что, несмотря на благоразумие и бдительность, которыми вы хвастаетесь, вы поступаете очень легкомысленно.

— Каким образом?

— Для старых охотников вы слишком доверчивы, и я удивляюсь, как в продолжение разговора ни одна пуля не оцарапала вас. Мы представляем неприятелю отличную мишень: сидим на самом светлом месте и у входа в пещеры. Ребенок не промахнулся бы.

— Вы думаете? — спросил, смеясь, Валентин.

— Караи! Более — уверен.

— Ну, сеньор, — продолжал Валентин, — вы абсолютно ошибаетесь! Мы здесь в совершенной безопасности, и никто нас не может видеть.

— Ну, уж это слишком.

— Хотите удостовериться?

— Еще бы, это оригинально.

— Идите за мной!

Наши герои встали и направились к выходу.

— Не нагибайтесь вперед, — сказал Валентин. — Ночь светлая, что вы видите? Смотрите хорошенько.

— Я вижу небо, усеянное звездами, и болес ничего.

— А деревья? скалы?

— Ничего более, — отвечал мексиканец, с напряженным вниманием смотря в темное пространство.

— Погодите! — Валентин поднял камень и бросил его из пещеры. Через несколько минут глубокой тишины он спросил: — Слышали вы что-нибудь?

— Нет, — отвечал мексиканец. Камень точно в бездонную пропасть упал.

— Нельзя сказать, чтобы в бездонную, но он все-таки упал на пять тысяч футов.

— Я вас не понимаю.

— Однако это очень просто. Вследствие наводнения, может быть несколько тысяч лет назад, эта гора была прорезана с нашей стороны не отвесно, как вы предполагаете, но в виде дуги, согнутый конец которой выдается в пространство, так что с места, где мы находимся, будет до пяти тысяч футов над равниной.

— Стало быть, это Воладеро?

— Положительно. Теперь вы не сомневаетесь в нашей безопасности?

— Караи! Я теперь понимаю, что с этой стороны никакой опасности нет. Но кроме этого окна ведь есть же вход в пещеру?

— Есть несколько, но они так расположены, что даже тонкое чутье этих чертей поставит их в тупик.

Разговаривая таким образом, они возвратились к огню.

— Вы, может быть, сеньоры, желали бы отдохнуть? — спросил Навая через несколько минут.

— Смотря по обстоятельствам, — отвечал Валентин.

— То есть как это?

— А вот как: предположим, что у нас есть важные дела, тогда мы и сон забудем, чтобы заняться ими; а если их нет, то, взяв в расчет ночное время, усталость от ходьбы, мы бы с удовольствием отдохнули и освежили бы свои силы для новых трудов к завтрашнему дню, — вот что я хотел сказать.

— Гм! — возразил мексиканец, — а мне бы хотелось поговорить с вами.

— С большим удовольствием, сеньор, мы готовы разговаривать с вами.

— Но я не желал бы помешать вашему сну, хотя, откровенно сказать, я намерен сообщить вам довольно серьезное и вместе с тем интересное если не для вас, то, конечно, для меня.

— О! — вскричал Валентин, — вы возбуждаете мое любопытство, сеньор. Если вопрос касается лично вас, то не стесняйтесь. Вы мне уже сказали, что я вам могу быть полезен.

— Вполне, сеньор, — отвечал мексиканец.

— Из ваших слов можно понять, что дело идет о чем-то очень важном: вы не такой человек, чтобы по пустякам решиться отыскивать друга, не зная, где найти его.

— Вы угадали, сеньор. От вас зависит счастье моей жизни, — отвечал Навая с грустью, опустив голову.

— В таком случае, любезный сеньор, объяснитесь скорей и будьте уверены, что бы вы ни задумали и как бы ни были велики препятствия, я и мои друзья к вашим услугам.

— Не оставить ли нам это лучше до завтра?

— Зачем откладывать, — возразил Валентин. — В пустыне только настоящая минута принадлежит человеку. Будущее от нас сокрыто, и кто нам сказал, что завтра мы еще можем собой располагать... Нет, нет... говорите сейчас.

— Вы требуете того?

— Я не имею права требовать, я только прошу.

— Хорошо, так слушайте меня.

В продолжение нескольких минут мексиканец пытался сосредоточиться, как бы стараясь оживить свои воспоминания, и потом, нагнувшись к Валентину, начал:

— Не худо бы познакомить вас со всеми подробностями моей жизни, чтобы вы хорошо поняли, вследствие каких приключений я был вынужден отыскивать вас, чтобы просить вашей помощи, или, говоря откровенно, вашего покровительства.

Уроженец Синелауской территории, я почти вполне принадлежу к индейскому племени: в моих жилах едва найдется несколько капель испанской крови.

Насколько живы мои детские воспоминания и что я могу припомнить из вечерних рассказов отца своего, которые я слушал с такой жадностью, когда после многих месяцев отсутствия он приходил на несколько дней в нашу убогую хижину, так это то, что я принадлежу к одному из тех семейств, которые точно прокляты Богом и людьми и которые встречаются только в Мексике; словом, к такому семейству, для которых цель всей жизни — золото.

Они как бы инстинктивно чувствуют, угадывают его в недрах земли; жалкие семейства: призвание их самое неблагоприятное — отыскивать и пускать в ход этот гнусный металл — причину стольких смертоубийств, столь-

ких преступлений. Я gambucino, то есть я не принадлежу к числу тех низких золотоискателей, которые жаждут обогащения через открытие золотых россыпей. Золото привлекает меня, но в то же время и отталкивает: я его ненавижу и люблю; я ищу его не с целью воспользоваться им, но лишь только для того, чтобы видеть блеск его на солнце.

В продолжение моей сорокалетней жизни я, быть может, открыл двадцать золотых россыпей, но ни одной из них не воспользовался. Я вполне оправдал назначение gambucino, дарованное мне при рождении Богом. Шакал следует за львом, так за gambucino идут следом золотоискатели и алчно накидываются на богатства, открытые первыми. Следовательно, если я вам скажу, что я беден, то это будет лишнее: вы это сами знаете.

Едва исполнилось мне десять лет, как я сделался уже товарищем отца моего в поисках его по саваннам. Ах! эта жизнь имеет много очарования; но жители городов не способны понять ее; да и в самом деле, как представить себе эти наслаждения, в которых нельзя отдать себе отчета; между тем они несравненно превышают пустые удовольствия, изобретенные утонченным светом. Несмотря на то, что я испытал много невзгод, но если б сейчас мне предложили начать вновь жизнь и избрать себе поприще, то, не долго думая, я сделался бы gambucino.

— Сказанное вами — истинная правда, — отвечал задумчиво Валентин, — я знавал много gambucino и жил долго между ними — все говорили то же самое.

— В начале тысяча восемьсот сорок восьмого года мы находились с отцом в Сан-Франциско. Я был уже тогда мужчиной: мне было двадцать два года. Помните, сеньор, чудесное открытие калифорнийских россыпей? Оно произвело волнение в целом свете и в скором времени еще более увеличилось благодаря баснословным рассказам некоторых счастливых золотоискателей, которые покинули край бедняками, а возвратились богачами. Это было исступление, безумие! Со всех концов земного шара стекались переселенцы, гонимые злым роком в эту неисследованную страну, едва обозначенную на карте. Эти люди покинули все, забыли все: родной очаг, семейства, друзей и, сгорая алчностью, тысячами бросались на россыпи, восклицая: золото! золото!

Они имели только образ человека, но на самом деле были хищные звери, сумасшедшие в припадке: в сердце их горела одна страсть и самая низкая — корыстолюбие!

Тогда эта страна, столь мирная в продолжение многих веков, вдруг превратилась в поле битвы, благодаря нахлынувшей голодной толпе. Право сильного было в полном своем господстве: ножи, кинжалы и яд — воцарились. Каждая йота этого проклятого золота добывалась ценою крови.

Мы знавали с отцом многих золотопромышленников, которые пали жертвой этих злодеев. Но мы сохранили в тайне наши открытия и были только грустными зрителями лихорадочной мании к золоту, оплакивая не только преступления, которые совершались на наших глазах, но и с ужасом взирали на то будущее зло, которое причинит вывоз из Калифорнии этих несметных богатств. Принужденные по некоторым причинам, которые я уже забыл, провести какое-то время в Сан-Франциско, мы занимались с отцом охотой на медведей, которых в этой местности было очень много, или рыбной ловлей то на реке Сокраменто, то на Рио-Иоакине. Избегая по возможности неприятной встречи с золотоискателями, мы выстроили хижину на берегу Сокраменто. Поневоле — с целью только достать необходимые вещи, как то порох, пули и пр., — мы отваживались пробираться в новый Сан-Франциско, созданный как бы волшебством на месте стоянки пришельцев. Извините, сеньоры, что вам рассказываю все это так подробно, но вы скоро убедитесь, что это необходимо для полного понятия дальнейших приключений.

— Продолжайте ваши воспоминания, сеньор, — сказал Валентин. — В вашем рассказе всякая подробность интересна. Да и спешить ни к чему: сон нас покинул, и если даже ваш рассказ будет продолжаться несколько часов, то все-таки мы будем его слушать с большим вниманием.

— Очень вам благодарен, сеньоры; я продолжаю. Однажды вечером в субботу, этот день запечатлелся в памяти моей, отец отправился в Сан-Франциско с целью пополнить запас пороха и пуль, который почти весь истощился, и купить необходимую нам одежду. Я же, по обыкновению, отправился на охоту.

Преследуя громадного медведя, уже раненного мною, я незаметно удалялся от хижины гораздо дальше, чем намеревался, когда наконец мне удалось добыть зверя; солнце уже было на закате; я содрал кожу с медведя, отнял лапы, заднюю часть и, покинув остатки на произвол судьбы, пустился в обратный путь.

Несмотря на тяжелую ношу, я шел скорым шагом, боясь, чтобы долгое отсутствие мое не встревожило отца, но все-таки не достиг хижины ранее, как к девяти часам. Ночь была темная. Грозные тучи скользили по небу; ветер жалобно завывал между деревьями. Все предвещало одну из тех ужасных гроз, известных под именем *cordonzos*, столь частых в этой местности. В хижине не видно было света, чему, впрочем, я и не придавал никакого значения, предполагая, что отец лег спать, устав ожидать меня. Войдя в хижину и сбросив с себя дичь, я стал искать огниво, как вдруг услышал подле себя слабый голос:

— Это ты, Хозе?

Это был голос отца.

Холодный пот выступил у меня на лбу; дрожь пробежала по всему телу; кровь застыла в жилах: я предчувствовал несчастье.

— Это я, — был ответ мой отцу.

— Ах, отчего не вернулся ты часом ранее, — пролепетал он голосом, слабеющим все более и более.

В одну минуту я высек огня и зажег факел. Тогда ужасное зрелище представилось глазам моим.

Отец лежал распростертым на полу. Как я узнал после, он употреблял все силы, чтобы добраться до кровати, но это ему не удалось. Лицо его было багрово; две раны, из которых одна была сделана из огнестрельного оружия, зияли на груди. Мало того, он был оскальпирован. Кровь ручьем лилась из ран и образовала целую лужу вокруг тела.

— Боже, — воскликнул я, падая перед отцом на колени. Тщетно старался я подать ему помощь: все средства истощил, но кровь все не останавливалась.

— Оставь меня, — сказал отец, — я чувствую, что смерть моя неизбежна: спасти меня невозможно; благодарю только Бога, что я дожил до твоего возвращения.

— Нет, вы не умрете, — воскликнул я рыдая.

— Ты обманываешь себя несбыточными надеждами, дитя мое: через полчаса я буду мертв; но если ты выслушаешь меня, то смерть моя по крайней мере может быть отомщена.

— Говорите, — сказал я глухим голосом, утирая слезы. — Вы будете отомщены, клянусь в том честью, любовью к вам и всем, что есть священного на свете, если это обещание может только усладить последние минуты ваши.

— Хорошо, дитя мое, — сказал он, — я завещаю тебе это. — Тогда, несмотря на страдания, он повернулся в мою сторону и с мрачной улыбкой на бледных губах твердым голосом, в котором звучала злоба и жажда мести, начал рассказ свой. Вот что сообщил он мне.

Отец мой, как я вам говорил уже, сеньор, отправился около шести часов утра в Сан-Франциско с намерением возвратиться пораньше домой, чтобы успеть все убрать и приготовить ужин к моему возвращению. Он употребил очень мало времени на покупки и собрался уже покинуть город, как случайно встретился с одним из своих близких друзей, с которым он давно не видался. Это был наш близкий родственник, владетель в Козале богатых серебряных рудников. Он прибыл в Калифорнию с целью изучить все способы, которые употребляют северо-американцы, для добытия руды, и если они окажутся практичными, то применить их у себя в рудниках.

Родственники, обрадованные свиданием и желая подольше поговорить, вошли в нечто вроде гостиницы под названием «Полька», которую основал только несколько месяцев тому назад один американец из северо-соединенных штатов.

В то время в Сан-Франциско не было другой гостиницы, и потому она служила постоянным местом сборищ рудокопов, купцов и, словом, всех искателей приключений.

Потребовав бутылку вина, отец мой с другом уселись за один стол и, не обращая внимания на окружающих их людей, стали разговаривать о своих делах с откровенностью, свойственной только двум искренно любящим людям...

На этом месте рассказа мексиканец почувствовал руку, которая слегка касалась его плеча.

Он вздрогнул и быстро обернулся.

Курумилла стоял позади его, опершись на приклад ружья. Он смотрел на него со странным выражением в лице и, приложив палец к губам, как бы советовал молчать.

— Что там такое? — спросил Валентин.

— Пойдемте! — отвечал лаконически начальник.

Все трое встали и взяли свое оружие.

Окончание рассказа gambucino

История дружбы Валентина с Курумиллой была довольно оригинальна. Об ней мы скажем здесь лишь несколько слов для тех читателей, которые не читали ни «Великого вождя Аулкасов», ни «Искателей следов», в которых эти два лица играют весьма важную роль.

Приблизительно лет двадцать до начала нашего рассказа Валентин Гиллуа прибыл в Америку еще очень молодым человеком и поселился в Арканзасе. Там, забыв свои европейские привычки, он смешался с племенем арканзасцев и был ими усыновлен.

Случай свел его с Курумиллой; в то время он был также очень молод, но тем не менее был уже один из самых славных вождей своего племени.

Первая их встреча была далеко не дружелюбна. Неизвестно почему, Курумилле показалось, что Гиллуа колдун, и на совете великих вождей он требовал его смерти и едва действительно не был осужден.

Но, благодаря Бога, Валентин избег этой ужасной участи, и Курумилла, удостоверившись в ошибочности своего предположения, со свойственной индейцу переменчивостью поклялся ему в вечной дружбе.

С этих пор Курумилла сделался рабом и, если можно так выразиться, верной собакой своего друга. Все с этого времени сделалось между ними общим. Мысль одного была мыслью другого; как враг, так и друг одного были врагом или другом другого. Трудно поверить, чтобы образованный человек мог сойтись так близко с дикарем,

чтобы даже разлука между ними была немыслима. А между тем это так было. Они прожили вместе более двадцати лет, деля и горе, и радость.

Краснокожие от природы неразговорчивы; Курумилла же в особенности унаследовал эту добродетель или порок, как угодно назвать его читателю, до такой степени, что сам себя почти что обрек на вечное молчание; он говорил лишь тогда, когда того требовали обстоятельства, да и то так коротко, что любой спартанец позавидовал бы его лаконизму.

Краснокожие, как где-то я упоминал, употребляют вообще два языка: мимический и устный. Азбука, придуманная для немых аббатом Л'Ерре и усовершенствованная его преемниками, оказывается несравненно хуже той, которой пользуются индейцы как по ясности, так и по скорости.

Индеец мимикой может выразить все, что угодно.

Пользуются же они ей большею частью, когда находятся на охоте, на войне или когда не желают быть понятыми посторонними.

Понять этот язык непосвященному очень трудно, в особенности же белым, по той причине, что почти что каждое племя имеет свой условленный язык.

Вследствие упорного молчания друга своего Валентин также воздерживался говорить, а изъяснялся с ним знаками, которых никто не мог понять, что при некоторых обстоятельствах было им очень полезно.

Мало того, Курумилла имел привычку, не посоветовавшись с другом своим, действовать по своему усмотрению. Он уходил и приходил без предуведомления о том Валентина; но так как начальник был одарен необыкновенным благоразумием и обладал замечательной проницательностью, то француз предоставлял полную свободу его действиям и никогда не беспокоился поступками своего товарища. Тем более что он вполне сознавал, что все было сделано так, как он бы сам сделал, т.е. все было предусмотрено, рассчитано и успех задуманного предприятия обеспечен.

Теперь, когда мы описали читателю личность Курумиллы, будем продолжать наш рассказ с того места, где он был прерван.

Трое охотников встали, готовые по первому знаку начальника следовать за ним.

Он же, переглянувшись многозначительно с Валентином, вышел из пещеры легкой и мерной походкой, свойственной только индейцу, не обращая внимания, следуют ли за ним товарищи или нет.

Валентин выбрал один из карабинов, приклоненных к стене пещеры, и, убедившись в исправности его, вручил мексиканцу.

— Возьмите это оружие, сеньор, — сказал он голосом, в котором проглядывало участие, — мы не знаем, куда поведет нас начальник, и, может быть, оно вам пригодится. — Вместе с карабином он передал ему нож, пороховницу и другие необходимые оружия на случай схватки или западни.

Вооружившись, наши герои поспешили догнать товарищей, которые углубились уже в узкий проход, начинавшийся налево, при самом начале пещеры.

Все трое под предводительством Курумиллы следовали один за другим в продолжение десяти минут и наконец подошли к месту, где, по-видимому, кончалось подземелье. Отверстие, шириною в шесть футов, преградило им путь. Несмотря на факел, который держал в руке Бальюмер, невозможно было измерить глубину отверстия, внизу которого kloкотали подземные источники.

На краю этой бездны лежал осколок скалы. По знаку Курумиллы Бальюмер опутал его арканом, затем стал спускаться по нему и мгновенно исчез. Вслед за ним спустился и Валентин Гиллуа.

— Hug! — сказал вождь, поднимая кверху факел, оставленный Бальюмером, бросая взгляд на мексиканца.

Пантомимы индейца нетрудно было понять. Навая был храбр, как мы и очень хорошо знали, ему нечего было опасаться товарищей, и потому, не колеблясь, схватился он за аркан и начал спускаться. Почти в ту же минуту он почувствовал, что его поддерживают и притягивают к стене отверстия.

— Мужайтесь, вы на месте, — сказал ему Валентин.

В самом деле, он почувствовал, что его ноги касаются твердой почвы.

Вскоре в свою очередь показался Курумилла. При свете факела в руке вождя мексиканец увидел, что он и его товарищи находятся в нижней галерее подземелья.

— Караи! — воскликнул он, — к вам нелегко попасть в пещеру. Неужели вы всегда входите и выходите этой дорогой?

— Положительно всегда, — отвечал, смеясь, Валентин, — другие входы еще опаснее.

— Черт возьми, поздравляю вас, можно сказать, что вы живете в неприступной крепости; но, однако ж, куда же мы теперь-то идем?

— О! это мне совершенно не известно; один только начальник наш мог бы вам это сказать; но ведь вы знаете, как он неразговорчив. Впрочем, успокойтесь: мы это скоро увидим.

Разговаривая в этом духе вполголоса, они продолжали путь.

Вождь вел их проходами, которые сообщались между собой и составляли лабиринт. Вдруг факел погасили, и мексиканец почувствовал себя на чистом воздухе. Он тотчас же оглянулся, чтобы заметить выход из подземелья. Но это было напрасно: он был невидим, к тому же его товарищи не останавливались, и он был принужден следовать за ними.

— О! — пробормотал он, — я имею дело с лисицами. Нет причины сожалеть, что сошелся с ними: каждый из них стоит десяти человек. Не сомневаюсь, что вместе способны мы обделать любое дело.

Наши охотники в эту минуту находились в самой чаще леса. По местному обычаю они шли гуськом по тропинке, проложенной дикими зверями.

Спустя двадцать минут Курумилла остановился и, не говоря ни слова, быстро обменялся с Валентином какими-то непонятными знаками. Этот немой разговор длился несколько минут. Потом охотник обратился к своим товарищам, которые с любопытством следили за ними.

— Сеньоры, — сказал он им тихо, — начальник сообщает нам, что на расстоянии трех выстрелов на запад, от места, на котором мы находимся, он наткнулся нынешнюю ночь на стан, к которому он не мог очень близко подойти, но предполагает, что это караван эмигрантов, как ему показалось, числом до ста человек. Он заметил закрытые фуры, телеги, лошадей, мулов и порядочное количество скота. Но кто эти люди, какой нации, что делают в этой стране, — пока неизвестно.

— Гм, — пробормотал Бальюмер, — у нас, пожалуй, опасное соседство. Не худо бы разузнать о них.

— На каком основании, — спросил мексиканец, — начальник думает, что это эмигранты?

— Он почти уверен, что между ними есть женщины и дети; но это не все, — продолжал Валентин, — на два выстрела от первого стана находится другой. Что касается последнего, то вождь не сомневается, из кого он состоит. Это сильный отряд Индейцев-воронов под предводительством одного из самых страшных вождей племени анемики, что означает в переводе — гром. Несмотря на длинные волосы, на необузданную храбрость, которыми гордится так молодой вождь, он отличается своей гнусной скаредностью. Недаром его считают одним из самых страшных грабителей лугов. Его шайка засела на дне рва, откуда ему очень удобно следить за своими соседями — длинными-ножами — имя, которое дают индейцы всем американцам из Соединенных Штатов или вообще людям, которые пришли оттуда. Вождь предполагает, что сегодня утром открытые вами следы принадлежат этим двум отрядам, которые наблюдают друг за другом до тех пор, пока не представится случая один из них уничтожить.

— Все возможно, — отвечал мексиканец, — и я почти разделяю мнение вождя. Ну а теперь что вы делаете?

— That is the question! — отвечал, смеясь, Валентин. — По-моему, так как мы находимся в одинаковом расстоянии от обоих станов и вне того круга, где они могут действовать, то есть в совершенной безопасности, нам бы следовало здесь остановиться и держать совет, как и что предпринять.

Охотники отвечали согласием, и все четверо уселись в кружок. Чтобы не обратить на себя внимания лазутчиков обоих отрядов, которые, вероятно, бродили в окрестности, они не раскладывали огня и не закуривали трубку — обряд, необходимый в лугах при начале совещания.

— Так как вы пришелец между нами, сеньор Навая, — сказал Валентин, — то вам и говорить первому.

— Пожалуй, сеньоры, я готов, — отвечал gambucino. — Мы собрались в этой местности с целью закончить важные дела, которые требуют неусыпной бдительности. Мое мнение, что так как мы немногочисленны,

нам не следует вмешиваться, если только нас не вынудят. Вмешательство в чуждые нам распри может вовлечь нас в затруднительные обстоятельства, из которых нелегко нам будет выпутаться. Да это может и повредить исполнению, а может быть, и успеху нашего предприятия.

— А ваше мнение, Бальюмер? — спросил Валентин.

— У меня в правилах, — отвечал беспечно канадец, — не вмешиваться в дела, которые меня не касаются. Но все-таки, сказать вам откровенно, мне будет больно быть свидетелем, как эти собаки вороны будут резать и грабить моих братьев. В лугах все белые — братья, к какой бы они нации ни принадлежали. Если б это зависело от меня, — продолжал он, ударяя по стволу ружья, — то, несмотря ни на многочисленность этих грабителей, ни на опасность столкновения, я вступил бы с ними в разговор, который они б долго не забыли. Это не более как только мое мнение: ваше решение будет и мое.

Валентин обратился к Курумилле.

— А вы, вождь, что скажете? — спросил он.

— Анемики... вор... вороны... собаки... убивают детей... женщин... Индейцы очень жестокие.

Произнося эти слова своим обычным гортанным голосом, вождь впал снова в свое обыкновенное безмолвие.

Валентин, подумав две или три минуты, в свою очередь начал говорить.

— Товарищи, — сказал он, — я обдумал ваши мнения. Мы действительно пришли в эту страну с целью покончить задуманное нами опасное предприятие, и, чтобы выйти победителями, нам мало одной отчаянной храбрости, но нужно и благоразумие. Сеньор Навая прав: мы слишком одиноки в этом краю, жители которого нам враждебны, и надо быть сумасшедшими, чтобы так безрассудно вмешиваться в посторонние дела.

Навая и Бальюмер сделали знак согласия. Как будто совершенно чуждый между ними Курумилла один оставался невозмутим.

— Но, — продолжал Валентин, — нам предстоит борьба с сильным неприятелем, и при нашем одиночестве могут встретиться непреодолимые препятствия, которые, пожалуй, помешают исполнению наших планов. Следовательно, мы должны приобрести себе друзей, за-

ключить союз с верными людьми, от которых, взамен наших услуг, могли бы в случае необходимости получить помощь. Кто знает, быть может, само провидение натолкнуло нас на этих эмигрантов и дает нам возможность спасти их, через что и приобрести союзников, как оборонительных, так и наступательных.

Вы знаете — вороны наши заклятые враги, и, попавшись мы в их руки, нас ожидает скальп или мучительный столб. Защищая наших братьев, мы, во-первых, делаем доброе дело, спасая женщин и детей, а во-вторых, ограждаем самих себя и приобретаем достаточную силу, чтобы быть в состоянии бороться с нашими врагами.

— Черт возьми! — сказал Бальюмер, — вы совершенно правы. Медлить нечего, нападём на Воронов. Эти собаки не заслуживают пощады.

— Ваш взгляд на это обстоятельство, сеньор Валентин, неоспоримо верен, — сказал Наваё, — эгоизм плохой помощник. Я разделяю теперь ваше мнение. Приказывайте; я готов за вами следовать.

— Bravo! — сказал, смеясь, Валентин, — так говорят мужчины, но не робкие женщины или корыстолюбивые торгаши. Я не спрашиваю мнения начальника: оно всегда согласно.

На эти слова Курумилла только улыбнулся или, вернее сказать, сделал ужасную гримасу, что выражало его необыкновенное довольство.

— Вот, товарищи, — продолжал Валентин, — как нам следовало бы действовать. Нашего присутствия здесь никто не подозревает; да и не нужно давать знать об себе. А притаимся лучше и будем ждать: обстоятельства покажут нам, что делать. Теперь не более десяти часов вечера. Если индейцы, как я полагаю, имеют намерение напасть врасплох на белых, то они это не сделают ранее как в два или в три часа утра, пока неприятель не заснет крепким сном. Пока мы здесь, начальник подкрадется к лагерю воронов и при малейшем подозрительном движении тех немедленно известит нас. Хорошо ли будет так?

Все трое в знак согласия наклонили головы.

— Так, значит, нам остается только ждать.

— И спать до поры до времени, — подхватил Бальюмер.

— Пожалуй, и спите, друг мой, если нуждаетесь в отдыхе. Что же касается до меня, то я бы был счастлив,

если сеньор Навая не очень устал, дослушать конец рассказа, который он начал еще в пещере.

— В таком случае, Валентин, — сказал Бальюмер, — я не буду в состоянии заснуть от любопытства: сказать вам откровенно — меня очень интересует конец этого рассказа.

— Если вы этого желаете, то я к вашим услугам, — сказал Навая.

Курумилла, по обыкновению не сказав никому слова, встал и не замедлил скрыться в чаще.

— Я остановился на том месте, — начал мексиканец, — когда отец мой с другом сидели и разговаривали, прихлебывая вино в гостинице.

Зала, в которой они сидели, была наполнена гуляками, а большей частью разбойниками самого дурного свойства. Некоторые из них находили как бы приятным для себя бродить вокруг стола, за которым сидели друзья. Другие же старались с ними завязать разговор. Как безупречное поведение отца моего, так и то, что ему были известны все золотые россыпи на протяжении ста миль вокруг Сан-Франциско, эти люди очень хорошо знали. Несколько прежде американцы, французы, немцы и мексиканцы предлагали ему войти в их общину, но отец всегда с пренебрежением отказывался, за что эти злодеи питали к нему затаенную ненависть и ждали только случая выместить ее на нем.

В числе тех, которые всего более ненавидели отца, находился один француз по имени Линго, который в тысяча восемьсот сорок восьмом году бежал из парижской национальной гвардии и прибыл в Калифорнию за счет основанного общества во Франции — золотоискателей Линго.

Линго был маленький человечек, желтый как лимон, с серыми впавшими глазами, с выпуклым лбом, с прилизанными рыжими волосами, с огромным шрамом на лице, который придавал необыкновенно злой и насмешливый вид его наружности.

Этот человек присоединился к обществу двух ему подобных же негодяев, из которых один был пруссак громадного роста, необыкновенной силы, кровожадности тигра; он называл себя Шакалом.

Другой был чистокровный янки, с чертами лица далеко не благородными, и экс-разбойник лугов. Он на

своем веку совершил бесчисленное множество убийств и присвоил этим себе отличительное прозвище — Матамас.

Эти три достойных сотоварища не раз испытывали у отца моего местонахождение хоть одной золотой россыпи. Но всякий раз старания их оставались тщетными. Неудача их бесила, и они поклялись ему отомстить. Если они это не сделали раньше, то только из боязни моего искусства владеть ножом.

Отец мой, как я вам уже говорил, посещал очень редко Сан-Франциско. Это я обыкновенно отправлялся туда. Слух разнесся, что самый знаменитый гамбуцино покинул край. Встретив его внезапно в гостинице, разбойники почувствовали, что ненависть их с прежней силой пробудилась, и хотя к нему и не подходили, но зорко следили за ним. Заговорившись долго с приятелем, отец мой поспешил возвратиться домой, но не достиг хижины ранее, как смерклось.

Едва вошел он в свое жилище, как на него накинлось три человека, лиц которых в темноте не видно было. Они опрокинули его и, угрожая смертью, требовали открыть им местонахождения золотых россыпей. Между тем он признал по одежде и словам одного из них, что это только были люди, переодетые индейцами. Отец мой от природы был очень крепок, но гнев придал ему еще больше сил. Он отчаянно защищался от убийц своих. Два раза удавалось ему вырваться из их железных рук. Он имел время схватить нож и отражать удары.

Эти пришли в исступление от его упорства, которого они никак не ожидали, и сделались уже к нему беспощадны. Они только тогда покинули хижину, когда удостоверились, что жертва их без жизни.

Отец мой притворился мертвым, чтобы удалить своих палачей.

Защищаясь, ему удалось овладеть кожаной ладанкой, которую один из злодеев носил на шее, полоснуть другого ножом по лицу, а третьему распороть бок.

Вскоре после того как он мне сообщил эти драгоценные сведения, он передал мне ладанку, которую судорожно сжимал в руке.

Отец умер на моих руках, повторяя до последней минуты, что виновниками его смерти были три злодея,

которых он встретил в гостинице «Полька». Я поспешил отдать последний долг отцу, вырыть ему могилу и в ту же самую ночь, несмотря на ужасную грозу, которая еще сильнее свирепствовала, отправился в Сан-Франциско. Но тщетно отыскивал там по всем трущобам злодеев.

Ничто не навело меня на их след. Вероятно, они покинули город.

Однако ж я не отчаивался и продолжал свои поиски. Препятствия только еще более возбуждали мое желание отомстить за отца. Но этих людей как бы сама судьба спасала от меня. Несколько раз я чуть было не попался в их сети, которые они мне расставляли на каждом шагу, и так или иначе давали мне почувствовать, что это дело их рук. Это была просто кровавая насмешка. Так продолжалась война на смерть и жизнь; как я не ждал от них пощады, так и они от меня.

Вскоре после смерти отца по его желанию я женился на молодой девушке, которую уже давно любил. Ненависть моих врагов как будто ослабла. Несколько уж лет я ничего об них не слышал и предполагал, что, утомившись меня преследовать, они покинули край. Вдруг четыре месяца тому назад один французский путешественник просил меня быть его проводником. Мне не хотелось оставлять жену, но так как это путешествие не должно было продлиться долее двух месяцев, то, соблазнившись хорошим вознаграждением, я решился ехать.

На десятый день нашего путешествия француз объявил мне, что желает возвратиться во Францию.

— Какой самый близкий порт к нам? — спросил он.

— Сан-Бляс, — отвечал я, внутренне довольный возвратиться так скоро домой.

— Ну, так проведите меня в Сан-Бляс, — сказал он, — я, вероятно, найду там корабль, на котором могу возвратиться в отечество.

На это я ничего не возражал и спустя четыре дня доставил его в Сан-Бляс, где и получил расчет от путешественника.

— Счастливый путь, — сказал он мне, прощаясь, — я желаю также вам найти все дома благополучным.

Может быть, я и ошибаюсь, но мне показалось, что в словах этого человека звучала насмешка: я предчувствовал несчастье.

Предчувствие меня не обмануло: страшная картина представилась глазам моим, когда на двенадцатый день я вернулся домой. От хижины остался один лишь пепел; жена помешалась, двенадцатилетний сын был похищен. — Произнося эти последние слова, мексиканец закрыл лицо руками и горько заплакал.

Оба охотника были глубоко взволнованны и с невыразимым прискорбием смотрели на этого человека, столь сильного духом, но который рыдал, как ребенок.

Наконец, спустя несколько минут гамбуцино приподнял голову.

— На этот раз, — сказал он, — чаша горя переполнилась. Я поклялся исполнить завещанное мне умирающим отцом мщение и в то же время мое собственное; поручив несчастную жену попечениям одного из моих родственников, я сел на лошадь и прямо отправился в Сан-Бляс.

Не помню, как я совершил этот переезд: горе затмевало мой рассудок.

По приезде в порт первым делом моим было осведомиться о французском путешественнике, которому я служил проводником.

Не знаю почему, но мне казалось все, что он был один из виновников моего несчастья.

Иностранец, как я узнал, уехал еще накануне, не на корабле, а верхом на лошади.

Не отдохнув даже часа, я пустился снова в путь — куда глаза глядят, и остановился лишь только поздно вечером у одинокой хижины.

Не постучав в дверь, я поднял защелку и вошел.

Два человека сидели перед тлеющим огнем и разговаривали, смеясь, между собой.

Это были Матамас и мой француз.

Я испустил крик радости, подобный реву тигра, когда он видит добычу.

Не знаю, как это случилось, но, вероятно, бешенство удесятерило мои силы, так как спустя пять минут эти два человека лежали на земле, связанные по рукам и ногам, без всякой возможности пошевелинуться.

— Теперь, — сказал я, вынимая нож, — покончим наши старые счеты. Сколько заплатили вам, сеньор, — обратился я к французу, — чтобы сжечь мою хижину, убить мою жену и похитить моего ребенка?

— Убить жену вашу! — воскликнул тот с изумлением.

— Правда, я ошибся, сказав — убить: она только помешалась.

— О, так это вот какая шутка, сеньор Матамас, которую вы хотели сыграть с вашим кумом!

Негодяй не отвечал на слова француза: он весь дрожал как в лихорадке.

Этот же, сознавая очень хорошо, что находится в моей власти и что я буду к нему неумолим, без отговорок признался мне в своем участии в этом деле, которое было совершенно пассивное: он только от меня узнал, какого ужасного преступления был соучастником.

Француз с Матамасом познакомились в одном трактире в Гермозилло. Там, сидя за вином, Матамас предложил ему под каким-либо предлогом удалить меня из дому, на что француз, будучи очень беден, с радостью согласился.

Молчание Матамаса удостоверило меня, что этот человек говорит правду.

Я развязал его, велел сесть ему на лошадь и, указав на виднеющуюся вдали дорогу, сказал:

— Уезжайте скорее без оглядки и берегитесь еще раз встретиться со мной: я буду к вам тогда уж беспощаден.

Затем, ударив сильно по крупу его лошади, которая помчалась галопом, я возвратился в хижину.

Матамас не делал попыток освободиться; он лежал на том же месте, где я его оставил. Молча я положил большой камень подле своего пленника.

— Друг Матамас, — сказал я, садясь около него, — вы ничего не имеете сказать мне?

— Ничего, — отвечал он глухим голосом.

— Очень хорошо.

И, схватив правую руку его, одним ударом ножа отрубил большой палец, положив ее на камень.

— Так вы ничего мне не скажете? — спросил я холодно.

— Нет, — отвечал он задыхающимся голосом.

Вторым ударом я отнял ему указательный палец.

Этот раз боль превышала силу воли; он громко застонал.

— Убей меня!

— Пожалуй, но это мы успеем сделать; поговорим сперва.

— Я ничего не скажу, изверг! — пробормотал он.

— Как хочешь.

И средний палец постигла участь его предшественников.

— О, демон! Зачем ты так меня мучаешь. Ты все равно ничего не узнаешь, ничего, ничего, ничего! Слышишь? — прокричал он с яростью.

— Милый друг, я сумею развязать тебе язык.

— Ну, а если я буду говорить?

— Это зависит от того, что скажешь.

— Пощадишь ли ты меня?

— Нет! — отвечал я коротко.

— Какую ж выгоду могу извлечь я из того, что буду говорить?

— Ту, что я тебя убью одним ударом. Полагаю, что это не безделица.

— Не буду говорить, — отвечал он мрачным голосом.

— Дело твое.

И я начал хладнокровно отрезать ему кисть руки.

Хотя это было тяжело для меня, но я превозмог себя и достиг цели.

Матамас лишился чувств.

— Неужели вы, столь храбрый и великодушный, могли причинить так много страданий этому негодяю, — прервал грустно Валентин.

— Этот негодяй, как вы назвали его, сеньор, — отвечал с ненавистью гамбуцино, — этот негодяй — палач моего семейства. Но насколько он был подл душой, настолько ж трус, и со слезами на глазах признался мне во всех своих преступлениях.

Только тогда я узнал, что его два сообщника, с которыми он рассчитывал сойтись в хижине, укрылись посреди им подобных разбойников в Скалистых горах и что это они заставили сына моего следовать за ними.

Погрузив по самую рукоятку нож в сердце этого чудовища, я стащил труп его на добычу хищным зверям в саванну и сам немедленно отправился по направлению Скалистых гор.

Месяц тому назад я случайно узнал от белого охотника по имени Кастор, который скоро намеревается при-

соединиться к вам, что вы находитесь в этих краях для предприятия, только вам одним известного.

Этот охотник указал мне направление, по которому вы идете, и я тотчас же пустился по вашим следам, решившись просить вас помочь мне отыскать моего ребенка и взамен участия вашего предложить мои преданные услуги в предпринимаемой вами экспедиции.

Теперь вы знаете все, сеньор, и я жду вашего решения.

— Вы уже знаете его, сеньор: с этого времени ваши интересы — мои, точно так же, надеюсь, мои будут вашими. Дело ваше справедливо, и я буду защищать его. Вот моя рука — мы братья.

— А вот и моя, — сказал, смеясь, Бальюмер.

Таким образом, между этими тремя людьми был заключен договор.

Ущелье

Оставим пока охотников и возвратимся назад, на несколько часов ранее, к четверем путешественникам, за которыми так зорко следил Валентин.

Эти путешественники, как мы уже сказали, были трое мужчин и одна женщина.

Они одеты были в странное, полудикое платье, какое обыкновенно употребляют американцы, когда отправляются в луга торговать с краснокожими, для отличия от охотников и торговцев других стран, которые подобно им странствуют по степям.

Двое из них имели на вид не более тридцати пяти лет и отличались высоким ростом и крепким телосложением.

Третий, лет на пятнадцать старше своих товарищей, имел светлые волосы и бороду, низкий лоб, серые пронизательные глаза и резкие черты лица. Одним словом, вся наружность его выражала хитрость, низость и злость.

Все они были вооружены с головы до ног и могли бы дать хороший отпор тем смельчакам, которые решились бы преградить им дорогу.

Ехавшая между ними женщина сопровождала, по-видимому, их против своей воли, так как они ни на минуту не спускали с нее глаз. Это была молодая девушка, еще почти ребенок: ей было не более 16 лет. Она была среднего роста, стройна и замечательно хорошо сложена. Ее ручки и ножки были необыкновенно малы и отличались

прекрасными формами. На ней был костюм, какой обыкновенно носят мексиканки высшего круга. Шелковый платок закрывал часть ее лица и, скрещиваясь на груди, обхватывал ее тонкий и гибкий стан. Толстый с капюшом плащ, накинутый на плечи, предохранял ее от холода. Порой из-под платка сверкали чудные голубые глаза, обрамленные бархатными ресницами; черные же, как смоль, брови представляли резкий контраст с матовой, прозрачной белизной ее кожи и заставляли предполагать, что она дивно хороша. Изредка крупные слезы падали на ее бледные от стужи щеки и тяжкий вздох вылетал из груди.

Совершив несколько трудных переходов, маленький отряд достиг наконец широкой тропинки, которая круто вела в горы.

Путешественники сошли с лошадей и, ведя их под уздцы, пошли друг за другом, смеясь и разговаривая между собой. Только одна молодая девушка оставалась на лошади, не обращая никакого внимания на своих стражей.

— Черт возьми, мистер Корник, — сказал один, обращаясь к старшему из них, который, казалось, был начальником отряда, — вот отличное время для путешествия; но что это за печальная страна, ей-Богу.

— Да, — отозвался тот, который назывался Корником, — правда, местность не особенно красива; но так как переделать ее мы не имеем возможности, то и должны с нею примириться.

— Но ведь мы уж не в Кентуки, — вмешался третий, — не так ли, Джоэ Сmidt?

— Оставь меня в покое, Блудсон, разве ты знаешь Кентуки и способен оценить ее прелести?

— Судя по одному из ее представителей, которого я вижу перед своими глазами, могу смело сказать, что жители ее не отличаются красотой.

— Послушайте, мистер Блудсон, — отвечал, хмурясь, представитель Кентуки, — вы не более как неуч, и удивляюсь, как смеете со мной так говорить? Клянусь моим именем, что если вы тотчас не замолчите, то я переломаю вам ребра.

— О, я вас не считаю, мистер Блудсон, таким сумасшедшим; но, впрочем, мне наплевать на вас, и я готов удовольствоваться вашим извинением; в противном же

случае, предупреждаю, под вашим сюртуком не будет ни одной здоровой косточки. Кажется, ясно?

— Да, я вас понял, и посмотрим, кто из нас двоих будет просить прощения.

Говоря эти слова, он замахнулся кулаком на Блудсона.

Противник его сделал то же самое.

Все предвещало между товарищами крупную ссору, и потому Корник счел нужным вмешаться.

— Смирно! — вскричал он грубо. — Что означает эта глупая ссора? Неужели вы пришли сюда только с целью браниться? Кажется, есть у нас поважнее дело.

Но товарищи не обратили никакого внимания на его слова и продолжали ссориться.

— Смирно, говорю я вам! — повторил он снова, толая с гневом ногой об землю. — Оба вы глупы и грубы. Берите с меня пример: я луизианец. Вот страна прекрасных манер! Довольно, отложите ссору хоть до тех пор, пока не достигнем лагеря. Разве вы не видите, что пугаете сеньору? Какое мнение она составит о нас?

— Что касается до этого, — сказал с насмешкой Джоэ Смитт, — то я спокоен. Оно составлено уже.

— Что вы хотите этим сказать, мистер Джоэ Смитт? Полагаю, вы не желаете и меня оскорбить?

— Нисколько, — отвечал он, скаля зубы, — в этом случае, оскорбляя вас, я в то же время оскорбил бы и себя.

— Без аллегорий, и объяснитесь, — перебил его Корник высокомерным тоном.

— Извольте. Я полагаю, что сеньора составила о нас далеко не лестное мнение: она нас, вероятно, принимает за разбойников. Вот все, что я хотел сказать.

— Не будьте так скоры на приговор, молодой человек, — заметил поучительно старик, — мы не более как орудия и слепые исполнители воли тех, кто нас послал; следовательно, если кого и можно осуждать, так это только наших начальников.

— Ей-Богу, вы рассуждаете не хуже любого министра, мистер Корник; но все-таки вам будет трудно заставить сеньору переменить о нас мнение.

— Да что за дело нам до мнения этой девушки?

— Намерения наши честны, и совесть может быть спокойна, — вмешался Блудсон.

— Это правда, — возразил, смеясь, Корник, — но в случае необходимости она бывает и не так щепетильна. Но вот мы и дошли до места, где можем ехать.

— Живей, ребята — на лошадей и скачем! Менее чем через полчаса мы достигнем цели путешествия, и заботы о сеньоре не будут нас касаться.

— Насколько я помню, мистер Корник, вы говорили, что несколько друзей наших должны выехать к нам навстречу.

— Да, действительно, мне это обещал капитан Гриффитс; но, вероятно, ему что-нибудь помешало сдержать слово.

Все трое сели в седла и, окружив молодую девушку, пустились крупной рысью.

В эту минуту наши путешественники пересекали одну из тех узких долин, которые встречаются только в горах. Горным ручьем они обыкновенно раздваиваются пополам и оканчиваются оврагом или ущельем.

Всадники, проехав долину, собирались уже спуститься в довольно глубокое ущелье, как вдруг движением руки Корник приказал остановиться. Они быстро осадили лошадей.

— Что там такое? — спросил Блудсон. — Зачем останавливаться?

— Затем, любезный друг, — возразил угрюмым голосом старый авантюрист, — что я люблю все делать осторожно, и потому не мешало бы осмотреть это ущелье, прежде чем спуститься в него.

— Ба! это для чего?

— Сам не знаю — может, предчувствие. С самого утра мы ехали так спокойно, как будто делали переезд из Нового Орлеана в Батон-Руж. Это подозрительно.

— Право, вы, кажется, с ума сошли, мистер Корник.

— Может быть. Но что ж вы хотите, если это в моем характере! Ничто не пугает меня, как мертвая тишина.

— Пустяки!

— Не отрицаю; но все-таки повторяю, не худо бы было, если б один из вас двоих отправился исследовать ущелье.

— Разве только для вашего спокойствия, мистер Корник; извольте, я готов отправиться, — вызвался уроженец Кентуки.

— Отправляйтесь, отправляйтесь, друг мой; но будьте осторожны. Поверьте, осторожность никогда не вредит. Да и на свете неизвестно, кто кого переживет.

— О, мистер Корник, прошу вас так со мною не шутить: неужели вы думаете, что меня там могут задуть?

— Совсем нет. Я только советовал вам быть осторожным.

Джоз Смит пристально посмотрел в его угрюмое лицо и остался, по-видимому, довольным; ударил плетью лошадь и, беспечно насвистывая, отделился от товарищей.

— Вот смелый малый, — сказал вслед отъезжающему товарищу Блудсон.

— Да, да, ветреник, но не трус, — сказал Корник, скаля по обыкновению зубы. — Я, кажется, сделал хорошо, отправив его в разведку.

Уроженец Кентуки слишком хорошо был знаком с пустыней, чтобы не принять, когда того требуют обстоятельства, необходимые предосторожности.

Слова и хитрый вид Корника послужили ему поводом подозревать опасность или, по крайней мере, допустить возможность ее. С отвращением и только приняв все возможные предосторожности, он решился войти в ущелье. Оно было настолько широко, что шесть всадников легко могли бы ехать рядом. Края его поросли густым кустарником и почти отвесно поднимались на значительную высоту. Авантюрист медленно подвигался вперед, тщательно озираясь кругом и готовый при первом шелесте в кустах стрелять.

Но всюду царствовало безмолвие. Ущелье делало несколько изгибов. Пройдя их без малейшего препятствия, авантюрист вышел на громадную равнину, в конце которой виднелось облако дыма. Это был лагерь, до которого он и его товарищи так спешили добраться.

— Черт возьми! — пробормотал про себя Джоз Смит, — есть основание думать, что старик Корник или бредит, или совсем ослеп: здесь я не нашел ничего подозрительного... напротив! если б мы не обращали внимания на причуды этого старикишки, то подъезжали бы уже к лагерю, где, судя по этому облаку дыма, наши товарищи собираются хорошо поесть. Благодаря этому трусу мы потеряли много времени.

Рассуждая в этом духе, уроженец Кентуки преспокойно повесил на плечо ружье и, сев верхом на свою лошадь, тихим шагом въехал снова в ущелье.

Едва он проехал несколько саженей, как вдруг в воздухе засвистело лассо, и в одну секунду полузадушенный американец лежал на земле, не имев времени даже криком предостеречь своих товарищей.

В ту же минуту из кустов высыпало несколько человек; одни спешили остановить лошадь авантюриста, которая хотела бежать; другие же набросились на своего пленника, сняли с него платье, связали крепко-накрепко и, вложив ему в рот кляп, бросили в кусты. Затем один из незнакомцев быстро переоделся в платье уроженца Кентуки и, сев на его же лошадь, направился по тому месту, где авантюристы ожидали возвращения своего разведчика.

Товарищи же его как бы по волшебству исчезли.

Как только мнимый Джоэ Смиidt достиг входа ущелья, он остановился, кругом осмотрелся и, подняв шляпу над головой, сделал знак путешественникам приближаться. Но они не трогались с места.

Расстояние между ними и ущельем было слишком велико, чтобы им было возможно ясно разобрать черты лица того человека, который им делал знаки; но тем не менее можно было узнать платье Джоэ Смиidtа.

— А! — сказал Блудсон, — если не ошибаюсь, вот и наш друг Джоэ Смиidt. Он не замешкался и делает нам знаки к нему ехать.

— Да, он возвратился даже слишком скоро, — озабоченно заметил Корник.

— Что же вы стоите как пень, мистер Корник? Разве вы не видите нашего друга?

— Напротив, я вижу его очень хорошо.

— Ну, так почему ж нам не двинуться?

Старый бродяга почесывал только себе затылок.

— Почему? — переспросил он Блудсона.

— Ну да, почему?

— Да потому, что, кажется, это не он.

— Как не он? Какой черт вам это сказал?

— Джоэ Смиidt мне кажется больше ростом, — покачивая головой, отвечал Корник.

— Вот это мило. Разве вы не видите, что он согнулся на седле? Смотрите, он опять нам машет шляпой.

— Что за странное упорство? Не проще ли подъехать к нам?

— Очень нужно даром делать конец. Слушайте, мистер Корник, мне уже надоели ваши разговоры. Хорошо быть благоразумным, но пересаливать тоже не годится. Черт меня побери, если вы не боитесь даже вашей тени! Но, предупреждаю, терять более времени я не намерен. Можете оставаться здесь одни; я же уезжаю.

— Хорошо; если вы того требуете — извольте, я готов ехать, — отвечал старый авантюрист. — Но, повторяю, что этот всадник мне подозрителен, и я почти убежден, что это не Джоэ Смитт. Это какая-то чертовщина, чтобы завлечь нас в западню.

— Вы из мухи готовы сделать слона. Едемте! Я отвечаю за все.

И они продолжали путь.

Когда всадник увидел, что авантюристы подъезжают, он повернул поводья и въехал в ущелье.

— А что, не дело ли я говорил, Блудсон? Вы видите: он нас не дожидается.

— Для какого ж черта вы хотите, чтобы он нас ждал? Успеет еще присоединиться к нам в ущелье.

— Говорите, что хотите, — продолжал Корник, — но здесь что-то не ладно.

— Вы дурак! Опасения ваши не имеют смысла.

Спустя несколько минут путники достигли ущелья. Корник сделал невольное движение остановить лошадь.

— Вот как, — подтрунивал Блудсон, — вы опять трусите?

Авантюрист покраснел от гнева и, сильно хлестнув лошадь, галопом въехал в ущелье, сопровождаемый молодой девушкой и Блудсоном.

Они проехали уже большую часть ущелья, и ничто еще не оправдало опасений старика.

— Вы видите теперь, — заговорил Блудсон, скаля зубы, — что трусость ваша не имела основания: все вокруг нас спокойно.

— Это еще ничего не значит, — возразил задумчиво Корник. — Но Джоэ Смитт исчез, и что-то слишком скоро, как мне кажется.

— Не беспокойтесь, вы скоро его увидите.

— Я только тогда успокоюсь, когда снова буду находиться в чистом поле.

— О, в таком случае это будет очень скоро.

— Кто знает, — отвечал Корник, бросая вокруг подозрительные взгляды.

В ту же минуту как будто сама судьба хотела оправдать слова его: в кустах послышался страшный шум, и несколько человек выскочили на дорогу, окружили авантюристов и, угрожая оружием, требовали добровольной сдачи.

— Я это предчувствовал! — воскликнул Корник, не выказывая при этом ни малейшего страха. — Вперед, Блудсон! Здесь мы можем показать, чего мы стоим.

— Черт возьми, — отвечал тот, — если эти дьяволы льстятся на мою шкуру, то она им недешево обойдется, — и, схватив за дуло винтовку, стал защищаться ею, как дубиной.

Страшная битва завязалась между авантюристами и десятью нападавшими на них.

Держась крепко в седлах и готовые скорее дать себя убить, чем сдаться, авантюристы дрались с яростью тигров.

В числе нападавших отличались замечательной храбростью два человека. Первый из них, не старше сорока пяти лет, с резкими и выразительными чертами лица, с черной всклооченной бородой и с такими же волосами, перемешанными сединой, носил костюм лесного охотника. Он владел оружием необыкновенно искусно. Другой был молодой человек лет двадцати с тонкими, умными чертами лица, с гордой и надменной осанкой. Смуглый цвет лица его ясно показывал испанское происхождение. Одет он был с необыкновенным изяществом в богатую одежду американского фермера. Он казался отчаянно храбр и владел искусно оружием, но это было скорее нервное раздражение, чем врожденная отважность. Молодой человек старался отбить пленницу, окруженную авантюристами. Но, увы! тщетно: это ему не удавалось. В числе нападавших молодая девушка, вероятно, увидела дорогого сердцу ее человека, так как внезапно вся вспыхнула, и крик радости вылетел из груди; руки же ее сложились с выражением мольбы.

— Ко мне! Пабло, ко мне! Спасай твою невесту! — кричала она раздирающим душу голосом.

— Мужайся, Долорес, — отвечал ей молодой мексиканец, употребляя невероятные усилия приблизиться к ней.

— Хорошо! — процедил про себя старик Корник, — теперь я понимаю, в чем дело.

Между тем сражающиеся, сжатые в узком пространстве и вредя друг другу по недостатку места, продолжали бешено сражаться.

Исход сражения еще не был известен.

Многие из нападавших были тяжело ранены и трое из них даже лежали на земле с разможенными черепами, испуская последний вздох.

Оба авантюриста были довольно опасно ранены.

Человеческая сила имеет предел, через который она безнаказанно не может перейти. Примером этого могут служить авантюристы, которым грозило поражение: силы их уже подорвались. Это они хорошо чувствовали и заботились теперь только о том, чтобы подороже продать свою жизнь.

Нападающие скоро заметили, что удары противников их делаются все менее сильными и меткими, и потому подстрекали друг друга поскорей кончить с этими двумя людьми, которые так долго им сопротивлялись.

Странная случайность! Хотя оба отряда были вооружены огнестрельным оружием, но выстрелов не было слышно как с одной стороны, так и с другой. Дрались только кинжалами, топорами, ружейными прикладами. Вероятно, начальник, сделавший засаду, боясь, чтобы выстрелы не возбудили внимания охотников, стоявших лагерем в долине, велел своим людям не пускать в ход ружья: приказ весьма благоразумный, который, однако ж, не мог иметь влияния на результат битвы. Корник был малый ловкий и храбрый. Одним взором он понял положение, в котором находились он и его товарищ; оно было отчаянное. Тогда, не переставая сражаться, он наклонился к уху Блудсона и сказал:

— Имеете ли вы достаточно сил, чтобы продержаться пять или шесть минут?

— Да, — отвечал тот глухим голосом.

— Хорошо, так слушайте же: нужно, чтобы в эти шесть минут мы исполнили то, что и десять человек не в состоянии были бы сделать: от этого зависит наше спасание. Подражайте мне, и мы будем спасены.

— Начинайте и не бойтесь ничего.

— Итак, с Богом!

Битва разгорелась с новым жаром. Блудсон сдержал слово, данное своему товарищу. Казалось, силы этих двух людей удесятерились. Удары, наносимые ими, следовали один за другим с поражающей быстротой. И в самом деле, как говорил Корник, они творили чудеса. Вдруг старый авантюрист пришпорил свою лошадь, которая, заржав от боли, ринулась вперед, опрокидывая со страшной силой все препятствия, преграждавшие ей путь.

— Ура! — воскликнул Корник с радостью.

— Ура! — отвечал Блудсон, приближаясь к нему в свою очередь.

Нападавшие, удивленные и рассеянные этим маневром, которого они не могли ожидать, пришли в замешательство, чем беглецы и воспользовались. Но оно продолжалось лишь несколько секунд: два ружья уже были приложены к плечам — и одновременно раздался два выстрела. Блудсон закачался на седле и тяжело рухнул на землю.

Корник исчез.

— Проклятье! — закричал с гневом охотник, про которого мы уже говорили, что он казался начальником отряда, — эти выстрелы погубят нас, теперь мы должны бежать как можно скорей. Не пройдет и четверти часа, как мы будем иметь дело со всей шайкой. Павлет, мой милый, — прибавил он, обращаясь к одному охотнику, — ступай караулить долину и при малейшем подозрительном движении предупреди меня. Черт возьми! Дело идет о нашей жизни.

Охотник скрылся в ущелье.

В то время, как это происходило, дон Пабло, молодой фермер, которого мы видели так храбро сражающимся, бросился к молодой девушке и принял ее в свои объятия.

Молодые люди, сидя друг подле друга на свалившемся дереве, забыли весь мир, думая только о своем блаженстве.

Донна Долорес считала себя спасенной, плакала и смеялась в одно время: прошедшее горе ей казалось только дурным сном. Увы! пробуждение было еще ужаснее.

— Живей, сеньор! — раздался за ним голос охотника, и чья-то рука опустилась на плечо молодого мексиканца. — Беда! Пираты!

— Пираты! — воскликнул дон Пабло, быстро вскакивая.

— Что делать? — прошептала молодая девушка, падая в отчаянии на руки своего жениха.

— Надо бежать — и как можно скорей, — отвечал тот, — в противном случае мы все погибли.

— Боже мой, неужели нет спасения!

— Никакого, сеньорита! — отвечал охотник, — пиратов более двухсот; а нас из пятнадцати осталось только десять. Если б у нас были лошади, мы могли бы бежать, но мы принуждены их были оставить, так как дон Пабло, думая только о своей любви, не хотел исполнить моей просьбы и устроил засаду бандитам, ведшим вас к своим товарищам.

— Пабло, мой милый Пабло! — воскликнула молодая девушка.

— Да, — продолжал охотник, — он вас очень любит. Это храбрый и славный молодой человек. Жаль только, что он не последовал моему совету: мы бы не были теперь в таком ужасном положении.

— Довольно, друг мой, перестаньте бранить меня, — вмешался дон Пабло. — Скажите лучше, что делать? И на этот раз, клянусь, я послушаюсь вас.

— Да, пора, — возразил охотник. — Мне кажется, есть только одно средство, могущее спасти нас.

— Говорите, какое средство! — воскликнули в один голос молодые люди.

— Итак, — начал охотник...

Молодая девушка своей прелестной ручкой закрыла ему рот.

— Не продолжайте, — перебила она его с улыбкой, — говорить дальше я буду одна. Дон Пабло, — сказала она, обращаясь к своему жениху, — бегите, я вам это приказываю.

— Мне бежать! Никогда! Бежать, оставив вас в руках этих негодяев? Вы будете меня презирать, Долорес, если я сделаю такую подлость.

— Нет, это необходимо! Бегите как можно скорей; я не подвергаюсь ни малейшей опасности, эти люди меня пощадят. Вас же они убьют. Бежать же вместе невозможно: вместе мы погибнем. Кто меня спасет, если вы будете убиты?

Тотчас же послышался как бы отдаленный гром, и на лошадях показались авантюристы, скачущие во весь опор.

— Черт возьми, — воскликнул охотник, тронутый таким самоотвержением молодой девушки. — Я пытался уже раз спасти вас, не зная вас, сеньорита, но, клянусь честью охотника, я вас спасу из рук этих бандитов или погибну.

— Благодарю, — отвечала сквозь слезы Долорес. — Вот разбойники... бегите! До свидания, возлюбленный Пабло.

— Да, до свидания, — сказал решительным голосом охотник.

И, ведя под руку молодого человека, убитого горем, он исчез с ним в кустах, крича в то же время своим товарищам:

— Отступать! Скорей отступать!

В ту же минуту показались пираты, но ущелье уже было пусто. Охотники исчезли как бы по волшебству.

Донна Долорес села опять на лошадь и осталась одна на том же месте, где происходила битва.

— Да поможет мне Бог, — прошептала она, заметив приближавшихся к ней пиратов. — Они спасены, и я могу еще надеяться быть в свою очередь также спасенной.

Сожженные леса

Война 1758 года, поддерживаемая с равным остервенением Францией и Англией, после страшных бедствий, испытанных обоими сторонами, окончилась падением Канады под владычество британского правительства.

Франция удвоила эту потерю и сделала ее невозвратимой, согласясь договором, подписанным в Париже, на окончательную уступку Англии своих громадных владений за морем.

Геройское население Новой Франции, разоренное кровавыми войнами и защищавшее с таким самоотвержением честь нашего знамени в Новом свете, содрогнулось от негодования, узнав подлую уступку.

Бессовестно проданные Францией, они с упорством остались французами.

Питая от рождения ненависть к Англии, с которой вели постоянные распри, они отказались принять народность, насильно им предписываемую.

Несмотря на блестящие предложения со стороны новых владетелей, неимущие жители этой страны, лишенные средств последовать примеру богатых людей, покинувших свое отечество с целью поселиться во Франции, оказали геройскую решимость, внушенную им силою патриотизма.

Собрав на скорую руку свое бедное имущество, они безмолвно оставили хижины, где родились, и города, не принадлежащие более Франции, и безропотно, с отчая-

нием в сердце, углубились в леса с целью искать убежища у индейцев, предпочитая гостеприимство недавних врагов столкновению с новыми владыками.

С той минуты эти мужественные беглецы никогда уже более не возвращались в бывшее отечество своих предков, а если когда и посещали его, то не иначе как врагами и с оружием в руке. Удовлетворяя свое мщение, они предприняли против англичан партизанскую войну, которая не прекращается и до сих пор, но может прекратиться в недалеком будущем освобождением и присоединением их — как свободное государство к великой Американской республике.

Более тридцати тысяч семейств эмигрировали и водворились между индейцами.

Последние приняли их с раскрытыми объятиями и без всякой задней мысли возложили на себя тяжкое бремя, приняв под свое покровительство этих несчастных беглецов.

Предубеждение цвета лица, столь могущее в Америке, не существовало между канадцами и краснокожими. Имея в продолжение веков постоянные сношения, они привыкли уважать себя взаимно.

Посещая степь как охотники или воюя с индейцами, оба народа имели возможность свыкнуться.

Полудикие выходцы без труда приняли обычаи своих новых союзников. Они брали жен из их племени и выдавали дочерей за индейцев, так что через несколько лет старожилы американские и французские эмигранты слились воедино.

От этого союза произошла порода *смешанной крови*, которая носит характерное название *Сожженных лесов*. Порода благородная, отважная, одушевленная до фанатизма любовью к независимости и отвергавшая всякое иго, она не ослабла в своей ненависти к Англии, столь же сильной, как в минуту эмиграции своих предков, и в то же время сохранила врожденную гордость французского происхождения.

Они не забыли родного языка, и взоры их постоянно обращены на эту Францию, покинувшую их, и не признают другой национальности, кроме той, которая так неблагодарна была к ним.

Область, занятая, или, лучше сказать, пробегаемая этими подвижными охотниками, может по справедливо-

сти называться самой живописной и вместе самой дикой местностью Северной Америки.

Она и в наше время малоизвестна, редко и не смело посещаемая путешественниками, напуганными хищничеством индейцев, живущих в этой стране.

Главное местопребывание французских потомков находится у *Красной реки*.

Эта река берет начало из озера *Выдры*, на высоте Миссури, и, принимая в себя много притоков, впадает в озеро *Виннипег*, или *Чинипио*, как его называют краснокожие.

Страна, облегая во всю длину американские границы, в особенности государство Минозота, идет к *Скалистым горам* через излучистые площадки неизмеримых саванн и граничит с Вокувером, принадлежащим Канаде.

В этих пустынях, постоянно посещаемых краснокожими, охотниками, пушными ловцами из общества гудзонских меховщиков, хотя встречаются изредка селения, но можно сказать почти безошибочно, что край остался первобытным — как во времена открытия Америки, — так мало цивилизация там сделала успехов.

Территория, неправильно названная областью *Красной реки*, потому что река протекает на небольшом пространстве этого края, принадлежит по своему положению к владениям англичан в Канаде, но, как я уже сказал выше, *Сожженные леса* не признают их верховную власть, управляются собственными законами и основали нечто вроде конфедерации, которую называли: республика Красной реки.

Не без досады взирала Англия на сопротивление *Сожженных лесов*. Несколько раз она пробовала привести их к послушанию, но неудачно.

В наше время цивилизация проникла в эту страну, возродила промышленность и распространила торговлю. Народонаселение значительно увеличилось, так что губернатор Канады решился покончить с мятежниками — как он их называл. В республику Красной реки назначили губернатора и послали войско для усмирения непокорных.

Сожженные леса восстали поголовно, прогнали губернатора, разбили войско, принудили отступить и объявили войну Канаде; но, сознавая свою слабость в сравнении с силами своих мнимых повелителей и чувств-

вужа, что серьезно бороться не могут, они обратились к правительству Соединенных Штатов и просили присоединить их к Великому союзу.

Вашингтонское правительство, издавна известное своим неограниченным властолюбием и завистью к Британскому полуострову, мгновенно рассчитало, насколько выгодно для республики овладеть областью Красной реки, Вокувером и основать на Тихом океане торговлю пушным товаром, могущую не только соперничать, но и подорвать гудзонскую, потому что местность, богатейшая для охоты на красного зверя, исследованная обществом гудзонской бухты, станет их собственностью; но по обычаю своей лицемерной политики американское правительство не хотело открыто принять предложение, боясь высказаться и тем оказаться в дурных отношениях с Англией.

Они тайно поддерживали ожидание *Сожженных лесов*, награждая их оружием, порохом и смышленными агентами, уверяя, что когда жители Красной реки одержат верх над своими притеснителями, то правительство Соединенных Штатов подаст им руку и присоединит их к великой Американской республике.

Вот вам, читатель, настоящее положение этой так долго неизвестной страны, которой открытие калифорнийских приисков и быстрое размножение англо-саксонской породы на Тихом океане придавало значение и сделалось для британских владений в Северной Америке животрепещущим вопросом. Надо ожидать, что когда-нибудь произойдет столкновение между англичанами и американцами, исход которого будет окончательное изгнание англичан из Северной Америки и присоединение всей Канады к Американскому союзу.

Наша история происходит несколько лет назад, но и тогда сопротивление *Сожженных лесов* было энергично организовано, и они втайне отстаивали свою независимость. Возвратимся к нашему рассказу.

Едва охотники скрылись в чаще, как показался отряд из двадцати пяти или тридцати всадников и кинулся, как мы уже сказали, в ущелье.

Во главе отряда скакал молодой человек лет под тридцать. Тонкие и благородные черты лица его, открытое и честное выражение были искажены сильным негодованием.

Увидев донну Долорес, он стремительно подъехал к ней и, сняв сомбреро с широкими полями, радостно вскричал:

— Слава Богу, вы спасены, сеньорита!

Молодая мексиканка слегка нахмурила свои черные брови и бросила на молодого человека надменный взгляд.

— Чего же вы опасались, сеньор Грифитс? — спросила она сухо.

— Извините, сеньора, но люди, в руки которых вы чуть не попались, не могут внушить доверия.

— А! — произнесла она с презрением.

— Уверяю вас, — продолжал Грифитс, — эти бездомные бродяги, кочевники лесов, не имеют обыкновения уважать дам.

— Я не знаю, о каких бродягах вы говорите, сеньор! Люди, которым не посчастливилось увести меня с собою, вели себя как порядочные кабальеры. Если это шутка, то она неприлична. Впрочем, здесь не место и не время для нашего объяснения. Избавьте меня от вашего разговора.

— Извольте, сеньора, — отвечал капитан, кланяясь молодой девушке, — ваше малейшее желание — закон для меня.

Она сделала пренебрежительный знак рукою и направила свою лошадь к концу ущелья.

— Да, да, — прошептал молодой человек, кусая от досады губы и следя за нею глазами, — надменна и горда как испанка; но клянусь Богом — ты уступишь мне!

Возвратясь к отряду, капитан приказал спешить и выгнать дичь из кустарника, затем достал из кармана великолепный соломенный сигареро, выбрал сигару, закурил ее и, соскочив с лошади, начал ходить взад и вперед, погрузившись в размышления и поджидая своих загонщиков.

Корник спасся от пуль чудом и, оставив без зазрения совести своего раненного в ногу товарища, бросился в луга.

Капитан Грифитс, верный своему обещанию, выехал из укрепления к нему навстречу и, услышав выстрелы, дал приказание спешить, так что старый плут Корник наткнулся на них на расстоянии двух выстрелов от ущелья и мог сейчас же возвратиться с ними обратно.

Вот что объясняет внезапное появление отряда на месте сражения.

Через несколько минут раздался взрыв смеха в кустарниках, смешанный с восклицаниями, и несколько авантюристов показались, неся на руках несчастного Джоэ Смидта, связанного по рукам и ногам, с кляпом во рту и порядочно помятого грубым обращением охотников.

Когда его развязали и освободили от кляпа, капитан принялся допрашивать бедняка, но он ничего не знал, кроме того, что его мгновенно схватили и скрутили какие-то незнакомые люди.

Капитан обвел всех испытующим взглядом.

Охотники, торопясь скрыться, оставили своих убитых на поле сражения.

— А, понимаю, — прошептал Грифитс; потом, обратясь к Корнику, который стоял подле него, сказал: — Вы ошиблись: люди, напавшие на вас, не охотники, но мексиканцы.

— Правда, — отвечал старый авантюрист, — между ними были мексиканцы, но я заверяю вас, сеньор, что засаду устроили охотники.

Капитан с неудовольствием пожал плечами, повернулся к Корнику спиною и, насвистывая песню, удалился.

Один за другим возвращались авантюристы, негодуя на безуспешность своих поисков.

Охотники исчезли по мановению волшебной палочки; ни помятого кустика, ни оторванной ветки, ни отпечатка ног на земле.

Выслушав с досадою донесение своих сыщиков, капитан сел на лошадь и, приказав отряду за собою следовать, выехал из ущелья.

Возвращение в стан было безмолвное.

Грифитс, мрачный и озабоченный, скакал подле Долорес, не стараясь заговорить с нею и как будто не замечая ее присутствия.

Долорес, со своей стороны, терзаемая горем, не имела тоже желания завязать разговор с человеком, которому запретила с собою говорить. Положение ее было безвыходное. Нагло похищенная, разлученная со своим семейством, брошенная среди незнакомых людей, из которых только один начальник был ей известен, она смутно со-

знавала, как необходимо ей было воспользоваться его покровительством, чтобы заставить себя уважать остальным, но, разбитая сильными ощущениями и потеряв надежду быть освобожденной любимым ей человеком, она была не способна составить себе план действия и предалась велению судьбы.

Она вспоминала с тоскою, не лишенною прелести, все фазы предыдущей сцены, которой была свидетельницею, лихорадочно замирая от волнения, то надеясь, то опасаясь, переходя от одного чувства к другому.

Фортуна изменила ей, и она впала в большее отчаяние, чем до роковой встречи, и, утратив малейшую надежду на освобождение, страшилась участи, ожидающей ее среди бродяг, которых она была пленницею.

Уничтоженная морально и физически, молодая девушка лишилась своей энергии, вполне признавая себя побежденной и чувствуя, что в эту минуту не в силах начать борьбу.

Капитан Грифитс, с которым пора познакомить читателя, не был ни разбойник, ни грабитель.

Это был человек благородный, пылкий, решительный и отважный. Уроженец прибрежья *Красной реки*, хотя не французского происхождения, он был душою и телом *Сожженный лес*. Его предки — старинные пуритане, скрываясь от преследования англичан два столетия назад, поселились на берегу *Красной реки*, где несколько позднее присоединились французские эмигранты из Канады и Акадии, слились с ними, поклявшись в вечной ненависти к Англии.

Джон Грифитс постоянно сопротивлялся распоряжениям британского правительства, глубоко преданный своей родине; цель его жизни была освобождение ее от ига.

Едва ему исполнилось двадцать лет, а он уже отличался ненавистью к Англии и тем обратил на себя внимание своих сограждан, так что когда восстание созрело, то предводители движения поспешили предложить ему начальство над летучим отрядом из нескольких сотен людей — нечто вроде вольной дружины, подчиненной единственно ему, во главе ее он вел с канадским правительством ожесточенную партизанскую войну.

К сожалению, пользуясь неограниченною свободою и не отдавая никому отчета в своих действиях, он был

рабом страстей, не подчинялся никакой власти, не признавал другого закона, кроме своей необузданной воли, и, не сдерживая себя ни в чем, отваживался на поступки хотя и с благородною целью, но отвергаемые нравственностью и которые в более просвещенном государстве были бы причислены к разбойничьим выходкам и строго наказаны; но страна, раздираемая постоянно войною, управляемая бессильным начальством, избранным народом и сжатым своеволием толпы, не может быть строгой в отношении нравственности, и потому к поступкам Гриффитса, часто заслуживающим порицания, относились снисходительно и пользовались результатом — всегда почти выгодным для дела независимости, защищаемого с такою стойкостью молодым партизаном.

Похищение донны Долорес, подробности которого мы впоследствии передадим читателю, и много других подобных вещей, принадлежали к числу деяний, возбраняемых законами, но допускаемых разнузданностью капитана Гриффитса.

Отряд нашего партизана, набранный исключительно в области *Красной реки*, состоял из двухсот тридцати всадников, смелых, отважных охотников, привыкших с юных лет к жизни в пустыне и настолько хитрых и изворотливых, что они могли бы поучить самих краснокожих. Все эти люди, храбрые как львы, преданные до фанатизма делу восстания, обожали своего капитана, безотчетно веряясь ему и слепо надеясь на его светлый ум, распорядительность и мужество.

Не более месяца как Гриффитс расположил свой лагерь между Скалистыми горами, избрав выгодную позицию и на самой дороге, по которой шли караваны, то направляясь в Вокувер и другие места Тихого океана, то в Канаду или на границы Соединенных Штатов. Рассчитывая на долгую стоянку, капитан хорошо укрепился в своем лагере у подножия неприступной горы. Имея форму дуги, лагерь простирался налево и направо и был защищен с боков крутыми оврагами, а спереди непроходимым болотом, если кто не был знаком с извилинами узкой тропинки, пробитой через него. Кроме того, лагерь был окружен поваленным лесом вышиною двенадцать футов, и строем фур, сцепленных между собою и составлявших таким образом второй окоп.

Собранные из кожи по индейскому обычаю хижины, обложенные дерном, служили убежищем авантюристам, а крытые сараи назначались лошадям.

Посреди укрепления, на возвышении и совершенно отдельно от хижин, красовалась просторная изба, увенчанная флагом цвета республики Красной реки. Эта изба походила более на прочно построенный дом, чем на временное строение, и служила как жилищем капитану, так и главной квартирой партизанам.

Достигнув болота, отряд выровнялся в нитку и шагом, один за другим, последовал за капитаном по извилинам тропинки.

На этот опасный переход требовалось не менее четверти часа.

Когда часовые окликнули прибывших, выполнили все формальности, отряд проник в укрепление через узкий проход, немедленно закрытый за ним.

Капитан Грифитс мрачно отвечал на горячие приветствия своих подчиненных и, приказав знаком разойтись, направился с донною Долорес к своей квартире.

Подъехав к крыльцу, он остановился, спрыгнул с лошади и подошел к молодой девушке.

— Сеньора, — сказал он, сняв шляпу и кланяясь ей почтительно, — милости просим, мы приехали. Позвольте предложить вам руку и помочь сойти с лошади.

Не отвечая ни слова, Долорес взглянула на него с пренебрежением и с грациозной легкостью соскочила с лошади.

Капитан судорожно сжал брови, побледнел, но поклонился вторично молодой девушке.

— Прошу вас покорно следовать за мною, — сказал он, первый вошедши в дом.

Северные американцы вполне понимают смысл комфорта, который должен существовать как при условиях жизни в степи, так и среди многолюдных городов, тот истинный комфорт, доставляющий человеку все необходимое для его благоденствия, от серьезного до безделья.

С виду невзрачная изба была хорошо расположена, тщательно и со вкусом меблирована. Все было продумано для приятной обыденной жизни. Книг было в большом количестве, даже музыкальные инструменты не были забыты. Среди первой комнаты, в которую вошла Долорес

де Кастелар, находились три хорошенькие метиски от восемнадцати до двадцати лет, в безмолвии ожидавшие ее приказаний.

— Сеньора, — почтительно обратился капитан к своей пленнице, — вы здесь у себя; эти молодые девушки назначены вам в услужение. Они будут повиноваться только вам одной, и никто, начиная с меня, не осмелится переступить порог этого дома без вашего на то позволения. Вы тут полновластная госпожа. — Он остановился, как бы выжидая ответа, но видя, что гостя не прерывает упрямого молчания, продолжил: — Я удаляюсь, сеньора, сознавая, насколько мое присутствие противно, я не иначе приду сюда, как только по вашему приказанию. Прощайте, сеньора. Если обстоятельства, не зависящие от моей воли, принудят меня удержать вас на несколько дней в лагере, то будьте уверены, что никто не забудет должного к вам уважения.

Произнеся эти слова, капитан низко поклонился Долорес и, не дожидаясь ответа, которого, наверное, и не дождался бы, вышел из комнаты.

— О! — воскликнул он с сердцем, направляясь к хижине, устроенной для него на скорую руку. — Эта женщина создана из мрамора; истая дочь гордой испанской крови, с железною волею и непреклонная в отношении долга, как она его понимает.

У входа в хижину к капитану подошел молодой человек почти его лет, красивый, с насмешливым выражением лица и умными глазами.

— Вы хотите поговорить со мною, любезный Маркотет? — спросил, улыбаясь, Грифитс.

— Да, капитан.

— Признаюсь вам, друг мой, что в настоящую минуту я в дурном настроении и не расположен к разговору. Если вы ничего важного не имеете мне сообщить, то прошу вас, оставьте меня одного.

— С большим удовольствием, капитан, я бы исполнил вашу просьбу, но, к сожалению, дело идет об обязанностях службы, и вы сами не раз предписывали доносить все, заслуживающее внимания.

— Верно, друг мой, извините меня. Я весь к вашим услугам; прошу войти, и позвольте предложить вам разделить мою трапезу, в продолжение которой вы передадите мне ваши новости.

— В свою очередь, капитан, не взыщите за бесцеремонность, с которой соглашаюсь на ваше предложение, но оно мне доставляет такое удовольствие, что, рискуя прослыть докучливым, я не имею духу отказаться.

— Решено, друг мой, мы обедаем вместе, и я надеюсь, что ваше веселое общество рассеет хоть на короткое время мои грустные мысли.

Разговаривая таким образом, наши собеседники вошли в первое отделение хижины. Стол был накрыт, и один из авантюристов, исполнявший должность слуги, стоял подле, ожидая приказаний.

— Лакур, — сказал Грифитс, — поставь еще прибор: лейтенант обедает у меня.

Через пять минут наши молодые люди сидели за столом лицом к лицу и с аппетитом кушали дичину, представленную на блюде между ними.

Капитан Джон и Маркотет были дальние родственники. Воспитываясь вместе, они дружески сошлись. Достигнув совершенного возраста, эта дружба поддерживалась ненавистью, равномерно питаемою обоими к Англии.

Когда Грифитс набирал свою дружину, он предложил Маркотету место лейтенанта; предложение было принято с восторгом, и в продолжение четырех лет совместного служения дружба их усилилась, и они ничего не скрывали друг от друга.

— Ну, что же? — сказал капитан, когда первый голод был удовлетворен, — какие новости? Я готов вас слушать.

— Я предпочитаю отложить мои донесения, любезный Джон; вещь по себе не очень важная, а лучше поговорим о вас; положение, в котором я вас вижу, беспокоит меня.

— Гм! — возразил капитан с грустью, — это довольно часто случается, и не стоит беспокоиться. Вы заметили мою пленницу?

— Я ею восхищался, друг мой: она прелестна. Мне в первый раз удалось встретить такую красавицу.

— О-о! — сказал капитан, пристально смотря на своего друга, — уж не влюблены ли вы, Ипполит?

— Черт возьми! — отвечал тот простодушно, — право, не знаю.

— Как это... не знаете?

— Да так, не знаю и не стараюсь узнать. Могу сказать одно: она восхитительна, и когда ее взор упал на меня, то мне показалось, что огненная стрела вонзилась в мое сердце; несмотря на ее неземную красоту, в ней, однако, есть что-то загадочное и мрачное.

— Да, — задумчиво отвечал капитан, — эта женщина создана иначе, чем другие... это демон!

— А!.. неужели и вы тоже...

— Нет! — возразил Грифитс, горько улыбнувшись, — я не люблю ее, напротив, ненавижу.

— Гм, берегитесь, капитан... дело принимает серьезный оборот.

— Что вы подразумеваете?

— Да черт возьми, кто этого не знает! Ненависть, любезный Джон, недалеко от любви. Чем больше мы ненавидим женщину, тем более ее обожаем.

— Повторяю вам, друг мой, что ненавижу эту женщину! Она оскорбила меня! Ее обращение со мною до того презрительно, до того возмутительно, что не знаю, решилась ли бы она так поступать со своими неграми.

— И... через два дня вы снова будете у ее ног.

— Оставьте ваши шутки, Ипполит, — воскликнул горячо капитан, — они жестоки! Повторяю в последний раз — я не люблю этой женщины и не буду любить ее.

— Тем лучше! более не стоит и говорить! — отвечал поспешно лейтенант, замечая, какой неприятный оборот принимает их спор. — Хотите, я вам сообщу мои новости?

— Сделайте одолжение! За ваше здоровье, — прибавил капитан, передавая ему бутылку.

— И за ваше, — отвечал Ипполит, выпивая залпом стакан вина.

— Ну, начинайте, — возразил Грифитс после короткого молчания.

— Слушайте: наш объездной отряд возвратился с донесением, что около укрепления, направо, бродит шайка Индейцев-воронов, а налево расположился многочисленный караван торговцев.

— Это все?

— Погодите! Впереди у нас кучка охотников.

— Ну... это не враги.

— Вы думаете? — возразил насмешливо Маркотет.

— А еще что?

— След чистокровных индейцев на два выстрела от лагеря... Как вы находите мои новости, капитан?

— И дурными, и хорошими! Но во всяком случае мы должны принять свои меры.

— Верно, друг мой... я уже удвоил часовых и отправил на поиски двух лазутчиков.

— Прекрасно, но я не нахожу нужным особенно тревожиться! За ваше здоровье!

— И за ваше, Джон; кстати, не желаете ли вы знать, кто эти охотники?

— Какие-нибудь бродяги! Разве вы их знаете?

— Да, некоторых из них; например, Валентин Гиллуа.

— Как! — воскликнул капитан, — Валентин Гиллуа? Этот знаменитый лесной бегун?

— Положительно! Тот самый, по прозвищу *Искатель следов*. Ему сопутствует его молчаливый друг, грозный индейский вождь *Без следа*, или Курумилла.

— О-о! — сказал капитан, — замечательное обстоятельство! Человек, которого мы так давно ищем, находится подле нас.

— Я уверен, что стан его не далее как в двух милях от нашего укрепления.

— Вы знаете, Маркотет, каким безграничным влиянием пользуется Курумилла над белыми охотниками и метисами от Канады до Мексики, — сказал с живостью Грифитс. — Эти воплощенные черти, эти необузданные бродяги преданы ему на жизнь и на смерть. Вы также знаете, по какой важной причине добиваюсь с ним свидания, а главное, хочу перетянуть на нашу сторону, и что единственно с этой целью я так глубоко проник в *Скалистые горы*.

— Все знаю, — отвечал Маркотет, качая головой.

— Так вы думаете, что, несмотря на близость его к нам, мне не удастся с ним встретиться?

— Напротив, я убежден, что это не трудно, если мы того пожелаем, и мне кажется, что он, со своей стороны, нас тоже ищет: недаром явился в Скалистых горах.

— Отлично, — весело вскричал капитан, — дело идет на лад; мы легко сговоримся.

— Ну, я не разделяю вашего мнения, Джон, и считаю нужным сказать вам, что Валентин Гиллуа ненави-

дит вас и ищет случая убить... без сомнения, открыто, потому что Гиллуа не способен на вероломство.

— Возможно ли?

— Это из верных источников, друг мой.

— Странно... я не знаю этого человека! Не понимаю, за что он может ненавидеть меня?

— Причина мне неизвестна, но он враг ваш.

— Тут кроется подлая клевета, необходимо разъяснить это обстоятельство!

— Непременно, но советую пока остерегаться и не вверяться судьбе. Против нас идет человек хитрый, отважный, могущий располагать равными силами, и, видя в нас неприятеля, не задумается напасть врасплох на лагерь, если представится удобный случай.

— Это будет непоправимое несчастье! Нам следует избегать столкновения с ним, чтобы не потерять в будущем возможности сближения. Позвольте мне обдумать хорошенько наше положение, и завтра с восходом солнца приходите сюда. Вы ничего не имеете более достойного передать?

— Одно слово.

— Именно.

— Меня уверяли, что Индейцы-вороны устроили засаду на расстоянии выстрела от стана купцов и намереваются сегодня ночью их атаковать. Какое будет ваше распоряжение?

— Сохранить нейтралитет. Эти торгошники не внушают мне доверия; в их поступках есть что-то такое подозрительное, дающее мне повод принимать их за волков в овечьей шкуре; пусть они сами справляются с чертями индейцами; у нас и без них довольно заботы, и глупо соваться не в свое дело.

— Так, что бы ни случилось, мы не тронемся с места?

— Нет, не тронемся. Прощайте, лейтенант, до завтра!

— Покойной ночи, капитан, до завтра.

Молодой человек вышел, предоставив капитана своим размышлениям.

Засада против засады

Поднялся морской ветер; с силой врываясь между обнаженными деревьями, неистово качал ветви, покрытые инеем, и жалобно завывал. Небо серо-желтоватое, покрытое густым туманом, тяготело над атмосферой.

В продолжение двух часов снег сыпал хлопьями и топил под белым саваном все предметы, придавая им неопределенный вид.

Полутуманная луна, окруженная желтым и синеватым отблеском, бросала на землю свои бледные, несогревающие лучи. Холод делался нестерпим. На горизонте облака оттенялись бледными полосами, предвещая конец ночи и начало сумеречного дня.

Несмотря на холод и снег, наши два охотника и мексиканец, закутанные в одеяла, сидели, дрожа от стужи, но без движения, на месте, избранном ими. Состояние у них было невыразимое; ни сон, ни бдение, знакомое тем, кто участвовал в утомительных походах или ночью стоял на часах, словом, кто имел несчастье быть солдатом или моряком; пробужденные внезапно каким-нибудь случаем, они вставали разбитые и усталые гораздо сильнее, чем если бы совсем не смыкали глаз.

Как долго длился этот полусон, наши герои не могли бы определить, потому что они потеряли ощущение времени, как вдруг чей-то глухой голос прошептал Валентину на ухо:

— Встань!

Искатель следов открыл глаза, встал и устремил свой светлый взгляд на Курумиллу.

— Разве время? — спросил он.

— Да, — отвечал вождь.

Разговор продолжался пантомимой, и ни одного слова не было более произнесено.

Вот что вождь передал Валентину: до четырех часов утра *Индейцы-вороны* оставались безмолвны и недвижимы. Ничто не предвещало, что они имеют намерение оставить лагерь.

В продолжение первой части ночи лазутчики индейские и эмигранты ходили на поиски в разные направления и так удачно, что нигде не столкнулись. Сторожа поблизости индейского лагеря, Курумилле вдруг слышался к четырем часам утра легкий шум наподобие пробудившегося пчелиного улья. Тогда он тихо подкрался и увидел, что Вороны вооружаются и собираются повзводно под предводительство разных начальников.

Вскоре вышел Анимики в воинственной одежде, и по данному им знаку второстепенные вожди собрались около него и последовали за ним к костру совещания. Тут он говорил им речь, и, судя по его жестам, Курумилла предполагал, что он объяснял им план действия, уговаривал исполнить свой долг. За отдаленностью слов нельзя было расслышать.

Речь продолжалась долго, и вождь Воронов выражался горячо и напыщенно. Наконец, по знаку Анимики второстепенные вожди оставили костер совещания и направились к своим взводам.

В свою очередь они ободряли своих воинов, потом иккишота, боевой свисток, сделанный из берцовой кости, подал сигнал, и двенадцать взводов, каждый в пятнадцать человек, оставили лагерь в глубоком молчании и отправились по разным направлениям к стану эмигрантов, чтобы в одно время его обложить.

На расстоянии ружейного выстрела Вороны остановились и притаились за деревьями и утесами, ожидая приказания вождя начать. Вот какого свойства были новости.

Оставя дремать мексиканца и Бальюмера, Валентин с Курумиллой быстро удалились. Краснокожие оставались на своих местах, не делая ни малейшего движения. Нашим друзьям удалось обойти их незамеченными.

Когда охотник убедился в верности рассказа Курумиллы, они возвратились обратно.

Товарищи их находились еще в летаргическом состоянии, следственно, не заметили их отсутствия. Валентин разбудил обоих.

В одну секунду они вскочили и были готовы.

Валентину было необходимо посоветоваться со своими друзьями перед началом отважного предприятия, задуманного им. Под начальством Анимики находилось сто восемьдесят отборных воинов, храбрейших из всего племени.

Валентину не приходило на ум, что этот предводитель Воронов мог располагать такими силами. Как бы храбры ни были охотники, но сделать нападение четверем человекам на целый отряд было бы верх безумия.

Валентин это понимал и потому решился действовать только с согласия своих друзей.

Они составили военный совет.

Валентин объяснил им в нескольких словах затруднительные обстоятельства, в которых они находятся, и закончил словами:

— Я не хочу вовлечь вас в предприятие, может, пагубное, и предоставляю вам полную свободу действовать по вашему усмотрению; более того, я советую вам соблюдать осторожность и оставаться нейтральными. Что до меня, то я твердо решился, и, что бы ни случилось, я постараюсь избавить несчастных эмигрантов от ярости этих разбойников.

Бальюмер приготовился отвечать, но, к общему изумлению, Курумилла встал и начал говорить:

— Воины, — сказал он, — опасности нет... Бледнолицые друзья... Курумилла видел... Курумилла великий вождь... идет за бледнолицыми воинами. Ждите... не трогайтесь.

Окончив свою речь, с усилием, несвязно произнесенную, Курумилла дружески улыбнулся своим служителям и, не дожидаясь ответа, схватил ружье и скрылся в кустах.

Валентин и его товарищи ничего не поняли и терялись в догадках — одна сбивчивее другой.

Спустя три четверти часа после ухода Курумилла вдруг снова появился среди своих друзей, которые даже и шелеста шагов его не слышали.

— Войди, Кастор, — сказал он, сторонясь, — Курумилла великий вождь... язык его не лжив. Вот Искатель следов... не ищи более. Вот, Валентин... смотри!

В эту минуту показалось несколько человек.

Это были те самые люди, которые несколько часов назад устроили западню авантюристам и чуть не похитили у них Долорес.

Избегнув преследования авантюристов, благодаря своей ловкости и знанию пустыни они возвратились к товарищам, оставленным сторожить лошадей, и расположились на ночлег в пещере, нечаянно ими открытой на дне оврага, в коротком расстоянии от местопребывания наших друзей.

Когда в начале ночи Курумилла отправился наблюдать за неприятелем, он увидел между дерсвьями огненную точку, похожую на звездочку в темную ночь. Это был костер, разложенный охотниками.

Вождь был слишком любознателен, чтобы не осведомиться собственными глазами, какого рода этот свет, и, приблизившись легкою поступью к пещере, узнал Кастора и охотников, его сопровождавших.

В продолжение своей кочующей жизни Курумилла подружился с *лесными бегунами*, честными и храбрыми людьми; кроме того он знал, что Кастор дал слово Валентину присоединиться к нему, лишь только соберет нескольких товарищей, на которых мог бы положиться.

Эта встреча, особенно в настоящую минуту, сильно обрадовала вождя; однако он не нашел нужным показаться Кастору и удалился, не дав о себе знать, положив впоследствии предупредить своего друга и предоставить ему свободу действовать по желанию.

Конечно, Курумилла продолжал бы молчать, но, услышав, что Валентин решился один напасть на краснокожих, нашел, что время пришло поделиться с ним открытием.

Он и сделал это, соблюдая по индейскому обычаю все дипломатические церемонии.

Оставив Валентина, он отправился в пещеру и вошел к изумленным охотникам, которые его с удовольствием приняли.

Он им в двух словах объяснил, чего от них ожидали. Лесные бегуны сейчас встали, взяли на два дня корму

лошадям и, заложив ветками вход в пещеру, последовали за Курумиллою.

Свидание лесных бегунов с Валентином и Бальюмером было трогательное; они знали друг друга и уважали.

Охотники были числом в пятнадцать человек; старые лесные бегуны, привыкшие ко всем случайностям жизни в пустыне, следственно, союз с ними был очень важен.

Кастор представил Валентину дона Пабло как своего друга, но более не распространялся на его счет, обещая после познакомить его более с ним.

Искатель следов пожал руку молодому мексиканцу.

— Товарищи, — сказал Валентин, — не теряя время мы должны сговориться, потому что Вороны не замедлят напасть на наших новых друзей.

— Переговоры будут коротки, — прервал Кастор, — мы только ваши союзники; у вас своя цель, поэтому вместо переговоров дайте приказание, и мы его исполним в точности.

— Тем более, — возразил Бальюмер, бесцеремонно прерывая Кастора, — что дело идет о нечаянном нападении, которое нечего обдумывать...

— Позвольте мне сделать одно замечание, — сказал гамбуцино.

— Говорите, сеньор Хозе, говорите.

— Мы не имеем другой цели, кроме как предотвратить опасность от наших собратьев и не попасться в руки краснокожих, не правда ли, сеньоры?

— Совершенно справедливо, — отозвался Валентин.

— Но, — продолжал гамбуцино, — мы их совсем не знаем и никогда не имели с ними никакого дела. Мы только предполагаем, что они эмигранты или купцы; что же касается до того — честные ли они люди или нет, то это нам неизвестно.

— Что же вы хотите этим сказать? — спросил Валентин.

— Я хочу сказать, — отвечал с улыбкой Навая, — что, не зная людей, которым мы хотим подать помощь, не мешало бы осторожность присоединить к человеколюбию.

— Да, — вмешался, смеясь, Бальюмер, — мой прадед, уроженец Нормандии, всегда говорил, что пословица «осторожность — мать безопасности» как нельзя более подходит к пустыне.

— Это правда, — возразил гамбуцино. — Придерживаясь этой мудрой пословицы, повторяю еще раз, что желаю спасти совершенно неизвестных нам людей; не следует нам заходить слишком далеко, предварительно не узнав, кто они такие на самом деле. Пожалуй, спасем их, но, сделав это, не заходя к ним в лагерь, удалимся. Кто знает, быть может, впоследствии нам придется раскаяться в том, что выказали столько человеколюбия по отношению к этим людям: они, может быть, окажутся недостойными этого.

Настало непродолжительное молчание. Все взоры были устремлены на Валентина, который, казалось, размышлял о только что сказанном.

После нескольких минут размышлений Валентин поднял голову и, протягивая гамбуцину руку, сказал:

— Вы безусловно правы, сеньор дон Хозе. Не знаю почему, но я чувствую к этим людям совершенно безотчетное отвращение. Но все-таки долг наш повелевает им помочь, в противном же случае мы совершили бы не только предосудительный поступок, но преступление и подлость. Защитим же их, но кроме этого между нами и ими ничего общего не должно быть.

— Так спасем же их инкогнито, — сказал, смеясь, Бальюмер.

— Тем более, — прибавил Кастор, — что познакомиться с ними мы всегда успеем.

— Итак, это решено? — спросил Валентин.

— Решено! — отвечали все присутствующие в один голос.

— Ну, так вот что нам следует сделать: мы не так многочисленны, чтобы образовать и разделиться на несколько отрядов, а должны не разъединяться. Вождь будет нашим проводником: он хорошо исследовал местоположение лагеря Воронов и подведет нас к нему так, чтобы в случае надобности мы могли отрезать им отступление, поставив их между двух огней. Мы не будем действовать до тех пор, пока эмигранты будут в состоянии удерживать свою позицию; но как скоро они станут ослабевать и лагерю их будет грозить опасность сделаться добычей хищников, тогда, только тогда мы примем участие в сражении, стараясь по возможности не выказать нашу малочисленность. В крайнем случае, если этот маневр не принесет желаемого результата, то напа-

дем стремительно на Воронов, стараясь не разъединяться. По окончании сражения мы отступим так, чтобы нас обе стороны не могли узнать. Хорошо ли будет так, товарищи?

— Хорошо! — отвечали охотники.

— Осмотрите же повнимательнее ваше оружие, да и в путь!

Охотники поместились один за другим. Курумилла, следуемый непосредственно Валентином Гиллуа, стал во главе колонны.

Затем по знаку Искателя следов охотники тронулись в путь, ступая по следам впереди идущего.

Охотники спустились по довольно крутому склону, прилегающему к не особенно широкой, но совершенно открытой долине, посредине которой протекал узкий ручей.

Как только Курумилла достиг окончания склона, вместо того чтобы углубиться в лес, он круто повернул направо и стал пробираться по опушке. Это безмолвное шествие продолжалось около двадцати минут.

Курумилла вел так искусно своих товарищей, что, скрывая их постоянно, он достиг вместе с ними небольшой группы скал, занимавших средину долины и защищавших переход через ручей, про который мы уже упоминали.

Достигнув подножия гор, вождь остановился.

— Вот ваш пост, — сказал он.

Трудно было бы найти более удобную позицию как по отношению защиты, так и по неприступности ее.

Нисколько не рискуя быть замеченными, охотники с этого места могли свободно видеть всю долину.

Позади их порой сверкали искры от тлеющих костров, зажженных в лагере Воронов; впереди же, как длинное черное пятно, виднелся лагерь эмигрантов, окруженный частоколом.

Изредка на равнине, белой от снега, выделялись тени краснокожих, которые подобно змеям ползли по направлению последнего.

Охотники были совершенно свободны в своих действиях, и от их произвола зависело — принимать участие или нет в предстоящем сражении.

По обыкновению, как бывает в этих странах перед восходом солнца, утренняя зоря принимает молочный

цвет, позволяющий различать предметы на далеком расстоянии.

Каждый встал на место, указанное тихим голосом Валентина. Неподвижные, как статуи, охотники ожидали сигнала своего начальника.

Сильный ветер, подхватывая и крутя хлопья снега, уносил их в пространство. Порой вдали у склона слышался заунывный крик совы — птицы, приветствующей первой приближение дня.

Вдруг яркий свет распространился на горизонте, и в ту же минуту окрестности огласились боевым криком Воронов.

Как шакалы, они ринулись вперед, и в то же мгновение раздался ружейный залп, а потом уже отдельные выстрелы.

— Дело будет жаркое, — заметил весело Бальюмер, потирая руки.

Вороны, по своему обыкновению, подползли к лагерю эмигрантов так близко, как только было возможно, и пустили в него зажигательные стрелы.

Повторив это два или три раза, краснокожие по боевому свистку своего вождя бросились на частокол, стараясь влезть на него в нескольких местах сразу.

Но им пришлось иметь дело с нетрусливым неприятелем. Да к тому же белые были на страже.

Зная, что краснокожие следят за ними, они употребили все средства, чтобы укрепить лагерь. Стрелять же они начали только тогда, когда могли наверное рассчитывать, что выстрелы их достигнут цели. При помощи пистолетов и сабель им удалось сбросить с частокола неприятелей.

Но индейцы не растерялись и снова сделали нападение, но на этот раз с большей осторожностью и искусством.

По приказанию своего вождя они запаслись щитами, которые при первом приступе не сочли нужным употребить в дело.

На этот раз, укрываясь ими от ударов, они с новым остервенением бросились на лагерь эмигрантов.

Достигнув частокола, они кинули в лагерь фашины, начиненные сухой травой, и подожгли их.

Битва начала принимать грандиозные размеры.

Фашины достигли своего назначения: смоляные покрывала кибиток загорелись.

Эмигранты, принужденные в одно и то же время заняться тушением пожара и отбивать врагов, защищались с отчаянной храбростью.

Уже человек сорок перелезли через частокол и, потрясая топорами над головами, выпускали дикие крики.

Вдруг кибитка, в которой хранился порох, взлетела с ужасным треском на воздух.

Этот взрыв, по какому-то счастливому случаю не сделав вреда белым, произвел страшное опустошение в рядах краснокожих.

Вороны — почти уже победители — поражены были паническим страхом: смешались, невольно отступили на несколько шагов и без сомнения бежали бы, если б не помешали им это сделать их вожди.

Белые же, напротив, еще более воодушевились, не надеясь победить неприятелей.

Вслед за ужасным взрывом, о котором мы говорили, сражение на несколько минут прекратилось.

Обе стороны как будто по безмолвному соглашению заключили перемирие на короткое время, чтобы перевести дыхание, прежде чем начать последнюю борьбу.

Охотники, спрятавшись за утесы, были свидетелями борьбы на жизнь и смерть.

Их взоры с лихорадочным нетерпением, как у собак, когда их держат в самый разгар охоты на привязи, были обращены на горизонт, освещенный заревом пожара.

Удерживая пыл своих товарищей, Валентин наконец почувствовал, что сам увлекается битвой.

Много силы воли нужно было охотникам, чтобы преодолеть свое нетерпение до той минуты, когда взлетевший на воздух фургон как бы возвестил о поражении белых.

Тогда, не промолвив слова, они оставили свои места и стремительно бросились в долину.

Валентин принужден был употребить все свое влияние на товарищей, чтобы заставить их умерить шаг.

Благодаря тому, что все внимание сражающихся было сосредоточено на внутренность лагеря, охотникам удалось подойти к нему на расстояние почти ружейного выстрела, не обнаружив ни той, ни другой стороне своего присутствия. Но, внимая голосу благоразумия, Валентин заставил отступить своих товарищей шагов на пятьдесят, к маленькой рощице, и укрыться в ней; сам же, проби-

раясь в высокой траве между изувеченными трупами, которые свидетельствовали о ожесточенности этой кратковременной, но ужасной битвы, отправился осмотреть окрестности лагеря. Вернувшись к своим товарищам, Валентин Гиллуа в нескольких словах высказал то, что он от них ожидает, и указал им направление, по которому они должны стрелять, чтобы выстрелы их не пропадали даром.

Охотники прибыли на место сражения именно в то время, когда сражающиеся прекратили на время битву.

Приложив приклад ружья к плечу и держа палец на курке, они готовы были по первому знаку Валентина стрелять.

Вдруг Анимики, потрясая топор над головой и испуская бранный крик, бросился вперед.

В ту же минуту страшный залп из ружей раздался вне лагеря.

Десять краснокожих пали.

Эмигранты в свою очередь отвечали залпом, который также вселил смерть в рядах нападающих.

Вороны очутились под перекрестным огнем.

Не стараясь узнать источника помощи, которая пришла так кстати, эмигранты из защищающихся обратились в нападающих и храбро бросились на своих врагов.

Последние же, почувствовав себя окончательно погибшими, побросали свое оружие и, не стараясь даже оспаривать победу, в беспорядке ринулись вон из лагеря.

Как испуганные лани, они разбежались по всем направлениям, преследуемые эмигрантами и пулями неизвестного неприятеля.

Наконец, как бы само Провидение сжалилось над несчастными краснокожими: гроза, которая собиралась еще с самого утра, вдруг разразилась со страшной силой.

Слово гроза мы употребляем за неумением точнее выразить нашу мысль. Но эта была скорей буря, или ураган, столь сильный, что казалось, наступает конец света.

Ветер на пути своем уничтожал все преграды: вырывал с корнями дубы, подхватывал кучи хвороста, вертя и унося их в пространство.

Черные облака спустились почти до самых верхушек деревьев, и воздух сделался столь душлив, что с трудом

можно было дышать. Снег падал на землю так густо, что образовал мыльную массу.

В одно мгновение темное небо смешалось с снежным морем. Ветер еще сильнее завыл. Все исчезло. Животные, выгнанные из своих логовищ, жалобно ревели и растерянно кидались во все стороны. Птицы на лету, с распростертыми крыльями, падали на землю и умирали в агонии.

Положение охотников было ужасное.

Они покинули свою засаду, и, благодаря только неимоверным усилиям, им удалось добраться до тех скал, в которых они укрывались до начала битвы. Но эти утесы не могли служить им надежным убежищем.

Мирный, узкий и мелкий ручей, которым он был несколько часов тому назад, превратился в бурный, как река, поток, унося своим быстрым течением трупы людей и животных.

Гроза свирепствовала все с прежней силой. Снег все более и более скопился на скалах, между тем как вода быстро поднималась и достигала уже почти того места, где Валентин с товарищами приютились.

Но эти твердые духом люди не способны были предаться отчаянию.

Наклонив вперед туловища, они молча и внимательно прислушивались к шуму бури, готовые воспользоваться первым случаем, могущим спасти их от угрожающей им опасности — потонуть.

К счастью, грозы в Скалистых горах хотя и сильны, но зато непродолжительны. Они прекращаются так же скоро, как начинаются, т.е. без перехода, почти внезапно.

Охотники это очень хорошо знали и, несмотря на то что вода была им уже по пояс, не выказывали ни малейшего страха.

Так прошло три часа — три часа, в продолжение которых эти мужественные люди, держась один за другого и цепляясь за утесы, стояли лицом к смерти, не бледнея и не сетуя даже на судьбу.

Наконец, спустя три часа ветер утих, небо просветлело, и снег перестал идти.

Долина представляла картину разрушения.

Лес, или, вернее сказать, рощица, в которой охотники несколько часов тому назад укрывались с целью по-

дать помощь эмигрантам, более не существовала. Ни одного живого существа не было видно. Но всюду царствовала тишина. Снег глубиной более четырех футов покрывал, как скатертью, всю долину. Валентин с товарищами подождали еще с час, чтобы дать время утечь водам и ручью войти в берега. Затем они не замедлили перейти его через брод, предварительно взяв друг друга под руки, чтобы противостоять еще довольно сильному течению; привязав к ногам лыжи, какие имеют всегда при себе в этих странах лесные бегуны, они молча начали скользить по снегу, довольно уже крепкому, чтобы удержать тяжесть их тел.

Охотникам необходимо было около пяти часов, чтобы добраться до пещеры, которую они покинули в предыдущий вечер.

С чувством радости и беспредельной благодарности к Богу вошли они в свою крепость, где могли считать себя в полной безопасности.

Что же касается Индейцев-воронов и эмигрантов, то они бесследно пропали.

Литль-Рок

Однажды в субботу, в ноябре месяце 1858 года, то есть приблизительно десять месяцев ранее дня, с которого начался наш рассказ, двое мужчин, одетых в платье лесных бегунов, беспечно плыли по течению реки Арканзас в пироге, сделанной из древесной коры, вдыхая в себя свежий утренний воздух; они управляли лодкой одним только веслом, не давая ей уклоняться от течения, довольно быстрого в этом месте. Эти двое мужчин были Валентин Гиллуа и Курумилла.

Валентин мечтал; Курумилла же, казалось, спал, что, однако, не мешало им быть на страже.

Берега, между которыми они плыли, становились все более и более гористыми и в то же время живописными. То река пробегала между гранитными утесами с острыми верхушками, то зеленеющий, крутой берег свешивался почти на середину реки; иногда же берега постепенно спускались террасами, на которых рос дикий хлопчатник, береза и другие деревья.

Все это необыкновенно оживляло ландшафт.

К десяти часам утра путешественники сквозь деревья увидели вдали крыши с высокими трубами домов города, который, казалось, с этого места был незначителен.

— Вот и Литль-Рок, — прервал молчание Валентин, бросая вокруг себя задумчивые взгляды. — Помните ли, вождь, когда двадцать лет тому назад мы прибыли сюда в первый раз с целью сбыть меха, — он был тогда только жалким местечком, с деревянным фортом и с одной бан-

кирской конторой. Ныне же, посмотрите — дым мастерских и фабрик. Литль-Рок имеет теперь десять тысяч жителей, богат и промышлен. Через двадцать лет народонаселение его, вероятно, увеличится еще в пять раз. Он будет непосредственно торговать со всей Европой, — прибавил охотник, качая головой. — Так все в свете делается. Взгляните же теперь на эти возделанные поля, которые расстилаются на беспредельное пространство, а десять лет тому назад это был непроходимый лес. В нем мы не раз охотились на ланей и медведей; теперь же его заменяют поля, засеянные зерновым хлебом.

— Гур! — пробормотал Курумилла.

Валентин, без сомнения, это восклицание индейца принял как знак поощрения и потому продолжал:

— Топор янки неумолим: он ничего не щадит. Все, по их мнению, должно превращаться в золото.

Заглушая вздох сожаления, он опустил на руки голову.

Минуту спустя Курумилла слегка коснулся плеча своего товарища.

Тот поднял голову и, проводя рукою по лбу, как бы отгоняя тяжелую мысль, схватился за весла.

Оба мужчины начали сильно грести и через пять минут пробирались уже между бесчисленным множеством судов различной величины, снующих по всем направлениям. Они причалили к лестнице, к которой были привязаны несколько лодок, схожих с их пирогой.

Присоединив к ним и свою, оба охотника взвалили на свои плечи по большому тюку мехов и, выпрыгнув на набережную, углубились в город. Их твердая поступь доказывала, что местность, по которой они шли, была им хорошо знакома.

Испанцы со времени открытия Нового света были главными основателями городов.

Все без исключения выстроенные ими города расположены на местности, выбранной с замечательной предусмотрительностью, благодаря чему они в настоящее время приобрели важное значение как в военном отношении, так и в торговом.

Только такие гениальные авантюристы, как Фердинанд Кортес, Пизарро, Вальдивиа, Альскагр, Кавеса-де-Вака и др. могли обладать такой проницательностью, чтобы одним взглядом заметить все выгоды страны не

только в военном и торговом отношениях, но и в климатическом.

По следам их пошли американцы севера, потомки англо-саксов, которые унаследовали энергию и честолюбие своих предков, еще увеличенное лихорадочной деятельностью и независимостью, — чувством, которое ничто не может насытить. Часто они очертя голову принимали участие не только в опасных экспедициях, но даже в неосуществимых.

Американец севера считает Новый свет своей родиной; здесь он действует всегда и во всем только согласно своему убеждению. Жажда к завоеваниям так овладела им, что он постоянно стремится только расширить границы своего нового отечества; одним словом, все то, что он желает, ищет, добывается, с свойственной англо-саксам настойчивостью не более, как полное господство над обеими Америками.

Осуществимо ли это или нет — покажет время; в ряду основателей городов янки имеют преимущество основывать их необыкновенно скоро и просто. Вот как они это делают.

Например, человек двадцать авантюристов, проезжая лесом, останавливаются на какой-нибудь прогалине для ночлега; если эта местность соединяет в себе все необходимые условия для торговли, то на другой день, прежде чем продолжать путь, они поджигают двадцать или двадцать пять гектаров леса. Затем укрепляют столб с досочкой, на которой пишут: Рим, Париж, Версаль или, словом, что взбредет им на ум. Сами же они удаляются.

Через два или три месяца какой-нибудь путешественник, как это и со мной случалось, попросит указать ему дорогу в какой-либо город, и он получает громкий ответ:

— О, вам не миновать городов Рима, Парижа и других.

Путешественник продолжает свой путь, и что ж? Вместо городов ему встречаются только столбы с надписями.

Наконец через месяцев шесть какой-нибудь спекулянт останавливается для отдыха у столба. Местность ему понравилась, и он решает на ней поселиться. Строит из теса себе хижину и к дверям не преминет прибить вывеску яркого цвета, на которой написано крупными буквами: Большая вашингтонская гостиница

или же какое другое название. Таким образом открывается гостиница. Хозяин же ее в ожидании будущих благ покуривает трубку, пашет землю и окружает оградой то место, которое предназначил для сада.

Спустя год вы видите уже Большую вашингтонскую гостиницу, в каменном или выстроенном из бревен здании. Ее окружает сотня домов, в которых живут тысячи полторы душ; мастерские и фабрики в полном ходу; широкие улицы, окаймленные тротуарами, освещаются газом, но не мощены, что представляет немалые затруднения для ходьбы, так как на каждом шагу наталкиваешься на корни деревьев. Город уже основан. Через два года он будет иметь десять тысяч жителей, а через десять лет по меньшей мере пятьдесят тысяч.

Так основывались и будут основываться, по крайней мере на индейской территории, города Северной Америки. Обыкновенно дело начинается деревянным или каменным фортом, рядом с которым помещается банкирская контора.

Таково было происхождение и Литль-Рока.

Теперь возвратимся к нашему рассказу.

Валентин Гиллуа и его друг Курумилла прошли несколько улиц, не возбуждая ни малейшего внимания в проходящих людях.

По обычаю североамериканцев, они шли быстрым шагом, как будто дело, по которому они спешили, шло о жизни и смерти, не обращая внимания на встреченных, не извиняясь перед лицами, которых они толкали на своем пути. Валентин и Курумилла остановились наконец перед красивым домом, дверь которого была настежь открыта и куда беспрестанно входили и выходили разные люди.

Дом этот была контора богатого негоцианта, ведшего меховую торговлю с индейцами и лесными охотниками.

Оба путешественника вошли в обширную комнату, где человек пятнадцать конторщиков, наклонясь над пюпитрами, усердно работали, ни на минуту не поднимая голову.

Человек средних лет, весь в черном, ходил взад и вперед по комнате.

Едва заметив охотников, он подошел к ним и, поклонившись, спросил Валентина:

— Мне кажется, вы пришли сюда по делу?

— Вы угадали, — отвечал Валентин, показывая тяжелые тюки с мехом.

— Прекрасно, вы спешите?

— Очень, — отвечал Валентин.

— Так идите за мной.

— Извините, — сказал Валентин, — я и сам знаю дом, но мне хотелось бы иметь дело с самим мистером Гроло.

— Это невозможно, — возразил человек в черном, — мистер Гроло очень занят.

— Черт возьми, мистер Клевермак, вы это мне говорите всякий раз, когда прихожу сюда.

— Подождите же, — отвечал тот, рассматривая Валентина. — Я вас теперь узнал: вы французский охотник по имени Искатель следов. Полагаю, что мистер Гроло может принять вас.

— Он должен принять меня, — сказал коротко Валентин. Обращение человека в черном совершенно изменилось: грубые и резкие манеры обратились в изысканную вежливость.

Поклонившись охотнику, он отворил маленькую дверь и исчез.

Отсутствие его не продолжалось более пяти минут.

Он появился снова и сделал охотникам знак следовать за ним.

Они прошли несколько комнат, пока человек в черном не остановился перед одной дверью, возгласивши торжественно: «Мистер Валентин Гиллуа, мистер Курумилла!» Дав им пройти и затворив за ними дверь, он снова исчез.

Оба охотника очутились в комнате, меблированной с грубой роскошью и отсутствием вкуса, чем отличаются американцы.

Мистер Гроло был мужчина высокого роста и не старше тридцати пяти лет. Черты лица его были выразительны, насмешливы, а красный цвет кожи свидетельствовал о невоздержанной жизни.

Отец его был одним из первых колонистов Литль-Рока; в то время когда город был простым фортом, он составил себе состояние меховой торговлей, которая по наследству перешла к сыну, слывшему за первого богача в городе.

В то время когда путешественники вошли к мистеру Гроло, он сидел на кресле, задрав ноги на великолепное из палисандрового дерева бюро и держал в руках номер «Демократа».

Появление охотников не заставило его переменить положение. Он слегка поклонился в их сторону и, указав им рукой на кресла, сказал:

— Вы позволите?

Валентин поклонился, положив тюк на пол; Курумилла сделал то же самое; они сели — Валентин на кресло, Курумилла на ковер.

Прошло несколько минут молчания; мастер Гроло откинул свою газету, взял с бюро кусок дерева и нож и, поместившись снова на кресле, принялся с ожесточением строгать дерево; скоро от него остались только щепки, лежавшие по обеим сторонам кресла.

— Однако ж вы редко посещаете Литль-Рок, мистер Валентин, — прервал он молчание. — Разве вы позабыли ваших друзей?

— Нет, мистер Гроло, я слишком люблю своих друзей, чтобы забыть их: если вы так редко меня видите, то причиной тому вы сами.

— О! Вы, кажется, шутите.

— Ничуть, мистер Гроло.

— Так я не понимаю.

— А между тем ничего не может быть проще: вы так свирепствуете в окрестностях города, что испуганная дичь разбежалась во все стороны. А тридцать лет тому назад на этом месте, где мы с вами теперь сидим, охотились на великолепных медведей. Теперь же нужно сделать по крайней мере пятьдесят лье, чтобы их встретить.

— Это правда, но что делать? Это в порядке вещей. Мир создан для человека. Цивилизация неумолима: она имеет свои законы, которые никто не может преступить; тем хуже для рас, которых она уничтожает: вина лежит только на них самих. Они не исполняют цели своего назначения и потому должны быть уничтожены.

— Да, мистер Гроло, — отвечал грустно Валентин, — я сам знаю, что это так, и вы, американцы, стараетесь оправдать ваше варварство по отношению к первоначальным владельцам этой земли тем, что это не люди, а дикие животные; но меня, вы знаете, в этом не

убедите. Итак, с вашего позволения мы переменим разговор.

— Не сердитесь, не сердитесь, мистер Валентин: мы слишком дружны, чтобы из-за шутки поссориться. Я знаю, что вы очень любите индейцев.

— Этого я не скрываю: я люблю индейцев за их доброту и благородство. На их слово можно всегда положиться.

— Довольно... довольно, мистер Валентин. Напрасно я стал про это говорить с вами. Не сердитесь же на меня: мы с вами старые друзья.

— Да, это правда, мистер Гроло, вы были еще очень молоды, когда я вас видел в первый раз.

— Я часто об этом вспоминаю: наша первая встреча произошла при обстоятельствах, которые никогда не забываются. Без вашей помощи, я уверен, мне бы пришлось хлебнуть, против желания, воды Арканзаса; и потому вы можете рассчитывать на меня. Мое сердце и кошелек принадлежат вам — в том порука слово американца.

— Ваша дружба мне дорога: я не сомневаюсь, что она искренна.

— В добрый час, — сказал, смеясь, американец. — Что же вы принесли там мне, — продолжал он, указывая на тюки. — Вероятно, что-нибудь ценное?

— На этот раз — *да*, — отвечал, смеясь, Валентин. — Мы охотились за Ванкувером.

— Вот как! И для меня сохранили всю добычу вашей охоты?

— Я сдерживаю всегда свое слово. Разве у нас нет договора?

— А что это за меха?

— Две дюжины синих лисиц, три дюжины горноста, пять дюжин бобров и девять шкур серого медведя.

— Боже мой! Вы ничего не делаете вполновину и если появляетесь редко, то зато, когда приходите, приносите отличные меха. Не привести ли нам сегодня наши дела в порядок? Ведь у меня ваших денег сто сорок тысяч долларов.

— Поберегите мои деньги и деньги моего друга, мистер Гроло. В ваших руках они более в безопасности, чем в наших. Нам нужны только снаряды. Порохом и пулями мы доставляем себе все необходимое.

— Как вам угодно, мистер Валентин. Вам приготовят определенное количество снарядов. Довольно ли этого?

— Совершенно.

Мистер Гроло нажал пуговку электрического звонка; почти в ту же минуту отворилась дверь и на пороге появился слуга.

— Велите приготовить немедленно двадцать фунтов пороха, десять фунтов свинца и две переносные аптечки со всеми принадлежностями. Попросите еще мистера Дигваля прийти на минутку ко мне.

Когда затворилась дверь, мистер Гроло обратился к Валентину.

— Вы сделаете честь отзавтракать со мной?

— Благодарю, — отвечал охотник, — но нам невозможно остаться: важные дела требуют нашего присутствия до заката солнца за тридцать миль отсюда. В следующий раз, даю слово, воспользуюсь вашим приглашением.

— Только с этим условием я вас отпускаю.

— Положитесь на меня.

В этот момент дверь отворилась и появился мистер Дигваль, первый приказчик торгового дома.

— Вы требовали меня, сэр? — сказал он, почтительно кланяясь своему хозяину.

— Да, сэр, потрудитесь сделать опись этого товара, находящегося в этих тюках. Стоимость же его вы припишете к капиталу мистера Валентина Гиллуа и мистера Курумиллы, его друга.

— Хорошо, сэр, — отвечал приказчик и, обратясь к охотнику, добавил: — Извините, сэр, — сказал он, — но не вы ли мистер Валентин Гиллуа?

— Да, сэр, — отвечал охотник, — к вашим услугам.

— God bless me! Вот странный случай, — возразил приказчик, — три месяца тому назад получено письмо на ваше имя. Это письмо за несколькими штемпелями пришло из Нового Орлеана и поручено мистеру Гроло. Отдать вам это письмо?

— Вы меня очень обяжете, сэр.

— В таком случае, с позволения мистера Гроло и вашего, я принесу это письмо.

Через пять минут приказчик возвратился, держа в руке большой пакет за пятью печатами и испещренный разными штемпелями.

— Вот, сэр, ваше письмо, — сказал он, подавая его Валентину.

Охотник взял и хотел опустить в сумку, но банкир остановил его.

— Мистер Валентин, — сказал он, улыбаясь, — советую вам сейчас прочитать письмо: оно дошло до вас таким странным образом, что, наверное, заключает в себе важные вести, и потом вы будете жалеть, что не прочли его ранее.

— Я такого же мнения, сэр, и если вы позволите...

— Не стесняйтесь, не стесняйтесь!

Охотник вскрыл письмо и пробежал его глазами, но в ту же минуту страшно переменялся. Мертвая бледность покрыла его лицо; глубокая скорбь исказила черты, несмотря на усилия, чтобы овладеть ею; глаза приняли дикое выражение; судорожная дрожь потрясла его члены, и холодный пот выступил на висках.

— Боже мой, что с вами! — воскликнул мистер Гроло, бросаясь к Валентину.

Заметя, что Валентин покачнулся, приказчик тоже сделал шаг, чтобы поддержать его.

Курумилла стал позади своего друга и, тихо положив ему руку на плечо, сказал:

— Мужайся.

Валентин согнулся под бременем скорби, но скоро выпрямился; он провел глазами вокруг и прошептал слабым голосом, стараясь улыбнуться:

— Я думал, что умру! Богу не угодно было! Теперь мне лучше, гораздо лучше! — В ту же минуту раздирающий вопль вырвался из его груди, и он залился слезами. — О, как я страдаю! Боже, как я страдаю! — вскричал он надорванным голосом.

Курумилла встал на колени подле своего друга и с выражением неописанной нежности сказал:

— Плачь, друг: слезы облегчают. Выплачешь свое горе, станешь мужчиной опять.

Оба американца были растроганы более, чем хотели показать: зрелище этой сильной скорби вызывало слезы на их глазах. Они любили и уважали Валентина, считая его благородным, с возвышенными чувствами и вместе с тем простодушным.

Мало-помалу Валентин пришел в себя; нервы успокоились, глаза высохли, и, обратясь к банкиру, он сказал:

— Извините, что я вас сделал свидетелем глупой сцены; теперь я осилил себя.

— Стало быть, содержание письма самое грустное? — спросил с участием банкир.

— Ужасное несчастье постигло меня!

— Не принять ли вам чего-нибудь для успокоения нервов?

— Нет, благодарю; да и мне спешить надо; если бы было возможно, то я бы сию минуту уехал.

— Куда вы хотите отправиться?

— В Новый Орлеан.

— «Миссури» дымит; теперь одиннадцать часов, и через полчаса пароход отправляется в Новый Орлеан.

— Превосходно! Мистер Дигваль, прикажите, пожалуйста, взять мне и другу моему места.

— Сию секунду, сэр; прикажете перенести на пароход ваши закупки?

— Нет, сэр, только лекарства.

— Очень хорошо, сэр.

Он вышел.

— Минуту назад вы меня спрашивали, любезный мистер Гроло, не нужны ли мне деньги; я отказался. В настоящее время обстоятельства изменились; мне деньги нужны, и много.

— Не беспокойтесь, мистер Валентин, я вам дам уверенность на получение пятидесяти тысяч долларов из банка.

— Мне такой суммы не надо.

— Ну, так вы возьмите, что вам понадобится; лучше взять более, чем менее.

— Вы правы.

Банкир взял бумагу и начал быстро писать.

— Вот, — сказал он, окончив и подавая Валентину четыре или пять писем, сложенных, но не запечатанных, — это уверенность на торговый дом Артура Вильсона, Рокетта и Блондо; вам выдадут пятьдесят тысяч долларов, а это рекомендательные письма к пяти высокопоставленным людям в Новом Орлеане; может случиться, что вам понадобится прибегнуть под покровительство влиятельного лица. Не отказывайтесь от этих писем; они вам откроют двери в дома тех, к кому я пишу.

— Благодарю вас, — сказал горячо Валентин, — я не решился бы вас беспокоить, а между тем они могут быть мне полезны.

— Теперь, — прибавил банкир, — вы, вероятно, не носите с собою денег, то вот сто долларов; этого вам будет достаточно до тех пор, пока представите ваше верительное письмо. Не могу ли я еще что для вас сделать?

— Нет, благодарю вас, вы и так для меня много сделали; я надеюсь на будущее.

Банкир взглянул на часы.

— Четверть двенадцатого, — сказал он, — отправляемся; я вас провожу до парохода. Хочу вас лично познакомиться с капитаном; он мне приятель и кое-чем обязан.

Банкир взял горсть сигар из ящика, предложил одну Валентину, другую Курумилле, третью взял себе, остальные положил в карман, и все трое вышли.

Валентин оправился и принял свое обычное спокойствие и невозмутимость. Взглянув на его беспечную развязность, с которой он курил свою регалию, никто бы не мог подозревать, что лютое горе терзало сердце этого человека.

Мистер Гроло знал всех в Литль-Роке; все ему кланялись и жали руки, но не с той низкой и обыкновенной услужливостью, которую выказывают богатым людям, но с улыбкою и приятным выражением лица, с которыми встречают друзей.

Набережная была запружена тюками и ящиками, около которых бродили, увивались маклеры, носильщики и покупатели, что придавало ей самый оживленный вид.

Великолепный пароход «Миссури» ста футов длины, в два этажа кают, был укреплен у набережной и величественно качался среди сотни других судов разного рода и разной величины.

Колокол на палубе звонил, призывая пассажиров. Они начали переправляться через узенький мостик, перекинутый с берега на борт парохода.

На палубе прогуливался капитан, заложив руки за спину; маленький человечек, толстый, приземистый и коренастый, с веселым лицом, но красным носом, носящий на себе признаки грозящей апоплексии.

Заметив мистера Гроло, он испустил радостное восклицание и поспешил к ним на набережную.

— Ба! ба! Какой ветер вас занес к нам! — вскричал он.

— Чтобы пожать вам руку и пожелать доброго пути, капитан Вригт.

— Взойдите на минутку, мистер Гроло, мы только через двадцать минут отчалим.

— С большим удовольствием, тем более что хочу откомендовать вам лучших из моих друзей.

— Этих джентльменов? — спросил капитан, указывая на охотников, — сейчас взяли для них места.

— Да, капитан.

— О! Если вы побеспокоились сами проводить их и познакомить меня с ними, то это, без сомнения, ваши друзья, — будьте покойны, мистер Гроло, я буду их считать старыми знакомцами. Но пойдете, я вам покажу дорогу.

Они четверо взошли на борт.

Капитан провел своих гостей в каюту под ютом. Большая, хорошо меблированная эта каюта была его.

По его приказанию стоящий, или, лучше сказать, висящий, стол среди каюты покрыли разными закусками и вином. По примеру своих праотцов американцы любят выпить.

Громадное количество вина, поглощаемое ими без неприятных последствий, покажется невероятным.

Валентин и Курумилла, оба чрезвычайно воздержанные, едва помочили свои губы в стаканы виски и бренди, которые им капитан налил.

Что до мистера Гроло, он не отставал от своего соотечественника, и когда настала минута разлуки, то они уже успели осушить, разговаривая, бутылъ виски, около трех литров содержания, и встали, не почувствовав ни малейшего влияния этого одуряющего состава.

Мистер Гроло дружески простился с охотниками, поручив в последний раз своих друзей капитану, и после обычных пожатий рук сошел на берег; в ту же минуту раздался громовой голос кормчего:

— Ослабь канат!

«Миссури» гордо отчалил и быстро пошел вдоль Арканзаса, оставив за собою Литль-Рок, высокие трубы которого скоро исчезли в отдалении.

ГЛАВА VIII

Первый день Валентина в Новом Орлеане

В наше время Новый Орлеан может соперничать с Нью-Йорком на Атлантическом океане, то есть с его портом, одним из самых богатых и коммерческих великой американской республики.

Этот город совершенно новейший, возникший с небольшим полтора столетия, имеет более ста пятидесяти тысяч жителей.

Мы уже сказали в одной из предыдущих глав, что Америка страна чудес; все в ней создается и растет с необыкновенною быстротою.

Орлеан был основан в 1717 году Биервилем, братом знаменитого Ибервиля, который за несколько лет перед этим заложил Мобиль и посвятил всю свою жизнь на устройство колоний в Луизиане.

В 1717 году система шотландца Лоу де Лористон была в самом разгаре во Франции.

Новый город называли Новым Орлеаном, в честь регента, который принял под свое покровительство смелого финансиста. Его система, дурно понятая и еще хуже примененная к делу, разорила дотла многие семейства и создала страшные затруднения в финансах, чем подготовила революцию 1780 года, уже посеянную мотовством Людовика XIV, прозванного Великим.

Новый Орлеан выстроен на острове по левую руку величественного Миссисипи, который индейцы называют

отцом воды и который отстоит на сто шестьдесят километров от Мексики.

Этот город разделен на две части: старый город обитаем потомками первых поселенцев, и в нем только говорят по-французски, новый создан североамериканцами, следовательно, господствующий язык — английский.

Почва в Новом Орлеане низменная, но она постоянно прибавляется наносами Миссисипи.

Улицы, особенно в старинной части города, узки, дома украшены балконами и карнизами во вкусе французском и испанском.

Публичные здания довольно хорошо выстроены, но ничего не имеют замечательного, кроме судебной палаты, которая во всех странах света может считаться образцовым произведением.

Но лучшее украшение Нового Орлеана — это его набережные: они великолепны и могут смело выдержать сравнение с набережными Нью-Йорка.

Если мы еще прибавим, что ежегодно до полутора тысяч коммерческих судов отправляются во все части света из Ново-Орлеанского порта, то каждый может себе составить понятие о его богатстве и обширности торговли.

Едва «Миссури» пристал к берегу Нового Орлеана, как капитан Вригт, верный данному слову мистеру Гроло, отвел наших охотников в старый город к одной бедной вдове по имени госпожа Шобар, которая содержала меблированные комнаты по умеренной цене, собственно, для служащих на торговых судах и вообще для небогатых моряков.

Поручив госпоже Шобар своих пассажиров, капитан пожал им руки, предложил свои услуги, в случае если им понадобится, и возвратился на пароход.

Госпожа Шобар была женщина лет пятидесяти, живая, неутомимая и с остатками замечательной красоты.

Уроженка Нового Орлеана, она была французского происхождения. Ее родители, довольно богатые люди, но разорившиеся неудачными спекуляциями, дали ей хорошее воспитание; в молодости она вышла замуж по любви за капитана купеческого корабля, который разбился у северо-восточных берегов во время китовой ловли, и сам капитан утонул, оставив двадцати пяти лет вдову и троих детей без всякого почти состояния.

Положение молодой матери было ужасное, но она не пала духом.

Сохраняя в своем сердце память о любимом ей человеке, она осталась верной своей погибшей любви и посвятила себя воспитанию детей, со всей энергией материнской любви преодолевающей все препятствия и создающей чудеса.

Но судьба гнала ее. Она потеряла одного за другим всех детей, когда они уже достигли возраста и могли ей помогать, и осталась одинокою в тех летах, когда женщина особенно нуждается в поддержке.

С помощью некоторых друзей госпожа Шобар устроила меблированные комнаты, и благодаря своей расчетливости, вежливости и прекрасному характеру заведение ее пользовалось хорошей репутацией и дало ей возможность жить безбедно.

Вот трогательная история женщины, в дом которой привел наших охотников капитан «Миссури».

Госпожа Шобар приняла Валентина с улыбкой и предупредительностью, обещающей приятные отношения между ней и постояльцами. Она отвела им три небольшие комнаты во втором этаже, осмотрела, все ли в порядке, и спросила, желают ли они обедать за общим столом или у себя.

Опасаясь подвергнуть Курумиллу насмешкам и шуткам, которые бы не понравились индйцу, он предпочел обедать у себя, прося хозяйку прислать им завтрак.

Оставшись вдвоем, наши друзья расположились по желанию каждого.

Квартирка их, как мы сказали, состояла из трех комнат, просто меблированных, и заключала в себе только необходимое.

Валентин перенес свой багаж в одну из спален; Курумилла взял другую.

Первым делом вождя было снять все с постели; он сложил простыни и одеяло, вытряс за окно солому из нижнего тюфяка, свернул верхний, разобрал кровать и бережно все спрятал в шкаф; потом растянул на полу шкуру зубра, положил свой *рифль* и сумку подле, ослабил свой кушак, закурил калюме и предался флегматически этому занятию.

Валентин распорядился иначе.

Он бросил свой кушак и сумку на стул, поставил рифль в угол комнаты, погруженный в свои мысли, опу-

стил голову на грудь, руки заложил за спину и стал ходить по комнате.

Отсутствие госпожи Шобар было короткое; она возвратилась в сопровождении слуги негра, несшего поднос с тарелками и прочими принадлежностями.

Услышав, что отворяют двери, Валентин вышел в третью комнату, разделяющую обе спальни.

— Не беспокойтесь так, сударыня, — сказал он хозяйке, — мы люди неизбалованные, почти дикие; ваши стаканы, тарелки, скатерть и салфетки не нужны нам; это роскошь, от которой я совершенно отвык, а друг мой и приучен не был.

— Однако по крайней мере нужно...

— Ничего, любезная хозяйка; позвольте раз навсегда вам сказать, как мы желаем, чтобы наш стол накрывали.

— Сделайте одолжение; я желаю вам угодить.

— Прежде всего я вам скажу, что наш обычай есть сидя на полу, поэтому столы и стулья бесполезны. Здесь на полу турецкий ковер, вот на него велите поставить блюда, бутылки и, пожалуй, стаканы, но более ничего.

— Как более ничего?..

— Положительно, — отвечал Валентин, улыбаясь. — Что же вы еще хотите поставить?

— Ну, если это ваше желание...

— Уверяю вас, нам так будет удобнее.

Негр вытаращил глаза, ничего не понимая и удивляясь, как таким образом обедать.

По примеру своих собратьев он наверное бы разразился неистовым смехом, но гордая и внушающая почтение наружность охотника сдержала его, и чувство боязни овладело им.

— Теперь, госпожа Шобар, мне остается извиниться перед вами за беспокойство, которое вам причиняем.

— О, сделайте одолжение — не стесняйтесь.

— Изменить свои привычки трудновато, и потому-то я и извиняюсь, что заставляю вас отступать от ваших. Теперь я попрошу вас оказать мне одну услугу.

— Все, что от меня зависит.

— Благодарю вас. Сначала мне нужно навести некоторые справки. Я первый раз в Новом Орлеане и приехал сюда по важному делу. Хорошо знакомый с

американскими нравами и зная, что в этом краю все могущество заключается в деньгах, я снабдил себя значительной суммой, чтобы с успехом ладить и с людьми, и с обстоятельствами.

— О, вы сказали верно, что в этом краю деньги внушают уважение! Перед этим идолом все препятствия исчезают.

— Если бы ваше пророчество сбылось! Но, увы! боюсь надеяться; впрочем, я много ожидаю от сведений, которые вы можете мне доставить.

— Скажите, в чем дело, и я приложу все старания.

— Утренние часы не совсем удобны для нашего разговора: у вас много дел по хозяйству, а мы будем завтракать, и поэтому отложим его.

— Как вам угодно.

— Часа через два или три.

— Хорошо, через три часа я к вашим услугам.

— Благодарю еще раз.

Хозяйка меблированных комнат вышла, за нею негр, окончательно смущенный.

Валентин прошел в комнату Курумиллы.

Увидев, каким образом распорядился его друг, он не мог сдержать улыбки.

— Когда мой брат захочет кушать, — сказал он, — завтрак готов.

Индеец погасил свой калюме, заложил его за пояс, встал и последовал за своим другом.

Завтрак прошел в безмолвии.

Курумилла был неразговорчив, а в такую минуту, как сейчас, он нашел бы неприличным задать вопрос Валентину. Он знал, что глубокая скорбь терзает сердце его друга; может быть, отчасти и догадывался, что так мучит его, но с врожденною деликатностью и благородством чувств, составляющим отличительную черту характера индейца, он никогда бы не решился вызвать на откровенность Валентина, несмотря на искреннюю дружбу и преданность, которую питал к нему; он сознавал, что есть страдания, для которых нет утешений, и чем глубже их таят в душе, тем осторожнее надо к ним относиться и ожидать, чтобы страждущий сам пожелал разделить свое горе и облегчить душу признанием; потому-то Курумилла ждал, что придет минута, когда Валентин откроет ему все.

Окончив завтрак, индеец закурил свой калюме, а Валентин сигару, которыми его снабдил мистер Гроло при отъезде из Литль-Рока.

Минут двадцать друзья курили молча и, казалось, погружены были в свои мысли, наконец Валентин поднял голову и бросил украдкой взгляд на своего друга.

— Об чем думает вождь? — спросил он.

— Курумилла грустит, — отвечал индеец медленно своим гортанным голосом, — толстая кожа легла ему на сердце, слова давят ему грудь, он видит, что его бледнолицый друг несчастлив.

— Что еще скажет Курумилла? — продолжал Валентин.

— Курумилла говорит: мой брат страдает! Ухо друга открыто, сердце тянется к Валентину; легче переносить скорбь, если ее разделить на двоих; пусть мой брат знает, что Курумилла подле него; он ждет и говорит — хорошо.

— Мой брат верно сказал; он знает, что язык мой не раздвоенный и что сердце мое всегда открыто для него. Когда Валентин привел вождя в каменную деревню бледнолицых, то он надеялся, что Курумилла ему будет полезен. Пусть охотник скажет, чего он хочет; вождь исполнит.

— Благодарю моего брата, я знал, что он скажет, облако не может существовать между его рассудком и моим. Наше горе общее. Если я два дня молчал, то боялся огорчить моего брата, сообщив ему вещь так же близкую ему, как и мне.

— Курумилла Сахем — из первых Ульменес своего племени, он великий воин; мудрый у костра совета, страшный в битве; храбрый смеется над скорбью, когда эта скорбь его собственная, но страдает, если его друг несчастлив.

— Я все скажу вождю; мне тяжело молчать долее; сердце мое разбивается в груди, и мне нужно опереться на руку брата.

— Хорошо, пусть брат опирается, рука Курумиллы сильна; она не ослабеет, уши его друга открыты, он слушает охотника.

Валентин опустил свою голову и пробыл несколько минут в размышлении.

— Слушай, вождь, — сказал он наконец с волнением, — слушай, пора кончать; пытка, которую выношу, слишком жестока, и более я не в силах переносить. Ты, верно, не забыл моего молочного брата дона Луиса де Пребуа-Крансе; ты знаешь, чтобы подавить глубокое чувство любви к донне Розарии, его невесте, я решился удалиться навсегда и с твоей помощью исполнил это.

— Курумилла помнит, — сказал вождь, качая головой, — он тоже любил дона Луиса, тоже был предан дикой розе.

— Правда, вождь, и эту преданность ты доказал с опасностью жизни. После нашего отъезда с фермы дела-Палома ни твои, ни мои мокасины не оставили более новых следов на тропинке, которая ведет к ней. Тем, кому я принес в жертву мое счастье, жили благополучно; что мне было до остального; я мужчина... страдать в силах.

— Гуг! — возразил индеец, — мой брат тверд душою, он боролся с горем и одолел его.

— Увы, я это думал. Кровь льется из раны по-прежнему, а боль еще жгуче! Вот что мне пишут в письме, полученном в Литль-Роке; я прочту моему брату только то, что касается горестного события.

Индеец выразил знаком свое согласие.

— Вождь слушает, — сказал он, — брат его может открыть письмо.

Не отвечая ничего, Валентин Гиллуа взял из сумки письмо, переданное ему в Литль-Роке мистером Дигвалем, первым приказчиком дома *Гроло*; он вскрыл письмо трепетною рукою, пробежал его глазами и, обратясь к другу, сказал:

— Слушай.

Индеец кивнул головою.

Охотник начал читать.

— «*Шакра* дела-Палома была разграблена тому год назад Молюхами, старыми союзниками Антинагюеля, *тигра Солнца*; эти свирепые воины сохранили беспощадную ненависть к убийцам своего вождя; они вообразили, что дон Луис был из самых неумолимых его врагов, и потому положили отмстить ему, не имея возможности отмстить вам.

Долго в молчании они подготовляли это ужасное намерение. Мщение глотается холодным, говорят арокан-

цы; им не хотелось, чтобы предприятие не удалось; наконец, когда все предосторожности были приняты и на успех можно было рассчитывать, выбрав темную и бурную ночь, злодеи окружили шакру, чтобы никто не мог уйти от их мщения; в безмолвии перелезли через высокие стены фермы, врасплох напали на спящих жителей, перерезали их, разграбили шакру и, свершив гнусное дело, удалились при освещении пожара, предоставив огню увенчать начатое ими.

Из собранных позднее сведений в *Ароко* и других местопребываний племени *Окас* оказывается, что побудительная причина, двигавшая Молюхов, была не та, которую им приписывала молва.

Тихонько повторяют, что будто некий дон Мигуэль Тадео де Кастель-Леон, дальний родственник вашего друга дона Луиса, виновник этого преступления. Дон Мигуэль, которого вы должны помнить, подлый развратник, самой скверной репутации, запутанный в долгах и живущий разными промыслами, одно постыднее другого; говорят, что он подстрекнул Молюхов покуситься на подобное злодейство, а главное, предписывал им не щадить жертв, обреченных на смерть.

Верно только одно, то есть что дети дона Луиса и донны Розарио были чудом спасены кем-то из пожара, в котором погибли их родители, и с той минуты исчезли, несмотря на все поиски; как бы в подтверждение этих слухов дон Мигуэль видели за два дня до преступления в Валдавии много лиц, и он тоже Бог весть куда девался.

Достоверно то, что спустя дня два после разорения шакры дона Луиса трехмачтовый корабль североамериканских штатов «*Нантукет*», стоящий на якоре в Валдавии, вдруг ночью изготовился и отплыл неизвестно куда.

Некоторые утверждают, что дон Мигуэль Тадео и дети дона Луиса отправились ночью на палубе «*Нантукета*».

— От кого брат мой получил эти сведения? — прервал Курумилла.

— От одного из моих старых и лучших друзей, от человека, которого ты хорошо знаешь, дона Грегорио Перальта.

— Брат мой не ошибается; если это письмо от дона Грегорио, то верить ему можно.

— И я в том убежден. Дон Грегорио прибавляет, что, по его мнению, дон Мигуэль удалился в Соединенные Штаты, во-первых, чтобы скрыться, а во-вторых, чтобы удобнее избавиться от детей своих жертв.

— Это так, — сказал Курумилла.

— Дону Мигуэлю, должно быть, лет под пятьдесят; рост средний, коренастый, сильный; черты лица грубые, взгляд двусмысленный, лицо рябоватое. Случайно на охоте он лишился маленького пальца на правой руке. Кроме того по лицу идет рубец от левого виска и теряется в усах.

— Хорошо, человек здесь, — сказал вождь, указывая на лоб, — Курумилла будет помнить.

— Детей называют Луис и Розарио, как отца и мать. В эпоху гибельного события Луису было шестнадцать лет; он высок ростом, светло-русый, как отец, с которым имеет поразительное сходство. Розарио было четырнадцать лет, но она казалась старше; это прелестное дитя, обладающее уже всею прелестью молодой девушки; насколько Луис похож на отца, настолько же Розарио похожа на мать; с первого взгляда вы узнаете этих детей. Письмо кончается таким образом: «Не зная, где вы находитесь, любезный Валентин, и надеясь на справедливость и доброе сердце посланника французского в Вашингтоне, я послал это письмо ему с просьбою употребить все усилия, чтобы вас отыскать; я убежден, что только вы можете спасти детей нашего друга. Если я не получу от вас ответа в продолжение года, то или вы уже не существуете, или письмо не дошло до вас, или вы не в состоянии отвечать. Тогда я оставлю Чили, прямо отправлюсь в Новый Орлеан и с деятельностью примусь за розыски. Я не могу свыкнуться с мыслью, чтобы такое страшное преступление осталось ненаказанным и чтобы подобный злодей, как этот дон Мигуэль Тадео, избегнул достойной казни». Вот и все, — сказал Валентин, грустно опуская голову на грудь.

— Давно ли это письмо в дороге? Брат мой знает ли? — спросил индеец.

— Да, вождь, знаю; оно долго меня искало.

— Вождь ждет от своего друга положительного ответа.

— Двадцать семь месяцев, как это письмо написано; всякая надежда потеряна.

- Гуг!
- Мой брат думает иначе?
- Да, охотник ошибается.
- Я ошибаюсь?
- Да, так вернее.
- Объясни, мой брат.

— Охотник не получил письма, не отвечал. Дон Грегорио в беспокойстве; сюда приедет; нас ждать будет.

— Мой брат сам ошибается; восемь месяцев прошло со времени, назначенного самим доном Грегорио. Он оставил Чили, приехал сюда, ждал месяц или два, потом, отчаявшись с нами увидеться, уехал; теперь, вождь, где же нам с ним встретиться?

Курумилла покачал головою.

— Мой брат не разделяет моего мнения?

— Нет, так не случится. Дон Грегорио человек благоразумный, мудрый у костра совета; он ждал ответа два, три месяца, потом приготавлился; искал плавучий дом, глубокую воду, сильный ветер; Седая голова еще не приехал; нам ждать его.

— Неужели это действительно мнение моего брата? — сказал Валентин, колеблясь.

— Вождь говорит да.

— Хорошо, мы будем ждать месяц.

— Седая голова приедет, мы можем, не сомневаясь, его ждать.

Наступило грустное молчание; оба друга погрузились в свои мысли.

Через несколько минут они встали и разошлись по своим комнатам.

Разговор с Курумиллой ободрил Валентина и бросил светлую тень на обстоятельства, казавшиеся ему в самом мрачном виде. Он почти надеялся. Ему прежде и в голову не приходило, а теперь он предчувствовал возможность отыскать детей и отомстить за своего молочного брата.

Он боялся анализировать, какого рода побуждение заставляет его действовать.

Напрасно он приписывал дружбе к Пребуа-Крансе эту ненависть, которую питал к его убийце. Побудительная причина была не та.

Воспоминание о донне Розарио и глубокая привязанность к этой женщине, не угасшая в продолжение мно-

гих лет, пробудилась еще с большей силой в его сердце. Следовательно, он пылал мщением не за Луиса Пребуа, но за донну Розарио. Он упрекал себя за эти мысли, но они жили в нем, и чем более он старался их удалить, тем настойчивее они возвращались; пришлось признать себя побежденным и согласиться с тем, что совесть есть единственный свидетель, которого обмануть нельзя. Как часто в свете мы преклоняемся перед возвышенностью чувств, выставляемых напоказ, а если бы пришлось их изучить, рассмотреть в увеличительное стекло, то ясно бы увидели, что двигатель всего есть эгоизм, тщеславие, ненависть, и самый честный человек, управляемый страстями, не раз в свою жизнь играл комедию с макиавелизмом, достойным плута.

Валентин недолго ждал обещанного визита госпожи Шобар. Почтенная хозяйка почувствовала большую симпатию к охотнику и потому явилась ранее назначенного часа.

— Я теперь свободна, — сказала она, приветливо улыбаясь, — и готова к вашим услугам.

— Благодарю вас за эту готовность быть мне полезною; прошу садиться. — Он подвинул ей стул. — Я призван в Новый Орлеан, — продолжал Валентин, — по весьма важному делу. К несчастью, я никого не знаю в этом городе и хотя говорю довольно хорошо по-испански, а французский язык мой природный, но не понимаю ни одного слова по-английски, что мне будет помехою в моих розысках.

— Во всяком другом городе Союза незнание английского было бы для вас чрезвычайно неудобно, но здесь французский язык самый употребительный; все на нем говорят или понимают, даже янки. Я полагаю, что вы снабдили себя рекомендательными письмами?

— Это драгоценный запас для каждого путешественника, и я хорошо снабжен ими; у меня есть письма к самым богатым и значительным лицам Нового Орлеана.

— В таком случае вам нечего беспокоиться; все двери откроются перед вами, и всякий предложит вам свои услуги и постарается быть полезным. Большинство орлеанцев помнят, что в жилах их течет французская кровь, и на этом основании они с объятиями принимают своих соотечественников по ту сторону Атлантики.

— Вы меня ободряете.

— Вы мне сказали, что и в деньгах не имеете недостатка?

— О, я богат, очень богат,

— Позвольте мне дать вам совет?

— Очень вам буду благодарен; я вас и пригласил к себе с тем, чтобы спросить у вас совет.

— Знаете, милостивый государь, что бы я сделала на вашем месте? В Новом Орлеане, как и везде, людей принимают по платью и судят по наружности. Позвольте, долго ли вы думаете побыть здесь?

— Около месяца; все будет зависеть от обстоятельств; но это пустое и не может иметь влияния на мои расходы; думайте, что я год проживу в Новом Орлеане.

— Превосходно; извольте выслушать. Вам прежде всего надо быть в собственном доме; неприлично жить в такой маленькой и простенькой квартире, какая у вас. Дела серьезные требуют полной свободы.

— Вы правы, госпожа Шобар, и я вполне разделяю вашу мысль.

— Итак, вам надо: дом, обстановку полную и не менее четырех невольников для услуги.

— Что это будет стоить?

— Ну!.. не дешево, тысяч сорок пиастров; но, платя чистыми деньгами, можно ожидать скидки на шесть тысяч пиастров. Дом готов — тот, что напротив нас. Его три года тому назад выстроил богатый арматер, но он сделался банкротом и застрелился. Мебель, белье и прочее я вам достану выгодным образом.

— Решено... пусть будет по-вашему. Через час сорок тысяч пиастров будут в ваших руках.

— А вы завтра будете у себя.

— От всего сердца вам благодарен. Теперь позвольте мне сделать вам предложение? Не возьметесь ли вы управлять моим хозяйством и присматривать за прислугой? Не имея никогда невольников, я, право, не знаю, как и поступать с ними.

— Я вам выберу хороших, на которых вы можете совершенно положиться.

— Я вполне уверен, но на мое предложение вы ничего не ответили.

— Это почти невозможно; мое присутствие необходимо здесь; глаз хозяйки всюду нужен, так что я в затруднении, какой ответ дать. Впрочем, может, и удастся

уладить. У меня есть одна небогатая родственница, которая с удовольствием возьмется за порядочную плату приходить помогать мне. Таким образом, не оставляя моего заведения, могу наблюдать за вашей прислугой и управлять вашим хозяйством.

— Я на это согласен; за ваши труды я вам дам...

— В настоящую минуту ничего, вы расплатитесь перед отъездом из Нового Орлеана.

— Тем лучше. Сделайте одолжение — прикажите принести приличное мне платье; я отправлюсь к моему банкиру, а в моем отсутствии похлопочите, чтобы приготовили контракт на покупку дома, так, чтобы мне только осталось подписать.

— Не тревожьтесь, все будет сделано.

Через полчаса Валентин Гиллуа сбросил с себя старую кожу, то есть натянул черное платье, вышел из дома и направился к проспекту, прозванному *Канал*, на котором находилась контора Артура Вильсона, Рокетта и Блондо.

Господин Рокетт прекрасно принял Валентина.

— Я вас ждал, милостивый государь, — сказал банкир, подвигая ему кресло. — Мой корреспондент в Литль-Роке предупредил меня о вашем приезде; какую сумму вам угодно?

— Еще не знаю, но сначала вас попрошу рассмотреть бриллианты, которые я с собою привез; вы, вероятно, знаток?

— И очень хороший; оценка их не менее доллара; мне так много об вас писали, что я буду вести с вами как с приятелем; кроме того, вы, кажется, француз, и я не позволю себе обмануть соотечественника. Где же бриллианты?

— Вот они. — Валентин снял с шеи кошелек из выхухоля, на стальной цепочке, и подал банкиру.

Тот открыл кошелек и высыпал бриллианты на лист бумаги.

Их было не более шестидесяти.

Банкир рассматривал сначала со вниманием, потом с удивлением и, наконец, с восторгом.

— О, о! — воскликнул он, подымая голову и смотря на своего нового клиента, — знаете ли вы, земляк, как драгоценны эти бриллианты?

— Знаю, — отвечал Валентин, улыбаясь.

— И на какую сумму? — продолжал банкир.

— Я думаю, пожалуй, на миллион.

— Тот, кто купит у вас эти бриллианты за миллион, ограбит вас, но, может, вы подразумеваете миллион долларов?

— Черт возьми! Неужели так много?

— Может, и более; если вы согласитесь их доверить мне, то я покажу моим товарищам.

— Очень хорошо; продайте их, а деньги оставьте у себя в банке до востребования.

— Как прикажете. Дня через два я буду иметь честь вам доложить, что можно выручить за них; но позвольте вас спросить, вы очень богаты?

— Да, — отвечал небрежно Валентин, — и так как я приехал в Новый Орлеан с целью повеселиться, то нашел необходимым, кроме кредита, открытого мне на ваш банк, запастись еще ценными вещами.

Банкир смотрел на этого человека, говорившего с такой небрежностью о миллионах, с чувством такого же восторга, с каким смотрел на бриллианты.

— Какую сумму угодно вам?

— Мне нужно устроиться, дайте мне пятьдесят тысяч долларов.

— Сейчас, милостивый государь.

Через двадцать минут Валентин Гиллуа возвратился домой в сопровождении приказчика торгового дома Артура Вильсона, Рокетта и Блондо, неся за ним пятьдесят тысяч долларов в билетах и золотом.

Поверенный домовладельца, у которого Валентин покупал дом, дожидался его с готовыми документами на продажу.

Валентин переменял кое-что в купчей, и, попросив поверенного не говорить никому о продаже, он подписал контракт, заплатил двадцать одну тысячу долларов, дал пятьсот франков поверенному, который удалился, кланяясь в пояс.

Кто такой был мистер Джон Естор

Госпожа Шобар пунктуально сдержала обещание, данное своему жильцу.

Достойная женщина так много хлопотала и употребляла столько средств, что совершила действительно чудеса.

На другой день к четырем часам пополудни Валентин Гиллуа переселился на свою новую квартиру, где было все предусмотрено.

Мебель была богатая и со вкусом, шкафы были наполнены бельем и платьем; слуги, или, вернее сказать, черные невольники, ходили из комнаты в комнату с озабоченным видом, исполняя свою должность, как будто были уже целый год в услужении у охотника.

В конюшнях ржали четыре великолепных степных мустанга; купленные Валентином утром за бешеные деньги, казалось, они способны были при случае оказать своему новому владельцу большие услуги. Словом, все было отлично устроено.

Валентин Гиллуа, предупредим читателя, чтобы он не удивлялся огромным расходам, которые делал так легко наш герой, был чрезвычайно богат, как он сам даже говорил г-ну Рокетту, но на самом деле состояние его было колоссально.

Происхождение его было очень простое.

В продолжение двадцати пяти лет с тех пор, как Валентин сделался лесным бегуном, ему удалось открыть

несколько золотых россыпей, тайну которых он сохранял более по беспечности и пренебрежению, чем по другой какой-либо причине.

Между тем трудно было бы найти человека более щедрого, состояние которого, если привести в известность, что довольно легко было бы сделать, оставило бы далеко за собой состояние капиталистов всего света.

Плясер, по выражению *гасигусинов*, или искателей золота, называется месторождение самородков, из которых стоит только нагнуться, чтобы достать кусок золота.

Эти *плясеры*, как и в Волядеро, который мы описывали выше, скрывают в себе несметные сокровища.

Вероятно, из ненависти и презрения к утонченному свету Валентин Гиллуа сделался лесным бегуном; он твердо решился жить и умереть в пустыне, где мог следовать влечениям своего сердца и делать добро тем, с кем столкнет его судьба.

Однако ж охотник очень хорошо знал, что золотой ключ отпирает все двери, где б человек ни жил, и увенчивает успехом все предприятия.

Не для себя, но для тех, кто мог иметь в нем нужду, Валентин старался не попасться врасплох.

Ввиду чего Валентин и Курумилла, прежде чем отправляться в город для продажи своих мехов, захватывали с собой самородки золота, часто на значительную сумму, с целью променять их на бриллианты, будучи знатоками драгоценных камней.

Кроме того, как мы видели в Литль-Роке, деньги за свой меховой товар они оставляли в руках мистера Гроло, ограничиваясь только медикаментами и порохом — необходимыми принадлежностями для долговременной охоты.

Таким образом, Валентин Гиллуа имел значительный кредит у банкиров трех границ: английской, мексиканской и американской.

Этот человек в жалкой одежде, на взгляд грубый и в то же время простой, никуда не ходил без того, чтобы не иметь при себе на несколько миллионов бриллиантов, что делал и его друг Курумилла.

Вот источник богатства Валентина, которым, впрочем, он был нисколько не занят.

Благодаря заботливости своего друга Курумилла был помещен в настоящий вигвам, возвышающийся посреди-

не сада; все в нем было устроено согласно привычкам индейца.

Вождь с большим удовольствием принял во владение свое новое жилище.

Сидя на корточках, Курумилла курил из калюме.

Занавеска, которая служила вместо двери, приподнялась, и на пороге показался охотник.

В мужчине, одетом в черном, с орденом Почетного легиона в петлице и носящем этот костюм с таким щегольством и изяществом, никто не мог бы признать знаменитого лесного бегуна, которого в лугах называли Искатель следов.

Курумилла приятельски улыбнулся своему другу и жестом пригласил его сесть на табурет.

Валентин сел и, бросив вокруг себя довольный взгляд, закурил сигару.

Пустив несколько клубов дыма, охотник наклонился к другу своему и начал говорить с ним на ароканском языке, только им одним понятном.

— Открыты ли уши брата моего? — спросил он.

— Гуг! — отвечал Курумилла, наклоняя утвердительно голову.

— Ну, так пусть вождь слушает слова, которые я ему скажу: они настолько важны, что должны остаться в памяти его.

— Курумилла не забудет их, — отвечал коротко вождь.

— Хорошо, — сказал Валентин, — но доволен ли брат мой своим новым вигвамом? Отныне он ему принадлежит; но глаза и уши брата моего должны быть постоянно открыты: с этой минуты мы вступаем на тропинку войны.

— Что должен делать вождь? — спросил Курумилла.

— Вождь должен быть неотлучно на страже на этом каменном *тольдо*. Курумилла хотя и мудрый воин, но он не знает всех хитростей и средств, которые употребляют бледнолицые в больших каменных селах, чтобы погубить и обмануть своих врагов; Валентину они известны; это он будет отыскивать убийцу донны Розарио. Брат мой ограничится лишь тем, что будет зорко следить за всем из своего вигвама. Всякий день его друг будет отдавать ему отчет в том, что он сделал, и просить совета на будущее время.

— О, Искатель следов мудрый воин; что он сказал, то и сделает. Курумилла говорит: это хорошо! Его брат может ехать: глаза и уши вождя открыты. Кто может его обмануть? Идите, — Курумилла на страже.

— Но чтобы Курумилла сторожил с большим успехом, — продолжал с улыбкой охотник, — друг его принес ему оружие.

С этими словами он поднес ему пару шестиствольных револьверов крупного калибра и ружье со штыком.

— Гуг! — воскликнул с восхищением индеец, — Курумилла никогда не видал такого оружия.

— Верю, — отвечал с улыбкой Валентин, — эти оружия изобретены едва шесть месяцев тому назад Голландом, французским оружейником. Напрасно стали бы вы искать подобное в Америке; их сила и верность выстрела необыкновенны, а между тем устройство как нельзя проще.

Затем в нескольких словах он растолковал вождю гениальный и действительно чудесный механизм револьверов и еще более простой — ружей, которые можно заряжать и с дула, и с казенной части.

Радость Курумиллы была неопишанная; его индейское хладнокровие было побеждено; он смеялся как ребенок и хлопал в ладоши, любуясь оружием.

— Теперь, — воскликнул он с гордостью, которая отразилась на его некрасивом лице, — Курумилла будет отлично сторожить и благодарить своего брата-охотника.

— Прекрасно, — отвечал Валентин, — я теперь совершенно спокоен. Черт возьми, друг мой, это оружие мне стоило красноречия: едва удалось убедить капитана французского корабля уступить мне их. Имея его в руках, нам некого бояться в лугах: мы стоим двадцати человек; кажется, сам Бог за нас, — прибавил он с глубоким убеждением, — и мы выйдем победителями.

Эти два человека слишком хорошо понимали друг друга с полуслова, чтобы нуждаться в более ясном объяснении.

Валентин пожал другу руку и вышел из вигвама.

Тотчас же сел он верхом на лошадь и, сопровождаемый лакеем, одетым в богатую ливрею, отправился во французское консульство.

Пребывание Валентина у консула было непродолжительно и мотивировалось одной лишь учтивостью к пред-

ставителю его отечества, а может быть еще и тем, что охотнику когда-нибудь придется прибегнуть к его покровительству.

Консул, по обычаю всех наших агентов за границей, встретил очень любезно своего гостя и заметил, что охотно ему поможет в любых затруднительных обстоятельствах.

Валентин поблагодарил, но не воспользовался готовностью хозяина; оба мужчины расстались в восхищении друг другом.

В продолжение нескольких дней Валентин успел вручить многим лицам рекомендательные письма, которыми в избытке снабдил его мистер Гроло.

Любопытные, которых везде много, наводили уже справки на приезжего, окружившего себя такой нсслыханной роскошью.

Так как многие сведения были почерпнуты из верного источника, то есть из самой даже конторы Артура Вильсона, Рокетта и Блондо, то состояние Валентина скоро было всем известно, благодаря чему его повсюду встречали с распростертыми объятиями.

Новый и Старый свет близнецы по отношению к золотому тельцу, но первый еще более перед ним преклоняется.

Валентин был представлен г. Рокеттом консулу Чили.

Однажды они встретились в доме банкира.

Английский консул был простой английский купец и владетель торгового дома в Сан-Яго-Чили. Он принял назначение консула в Новом Орлеане с целью приобрести себе покровительство со стороны правительства Чили на случай революций в этой стране.

Известно, что республики испано-американские изобилуют революциями.

Впрочем, консул был очень честен и услужлив, словом — такой человек, какой нужен был Валентину.

Обменявшись несколькими незначительными словами, оба мужчины отделились к окну и не замедлили завязать серьезный разговор.

Вот что охотник узнал.

Дон Грегорио Перальта два месяца тому назад приехал прямо из Вальдивии в Новый Орлеан, испытав в продолжение этого довольно продолжительного путешествия много затруднений.

С виду дон Грегорио Перальта казался пожилым человеком, но, несмотря на седину, не утратил посадки, живого взгляда, и гибкость его членов доказывала, что он еще очень силен.

Пребывание его в Новом Орлеане было кратковременно.

Он объехал почти всю Луизиану.

Всякий раз, как возвращался в Новый Орлеан, он жил очень уединенно, посещая только немногих лиц, и то преимущественно деловых.

Впрочем, консул предполагал и даже был уверен, что дон Грегорио Перальта не преминет возвратиться скоро в Новый Орлеан, основывая свое предположение на том обстоятельстве, что он нанял на Канале богато отделанную квартиру, в которой оставил свои вещи под призором верного слуги...

Валентин скрыл приятное впечатление, которое на него произвело это известие; затем он осведомился о доне Мигуэле Тадео де Кастель-Леон.

Но тут начались затруднения.

Консул первый раз слышал эту фамилию. Но Валентин не способен был унывать. Он описал консулу наружный вид дона Мигуэля Тадео со всеми мельчайшими подробностями.

Консул, казалось, пробуждал свои воспоминания; вдруг, хлопнув рукой по лбу, сказал:

— Слушайте, я припоминаю действительно личность, которая подходит к вашему описанию; но она не носила той фамилии, которую вы сказали.

— А! — воскликнул Валентин.

— Нет, я уверен, это был он, — продолжал консул не колеблясь. — Вот благодаря какому случаю мне пришлось его увидеть: однажды утром, когда я завтракал у дона Педро д'Авиля, здешнего бразильского консула, доложили, что какой-то иностранец желает с ним говорить. Дон Педро приказал просить, и тот не замедлил войти. Хотя я видел этого человека не более минуты, но странное выражение его мрачного лица запечатлелось глубоко в моей памяти. Он похож был как две капли воды на особу, которую вы мне сейчас описывали. Иностранец назвался Матиасом Корвино, дворецким или доверенным маркиза де Рива д'Агуейро, наместника провинции Мато-Гросса.

Он приехал в Новый Орлеан в это же утро.

При нем были дети его господина, который поручил ему поместить их в один из пансионеров Нового Орлеана для изучения английского и французского языков.

Затем Матиас Корвино передал дону Педро письмо маркиза — письмо, вероятно, очень спешное, так как дон Педро, извинившись передо мной, оставил меня одного и вышел вместе с ним.

Я узнал уже позже, от самого консула, что дети были определены: молодая девушка в институт девиц Федерлэ и молодой человек во французскую коллегию.

— А с этих пор вы ничего не слышали более про этого человека? — прервал Валентин.

— Право, признаюсь вам откровенно, это дело не касалось меня, и потому я нисколько им не занимался.

— Не можете ли вы хотя бы приблизительно назвать число, когда видели этого авантюриста?

— Это будет трудненько; но тем не менее я, кажется, не ошибусь, если скажу, что это было не ранее, как два с половиной года тому назад.

— Мне совестно, сударь, что я вас так долго задержал разговором, который очень мало вас интересует; но для меня, не скрываю, он имеет громадное значение.

— Поверьте, я буду чрезвычайно рад, если сообщенные мною сведения могут быть вам полезны.

Обменявшись еще несколькими вежливыми фразами, оба мужчины разошлись и присоединились к гостям.

На другой день Валентин Гиллуа отправился в пансион девиц Федерлэ, где его приняли очень учтиво и с готовностью отвечали на его вопросы.

К несчастью, сведения, которые получил от них Валентин, только еще более сгустили мрак вокруг этого таинственного происшествия.

Дамы припоминали очень хорошо прелестного ребенка, вернее сказать, молодую девушку по имени и фамилии Розарио де Рива-д'Агуейро, которая была помещена в их институт в качестве пансионерки.

Все ее любили за кроткий и тихий нрав; но в одно роковое утро, шесть месяцев спустя после поступления ее в институт, на прогулке с подругами она по неизвестному предлогу отделилась от них и исчезла.

Но что еще более было странно, так это то, что, несмотря на заявление в полицию о пропаже молодой

девушки и публикации во всех газетах, никто в течение двух лет не предъявлял своего права на Розарио. В коллегии, куда немедленно отправился из института охотник, Валентин получил подобные же ответы.

В тот же день, почти даже в тот же час и при тех же условиях, Луи молодой тоже исчез.

Странное стечение обстоятельств — похищение в одно время брага и сестры — удостоверили Валентина, что виновником этого был дон Мигуэль Тадео.

Но что случилось с детьми?

Были ли они умерщвлены?

Живы ли они еще?

Вот вопросы, которые во что бы то ни стало нужно было разрешить.

Важнее всего, конечно, было попасть на след похитителя.

В Америке велика свобода действий и возможность быстрого переезда с одного места на другое, тем не менее в дальних городах союза человек не может исчезнуть, не оставив после себя следов, как это часто случается в пустыне и саваннах.

Там не существует контроля, и через два дня каждое мертвое тело, обглоданное до костей хищными зверями и птицами, становится навсегда неузнаваемым.

Несмотря на то, что мрак все более и более сгущался вокруг Валентина, он не терял надежды. Охотник был одарен тем энергическим характером, который, раз поставив себе цель в жизни, постоянно стремится к ней.

Сделав эти два посещения, Валентин отправился домой, где госпожа Шобар сообщила ему, что уже более часа ожидает его в гостиной какой-то джентльмен.

Валентин поспешил пойти к нему.

При входе в гостиную охотника с кресла встал мужчина высокого роста, с выразительными чертами, и почтительно поклонился ему.

— С кем имею удовольствие говорить? — спросил Валентин, указывая жестом щегольски одетому незнакомцу в черном на кресло.

— Господин Рокетт, глава торгового дома Артур Вильсон, Рокетт и Блондо, — отвечал тот чистым французским языком, — имел честь дать мне к вам рекомендательное письмо.

При этих словах он подал запечатанный конверт.

— Прекрасно, — сказал минуту спустя Валентин, прочитав письмо, — господин Рокетт, которого я просил познакомить меня с вами, пишет, что я могу вполне довериться вам; вы господин Естор?

— Да, Джон Естор, бывший шеф тайной полиции, к вашим услугам. Хотя я уже бросил несколько лет свою должность, сколотив небольшое состояние, но тем не менее больше из удовольствия оказываю услуги джентльменам, коим угодно осчастливить меня своим доверием. Господин Рокетт шепнул мне уже несколько слов про одно щекотливое, а главное, трудное дело, которое вы хотите мне поручить.

— Совершенно справедливо; но к этому я должен прибавить, что дело это не только трудно, но и очень опасно.

— Вот такие-то дела я и люблю: я артист своего ремесла и скажу откровенно, что не столько работаю для денег, сколько из любви к искусству, впрочем... — прибавил он с едва приметной улыбкой, — я не пренебрегаю и золотом. Считаю долгом предупредить вас, что из немногих ваших слов я заключил, что придется делать частые переезды, содержать агентов в разных местностях, и, словом, может встретиться бездна непредвиденных расходов, которые обойдутся очень дорого. Вы потрудитесь сами назначить сумму.

— Честное слово, я теперь не сомневаюсь, что вы настоящий джентльмен, господин Естор.

— Не угодно ли вам будет сейчас условиться со мной о плате, чтобы нам далее уже не касаться этого предмета.

— Я ничего не имею против этого.

Джон Естор задумался и через несколько минут, смотря прямо в глаза Валентину, заговорил.

— Что вы скажете о тридцати тысячах долларов?

— О тридцати тысячах долларов? — переспросил Валентин.

— Да, но зато я предамся душой и телом этому делу и даю честное слово, что все зависящее от меня я сделаю; а если не исполню возложенное на меня поручение, то, значит, исполнить его нет физической возможности.

— Я буду настолько же откровенен с вами, как и вы были со мной, — отвечал Валентин в свою очередь, пристально смотря ему в глаза. — Я дам вам не тридцать,

а пятьдесят тысяч долларов — все равно, исполните ли вы поручение или нет; а чтобы доказать мое доверие к вам, вы получите вперед двадцать тысяч долларов и десять тысяч в виде благодарности при успешном окончании поручения. Итого, значит, всего-навсего вы получите шестьдесят тысяч долларов. Согласны ли вы на эти условия?

— Еще бы! Нужно быть сумасшедшим, чтобы на них не согласиться.

— Итак, мы сошлись в цене?

— Вполне, сударь, и я жду только ваших приказаний.

Валентин Гиллуа передал Джону Естору содержание письма дона Грегорио Перальта и обстоятельно рассказал все дело, не упуская ни малейшей подробности, могущей навести на след.

Рассказ длился более двух часов.

Все это время Джон Естор слушал с большим вниманием, позволяя себе только в некоторых местах рассказа одобрительно кивать головой, но не перебивать.

— Ну, теперь, когда вы все знаете, — спросил Валентин, — скажите ваше мнение об этом деле.

— Гм, — отвечал тот, — я вам скажу термином нашего ремесла: оно дьявольски крепко, и будет, будет в нем порядочно передраги.

— Но вы не отчаиваетесь в успехе?

— Ей-Богу, я никогда не отчаиваюсь. Мне удавались дела еще труднее этого; но тем не менее я должен признаться, что мы будем иметь дело с ловким малым, даже слишком ловким, — прибавил он с сардонической улыбкой, — и эта ловкость его погубит. Желая схитрить, он себя выдаст. Двойное похищение детей, исполненное таким образом, есть глупость, а его поездка в Бразилию нелепость. Теперь я вижу игру этого человека так же ясно, как будто я смотрел ему через плечо.

— Объяснитесь.

— Для меня дело ясно, как день. Понятно, что этот человек желает скрыть следы детей посредством фальшивого документа о их смерти, который он мог легко достать здесь при помощи денег, и воспользоваться их состоянием.

— Ну, а если он действительно их умертвил?

— Нет, мы имеем дело не с убийцей.

— Вы утверждаете это слишком уверенно.

— Нисколько, это весьма логично. Прослушайте со вниманием то, что я вам скажу. Дикие животные разделяются на два класса, во-первых, на таких, которые действуют смело, идущие прямо к цели, не прячась и не медля, таковы тигр, серый медведь. Они схватывают свою добычу и растерзывают ее. Другие же действуют хитростью: они страшатся проливать кровь не из доброты, но из низости, таковы шакалы и гиены; эти животные, может быть, свирепее, чем первые. С таким-то животным приходится нам теперь иметь дело. Ваш сеньор дон Мигуэль Тадео имел множество случаев умертвить детей: во-первых, при похищении, потом при переезде, в бразильских саваннах и т. д., но он не убил их из трусости: убийство, кровь его пугали. Его заветная мечта овладеть их деньгами, а чтобы достигнуть этого, ему нужно скрыть детей. Он их действительно скроет, но не совершит убийства: вот для чего он и приехал сюда.

— Вы говорите загадками, милый мой.

— Совсем нет, я говорю как человек, привыкший к подобным делам и наученный долголетним опытом. Республика Соединенных Штатов есть государство, в котором всего легче скрыться каждому человеку; Луизиана страна союза, где похищение детей может быть всего легче приведено к исполнению; Новый Орлеан город, в котором можно встретить бездну людей, готовых способствовать этому похищению; на это есть две причины, которые не существуют в другом государстве: рабство и мормонизм.

— Признаюсь, я вас не совсем понимаю.

— Вы поймете меня; здесь господствуют десять агентств, и они свободно действуют; они занимаются барышничеством в Утахе. Будучи в сношении с Бригом Юнгом и другими вождями мормонизма, они берут на себя за дорогую плату вербовать мужчин и женщин в мормонизм и отправляют их в Дезерет.

Им все средства удаются хорошо: пьянство, ложные обещания, угрозы и при случае насилие.

— То, что вы говорите — ужасно. Я даже этому не могу верить.

— А между тем это так. Впрочем, инициатива его не принадлежит нам: она идет из Франции. Не так ли точно поступали до революции вербовщики, заманивая на

военную службу? А прежде, во времена регентства, не употребляли ли те же средства, чтобы отправлять в колонии тысячи людей обоего пола? Все это, к несчастью, справедливо. Продолжайте, прошу вас.

— Легко допустить, что сеньор дон Мигуэль вошел в сношение с одним из этих агентств и просто отправил бедных детей в Утах.

— Это бы было ужасно.

— Да, тем более что если это так, то нужно отложить надежду спасти их. Подобные примеры уже были, и как ни старались, но не могли вырвать у мормонов жертв, которыми они завладели.

— Клянусь Богом! — воскликнул Валентин Гиллуа с одушевлением, — если это случилось, то я их спасу, хотя бы пришлось поджечь улей этих шершней; я лесной бегун, и город не моя стихия, в пустыне же надо мною нет власти. Там есть у меня преданные и многочисленные друзья, которые отзовутся на мой голос.

— В таком случае дело упрощается. Это нам может помочь, хотя я на это мало рассчитываю. Наш враг мог употребить еще другое средство, не менее действенное, но менее жестокое, чем первое.

— Рабство, не так ли?

— Да, сударь.

— Но, — возразил Валентин, — в настоящем случае это предположение трудно допустить.

— Почему?

— Потому что дети белые.

— О! — сказал Джон Естор с пренебрежительной улыбкой, — неужели вы так неопытны, что допускаете только продажу негров.

— Но мне кажется...

— Вам не так кажется, вот и все. Итак, вы воображаете, что для того, чтобы быть негром, надо иметь черную кожу? Заблуждение, милостивый государь! Нигде так искусно не сумеют создать негра, как в Новом Орлеане, не изменяя цвета лица.

— Черт возьми, это уже чересчур.

— Ошибаетесь: напротив, это очень просто. Не будем спорить, но возьмите шляпу, и в конце улицы я вам покажу выставленных на продажу людей, которые, честное слово, белее вас и меня.

— Что за ужас! И правительство допускает...

— Боже мой, правительству до этого нет дела. Легко сделать негра: это только первые буквы ремесла.

— Так вы предполагаете?..

— Позвольте, я ничего не предполагаю, но только доказываю, что это обстоятельство могло случиться. А так ли это — не знаю.

— Боже мой! — воскликнул Валентин, — у меня волосы становятся дыбом и рассудок помрачается! Я не могу допустить, чтобы человек, как бы ни был безнравствен он, мог покуситься на такое гнусное преступление с единственной целью корысти.

— О, видно, что вы долго жили в пустыне; вы не знаете, как черствеет душа в городах и до какой степени злодейства может довести жажда к золоту.

— Я не жил так долго в городах, чтобы изучить все пороки. Но возвратимся к нашему делу. Ваше мнение, что дети были проданы, как невольники, или отправлены к мормонам?

— Да, это мое мнение, и, кажется, я не ошибаюсь; я убежден, что они живы.

— Дай Бог!

— Что нам теряться в догадках, нам нужно узнать что-нибудь верное, и для этого мне необходимо четыре дня, то есть в четыре дня я узнаю, отправлены ли дети в Утах, или их продали и отослали на какую-нибудь плантацию.

— Четыре дня, кажется, очень мало!

— Достаточно.

— Но какими средствами?

— Это мое дело; от вас я требую одного лишь.

— Говорите, что?

— В эти четыре дня не делать никаких розысков, чтобы не возбудить внимания нашего противника.

— О, он, наверное, далеко.

— Кто знает, быть может, ближе, чем вы думаете. Нечистая совесть не дремлет, а у дона Мигуэля постоянно уши горят. Во всяком случае, обещайте мне оставаться спокойным.

— Хорошо, но теперь позвольте исполнить мое обещание. Вот чек на двадцать тысяч долларов, который представите для учета в банк Артура Вильсона, Рокетта и Блондо.

— Влагодарю вас, милостивый государь, — отвечал Джон Естор. Прочитав бумагу, он сложил ее и спрятал в портфель. — Затем имею честь кланяться. Через четыре дня в этот же час я явлюсь.

Они поклонились друг другу, и бывший начальник тайной полиции вышел.

— Я сделал все, что в моей власти, — сказал Валентин. — И если бы пришлось отдать последний доллар из громадной суммы, вырученной продажей моих бриллиантов, я не отступлю. Теперь на волю Божию!

Он вышел из гостиной и направился к вигваму Курумиллы с намерением сообщить вождю все, что он сделал до сих пор, и посоветоваться с ним на будущее время.

Валентину кажется, что он нападает на след

Три дня прошло с тех пор, как мы рассказали о происшествиях предыдущей главы.

Валентин сдержал в точности слово, данное Джону Естору.

В эти три дня он сделал несколько визитов из одной только вежливости, не имеющих никакого отношения к делу, по которому он приехал в Новый Орлеан.

Тем не менее охотник не терял даром времени.

Он воспользовался этим принужденным бездействием, чтобы совершить несколько необходимых покупок для новой обстановки, чтобы общаться с Курумиллой и принимать с ним необходимые меры согласно совету бывшего начальника тайной полиции.

Валентин не жалел об этом бездействии, так как, имея большое состояние и приобретя сильные связи с первого же дня по прибытии в город, положение его, как иностранца в Новом Орлеане, было завидно.

В это время не только в Луизиане, но и в Арканзасе, Георгии, Южной Каролине и вообще во всех штатах, где преобладала романская раса и существовало рабство, царствовало сильное возбуждение умов.

Все готовились к страшной междоусобной войне, которая в продолжение пяти лет опустошала великую Американскую республику, истребила до миллиона ее подданных, довела ее долги до ужасающих размеров и

была наконец прекращена самыми незначительными средствами, но на короткое время

Мы сказали «на короткое время», так как распад Соединенных Штатов не только на два, но даже на четыре отдельных государства есть роковой, логический факт, долженствующий совершиться рано или поздно.

В то время когда мы это пишем, то есть в начале 1874 года, непреложные признаки, которые никого не могут обмануть, ясно и наверно предсказывают тот день, когда начнется второй акт этой гигантской борьбы.

Валентин Гиллуа был слишком умен, чтобы каким бы то ни было образом вмешаться в интриги, окружавшие его. У него было одно желание: исполнить как можно скорей ту задачу, которую он себе задал — спасти детей той женщины, к которой в продолжение стольких лет питал такую сильную, искреннюю любовь, и, исполнив ее, снова удалиться в пустыню с тем, чтобы больше никогда не покидать ее.

На третий вечер, после свидания с Джоном Естором, Валентин в своей спальне сидел в кресле, предаваясь мечтам и следя взглядом за голубоватым дымом сигары, поднимавшимся к потолку; вдруг странный свист раздался на улице; свист этот был сигнал Курумиллы.

Валентин вскочил на ноги, взял револьвер и бросился в сад.

Ночь была темная и безлунная.

Густые деревья мешали видеть предметы на два шага вперед.

Едва Валентин вступил в сад, как почти столкнулся с вождем.

— Что произошло? — спросил он шепотом.

Курумилла взял охотника за руку и, склонившись к его уху, прошептал:

— Пойдем!

Валентин последовал за ним.

Они скоро достигли конца сада и увидели маленькую дверь, почти закрытую ползучими растениями, и, прижавшись к ней, слышали снаружи тихий шепот; но при всем старании не могли разобрать ни одного слова.

Прошло несколько минут, и послышалось вкладывание ключа в замок; дверь, которую толкнули снаружи, отворилась с усилием, увлекая за собою массу ветвей,

листьев и пауков, падавших как град на плечи Валентина и его друга, сохранявших неподвижность статуи.

В тот же момент два человека, закутанные в широкие плащи, появились на пороге и вступили в сад.

— Теперь пойдем, — сказал один из них.

— Подождите! — воскликнул Валентин решительно, бросаясь перед двумя людьми. — Прежде чем идти дальше, вы мне скажете, кто вы такие и зачем таким странным образом входите в мое жилище.

Курумилла встал молча подле своего друга.

— Вот как! — отвечал незнакомец, не возвышая голоса, — если не ошибаюсь, вы мистер Валентин Гиллуа?

— Да, и Валентин Гиллуа приказывает отвечать вам, если вы не желаете, чтобы он прострелил вам голову.

— Ей-Богу, вы слишком скоры, мистер Валентин. Разве вы меня не узнали? Я Джон Естор, ваш покорный слуга.

— Вы?

— А кем же мне быть, черт возьми?

— Но по какому случаю вы приходите так поздно и такой дорогой?

— На это я вам отвечу, но в другом месте. Место, на котором мы стоим, я нахожу неудобным для объяснений.

— Это справедливо.

— В добрый час, вы рассудительны, хотя и очень быстры.

— Что это за человек, который вас сопровождает?

— Это другой вопрос, на который я тоже не отвечу, с вашего позволения, здесь.

— Пусть будет по-вашему. Пойдемте же.

И четыре человека направились к дому.

В продолжение нескольких минут, пока продолжался этот переход, они не обменялись ни одним словом.

Войдя в спальню, Джон Естор и его товарищ сбросили свои плащи на кресло.

Валентин Гиллуа и Курумилла, узнав человека, сопровождавшего сыщика, забыли свое индейское хладнокровие и с радостными восклицаниями бросились к нему на шею.

Это был дон Грегорио Перальта. Годы и невзгоды запечатлелись на его благородном лице.

Его волосы поседели, и лоб украсился морщинами.

Но, несмотря на это, у него сохранилась стройность тела и полный огня взор.

— Милые друзья, — воскликнул он со слезами на глазах, — наконец-то я увидел вас!..

Джон Естор, сидя в кресле и куря сигару, молча смотрел на эту простую, но трогательную встречу.

Когда первое волнение прошло, все сели.

— Как это случилось, — спросил Валентин сыщика, — что вы пришли сегодня вечером таким необыкновенным образом?

— Очень просто: мне хотелось сделать вам приятный сюрприз, и, кажется, я не ошибся в этом?

— Действительно, большего удовольствия вы мне не могли сделать; но вы человек легкомысленный и не способны увлекаться необдуманно порывами вашего сердца.

— Правда, у меня был еще очень серьезный предлог, чтобы желать вас видеть как можно скорей. Эти три дня не прошли даром. Ваше благородное поведение со мной, ваше великодушие тронули меня. Я хотел оправдать ваше доверие и доказать вам, что вы имеете дело с джентльменом.

— Я ни минуты не сомневался в этом.

— Как уже говорил вам, я немедленно принялся отыскивать средства, чтобы достать те сведения, которые вы от меня требовали; признаюсь вам откровенно, что собрать эти сведения на деле оказалось гораздо легче, нежели я думал. Я сохранил еще обширные связи в административной сфере. Они дают мне возможность узнавать много полезных вещей. И вот что я узнал о детях: они были действительно похищены человеком, которого мы подозревали, доном Мигуэлем. Он сговорился с несколькими людьми, которые за известную плату обязались увезти детей в одну из отдаленнейших провинций Мексики с целью оставить их там. Следы этих детей найдены близ Уреса, главного города штата Соноро, на Тихом океане.

Человек, с которым дон Мигуэль сторговался, не кто иной, как разбойник из Кентуки по прозвищу Шакал; по-видимому, его очень опасаются в городах на индейском рубеже и в степях, словом висельник, готовый на всякое преступление — лишь бы только хорошо платили.

— Я его знаю, — сказал Валентин, нахмутив брови.
— Тем лучше, значит, не стоит больше и говорить о нем.

— Это будет лишнее.

— Чтобы легче исполнить задуманное дело, этот бездельник условился с другим злодеем такого же толка как и он сам, по названию *Линго*; настоящего его имени не знают и предполагают, что он француз.

— Я и этого знаю, — возразил Валентин глухим голосом.

— Все было подготовлено, чтобы по окончании проклятого дела пуститься немедленно в путь. Так оно и было; но выслушайте, сударь, вот еще что: в продолжение десяти дней дон Мигуэль провожал лично гнусный караван, но по истечении этого срока он внезапно возвратился назад, и уверяют, что он и до сих пор в Луизиане. Сеньор дон Мигуэль Тадео де Кастель-Леон человек тонкого ума, чрезвычайно способный и сверх того одаренный необыкновенным искусством изменять по желанию черты своего лица и делаться неузнаваемым. Вот, сударь, что я узнал в эти три дня. Находите ли вы, что время не потеряно?

— Конечно нет, вы сделали более, чем я мог предвидеть. Я никак не рассчитывал на такой утешительный результат, но вы ничего мне не говорите о моем друге, доне Грегорио Перальта, ни об обстоятельствах, при которых вы с ним встретились?

— Что до этого, государь мой, это было дело случая. Спросите сеньора дона Грегорио; он лучше меня вам объяснит это. Я нахожу только, что тут есть нечто подозрительное, и признаюсь, это меня положительно тревожит, как все, чего я не понимаю.

— Это и со мною происходит, — сказал дон Грегорио.

— Объяснитесь, друг мой; то, что вам может казаться непонятным, растолкуется простым образом, если мы все четверо примем логически разбирать это дело.

— С готовностью передам вам все. Я дня два как возвратился в Батон-Руж из дальнего путешествия на индейские границы. В продолжение моей поездки я вполне убедился, что дети нашего несчастного друга находятся в Соноре, брошенные разбойниками где-то на расстоянии двадцати миль около Уреса. Приняв намере-

ние ехать в этот город, я вернулся в Батон-Руж с тем, чтобы приготовить все необходимое для такого дальнего путешествия. Утром вчера я оканчивал свой завтрак, как пришел незнакомый человек и просил о нем доложить по поводу важного дела. Назвался он доном Антонио Пей-расом.

Хозяин гостиницы приказал этого человека отвести в мою комнату.

— Милостивый государь, — сказал он мне на чистом испанском языке, — я ваш соотечественник, частный секретарь консула Чили в Новом Орлеане. Консул, узнав, что вы возвратились в Батон-Руж, прислал меня к вам сказать, что две личности — один француз, лесной бегун, другой индейский вождь Арокан — прибыли несколько дней назад в Новый Орлеан и что эти люди, по имени Валентин Гиллуа и Курумилла, осведомлялись о вас у консула. Не зная причин, которые заставляли этих людей разыскивать вас, консул приказал мне предупредить вас, чтобы вы могли принять необходимые меры.

Все было сказано с непринужденностью и равнодушием человека, исполняющего поручение совершенно для него незанимательное.

Между тем я внимательно рассматривал незнакомца. Взгляд его был откровенен, осанка благородна.

Я поверил его словам и отпустил его, сделав вид, что не придаю никакого значения словам его.

Из предосторожности я приказал за ним издалека следить, но через десять минут он уехал на пароходе в Новый Орлеан.

Спустя два часа я последовал за ним.

Приехав, я немедленно отправился к консулу, хорошо мне знакомому, чтобы поблагодарить его.

Он изумился, выслушав меня. Сказал, что не имеет секретаря и что хотя хорошо знает о вашем прибытии в Новый Орлеан, но не мог о том меня уведомить по той причине, что не имел понятия, где я нахожусь.

Кто же этот человек? Кто прислал его? Зачем он приходил? Вот три вопроса, которые я задавал и задаю себе, но не могу разрешить.

Ошибка немислима. Тут есть предательство.

Один дон Мигуэль мог к этому прибегнуть.

Я терялся в догадках и не знал, на чем остановиться, как вдруг случай привел к консулу мистера Джона Естора.

Этот достойный джентльмен, которому я поверил мои недоразумения, предложил мне свои услуги, предупредив меня об отношениях, существующих между нами... и я, не колеблясь, принял их.

Я хотел сию минуту отправиться к вам, но мой новый приятель растолковал мне, что, поступая таким образом, я привлеку внимание тех, кто присматривает за мною и втайне следит.

Вот почему, друг мой, я дождался вечера и забрался к вам как вор, вместо того чтобы войти с парадного крыльца.

Теперь скажите мне откровенно, что вы думаете?

Валентин хотел отвечать, но Курумилла встал и положил ему руку на плечо.

— Отчего бледнолицые не вооружены? — сказал он, — ночь темна, враги стерегут, может, нападут. Надо иметь оружие. Курумилле нечего здесь делать; он пойдет сторожить на воздух; слушать ночные звуки.

Индеец важно раскланялся с присутствующими и вышел.

— Вождь прав, господа, — сказал Валентин, — он осторожный воин и хорошо знает человека, о котором идет речь. Он убежден, что в данную минуту сеньор Мигуэль не задумается употребить всякое средство, чтобы избавиться от нас. Без бдительности индейского вождя вы бы прокрались в эту комнату, не возбудив подозрение моих людей. Что вы предприняли с полезною целью, другие покусятся с преступною мыслью и могут успеть, потому-то нам следует предпринять меры, чтобы на нас не напали врасплох.

— Чистая истина, — отвечал с живостью Джон Естор, — страсти так велики, правительство так слабо, а полиция, если она еще существует, так плохо организована, что можно всего ожидать; это будет не первое посягательство на общественное спокойствие; уже не одно в продолжение месяца встревожило город, и теперь граждане вынуждены сами себя защищать, если не хотят быть зарезанными в собственных домах. Я постоянно ношу при себе два шестиствольных револьвера, которые мне никогда не изменяли.

— Я тоже, — сказал дон Грегорио.

— Ваши кольцовские револьверы гроша не стоят; вот эти, системы Галанда, возьмите; вы убедитесь в их превосходстве, но этого мало.

Передав револьверы своим собеседникам, охотник отцепил от полного воинского доспеха три бычачьих языка, взял себе один и, предлагая товарищам остальные, сказал:

— Верьте мне, заткните за ваши пояса эти арканзасские зубные щетки. Прибавим еще эти винтовые ружья великолепной системы, и мы в состоянии будем успешно защищаться даже против десяти человек, тем более что мы не одни здесь, у меня четверо слуг, сильные, решительные, на преданность которых я могу рассчитывать, и Курумилла, который ничего не упустит из вида и который уже позаботился их вооружить.

— Хорошо, — сказал дон Грегорио, — со мною тоже два человека; они остались на дворе оберегать нас.

— Надо скорее их позвать и показать нашим врагам, что мы никого не подозреваем и не ожидаем нападения. Я пойду распоряжусь, — сказал Валентин, бросившись из комнаты.

Его отсутствие продолжалось не более десяти минут.

— Дело устроено, — сказал он, возвратясь. — Курумилла взял их в свое распоряжение. Они почти земляки и поймут друг друга. Теперь поговорим; нам пока нечего опасаться, — прибавил он, заряжая ружье; его примеру последовали дон Грегорио и мистер Естор. — Я повторю опять мой вопрос, что вы об этом думаете?

— То, что вы сами, друг мой, заключаете; а именно, что каким-то образом, каким, мы этого не знаем, но дон Мигуэль открыл тайну наших действий и не сомневается, что мы составили союз с целью мешать и препятствовать исполнению его зверских планов.

— Это неоспоримо, — сказал Джон Естор, — как он добился этого — вещь непонятная, но что ясно, это то, что перчатка брошена и беспощадная война начнется между нами и им.

— Да, — возразил Валентин, — но заметьте, господа, что противник наш первый объявляет войну и обнаруживает способы ее ведения; он этим доказывает нам, насколько его положение шатко и как он опасается нас;

мое мнение, если вы согласны, что в настоящем случае надо следовать обычаю пустыни.

— Какой это обычай? — спросил с любопытством полицейский.

— Вот какой, — отвечал Валентин, — притворно выказывать полное неведение, стараясь тайно проникнуть в намерения неприятеля, действовать с большою осмотрительностью и не вверяться судьбе, а при благоприятном случае напасть внезапно на этого врага и убить на месте.

— *By god!* — сказал, улыбаясь, Джон Естор, — проворная система, и я согласен, что она понятна и убедительна.

— Одобряете вы это?

— Я бы не был американец, если бы не одобрил; мы ведь любим идти прямо к цели; кроме того, я принадлежу вам душою и телом и в минуту опасности не отступлю.

— Итак, все идет прекрасно, — заключил Гиллуа, улыбаясь, — наши враги могут явиться когда захотят; они найдут, с кем поговорить. Как вы думаете, дон Грегорио?

— Эта битва на жизнь и смерть возбуждена мною. Если вы будете в опасности, то за меня и через меня, но знайте, что бы ни случилось, а до вас добраться они смогут не иначе как через мой труп.

— Я в этом не сомневался, — сказал охотник. — Теперь слушайте: если на нас нападут, то, вероятно, сегодня ночью; кто знает, может, очень скоро. Дон Мигуэль доказал нам, что каждый шаг наш ему известен, потому он знает, что вы здесь, в этом нет сомнения, тем более что он вас через свое лживое послание привел сюда.

— Совершенно так, — сказал Джон.

— Он хотел нас соединить, — подтвердил дон Грегорио.

— Чтобы вернее с нами покончить, — продолжил Валентин, — потому выйти из дома значит предать себя в его руки, так как он без сомнения бродит в окрестностях. Будем же сидеть, притаясь. Снаружи мы имеем соглядатая, проницательность которого нам хорошо известна, и он не допустит, чтобы нас застали врасплох. Если же вопреки нашему предчувствию ночь пройдет

спокойно, то завтра утром Джон выйдет и отправится за помощью; если же нас атакуют...

— Ну, друзья мои — на волю Божию! Каждый исполнит свой долг; мы будем когти против когтей, и беда тому, у кого они короче! Поняли вы и согласны ли?

— Поняли и согласны, — отвечали оба в один голос.

— Теперь, господа, когда все решено, то позвольте предложить вам закуску; может, мы долго прождем ночных гостей, и нелишне, — продолжал он, улыбаясь, — подкрепиться и принять их достойным образом.

Охотник встал, вынул из шкапа холодный ужин и поставил на стол.

Дон Грегорио и Джон Естор были оба очень отважны, да и, кроме того, самолюбие заставляло их выказывать так же мало опасений, как и сам Валентин.

Потому-то они со вкусом покушали и весело осушили, подражая охотнику, две или три бутылки прекрасного Шато-Лароз.

Потом закурили сигары, и так как каждый из них старался доказать другому, что предмет разговора, занимавшего их, истощился и не стоит возобновлять его, то и начали говорить о самых пустых и легких вещах.

Однако внимательный наблюдатель скоро бы заметил, что веселость их принужденная и даже притворная.

Словом, смеясь и шутя, уши их ловили малейший звук, долетающий до их слуха. Они играли беспечную комедию и выказывали полное спокойствие, не ощущая его в душе, хотя исполняли превосходно свои роли.

Между прочим, время шло.

Полночь, час привидений давно пробил, и стрелка показывала около часу ночи.

Холод проникал в комнату; ночь становилась морознее от порывистого морского ветра.

Разговор слабел; собеседники начинали чувствовать какую-то усталость — следствие продолжительного бдения.

Вдруг Валентин вздрогнул, встал, знаком приказал молчать и, нагнувшись к товарищам, сказал тихо:

— Тс! Нам дают весточку; берите ваше оружие и будьте готовы.

В ту же минуту он схватил обе лампы, не гася поставил в шкаф и запер его.

Затем раздался легкий свист.

— Вооруженные люди перелезли через ограду, — сказал Валентин.

— Почему вы это узнали? — спросил Джон.

— Тс, — повторил Валентин, взяв его за руку, — слух мой так изощрен жизнью в пустыне, что я слышу то, чего другие не могут слышать.

Вторичный сигнал раздался.

— Их пятнадцать, — продолжал Гиллуа, — вооружены ружьями и бычачьими языками; они идут к дому! Тише, они подходят.

Прошла минута.

— Темно, как в печи, — сказал вполголоса Естор.

— Подождите; взведите курки... готовьтесь стрелять.

Послышался сухой скрип огнива.

— Готовы ли вы? — спросил Валентин.

— Да, — отвечали глухим голосом дон Грегорио и Естор.

Вдруг раздался треск хвороста, сверкнули искры и необычайный свет озарил сад.

Курумилла, в то время как его приятели разговаривали в спальне Валентина, устроил с помощью слуг дон Грегорио и черных невольников Гиллуа огромный костер среди пелузы; изобильно смазанный смолистыми веществами, он мгновенно вспыхнул.

При блеске огня, который пламенными языками взвивался кверху, наши приятели увидели пятнадцать человек, смело подходящих к дому, потонувшему в мраке, благодаря изобретательности охотника.

Пораженные неожиданным светом незнакомцы поколебались и попятились.

— Стреляй! — вскрикнул Валентин шипящим голосом.

Три выстрела раздалились из дома, пять отвечали им.

Восемь человек нападающих пали.

Остальные, изумленные жарким приемом, пустили наудачу несколько пуль, не зная, куда вернее направить.

— Вперед, — сказал дон Грегорио и бросился к двери.

— Боже вас сохрани, — закричал Валентин, — наши враги еще не все в сборе; смотрите!

Действительно, за ограду показалось несколько голов.

Валентин положил на стол заряженные ружья, что дало возможность нашим героям стрелять без промежутков и целиться в новоприбывших, которые отважно взбились на стену.

Многие из них скатились на землю вне ограды, другим же удалось перескочить в сад.

Однако незнакомцы, сначала испуганные горячим отпором и отступившие назад, собрались вновь, ободренные голосом человека, по-видимому их начальника, и кинулись вперед.

С новоприбывшими их еще было двенадцать человек.

Они отважно побежали к дому.

Но с первым шагом на крыльцо их осыпали градом пуль в упор и откинули назад в сад.

Они снова сплотились и бросились опять вперед.

Разбойники понимали, что положение их становится отчаянным.

Озаренные заревом, они были удобною целью для незримого неприятеля. Надо было умереть или победить.

В слепой ярости, собрав последние силы, они безумно пробились в первую комнату, но в тот же миг показался Курумилла с двумя слугами дона Грегорио и с четырьмя неграми.

Все семеро бесстрашно ринулись на нападающих.

Валентин со своими друзьями хотя и отступил от неприятеля, но появление Курумиллы и слуг поддержало их. Они с отвагою присоединились к своим союзникам, и завязался упорный рукопашный бой.

Опасаясь, чтобы его друзья не ранили друг друга в темноте, Валентин поставил лампы на свои тумбы.

После короткой борьбы, но показавшейся весьма продолжительной, неприятель стал медленно отступать, сознавая вполне, что не может более держаться.

Храбро отбиваясь, они достигли сада.

В эту минуту показались еще семь или восемь человек — вероятно остаток шайки, предназначенной для прикрытия отступления, что, впрочем, они и доказали, бросившись вперед своих товарищей, по большей части раненных и несших кроме того на руках своего тяжело раненного начальника.

Под угрозой штыков, преследуемые по пятам нашими героями, разбойники совершили свое отступление, не возобновляя враждебных действий. В таком порядке они

достигли калитки сада и вылетели как стая ночных птиц, не преследуемые никем.

Мертвые и тяжело раненные были незаметно подобраны во время битвы.

Если бы не лужи крови и не догорающий костер, то можно было бы принять это ночное приключение за грозный сон или страшный кошмар — так быстро окончилось адски задуманное предприятие.

Поразительная вещь, до какой степени унижения и отсутствия всякого человеческого чувства достигли жители Южной Америки в эту эпоху постоянных смут, несмотря на непрерывную пальбу, на возгласы противников, на стоны раненых, несмотря на кровавое зарево от костра, разлившееся по небу на большое пространство, мертвое молчание царствовало кругом дома, осажденного смелыми разбойниками. Соседние дома оставались во мраке и безмолвны; ни одно окно, ни одна дверь не открылись; на улице газ был потушен, и ничто не привлекло ни сторожа, ни полицейского агента.

Можно было себя считать в отдаленной пустыне Сиеры де Сан-Жуан или дель Норте, но отнюдь не в многолюдном городе.

Валентин и друзья его мало пострадали.

Кроме дона Грегорио, получившего рану в ногу и негра, которому зарубили левую руку, все обитатели дома остались целы и невредимы.

На другой день Валентин обратился с жалобой властям.

Его горячо поздравляли, удивлялись отважной защите горсти людей и уполномочивали поступить таким же образом, в случае если разбойники возобновят свою попытку.

Тем все и кончилось.

Через восемь дней после катастрофы, уступая настоятельным просьбам дона Грегорио, Валентин начал готовиться к отъезду.

Это было недолго: охотник покончил свои счета с торговым домом Артура Вильсона, Рокетта и Блондо, которыми он остался очень доволен, дал свободу своим неграм, подарив каждому по тысяче пиастров в награду за преданность, которую они оказали в ночь осады.

Он приказал позвать к себе госпожу Шобар; добрая женщина чуть не упала в обморок, узнав, что Валентин купил дом на ее имя, следственно, дом и все, что в нем находилось, принадлежало ей.

— Вы мне оставите в нем комнату, — сказал он, улыбаясь, — на случай, если я приеду.

Она всегда будет готова, отвечала добрая женщина, заливаясь слезами, не зная, чем доказать свою признательность.

Устроив свои дела, охотник имел долгий и тайный разговор с Джоном Естором, затем, пожав дону Грегорио руку и, условившись с обоими, где они могут встретиться, собирался проститься с ними.

Но дон Грегорио отозвал его в сторону и приказал слуге принести маленькую шкатулку, открыл ее и достал большой конверт, который передал охотнику.

— Любезный друг, — сказал он, прослезясь, — это письмо адресовано вам; оно от донна Луиса; наш несчастный друг, предчувствуя свою кончину, передал мне его за несколько месяцев до страшной катастрофы, вам известной. Это его духовное завещание, сохраните это письмо и дайте мне слово не вскрывать его до освобождения донны Розарио и ее брата и пока опять мы не свидимся; а в случае моей смерти, как это всегда надо предвидеть, то по получении о том известия...

— О, не говорите так, — сказал Валентин, взяв его за руку.

— Почему? — отвечал, улыбаясь, дон Грегорио. — Мы предались такому делу, вследствие которого может быть внезапная смерть.

— Правда, — грустно отвечал Валентин.

— Я вам передал последние слова нашего умирающего друга, которые он просил меня передать вам лично, когда я вас отыщу; поклянитесь исполнить то, о чем он просил.

— Клянусь, друг мой, — отвечал охотник, пряча письмо, — я его вскрою только при вас и с вашего позволения.

— Благодарю. Вот все, что я вам хотел сказать; уезжайте и не теряйте надежды: я убежден, что вы успеете во всем.

Они поцеловались по-братски, простились и обещали друг другу скоро соединиться.

В этот же день Валентин Гиллуа и Курумилла выехали из Нового Орлеана верхом на великолепных степных мустангах.

Они отправились в Сонору, где надеялись собрать верные известия об участи несчастных детей.

Валентин уезжал из американского города с истинным чувством радости.

Он был уверен, что если дон Мигуэль не умер, то раны его не позволяли ему вредить им.

Кроме того, он напал на след и держал в своих руках один конец нити и не сомневался, что найдет и другой.

Но при всем том черная точка стояла перед его глазами. В первый раз он испытал почти неудачу и теперь стал лицом к лицу с противником, которого хитрость и дерзкая отвага перетягивали его опытность и честность и делали этого человека не менее сильным.

Начало зла перевесит ли начало добра на весах правосудия небесного?

Вечно ли будет торжество порока над добродетелью?

Где читатель знакомится с Блю-Девилем

Более двух месяцев употребил Валснтин на розыски, но, несмотря на все старания, на связи, которые имел в разных слоях общества, ему не удалось ничего открыть.

После трехдневной поездки, цель которой осталась в тайне даже для Курумиллы, он возвратился назад и объявил ему, что сознает бесполезность их поисков, которые не приводят их ни к какому результату, и что он намерен отправиться в Орегон и к Скалистым горам.

Действительно, через два дня они отправились, не возобновляя разговора об этом предмете. Курумилла, молчаливее обыкновенного, не сделал ни малейшего вопроса своему другу, а тот, со своей стороны, оставался тоже нем. Не мог же человек, подобный Валентину, предпринять такое путешествие без важных причин. Путь пролегал через пустыни, через девственные леса и неисследованные места, следовательно, предприятие такого рода было вынуждено обстоятельствами.

Когда в начале нашего рассказа мы встретили Валентина Гиллуа, наблюдавшего с вершины утеса за действиями трех авантюристов и их пленницы, он уже тогда был более месяца в Скалистых горах.

Теперь, когда мы объяснили причины, заставившие охотника посетить эту печальную страну, мы оставим его и возвратимся к тому месту нашего повествования, прерванного нами, то есть мы перейдем в стан эмигран-

тов на другой день нападения Индейцев-воронов, восемь часов спустя после битвы, то есть около десяти часов утра.

Этот стан, на скорую руку устроенный, временное убежище, какие в употреблении у путешественников для ночлега в степях и для защиты от нападений воров, белых и красных, которыми изобилуют луга, был в этот час в страшном беспорядке, что очень понятно.

В продолжение многих часов наши путешественники расчищали снег, засыпавший их, и хотя работали с большою энергией, но им едва удалось что-то сделать, и то не совсем: несколько фур.

Эти чужестранцы понесли страшные потери во время боя, и, не пошли им провидение на помощь охотников, ни один бы из них не спасся.

Однако, когда опасность миновала, они как будто забыли про случившееся, а если и вспоминали в разговорах, то выражались грубо и жалели только о том, что не могли наказать индейцев более жестоким образом.

Судя наглядно, табор состоял из сотни мужчин, двадцати женщин и детей — некоторых грудных.

Человек, который казался начальником этой ватаги или капитаном — общепринятое название, — был человек лет пятидесяти, высокого роста, худой и вместе коренастый; светло-русые волосы его падали длинными космами на плечи; рыжая борода покрывала более двух частей его лица сине-бледноватого цвета и расширялась опухолью на его груди, глаза прятались за зелеными очками, вероятно вследствие слабости или болезни.

Случалось, однако, что, оставшись без свидетелей, он снимал очки с тем, чтобы их протереть, и тогда по странной игре природы его глаза оказывались черными; взгляд был подозрительный, беспокойный, перебегающий с одного предмета на другой и сверкающий мрачным огнем.

С тех пор как караван выступил, никто из товарищей капитана не видел его без очков; он был очень осторожен, когда по какой-нибудь причине ему приходилось их снимать.

Этот человек назывался или приказывал себя называть капитаном Кильдом — имя, принадлежавшее одному из самых зверских пиратов XVII столетия, опустошавшего американские берега.

Капитан взглянул на часы: было двенадцать часов. Он был закутан в шубу; бобровая шапка надвинута до бровей; вооружен как в бою, рифль под мышкою. Кильд наблюдал за расчисткой снега, над которой трудились с утра тридцать человек. Снег был почти весь отброшен; капитан сделал довольную гримасу и затрубил в рог, висевший у него за поясом.

По этому сигналу работа остановилась; эмигранты бросили свои инструменты, уселись вокруг огня, с трудом разложенных, и начали завтракать.

Пища была плохая: она состояла из негодного чая, поврежденных сухарей, прогорклого масла и соленого сала; но голод самая лучшая приправа и придает вкус самому дурному; впрочем, в пустыне неразборчивы.

Капитан и трое из его товарищей направились к довольно обширной палатке, устроенной среди лагеря и разделенной на несколько отделений.

Полотно этой палатки, пропитанное дегтем, спасло ее от сильного повреждения; ураган как бы щадил ее. Снег не набился в ее стены, а скатывался на землю и сбился в сугроб, который несколькими ударами лопаты откинули от входа.

Четыре товарища вошли в отделение, составляющее шестую часть объема палатки.

Посреди стоял стол, окруженный стульями и покрытый разными блюдами.

Прибывших встретил мальчик, или, правильнее, молодой человек лет пятнадцати или шестнадцати; помог им снять шубы, взял их рифли с ловкостью опытного слуги. Негр с салфеткой в руке приготовился служить им за столом.

Переступив порог палатки, капитан кликнул этого человека.

— Самсон, — сказал он сурово, — нам не нужны твои длинные уши, убирайся! Пелон прислужит один; скажи сеньоре, чтобы она не выходила; мне нужно поговорить с друзьями; слышишь, мошенник, не смей подслушивать! вон, да поскорее!

Негр не дожидаясь повторения: быстро поднял драпировку и мгновенно исчез; все это доказывало, насколько он страшился гнева своего господина.

— За стол, господа! — сказал капитан, потирая руки, — а то кушанье остынет.

Он сел, прочие последовали его примеру и сделали первое нападение на блюда.

В безмолвии упражнялись они, стараясь утолить голод, возбужденный тяжелой работой в продолжение утра.

Более четверти часа ни одно слово не было сказано.

Мы воспользуемся этим молчанием, чтобы набросать портрет Пелона, тем более что этот молодой человек должен занять довольно видное место в нашем романе.

Мы уже сказали, что Пелон, так его называли, был пятнадцати или шестнадцати лет, но он казался старше несколькими годами благодаря высокому росту, развитости мускулов и железной крепости членов, а главное — твердому и решительному выражению его мужественного и умного лица; бронзовый цвет кожи, черные как ночь живые глаза указывали на индейское происхождение, смешанное отчасти с испанской кровью; мрачная меланхолия покрывала его черты; исполняя свою обязанность, он изредка бросал на тех людей, которым служил, может, поневоле, взгляд, полный неумолимой ненависти. Особенно двое из собеседников внушали ему, как казалось, непреодолимое отвращение; они же, со своей стороны, обращались с ним презрительно и с угрозами, иногда и били его; эти негодяи привели его в стан Кильда и считали бедного мальчика своим невольником.

Но он переносил насмешки, угрозы, жестокое обращение молча, безропотно, а кто бы мог заглянуть в его сердце, тот бы содрогнулся — так велика, так беспощадна была ненависть, которую он питал к своим палачам.

Их называли Шакал и Линго.

Читатель, не раз слышавший эти имена, может теперь с ними познакомиться.

Первый прервал молчание капитан, сказав, вероятно, то, что было на уме у каждого, и потому присутствующие отвечали улыбкою.

— Дело было жаркое, — сказал он, — но и на этот раз мы всплыли. Действительно, черт за нас.

— Я всегда подозревал, что он особенно к нам благоволит, — сказал сосед с правой стороны, иронически улыбаясь.

— Еще бы, кажется, мы ему усердно служим, — ответил с убеждением сосед левой руки.

Все четверо захохотали.

— Однако приходилось плохо.

— К черту! — воскликнул сосед с правой стороны, — заботы, пожалуй, кошку убьют; что прошло, то прошло; стоит об этом думать! Вот одна вещь меня тревожит.

— Какая, друг мой Блю-Девиль? — спросил капитан, по-видимому расположенный к нему.

— Я бы желал знать, черт возьми, кто были эти добряки или, лучше, глупцы, пришедшие к нам на помощь в самую отчаянную минуту!

— Это-то тебя тревожит, — сказал сидящий против капитана, — глупо раздражать желчь такими пустяками; хочешь, я тебе скажу, кто они?

— Разве ты знаешь их, Линго? — спросили в один голос все трое.

— Положительно знаю, — возразил он насмешливо, — в этом нет хитрости, они не знали нас, вот и все, иначе бы не пришли на помощь, а пристали бы к неприятелю.

— Этот бес Линго, — сказал капитан, — у него всегда шуточка в кармане.

— Что ж такое? — сказал задорно негодая, — не прикажете ли плакать? Прошу избавить от замечаний. Нечего сказать, черт побери, в прекрасную страну завел нас капитан: у меня рябит в глазах от великолепных видов, и если мы еще не скоро уйдем из этих дьявольских трущоб, то объявляю всем, что я обращаюсь в оленя. Предупреждаю, что они говорили по-французски.

— Ну, не злись, Линго, — сказал капитан, — нам всем невесело; ты знаешь, что мы поневоле сюда забрели.

— Провались вы совсем! Зачем идти против себя? Во-первых, здесь нет полицейских!.. Чего вы прячетесь? Этот гадкий корень не растет в американских саваннах, а я вам скажу, что вы забрались сюда потому, что вас оплел этот хитрый кот Блю-Девиль, которого вы обожаете. А я бы за этот огромный желток полушки не дал.

— Замолчишь ли ты? — спросил запальчиво Блю-Девиль.

— Замолчу когда вздумаю. Я не боюсь тебя, гадкая личина! У каждого свое мнение. Мое — что ты постельная собачка и шпион.

Едва Линго успел произнести эти слова, как Блю-Девиль ринулся на него с кнутом в руке. Парижанин знал, с кем имеет дело, ловко отскочил и выхватил кинжал. Капитан отважно бросился между ними и заставил положить оружие.

— Смирно! — закричал он, — что это за ссоры между товарищами? Не хотите ли оправдать пословицу: когда ясли пусты, то кони брыкаются? Мы еще не в таком положении! Перестаньте, или я рассержусь.

— Ну, конечно, — сказал парижанин, пожимая плечами и обратившись к противнику. — Небось, полицейская крыса, — прибавил он, — я тебя подцеплю! Смотри!

— Опять? — сказал грозно капитан.

— Это так — дружеское предостережение! — отвечал Линго, садясь на свое место. — А все-таки если бы вы послушали Шакала и меня вместо этого растрепы Блю-Девилья, не в обиду будь ему сказано, которого вы не пробовали ни губами, ни зубами, мы бы уже с месяц как убрались из этой преисподней.

— Ты отчасти прав и молодец, — сказал задумчиво капитан.

— Более, чем вам кажется. Поверьте вы нам, и мы теперь бы сидели в Дезерете; а тут что делать, любопытно бы знать! Не век же здесь вековать!

— Сохрани Боже! — сказал капитан, — мы, может быть, зашли слишком далеко, но ты лучше других знаешь, что нам надо было сбить наших преследователей.

— Вы на этом помешаны; воображаете, что нас отыскивают как драгоценный товар. Какой дьявол заботится о нас?

— Те, которые имеют нужду в нас, а их немало на американском материке. Я сознаю, что положение наше скверно, но если мы уже добрались до Скалистых гор, то надо дойти до конца.

— Не очень-то приятно.

— Что ты думаешь о нашем положении? — спросил капитан, обращаясь к Блю-Девилью.

— Я нахожу его скверным, — отвечал, не запинаясь, Блю-Девиль.

— А ты, Шакал? — продолжал капитан, обращаясь к четвертому собеседнику, колоссу со зверской и надутой рожей.

— Отвратительным; и черт меня возьми, если до суток я не выберусь на дорогу!

— Хорошо поговариваешь, Шакал! — закричал, смеясь, Линго. — Не бойся, нас двое. Я тебя не оставлю, ты на это можешь рассчитывать.

— К чему эти угрозы! — сказал капитан, — не лучше ли нам объясниться как добрым товарищам. Наше положение общее.

— Это еще не доказано, капитан, Шакал и я, извините, но мы более вас знакомы с пустыней, а главное — с этой страной, в которую явились в первый раз. Нам приходилось бывать в худшей передрыге, чем та, в которую вы нас вовлекли.

— Что ты хочешь сказать, демон? — сказал нетерпеливо капитан, ударяя кулаком по столу, — у тебя есть какой-то умысел?

— Человек должен мыслить, — отвечал он, издеваясь.

— Ну, объяснись или околей; пора кончить!

— Так вы мне позволяете говорить? — сказал, смеясь, Линго.

— Да, говори, черт возьми! У меня руки чешутся, чтобы тебе свернуть шею, негодяй.

— Хорошо! Это меня не беспокоит, я вас знаю. Вот в чем дело: Шакал и я, — мы уже три месяца как заметили, что несем собачью должность, а плата не прибавляется. Мы сговорились с вами в Сен-Луи при Миссури, чтобы вас проводить в Дезерет, защищать вас в продолжение пути от всякого нападения. Вы за это обещали каждому из нас по пятьсот долларов. Не так ли?

— Верно; продолжай.

— Прекрасно, но только что мы пустились в путь, вы изменили маршрут и, несмотря на наши почтительные возражения, — сказал он насмешливо, — проезжаете государство Минозота, не зная, зачем, перебираетесь в Канаду, галопируете вдоль Красной реки и вторгаетесь в Скалистые горы, как будто вас что-то призывает в Ванкувер, а между тем согласитесь, что это не дорога в Утах.

— Кто тебе сказал, что у меня нет причин действовать так?

— Может быть, это и так, меня это не касается; у меня обычай заниматься только своими делами, а так

как меня ничто не призывает в Ванкувер, то позвольте, капитан, свести наши счета и проститься с вами, предоставляя вам избрать какие угодно способы благополучно выбраться из затруднений, в которые вы так неловко вовлекли себя.

— Это дело, — поддержал Шакал.

— А, и ты туда же? — спросил капитан с коварной улыбкой.

— Линго и я — мы неразлучны, — отвечал гигант, — куда он идет, туда и я; но так как друг мой Линго очень красноречив, то я ему всегда предоставляю право отстаивать наши общие интересы; я же ограничиваюсь лишь только тем, что поддерживаю его.

— Итак, вы хотите меня покинуть?

— С восторгом!

— Это последнее ваше слово?

— Да.

— Ну, так это неправда! Вы хотите только воспользоваться обстоятельством, чтобы вытянуть у меня деньги: надюсь, вы теперь не сомневаетесь, что я вас раскусил.

— Если б и так? Что ж тут дурного? — возразил Линго с циническим смехом, — всякому своя рубашка ближе к телу.

— Значит, вы хотите денег?

— За неимением их... вы угадали.

— О, если б я не был в вашей власти!

— Это возможно; но вы, кум, находитесь в наших руках и волей-неволей должны покориться нам.

— Сколько вам нужно?

— Как можно больше.

— Черт возьми! Это не ответ.

— Напротив, я отвечаю вам на вопрос, капитан; ведите себя как джентльмен. Не лучше ли нам покончить сейчас, потому что вам не увернуться.

— А если б!..

— Это решено, — прервал грубо уроженец Кентуки, — но пока сколько вы нам дадите?

— Да, посмотрим, — сказал Линго с ядовитым смехом, который всегда раздражал нервы капитана.

— Ну... я вам дам пятьсот долларов, — выговорил он с усилием.

— Вы нам даете, — повторил с иронией Линго.

— Вы хотите получить сейчас?

— Черт возьми, и золотом. Мы все смертны, капитан; как знать, кто умрет, кто будет жить. Понятно, что эти пятьсот долларов вы даете нам в виде премии и не в обиду тех двухсот пятидесяти долларов, которые останетесь нам должными. Черт побори, не будем путать.

— Хорошо, вы сейчас будете удовлетворены.

— Браво! Теперь можете рассчитывать на нас.

— Как на гнилую доску?

— Черт возьми, капитан, — возразил со смехом Линго, — есть основание думать, что деньги эти вам очень дороги.

— Неудивительно, когда их у меня крадут таким наглым образом, как делаешь ты и твой достойный товарищ.

— Что? — вмешался уроженец Кентуки.

Линго прервал его жестом.

— Без дерзостей, капитан, никто вас не принуждает. О чем вы жалуетесь? Не от вас ли зависит — согласиться или нет?

— Хорошо... хорошо, — пробормотал он.

Капитан встал из-за стола и прошел во внутреннее отделение палатки, откуда скоро вернулся.

— Держи, — сказал он, вручая парижанину сверток золота, — вот твои и твоего достойного товарища деньги — чистым золотом. Можешь сосчитать, если хочешь.

— К чему, капитан? — отвечал Линго, ощупывая сверток, чтобы убедиться, действительно ли это золото, — как я, так и друг мой, мы безусловно доверяем вам; не так ли, Шакал?

— Я не слишком-то, — проворчал тот.

— Видите, капитан, я ему не подсказал.

— Ладно, давай-ка лучше расписку.

— В чем? Вы шутите, капитан, — возразил парижанин, скаля зубы и пряча сверток в карман, — или принимаете меня за кого другого. Разве выдают расписки в получении подарка? А эти деньги, с вашего позволения, не более.

Капитан закусил губу, но не настаивал.

— Теперь, господа, — сказал он с досадой, — когда ваше желание исполнено, надеюсь, вы не замедлите заняться моими делами. Положение наше не из завидных; нам во что бы то ни стало нужно выйти из него, а между

тем я не могу оставить этот край, не покончив с делами, которые привели меня сюда. Лагерь наш почти в порядке, и все заставляет предполагать, что краснокожие не сделают нового нападения, следовательно, достаточно только стеречь, и это я вам поручаю, Блю-Девиль. Что касается до тебя, Линго, — ты отправишься на рекогносцировку и как можно дальше, чтобы узнать, что случилось с этими чертями индейцами.

— Верхом? — удивленно спросил Линго, — видно, капитан, вы плохо знаете эту страну: я не сделаю и мили, не поломав себе костей или не полетев в ров... нет, нет, — на лыжах будет и скорей и безопаснее.

— Как хочешь, лишь бы принес мне известия.

— Не бойтесь, принесу, и даже самые положительные.

Все четверо вышли из палатки.

Почти тотчас Линго уехал из лагеря.

Благодаря широким лыжам, привязанным к ногам, смелый парижанин с необыкновенным искусством и быстротой скользил по снегу.

Как скоро он исчез вдаль, капитан, который долго следил за ним глазами, привязал также к ногам лыжи и, поручив еще раз Блю-Девилью стеречь лагерь, в свою очередь удалился.

Сделавшись временно начальником отряда, Блю-Девиль постарался скорее заставить своих товарищей продолжать земляные работы, прерванные завтраком; потом, когда увидел, что все эмигранты (будем их так называть) серьезно занялись работой под руководством Шакала, сам незаметно пробрался за главную палатку, в первом отделении которой он обедал час тому назад за столом капитана.

Пелон, находясь в столовой как бы по делу, внимательно следил за тем, что происходило в лагере; он был свидетелем отъезда Линго, а затем и капитана. Удостоверившись, что они действительно уехали, молодой человек сосредоточил свое внимание на Блю-Девиле.

В то время, когда последний подходил к палатке, он перекинулся с ним многозначительным взглядом и направился к портьеру, за которой не замедлил скрыться, осторожно подняв и опустив за собой.

Пройдя нечто вроде магазина, загроможденного разными вещами, молодой человек остановился у второй

портьеры, бросил вокруг себя испытующий взгляд и, убедясь в том, что никто за ним не следит, тихонько кашлянул три раза.

Почти в ту же минуту портьера приподнялась вовнутрь.

Пелон проскользнул в отверстие, которое тотчас же за ним закрылось.

Место, в котором он очутился, несколько не походило на скромное жилище капитана и его товарищей, в котором они укрывались от ветра, дождя и стужи.

Это восхитительное убежище, восьмиугольной формы, было обито толстыми коврами, не пропускавшими холодный воздух. Посредине стоял массивный серебряный *брасеро*, наполненный тлеющими оливками, и распространял вокруг приятную теплоту; мебель, расставленная в изящном беспорядке, свидетельствовала, что это жилище женщины, впрочем, в этом и не могло быть сомнения.

На висячей койке сидела молодая девушка, вполонину укутанная в дорогие меха; судя по наружности, ей нельзя было дать более шестнадцати или семнадцати лет. Детское простодушие и вместе с тем умное выражение лица делали ее необыкновенно привлекательной; словом — она походила на тех красавиц, которых изображали на полотне Рафаэль и Мурильо в минуту вдохновения; ее большие, задумчивые голубые глаза имели неземное выражение; сквозь тонкую, почти прозрачную кожу просвечивались голубоватые жилки, резко отличавшиеся от длинных, как смоль, волос, спускавшихся густыми кудрями на плечи матовой белизны. Странное меланхолическое выражение в лице придавало ей еще больше очарования.

Увидев Пелона, молодая девушка печально улыбнулась и, протягивая ему свою маленькую ручку, сказала нежным и приятным голосом:

— Очень рада тебя видеть, друг мой, но тем не менее не могу тебя не пожурить за неосторожность, которую ты делаешь, приходя сюда в это время; если мой гнусный тюремщик застанет нас вместе, то тебе не избегнуть жестокого наказания.

— Это правда, сеньорита, — отвечал молодой человек веселым голосом, — но успокойтесь, я не подвергаюсь другой опасности, как той разве, что мое внезапное

появление в ваших покоях может показаться вам неприятным.

— Что ты хочешь сказать?

— Сеньорита, капитан Кильд оставил лагерь десять минут тому назад и пробудет в отсутствии, вероятно, несколько часов.

— Ты уверен, что он уехал?

— Вполне, сеньорита: я присутствовал при его отъезде. Вы знаете, — прибавил он, — меня считают за идиота и потому несколько не остерегаются.

— Бедный Пелон! — произнесла она с чувством.

— Не жалейте меня, сеньорита, — отвечал он с некоторым оживлением. — Эта уверенность — мой оплот; она позволяет мне, как сестру, стеречь вас; настала минута доказать вам мою преданность.

— Я знаю, что могу рассчитывать на тебя, Пелон, и потому безгранично доверяю тебе. Нас связывает одно горе — несчастье. Но не скрою, что, зная твою непреодолимую ненависть к негодяю, который держит нас обоих в своей власти, я иногда страшусь, чтобы ты не увлекся и не погубил бы себя безвозвратно.

— Не бойтесь и ничего подобного не ждите от меня, сеньорита, — возразил он, тряхнув головой. — Я обладаю двумя драгоценными добродетелями раба: лукавством и благоразумием; несколько раз уже мне представлялся случай бежать; но, как видите, ни разу не воспользовался им.

— И хорошо сделал! Увы, что случилось бы с тобой в этой необозримой пустыне?!

Странная улыбка на минуту осветила бледное лицо молодого человека и придала ему выражение непоколебимой энергии.

— Не эта боязнь остановила меня, сеньорита, — отвечал он гордо, — как ни молод я, но пустыня для меня не имеет тайн: я сын одного из самых знаменитых мексиканских *гамбуцинов*, и жизнь моя почти вся прошла в саваннах; давно, если б это только зависело от меня, я бежал бы; был бы теперь подле отца, который терзается моим отсутствием и, быть может, считает меня мертвым.

— Так отчего ж ты не бежал? — спросила с любопытством молодая девушка.

— Отчего?

— Да, отчего, Пелон?

— По двум причинам, сеньорита: я сам себе дал двойной обет.

— Двойной обет? Объяснись: не понимаю тебя.

— Извольте: я поклялся, во-первых, отмстить моим врагам, а во-вторых, не бежать без вас, сеньорита; я не хочу бросить вас на произвол судьбы в руках этих злодеев — вот почему я остался; и как ни благоприятны будут еще случаи бежать, я не убегу до тех пор, пока вы не будете в состоянии следовать за мной.

— Увы! Я в заключении, и бегство для меня невысказано.

— Кто знает — вы, быть может, сеньорита, ближе к освобождению, чем думаете.

— К чему, милый Пелон, лелеять меня несбыточными надеждами? Я девушка, почти еще ребенок, и не способна прибегнуть к решительным мерам; я могу только плакать и молить Бога помочь мне.

— Поручитесь же Ему, сеньорита, так как это сам Бог посылает вам защитников.

— Где же эти защитники? Ты постоянно мне о них говоришь.

— Подле вас, сеньорита.

— Подле меня я вижу только тебя и Гарриэта.

— Вы плохо смотрите вокруг себя, сеньорита. Вы имеете еще и других друзей, в особенности же одного: решительного и преданного. О нем я уже раз говорил.

— Блю-Девиль! — вскрикнула она, закрывая лицо руками. — О, этот человек пугает меня. Лейтенант капитана Кильда? Одна его наружность приводит меня в ужас.

— Что вам за дело до его наружности, — заметил с оживлением Пелон, — она может быть обманчива; разве вы не знаете, сеньорита, чтобы с волками жить, нужно по-волчьи выть? Если б Блю-Девиль был похож на других людей, он не мог бы быть товарищем этих гнусных разбойников; следовательно, чтобы сойтись с ними, ему нужно было приноровиться к их привычкам и образу жизни.

— О, если б я могла быть уверена, что ты не ошибаешься в этом человеке!

— Я это утверждаю, сеньорита! Блю-Девиль вам предан, и за честность его ручаюсь головой: я хорошо его знаю.

— Ну, так скажи мне...

— Ничего, сеньорита, — быстро прервал он, — ничего более не могу сказать: я обещал ему молчание.

— Итак, ты меня уверяешь?..

— Честью, сеньорита, и повторяю еще раз, что более преданного друга вы не имеете.

— Берегись, Пелон, я против воли начинаю убеждаться в твоих словах; если ты заблуждаешься, то это ужас!

— Не беспокойтесь, сеньорита.

— Пожалуй, несмотря на отвращение, которое внушает мне этот человек, я согласна с ним увидеться и говорить.

— Так незачем это и откладывать.

— Как, сейчас?

— Почему же нет, сеньорита? Капитан уехал, и Блю-Девиль во время его отсутствия полный хозяин в лагере; быть может, вам не представится более удобного случая с ним побеседовать.

— Но мне кажется...

— Вы колеблетесь?

— Нет, — воскликнула она с твердостью, — я не колеблюсь! Пусть он придет! Сходи за ним, Пелон.

— Это лишнее, сеньорита: он уже несколько минут ожидает в двух шагах отсюда; уполномочиваете ли вы меня просить его войти?

— Да, с Божьей помощью.

Пелон поклонился, открыл тайный проход и, приподнимая слегка холст, сказал:

— Войдите, сеньор Блю-Девиль.

Молодая девушка, нагнувшись вперед, с трепетом устремила тревожный взгляд на секретную дверь, перед которой стоял Пелон.

Где мистер Блю-Девиль вполне обрисовывается

Блю-Девиль появился; отверстие за ним закрылось.

Хотя лейтенант капитана Кильда ни в чем не изменял свой костюм, но в его твердой походке проглядывало столько благородства, выражение лица его, обыкновенно мрачное, дышало нежным состраданием. Эта перемена так поразила молодую девушку, что она вскрикнула от удивления. Она не узнавала в нем человека с угрюмыми и насмешливыми чертами лица, который до настоящей минуты внушал ей такое сильное отвращение. Он, казалось, переродился.

Сделав несколько шагов вперед, Блю-Девиль остановился перед койкой и почтительно поклонился молодой девушке, которая искала взглядом Пелона.

— Он стережет нас, — ответил лейтенант на немой вопрос.

— Правда, — сказала она, как будто говоря сама с собой, — ведь я пленница! — И, устремив на пришельца свой чистый и ясный взор, продолжала: — Да благословит вас Бог, неизвестный друг, вас, который один между этими жестокими людьми принимает участие в судьбе бедной сироты.

Эти слова были сказаны по-испански.

— Сеньорита, — отвечал Блю-Девиль на том же языке, — я присоединился к этим разбойникам с единственной целью — спасти вас, если б даже и пришлось самому погибнуть.

— Пелон мне это говорил, сеньор.

— Он вам сказал правду, сеньорита.

Наступило непродолжительное молчание.

Молодая девушка первая прервала его.

— Я стала было уже сожалеть, что позволила вам прийти ко мне; положение мое так ненадежно среди этих головорезов, что все заставляет меня опасаться; но теперь, когда я услышала ваш голос, не знаю почему чувствую доверие к вам, и внутреннее убеждение нашептывает мне, что, несмотря на ваш суровый вид, вы не обманываете меня, имеете доброе сердце и действительно намереваетесь мне покровительствовать.

— Слушайте этот таинственный голос, сеньорита, он не обманывает вас; повторяю, я с радостью для спасения вас готов пожертвовать жизнью. Что вам до лица и манер моих, лишь бы сердце было честно. Впрочем, — прибавил он с улыбкой, — настанет, может, день, когда докажу вам, что я совсем не так дурен, как вы думаете. Теперь же мне необходимо еще сохранить свое безобразие и грубый вид; душевно благодарю вас, сеньорита, за доверие ко мне и надеюсь, что скоро буду в состоянии доказать вам, что достоин его.

— О, я этому верю, сеньор, и буду ожидать с терпением минуты, о которой вы говорите.

— Вы восхищаете меня, сеньорита; но время для нас дорого, и мы должны спешить им пользоваться; кто знает, представится ли мне другой случай говорить с вами при условиях столь же благоприятных. Сейчас я не могу дать вам объяснения ни насчет присутствия моего здесь, ни на алчность мою, ни даже на то, что хочу сделать для вас: это потребовало бы слишком много времени, а как я вам уже говорил, сеньорита, минуты сочтены у нас, и потому прямо к главному: если вы пожелаете у меня спросить что-нибудь, то не бойтесь обратиться к Пелону. Это самый верный посредник. Он предан вам душой и телом.

— Я это знаю, сеньор.

— Хорошо; имея в виду, что капитану Кильду ни с того ни с сего может прийти фантазия запретить бедному молодому человеку видаться с вами, то вот маленькая тетрадка; ее легко спрятать; в ней вы найдете испанскую азбуку, изображенную знаками, которыми без всякого опасения можете мне делать вопросы в присутствии кого

бы то ни было. Не правда ли, сеньорита, вы поняли меня?

— Совершенно, сеньор, будьте покойны. Благодарю вас, друг, имени которого я еще не знаю; я тотчас же примусь изучать азбуку и ручаюсь, раньше вечера буду ее знать наизусть.

— Прекрасно, сеньорита, — отвечал с улыбкой Блю-Девиль, — в особенности же помните, что только терпением и хитростью мы можем достигнуть цели. Если мы с вами случайно встретимся, не робейте и обращайтесь со мною так же презрительно, как я со всеми остальными разбойниками; главное — не давать повод подозревать наши отношения.

— Я сознаю важность ваших советов и приму их к сведению.

— Капитан Кильд пройдоха, сеньорита, и обладает лукавством дьявола, и имей он малейшее подозрение о нашем сношении — я погиб.

— Я вас во всем послушаюсь, сеньор; вы останетесь довольны мною, — отвечала она тихо.

— Позвольте предложить вам один вопрос, сеньорита.

— Пожалуйста, и если только зависит от меня, то отвечу на него.

— Как обращается с вами этот человек?

— Капитан Кильд?

— Да, капитан, сеньорита.

— Он обращается со мною ни хорошо, ни худо; это очерствелая душа, не поддающаяся никакому внешнему влиянию; часто случается, что по несколько дней он со мною не говорит, но к чести его должна сказать, что он ни разу не нарушил уважение, какое требует мой пол, лета и происхождение, и если его ухватки бывали иногда грубоваты, странны, даже часто дики, то все-таки они никогда не переходили границу строгого приличия.

— Слава Богу, сеньорита, что осталось хоть одно место не зараженным в этой грязной душе.

— Увы! — вздохнула она.

— Не встречали ли вы где, сеньорита, этого человека до гнусного похищения, жертвой которого вы стали?

При этом вопросе молодая девушка задумчиво опустила голову.

— Не оскорбляйтесь этим вопросом, сеньорита, — поспешил прибавить Блю-Девиль, — вы знаете, я не

имею другого намерения, как быть полезным вам, а для этого поставлен в необходимость искать ошупью свет, как заблудившийся во мраке; часто сведения, по-видимому самые ничтожные, бывают в действительности драгоценными.

— Я это понимаю, друг мой; но на ваш вопрос положительно отвечать не могу, — сказала молодая девушка. — Иногда мне казалось, что слышу в его голосе ту знакомую нотку, которую я когда-то слышала давно; в другой же раз я бываю принуждена сознаться, что это не более, как игра воображения. Но кто бы ни был этот человек, я уверена, он маскируется. Для чего? Не могу сказать; а между тем, чем более я пробуждаю свои воспоминания, тем более мне кажется, что я его знаю давным-давно.

— Извините мою настойчивость, сеньорита, но не находите ли вы какого сходства между этим человеком и недостойным родственником вашим доном Мигуэлем де Кастель-Леон?

— Нет, — возразила она минуту спустя, — это не может быть он, а между тем вы пробудили во мне одно воспоминание.

— Какое? Говорите Бога ради, сеньорита.

— Слушайте ж, — сказала она с волнением и со слезами на глазах, — еще ребенком я слышала разговоры отца моего про одного человека, который, по словам его, был заклятым врагом его и умер в сражении, данном индейцам, а выигранном моим отцом. Этот человек изменил своему отечеству: он сражался в рядах краснокожих и командовал их конницей.

— Вы помните, сеньорита, имя этого злодея?

— Да, он назывался Панчо Бустаментэ; эти воспоминания тем более врезались в моей памяти, что, проходя однажды по улицам Вальдивии, отец указал мне на молодого человека, бедно одетого, истощенного, который пристально на нас смотрел. Этот человек, сказал мне отец, называется Корнелием Бустаментэ, сын того подлого дона Панчо, о котором я не раз при тебе упоминал в разговорах с доном Грегорио Перальта. О, папа, воскликнула я, неужели вы, столь добрые для других, ничего не сделаете для этого несчастного? Должны ли преступления отца его падать на его голову? На это отец только покачал головой, но не отвечал.

Несколько недель спустя, гуляя с братом в саду нашей шакры и проходя мимо павильона, поросшего кругом деревьями, внимание мое было привлечено говором, который, казалось, выходил из павильона. Не знаю почему, но мною овладело непреодолимое любопытство; под первым предлогом я отстала от брата и поспешила спрятаться за жалюзи одного из окон павильона, откуда могла не только хорошо слышать, но видеть. В то время я была уже не ребенком, мне было двенадцать лет, следовательно, могла вполне понять слышанное.

— Я не пропускаю ни слова, сеньорита, — сказал Блю-Девиль, — будьте так добры продолжать дальше.

— Три лица находились в павильоне, — продолжала молодая девушка, — отец мой, дон Грегорио Перальта и Корнелио Бустаментэ; это он говорил в ту минуту, когда я спряталась за жалюзи. Сеньор, говорил он шипящим голосом, в котором проглядывала с трудом сдерживаемая злоба, не потому ли только, что я беден, вы навязываете мне ваше сострадание? Отец мой был вашим врагом; кто говорит вам, что я не унаследовал его ненависть? Разве только чтобы насмехаться надо мной, вы меня сюда позвали. Просил ли я когда-нибудь чего у вас? Знайте же, сеньор, что как ни бедственно мое положение, я его переношу с твердостью и безропотно; быть может, настанет день... но не докончил и тотчас спохватился: нет, сказал он задыхающимся голосом, гордо проводя рукой по лбу, я ничего не приму от вас, не хочу даже одолжаться вам стаканом воды: между нами лежит непроходимая пропасть — кровь! оставьте же меня в покое; я вас не знаю и не хочу знать. Тщетно отец старался уговорить дону Корнелио: он оставался непоколебим в своем решении. Почему же, вмешался тогда дон Грегорио Перальта, вы отказываетесь с таким упорством от нашей помощи, а принимаете ее от дону Мугуэля де Кагель-Леон, родственника дону Тадео? При этом неожиданном вопросе дон Корнелио побледнел, но почти тотчас же, подняв голову, опустившуюся против воли, отвечал с горечью: я не дон Мугуэль де Кагель-Леон. Да и знаком ли я с ним или нет, это не ваше дело. Затем повернулся, вышел из павильона и почти бегом удалился. С тех пор я его уж более не видела.

— И более не слышали о нем?

— Нет, сеньор, через два месяца после этого происшествия однажды за обедом дон Грегорио Перальта вдруг сказал: я имею сведения про дона Корнелио. Какие же, спросил отец? Не знаю, какими путями, продолжал дон Грегорио, но слышал — он получил место приказчика в одном из самых главных торговых домов в Нью-Йорке и потому, вероятно, не возвратится более в Чили, где преследовала его постоянно неудача. Но уверены ли вы, дон Грегорио, в том, что говорите, любопытствовал отец. Черт возьми, вполне! — воскликнул дон Грегорио: я был в Талькахуено в то время, когда он отъезжал на американском корабле. Признаюсь вам, прибавил дон Перальта, не без удовольствия я смотрел на его отъезд; этот молодец, могу сказать теперь, не знаю почему, внушал мне тайное опасение. Заметив меня в толпе, он так посмотрел на меня, что у меня по телу пробежали мурашки; но теперь все кончено — мы избавились от него навсегда.

— Дай Бог! — пробормотал задумчиво отец, а дон Грегорио поспешил переменить разговор. Вот и все.

— Итак, вы предполагаете, сеньорита?..

— Я ничего не предполагаю, — ответила она грустно, — вы меня спрашиваете, я вам отвечаю.

— Извините, сеньорита, я плохо выразился: я хотел спросить, не думаете ли вы, что под именем капитана Кильда скрывается дон Корнелио Бустаментэ?

— Голос этого человека так врезался в памяти у меня, что как будто слышу его и теперь; вот почему мне кажется что-то уже знакомое в голосе капитана Кильда, когда он со мною говорит или когда сильно чем-нибудь рассержен.

— Премного благодарен вам, сеньорита, и то сообщение и данные вами мне сведения драгоценны; будьте уверены, что, как ни искусно маскируется капитан Кильд, я все-таки сумею его заставить обнаружить себя.

— Теперь, в свою очередь, мне хотелось бы, сеньор Блю-Девиль, предложить вам вопрос.

— Какой вам угодно, сеньорита; я к вашим услугам.

— Вы, вероятно, знаете, что у меня есть брат.

— Да, я это знаю, сеньорита.

— О! — вскричала она, протягивая с мольбой руки, — скажите мне, где он, страдает ли, счастлив ли.

— Увы, сеньорита, при всем желании я не могу ничего сказать: я не знаю, где брат ваш.

— Боже! Боже! — простонала она, — бедный брат! Бедный Луис!

— Не предавайтесь, сеньорита, так сильно вашему горю; мужайтесь: ваш брат, может быть, в эту минуту уже свободен.

— Вы это думаете? — подхватила она с радостью.

— Сеньорита, я должен признаться, что положительно ничего не знаю.

Наступила короткая пауза: молодая девушка плакала, Блю-Девиль размышлял.

— Слушайте меня, донна Розарио де Пребуа-Крансе, — прервал он молчание.

Молодая девушка, услышав внезапно свое имя, вздрогнула и боязливо приподняла голову.

Блю-Девиль печально улыбнулся.

— Сеньорита, — продолжал он, — я вам должен объяснить, больше того, доказать, что не лгу, уверяя вас в моей безграничной преданности к вам и в том также, что имею поручение от близких сердцу вашему. Вы в этом сейчас убедитесь.

— Говорите, сеньор, я вас слушаю, — отвечала она почти рассеянно.

Блю-Девиль заметил этот оттенок; он угадал, что происходило в уме молодой девушки: подозрение начало ею овладевать, и потому спешил продолжать.

— С того времени, когда дон Мигуэль де Кастель-Леон вас и вашего брата отбил у слуги, который жертвовал своей жизнью, чтобы спасти вас из пламени во время пожара шакры дела-Палома, и до настоящей минуты преданные друзья, одушевленные примером самого старого и верного друга вашего отца, не переставали тайно за вами следить.

— А имя этого друга вы можете назвать, сеньор? — спросила она с оживлением.

— Конечно, сеньорита; этот друг совершил чудеса преданности в вашу пользу: это дон Грегорио Перальта.

— Сердце мое угадало его! — воскликнула она вне себя от радости и счастья. — Бога ради, где же он?

— Он живет в Новом Орлеане вследствие раны, полученной в схватке с сообщниками донна Мигуэля; успокойтесь, сеньорита, эта рана хотя и значительна, но не

опасна, и теперь он, вероятно, уж несколько дней на пути к нам.

— Вы мне говорите правду, сеньор? Я могу вам верить? Если вы меня обманываете, то это было бы ужасно.

— Сеньорита, вы можете вполне положиться на мои слова, в том порука моя честь; нужно быть чудовищем, чтобы позволить себе шутить вашими страданиями.

— Продолжайте, сеньор, продолжайте, прошу вас.

— Дон Грегорио Перальта, несмотря на свои преклонные лета, не упал духом ни перед какими препятствиями; всюду, куда вас ни вели, он следовал за вами; но это еще не все: ваш отец имел двух друзей, двух братьев, которые, покинув его двадцать лет тому назад, углубились охотниками в большую американскую пустыню; тщетно отец ваш старался их отыскать, этих двух друзей, которых, повторяю, он любил как братьев; все усилия его ни к чему не привели: о них не было ни слуху ни духу, и он считал их уже умершими.

— Ну? — перебила она с волнением.

— Дон Грегорио Перальта нашел их, сеньорита.

— Он нашел Валентина? — вскричала она с восторгом.

— Да, сеньорита, Валентина Гиллуа и Курумиллу, его друга.

— Слава Богу!

— Разве вы их знаете?

— Знаю ли я их? — произнесла она дрожащим голосом.

— Но ведь вы их никогда не видели!

— Правда, но что до этого, сеньор? Зачем мне нужно было видеть их, чтобы познакомиться с ними? Вы, стало быть, предполагаете, что отец мой считал их умершими? Нет, ошибаетесь, сеньор, напротив, он был убежден, что они живы, хотя и не знал их убежища. Моя нежная и добрая мать разделяла это убеждение, и каждый день я и мой брат были свидетелями разговоров родителей об этих друзьях, возвращение которых ожидалось ежеминутно; комнаты, некогда занимаемые ими в шакре, оставались в том же положении, как и при них.

Сколько раз, сидя в комнате Валентина, отец мне говорил с чувством: «Розарио, дитя мое, помни Вален-

тина и Курумиллу — этих верных друзей, люби их, как ты любишь нас. Благодаря их самоотвержению твоя мать и я — мы счастливы. Отъезд их, сильно огорчивший нас, был последний знак преданности со стороны Валентина, чтобы упрочить мое счастье. Мы не знаем, куда скрылись наши друзья, но где бы они ни были, помни, Розарио, они вдали не забывают нас. И если когда-нибудь несчастье поразит нас вновь, то они явятся, готовые защищать нас ценою своей жизни. Сохрани же их имена в твоём сердце, дитя мое, и поминай их в твоих молитвах. Может быть, настанет день, когда ты будешь нуждаться в их покровительстве, и тогда они сделают для тебя и твоего брата то самое, что сделали для меня и твоей матери». Вот что беспрестанно повторял мне отец, и слова эти врезались в моей памяти; я привыкла думать о них и мысленно жить с ними. Вы поймете теперь, сеньор, что хотя я их никогда не видела, но знаю настолько, как бы провела всю жизнь вместе с ними.

— В самом деле, сеньорита, я вижу, что вы более с ними знакомы, чем я. Знайте же, что я подле вас по приказанию Валентина Гиллуа: он избрал меня в ваши защитники. Не могу вам сообщить ничего о вашем брате, доне Луисе, по той причине, что с тех пор как оставил город, не отлучался от вас.

— Правда, сеньор, я виновата.

— Однако ж, сеньорита, если я вам не могу сказать ничего положительного, то утверждаю, что Валентин принял те же самые меры в отношении вашего брата, какие были приняты и для вас. Это он мне сам сообщил. Вы можете быть покойны: если дон Луис еще не свободен, то по крайней мере, я уверен, он вне опасности. При нем находятся друзья, готовые его защитить.

— Ваши слова, сеньор, оживляют меня. Теперь, когда я знаю, что верные друзья отца следят за нами, надежда снова воскресает в моём сердце.

— Они не одни, сеньорита. Вы имеете много приверженцев в пустыне, цель их — спасти вас, и благодаря Валентину и Курумилле они уже несколько месяцев крадутся по следам ваших похитителей. Как вас, так и вашего брата они не оставят.

— Неужели у меня столько покровителей?

— Среди этих гор, покрытых вечными снегами, в этой печальной стране более пятидесяти преданных сердец невидимо окружают вас, сеньорита.

— Ваши слова пролили в мою душу невыразимую радость... Так я еще, друг мой, могу быть счастлива! — вскричала она со слезами на глазах. — О, не измените мне. Я вас не знаю, даже имя мне неизвестно, а между тем вы оказываете мне столько сочувствия... если измените мне, то вернее поразите, чем ударом кинжала в мое сердце.

— Верьте мне, сеньорита, я вас спасу, клятву даю, — или труп мой будет добычей хищных зверей этой пустыни.

— Я верю, друг мой, и надеюсь. — Она схватила широкую, мускулистую руку Блю-Девилья в свои нежные ручки и крепко сжала. — Ах, — возразила молодая девушка со вздохом, — давно я не была так счастлива, как в эту минуту.

— Теперь, сеньорита, я приступаю к самой главной части моей миссии.

— Что вы хотите сказать, друг мой?

— Мне вам надо передать важную весть.

— Хорошую?

— Надеюсь, — отвечал он, улыбаясь.

— О, говорите скорей, сеньор, умоляю вас. Увы, с тех пор как я в неволе, хорошая весть для меня редкость.

— Завтра, а может быть и сегодня вечером, сеньорита, один незнакомец приседет в лагерь. Это один из ваших лучших друзей. Он приседет с целью помогать мне при освобождении вас.

— Один из моих лучших друзей? — спросила она с удивлением, смешанным со страхом.

— Да, но успокойтесь, сеньорита: он будет так же загримирован, как и я, чтобы удалить всякое подозрение.

— Кто это может быть? — прошептала в раздумье молодая девушка.

— Вы его увидите, сеньорита, и, вероятно, узнаете. Потому-то и предостерегаю вас, чтобы вы не выдали себя, когда капитан Кильд представит вам его. Вы понимаете, сеньорита, насколько важно сохранить его инкогнито.

— О, не беспокойтесь, сеньор, я сумею выказать равнодушие; но благодарю вас, что предупредили меня; в противном же случае я могла бы сделать промах, а теперь я проведу капитана Кильда, хотя он и воображает, что умнее и хитрее его не найдется.

— Отлично, — отвечал Блю-Девиль, смеясь, — проведем же вместе этого мошенника из мошенников. Крепитесь, скоро вы избавитесь от его проклятой власти.

— Да услышит вас небо, сеньор; впрочем, помогая вам, я и себя отстаиваю.

— Вполне логично, сеньорита, и я очень рад, что вы так хорошо поняли все хитрые условия, к которым мы должны прибегнуть в таком рискованном деле.

— Но, — настаивала молодая девушка, — не назовете ли вы мне себя и не скажете ли имени того незнакомца, который должен приехать в этот лагерь?

Блю-Девиль лукаво улыбнулся, слегка покачивая головой.

— Вы любопытны, сеньорита? — сказал он.

— Нет, — возразила она, — я желаю только знать имена моих покровителей: кажется, желание естественное.

— Правда, сеньорита, вас за это нельзя порицать; доверие требует взаимности, а между нами в особенности не должно быть недоразумений.

— Увы, этого-то доверия я и прошу у вас.

Блю-Девиль ничего не ответил.

— Одно слово еще, сеньорита, — заговорил он минутой спустя, — я должен удалиться от вас; беседа наша длилась гораздо дольше, чем позволяла осторожность: много глаз следят за мной; если б кто меня застал у вас, я погиб.

— Правда! — вскрикнула она с ужасом.

Блю-Девиль встал, вынул из кармана запечатанный конверт и подал его молодой девушке.

— Возьмите это письмо, сеньорита, но не распечатывайте его до тех пор, пока не уйду.

— От кого это письмо, сеньор?

— От одного из самых преданных друзей ваших — Валентина Гиллуа.

— О, давайте, давайте! — сказала она, хватая и пряча конверт на груди.

— Это письмо, — продолжал он, — разъяснит вам, сеньорита, то, что вас так интересует: то есть кто я и насколько можете мне довериться.

— Благодарю вас, благодарю! Но мне хотелось бы вас еще спросить об одной вещи.

— О какой? Говорите, сеньорита.

— Мне хотелось бы узнать имя незнакомца, который должен скоро приехать в лагерь и который, как вы говорите, принимает такое живое участие в моем освобождении.

— Вы желаете?

— Я умоляю вас, сеньор, назовите мне этого человека, чтобы имя его я могла присоединить в моих молитвах к именам Валентина и Курумиллы.

— Ну, сеньорита, — отвечал Блю-Девиль с ударением на каждом слове, — извольте, я вас удовлетворю: имя этого незнакомца Октавио Варгас.

Молодая девушка вскочила с койки.

— Я его угадала, — воскликнула она с лицом, сиявшим от счастья. Затем, встав на колени, прошептала голосом, подавленным от волнения: — Боже! Боже! Ты меня не оставил... Посылая мне таких покровителей, Ты действительно хочешь меня спасти. О, слава тебе, Боже, слава!

Успокоившись, донна Розарио встала, осматриваясь кругом.

Она искала Блю-Девилья.

Он исчез.

Только один Пелон, растроганный, стоял перед молодой девушкой.

— А вот и ты, Пелон, — сказала она, улыбаясь сквозь слезы.

— Да, сеньорита, извините меня, что, не будучи позванным, я вошел к вам.

— Разве ты не знаешь, что присутствие твое для меня только одно удовольствие? Что ты хочешь мне сообщить? Говори.

— Ваш друг, мисс Гарриэта Дюмбар, идет к вам.

Мисс Гарриэта не замедлила войти в палатку.

Увидев ее, донна Розарио вскрикнула от радости и, не дав ей времени сказать слова, бросилась в полуобмороке в ее объятия.

— Боже мой! — воскликнула мисс Гарриэта с испугом, — что случилось с ней?

Но молодая девушка ошиблась: не от горя, а от радости сделалась дурнота с донной Розарио.

Это происходило в то время, когда Блю-Девиль как ни в чем не бывало шел беспечной походкой, покуривая трубку, присоединиться к своим товарищам.

Никто в лагере не подозревал продолжительного и важного разговора, который он имел с донной Розарио Пребуа-Крансе!

Медвежья шкура

Покинув лагерь, капитан Кильд, вместо того чтобы пересечь долину вдоль, как это сделал Линго, повернул направо к лесу и скрылся под склоном. Капитан далеко не владел так искусно лыжами, как парижанин.

Лыжи, названные этим именем канадцами, очень удобны для ходьбы по снегу, но требуют большого навыка, которого капитан совсем не имел.

Почему, добравшись до склона, он поспешил снять их и забросить за плечи.

Да, впрочем, они оказывались ему почти бесполезными, так как плоская местность заменилась гористой, и приходилось входить на довольно крутые холмы, окружавшие со всех сторон долину. На них снег лежал только в некоторых местах, и то в небольшом количестве.

Если капитан плохо скользил по снегу на лыжах, то зато был неутомимый ходок.

Его твердая и уверенная походка, свойственная только людям, которые знают, куда идут, свидетельствовала, что дорога ему хорошо знакома. После приблизительно двухчасовой ходьбы он наконец увидел на расстоянии полумили лагерь авантюристов капитана Гриффитса.

Равнина была покрыта снегом не более как на вершок — доказательство, что снежная метель не прошла по этому направлению и ураган, столь ужасный в горах, был здесь очень слаб. Вместо того чтобы отправиться в лагерь, как сделал бы всякий другой, капитан Кильд остановился у кучки сосен, покрытых снегом, срубил

множество ветвей, снял с плеч вязанку хвороста и устроил костер, который и поджег трутом; пламя росло все более и более, и дым клубами поднимался к небу. Капитан стоял перед огнем столь сильным, что на нем можно было изжарить целого быка.

Наш герой сделал довольную гримасу, наслаждаясь зрелищем, достал из сумки звериную шкуру, растянул ее на земле и, опираясь спиной о ствол огромной сосны, уселся, закуривая трубку так же спокойно, как будто находился в одном из трактиров городов союза.

Между тем авантюристы не спали в своем лагере, а, напротив, были на страже.

Этот необычайный огонь на расстоянии ружейного выстрела от их окон был тотчас замечен часовыми, которые удивлялись, что путешественник расположился так близко от их укреплений, вместо того чтобы просить у них гостеприимства, в котором, без сомнения, не получил бы отказа.

Лейтенант Маркотет был извещен об этом странном обстоятельстве, но тоже ничего не понял.

Он приказал только часовым не спускать глаз с незнакомца и пошел об этом объявить капитану.

Постучав легко в дверь, лейтенант вошел в хижину, которую занимал капитан с того времени, когда привезли в лагерь незнакомку. Склонясь над картой, он с большим вниманием обозначал по временам некоторые пункты булавками, которые часто переставлял.

Услышав шаги лейтенанта, капитан быстро поднял голову.

— Неужели я не могу пользоваться свободной минутой? — сказал он с досадой. — Что вам еще надо?

— Еще — слово упрека, капитан, а я сегодня только первый раз вас беспокою.

— Правда, но другие до тебя меня досаждали.

— Если вы хотите, то я уйду, — возразил лейтенант, несколько смутясь.

— Вот будет кстати! Неужели ты делаешься так же глуп, как и другие?..

— Но, капитан...

— Хорошо, говори, зачем пришел.

— Честное слово, я сам не знаю!

— Не знаешь? Не смеешься ли ты уж надо мною? Это было бы не вовремя.

— Сохрани меня Боже! Но обстоятельство так странно...

— Что ты там болтаешь? О каком обстоятельстве говоришь?

— О том, которое происходит, капитан.

— Что же такое происходит? Ну, говори же, черт возьми!

— О, нет, я лучше уйду.

— Вот что выдумал — уйти?

— Да, потому что вы со мной никогда так не обходились.

— Еще б, ты пришел в такую минуту.

— Я ее не избирал.

— Правда, я виноват. Садись, возьми сигару, и перестанем переливать из пустого в порожнее.

— Насилу-то, — пробормотал лейтенант, закуривая сигару.

— Ты не сердишься на меня?

— Я никогда на вас не сержусь.

— В добрый час, ссора наша кончилась, и можешь теперь сказать, зачем пришел.

— Сейчас и в нескольких словах.

— Ну, я слушаю.

— В долине появился какой-то путешественник, который вместо того, чтобы прямо войти в наш лагерь, остановился у кучки сосен и разложил большой огонь. Это заметили наши часовые.

— Что ты мне рассказываешь? — воскликнул капитан, вздрогнув.

— Истину! Впрочем, вам легко в этом убедиться, возьмите подзорную трубу, встаньте на пороге хижины, и вы рассмотрите этого молодца так же хорошо, как бы он находился подле вас.

— Удивительно! — прошептал капитан, — я не ждал его так скоро.

Сняв со стены подзорную трубу, он навел ее по указанному лейтенантом направлению.

— Это он, — заговорил минуту спустя капитан. — Маркотет, — прибавил он, обращаясь к лейтенанту, — прикажи оседлать мою лошадь: я хочу повидаться с этим таинственным незнакомцем.

Через пять минут лошадь капитана нетерпеливо била копытом перед хижинкой.

— Смотри, чтобы во время отсутствия моего никто не оставлял лагеря, — сказал капитан, вскакивая в седло, — и чтобы десять человек были готовы скакать ко мне по первому моему сигналу; если я выстрелю, то это будет означать, что они мне нужны.

— Отчего бы вам не взять с собой двух человек; это было бы благоразумнее.

— Вот еще, — возразил капитан, пожимая плечами, — ты видишь, он один. Черт возьми!.. Один на один достаточно, да к тому же я хорошо вооружен. Во всяком случае, ранее моего сигнала не приезжать.

— В этом случае я возьму под свою команду людей.

— Пожалуй, но, повторяю, приезжать только в том случае, если подам условленный сигнал.

— Слушаю, капитан.

Отдав это приказание, капитан выехал из укреплений, направляясь к незнакомцу, присутствие которого возбудило всеобщие толки. Грифитс подъехал близко к капитану Кильду, который продолжал беспечно курить, и, вынув пистолет, крикнул:

— Что ты за человек?

— Недостойный работник, возделыватель виноградника Господня, — отвечал Кильд.

— Во имя кого ты пришел?

— Во имя Иоарама Киммеля, из благословенного города Сен-Луи на Миссури.

— Иоарам Киммель достойный ученик святых нашего времени: пчелы работают на него. Ко мне ли тебя прислали?

— Да, если ты тот, кого язычники называют Джоном Оливье Грифитсом и которого они сделали одним из главных начальников Сожженных лесов Красной реки.

— Я действительно Джон Оливье Грифитс. А ты тот, кого я жду? Торговец невольниками по имени Кильд?

— Да; но тебя по какому знаку узнаю?

— По изречению, которое я начну, а ты кончишь.

— Слушаю.

— Когда рука Господня отяжелела на голове грешника...

— ...Праведный униженно ищет помощи у Всевышнего, — продолжал Кильд, прерывая капитана. — Приветствую тебя, незнакомец, и готов выслушать то, что мне скажешь.

Грифитс тогда подъехал, соскочил с лошади и, спрятав пистолет, уселся подле капитана Кильда.

— Я не ждал тебя так скоро, — сказал капитан авантюристов, чтобы только завязать разговор.

— Правда, я прибыл десятью днями ранее, — отвечал Кильд. — Дела, которые меня удерживали в Сен-Луи, закончились скорее, чем я предполагал. А так как полученные инструкции были очень спешны, то я немедленно отправился к тебе.

— Не ты ли начальник тех эмигрантов, которые расположились станом в нескольких милях отсюда?

— Да, я действительно начальник тех, кто ими кажется.

— Клянусь, если б я это знал, то пришел бы к тебе на помощь во время нападения Индейцев-воронов.

— А разве не ты помог нам?

— Нет... честное слово. Я принимал тебя и твоих товарищей за подлых немецких эмигрантов, которых так много в этих странах; да и вмешиваться мне не хотелось. Стало быть, вам кто-нибудь помог?

— Да, и необыкновенным образом. В ту минуту, когда черти индейцы стали нас одолевать, явились незнакомые люди, разбили краснокожих и обратили их в бегство.

— Но после сражения ты их видел?

— Нет, они исчезли так быстро, что я не мог ни одного из них заметить.

— Но по крайней мере постарался ли ты узнать, кто они?

— Конечно, но лазутчик, которого сегодня утром отправил на поиски, не возвращался, и потому ничего еще не знаю; а ты никого не подозреваешь?

— Может быть, охотников много в Скалистых горах, но с ними я не имею сношений: они как будто чуждаются меня, и, следовательно, я ничего не могу утверждать. Если ж ты желаешь, то я поищу... разузнаю.

— Не нужно: я и сам этого добьюсь; впрочем, если они ускользнули так скоро, то, вероятно, из желания остаться неизвестными, а я не вижу особенной надобности их разыскивать. Но оставим это и поговорим о делах.

— Прекрасно, в чем же дело?

— У меня есть редкий товар, но дорогой — тысячу долларов за штуку... без уступки.

— Знаю, ты шелухи не даешь.

— Я подвергаюсь большой опасности: если мой поступок узнают в городах союза, я буду повешен, а если здесь, то будут судить по закону Линча.

— Я это знаю; но если ты продолжаешь это ремесло, так оно тебе, вероятно, очень выгодно.

— Справедливо, — ответил Кильд, коварно улыбаясь, — но предполагаю, что дело, какое бы оно ни было, все-таки дело...

— Не предполагай и не рассчитывай, — прервал его, смеясь, Грифитс, — я ведь не янки.

— Знаю, знаю, ты Сожженный лес, полуфранцуз.

— Поговорим серьезно; не скрою, если я вяжусь с тобой, то это против моих убеждений; необходимость заставляет, ибо иначе, черт возьми, вместо того чтобы полюбовно толковать с тобой, я принял бы совсем другие меры: мне противно иметь дело с тебе подобным негодяем.

— Благодарю, товарищ, за откровенность, но ты знаешь, обида не подвигает дела; напротив, она приписывается к счету.

— Я не торгуюсь! Конец оправдывает бесчестные средства, к которым меня принуждают прибегать. Повторяю, я согласен и не размышляя заплачу тебе за всякую голову по тысяче долларов.

— Вот это называется идти прямо к цели. У меня в лагере шестнадцать женщин, или, лучше сказать, молодых девушек, так как старшей из них не более двадцати, а самой младшей не менее пятнадцати лет. Все красавицы и целомудренны, в этом могу ручаться.

— Ты, кажется, преуспеваешь, — заметил, смеясь, Грифитс.

— Эти молодые девушки, — продолжал Кильд, не возбуждая уже более насмешек со стороны своего слушателя, — были с большими предосторожностями похищены из их семейств и находятся с тех пор под строгим присмотром.

— Хорошо, я допускаю это, дальше.

— Потом, я еще имею четырнадцать детей, из которых младшему девять лет, а самому старшему тринадцать лет. Все они годны для служения нашей святой религии и способны сделаться хорошими последователями.

— Детей, — воскликнул капитан, сжав губы. — Это невыгодный товар: его слишком много, и куплю его с тем условием, если уступишь дешево; в противном случае он останется у тебя на шее.

— Я тебе уступаю по двести долларов каждого; кажется, не дорого?

— Как бы не так! Я не дам более как по шестидесяти долларов, и то эти деньги считаю выброшенными за окно.

— О-о! Ты скуповат, товарищ, с тобой не легко торговаться?

— Кто себе враг! Хочешь — уступай, не хочешь — бери назад.

— Ладно, уступаю, но только по необходимости, — отвечал Кильд с тяжким вздохом, — дело решено.

— Виноват, — перебил капитан, — первое условие, чтобы женщины были красивы, а дети здоровы и хорошо сложены; если же как первые, так и вторые не будут соединять в себе этих условий, то мы не сойдемся.

— Хорошо, хорошо! — проворчал Кильд, — ты сам их осмотришь. Итак, шестнадцать женщин по тысяче долларов — шестнадцать тысяч долларов; четырнадцать детей по шестидесяти долларов — восемьсот сорок долларов, что вместе составляет шестнадцать тысяч восемьсот сорок долларов, да ты накинешь еще двести, чтобы было ровно семнадцать тысяч долларов.

— Ну нет, кум, напротив, я урежу сорок долларов, чтобы была круглая цифра в шестнадцать тысяч восемьсот долларов.

— Неужели я обманулся в тебе? — проворчал Кильд.

— Как так?

— Да так: вместо того чтобы иметь дело с Сожженным лесом, как я думал, я имею его с жидом.

— Нет, разубедись, — сказал он, — я добрый христианин, но вот видишь, кум, когда имеешь дело с подобными тебе негодаями, нужно стричь их как можно ближе к коже, — это уж принято так; знаешь французскую пословицу?

— Что же говорит твоя пословица? — спросил тот недовольным голосом.

— Не сердись же; она говорит нечто очень интересное для тебя, вот буквальный перевод: когда вор обкрадывает вора, дьявол радуется; понимаешь?

— Проваливай-ка с твоими пословицами! Я не пришел сюда, чтобы выслушивать всякий вздор. А если я откажусь от условий, которые ты мне предлагаешь?

— Как хочешь, никто тебя не принуждает, но знай, что расправа по закону Линча очень быстра в пустыне; к тому же я должен предупредить тебя, что наблюдение под этой частью Скалистых гор поручено мне.

— Хорошо, если ты когда-нибудь попадешься в мои руки...

— Ты обстрижешь меня в свою очередь, — хочешь сказать. Прекрасно: долг платежом красен. Но вернемся к делу: состоялся ли у нас торг или нет?

— Нужно было бы.

— Так ты принимаешь?..

— Да, как осужденный принимает веревку.

— Когда же можешь ты мне сдать товар?

— Когда хочешь: чем скорей я избавлюсь от него, тем лучше для меня.

— Я понимаю это, но нужно, чтобы ты немного подожд.

— Это для чего?

— Да для того, что я не желаю принимать посреди гор твой товар, вдобавок еще хрупкий, — прибавил он, смеясь. — Я не хочу, чтобы он испортился в моих руках, пусть временно останется лучше у тебя; сказать яснее и без обиняков — устрой так, чтобы доставить мне его сохранно в место, где река Иордан вытекает из гор к направлению Соленого озера.

— Но ведь это путешествие потребует по крайнй мере шесть недель!

— Соглашаться или нет... дело твое.

— Ну, хорошо, еще приношу эту жертву! Не дашь ли мне ты что-нибудь в счет?

— Нет, но зато дам хороший совет: играть со мною в открытую игру; смотри, кум, будь осмотрителен!

— Это уж слишком! Черт меня дернул к тебе сунуться!

— Чего ты так огорчаешься? Не знаешь ли ты другой пословицы...

— Перестанешь ли ты наконец насмехаться? — грубо прервал он. — Итак, мы увидимся?..

— У *байоны* Антилопы, это там мы покончим наши дела. До свидания, кум.

— Убирайся к черту!

— Отправляясь к нему, я уверен по дороге встретиться с тобой, — отвечал со смехом Грифитс.

На это Кильд пожал только плечами и удалился скорыми шагами, ворча себе под нос.

— Какая ужасная каналья, — прошептал капитан, следя за ним глазами. — К несчастью, я принужден иметь с ним дело. Да... тяжелые есть нужды!

Затем, вскочив в седло, он галопом направился к лагерю, где мы и оставим его, чтобы не упустить из виду капитана Кильда. Почтенный коммерсант более притворялся раздосадованным, чем был им на самом деле.

В действительности он заключил выгодную сделку.

Товар, который он уступал начальнику Сожженных лесов, стоил ему, так сказать, только труда взять его, так как нельзя причислять к расходу те несколько долларов, которые он платил агентам за кражу детей, и немного больше тем, кто похищал молодых девушек, когда он этого сам не мог сделать.

Эта гнусная торговля, в особенности уж последние несколько лет, приняла большие размеры, т. е. с того времени, когда выдумали мормонизм не только в Америке, но даже и в Европе; где святые второго пришествия, т. е. мормоны, основали на обширных началах торговлю белыми. Они имеют во всех странах мира агентов, специальность которых заключается только в том, чтобы похищать силой или хитростью бедных красивых молодых девушек и отправлять их на восток в гаремы богатых мусульман.

Хотя это всем давно известно, но правительства или по бессилию, или по равнодушию смотрят сквозь пальцы.

Но возвратимся к достойному капитану.

Он был взбешен не так сделкой, менее выгодной, чем предполагал, как тем, что натолкнулся на покупателя более хитрого даже, чем он сам.

Возвращаясь скорым шагом в свой лагерь, капитан так погрузился в свои мысли, что не обращал внимания на дорогу, по которой шел.

В результате оказалось, что он заблудился. Кильд после часовой ходьбы поднял голову, испустив проклятье, и остановился, внимательно осматривая местность, чтобы припомнить настоящее направление.

Несмотря на холод и дурную погоду, перспектива переночевать под открытым небом не так беспокоила капитана, как долгое отсутствие от своих людей, которых только его железная рука могла держать в повиновении, и то не всегда.

Небо начинало заволакиваться со всех сторон тучами и отдаленные предметы сливаться в неопределенную массу.

Ночь быстро наступала.

Капитан опомнился.

Благодаря тому, что он был хорошо знаком с пустыней, ему удалось после четырехчасовых поисков напасть на настоящую дорогу.

Наконец он вздохнул свободно и ускорил шаг, чтобы наверстать потерянное время.

Уже с полчаса он шел и рассчитывал, что приблизительно ему нужно еще столько же времени, чтобы добраться до лагеря, как внимание его было привлечено ясными на снегу следами. Не могло быть сомнения в происхождении этих следов: они оставлены были медведем, который, казалось, следовал по направлению, одинаковому с капитаном, да вдобавок не американским и не черным, довольно тихим по природе и более жадным к меду пчел, чем к мясу человека, но так называемым серым медведем — животным высшей степени кровожадным и ужасным.

Это обстоятельство заставило призадуматься капитана. Да и было из чего: человек даже более храбрый, чем Кильд, содрогнулся бы при мысли встретиться с таким чудовищем.

Серый медведь, которого не должно смешивать с белым, также земноводный: как твердая земля, так и вода его стихия. Длины он приблизительно три метра; шерсть его светло-желтоватая, часто даже переходит в коричневый цвет; морду имеет продолговатую; челюсти снабжены очень крепкими зубами; но могущество его скрывается преимущественно в когтях, пирамидообразных, острых как бритва и у взрослых достигающих часто семи дюймов длины.

Серый медведь питается главным образом корнями деревьев, которые вырывает когтями, но жаден также очень и до падали. Это единственный зверь, который нападает на человека, против которого он питает непримиримую

вражду и которого он побеждает с жестокостью беспрецедентной как на воде, так и на суше. «Гризли-бears» не покидают холодных стран, и множество путешественников ошибаются, принимая за него в Южной и знойной Америке под влиянием страха обыкновенных серых медведей.

Капитан Кильд не был трусом, но и не отличался особенной смелостью. Он вообще обладал этим последним качеством настолько, насколько это необходимо людям, избравшим себе какое-нибудь опасное ремесло, которое приучило их встречать хладнокровно опасности тогда, когда они неожиданно представляются им.

Когда прошло его первое волнение, он наострил, подобно собаке, свой слух и тихо пробормотал: поганое животное! За каким чертом он пожаловал сюда, как будто ему не хватило места с другой стороны. Вслед за этим он вложил еще пулю в ствол ружья, завернулся в шкуру и продолжал подвигаться вперед.

Но теперь он шел с особенной осторожностью и не делал ни одного шага вперед, не убедившись, что в пространстве перед ним не было ничего подозрительного.

Ему было в особенности важно не поддаться врасплох своему врагу; он шел так около пятисот метров. Он уже стал выходить на опушку к долине, когда вдруг в нескольких шагах от него раздалось продолжительное и глухое рычание, которое мгновенно оледенило всю кровь в его жилах и заставило вздрогнуть. Капитан приостановился, нагнулся и пристально посмотрел вперед.

Для того чтобы достигнуть равнины, ему нужно было миновать ущелье или проход между двумя почти прямыми скалами — проход этот был около двадцати метров в длину и только двух метров в ширину.

Тогда-то капитан увидел в нескольких шагах от себя, на снегу, громадного великолепного серого медведя, который сидел на задних лапах.

Это животное, казалось, тоже что-то высматривало — и хотя уши его были и приподняты, но оно скорее обнюхивало воздух вокруг себя, чем прислушивалось к чему-нибудь. Было ясно, что медведь почуял что-то беспокойное для себя.

Но что особенно удивляло капитана, так это то, что медведь, как казалось, нисколько не обращал внимания на его особу.

— Да благословит Бог тот ветер, который дует теперь, — ворчал капитан Кильд, — это животное и не предполагает теперь, что я так близко от него — этот бездельник обладает очень хорошей шубой, и это очень приятно для меня. Погоди немного, собрат, я сейчас сведу счеты с тобой.

Говоря таким образом, он прицелился и спустил курок. Раздался оглушительный выстрел.

Ружье, вероятно, было плохо заряжено, так как его так отдало, что капитан не устоял на ногах и упал на снег.

Медведь приподнялся и, зарывав, направился к несчастному охотнику; капитан вне себя от испуга вскочил на ноги и бросился со всех ног бежать, желая спастись от своего ужасного врага. Но, несмотря на все свое старание, ему вряд ли удалось бы достигнуть благоприятных результатов.

Серый медведь, несмотря на всю свою неповоротливость и тяжесть, бежал с такой скоростью, которая скоро должна была бы прекратить погоню Кильда, предав несчастного капитана в его когти.

Капитан, лишившись ружья, хорошо сознавал, что его ожидает, и только старался отдалить роковую минуту. Но, к несчастью, он уже начинал выходить из сил. В молодости он никогда не был хорошим бегуном, а теперь старость отяжелила все его члены, да и к тому же его одежда нисколько не способствовала продолжительному бегу.

Медведь приближался все ближе и ближе к нему, и с каждой секундой уменьшалось страшное расстояние между ним и капитаном.

Кильд уже не осмеливался обернуться назад, но только чувствовал ужасное дыхание своего врага.

Каких-нибудь десять шагов отделяло человека от животного.

Все волосы на голове капитана поднялись дыбом, и холодный пот выступил на его лице. Он чувствовал, что погибает без всякой надежды на какую-нибудь помощь.

Еще две или три минуты — и все кончено.

Медведь поднялся уже на задние ноги.

Как вдруг в ту минуту, когда капитан пробовал вспомнить какую-нибудь молитву, вручая себя Богу,

чья-то рука грубо схватила его за воротник одежды и в то же время чей-то голос крикнул ему по-испански:

— Ложитесь, ложитесь! Дайте мне возможность убить его!

И при этом капитан получил такой толчок в шею, что, пробежав, шатаясь, несколько шагов, упал и растянулся во весь рост около одной скалы.

И в ту же минуту раздался громкий и потрясающий выстрел.

Капитан уткнул свою голову в снег и счел себя убитым.

Прошло две или три минуты, а он все еще не решался пошевелиться. Тем более что этот ужасный выстрел заставил его так подпрыгнуть, что он сразу обернулся с живота на спину.

— Да что же это такое, — крикнул он, бросая вокруг себя испуганные взгляды.

— Вставайте, вставайте, — проговорил чей-то веселый голос, — если вы говорите, значит, вам еще можно помочь, так как вы живы.

— Я не уверен еще в этом, — пробормотал капитан, поднимаясь на ноги и смотря с удивлением на стоящего перед ним.

Перед ним был молодой человек лет двадцати шести или двадцати семи, с широким выпуклым лбом и умным лицом, на котором нельзя было не заметить насмешливого выражения.

На нем был надет живописный костюм охотников пустынь, и он смеялся, глядя на капитана, искавшего свое ружье.

— А медведь, — спросил капитан Кильд, — где же он?

— Вот здесь, совсем близко от вас — смотрите!

— Гм! — пробормотал, вздрогнув, Кильд.

— Уверьтесь, сеньор, — продолжал молодой человек, — что вы живы благодаря мне и что этот бедный черт совершенно умер.

— Вы уверены в этом?

— Гм, было бы интересно, если бы я промахнулся. Знайте, иностранец, что Бенито Рамирец не нуждается в двух выстрелах, чтобы убить медведя, для него достаточно одного выстрела.

— Как, сеньор! — вскрикнул капитан, вскакивая, — неужели вы тот Бенито Рамирец, ловкость которого сделалась поговоркой в равнинах и степях?

— Я не знаю, — ответил равнодушно молодой человек, — что рассказывают про меня мои товарищи охотники, но я вам повторяю еще раз, иностранец, что я Бенито Рамирец и что я не знаю другого.

— Да, это должно быть именно так, вы один только могли мне спасти жизнь.

И, сказав это, капитан осторожно подошел к медведю, который лежал, растянувшись на дорожке.

— О, подходите без страха, — заметил весело охотник. — Он отлично умер: пуля попала ему прямо в правый глаз. Вы понимаете, что я не хотел испортить эту великолепную шкуру, которая стоит восемьдесят долларов.

— Это немыслимо! — вскричал капитан. — Такое хладнокровие в таких ужасных обстоятельствах превосходит все, что только можно было подумать.

— Говорите только о себе, дорогой сеньор, вы одни только были в неприятном положении. Я же три дня преследую этого медведя.

И сказав это, он стал на колени и вынул из-за своего пояса длинный и острый нож.

— Что вы делаете? — спросил капитан.

— Как вы видите, я хочу снять с него шкуру, я нисколько не сомневаюсь, что если оставлю его так, то сегодня же ночью звери, привлеченные сюда своим чутьем, испортят его шкуру.

— Не трудитесь, — проговорил капитан, потрепав его дружески по плечу, — мы находимся не больше как в четверти мили от моего лагеря. Дойдем туда вместе, и я сейчас же пришлю людей взять этого медведя. Вы там снимете свободно шкуру, а его мясо доставит нам отличное угощение.

— Я и не думаю идти в ваш лагерь. Я привык спать, где меня застает ночь. Я ведь не боюсь ревматизма.

— Может быть. Но я обязан вам спасением своей жизни, и я не могу так просто с вами разойтись: я хочу уплатить свой долг.

— Ба, это к чему? То, что я сделал сегодня для вас — вы сделаете это завтра для другого.

— Я не думаю — но вы знаете, что всякая услуга обязывает как того, кто ее принимает, так и того, кто ее делает. Итак, я настаиваю на том, чтобы вы следовали за мной в лагерь.

— Вы этого непременно желаете? — спросил молодой человек странным голосом.

— Да, конечно, нам необходимо поближе познакомиться.

— Пожалуй — только имейте в виду, что не я хотел идти за вами и что если я с вами, то только потому, что вы настаиваете на этом.

— Зачем вы мне это говорите?

— Ах, Боже мой! Да потому, что никто не знает, что с нами будем завтра. Мы теперь друзья, а может быть, через несколько часов мы будем врагами. Я предполагаю, что наше положение может перемениться, если мы побольше и подольше будем вместе, и если это случится — то это будет ваша, а не моя ошибка.

— Полноте, вы шутите! Не вы ли спасли мне жизнь?

— Это правда. Итак, вы все еще хотите, чтобы я следовал за вами?

— Больше, чем когда-нибудь.

— В таком случае — с Богом, показывайте мне дорогу. Я следую за вами.

И они двинулись в путь.

Охотник Бенито Рамирец

Было уже около семи часов вечера, когда капитан Кильд и тот, кого он называл своим спасителем, достигли лагеря.

Время было холодное, и сильно морозило.

Ночь была очень ясная, и чистое прозрачное небо было усеяно массами звезд.

Блю-Девиль собирался уже послать на поиски капитана, когда этот последний показался в лагере вместе со своим новым другом.

Капитана приняли с особенным, горячим вниманием, но не потому, что его особенно любили, а потому, что все были бы в большом затруднении, если бы их начальник исчез.

Поблагодарив всех за их внимание, капитан осведомился о том, что произошло во время его отсутствия, и приказал Блю-Девилью, указав ему местность, послать Линго с тремя или четырьмя человеками за медведем, убитым Рамирецем.

— Линго еще не возвратился, — ответил Блю-Девиль.

— Как! Так поздно! — вскрикнул капитан, — однако теперь не совсем безопасно бродить в пустынях; не случилось ли с ним чего-нибудь — вот что меня особенно беспокоит. Велите Шакалу взять с собой шесть человек и принести медведя, а после этого отправиться на поиски Линго.

Это приказание было немедленно исполнено.

Между тем капитан стоял у входа в лагерь до тех пор, пока все люди скрылись у него из виду.

— Я ужасно утомлен, — сказал он Блю-Девилью, — и теперь пойду к себе. Смотрите за лагерем. Если произойдет что-нибудь особенное — то вы меня тотчас же предупредите.

— Слушаю, — ответил Блю-Девиль.

— Следуйте за мной, — сказал тогда капитан, обращаясь к Бенито Рамирецу.

Рамирец молча поклонился, и они оба направились в ту палатку, куда мы уже не раз водили нашего читателя.

В первом отделении этой палатки был накрыт стол, капитан приказал добавить еще один куверт и предложил своему спутнику сесть, а потом, когда все было подано, приказал негру Самсону просить сеньору. Не прошло и пяти минут после этого, как портьера поднялась и за ней показалась Розарио. Молодая девушка шла очень тихо и опустив глаза. Она была очень бледна и казалась чем-то занятой.

Но вдруг ее взгляд упал на незнакомца.

Легкая краска покрыла ее лицо, губы слегка раскрылись, но ни один звук не слетел с ее губ. Однако это волнение продолжалось только несколько мгновений, и молодая девушка села тотчас же на стул между двумя новыми знакомыми. В свою очередь и Бенито Рамирец при неожиданном появлении молодой девушки сперва покраснел, а потом побледнел, и его глаза блеснули молнией. Но и он тоже мгновенно овладел собой и принял свое обычное выражение. Если бы капитан Кильд — этот физиономист — не был бы в эту минуту занят разрезыванием кусков медвежьего жаркого, то взгляды, которыми перекинулись молодые люди, заставили бы его крепко задуматься; но, к счастью для них и к несчастью для него, они были совершенно не замечены им.

— Я извиняюсь перед вами, нинья, — сказал он по-испански, — что не предупредил вас, что вы найдете здесь постороннего человека.

— Вы здесь хозяин, сеньор, и можете поступать так, как вам будет угодно, — ответила молодая девушка бесстрастным голосом.

— Позвольте, погодите, нинья, я бы не желал, чтобы этот иностранец был обо мне дурного мнения и думал, что я держу себя тираном в отношении вас.

— Дорогой сеньор, — сказал Бенито Рамирец, — у меня привычка не думать о том, что до меня не касается. У всякого довольно своих дел. Вы поступаете с сеньоритой, которая, вероятно, ваша дочь, так, как вам угодно, и мне незачем входить в разбор ваших отношений.

— Извините, сеньор дон Бенито, — возразил капитан важным голосом. — Сеньора не моя дочь — я имею честь быть очень дальним родственником ее и теперь только считаюсь ее опекуном. Я стараюсь, насколько это зависит от меня, удовлетворять ее всем, что только может сделать ее счастливой.

При этой неожиданной откровенности на губах донны Розарио и Бенито Рамиреца показалась насмешливая улыбка.

Но между тем капитан продолжал, передавая блюдо охотнику:

— Итак, я говорю, любезная нинья, что если я позволил себе, не предупредив вас, пригласить к себе этого иностранца, с которым я познакомился всего два часа тому назад, то это потому, что этот иностранец оказал мне одну из таких услуг, которая никогда не забывается. Одним словом, он спас мне жизнь.

— Он поступил очень великодушно, — заметила молодая девушка, кушая или, вернее сказать, делая вид, что ест.

— Действительно, — возразил, смеясь, охотник, — скажу не хвастаясь, дорогой сеньор, что, кажется, я вовремя вступил в разговор с серым медведем — иначе дело приняло бы дурной оборот для вас.

— Бррр! — проворчал капитан, — я содрогаюсь при одном воспоминании; не напоминайте мне про эту ужасную минуту.

— Да, да...

— Этот господин на самом деле спас вас от серого медведя? — спросила сеньора, как бы в первый раз заинтересовавшись оборотом разговора.

— Спас ли он меня! — вскричал капитан. — Я утверждаю, что без него был бы растерзан этим отвратительным зверем. И я, — добавил он, — так обязан ему за свою жизнь, что даю честное слово честного человека, что никогда не позабуду этого и готов вознаградить его всем, что ему только угодно — даже половиной всего своего состояния.

— Хорошо, я принимаю ваше обещание, сеньор капитан, — заметил, смеясь, охотник, — помните это, я тоже никогда не забываю о том, что мне обещают, и если я отказываюсь от чего-нибудь в настоящее время, то очень может быть, что когда-нибудь я вам напомню ваши слова и попрошу вас исполнить ваше обещание. Кто знает, что еще случится, и всегда нужно принимать заранее меры предосторожности.

— Со мной это совершенно напрасно, — ответил довольно холодно капитан, — я всегда готов сдержать слово, данное мной вам.

— Очень хорошо, я и не буду настаивать. Но что вы делаете, капитан, в этих пустых местностях? Вы, вероятно, не пришли драться с индейцами? Здесь их нет. А если здесь иногда и встречаются краснокожие, то это только одни охотники. И с ними вам нечего делать.

— Это правда, я и не думал иметь дело с ними, я просто прохожу здесь.

— Вы проходите. Но куда же вы идете? Я извиняюсь перед вами за нескромность моего вопроса, и вы, конечно, можете не отвечать мне.

— Нет,нисколько, я не нахожу ваш вопрос нескромным, сеньор, и в доказательство не задумываюсь отвечать вам. Что касается до меня, то я и не нахожу нужным скрывать своих дел: я иду в Калифорнию.

— В Калифорнию! — вскричал Бенито с притворным изумлением, — вы, вероятно, шутите?

— Нисколько, я уверяю вас, что иду в Калифорнию.

— Если это так, то я считаю своим долгом предупредить вас, дорогой сеньор, что теперь вы показываете Калифорнии спину. И я вам скажу даже более — если вы будете продолжать в этом направлении свой путь, то вы придете не в Калифорнию, а в Ванкувер, что совсем не одно и то же. Ко всему этому я добавлю, что меня очень удивляет, что вы заставили сеньору сопровождать вам в этом не только утомительном путешествии, но и сопряженном со многими опасностями.

— Боже мой! То, что вы говорите, может быть и верно, сеньор, но я вам должен сказать, что я и не думал принуждать сеньору следовать за мной. Это, напротив, было желание моего милого дитяти.

— А, в таком случае, — воскликнул охотник, улыбаясь сардонически, — мне остается только поклониться.

К тому же такое самоотвержение не удивляет меня со стороны сеньоры: женщины всегда не скажу храбрее, но преданнее нас.

— Извините, сеньор, — проговорила молодая девушка, смотря на него, — если я позволю себе вмешаться в ваш разговор; в нем встретился такой факт, который я должна подтвердить, сеньор де Бенито... вас, кажется, так зовут?

— Да, сеньора, Бенито Рамирец.

— Итак, сеньор Бенито Рамирец, я не заслуживаю нисколько тех похвал, которые вы мне расточали. Сеньор Кильд лжет — он это знает очень хорошо, — говоря вам, что я пожелала следовать за ним. Если вы меня и видите здесь, сеньор, то это положительно вопреки моей воле, потому что я была изменнически похищена из своего семейства и выдана на руки этого человека, который надевает теперь перед вами маску лицемерия, но так плохо скрывает бесчестность его поведения. Я не опекаемая им, а просто его раба.

— Сеньора! — вскрикнул горячо капитан.

— Осмелитесь ли вы опровергать меня? — возразила энергично молодая девушка, смотря прямо в глаза ему. — Необходимо, чтобы правда вышла наконец наружу и чтобы все знали, на что вы способны и что я для вас. Вы желали, чтобы при нашем ужине присутствовал иностранец; я благословляю за это Бога. Вы очень много рассчитывали на меня, сеньор, и на ту ненависть, которую вы мне внушаете, и имели слишком много смелости, или, вернее сказать, цинизма говорить то, что вы только что произнесли здесь. Я не сделаюсь вашей сообщницей. Сеньор Рамирец, — продолжала она, обернувшись к охотнику, — этот человек солгал: он похитил меня, купив меня я не знаю за какую сумму, и его теперешнее желание продать меня таким же презренным негодяям, как и он сам, которые еще трусливее его.

— Сеньорита, — прервал ее мрачно капитан, — я больше не в силах выносить. Берегитесь!..

— Погодите, сеньор, — заметил холодно Рамирец, — ваши домашние ссоры не касаются меня, и я не имею ни малейшего желания разбирать их — я только имею честь заметить вам, что вы ведете себя совсем не так как кавалер. Вы позволяете себе угрожать женщине, и я не могу терпеть этого.

— Но если...

— Тут нет ни «но», ни «если», сеньор, так как подло угрожать женщине, которая не может защищаться. Вы сами привели меня сюда — тем хуже для вас, — и я объявляю вам, что до тех пор, пока я здесь, вы должны обращаться так почтительно и вежливо с этой сеньорой, как того требует ее пол, — иначе, клянусь вам Богом, что вы не уйдете так легко из моих когтей, как вы избавились два часа тому назад благодаря мне от когтей серого медведя.

— Боже мой, сеньор! — возразил капитан жалким голосом, — поверьте мне, что я глубоко опечален тем, что произошло здесь. Я сознаю, что зашел несколько далеко, и, чтобы доказать вам, что я сознаю свою ошибку, я прошу сеньориту извинить меня за то, что произошло здесь, и позабыть мои слова так же, как я забываю ее слова.

Молодая девушка пожала плечами и с презрением отвернулась.

— Вот это лучше, — заметил охотник, — так как вы извинились, то мне нечего больше сказать.

— Да, повторяю, я так опечален этим... Но возвратимся, пожалуйста, к нашему прежнему разговору.

— Но о чем мы говорили? Эта ссора заставила меня окончательно потерять нить нашего разговора.

— Вы мне говорили, что если я буду продолжать этот путь, то не только не достигну Калифорнии, но попаду в Ванкувер. Уверены ли вы в этом?

— Бог мой! Уверен ли я? Но ведь я провел всю свою жизнь в этих проходах.

— Черт побери! Это очень неприятно для меня! Мне положительно нечего делать в Ванкувере, который совершенно заброшен всеми.

— В таком случае перемените направление, направьтесь в Калифорнию.

— Переменить путь! А!.. Сеньор, это легко сказать, но чтобы переменить дорогу, нужно знать ту, по которой нужно следовать, а после всего того, что вы мне сказали, я вынужден сознаться, что я окончательно потерялся.

— Так, но теряются оттого, что не привыкли к степям.

— Гм! И чаще, чем вы предполагаете. Посмотрим, сеньор, не согласитесь ли вы оказать мне услугу?

— Нужно знать какую.

— Черт побери, — проговорил капитан с горькой улыбкой, — вы, кажется, не любите быть компрометированы, сеньор?

— Да, вы правы.

— Это очень разумно.

— Посмотрим — в чем же дело?

— Сперва позвольте мне задать вам один вопрос?

— Какой?

— Имеете ли вы какое-нибудь серьезное желание остаться в этой местности?

— Сперва я хотел, но теперь у меня только одно желание — уйти отсюда как можно скорей.

— В таком случае это великолепно.

— Как так?

— Да, мы пойдем вместе.

— Как это понять?

— Вы хотите оставить эту местность, я тоже, итак, мы уйдем вместе отсюда.

— А! Извините, это совсем другое дело.

— Почему же?

— По двум причинам: во-первых, потому, что я люблю путешествовать один, и, во-вторых, если я путешествую в обществе, то это только с людьми, которые мне нравятся.

— Хорошо — комплимент не особенно длинен, благодарю вас. Итак, я вам не нравлюсь?

— Я не говорю этого.

— Однако мне кажется...

— Вы меня плохо поняли или вы желаете меня плохо понимать, капитан Кильд.

— В таком случае лучше всего — объяснитесь.

Охотник нагнулся вперед, облокотился на руки и пристально посмотрел на капитана.

— Дорогой сеньор, — начал он, — хотя я и мексиканец, но я очень часто посещал янки и хорошо усвоился с их вероломной пословицей: «Time is money»; вы меня, вероятно, понимаете?

— Отлично... продолжайте...

— Дружба дружбой, а дело делом — вы хорошо знаете, что я охотник и что теперь сезон охоты, то есть

* Время — деньги.

лучшее время моей торговли. Если мое ружье не будет делать промахов, то я могу получить большие проценты за это время — так как за каждого медведя, то есть за шкуру его, мне платят восемьдесят долларов. Если же я пойду провожать вас, то я потеряю самое благоприятное время и все свои доходы. Я говорю с вами откровенно, для того чтобы вы могли составить себе ясное понятие о том, что заставляет меня отказаться от вашего предложения. Вы, вероятно, поймете меня.

— Благодарю за откровенность, дорогой сеньор, и она мне нравится больше всех тех причин, которые вы бы могли представить мне, отказываясь от моего предложения, я рад видеть, что дело стоит только за деньгами.

— Позвольте, сеньор, есть еще другая причина — я не знаю, убедились ли вы, что я люблю свободу в своих действиях и не могу допустить никого судить их. Положим, что мы сойдемся в цене, и тогда нам нужно будет решить еще один вопрос особенной важности. Он заключается в следующем: я хочу, если я буду вашим проводником, чтобы никто не вмешивался в мои действия и исполнял и вообще следовал по той дороге, которую я только выберу, и чтобы во все время моего пути я мог бы, не отдавая никому и никакого отчета, оставлять вас на сутки или даже больше. При таких условиях, а также если ваша плата удовлетворит меня, я берусь быть вашим путеводителем, и это потому, что я не хочу, чтобы кто-нибудь и когда-нибудь упрекнул меня в том, что, однажды спасши вам жизнь, я допустил возможность погибнуть вам в пустыне. Подумайте... да или нет!..

— Однако вы предлагаете довольно строгие условия.

— Я понимаю это... но ведь вы можете отказаться от них, — ответил, смеясь, охотник.

— В таком случае я буду не менее вас откровенен... я окружен разбойниками без веры и законов, которые не стоят даже той веревки, на которой их повесят, и которым я вверился. В таких обстоятельствах я совсем потерялся. Сегодня утром у меня взяли большую сумму денег, и я не желаю, чтобы это повторилось еще раз. Вы мне кажетесь честным человеком, и вы мне оказали особенную услугу... Мне кажется, что я могу быть откровенен с вами. Как ни тяжелы эти условия, я их принимаю. Попробуем уладить теперь денежный вопрос. Так как я хочу избежать всяких споров, то я выскажу вам свою

цену и надеюсь, что вы согласитесь на нее. Я вам дам тысячу пиастров, пятьсот вперед и пятьсот тогда, когда мы достигнем до реки Журдан. Что вы думаете об этом? Довольны ли вы этой ценой?

Охотник как будто размышлял.

— Ну, хорошо, — сказал он наконец, — я согласен, что касается пятисот долларов, то оставьте их у себя, вы мне отдадите их тогда, когда мы будем расставаться со-всем: мои деньги сохранятся лучше в ваших руках, чем в моих — мне здесь нечего с ними делать, и они пона-прасну отяжелят меня.

— Итак, все улажено и условие заключено?

— Да, тогда вы поднимаетесь завтра с восходом сол-нца — итак, до свидания, — проговорил охотник, вста-вая и беря свое ружье.

— Как — вы уходите? — спросил капитан Кильд.

— Сейчас.

— Но куда же это вы пойдете так поздно?

— Уже вопросы? — заметил иронически охотник, — это мое дело.

— Верно... До завтра. — Охотник вышел в сопрово-ждении капитана, который проводил его до самого выхода из лагеря.

— Боже мой! — пробормотала молодая девушка, ос-тавшись одна, — счастье только что начинало мне улы-баться, о, я не знаю, как я могла скрыть свое смущение при виде его... Боже мой! Бог мой! Не оставляй нас и помоги нам, — добавила она и, не ожидая возвращения капитана, вошла во внутренность палатки.

Простившись с охотником, капитан медленно пошел к своей палатке, на половине дороги он встретился с Блю-Девилем, который с озабоченным видом прогули-вался взад и вперед по лагерю.

— Ну, что нового? — спросил его капитан.

— Еще ничего, — ответил мрачно Блю-Девиль.

— Как, наши люди еще не возвратились?

— И я их тоже ожидаю. Они принесли серого медве-дя и по вашему приказанию отправились искать пре-зренного Линго, да, было бы для нас большим счастьем, если бы он скатился в какую-нибудь пропасть.

— Э! э! — заметил, смеясь, капитан, — вы, кажет-ся, недолюбливаете этого беднягу Линго.

— Я и не делаю из этого тайны.

— Я его тоже не люблю... у него такое изменчивое лицо... Но нам нечего беспокоиться — он возвратится, так как мы были бы очень счастливы, если бы потеряли его.

В эту минуту вдали показались несколько факелов.

— А, вот и наши, которые, вероятно, нашли его.

И, сказав это, капитан вместе с Блю-Девилем подошел к выходу лагеря.

— Почему они идут так медленно, — проворчал капитан, — мне сдается, что это похоже на какую-то похоронную процессию.

— Кто знает, — заметил Блю-Девиль, — может быть, они наткнулись на этих индейских чертей, которых бродит так много в этих местах.

— Полно... ночью. Если бы это было еще днем — ну тогда может быть, но в такое время и когда так светло — ну да мы скоро узнаем, в чем дело.

Прошло около получаса, прежде чем можно было различить приближавшихся. Они шли чересчур медленно и наконец вошли в лагерь; четверо из них несли на плечах что-то вроде носилок, на которых лежала какая-то фигура, похожая на человека.

— Что случилось? — спросил капитан, не будучи в силах сдерживать своего любопытства.

— Вы это увидите, — ответил мрачно Шакал.

— Нашли ли вы Линго?

— Да, да, капитан, мы его нашли, но в каком виде!

— Что вы хотите сказать, он ранен?

— Немножко потерпите, и вы тогда узнаете больше, чем вы хотите.

Войдя в лагерь, люди, несшие носилки, осторожно опустили их на землю и поставили около костра.

— Осторожней, дьяволы, — вскрикнул Линго, сбрасывая с себя одеяло, которым он был покрыт, — вы хотите окончательно доломать мне мои кости.

— Друг, что же с тобой случилось?

— Вот глупый вопрос! Если бы вы спросили, как это случилось, я бы еще понял вас.

— Гм!.. мне кажется, что случай, происшедший с тобой, сделал тебя еще более грубым, чем ты был всегда.

— Вы называете это происшествием, капитан, благодарю вас — вы очень любезны. Какое неприятное происшествие!

— Да ну же, говори, наконец, чтобы мы могли по крайней мере знать, что нам нужно делать.

— Что со мной? Дайте мне сперва немного рому.

— Как, несчастный, в твоём положении ты хочешь пить еще ром?

— Да что вы за глупец, капитан, разве вы знаете, в каком я теперь положении? Я задыхаюсь от жажды, и если вы мне не дадите пить — то я вам ничего не скажу.

— Пей и говори, — крикнул капитан, суя ему в рот фляжку с ромом.

Линго улыбнулся и сразу сделал громадный глоток.

— Так, — проговорил он, передавая фляжку капитану, — теперь мне лучше — странно, как мой организм привык к спирту, благодарю вас!

— Да будешь ли ты говорить, животное?

— Сколько хотите.

— Ну начинай, как это случилось?

— Первая пуля попала мне в бок, потом другая в правую руку — затем я свалился и катился около шестидесяти шагов. Нужно, чтобы моя душа была так же крепка, как и мое тело, чтобы переносить такие муки... Но все равно. Я ему отомщу...

— Кому?

— А тому, кто меня так поподчевал. Неужели вы думаете, что я сам угостил себя так?

— Ты знаешь, что если мы будем так продолжать, то мы никогда тебя не поймем.

— Действительно, вы правы, капитан. Итак, слушайте, вы меня послали сегодня на разведку — так ведь?

— Да — дальше?

— Итак, я пошел и начал бродить в окрестностях, желая напасть на какой-нибудь след — снег везде был покрыт льдом, и на нем не было видно ни одной кошачьей лапки; соскучившись и не найдя ничего, я около пяти часов вечера уже собирался возвратиться в лагерь, так как я сильно проголодался, когда вдруг шум в кустарниках в нескольких шагах от меня заставил невольно прислушаться, а в это время чей-то голос грозно крикнул: «Кто идет?»

— Это был человек? — спросил капитан.

— Да уж, конечно, не щенок, — заметил, смеясь, парижанин, — однако вы очень хитры, если угадали,

что это был человек. Хорошо, подумал я тогда, теперь по крайней мере мне есть с кем поговорить. «Друг!» — крикнул я. «Я недруг такого бездельника, как ты», — ответил мне голос. Мне кажется, что я знаю этот голос, подумал я и не долго думая приложился — но он тоже не дремал и послал тотчас же в меня пулю. Я хотел поднять ружье, которое выпало у меня из рук, но он в ту же минуту послал в меня вторую пулю и вслед за тем крикнул, удаляясь в кусты: «Ты получил свое, и твои товарищи не замедлят получить должное».

— Как, он сказал это? — вскрикнул Кильд.

— Совершенно верно, что и заставляет меня предполагать, капитан, что около нас находятся такие личности, которые сыграют с нами плохую штуку, если вы только поддадитесь им.

— Продолжай, — крикнул, нахмурившись, капитан.

— Мой незнакомец подошел ко мне и ударил прикладом по шее, крикнув: «Получи добавление», — и, видя, что я ишу рукой нож, привешенный к моему поясу, он так ударил меня по руке, что я больше чем полчаса не мог пошевелить ею, а он, стоя около меня, ругался, крича: «Убийца, вор, задавленник! Мы хорошо сочлись с тобой, — и при этом он ударил меня ногой и добавил: — Скоро и другие получают то же самое, и ни один из вас не избегнет этого...» Не знаю, вследствие ли этих слов, или его удара, только я кончил тем, что упал в обморок... И тогда что же он сделал? — Он толкнул ногой так, что я скатился в пропасть. Негодяй!.. Там-то меня и подняли мои товарищи, лежавшего без всякого движения. Если бы вы были так добры, капитан, и дали бы мне еще рому — я чувствую, что это принесло мне пользу.

Капитан подал ему фляжку, из которой Линго выпил и возвратил ее обратно.

— Итак, — сказал Кильд, — ты не мог исполнить поручения, которое я тебе дал, и не мог найти следов тех людей, которые явились так кстати, во время атаки индейцев.

— Каким чертом, капитан, вы хотите, чтобы я мог разыскать какие бы то ни было следы. Я был в недурном положении для того, чтобы делать какие-нибудь открытия, и кто знает, может быть, тот человек, который

обошелся так грубо со мной, сделал то же и с теми, кого мы ищем... я ведь этого не знаю.

— Это невероятно, — проговорил капитан, покачивая задумчиво головой.

— Кто знает, — заметил по-прежнему насмешливо парижанин, — однако я вам должен сознаться, что как друг он поступил несколько грубо со мной. Черт побери, у него мертвая рука!

— Все это странно!

— Да, или по меньшей мере удивительно.

— Но, наконец, узнал ли бы ты того человека, с которым имел дело?

— Вот смешной вопрос, — заметил парижанин, — чтобы узнать его, нужно было видеть его!

— Как «нужно его видеть»; но ведь, мне кажется, вы были достаточно близко один от другого, чтобы разглядеть друг друга.

— Во-первых, я уже вам сказал, что это было ночью, затем бездельник вскочил на меня как какой-нибудь бульдог; наконец, на нем была такая шляпа, поля которой окончательно скрывали все его лицо. Мне даже не удалось заметить кончика его носа; но, несмотря на это, если я когда-нибудь услышу его голос, то не ошибусь. Звуки его голоса остались в моих ушах.

— Тебе больше нечего сказать?

— Нет. Мне кажется, что и этого довольно.

— Ну, так позволь теперь перевязать себя.

— Делайте что хотите.

Действительно, бедный черт находился в жалком положении. На всем его теле нельзя было найти ни одного места величиною в доллар, которое бы не было страшно контужено или ранено.

Перевязка продолжалась долго. Линго перенес ее с тою беспечной веселостью, которой так отличался его характер. Благодаря случайности, которую можно было считать чудом, — у него ничего не было сломано; первая пуля прошла через кожу и мясо руки, не повредив кость; вторая скользнула по ребрам и не вошла в тело, а остальные повреждения были только контузии, полученные при падении в овраг, и, как он сам выражался, говоря тем, кто сомневался в его жизни:

— Мои дети, когда судьбой назначено быть повешенным, то нельзя утонуть.

Не больше как через полчаса после этого он был уже полупьян и спал глубоким сном.

Капитан Кильд в задумчивости возвратился в свою палатку, приказав Блю-Девиллю особенно тщательно бод-рствовать во время ночи.

Этот человек, игравший и насмехавшийся в продолжение нескольких лет над всеми лучшими человеческими законами, чувствовал, что горизонт его омрачается, а какое-то предчувствие, которого он не мог никак отогнать от себя, говорило ему, что наступает час страшного наказания за все его дела.

В продолжение целой ночи он был мрачен и в волнении ходил взад и вперед по своей палатке, не смыкая ни на минуту глаз и развивая в своей голове самые ужасные и бессмысленные проскты.

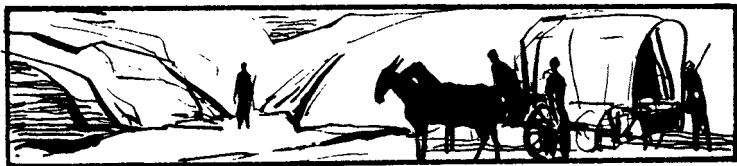
За пять минут до восхода солнца полы его палатки приподнялись и в нее вошел человек.

Капитан вскрикнул от радости, узнав его.

Этот человек был охотник Бенито Рамирец.

Тайные чары великой Индии

ГЛАВА I

Донна Розарио

Утреннее солнце уже высоко поднялось на небе, пробиваясь своими яркими лучами сквозь густые деревья девственных лесов Индии.

В одной из самых глухих местностей этих необитаемых лесов пробирался человек, судя по костюму — охотник, отставший, по всей вероятности, от своих товарищей.

Он шел в глубокой задумчивости, но вдруг испустил радостный крик, увидя перед собой расположенный лагерь, из которого навстречу к нему вышел вооруженный человек — по-видимому капитан этого отряда; он проворно подошел к охотнику и протянул ему руку.

— Это вы, — сказал он, — будьте добрым вестником и гостем.

— Благодарю, — ответил Рамирец, закуривая сигаретку и делая вид, что не замечает протянутой ему капитаном руки, — когда мы трогаемся в путь?

— Тотчас, тотчас, — вскричал дрожащим голосом Кильд.

Сигнал к отъезду взволновал весь лагерь, который сразу оживился; всякий считал себя счастливым, что оставял эти пустынные местности.

Через два часа после этого весь караван был уже в дороге. Бенито Рамирец ехал впереди; донна Розарио сидела в паланкине, несомом двумя мулами, а остальные женщины и дети помещались в громадном крытом вагоне.

Мужчины шли за капитаном по обоим сторонам каравана, держа ружья наготове, прислушиваясь к каждому шороху и вглядываясь в каждый предмет. Караван шел с семи часов утра до полудня, и в это время с ним не случилось ничего особенно замечательного.

Вагоны подвигались очень медленно; дороги были ужасны, или, вернее сказать, их совсем не было, а путешественники прокладывали себе проход с помощью топоров и кирок.

В полдень все остановились, чтобы накормить животных и позавтракать.

Во время пяти часов сегодняшнего утреннего пути они с трудом успели сделать около трех миль.

Местность, выбранная ими для остановки, заключалась в довольно обширной луговине, расположенной среди леса, по которой протекал ручей.

На одном из холмов была тотчас же разбита палатка для донны Розарио.

Все женщины, или скорее молодые девушки, находившиеся в шайке капитана, из которых ни одна не путешествовала по своей охоте, хотя по виду и пользовались свободой, но на самом деле строго и зорко охранялись, так что им с трудом было разрешено говорить между собою и настрого было запрещено мешаться с мужчинами и вообще иметь какое-нибудь отношение с ними.

Эта строгость простиралась настолько, что они не смели даже спрашивать их о чем-нибудь, и когда им было что-нибудь крайне необходимо, то они были обязаны прямо обращаться к самому капитану или, в отсутствие его, к лейтенанту Блю-Девиллю.

Но, несмотря на это, среди всех этих молодых девушек находилась одна, о которой мы уже говорили и которая благодаря своему привлекательному характеру, веселости и беспечности достигла того, что сделалась любимицей всех и настолько приобрела благоволение своих сторожей, что пользовалась полнейшей свободой, правда — не выходящей за пределы лагеря, но не мешавшей этому бедному ребенку быть счастливой.

Этой молодой девушке было около восемнадцати лет, она была высокого роста и хорошо сложена; черты ее лица были правильны и дышали такой откровенной наивностью и смелостью, что невольно привлекали к себе

и заставляли любоваться ею. В ее больших голубых глазах проглядывало лукавство, а ее белокурые волосы ниспадали длинными косами чуть не до самых оконечностей ног. Ее звали Гарриэта Дюмбар; она была уроженка Ирландии, из окрестностей Дублина. Ее родители были бедные фермеры, которым на своей родине приходилось чаще всего довольствоваться простыми овсяными лепешками, а не белым хлебом, и которые, следуя примеру своих соотечественников, переселились в Америку с целью улучшить свое положение, бывшее столь непривлекательным в Ирландии.

Не успели они еще пристать к нью-йоркской пристани, как их здоровье, сильно расшатанное разными бедствиями, заметно ухудшилось, и они заболели в стране, где были чужды для всех. Через месяц они умерли, как говорили, от тифа, но на самом деле от голода, не оставив ничего даже на свои похороны и покинув в этой негостеприимной стране без всяких средств к жизни свою дочь.

Через три или четыре дня после смерти своих родителей Гарриэта Дюмбар была похищена в восемь часов вечера на Бродвее — этого любимого и модного гулянья всей лучшей нью-йоркской публики, в ту самую минуту, когда она хотела продать пояс своей покойной матери, чтобы купить себе кусок хлеба.

Сначала молодая девушка была очень напугана этим похищением, предполагая, что попала в руки воров или убийц. Самые мрачные мысли овладели ее мозгом, и она заливалась горькими слезами.

Но между тем ее похитители обращались с ней гораздо лучше, чем она могла подумать, и даже берегли ее и ласкали как-то почтительно. Она была увезена за город и помещена в доме, находившемся между двумя садами, окруженными такими высокими стенами, что снаружи их было почти невозможно заметить. В этом доме Гарриэта Дюмбар была принята двумя уже пожилыми дамами, которые поцеловали ее, заставили рассказать историю ее жизни, заплакали вместе с ней о ее родителях и, наконец, меньше чем в два часа так овладели рассудком молодой девушки, что она полюбила их всеми силами своей души.

В этом доме уже находилось пять или шесть молодых девушек почти одних с нею лет; все они были если не

роскошно, то по крайней мере прилично одеты и отлично содержались. Новая пансионерка этого странного жилища не стала ничем отделяться от них.

Так прошло около двух недель. Жизнь, которую вела молодая девушка в этом доме, казалась ей очень приятной и спокойной, в особенности в сравнении с теми лишениями, которые она так много испытала.

Но в этом свете ведь ничто не бывает вечно, и раньше или позже, а всему бывает конец.

Однажды вечером, при наступлении ночи, во двор этого дома въехали три совершенно закрытые кареты, запряженные каждая по четыре лошади.

Не дав молодым девушкам времени опомниться от удивления, не разъяснив им ничего насчет того, что их ожидает впереди и куда их везут, они все были собраны и принуждены наскоро уложить кой-какие данные им вещи. Затем обе старушки со слезами на глазах перецеловали их и осторожно усадили в кареты, двери которых тотчас же захлопнулись, заперлись на ключ, и экипажи быстро понеслись вперед.

На этот раз путешествие продолжалось целых одиннадцать дней, причем они останавливались очень редко и только на самое короткое время — для того чтобы перепрячь лошадей и сделать какую-нибудь необходимую починку, и для этих остановок выбирали обыкновенно деревни, расположенные далеко от дороги и мало посещаемые.

На одиннадцатый день вечером кареты достигли, наконец, до места своего назначения.

Когда путешественницы вышли из экипажей, то первой заботой их было бросить вокруг себя любопытный и вопросительный взор.

Их удивление было велико. Они находились на лужайке среди леса и в нескольких шагах от лагеря охотников или по крайней мере людей, которые по своим костюмам и ухваткам, казалось, принадлежали к этому классу.

Вскоре за этим они узнали, что находятся во власти капитана Кильда.

Капитан пересчитал их и внимательно осмотрел, не забывая во время этого осмотра своей милой привычки — ворчать и качать головой, и затем приказал одному из своих приближенных проводить их на ту часть

лужайки, где уже находились еще несколько молодых девушек почти одинаковых лет с вновь прибывшими. Большинство этих девушек, как казалось, были в самом глубококом горе.

На другой день утром капитан Кильд поднял свой лагерь и, углубившись в лес, направился к громадным северо-восточным пустыням.

Как и следовало ожидать, он не оставил и бедных пленниц.

После первых минут горя Гарриэта Дюмбар сообразила, что ей немисливо избежать того, что ее ожидает впереди, и стала, не скажу весело, так как это было бы уже слишком, но спокойно проводить время, примирившись, насколько было возможно, с окружающей ее обстановкой.

Но затем мало-помалу на ее губах стала все чаще и чаще показываться улыбка, а так как ее характер принадлежал к разряду таких, которые во всем находят хорошую сторону, то и неудивительно, что вскоре после этого она считала себя сравнительно довольно счастливой.

Вот и вся простая и трогательная история этой молодой девушки, для которой все человеческое общество с первого же дня ее рождения не сделало ничего хорошего и которая, несмотря на это, была далека от того, чтобы жаловаться на него или ненавидеть его. Эта девушка осталась такой, какой ее сотворил Бог, то есть расположенной и любящей всех и готовой при всяком удобном случае подать руку помощи тем, кто был не в состоянии бороться с судьбой.

Итак, как мы говорили уже, через несколько дней Гарриэта Дюмбар сделалась всеобщей любимицей.

Даже капитан Кильд и свирепый Блю-Девиль интересовались ею и порой даже улыбались, слушая ее наивные песни.

Молодая девушка страстно полюбила донну Розарио, которую она видела постоянно в горе, а донна Розарио была глубоко тронута ее нежными заботами о ней и той тайной симпатией, которую всегда выказывала ей Гарриэта Дюмбар.

Капитан Кильд был особенно доволен их связью и, вместо того чтобы препятствовать им, старался, как только мог, сблизить их.

Ужасная тоска пленницы особенно тревожила его, и он надеялся, что веселый характер ирландки будет иметь могущественное влияние на ум донны Розарио и произведет перемену в ее думах.

А Гарриэта Дюмбар была настолько заботлива, что взялась исполнять своему новому другу ту массу разных мелких услуг, которые женщина известного круга общества может принимать только от особы своего пола.

Тогда же, когда Розарио обедала или ужинала одна, что случалось очень часто, Гарриэта Дюмбар накрывала на стол и подавала ей кушанья (все остальные женщины обедали вместе).

И во время этих-то обедов и ужинов молодая девушка старалась своей веселой болтовней разогнать грустное настроение своего друга. Нам, кажется, не нужно добавлять здесь, что между этими двумя детьми (мы говорим детьми нарочно, так как обеим девушкам вместе было всего тридцать два года) царствовало полнейшее доверие и не существовало никаких тайн и секретов.

Как только караван остановился на отдых, Гарриэта тотчас же поспешила привести все в порядок и приготовить кушанье для своего друга, с которым она почти никогда не расставалась.

Вскоре после этого молодые девушки сидели за завтраком и разговаривали вполголоса.

Вагон едва остановился, как Бенито Рамирец взял свое ружье.

— Мы двинемся в путь через два часа, — сказал он, — в этой местности неудобно отдыхать долго. К тому же погода благоприятствует — дорога тоже пойдет лучше. Следовательно, нам нужно воспользоваться этим.

— Хорошо, — проговорил капитан, — мне нравится ваше мнение — оно превосходно. Разве вы не будете завтракать вместе с нами?

— Нет, — ответил Рамирец, покачав головой. — Ваша копченая говядина и солонина мне ужасно противна, да я не устал и не чувствую ни малейшего аппетита. Я предпочитаю осмотреть окрестности и застрелить что-нибудь себе на обед.

— Отлично сказано, — заметил, смеясь, капитан. — Идите же, сеньор дон Бенито, желаю вам хорошего успеха и в особенности хорошей охоты!

— Благодарю, — проговорил дон Бенито Рамирец с усмешкой, в которой проглядывала отчасти скрытность и отчасти лукавство.

Охотник бросил ружье на плечо и скорыми шагами направился к лесу и вскоре скрылся за большими деревьями.

— Какая странная личность, — подумал капитан, провожая его глазами до тех пор, пока его можно было видеть, — но я мог убедиться в нем. Он, кажется, предан мне, а это ведь главное. Да и к тому же, какой ему расчет изменять мне... Однако какой я дурак!.. Да разве всегда не бывает интереса в измене... ба-ба-ба! я просто сумасшедший! Какой я сделался глупец с некоторых пор и совсем забил себе голову...

В эту минуту к нему подошел Блю-Девиль.

— А вот и вы, — пробормотал капитан, — ну как здоровье этого животного Линго?

— Дьявол стоит за своих, — ответил ему, смеясь, Блю-Девиль, — он уже почти и не думает об ударах, полученных им вчера. Его раны заживают. Он ест теперь как бык и пьет как корова. О, будьте спокойны, он выздоровеет.

— Черт побери! Я рассчитываю на это.

— К тому же я должен отдать ему справедливость, что он не любит нежничать и уже хотел приняться за службу.

— Нет, нет, пусть он еще отдохнет день или два: это будет лучше для всех.

— Кстати, капитан, я не помню, говорил ли я вам, что я расставил везде часовых.

— Вы хорошо сделали. Хотя, как кажется, нам не предвидится опасности, но все лучше быть настороже. Пойдем завтракать: мне ужасно хочется есть.

— И мне тоже, — добавил как эхо Блю-Девиль.

Завтрак молодых девушек продолжался очень недолго — обе они только слегка дотрагивались до кушаньев и не чувствовали особенного голода.

Гарриэта, по обыкновению, не молчала.

— С вами сегодня, сеньорита, что-то особенное, — начала молодая девушка, глядя на донну Розарио испытующим взглядом. — Мне кажется, что я замечаю на вашем лице что-то вроде веселости. Наверное, происходит что-нибудь новое; что? Вот этого-то я и не знаю, но вы мне скажете.

— Ступай, любопытная, — проговорила донна Розарио, слегка улыбаясь.

— Не судите обо мне так худо, сеньорита, это не любопытство, а дружба.

— Я знаю, моя милочка, и я не скрою ничего от тебя и скажу тебе все.

— А, в добрый час, вот как я вас люблю. Но погодите на минуту — я хочу сперва убедиться, что нас нельзя слышать. Здесь необходимо быть осторожным, так как мы имеем дело с такими людьми, которые не считают ни за что подслушивание у дверей.

Говоря таким образом, она встала и вышла из-под временного убежища, раскинутого для донны Розарио.

Ее отсутствие продолжалось недолго. Через несколько минут она возвратилась и положила один из своих маленьких пальчиков на губы, желая выразить этим, что нужно молчать.

— За нами присматривают? — спросила шепотом Розарио, когда Гарриэта села около нее.

— За нами всегда присматривают, — заметила серьезно девушка, — но сегодня больше, чем когда-нибудь.

— Но почему? По какой причине?

— Не знаю.

— Но почему ты так предполагаешь, милочка?

— А вот что: представьте себе, что сегодня вокруг всего лагеря стоят часовые.

— Тут нет ничего особенного, дорогая милочка: так бывает всегда, когда мы останавливаемся лагерем.

— Может быть, сеньорита, однако...

— Ты сумасшедшая... Эти часовые сторожат индейцев, а совсем не нас.

— Вы думаете?

— Ну конечно.

— Так почему же часовые везде расставлены вокруг поляны, а у одних нас стоят сзади нашей палатки.

— Гм... что ты говоришь?

— Правду, сеньорита, и вам очень легко убедиться в этом, если вы только хотите.

— Что же ты выводим из этого?

— Но, сеньорита, очень обыкновенную и правдивую вещь, то есть то, что нам хотят внушить особенный страх. Заметьте, сеньорита, что мои предположения подтверждаются уже тем, что часовые были поставлены пе-

редо мною самим Блю-Девилем. А вы знаете, сеньорита, что если Блю-Девиль наш друг — то он еще хуже самого капитана.

— Я тебе повторяю, что ты сумасшедшая: в твоём рассуждении нет ни начала, ни хвоста.

— Хорошо, сеньорита, продолжайте — благодарю вас. Итак, по-вашему, Блю-Девиль не ищет всегда случая припугнуть нас.

Донна Розарио нагнулась к молодой девушке, взяла ее за руки и коснулась своими губами ее уха.

— Блю-Девиль, — проговорила она шепотом, — здесь единственный наш друг.

— Гм!.. — вскрикнула Гарриэта, которой показалось, что она не расслышала ее, и при этом она испуганно посмотрела на донну Розарио. — Блю-Девиль наш друг! Да вы смеетесь, донна Розарио?

— Я тебе повторяю, что этот человек наш самый преданный человек — я это знаю и имею на то доказательство.

— А! — издала только один звук Гарриэта, будучи не в силах выговорить от удивления ни одного слова.

— Да, — начала опять донна Розарио, — вчера, когда ты ушла от меня и не знаю почему, говорю это не в виде упрека, не приходила очень долго ко мне, Блю-Девиль воспользовался отсутствием капитана и, войдя в мою палатку, открылся мне и клялся в своей преданности; он сообщил мне, что он здесь единственно для того, чтобы протезировать мне и спасти меня. Уходя, он просил сохранить обо всем этом полнейшее молчание и оставил мне доказательство своего расположения ко мне. И это-то доказательство может и будет служить самым ужасным доказательством против него, если он, вместо того чтобы спасти меня, изменит мне. Понимаешь ли ты теперь?

— А, вот почему вы были так взволнованы и вне себя, когда я вошла сюда, — вскрикнула она, весело хлопая в ладоши. — Я теперь все понимаю; но зачем вы мне тогда ничего не сказали, — это, право, нехорошо, сеньорита, а я так беспокоилась.

— Не говори так, Гарриэта, ты сама видела, что я задыхалась от радости и была просто сумасшедшей.

— Это правда. Блю-Девиль очень нехорош собой, — заметила, смеясь, девушка... — Но теперь я его люблю.

— Дитя, как ты неосторожна, потише — иначе нас могут услышать.

— Нет, нет, нам нечего беспокоиться, по крайней мере теперь. О, дорогая сеньорита, какое счастье для вас и для меня, так как я, конечно, пойду за вами? Я не хочу больше оставлять вас! Я буду вашим другом, вашей преданной слугой. Какое было бы счастье, если бы нам удалось избежать рук ужасного капитана Кильда, этого старого филина, который никогда даже не посмеется откровенно.

— Да, да, мы не разойдемся больше, моя добрая Гарриэта, мы будем всегда друзьями и всегда вместе.

И обе молодые девушки обнялись и залились слезами, — но эти слезы были слезы радости и надежды. Прошло много минут, прежде чем молодые девушки могли преодолеть свое волнение и обменяться несколькими словами.

Вдруг донна Розарио вздрогнула и живо подняла голову.

Где-то раздался тихий свист, и в ту же минуту в палатку упал маленький камешек и подкатился к самым ногам донны Розарио. Вслед за этим в кустах раздался легкий шорох и мгновенно затих.

Донна Розарио подняла этот камешек и отвязала от него листок бумаги, привязанный к нему ниткой; молодая девушка развернула дрожащей рукой бумагу и проворно пробежала глазами написанное. На бумаге было только несколько слов:

«Дорогая Розарио!

Я преодолел все препятствия, и мне удалось открыть ваши следы; я счастлив потому, что я около вас и что вы меня узнали. Я бодрствую; надейтесь. Может быть, мне удастся поговорить с вами, а мне так много нужно сказать вам, и я так давно не слышал вашего голоса.

Октавио де Варгас д'Альбагейт.

P. S. Сожгите это письмо: надежда, смелость!»

— От кого могло быть это письмо? — спросила ирландка, — конечно, от какого-нибудь друга?

— Да, — проговорила донна Розарио, глубоко вздыхая, — от друга, и очень дорогого, на обещания которого я могу всегда положиться.

— В таком случае все идет хорошо, — заметила весело молодая девушка, — и скоро мы будем свободны.

— Бог знает!

— Не позабудьте о том, чего от вас требуют.

— В чем дело?

— Сжечь это письмо, — это своего рода предосторожность.

— О да, даже большая осторожность, — если капитан найдет его в моих руках, то я погибла.

— В таком случае не колеблясь исполните то, что от вас требуют, — как бы ни тяжела была для вас эта жертва.

Донна Розарио вздохнула и дрожащей рукой разорвала письмо.

В ту же минуту снаружи послышался какой-то шум. Молодая девушка не колеблясь скомкала бумагу и, оставив то место, где было написано письмо, положила в него табак и тщательно свернула его в виде сигаретки.

— Не помешаю ли я вам, если зайду? — раздался в это время за палаткой хорошо им знакомый и несимпатичный голос капитана Кильда.

— К чему эти слова вежливости, капитан, — ответила донна Розарио, — о которой вы нисколько и не заботитесь. Не раба ли я ваша и не обязана ли вследствие этого повиноваться вам? Вы хозяин, войдите, если вам угодно.

Капитан вошел.

— Мой Бог, сеньорита! — сказал он, слегка кланяясь, — мое присутствие, вероятно, очень вам неприятно, так как вы принимаете меня всегда так худо, между тем как я, как мне кажется, употребляю все свои усилия, чтобы угодить вам... вы пользуетесь свободой в моем лагере, и никто до сих пор, как я знаю, не осмеливался здесь быть невежливым к вам.

— Сеньор, внутренние муки и терзания гораздо ужаснее физических. Я не свободна и не могу быть свободной до тех пор, пока я не буду иметь возможности оставить ваш лагерь и избавиться навсегда от тех презренных бандитов, которыми вы начальствуете.

— Бедное дитя! — ответил он с ироническим добродушием, — куда бы вы пошли, если бы я возвратил вам ту свободу, о которой вы так мечтаете? Вы бы не сделали даже нескольких шагов, как бы уже попались в руки индейцев или диких зверей. Мне было бы непростительно позволить вам исполнить подобную шалость.

— О! Я уже давно знаю вашу гуманность и человеколюбие, сеньор, но, извините меня, мы говорим теперь о таких предметах, которые, конечно, не особенно занимают вас, будьте же столь добры, сообщите мне, что побудило вас пожаловать сюда. Вам так дорого ваше время, и вы не согласитесь терять его понапрасну в болтовне с какой-то молодой девушкой.

Эти слова были произнесены с таким насмешливым презрением, что капитан едва удержался от гнева.

— Я жду, — начала опять через минуту донна Розарио, видя, что капитан продолжает хранить молчание. — Или вам нечего мне сказать?

— Извините меня, сеньорита, — возразил он с горечью, — но ваше горе так прелестно, что оно заставляет меня все позабыть.

— Вы, вероятно, позволите мне закурить? — заметила безразлично молодая девушка. — Мы, испанки, имеем привычку выкуривать после обеда сигаретку... а так как я предполагаю, что табачный дым не очень беспокоит вас, то я и не буду стесняться с вами. — Говоря таким образом, она закурила сигаретку. — А теперь, — добавила Розарио, — говорите, сеньор, я вся превратилась в слух.

Все это было сказано самым непринужденным тоном.

Хитрая молодая девушка чувствовала особенное удовольствие сжигать перед самым носом своего преследователя то письмо, которое она получила таким странным образом.

Удовлетворенная этой невинной местью, она почувствовала в себе расположение быть если не любезной, то по крайней мере не настолько сухой к тому человеку, к которому она относилась далеко не так, как его жертва.

А капитан, заметив эту перемену в ее обращении, и не желал ничего лучшего, так что предыдущая, не особенно приятная для него сцена окончательно изгладилась из его головы, и он с удовольствием заметил, что лицо

молодой девушки несколько прояснилось и приняло менее суровое выражение.

— Сеньорита, — сказал он, — вы угадали, что меня привело сюда особенно важное дело. Я вам сейчас передам в двух словах, в чем оно заключается. Сегодня утром мы поторопились выйти в дорогу, чтобы удалиться как можно скорее от этих уединенных мест и достигнуть более теплых и гостеприимных мест.

— До сих пор, сеньор, я не вижу, почему это может интересовать меня.

— Позвольте, сеньорита, я продолжаю... я пригласил нового проводника — мексиканца по имени Бенито Рамирец, которого я уже вам представил...

— Но, — проговорила она бесстрастным голосом и отворачивая голову, чтобы скрыть то смущение, которое овладело ею при имени Бенито, — что мне за дело до этого человека?

— Конечно, вам очень мало до него дела, сеньорита, но для меня это не так. Этот достойный молодой человек, как вы знаете, спас мне жизнь, и я, под влиянием моей благодарности к нему, надеюсь вполне на него.

— Продолжайте, сеньор, если вам приятно рассказывать мне свои частные дела... не стесняйтесь... конечно, вы не торопитесь, а что касается до меня — то не принадлежит ли вам мое время?

— Так, вы начинаете насмехаться надо мной, сеньорита, между тем как я не позволил себе сказать ни одного лишнего слова, и если я вдаюсь теперь в излишние подробности, то, поверьте, это только потому, что без них невозможно обойтись.

— Хорошо, я не буду вас больше перебивать, сеньор; вы сказали, что этот проводник спас вам жизнь и что вы на него так надеетесь, вследствие той благодарности, которую вы питаете к нему за ваше спасение... вы видите, что я хорошо помню ваши слова.

— Действительно, сеньорита; итак, этот-то проводник берется выгадать целых три дня в нашей дороге и довести нас в двадцать четыре часа до почти теплых мест.

— Вот это, как мне кажется, будет очень выгодно для вас, сеньор; но позвольте мне опять заметить вам и повторить вам еще раз, что я не вижу, почему это может относиться ко мне.

— Извините, сеньорита, за одну неточность, вы сейчас же узнаете, в чем дело: меня послал сюда именно этот-то проводник.

— Это становится в высшей степени интересным.

— Да, сегодня утром мы ходили и разговаривали...

— Это очень интересно, — прервала она серьезным тоном.

Капитан улыбнулся и продолжал:

— И тогда-то проводник мне сказал: я могу, если вы только пожелаете, доставить вам возможность сократить огромнейшую часть нашей дороги и провести вас в двадцать четыре часа в теплую местность... но только, — добавил он, — я не скрою от вас, что дорога, по которой нам придется ехать, будет очень затруднительна и особенно гибельна, настолько гибельна, что даже самые храбрые люди дрожат, проходя по ней, это такая дорога, по которой можно ехать только двумя способами: то есть пешком или верхом. В вашей группе есть женщины и дети, а потому... подумайте и не делайте ничего наобум.

На что я отвечал: женщины и дети, находящиеся в моем лагере, нисколько не беспокоят меня, и в сущности я забочусь только об одной особе, которую я бы не хотел подвергать всем неприятностям такой опасной дороги. «Кто же эта особа?» — спросил он. «Донна Розарио», — ответил я. «А, — заметил он, — вы интересуетесь этой молодой девушкой — так что же мешает вам обратиться к ней и спросить ее, чувствует ли она себя способной довериться своей лошади. Это так просто, а вместе с тем вы тогда совершенно успокоитесь, и мы узнаем, чего мы должны держаться и как поступать». — «Действительно», — ответил я.

И вот почему, сеньорита, позавтракав, я решился беспокоить вас.

— А, так это вот вследствие чего?

— Ну да! И, как вы видите, очень просто.

— Но в таком случае, соображаясь с вашими словами, я вижу, что это не проводник просил вас сообщить мне об этом, но вы сами нашли нужным сделать это.

— Вы это находите, сеньорита?

— Так кажется.

— Действительно, это могло случиться, но теперь все так перемешалось в моей голове, что я сознаюсь перед вами, что мне трудно сообразить, кто был первым

в этих словах. Но так как это не стоит даже того, чтобы о нем говорить, то я перехожу к главному и прошу вас, сеньорита, подумать и сообщить мне, можете ли вы доверить свою драгоценную жизнь лошади в таком трудном пути, который предстоит нам?

— Или я вас дурно поняла, капитан, или вы без всякого намерения упустили из виду несколько таких подробностей, которые между тем очень важны.

— Я знаю, о чем вы думаете, вы говорите, вероятно, относительно повозок и багажа; не правда ли, сеньорита?

— Да, сеньор капитан.

— Что касается до повозок и багажа, то они останутся сзади, под защитой нескольких верных людей, которые будут следовать по простой дороге. Они соединятся с ними в саваннах, куда мы прибудем двумя или тремя днями раньше их.

— О, теперь я отлично понимаю; это так просто.

— Итак, сеньорита, какой же будет ваш ответ?

— Боже мой, капитан, — проговорила она с грустью, — эта жизнь, которую вы находите настолько драгоценной, нисколько не привязывает меня к себе, и для меня все дороги хороши; я буду следовать за вами, нисколько не колеблясь, через самые опасные места.

— Извините, сеньорита, если я вам замечу, что или вы меня совсем не понимаете, или не хотите понять, потому что не отвечаете на мой вопрос.

— Я прошу у вас извинения, капитан; мне, напротив, кажется, я отвечаю на ваши слова самым категорическим образом: вы меня спрашиваете, не так ли, согласна ли я следовать за вами по опасным дорогам; я вам отвечаю: да; тут нет никакой двусмысленности.

— Хорошо; стало быть, вы решаетесь отправиться на вашей лошади?

Молодая девушка молчала.

— Я требую от вас ответа, сеньорита.

— Хорошо... — сказала она, делая над собою усилие, — вы требуете от меня откровенного ответа, сеньор; уверяю вас, что я не только не такая хорошая наездница, чтобы исполнить то, что вы требуете, но даже не знакома с первоначальными правилами верховой езды и никогда в жизни не садилась на лошадь.

— Этого достаточно, сеньорита; я ухожу.

— И вы решаетесь?

— Мы будем продолжать наше путешествие по той же самой дороге; это отнимет у нас более времени, но зато не заставит нас сильно рисковать. Прощайте, сеньорита!

— Как, Розарио! — вскричала Гарриэта, как только вышел капитан, — вы американка и не умеете ездить верхом!

— Молчи, милая моя, — ответила молодая девушка, обнимая ее, и прибавила с тонкой улыбкой: — В настоящую минуту я не должна уметь ездить верхом.

— Но я думаю...

— Ты думаешь мало: ты такой еще ребенок. Проводник, о котором говорил капитан, нам предан. Если этот человек, который меня не знает, — сказала она, понижая голос и слегка покраснев, — посоветовал капитану предложить мне сделанные им вопросы, то это для того только, чтобы я отвергла их и отвечала на них ясным и категорическим отказом; понимаешь ты теперь?

— Да, да! — вскричала радостно девочка. — О, вы хитры, госпожа; вас не легко обмануть.

— Увы, бедное дитя, несчастье делает нас осторожными; когда бываешь окружена, как мы теперь, постоянно изменами и западнями, то ум изощряется и становится ясновидящим; лукавство и притворство единственное оружие, которым располагают невольники; мы можем бороться с нашими врагами только посредством ловкости и хитрости.

Так как наступил час отъезда, то капитан Кильд приложил к губам горн и дал сигнал к выступлению. Проводник не возвратился еще, но так как он доставил все нужные сведения относительно направления, по которому нужно было следовать, капитан Кильд, казалось, не беспокоился об его отсутствии и стал во главе отряда.

Путешествие было очень затруднительно. Было темно и сыро; страшный холод, несмотря на то, что эмигранты были хорошо укутаны, пронизывал их до костей. Хлопья снега носились в воздухе, дорогу часто перерезывали глубокие пропасти, которые требовали от проводников большой осторожности, чтобы не свалиться в них с животными и повозками. Только и делали, что взбирались

и спускались; иногда путешественники принуждены были переходить вброд целые потоки, вода которых была невыносимо холодна.

Отряд подвигался вперед молча; если и слышалось подчас слово, то это слово было энергическое проклятие или ругательство.

Этот неприятный переход, во время которого прошли только небольшую часть дороги, продолжался до четырех с половиною часов вечера — до часа, с которого уже начиналась ночь; караван дошел до прогалины, похожей на ту, где он останавливался утром.

Огромный огонь, похожий на костер, пылал посреди прогалины. Бенито Рамирец стоял перед огнем, опираясь руками на дуло своего ружья, и поджидал отряд.

Эмигранты, ободренные видом огня, ускоряли шаг насколько это было возможно, чтобы поскорей обогреть свои окочневшие от холода члены.

Повозки были отпряжены, мулы развьючены, устроили лагерь с необыкновенной быстротой, но так как предполагали провести на этом месте целую ночь, то приняли самые серьезные предосторожности. Повозки были привязаны одна к другой в виде креста св. Андрея; оставшееся между ними пустое пространство было завалено срубленными деревьями, затем были расставлены палатки; часовые расположились вокруг всего лагеря, зажгли громадные сторожевые огни, которые должны были поддерживаться всю ночь.

Когда все эти предосторожности были сделаны, путешественники получили позволение приготовить себе ужин, за который они принялись так деятельно, как этого мог только требовать пробужденный аппетит долгой ходьбой по дурным дорогам.

Капитан, подвергнув строгому осмотру лагерь и уверившись, что все в порядке, подошел к проводнику, который, сидя на корточках около зажженного им огня, беззаботно курил трубку.

— Охотник, — сказал ему капитан самым дружеским тоном, — я надеюсь, что вы проведете ночь со мною и согласитесь принять участие в моем ужине?

— Благодарю вас за приглашение, капитан, я не вижу никакого неудобства, если останусь здесь эту ночь, и ничто не мешает мне поужинать с вами. Но это будет, если вам все равно, при одном условии.

— При каком, любезный дон Бенито? Если оно зависит от меня, я соглашаюсь на все вперед.

— Я прошу у вас одного: чтобы за столом были одни только мужчины.

— Хорошо, но почему вы просите это?

— Трудно вам объяснить; я охотник, капитан, и люблю говорить откровенно; ничто не надоедает мне так, как это жеманство, к которому женщины принуждают мужчин из желания понравиться им; да остережет меня Бог сказать слово против уважения, с которым я должен относиться к молодой сеньоре, которая ужинала с нами вчера; но *Rayo de Dios!* я признаюсь, что предпочту лечь спать с пустым желудком, чем опять просидеть против нее целый вечер.

— Хорошо; будьте уверены, вы ее не увидите, тем более что нам нужно переговорить на ее счет, и совершенно бесполезно, чтобы она присутствовала при разговоре.

— Если так, то я к вашим услугам, капитан.

— Хорошо; пойдете к столу.

Спустя пять минут капитан, Блю-Девиль и Бенито Рамирец весело и с большим аппетитом ужинали в компании. Когда первые блюда были уничтожены и аппетит достаточно удовлетворен, капитан передал охотнику свой разговор с донной Розарио по поводу перемены предложенной дороги.

— Вот вы видите, капитан, — сказал охотник, пожимая презрительно плечами, — женщины всегда в затруднении. Я уверен, совершенно не желая оскорбить ее, что эта сеньора ездит на лошади так же, как вы и я.

— Но она уверяет меня в противном, — проговорил капитан.

— *Carai!* Это очень понятно — дух противоречия, вот и все! Скажите женщине, что вот это — белое, ясно, что она ответит и будет спорить, что это черное. Я отвечаю за себя честью охотника, что никогда не обременю свое существование, связав себя с женщиной, какая бы она ни была, хотя бы самая лучшая из всех! Я боюсь лишиться многого из-за нее.

— *Diablos!* — сказал Блю-Девиль, смеясь, — вы не принадлежите, мой дорогой Бенито Рамирец, к страстным поклонникам прекрасного пола.

— Я, — отвечал охотник, — и не люблю его, и не питаю к нему отвращения; я отношусь к нему совершенно равнодушно. Мой отец, дай Бог ему царство небесное, был человек с большим смыслом; он имел привычку говорить, что на женщину в доме надо смотреть, как на мебель, подчас полезную, но которую нужно ставить в сторону после употребления ее в дело. Что касается меня, я совершенно разделяю это мнение.

Двое слушателей разразились громким смехом при этом странном рассуждении.

— Что самое грустное во всем этом, — сказал капитан, принимая серьезный вид, — это то, что мы принуждены провести пять или четыре лишних дня в этой ужасной стране.

— Если вы так поступите, стало быть, вам это нравится! — вскричал Блю-Девиль.

— Так надо сделать, — сказал капитан.

— Я не вижу этого, — возразил Блю-Девиль, — я держусь правила, что во всех обстоятельствах общий интерес должен быть прежде принимаем в расчет, чем частный. Донна Розарио не умеет ездить верхом, говорит она. Хорошо, я признаю; но из этого не следует еще, что мы не можем заставить ее за нами следовать? Нисколько.

— Объяснитесь, — сказал заинтересованный этим замечанием капитан, — что бы вы сделали на моем месте, вы, человек со средствами?

— Очень легкую вещь, — сказал Блю-Девиль, небрежно играя ножом, — я бы выбрал между нашими мулами одного, имеющего самый уверенный шаг, у нас есть превосходные, надел бы на него седло самое мягкое и удобное, посадил бы донну Розарио на это седло, укутав ее тщательно в шали, одеяла, плащи, ввиду холода, привязал бы ее крепко к мулу...

— Вот так прекрасная мысль! Что вы об этом думаете, охотник?

Бросив на Блю-Девилья странный взгляд, проводник сказал, смеясь:

— Carai! Вы знаете отлично, мне кажется, мое мнение; к чему спрашивать? Я во всем разделяю мнение сеньора Блю-Девилья.

— Хорошо, если это так, — сказал капитан, ударяя кулаком по столу, — будет сделано, как вы говорите,

охотник: завтра мы отправимся по предложенной вами дороге.

— Согласен, — сказал проводник.

Разговор на эту тему закончился, и стали говорить о других вещах.

**Где доказано, что для того,
чтобы видеть, надо смотреть, —
чтобы слышать, надо слушать?**

Около девяти часов вечера Блю-Девиль и Бенито Рамирец простились с капитаном и встали из-за стола.

Блю-Девиль пошел спать, так как казался совершенно утомленным; уже во время разговора глаза его, помимо его воли, закрывались, и он должен был делать постоянные усилия, чтобы не заснуть и не лечь головою на стол. Что касается охотника, то по зрелому размышлению он переменил намерение и, вместо того чтоб провести ночь в лагере, как он сперва заявил желание, предпочел расхаживать по лагерю, чтоб наблюдать за окрестностями и таким образом оберегать спокойствие других.

Он пожелал покойной ночи капитану и объявил ему свое новое намерение, обещая вернуться на другой день, за два часа до восхода солнца.

Блю-Девиль проводил Бенито Рамиреца до укрепления, чтобы часовые могли узнать его и выдали бы ему приказ о пропуске.

Во время этого короткого перехода оба не произнесли почти ничего, исключая нескольких незначительных и пошлых фраз; они чувствовали, что над ними еще тяготеют взгляды капитана, который сидел на пороге своей палатки и, небрежно покуривая трубку, не упускал их из виду.

После краткого пожелания доброй ночи оба спутника разошлись: Бенито Рамирец углубился в степь и скоро исчез во мраке; Блю-Девиль вернулся обратно; он увидел издали капитана, который вошел в свою палатку, опустив за собою полу ее.

Блю-Девиль направился к чему-то вроде хижины из ветвей, прислоненной к выступу горы и построенной им; он вошел и, несмотря на холод, оставил полуоткрытой занавесь, которая служила вместо двери; он сделал более: он не зажег огня, даже не засветил свечи. Убедившись, что ни в хижине, ни кругом ее никого нет, лейтенант подвинул к себе чемодан, поставил его близ выступа горы, к которой прислонялась хижина, сел на него, сложив руки на груди, и остался неподвижным.

Всякие признака сна не только исчезли с его лица, но он никогда не казался таким оживленным; его взгляды были упорно устремлены на палатку капитана, вход в которую находился как раз против выбранного им места; таким образом, он мог наблюдать за всем, что делалось в палатке, не боясь быть замеченным, так как темнота укутала его непроницаемым покровом.

У капитана Кильда около получасу уже горел огонь; Блю-Девиль хотел знать, что он делал, но это было невозможно. Его взгляд не отрывался от этой палатки, которая заключала в себе, по его мнению, столько тайн; он чувствовал, как она против воли привлекает его. Наконец, влечение до того усилилось, что он не мог более противиться; он бесшумно вышел из хижины и бросил наблюдательный взгляд кругом.

Глубокая тишина царствовала над потонувшим во мраке лагерем; огни не бросали никакого света; мелкий ледяной дождь шел с самого заката солнца. Эмигранты приютились кое-как под повозками, за тюками, одним словом, везде, где только было возможно, и спали, укутанные одеялами; даже часовые, повернувшись лицом в степь, попрятались за укрепления, и те, которые не спали, старались больше защищаться от дождя, чем наблюдать за тем, что делается внутри и снаружи лагеря.

Огонь все еще светился в палатке капитана; искушение было слишком велико; Блю-Девиль не устоял; он знал, что ночью, уходя к себе, капитан тщательно устранял малейшую возможность проникнуть к нему поми-

мо его воли; шпионить за ним снаружи было также невозможно: во-первых, никто бы на это и не рискнул, — он был бы тотчас открыт; да если бы этого и не случилось, то любопытный только потерял бы даром время, так как палатка была двойная; между первой полотняной стеной и второй, напитанной смолою, было пространство в три пальца; все эти предосторожности, понятно, были приняты по очень серьезным причинам и для того, чтобы капитан во время нескольких часов, которые он проводил запершись, мог не стеснять себя заниматься важными делами тайно.

Таковы были более или менее основательные предположения, которым предавался Блю-Девиль с тех пор, как он состоял в отряде капитана Кильда. Часто безуспешно он пробовал открыть эту тайну, которая так сильно его занимала, но повторявшиеся неудачи, далеко не успокаивая его любопытство, хотя и доказывали бесполезность всех попыток, однако довели его до такого возбужденного состояния, что какою бы ни было ценою он решился добиться разгадки. Случай, который представлялся в эту минуту, казался ему таким удобным, что он решил не упускать его, какие бы ни были последствия, если он будет открыт.

Блю-Девиль, как бы ни был хитер капитан Кильд, был не слабее его в этом отношении; он ничего не делал, прежде не обдумав; он был терпелив и заблаговременно готовил те средства, которые думал употребить для исполнения своих намерений; если в минуту исполнения задуманное им не удавалось, то, наверное, это была случайность или скорее сама судьба была против него.

Очень уже давно этот человек носил в голове намерение открыть, что делалось в палатке капитана, когда тот заперся, для чего, пользуясь своими прошедшими неудачами, он уже осторожно принял меры, чтоб при первом удобном случае вновь испробовать, и более успешно.

Вот какие были его предположения на этот день.

Всякий раз, как караван выступал, Блю-Девиль в качестве лейтенанта отправлялся вперед с пятнадцатью избранными людьми; этот авангард прежде всего обязан был посылать разъезды по дороге, потом, придя ночью на место остановки, он должен был срубить деревья, нужные для укрепления, развести огонь, поставить палатку

для донны Розарио, другие для женщин и детей и, наконец, устроить палатку капитана на самом удобном месте.

Когда приходил весь отряд, повозки и тюки усиливали укрепление; устраивали несколько хижин, и все было готово; эта последняя работа продолжалась едва полчаса, так как самое трудное уже было сделано авангардом.

Первая забота капитана всегда была — тщательно осмотреть свою палатку и убедиться, что она помещена так, как он того желал; иногда случалось, что он заставлял переменить место и сам за этим наблюдал; но это было редко. Если в первые дни любопытство его людей и было возбуждено, то в продолжение двух месяцев оно успело успокоиться; в конце концов, какой интерес могло иметь для этих людей, утомленных, пронизанных холодом, а главное, которым он всегда хорошо платил, открыть тайны, не имеющие для них никакой ценности; и потом, он всегда был наготове. Наконец, он убедился в преданности главных лиц своего отряда.

Вот как рассуждал капитан Кильд, и чем более проходило время, тем более эти рассуждения казались ему верными.

Он ошибался; если б это было одно пошлое любопытство, то его рассуждения были бы верны.

Все утомляется, даже любопытство; но вопрос был не в том; человек, который пытался открыть эту тайну, имел на то очень важные причины; значит, ничто не могло его успокоить, как только открытие этой тайны.

Вот чего не знал капитан и чего, как бы он ни был недоверчив, он не мог подозревать; он и не помышлял, что Блю-Девиль терпеливо, как крот, работал, чтоб открыть что-нибудь, а даже принужден был иногда по обстоятельствам оказывать ему более доверия, чем он способен был оказать при его подозрительном характере.

Дойдя до места, где караван должен был стать лагерь, Блю-Девиль немедленно отдал приказ рубить деревья для укрепления; потом, видя, что все эти люди серьезно заняты делом, он начал рассматривать и изучать грунт.

Местность была хороша, удобна для защиты и очень искусно выбрана Бенито Рамирецем. Это была довольно обширная поляна в середине густого леса, который лепил-

ся на отвесных сторонах большой горы; направо огромный кусок утеса неизмеримой вышины возвышался как стена и защищал лагерь от всякого нападения.

Огромный утес, похожий на переломленную арку гигантского моста, простирался над поляной в виде свода, около ста метров вышиной, закрывая почти третью часть ее; налево отлого спускалась сторона горы, покрытая лесом.

Блю-Девиль начал прежде всего осматривать утес, о котором мы сейчас говорили. Он тотчас понял, что эти утесы, сброшенные сверху горы вследствие какого-нибудь страшного наводнения, составили хаос утесов, взгроможденных одни над другими; скрепленные, прижатые друг к другу временем, они, по-видимому, составляли целое, в действительности же сдерживались в этом положении каким-то чудом равновесия. Он сделал затем еще открытие, которое причинило ему столько радости, что он чуть было не выдал себя, и с большим усилием сдержал крик удивления.

Когда окончили укрепление, он всел, по обыкновению, ставить палатки и зажигать огни.

Что же касается палатки капитана, то он приказал поставить ее под аркой из утесов, в самом удобном месте, так, чтобы полотно отбрасывалось спереди; сзади же и с боков оно было не нужно; таким образом, жилище капитана помещалось в природном углублении утеса и было защищено тремя каменными стенами.

Капитан Кильд так был доволен местом, выбранным Блю-Девилем для его ночевки, что не мог скрыть своей радости и горячо поблагодарил его, что очень удивило всех эмигрантов, знавших характер своего начальника и как он скуп на похвалы.

Лейтенант скромно поклонился и пошел устраивать свою хижину из ветвей.

В ту минуту как Блю-Девиль решился испытать свое отважное намерение и хотел выйти из хижины, какая-то тень заслонила открытую дверь.

— Кто там? — спросил он.

— Это я, Пелон, — ответил молодой человек, сдерживая голос, — я пришел по вашему приказанию.

— Хорошо. Что ты сделал?

— Что вы мне приказали, лейтенант, — сказал он, приближаясь, — я помог Шакалу перевязать Линго, а

потом притворился, что забыл флягу с камфарной водой, как вы мне это приказали.

— Отлично, а потом?

— Потом я спрятался, но так, чтобы видеть, что будут делать эти два человека.

— Что же они делали?

— Что вы предполагали, лейтенант, Шакал взял манерку, которая была еще совсем полна, и показал ее, смеясь, Линго; потом они стали угощаться, посмеиваясь надо мною.

— Так что?..

— Так что, лейтенант, манерка пуста, а Линго и Шакал пьяны и спят, а *pierna suelta*, как говорят испанцы.

— Хорошо, пусть спят; а другие?

— Все спят; не спящие в лагере только капитан, я да вы, лейтенант.

— Ты в этом убежден?

— Совершенно; часовые и те ничего не видят.

— Хорошо, дитя мое; ты знаешь, что тебе остается делать?

— Да, лейтенант.

— Ступай, дитя, и помни, что, повинуясь строго моим приказаниям, ты работаешь для своей выгоды и свободы.

— Я это знаю, лейтенант, и потому вы можете рассчитывать на меня, что бы вы ни приказали.

— Я убежден и вполне надеюсь; теперь иди, час настал; скоро мы опять увидимся.

Пелон молча поклонился и исчез.

— Теперь моя очередь, — прошептал Блю-Девиль, пробуя свой нож в ножнах и у пояса револьверы, — случай отличный; подобного больше никогда не представится; если в этот раз не будет успеха в том, что я ищу, — я отказываюсь... идем!

И бросив последний взгляд на свет в палатке капитана, он, полный решимости, вышел из хижины.

Но, вместо того чтобы перейти лагерь и прямо направиться к палатке капитана, Блю-Девиль, обойдя кругом своей хижины, пошел вдоль утесов, упираясь левой рукой об стену. Когда он достиг до куста какого-то колючего растения, лейтенант, рискуя оцарапать руки, раздвинул ветви и тотчас же скрылся в середине этого куста.

Этот человек, казалось, был одарен способностью диких зверей видеть во мраке; он шел не колеблясь, твердой поступью, которая доказывала, что он прекрасно знал, куда идет, и не боится ошибиться.

Пройдя куст, он лег на землю и ползком на руках и животе спустился в отверстие, сформировавшееся в уровень с землей, вроде отдушины в метр окружности, но так хорошо спрятанное и защищенное колючим кустом, что, не зная его, было немыслимо открыть его снаружи.

Бенито Рамирец, выбирая место для лагеря, забыл на этом кусте, вероятно без намерения, листок бумаги для сигаретки, который зацепился за шипы и остался тут; вид этого листка бумаги, почти незаметного, и причинил такую радость Блю-Девилью, что он чуть не вскрикнул; на этой бумаге он прочел все нужные для него указания.

Спустившись в отверстие, лейтенант очутился в длинном узком месте, шириною около двух метров, вышиною более пяти; грунт был из мелкого желтого пыльного песка; это узкое пространство зигзагами простиралось во всю длину утесов.

Лейтенант приподнялся и повернул направо; мрак был так густ, что, как говорит народная пословица, «сам черт, этот царь тьмы, мог бы наступить сам себе на хвост».

Блю-Девиль остановился на минуту, чтобы сообразить и успокоить ускоренное биение своего сердца; потом, мысленно повторив слово «идем!», продолжал подвигаться, принимая все предосторожности, чтобы не делать никакого шума, который, как бы легок ни был, мог его выдать.

Пройдя около семи или восьми минут, показавшиеся ему бесконечно длинными, лейтенант вдруг увидел несколько блестящих лучей, которые ложились полосами на левую стену подземелья.

Он дошел до зада палатки капитана.

Блю-Девиль остановился, задыхаясь; волнение заставляло его дрожать конвульсивной дрожью, пробегавшей по всем членам; он глубоко вздохнул; потом, когда вернулось его хладнокровие, когда он убедился, что уверенность не покинула его, он устремил взгляд на стены подземные и внимательно осмотрел их.

Нескольких секунд ему было достаточно, чтобы убедиться, что стена была исполосована трещинами на-

столько широкими, что он мог видеть палатку, или скорее грот, во всех его частях; одна из трещин находилась на четыре с половиной фута от земли и представляла прекрасный пункт для наблюдения.

Лейтенант приложил глаз к этой трещине и стал смотреть. Но почти тотчас же он быстро откинулся назад.

Черты его лица изменились и выражали удивление, почти ужас, который трудно передать.

Он был мертвенно-бледен, капли пота блеснули на висках.

«Боже мой! — прошептал он мысленно, — это не то, этого быть не может! Я плохо видел, я ошибся! — Он вновь посмотрел. — Однако ведь это он, — начал он снова мысленно, — я его узнаю... сомнение невозможно!.. Так он не умер! А, демон! — сказал он, машинально сжимая кулаки, — на этот раз я держу тебя, ты не вырвешься! Да, да, вот он, этот выходец с того света. О презренный! Как, он еще на свете? Но теперь я знаю его тайну, пусть он трепещет! Мы не находимся больше в стенах Новой Голландии, ни на приисках в Калифорнии; ты пойман, Гарри Браун!..»

Высказав таким образом чувства, которые его волновали, и дав вылиться своему гневу, Блю-Девиль почувствовал, что спокойствие восстановилось в его уме: он провел рукой по своему мокрому от пота лбу; лицо его приняло свое постоянное бесстрастное выражение, и он снова приложил глаза к трещине.

Между тем, по-видимому, то, что увидел лейтенант, ничем не оправдывало странного волнения, которое им овладело.

Довольно обширный и высокий грот образовал половину круга, который, имея другую половину, составил бы около двадцати двух метров от вершины и до основания, т. е. сорок четыре метра в окружности. Складная железная кровать, на которой лежал плохой матрац, и несколько мехов, стояла в глубине грота; несколько чемоданов были разбросаны около кровати; в середине грота стоял стол грубой работы, на котором светился морской фонарь, свеча, вставленная в подсвечник белого железа, тоже зажженная, дорожный несессер был открыт, из него показывалось много связок бумаг. Этот несессер с виду был как двойная седельная чушка, и

капитан, садясь на лошадь, всегда сам его пристегивал, а при остановках сам снимал и, слезая с лошади, уносил с собою.

Этот несессер с таким совершенством был подделан под вид настоящих чушек, что сам Блю-Девиль, от которого, впрочем, ничто не укрывалось, поддался на обман и не подозревал истины.

Это открытие имело свою цену для лейтенанта. Раз убедившись в тождестве личности, можно было найти доказательства, необходимые для него.

На том же столе стояла чернильница, перья, бумага и все письменные принадлежности.

Человек сидел на грубой скамейке и писал, или, скорее, делал какие-то заметки.

Этот незнакомец нисколько не походил на капитана Кильда, разве только ростом, да и то, будучи более стройным, казался выше.

Это был молодой человек не более 30 лет, лицо имел овальное, широкий лоб с выдающимися висками; черные волосы с синим отливом, густые, как грива у льва, падали почти до плеч крупными кудрями; черты лица были красивы; глаза большие, широко открытые, с густыми бровями, были замечательно подвижны; зрачки того неуловимого цвета, который то темнеет, то светлеет, смотря по душевным волнениям и по хорошим или дурным впечатлениям; так же как у диких зверей, они иногда совсем скрывались и тогда, из-под опущенных век, бросали сильные магнетические лучи; нос прямой, немного согнутый на конце, с подвижными ноздрями, которые то расширялись, то суживались каждую секунду, рот большой с толстыми губами, чувственными, кровавого красного цвета, с ослепительного цвета зубами; скулы несколько выдавались, и подбородок был раздвоен глубокой ямкой посредине.

Нет сомнения, что этот человек был красив в полном смысле этого слова; везде он мог быть назван совершеннейшим из кавалеров; а между тем в морщинах его лба, в беспокойстве взгляда, бледности почти оливкового цвета его лица, в постоянной подвижности его ноздрей, которые, казалось, желали крови; в жестоко насмешливой улыбке, которая играла на его губах, во всем этом выражалась какая-то кровожадность, которая придавала его физиономии странный отпечаток зверства, так что не-

вольно мороз пробежал по коже от ужаса, если в него всматриваться две или три минуты.

Лицо этого человека было совершенно выбрито, и, несмотря на то, что Блю-Девиль назвал его Гарри Брауном, ничто, даже вблизи, не обнаруживало в нем англосаксонскую расу, напротив, испанское происхождение, смешанное с несколькими каплями индейской крови, читалось в форме его лица, в общих чертах, а главное, в его черных, немного грубых волосах и оливковом цвете лица.

Кто бы он ни был, это не мог быть простой злодей; он имел тайну, которую до сих пор никто не мог открыть, что делало из него действительно живую загадку.

Прошло несколько минут, во время которых незнакомец продолжал делать заметки и рассматривать некоторые бумаги, которые он подбирал и приводил в порядок с спокойным видом человека, не опасющегося быть обеспокоенным.

Да и очень трудно было бы проникнуть в грот без дозволения хозяина, — так он был тщательно огражден; кроме того, два револьвера, по шесть выстрелов каждый, лежали под рукою на столе и сейчас же учинили бы расправу с тем, кто неосторожно явился бы без предупреждения.

Наконец, незнакомец оттолкнул лежавшие против него бумаги и, облокотясь на стол, положил голову на руку, казалось, он погрузился в глубокие размышления.

Но Блю-Девиль, который внимательно его рассматривал, не мог ничего прочесть на его лице, холодном, как кусок мрамора.

Десять раз лейтенант подвергался искушению покончить с этим человеком, послав ему пулю в голову, что сделать было очень легко; десять раз рука его ложилась на ручку револьвера, но всегда рассудок брал верх над страстью, и рука медленно опускалась.

Этот человек не принадлежал ему; он принадлежал обществу, которому должен был дать отчет в своих преступлениях; оно одно имело право располагать им и подвергнуть его примерному правосудию.

В продолжение четверти часа этот человек оставался неподвижным, со взглядом, который терялся в пространстве; он мысленно говорил сам с собою; наконец поднял

голову, встал и прошелся два-три раза кругом грота, с наклоненной на грудь головою и сложив руки за спиной.

Он остановился, вернулся к столу и прилежно занялся собиранием бумаг, убирая их в несессер, который он запер каким-то секретным способом и спрятал под изголовье кровати.

Занимаясь таким образом, он тихо разговаривал, по привычке всех людей, не имеющих напарников, на которых они могли бы полагаться; между тем он говорил настолько громко, что Блю-Девиль, прислушиваясь внимательно, мог его прекрасно слышать. Лейтенант заметил, что голос имел совсем другую интонацию, чем голос капитана Кильда. Странная вещь! Этот человек, говоря сам с собою, прекрасно выражался по-испански, тогда как он ведь был англичанин.

— *Sarai!* — говорил он, — этому демону Блю-Девилью посчастливилось сегодня; уже давно он не доставлял мне такого удобного жилища, а главное, такого верного. Это переодевание начинает тяготить, точно свинцовый плащ на плечах; мне крайне нужно было опять принять мой собственный вид. Ах, как хорошо не быть принужденным притворяться; хоть на один час быть свободным в своих действиях и движениях, без страха быть замеченным и узнанным. Ба! Еще несколько дней терпения, и если Бенито Рамирец мне сказал правду, все будет кончено. Милый малый этот Рамирец; немного груб, немного оригинал, это правда, но почему-то, *sarai*, я чувствую к нему положительное влечение.

Слушая эти размышления, очень загадочная улыбка искривила губы лейтенанта.

— Наконец, он спас мне жизнь, — продолжал капитан, укладывая несессер под изголовье, — это что-нибудь да значит; оно конечно, если б он меня знал, то, очень вероятно, оставил бы меня на съедение этому ссромому медведю. *Browoe!* У меня до сих пор мороз по коже пробегает, как я вспомню; ну, вот и готово; теперь влезем опять в шкуру почтенного капитана Кильда; вот уж, вероятно, не предполагал, какие услуги он будет оказывать мне после своей смерти, когда наша ассоциация так быстро прекратилась после нашего отъезда из Дезерета, и благодаря кинжалу, которым я так ловко его ударил, пока он спал пьяный; ну да что об этом думать! он умер и не воротится назад; это главное; Волчья Пасть хорошо

сохраняет тайны, которые ему доверяют, но все-таки я не лягу, не обойдя весь лагерь; осторожность есть спокойствие, говорит пословица.

Говоря таким образом сам с собою, бандит окончил свое превращение и, как он сам выразился, влез в шкуру капитана Кильда так искусно, что сам Блю-Девиль, который тоже был артистом на этот счет, не мог не восхищаться им, до такой степени переодевание удалось; ничего не было забыто, что могло обмануть глаз; превращение совершилось с замечательным искусством.

Приняв вид и надев платье капитана, он начал отодвигать баррикаду, которая закрывала дверь, так что лейтенант не нашел возможным оставаться долее.

Он оставил свою обсерваторию, вернулся назад, проскользнул в отверстие, перелез через куст колючего растения и, убедившись, что никто его не подстерег, пошел и растянулся у входа в большую палатку, занимаемую донною Розарио, и, завернувшись хорошенько в плащ, притворился спящим, оставаясь, однако ж, с открытыми глазами и смотря в ту сторону, где была арка.

Не прошло десяти минут, как Блю-Девиль увидел приподнявшуюся полу палатки и выходящего капитана с зажженным фонарем в руке.

Капитан Кильд добросовестно обошел лагерь, как он это предполагал сделать; не один часовой, предававшийся сну, был неприятно пробужден тяжелой рукой капитана и вернулся к своим обязанностям, проклиная его.

Капитан удалялся, насмехаясь, и направлялся уже к другому часовому; продолжая таким образом свою прогулку, он приблизился к тому месту, где лежал Блю-Девиль; но тот, наблюдая за ним, вдруг вскочил с револьвером в каждой руке и закричал:

— Кто тут? Назад, или ты умрешь!

— Друг! друг! — ответил капитан. — Перед Богом! Вот что значит быть настороже.

— Капитан! — возразил лейтенант с прекрасно сыгранным удивлением.

— Ну да, это я! — ответил тот, подымая фонарь, чтоб хорошенько разглядеть, кто перед ним, — это вы, Блю-Девиль?

— Это я, капитан.

— Отчего же вместо Шакала я нахожу вас?

— По очень простой причине, капитан: этот дурак Пелон, перевязав раны Линго с примочкою камфарной водки, как вы сами приказали это сделать...

— Это правда, и что же?

— Ну, он забыл манерку...

— Теперь я все понимаю, — сказал капитан, смеясь, — Линго и Шакал приняли лекарство вовнутрь.

— Верно, капитан, и так хорошо приняли, что не оставили ни капли водки в манерке. Таким образом, они оба мертвецки пьяны и спят как свиньи; между тем я знаю желание ваше, чтобы эта палатка всегда хорошо охранялась, я и лег здесь, чтоб заменить это животное Шакала.

— Вы поступили очень хорошо, и я вам благодарен, лейтенант; продолжайте охранять, я ухожу; просто холодно такой, что волков только морозить, и я страшно спать хочу. Покойной ночи, Блю-Девиль; будьте настороже.

— Будьте покойны, капитан, — ответил тот, ложась на землю.

Капитан Кильд снова вошел в палатку, и свет мгновенно в ней погас.

Блю-Девиль тихо свистнул и встал.

Показался Пелон.

— Смотри, при малейшем движении предупреди меня; ложись на мое место!

Пелон исполнил все, не отвечая ни слова, а Блю-Девиль исчез в палатке донны Розарио.

Как донну Розарио посетил дон Октавио де Варгас Долбесейт

В то время как Блю-Девиль так дерзко наблюдал за капитаном и как, несмотря на ничтожные предосторожности, принятые последним, чтобы скрыть свое инкогнито, он, сам того не подозревая, обнаружил свое лицо, в палатке донны Розарио происходили происшествия, которые описать мы считаем своею обязанностью.

После ухода капитана у молодой девушки был долгий разговор с Гарриэтой Дюмбар, — разговор, в продолжение которого было решено, что молодая ирландка, как это и случалось очень часто, не уйдет на ночь к другим невольницам, где ей было назначено место, но останется до света у той, которую она так мило называла своей повелительницей и к которой с ее любящим характером она привязалась с преданностью, не нуждающейся в испытании.

Донна Розарио ожидала свидания с доном Октавио де Варгас.

Когда он придет? Как доберется до нее? Молодая девушка ничего не знала; но она верила в обещание дона Октавио, и, хотя сердце ее сжималось от беспокойства, она все-таки надеялась встретить его.

По приказанию донны Розарио и с помощью Пелона, которого она для этого призвала, Гарриэта Дюмбар занялась навешиваньем изнутри меховых вещей, которые и так уже составляли стены палатки.

Это прибавление толщины палатки имело ту выгоду, что прибавляло тепла в помещении молодой девушки и не пропускало ни малейшего проблеска света, который мог бы выдать, что донна Розарио бодрствует, а не поκειται сном.

Повешенная серебряная лампа для освещения палатки была закрыта зеленым газом, что убавляло света и придавало какую-то таинственность этому царствующему полумраку и где, благодаря жаровне, наполненной горячим пеплом оливковых косточек, распространялся теплый и ароматный воздух.

Потом донна Розарио отпустила Пелона и легла на качалке; Гарриэта села на подушку у ее ног, и обе женщины, замирая от страха ожидания, остались неподвижны с устремленным взглядом на хорошенькие часы из самых лучших раковин, стоявшие на красивой подставке.

По приказанию капитана Кильда все огни без исключения должны были быть погашены в лагере ровно в десять часов; он обходил дозором, что делал вечером, прежде чем ложился спать, чтобы удостовериться, точно ли исполнено его приказание.

И в этот вечер, как всегда, капитан обошел аккуратно кругом, но не увидел никаких нарушений его приказа; палатка донны Розарио, как все прочие, была укутана или, казалось, укутана полным мраком.

Донна Розарио спала. Капитан потер руки с очевидным удовольствием и, кончив дозор свой, вошел в палатку, где тщательно возобновил свои баррикады.

Мы уже передавали в предшествующей главе, как все эти предосторожности были уничтожены Блю-Девилем.

Расставшись с лейтенантом, Пелон с пассивным послушанием, с которым мы уже знакомы, и хитростью, которую он так ловко скрывал под немного глупым видом, счел себя обязанным исполнить в точности данные ему приказания.

Было немного более половины одиннадцатого; ночь была темна, глубокий мрак кругом; дождь не переставал лить и от сильного ветра хлестал глухо и постоянно по натуральной арке, составленной из утесов и как воздушный мост переброшенный через пространство.

Пелон, казалось, не чувствовал холода и дождя, проникающих сквозь легкую одежду, которою он был при-

крыт; он как змея проскользнул вдоль стен утеса, прошел лагерь во всю его длину и, придя к тому месту, где кончалась площадка, где бока горы сбегали и кончались неизмеримою пропастью, остановился на минуту и бросил кругом озабоченный взгляд, желая убедиться в том, что он один.

Но было напрасно стараться разглядеть в этом мраке; он был так густ, что в двух шагах положительно невозможно было различить предметы.

Убежденный, что если он не видит, то и те, которые за ним бы следили, тоже не могут видеть, и успокоенный этой мыслью, очень благоразумной, молодой человек снял с кушака сплетенный из кожи аркан, крепко привязал его к пню гигантского дуба, который как раз возвышался на окраине пропасти, и оставшуюся часть аркана крепко закрутил вокруг руки, затем он наклонился над пропастью и чрезвычайно искусно начал подражать насмешливому свисту кнутовой змеи.

Почти немедленно раздался из глубины пропасти такой же свист.

Этот сигнал повторился с обеих сторон несколько раз, не обратив на себя ничьего внимания; да и большинство часовых спали; после третьего ответа Пелон сильно размахнулся над своей головой арканом, и так как на конце его он привязал порядочной величины камень, то и бросил в пространство конец аркана с такою силой, как бы действуя с помощью камнеметницы.

Четыре или пять минут прошли, потом свист снова раздался, и аркан натянулся.

Пелон конвульсивно вздохнул, как человек, избавленный от тоскливого чувства.

И в самом деле, было нелегко в этом густом мраке, не имея другого путеводителя, как простую случайность, бросить в пространство веревку как можно ближе к руке того, кто этого ожидает; но случай его выручил; Пелон более не сомневался и начал дышать полною грудью, не удерживая дыханья.

Скоро показался человек на краю пропасти и одним прыжком вскочил на площадку.

— Благодарствуй, Пелон, — сказал он тихо.

— Благодарите Бога, сеньор Бенито; это Он все сделал, — отвечал молодой человек.

— Это верно: Он направил аркан, но ты его держал так сильно, как молодой бык. Итак, благодарю еще раз; поторопись же теперь уничтожить следы моего путешествия, и затем пойдем; уже поздно.

— Разве вы не отсюда уйдете?

— Нет, довольно одного раза, черт возьми; я рисковал сто раз переломать себе все кости. К тому же я теряю слишком много времени; выйти из лагеря нетрудно; поторопись же.

Пелон отвязал аркан и обвил его кругом стана; это было сделано в две или три минуты.

— Я к вашим услугам, сеньор Бенито, — сказал он.

— Ты кончил?

— Да.

— Ну, так води же меня; я не способен отыскать сам; я ничего не вижу.

— Хорошо, не беспокойтесь; пойдемте, я знаю дорогу.

— А Блю-Девиль, где он?

— Я не знаю; вы хотели бы его видеть?

— Да, я желал бы сказать ему несколько слов.

— Кто знает? Может быть, вы его встретите, уходя из лагеря.

— И то правда, это возможно; ты прав; идем, идем, в путь!

— Я вас жду.

— Хорошо, я тут.

— Более ни слова.

— Я нем, как линь.

Они пустились в путь.

Пелон вел дону Бенито Рамиреца за руку; он возвращался по тому же направлению, по которому пришел, прислушиваясь к малейшему шуму и сильно всматриваясь в темноту, хотя нельзя было ничего различить; но Пелон мало об этом заботился; он, казалось, инстинктивно угадывал дорогу, идя вперед, не колеблясь, как будто это было днем.

Это отважное путешествие продолжалось около десяти минут, потом Пелон остановился.

— Вы пришли, — сказал он тихо.

— Что ж? Мы близко от ее палатки? — спросили его тем же тоном.

— В двух шагах от входа; остальное меня не касается, сеньор.

— Но как же мне быть, сагаи! Я никогда дальше столовой не был; я сделаю какую-нибудь ошибку и разбужу всех.

— Это верно; простите меня, сеньор Бенито, я об этом не подумал; следуйте за мною.

— Вот это дело; но послушай еще минуту. Где я тебя найду, если бы ты мне был нужен?

— На этом самом месте, сеньор, я ведь обязан сторожить ваше спокойствие.

— Это правда; я не знаю, что говорю и что делаю: одна мысль, что я ее увижу, так меня волнует, что я боюсь сойти с ума!

— Будьте мужественны, сеньор; помните, что при этом свидании вы рискуете не только жизнью своей, но и драгоценной жизнью донны Розарио!

— Эта мысль меня ужасает; но при этом возвращается и мужество, которое было покинуло меня; теперь я чувствую, что силен; что бы ни случилось, я сумею быть мужчиной, идем.

— Пойдемте; а главное всего молчание.

— Хорошо, будь покоен.

Они проникли в палатку; толстая занавесь, отяжелевшая от дождя, упала за ним с глухим шумом, отчего оба вздрогнули.

Около получаса девушки не поменялись ни одним словом; слышался глухой шум, производимый ходом часов перед боем; наконец прозвучал и бой часов.

— Одиннадцать часов! — прошептала грустно донна Розарио, — одиннадцать, и он не идет.

— Вот он, сударыня! — ответила Гарриэта, с живостью приподнимаясь.

Молодая девушка моментально обернулась; сдержанный крик вырвался невольно из ее груди.

Дон Бенито Рамирец, или, вернее, дон Октавио де Варгас, стоял на пороге, придерживая рукою полуоткрытую занавесь, и смотрел на нее с выражением, которое никакой художник не мог бы передать.

Он был бледен; правая рука сжимала сердце, как будто для того, чтобы удержать сильные его удары; из глаз летели молнии, и сильная радость светилась на его прекрасном мужественном лице.

Не говоря ни слова, смотря пристально в глаза молодой девушке, которая с восторгом ему улыбалась, он

сделал несколько шагов, подошел к ней и встал на колени на подушку, где минуту перед тем сидела мисс Гарриета.

Последняя отошла в самый отдаленный угол палатки, где и осталась неподвижна, задумчивая, но улыбаясь.

— Это вы, наконец это вы! — вы, которую около года я ищу безнадежно, — прошептал молодой человек. — Славу Богу, который допустил найти вас! О, как я страдал от этой продолжительной разлуки.

— А я? — ответила она, — неблагодарный, вы думаете, что я не страдала; увы, никто никогда не может знать, сколько слез может сдержать сердце любящей женщины!

— Бедная Розарио! несчастная!

— О, да, очень несчастная, дон Октавио; я претерпела этот год, одна со своим горем, не имея около себя никого, кто разделил бы со мною гнет этих страданий; окруженная негодьями, которые сделали из меня невольницу, без друзей, без опоры, в неизвестной стране, далеко от всего, что мне дорого, думая и считая себя забытою.

— О! Вы не могли подумать, что я вас забыл, сеньора; этого не могло, не может быть! — вскричал он, подымаясь и устремляя на молодую девушку полный отчаяния взгляд.

— Увы, дон Октавио, — возразила она тихо, — несчастье делает нас несправедливыми, оно озлобляет, лучшие натуры изнемогают, они падают под его железными объятиями; надо быть очень сильным, чтоб бороться ежеминутно, не ослабевая под ударами постоянно повторяемого несчастья; а я молодая девушка, почти ребенок, первые мои годы прошли спокойно, весело, счастливо; окруженная существами, которые меня обожали и которых я любила, при первом урагане, который неожиданно начал меня преследовать, я изнемогла; я думала, что умру.

— Умрете! Вы, Розарио! О, не произносите этого ужасного слова; я здесь, ваши страдания кончены, клянусь вам; я вас спасу, я силен, и я вас люблю, ведь вы это знаете?

— Да, вы мне говорили это, — прошептала она почти неслышным голосом, — но устояла ли любовь против разлуки?

— Розарио, возлюбленная моя, не богохульствуй против самого святого, самого чистого чувства, которое Бог вложил в сердца своих созданий; я вас люблю; говорю вам и теперь, когда я вас нашел, ничто на свете нас не разлучит вновь; я вас спасу, клянусь.

— О, я верю вам, дон Октавио; мне не нужно было этого нового доказательства вашей преданности, чтоб быть уверенной в вашей любви; отчего мне не быть откровенной с вами? Если я перенесла горе до сих пор, если я жива, то это потому, что я все надеялась, что я верила в вас, моего возлюбленного, Октавио, потому что я была убеждена, что вы меня не покинете.

— Никогда, никогда, Розарио! — вскричал он с жаром, — я тоже боролся, устранял препятствия! Но теперь все кончено; теперь я точно во сне; я счастлив, о! очень счастлив, потому что я около вас!

И, овладев крошечными ручками молодой девушки, он покрыв их пламенными поцелуями.

Донна Розарио склонилась к нему и смотрела на него улыбаясь, а на глазах блеснули сладкие слезы.

— О! — прошептала она, — я так давно отвыкла от счастья, что помимо моей воли то, что я теперь испытываю, пугает меня; берегитесь, дон Октавио; люди, с которыми вы хотите бороться, бесчеловечные бандиты, злодеи без правил и совести, и они многочисленны.

— Нас тоже много, милая моя; я не пустился вас отыскивать, не приняв должных предосторожностей; у меня есть друзья, храбрые люди, добрые сердца; они обещали помочь мне, и я на них рассчитываю, особенно на одного из них.

— Валентина Гиллуа, не правда ли? — вскричала она с живостью.

— Да, так его зовут, кажется, он француз?..

— Так, так! Вы его знаете?

— Нет еще, милая Розарио, но я ему хорошо рекомендован; сегодня ночью я должен его встретить; но вы его знаете?

— Ну да, какой вы забывчивый, и вы его знаете.

— Я?

— Конечно вы! Во время нашего переезда из Бразилии в Новый Орлеан не говорила ли я вам сто раз о преданном друге моего отца, который в продолжение двадцати лет путешествует по степям Америки?

— Может быть.

— Не говорила ли я вам, что я была так счастлива, что Бог послал мне на моем пути этого человека и еще его друга — индейского вождя, которые и похитили меня у дона Мигуэля? Что они спасут меня, наконец?

— Простите меня, Розарио, — ответил он, покрывая ее руки поцелуями, — я очень виноват перед вами, я это чувствую и вижу; но когда я подле вас, вот как в эту минуту, когда я могу смотреть в ваши глаза, упиваться мелодичностью вашего голоса, говорить вам, как теперь, что я люблю вас, что я вечно буду любить вас, я, забывая все, что не вас касается, чувствую только мою любовь к вам; ваша красота поработила меня; я весь поглощен ею; мне кажется, что наши души сливаются в одну, и я составляю часть вашего существа.

— Это странно, Октавио; то, что вы чувствуете, я тоже испытываю так, как вы это описываете; вдалеке от вас все для меня темно; ваше присутствие оживляет меня и делает невыразимо счастливой; что же это значит, мой возлюбленный Октавио?

— Это значит, моя дорогая Розарио, что мы пополняем один другого; что каждый из нас уносит часть нравственных сил другого; в разлуке мы не можем долго жить, и если б не было надежды свидеться, жизнь оставила бы нас.

— Да, я это чувствую, Октавио; все, что вы говорите, справедливо; вот почему нам нельзя более разлучаться еще раз! Теперь, когда я знаю, что вы не изменились ко мне, я хочу жить, чтоб быть счастливою с вами и вами.

— Вы говорите правду, возлюбленная моя, надо, чтоб так и было; мое сердце наполнилось радостью, что ваша вера в меня никогда не ослабевала. Смелее! Еще несколько дней, и вы спасены.

— Октавио, не забудьте Валентина Гиллуа; он поклялся покровительствовать нам; он может многое для меня сделать.

— Я это знаю, обожаемая моя Розарио, и я еще раз повторяю, что все меры приняты; в эту же ночь я увижу Валентина; я убежден, что это первое свидание будет не только дружеское, но даже родственное; мы посоветуемся немедленно о том, как ускорить минуту, в которую мы похитим вас из этого проклятого лагеря.

— Да хранит вас Бог, Октавио! С его помощью будете иметь успех!

— Да, и к тому же я сошелся с некоторыми из людей капитана Кильда.

— Берегитесь, Октавио; все эти люди, которые здесь находятся, первейшие негодяи.

— Я это знаю, милая Розарио; итак, будьте убеждены, что я действую только с крайней осторожностью; у меня пока еще только два друга в лагере, лейтенант...

— А! — вскричала она радостно, — вы встречаетесь с Блю-Девилем?

— Конечно, милочка моя; без его помощи я не мог бы пробиться до вас, это он посоветовал это свидание; я не знаю, что он сделал, но он сумел устранить все препятствия; кроме того, он мне указал одного молодого человека, почти ребенка, который тоже был мне очень полезен; клянусь вам, без их преданности я никогда бы не достиг до вас.

— А, вы говорите о Пелоне, — сказала она, прелестно улыбаясь.

— Да, я говорю именно о нем, но, извините, моя дорогая, вы давно знаете этих людей?

— Я их знаю с тех пор, как покинула Соединенные Штаты с злодеями, которые овладели мною.

— Хорошо, — что же вы о них думаете? Какого вы о них мнения?

— Какого я мнения о Блю-Девиле и Пелоне?

— Да, милая Розарио, вы помните, что я здесь только несколько дней; я их едва знаю, или, вернее, совсем не знаю; они конечно оказали мне большие услуги; они говорят, что преданы вам; но, в сущности, ничто мне не доказывает, что это действительно преданность; я боюсь, что сделал грубую ошибку, доверясь им до такой степени; никто так не схож с преданным человеком, как изменник, а между нами, я признаюсь, что у этого черта Блю-Девилья физиономия, вовсе не внушающая доверия, я мало встречал лиц, так похожих на висельника.

Донна Розарио рассмеялась.

— Бедный Блю-Девиль, — сказала она, все еще смеясь, — его лицо вредит ему, но не виноват же он, что так безобразен.

— Конечно нет, и это не причина опасаться его.

— Вы не правы, не доверяя Блю-Девиллю, мой милый Октавио, — отвечала молодая девушка, становясь серьезною, — это честный человек, преданный и на которого я совершенно полагаюсь.

— Вы говорите то, что думаете, милая моя Розарио?

— Да, мой друг; Блю-Девиль, у меня есть на это доказательства, приставлен, чтоб быть около меня и, когда нужно, помогать мне.

— Приставлен к вам?.. Я вас не понимаю, моя обожаемая Розарио; что вы хотите этим сказать? Кто же поместил его около вас?

— Кто, Октавио? Тот друг, о котором я вам сейчас говорила, Валентин Гиллуа.

— Валентин Гиллуа! — вскричал он с худо скрытой досадой, — вы мне действительно только и говорите, что об этом человеке; вы, значит, очень ему верите?

— Безгранично, мой друг, Валентин Гиллуа девять раз спасал жизнь моему отцу; мать моя его уважала до обожания; теперь же, когда я одна на свете...

— Одна на свете! Вы, Розарио? — вскричал он с горестью, — а я разве ничто для вас?

— Ревнивец! — ответила она с прелестной улыбкой, — вы разве не то же, что я?

— Да, Розарио, да, вы правы; простите меня, я сошел с ума.

— Я вас прощаю, Октавио, потому что вы не знаете Валентина Гиллуа; этот человек теперь вся моя семья, как если бы это был мой отец, я никогда его не видала, но люблю и уважаю; повидайтесь с ним, Октавио, и, поговорив с ним пять только минут, ваше сердце переменится, и вы почувствуете к нему то же, что и я.

— Да будет так, милая Розарио, и я думаю, что это очень возможно, потому что этот необыкновенный человек пользуется огромной известностью между охотниками, рудокопами и даже между индейскими племенами; краснокожие его страшно уважают; они с ним советуются в своих ссорах и недовольствах и всегда покоряются безропотно его заключению; да, да, Розарио, *de nu alma*.

Мне очень хочется встретиться с этим странным человеком и найти его таким, как говорят и как вы его описываете.

— Когда узнаете его, я вам повторяю, дорогой Октавио, вы почувствуете, до какой степени слабы похвалы,

которые ему расточают и которых он действительно заслуживает.

— Хорошо, хорошо, прекрасная энтузиастка, я побежден и сдаю оружие; возвратимся, прошу вас, к Блю-Девилью.

— Согласна, милый Октавио; но чем же я-то тут могу быть полезна вам?

— Доказав мне, что вы не ошибаетесь насчет этого человека и что вы уверены в том, что утверждаете.

— Я не утверждаю ничего такого, что не было бы справедливо, мой друг; так как я уже вам сказала, доказательства в моих руках, но, простите, я не могу их показать; это тайна, которую мне доверили и которую я обещала хранить.

— Я более не настаиваю; я вам верю, Розарио, но в этом человеке есть что-то таинственное, что я не могу себе объяснить, но что меня беспокоит; для меня ясно, что он носит маску, очень безобразную, правда, но все же маску.

— Она удобна для роли, которую он здесь играет, дорогой Октавио, и эта маска вас беспокоит, — сказала она с милою насмешливостью. — О, Бог мой! Вы сами разве то, чем кажетесь? Неправда ли, нет? Мы все носим маски здесь, даже страшный капитан Кильд.

— Что касается его, — сказал глухой голос, — она с него спала.

Молодые люди обернулись, удерживая крик ужаса.

Гарриэта Дюмбар в своем уголке, куда она спряталась, дрожала, как лист.

— Что это значит? — вскричал охотник, приближаясь к лейтенанту, бледному, неподвижно стоящему у двери, в которую он только что вошел.

Блю-Девиль его холодно остановил одним движением.

— Я хочу сказать, — продолжал он, — что если наши маски еще скрывают наше инкогнито, то маска капитана Кильда упала благодаря моим стараниям, и мне удалось открыть его лицо.

— Возможно ли! — вскричала донна Розарио, складывая руки.

— Вам удалось! — сказал охотник с радостью.

— Да, благодаря указаниям, которые вы мне оставили, сеньор, и за которые я вам благодарен.

— Итак, вы его видели?

— Да, совершенно открыто, лицом к лицу, в продолжение получаса, когда он и не подозревал, что за ним наблюдаю.

— Вот почему вы, входя...

— Я произнес слова, которые вы слышали, сеньор. Вы боитесь, — прибавил он с насмешливой улыбкой, — что я подслушал ваш разговор; успокойтесь; я слушаю, когда меня что-либо может сильно интересовать. Только последние слова сеньоры достигли до моих ушей.

— Все равно, сеньор, — ответила донна Розарио, — вы не услышали бы ничего дурного о себе, что не часто случается; но умоляю вас, говорите об этом человеке.

— Я нарочно для этого пришел, сеньора, времени мало, я буду краток. Человек, который начальствует над этими бандитами и называет себя Кильдом, молод, ему едва тридцать лет; лицо его темно-оливкового цвета; его можно принять за испанца; он красив той роковой красотой, которая обуславливает дурные наклонности и дышит грабежом и убийствами; под именем Гарри Брауна, которому он доставил ужасную известность, он был объявлен правительством Соединенных Штатов вне закона. Теперь, действительно ли это имя его имя? или это псевдоним, под которым скрывается еще более кровавая личность? Я этого не знаю, но скоро узнаю; и кто знает? Может быть, этот так называемый Гарри Браун никто более, как тот же самый Корнелио Бустаментэ, которого портрет вы мне описывали, сеньорита?

— Не знаю почему, слушая вас, мне пришла та же мысль, сеньор; и чем более я размышляю, тем более она мне кажется правдоподобною, тем более этот Корнелио Бустаментэ был друг, обязанный многим дону Мигуэлю Тадео де Кастель-Леон.

— И он стал душою страшной интриги, направленной против вас, и жертвой которой сделались вы, — ответил с живостью лейтенант, — но дон Мигуэль Тадео, этот проклятый демон, который держит все нити этой кровавой и отвратительной комбинации, где он? Что он делает? Как он сумел скрыть от нас свои следы? Вот что нам необходимо знать и что я скоро узнаю, клянусь вам, если Бог мне поможет.

— Но как, какими средствами? — воскликнул охотник.

— Это касается только меня, сеньор, — сказал немного сухо лейтенант, — я держу нить, и скоро весь моток будет у меня в руках; верьте мне и оставьте меня действовать; я поклялся мистеру Валентину Гиллуа иметь успех, и я буду его иметь, или мой труп останется на песке здешних степей.

— О, сеньор Блю-Девиль, я вам вполне верю.

— Я вам благодарен, сеньорита, но мы теряем драгоценное время, оно идет; сеньор Рамирец, пора вам за мною следовать.

— Уже! — не могла удержаться молодая девушка, чтоб не вскрикнуть.

— Это необходимо, чтоб вновь увидеться, моя обожаемая Розарио; сеньор Блю-Девиль, я у вас прошу только пять минут, чтоб проститься с сеньорой.

— Пять минут извольте, но ни одной больше, — ответил лейтенант, поднял занавесь и исчез.

Расставание молодых людей было ужасно; ни тот ни другой не могли с ним примириться; донна Розарио рыдала, ломая руки с отчаяния; наконец охотнику удалось вырваться из ее объятий, а, поручив ее, почти бесчувственную, попечениям Гарриэты Дюмбар, сам, полусумасшедший от горя, кинулся вон, бросив вполголоса последнее прости той, которую он любил такой чистой, глубокой страстью; сердце его разбилось; в несколько минут он едва пришел в себя, — если б Блю-Девиль не поддержал его, он упал бы с первого шага.

Лейтенант с отеческой заботливостью беспрепятственно провел его по лагерю, и когда тот стал удаляться, все еще шатаясь и разбитый горем, то он следил во мраке за его тенью, которая исчезала все более и более, и наконец прошептал:

— Бедный молодой человек! какая душа! какое сердце! О да, я спасу этих детей! Бог не допустит к вечному страданию эти чистые, невинные души.

Он медленными шагами вернулся, чтоб занять место, которое он себе выбрал около палатки донны Розарио, отпустил Пелона и, завернувшись в плащ, лег на землю и закрыл глаза.

До рассвета он оставался неподвижен на голой и мокрой земле; спал ли он? Он один мог ответить на это.

Кто был в действительности Бенито Рамирец

Мы на время оставим достойного капитана Кильда, которого не замедлим скоро опять увидеть, и вернемся в подземный грот, где мы оставили несколько личностей, очень важных и симпатичных в нашем рассказе...

Кончив экспедицию в пользу эмигрантов, охотники нашли нужным остаться под прикрытием подземного грота; не то чтоб они боялись отплаты Индейцев-воронов, очевидно, те их не узнали в первую минуту их бегства, а после и не старались разузнавать; причина этого добровольного затворничества была очень важная; Валентин ожидал, как говорил он, новостей и не хотел ничего предпринимать, не получив их.

Курумилла и Навая одни исключались из принятых мер; благодаря этому исключению Линго и получил тяжелый урок.

Курумилла и Навая были передовыми между товарищами; они разделили между собою окрестность подземного грота и беспрестанно осматривали кусты.

Встреча Линго с Наваем открыла охотникам, что за люди были те, которых они защищали от неизбежной гибели.

Мы должны отдать справедливость Валентину Гиллу, что, убедившись, что люди, которых он защищал, негодяи, он все-таки не пожалел о сделанном для них.

Не потому, что он интересовался бы их участью, но из-за женщин и детей, которые, наверное, были при них, хотя женщины и дети, вероятно, были ими похищены для торговли ими; несмотря на таинственность, которою окружил себя капитан Кильд, истина стала показываться, и важные подозрения зародились о страшном ремесле, которым он занимался.

Таково было положение дела в ту минуту, когда мы проникаем в грот Воладеро.

Четыре дня прошли после сражения с Индейцами-воронами; тридцать белых и темных охотников под руководством Валентина Гиллуа занимались чисткой оружия и приведением его в порядок, приготавливали провизию на несколько дней в сумках, застегнутых ремнями, и наконец занимались всем тем, что необходимо было к предстоящей экспедиции.

Было около полудня, куски дичи и несколько разбросанных там и сям сухарей свидетельствовали, что охотники только что окончили обед.

— Что, мы готовы, товарищи? — спросил Валентин Гиллуа, который занимался тем же, что и другие.

— Да, мы готовы, — ответил Бальюмер.

— Итак, отправляемся! Сегодня вечером нам надо расположиться лагерем за шесть лье отсюда.

— Значит, — сказал Кастор, — вы решились?

— Совершенно решился, — ответил Валентин, — впрочем, мы сегодня вечером узнаем, в чем дело.

— Но Навая и Курумилла нас оставили, как и всегда, с восходом солнца; где же они нас догонят? — спросил Бальюмер.

— Об этом не беспокойтесь, — сказал Валентин, — я их послал вперед не для того, чтобы приготавливать наши жилища, а чтобы очистить дорогу и выбрать место для лагеря.

— Значит, ничто нас не задерживает? — сказал Кастор.

— Ничего, — ответил Валентин.

— Идем, идем! — закричали в один голос охотники.

— В дорогу, — сказал Валентин. — Сеньор дон Пабло, подите, прошу вас, ко мне; вы не привыкли, как мы, к степной жизни; я буду присматривать за вами. Я хочу, — прибавил он, смеясь, — чтоб донна Долорес не делала мне упреков, когда я вас соединю.

— Дай Бог, чтоб это было скоро! — сказал молодой человек, удерживая вздох.

— Я надеюсь, — ответил Валентин.

Весь отряд оставил грот.

Мы не будем следовать за ним по подземельям, которые ему пришлось проходить, чтобы достигнуть роши; читатели уже знают их.

День был холоден, но хорош; небо было голубое, воздух чист; снег почти совсем растаял от солнца, и, как говорил шут Бальюмер, погода положительно кокетничала.

Охотники шли гуськом по-индейски; под предводительством Валентина Гиллуа они шагали мерно и легко, как индейцы и как разведчики лесов, и быстро удалялись от Воладеро.

По приказанию Валентина три индейца, на верность которых можно было рассчитывать, остались сторожить лошадей, бесполезных в подобном предприятии, которых решили не вести с собою.

Направление, по которому шли охотники, заставило их пройти очень близко мимо Сожженных лесов, и Валентин с удивлением заметил, что те, которые оставались так долго неподвижными в своих укреплениях, делали приготовления как бы для того, чтобы удалиться. Это замечание заставило сильно задуматься Искателя следов и, говоря откровенно, озаботило его серьезно. Впрочем, он ничего не высказал и продолжал, глубоко задумавшись, идти по направлению, которое назначил заранее.

Но Валентин Гиллуа не пренебрегал никакой предосторожностью, как бы ничтожна она ни была.

На ходу он играл несколькими камнями, которые он поднял, по-видимому, машинально.

Дойдя до места, где тропинка поворачивала, охотник остановился, не говоря ни слова, и пропустил вперед своих товарищей; когда они окончательно скрылись из виду и он убедился, что он один и никто не может его видеть, он заметил три дерева, которые были причудливо расположены, составляя собою правильный треугольник.

Охотник влез на одно из тех трех деревьев, остановился на главной толстой ветви и расцарапал мох на несколько пальцев ширины, так что можно было подумать, что это сделала птица, а никак не человек.

Над тем местом, где он соскоблил мох, чтоб его не потерять, охотник вложил поднятый им камень и так крепко прижал его выющимися растениями, что он, не бросаясь в глаза, был очень замечен для того, кто знал, что он тут, и потому мог быть легко отыскан.

После того как он повторил все это, что мы говорили, со всеми тремя деревьями, он соединил в одно весь мох, который собрал, и положил его у подножия того дерева, которое составляло вершину треугольника; и на этой куче мха, смешанного с листьями, он разбросил несколько маленьких камешков, как будто не нарочно, но для него они имели очевидное значение, потому что три или четыре раза он менял эти иероглифы. Сделав это, охотник осмотрелся кругом и, уверенный, что никто из любопытства не подсмотрел за ним, небрежно бросил ружье на плечо и быстро догнал, посвистывая, своих товарищей, которые продолжали свой путь.

Мы уже говорили, что Курумилла и Навая ушли до восхода солнца осматривать окрестности. Валентин дал своему другу особенные поручения, и, может быть, это для него он исполнил эту загадочную работу, которой он, как мы видели, предавался и которая, очевидно, была сигналом.

Впрочем, Искатель следов был слишком серьезного ума, чтоб терять время по пустякам.

Когда он догнал отряд, он ничего не сказал товарищам, а они не подумали расспрашивать его.

Путешествие, таким образом, продолжалось целый день без всякого, достойного внимания, происшествия; мы заметим только, что убили двух лосей, и это сделали не пулями, а стрелами.

Около пяти часов вечера, незадолго до захода солнца, охотники достигли места, где Валентин Гиллуа решился устроить на ночь лагерь.

Этим местом, как и всегда, была довольно обширная поляна.

Навая, прикорнув у зажженного им огня, небрежно курил, ожидая прихода товарищей.

Что же касается Курумиллы, его не было.

Валентин Гиллуа не сделал никакого замечания на его счет и не казался удивленным, не видя его.

Ночевка их недолго устраивалась.

Два или три зажженных огня поддерживались целую ночь. Потом каждый, поужинав, что имел, заворачивался в мех и засыпал около огня, оставляя самого осторожного наблюдать за общим спокойствием. Охотники слишком привыкли иметь дело с опасностями, чтоб не принимать предосторожности.

Дон Пабло Гидальго, как самый молодой во всем отряде, назначен был Валентином в караул на первую очередь.

Около одиннадцати часов Искатель следов тихо поднялся и осторожно подошел к караульному, так что если б тот и не спал, то едва ли бы услышал.

Дон Пабло, мало привыкший к степной жизни и усталый от продолжительной ходьбы целый день, против воли заснул и спал от всего сердца.

— Мы прекрасно охраняемы, — прошептал старый охотник, улыбаясь и приближаясь, почти дотрагиваясь своим лицом до лица оригинального караульного, которого, впрочем, он не разбудил.

Охотник одну или две минуты, казалось, серьезно размышлял, потом проскользнул в кусты и моментально исчез.

Как только он миновал поляну, то, бросив взгляд на небо, как бы для того, чтоб удостовериться в направлении, которое следовало принять, он удалился большими шагами, как человек, который не боится ошибиться и отлично знает, куда идет.

Он шел недолго.

Через полчаса он остановился у утеса, возвышавшегося на берегу потока, над которым он наклонялся, образуя свод, что придавало ему вид переломленного пополам серпа; потом, убедившись, что ружье в порядке, охотник положил указательный палец в рот и, подражая тихому и грустному крику голубой синицы, два раза прокричал, как единственная птица этой местности, которую слышно ночью в пустыне.

Почти в ту же минуту, такой же крик послышался в очень близком расстоянии, и тень человека выплыла из темноты в двадцати шагах от места, где стоял Валентин.

Человек этот решительно подошел к нему, держа в доказательство необыкновенного, в подобном месте и при таких обстоятельствах, доверия ружье на спине и продолжая курить сигаретку.

— Меня не обманули, — сказал Валентин, и черты его лица расправились, он улыбнулся той молчаливой улыбкой, к которой он так привык в степи.

В две или три минуты незнакомец перешел расстояние, отделявшее его от Валентина.

Оба человека подали друг другу руки, как старые знакомые, хотя по тому, как они рассматривали друг друга исподтишка, было видно, что они встретились в первый раз.

— Ну что? — спросил Валентин.

— Через час после вашего прихода я встретил начальника; он разбирал загадку, которую вы ему оставили на вашем пути; это он мне сказал, что я встречу вас здесь и когда я здесь должен находиться.

— Отчего он не сопровождал вас, сеньор?

— Я не знаю, сеньор Искатель следов, — отвечал другой, улыбаясь, — я прибавлю, если позволите, что, вероятно, вы это лучше меня знаете; начальник мне сказал только, что вы ему дали поручение, по которому он должен вернуться.

— Это так; я боялся только, что он не совсем понял мои поручения, — сказал Валентин.

— О! Что до этого касается, — не сомневайтесь! Начальник разобрал ваш сигнал, как мне показалось, так же легко, как будто он читал книгу; теперь я здесь, сеньор, и к вашим услугам.

— Говорите, сеньор, я вас слушаю, — ответил охотник ласковым тоном.

Молодой человек, казалось, размышлял несколько секунд, потом начал голосом, слегка дрожащим от волнения:

— Если б я находился в присутствии другого человека, а не знаменитого Искателя следов, если б я мог подозревать, что в сердце этого человека есть другие чувства, кроме тех, которые сделали из него царя степей и перед личностью которого с уважением преклоняются и белые, и красные, я бы ему сказал: сеньор, я восемь или десять раз более чем миллионер; благодаря рудам, которые я имею в Сонорских Штатах и в Шигуагуа, я мог бы быть еще богаче, чем в настоящее время; окажите мне услугу, которую я от вас ожидаю, услугу настолько для меня важную, что для того, чтоб самому ходатайствовать перед вами, я не колебался пройти бо-

лее трехсот миль по пустыне, где на каждом шагу сторожила меня смерть, и это громадное богатство мы разделим пополам, или пусть самая большая часть, если желаете, принадлежит вам.

Молодой человек замолчал и устремил выжидающий взгляд на охотника.

— Хорошо, — ответил тот, тонко улыбаясь, — но мне, что вы мне скажете?

— Вам, сеньор Валентин, — продолжал незнакомец, между тем как глаза его наполнялись слезами, — вам я скажу только два слова: я страдаю, сердце мое разбито от отчаяния; отдайте мне счастье, которое у меня украли, и если когда-нибудь вам нужна будет чья-либо жизнь, чтоб спасти вашу, я отдам свою с радостью, как я уже доказал мою веру в вас, идя, не колеблясь, навстречу самым ужасным опасностям, чтоб высказать вам мою просьбу; ибо это-то и странно в вас, что каждый в степи преклоняется перед вашей волей, какая бы она ни была, и что ваше неоспоримое превосходство всеми признано, даже вашими врагами.

— Ну, — ответил охотник, — я думаю, что мы понимаем друг друга, сеньор; но, мне кажется, вы забыли исполнить еще одну формальность?

— Какую, сеньор?

— Уходя от вас, мой друг Бенито Рамирец ничего не просил передать мне?

— Да, в самом деле, я забыл об этом; простите меня, сеньор; я вам признаюсь, что, несмотря на всю мою решимость, я застигнут врасплох встречей с вами, и эта часть приказания дона Бенито Рамиреца совершенно вышла у меня из памяти.

Он вытащил потом из-за пояса длинный кинжал и, отдавая его Валентину, сказал:

— Вот знак, по которому можно меня узнать, не так ли? Верите ли вы мне теперь?

— Я вам и без того доверял, сеньор; если я напомнил вам, так это потому, что в таких серьезных обстоятельствах, как те, в которых мы находимся, никакие предосторожности не лишние; потрудитесь следовать за мною; нам надо о многом переговорить; место, где мы находимся, неудобно для такого разговора, как наш.

Незнакомец поклонился в знак согласия и последовал за Валентином, не говоря ни слова.

Охотник обошел кругом утеса, взошел на несколько ступенек, которые время высекло в камнях, и исчез в узкое отверстие, выходящее прямо на водопад; сделав несколько шагов, оба человека очутились в довольно глубоком гроте, который снаружи был невидим.

— Вы в одном из моих любимых местопребываний, — сказал Валентин, зажигая факел и обирая около стены несколько охапок сухого хвороста. — Я сюда очень часто приходил, — прибавил он, грустно улыбаясь, — этот грот был театром очень грустных происшествий; это было десять лет тому назад; все позабыли их, кроме меня; пещера эта известна только двум личностям: Курумилле и мне; вы единственный человек, который проник сюда после тех происшествий, на которые я намекаю; мы здесь совершенно безопасны; мы можем говорить, не опасаясь нескромных слушателей или взглядов; мертвые одни нас слушают, — прибавил он, ударяя по месту, где земля слегка возвышалась, — мертвые верно хранят тайны, которые им поверяют; огонь зажжен, сядем и поговорим; главное, будьте откровенны и прямо идите к цели; необходимо, чтоб я знал вашу историю до мельчайших подробностей, для того чтобы подать вам полезную помощь.

— Мне нечего скрывать, сеньор. Благодаря Бога, жизнь моя была всегда чиста; моя совесть укоряла меня только за почти детские шалости.

— Я вас слушаю; но для того, чтоб ускорить разговор, который может очень долго продолжиться, а вы знаете, как нам каждая минута драгоценна, я должен предупредить вас, что дон Бенито Рамирец, поручая вас мне, постарался ознакомить меня самым точным образом с частью вашей жизни до того происшествия, которое свело нас теперь; я знаю ваше имя, вашу семью, ваше положение в свете и вашу хорошую репутацию. Впрочем, вы должны понять, мой друг, что дон Рамирец не решился бы поручить вас так искренно моей дружбе, если бы он хоть немного сомневался в вашей честности. Итак, главное — прямо к делу, я могу пожертвовать вам только два часа.

— Я сам, — ответил тот, — должен быть до восхода солнца в лагере капитана Кильда; я буду краток.

Я был пассажиром корабля, на котором дон Мигуэль Тадео де Кастель-Леон ехал из Бахии в Новый Орлеан с

двумя детьми, которых вы знаете. Я был скомпрометирован в одном заговоре и, чтоб избежать тех, в чьих руках была власть, оставил Мексику и хотел приютиться в Бразилии. Вы знаете, как все делается в нашей несчастной стране. После нескольких месяцев мои друзья по политике изгнали тех, кто принудил меня к изгнанию. Как только это известие дошло до меня, я тотчас же оставил Бразилию. Единственный корабль, который снимался в то время с якоря, шел к Новому Орлеану; из этого города до мексиканской границы недалеко. Деньги у меня были; я поехал. Осторожность вообще одна из мексиканских добродетелей. Не зная, нет ли третьего заговора, который во время моего путешествия мог низвергнуть моих друзей и сделать из меня опять изгнанника, я тщательно скрывался. Я говорю по-английски так же хорошо, как и на моем родном языке; я выдал себя за богатого плантатора из Техаса, живущего в Гальвестони, который по делам ездил в Бразилию. Северные американцы — страшные эгоисты, вы это знаете, сеньор, всякий у них живет для себя, не заботясь, что делает сосед, так же и сосед не осмелится неосторожно вмешаться в не касающиеся его дела другого. Никто и не покушался разрушить мое инкогнито, и оно сохранилось прекрасно. Дон Мигуэль Тадео де Кастель-Леон, запасаясь у капитана разными сведениями на мой счет, старался завязать знакомство, цель которого я не совсем хорошо понимал. Я чувствовал к этому человеку какое-то необъяснимое отвращение; впрочем, так как у меня не было настоящей причины, чтоб совершенно отдаляться от него, то я, оставаясь довольно сдержанным с ним, все же боялся нажать в нем себе врага. После я себя очень за это хвалил; когда наши отношения сделались более дружескими, мне удалось узнать от несчастных детей ужасную историю, которую вы уже знаете. Дрожа и со слезами умоляя сохранить в тайне их рассказ, Луис и его сестра, донна Розарио, рассказали мне роковую смерть их отца и матери и ужасные преследования, которым они подвергались, от недостойного их родственника. Я понял тогда причину, почему дон Мигуэль Тадео так упорно желал сойтись со мною, к какой цели вели его расспросы о невольничестве в южных Соединенных Штатах, и о том, каким образом оно там велось. Я буду с вами откровенен, сеньор, как уже обещал, я мог бы

сказать вам, что ужасное поведение дона Мигуэля меня возмущало; что касается жертв, они внушали мне крайнее сожаление, и я готов бы был их защищать, но я не хочу лгать. Я сожалел о бедных детях от всей души: при случае я бы попробовал защитить их от известных жестокостей, варварство которых оправдывало бы мое вмешательство, но далее этого я не пошел бы. Во-первых, потому что дело до меня не касалось, к тому же положение дона Мигуэля Тадео было ясно и твердо, ничто не отличало его от других пассажиров; нет, то, что заставило меня предаться телом и душой этим несчастным детям, была чисто личная до меня касающаяся причина. Донне Розарио было тогда пятнадцать лет, она была высока, хорошо сложена, что делало ее старше ее лет; я вам ничего не скажу о ее красоте, сеньор, вы, без сомнения, ее знаете?

— Нет, — сказал Валентин, качая с грустью головою, — но я хорошо знал ее мать, на которую, говорят, она очень похожа.

— Я не мог видеть донну Розарио и не полюбить ее; до тех пор я еще не любил; я не знал роковой силы этой страсти; я даже, как большинство молодых людей, находил, что любовь совсем не существует. Приехав в Новый Орлеан, я должен был поневоле расстаться с доном Мигуэлем и двумя детьми; но я нашел время просить донну Розарио не унывать и сказать, что, что бы ни случилось, я всегда буду охранять ее. Бедный и милый ребенок простился со мною со слезами на глазах и удалился к своим родственникам, или, вернее, к своим палачам. Но я твердо сдержал данное мною обещание. Оставаясь невидимым, я не терял из виду молодую девушку; после отъезда дона Мигуэля в Бразилию мне удалось увидеть донну Розарио во время коротких прогулок, которые она делала со своими пансионскими подругами. Положение, в котором находились донна Розарио и ее брат, позволяло употребить даже сильные средства, чтоб помочь им и вырвать из рук их неумолимого врага, отсутствие которого скрывало без сомнения какой-нибудь обман. Запасаясь согласием донны Розарио и ее брата, я вызвал мою мать в Новый Орлеан; она должна была взять под свою защиту **обоих** детей и заменить им семью, которой они были лишены, а также присматривать за донною Розарио, пока я не возвращусь из Чили, куда я хотел поехать

после освобождения детей. К тому же я хотел заявить совету в Чили об измене, жертвами которой были донна Розарио и ее брат, и испросить для них его покровительство.

— Все это было прекрасно рассчитано, сеньор; вы действовали, как человек с душой и умом.

— Я приступил сейчас же к исполнению задуманного мною плана. К несчастью, независящие от меня причины помешали и задержали приезд моей матери в Новый Орлеан; в тот самый день, когда я хотел действовать, я узнал, что дон Мигуэль вернулся в Луизиану и что неделю тому назад оба молодые люди пропали, и невозможно было узнать, где они находятся. Эта ужасная новость привела меня в отчаяние; удар был жесток; долго моя жизнь была в опасности. У меня сделалось ужасное воспаление в мозгу. В течение двух месяцев я был между жизнью и смертью. Но молодость восторжествовала над болезнью: я вернулся к жизни и страданиям. Благодаря присутствию моей матери в Новом Орлеане, где она и теперь находится, два длинных месяца, в которые я лежал бесчувственным, не были совсем потеряны. Несколько ловких людей, посланные по следам несчастных детей, удачно отыскиали их.

Как только я почувствовал себя настолько сильным, чтоб вновь начать борьбу, я принялся за дело. Это тогда я случайно познакомился с доном Бенито Рамирецем, и, благодаря маленькой услуге, которую ему сделал, я удостоился его дружбы и успел заинтересовать его в этом деле. Дон Бенито Рамирец говорил мне о вас, сеньор, как о единственном человеке, который бы мог, если б захотел, спасти ту, которую я люблю, и позволил мне назваться его именем.

Я вам ничего не скажу необыкновенного, сеньор, сказав, что я уже знал о вашей известности и ваше имя; до такой степени вы его возвеличили, вы, простой охотник. Но дон Бенито Рамирец нашел неизбежным подвергнуть меня трехмесячному испытанию, прежде чем дать мне полное уполномочие действовать.

Рожденный в Соноре, привыкший к жизни на чистом воздухе, как и все жители той страны, я уже ознакомился со степями, но мне еще недоставало опытности. Я был очень ловок во всех телесных упражнениях, я хорошо ездил верхом, я имел необходимую ловкость в обраще-

нии с оружием, одним словом, у меня были все задатки, чтобы сделаться современным отличным охотником. Испытание было трудное. Мой учитель взял на себя труд ставить меня в самые ужасные положения, предоставляя самому выпутываться из них, как я хотел, издали наблюдая за мною, как он впоследствии мне это рассказал; я так горячо принялся за дело, что эти три месяца стоили трех лет. Теперь я готов на всевозможные испытания и утомления степной жизни; ловкость моя замечательна; моя пуля всегда достигает цели; холод, жар, лишения, как бы велики они ни были, я переношу с одинаковым хладнокровием.

Наконец однажды дон Бенито Рамирец сказал мне: «Теперь, мой друг, вы стали таким, каким я желал вас видеть; идите к Валентину Гиллуа, вы его встретите близ подземного грота Серого Медведя, в утесистых горах; подайте ему этот нож и скажите, что это я вас посылаю к нему». Я послушался его, сеньор, и вот я здесь.

— Вы одно забыли в своем рассказе, дон Октавио.

— Я знаю, что вы хотите сказать, сеньор; вы хотите говорить о моем пребывании у капитана Кильда?

— Да; впрочем, я вас поздравляю, вы так успешно обманули его; но смотрите, берегитесь, негодяй очень хитер; при малейшем подозрении вы пропали.

— Я постараюсь не возбуждать его недоверие, — ответил, улыбаясь, молодой человек.

— Дай Бог! Что бы ни случилось, рассчитывайте на меня. Не зная еще вас, не подозревая еще вашего существования, я уже решился предаться телом и душой спасению этих двух детей. Отец дон Луиса и донны Розарио был мой лучший друг; я поклялся спасти этих детей, а до сих пор я никогда не изменял своей клятве. Знайте же, дон Октавио, что около вас будет более друзей и преданных людей, чем вы подозреваете. Близкий друг семейства Луиса скоро должен к нам присоединиться. Его зовут дон Грегорио Перальта; это он открыл мне все подробности этой ужасной истории; вот уже несколько месяцев мы ходим по пятам человека, которого вы хотите уничтожить. Хотя он до сих пор вывертывался из всего, что мы замыслили, но скоро мы восторжествуем, будьте уверены. В его лагерь ранее нас сумел проскользнуть один из наших друзей; он

получил мои приказания. Вы должны его знать по первому моему слову.

— Вы говорите о Блю-Девиле, не правда ли?

— Да; верьте ему вполне; это тем более важно, что, не желая, он может противодействовать нашим предположениям и уничтожить их совершенно.

— Не бойтесь на этот счет, сеньор; Блю-Девиль и я, мы не имеем тайн друг от друга; вы скоро в этом убедитесь.

— Тем лучше. Теперь знайте, что более тридцати охотников преданы делу освобождения донны Розарио. Через месяц нас будет шестьдесят; наши приятели в дороге; но переходы в степях велики, и только через несколько дней они с нами соединятся.

— Если это так, то мы наверное победим! — вскричал дон Октавио с радостью.

— Я надеюсь, что мы успеем, потому что правда за нас; но у нас много препятствий, которые надо преодолеть, много неприятелей, которых надо победить, прежде чем достигнуть цели, которой мы добиваемся. Эти враги уже сильны потому, что они ни перед чем не останавливаются. Два дня только, как я знаю, что человек, чей лагерь я спас, самый ужасный бандит, капитан Кильд, поверенный и правая рука дона Мигуэля Тадео, который сам так удачно скрывает свои следы, что никто не знает, где его найти. Эти подробности я случайно узнал через одного из моих самых верных и хитрых агентов, который служит у него лейтенантом и которого я считал в Соноре. Это Блю-Девиль, на которого, я вам уже указал, вы можете рассчитывать вполне. Но более всего я боюсь дона Мигуэля. Этот человек положительно гений зла; он, должно быть, бродит около нас; но где он? Вот что надо непременно открыть, и я это сделаю. Будьте осторожны, дон Октавио, вы попали в западню. Этот Кильд негодяй, не поколеблется убить вас из-за одной тени подозрения. У нас есть другие враги, это, во-первых, индейцы, потом этот знаменитый вождь Сожженных лесов, Оливье, или Джон Грифитс, это странное сочетание добра и зла, в голове которого преступление равняется добродушному делу, и наконец, все бандиты и пираты саванны. Вы видите, что мы идем против сильной партии; я даже подозреваю, что Кильд, дон Мигуэль и Грифитс имеют тайные сношения. Я несколько раз встречал на границе

одного дрянного негодяя, который служит у него лейтенантом под именем Маркотет. Этот молодой негодяй мне внушает мало доверия; я даже думаю, что в крайности он согласится и на преступление. Ну, теперь вы предупреждены, молодой человек, — действуйте, смотря по обстоятельствам. Несмотря на все мои усилия, я не мог еще узнать, что замышляет Кильд; есть одна вещь, которая меня путает. Если б он не был давно известен в прерии, я бы мог подумать... но нет, это невозможно, я ошибаюсь!.. Во всяком случае, берегитесь, сеньор; малейшая забывчивость, неосторожность, неловкость, и мы погибли; хотя мы уже давно решили пожертвовать жизнью, но что гораздо важнее, мы погубим тех, кого поклялись спасти! Да, дон Октавио, я счастлив, что узнал вас; вы благородная, честная натура; я сделаю для вас все то, что я сделал бы для родного брата. Главное, уговоритесь с Блю-Девилем, это старый опытный человек; он чувствует близость негодяев, как хорошая собака слышит дичь.

— Еще одно слово об этом, если позволите, сеньор; то, что вы мне сию минуту сказали об этом негодяе Кильде, напоминает мне, что Блю-Девиль уверяет, будто ему удалось, наконец, поднять маску, под который скрывается этот негодяй.

— Нсужели? — вскричал Валентин.

— Он мне утверждал, что узнал его вчера ночью, когда, удалившись в свою палатку, капитан, не думая, что за ним подсматривают, сбросил подлый свой костюм.

— А-а! Вот драгоценное открытие.

— Вы можете судить! Он утверждает, что этот бандит называется Гарри Браун, под именем которого опять скрывается другая личность какого-то Корнелио Бустаментэ.

— Бустаментэ! — воскликнул Валентин в волнении. — О, я знаю это имя! Боже мой! Зачем дон Грегорио не здесь? Но терпение!.. Однако прощайте; час нашего расставания настал. Дон Корнелио Бустаментэ! Я не забуду это имя; через два дня мы увидимся.

— В каком месте? Очень важно, чтоб я наверное знал, где оно будет находиться.

— Мы встретимся, милый сеньор, около небольшой горы, называемой Зимний Костер; запомните хорошенько это название.

— Будьте покойны, у меня хорошая память.

— Теперь желаю удачи! Еще раз благодарю за драгоценную новость, которую вы мне сообщили. Как можно скорее возвратитесь в лагерь, который еще далеко; мне же только несколько шагов пройти. Через два дня, в этот же час, мы встретимся. Прощайте!

Они пожали друг другу руки, вышли из пещеры и пошли по разным направлениям.

Когда Валентин вернулся в свой стан, дон Пабло все еще спал, и, понятно, никто и не подумал сменить его, он все еще считался на часах.

Валентин тихонько ударил по плечу.

Молодой человек вздрогнул, приподнялся и, протирая глаза, вскрикнул:

— Что такое? Что случилось?

— Ничего, — сказал ему Валентин. — Только вам очень нехорошо тут спать, вы замерзли. Пойдите лягте к огню.

— Я действительно заснул, — сказал молодой человек, — я так устал, что не мог побороть сна. Простите, мой господин!

— Да, вы в слишком трудной школе; пойдите отдохните, дон Пабло, и позвольте мне стать за вас на караул.

— О, теперь я уже проснулся и больше не засну.

— Очень может быть; но завтра, если не отдохнете эту ночь, вы не будете в состоянии следовать за нами, а я должен вас предупредить, что путь не близок.

Молодой человек охотно последовал совету охотника; он настаивал только потому, что ему было неловко, что застали его спящим. Но недолго колебался и через пять минут уже спал крепким сном.

Конец ночи прошел спокойно.

За час до восхода солнца раздался крик совы, повторенный три раза.

Валентин ответил таким же криком.

Если бы кто-нибудь из охотников проснулся в эту минуту, он очень бы удивился странному разговору, который завязался между Валентином и невидимым собеседником его.

Самые разнообразные крики птиц, смешанные с лаем степных собак, завыванием рыжего волка, мяуканьем ягуара и ревом серого медведя, повторялись беспрерывно.

Можно было подумать, что все дикие и все лесные птицы участвуют в этом дьявольском концерте.

Но каков бы ни был настоящий смысл этого разговора, в котором Валентин так горячо участвовал, он, казалось, его удовлетворил, потому что, когда он кончился, Валентин пошел разбудить Бальюмера, чтобы тот в свою очередь стал на караул, и сказал ему:

— Ему удалось! Все идет хорошо! С восходом солнца охотники пустились в путь.

Курумилла еще не показывался; но Валентин, казалось, так же как и накануне, не беспокоился об его отсутствии.

Курумилла дает о себе знать

Обыкновенно в сентябре начинаются самые большие охоты у индейцев в тех местностях, где происходит наш рассказ.

Эти охоты особенно важны, потому что в это время года меха зверей лучше и индсйцы выгоднее сбывают их в американские и английские конторы. Эти охоты соединяют в больших северных степях этих уединенных местностей лучшие отряды всех индейских племен, которые живут в окружности трехсот лье от этого места.

Самые именитые нации, которые собираются на эти охоты, это Сиу, Пиканы, или кровные индейцы, Вороны, Пикано и другие менее значительные, которые не стоит называть.

Индейцы вообще враги друг с другом, но тут, на время больших зимних охот, постоянно заключается перемирие.

Они обезоружены по взаимному соглашению и, исключая какие-либо особенные обстоятельства, никогда не нападают; личный интерес, единственная связь, удерживающая их, обязывает к непривычной сдержанности.

Кроме мехов, назначаемых в продажу, индейцы оставляют еще некоторые из них себе на платье; потом мясо убитых животных, соленое или копченое, помогает им провести без особых лишений тяжелую зимнюю пору, которая ужасна для недалековидных племен.

На далеком севере дичь в изобилии; встречается несметное количество диких волков, лосей, бобров, выдры,

лани, серых медведей, мускатных быков, рыжих волков, простых лисиц и темно-бурых лисиц, мускат, род куницы, енотов, горностаев; из пернатой дичи: серые и белые куропатки, драхва, орел серый с черной головой, все это можно найти в изобилии; наконец, озера и реки, которые вообще очень глубоки, доставляют рыбу, как-то: семгу, карпа, стерлядь и т. д., не считая Тисерманг, или белой рыбы, которая иногда весит до шестнадцати ливров.

Читатель поймет, какой интерес для этих несчастных кочующих людей наблюдать за своей охотой: только некоторые племена краснокожих обрабатывают землю, они сеют маис или индейскую рожь; другие считают бесчестьем дотронуться до сохи; итак, если недостаток в дичи, то страшная бедность появляется в этих племенах и голод уничтожает их.

Ненависть, которую индейцы питают к белым, неутолимая ненависть, которую ничто никогда не может погасить, происходит в большинстве случаев за отбирание от них мест для охоты.

Охотники смешанной крови, метисы, светлые или белые, всегда прекрасно вооружены и, главное, замечательно ловки.

Индейцы в крайнем случае согласились бы поделиться с ними своей охотой; нередко эти изгнанники цивилизации соединяются с ними и сходятся часто даже в мыслях; но они смертельно ненавидят пионеров или скваттеров, которые появляются большими отрядами в степи, устраиваются на выгодных местах, рубят лес, разрабатывают равнины и, построив жилища, навсегда изгоняют дичь.

Индейцы не хотят допустить, что белые имеют право поселяться на ненаселенных землях, которые в сущности никому не принадлежат.

Но спор об этом предмете здесь был бы не к месту; мы предпочитаем скорее его кончить и продолжать наш рассказ.

Различные племена, собранные на зимнюю охоту на далеком севере, смотрели с тайным гневом на поселение капитана Гриффитса на их земле; еще более ожесточил их приход капитана Кильда и его отряда.

Неожиданное покушение против эмигрантов было следствием этого гнева.

Несколько дней после этого набега один индейский лагерь стал на берегу маленькой речки, погибшего притока Красной реки, которую на местном наречии называют рекою Медведя, по случаю множества серых медведей, которые когда-то жили на берегу этой реки.

Лагерь состоял из тридцати кожаных хижин, обложенных внизу дерном, чтобы холод не мог проникать, и принадлежал главному племени Пиканов, или кровных индейцев.

Эти индейцы были из большой нации черноногих, они и теперь еще составляют самое опасное и воинственное племя Северной Америки.

Черноногие охотятся на громадном пространстве земли; они воруют лошадей почти на самой мексиканской границе.

Те, о которых мы теперь будем говорить, составляли отряд около двухсот человек, все избранные воины и большие храбрецы, собранные под начальством нескольких вождей, но все покорные главному сахему племени, названному Красный Нож; это название он храбро заслужил многочисленными подвигами, и его воины с восторгом называли его так, что доказывало жестокую, но большую известность их начальника.

Красный Нож был человек лет тридцати, ростом в шесть английских футов, т. е. пять футов и восемь с половиною вершков французских; он был хорошо сложен, силы необыкновенной, ловкости замечательной во всех упражнениях с оружием; черты лица его носили выражение царственного величия; небольшие глаза, углубленные, блестели хитростью, коварством и злостью.

Воины, бывшие под его начальством, обожали его, хотя положение сахема всегда затруднительно, и ему часто приходится уступать, но Красный Нож никогда не слышал спора относительно своих приказаний; он царствовал над своим племенем, как азиатский король над своими народами.

Обыкновенно, когда индейские воины находятся на охотничьей земле, они приводят с собою жен, детей и собак, — собак в особенности; они запрягают их в род саней и перевозят на них свои пожитки; кроме того они уничтожают все воинственные знаки и цвета и заменяют их мирными.

На этот раз Пиканы поступали не так. Начальник привел с собою только избранных воинов, которые все сохранили свою воинственную татуировку. Не видно было в лагере ни женщин, ни детей, ни собак; это все доказывало, что охота была только предлогом для черноногих, а на самом деле они считали себя в боевом положении.

Десять дней уже прошло, как Красный Нож пришел на свое обычное место. Мы говорим «на свое обычное место» — потому что, чтоб избежать ссор, эти места выбирались заранее и принадлежали на долгие лета каждому племени.

Между разными поверьями индейцев существует одно очень странное, которое мы должны здесь упомянуть: каждое племя думает, что происходит от какого-нибудь животного, поэтому каждый из воинов носит его изображение, более или менее похожее, на груди или, раскрасив красным цветом на кусочке волчьей кожи, его привязывают к пике и всю покрывают перьями во всю длину, что и называется тотем, или священное знамя племени; это изображение очень уважаемо и во время походов доверяется только заслуженному воину.

Каждое племя носит название какого-нибудь животного; есть племя Бобров, Лосей и т. д.

Это поверье у индейцев не мешает, однако, им, когда они находятся на охотничьей земле, убивать то животное, от которого они полагают свое происхождение; но этого никто из них не делает, не извинившись предварительно и не объяснив своей жертве, что только крайность принудила их к этому и что Вакондах, или Великий Дух, позволил им умертвить его и т. д.

Иногда между индейцами и животными ведутся очень странные разговоры. Я помню, в одну из экспедиций, в которой я участвовал с племенем Бобров Команисей, которое приняло меня, наш отряд встретил на пути своем пруд, где жила целая колония бобров.

Сахем сейчас же остановился; все воины повернулись к пруду лицом и начали кланяться бобрам, говорить им разные приветствия и поздравления, называя их добрыми братьями, верными друзьями; и это в продолжение более часа, к большому страху сидевших у входа в свои норы бобров.

Все эти заявления, однако, не помешали сахему прийти шесть месяцев спустя, во время охоты, со своим племенем и совершенно уничтожить мирную колонию тех, от кого они происходят.

Племя Красного Ножа было убеждено, что их прадед был серый медведь; они носили его имя, и вот почему каждый год они становились лагерем на берегу реки Медведя.

В одно прелестное утро, в последних числах сентября, когда солнце уже встало, индейцы, давно проснувшись, небрежно занимались утренними работами. Воинам обыкновенно противны эти работы, которые они предоставляют в селениях женщинам.

Лагерь, хорошо устроенный на самом берегу реки и защищенный со стороны берега двойным рядом свай, имел вид грязный и запущенный, как все жилища краснокожих.

Великолепные *мустанги*, привязанные к кольям, ели вьющийся горох, составляющий их пищу. Красный Нож важно сидел на корточках около зажженного огня против своей палатки, курил трубку, полузакрыв глаза и опустив голову на грудь. Два главных начальника племени, но меньшей известности, чем сахем, неподвижно стояли около него и из почтения, или так же озабоченные, приняли такое же положение, как и он.

Когда лошади наелись, их повели поить; потом воины занялись приготовлением завтрака; люди, по индейскому обычаю, всегда ели после животных.

Скоро поставили перед начальником назначенные для его завтрака кушанья; эти очень простые кушанья состояли из *пеннекана*, или сушеной говядины, истолченной в порошок, из *нолщаски*, стерляжьих яиц, стертых с дикой смородиной и малиной, из *гомини*, густой маисовой похлебки, приправленной медвежьим или бычачьим салом и которую обыкновенно посыпают пеннеканом.

Когда гашесто, или разносчик племени, подал кушанья, Красный Нож пригласил величественным жестом обоих вождей участвовать в его завтраке.

Они изъявили свое согласие наклоном головы, отложили свои трубки и начали есть все трое, не говоря ни слова.

Этот завтрак, который, конечно, не польстил бы вкусу европейца, был приправлен индейской водкой.

Когда у них есть продовольствие, индейцы едят с жадностью. Количество пищи, которое их желудок может вместить, изумительно; когда они приглашают чужестранца к себе на обед, он может прослыть полным невежей, если не съест все то, что поставят перед ним в изобилии.

Прибавим также, что в противном случае индейцы переносят очень терпеливо всякие лишения.

Несмотря на множество блюд, поставленных перед ними, вожди недолго продолжали свой завтрак, в пятнадцать или двадцать минут все было кончено; гашесто, который за ними наблюдал, прибежал, когда заметил, что они кончили, и подал им зажженные трубки.

Другие воины также уже кончили свой завтрак и, завернувшись в меха, легли к огню и скоро заснули.

У краснокожих только два серьезных занятия: охотиться или воевать; кроме этого, они едят, пьют, спят и курят.

Только три вождя бодрствовали.

Два часа прошло, спокойствие в лагере не было нарушено никаким необычайным происшествием, и три вождя не переменили положения.

Было около одиннадцати часов, когда слышался галоп нескольких лошадей. Гашесто встал и пошел ко входу в лагерь.

Три индейских всадника, воинственно вооруженные и которых по многочисленным лисьим хвостам, которые висели у них до пят, да по перу серого орла, воткнутому за левым ухом, сейчас же можно узнать, что они вожди, быстро приблизились.

Когда они достигли изгороди из свай, они остановились. Тогда тот, кто казался старшим и держался немного впереди других, поднял правую руку над головою, вывернул ладонь снаружи, сжал четыре пальца вместе и согнул большой палец.

Гашесто сделал тот же жест, потом подошел к приезжим, поклонился очень почтительно и тихим, сдержанным голосом спросил, что они желают.

Быстро обменявшись несколькими словами с приезжими, гашесто с таким же почтением им опять поклонился, потом вошел в лагерь, чтоб уведомить сахема об их приезде.

Красный Нож спокойно выслушал слова гашесто, потом приказал ввести приезжих.

Услышав лошадиный топот, воины проснулись.

Незнакомцы сошли с лошадей и, передав их приближенным воинам, пошли, предшествоваемые гашестом, к трем вождям племени, которые спокойно ожидали их прибытия.

Красный Нож поднял голову и тогда заметил, что хотя всадники и были вооружены, но не было никакой воинственной разрисовки на их лицах.

— Добро пожаловать, братья, — сказал он, — Агнимики — великий вождь своего племени, он сядет рядом со своим братом Красным Ножом и выкурит с ним трубку мира.

Агнимики, это было имя главного вождя чужестранцев, был действительно грозный сахем Воронов. Агнимики грациозно поклонился после этого приветствия, присел и принял предложенную ему Красным Ножом трубку.

Последний движением руки пригласил и других сесть.

Несколько минут воины молча курили. Индейский обычай — не обращаться никогда с вопросом к чужестранцам, пришедшим к их костру. Они одни только могут начать разговор.

Когда Агнимики совершенно докурил трубку, поданную ему сахемом, он высыпал пепел себе на большой палец, потом, приветливо наклонившись к Красному Ножу, поклонился ему с улыбкою.

— Я желаю моему брату изобилия дичи и встретить много серых медведей, — сказал он.

— Я благодарю моего брата, — ответил Красный Нож, улыбаясь не менее приветливо, чем Агнимики, — но, к несчастью, медведи стали редки. Бледнолицые хозяйничают в саванне; краснокожим остаются только остатки.

— Да, — проговорил Агнимики, горько улыбаясь, — Длинные Ножи Запада берут всю дичь, как будто Вакандах создал ее для них одних. Соха бледнолицых приближается с каждым днем все более и более к охотничьей земле Красных воинов. Скоро земля исчезнет из-под ног детей Великого Духа, они будут умирать с голоду от недостатка дичи. Сердце мое

разрывается, когда я думаю о несчастьях, ожидающих мое племя. Мне кажется, что кровь не так быстро течет в моих жилах; я спрашиваю себя, неужели Великий Дух, который так справедлив, допустит, чтоб всеми этими богатствами завладели одни белые, тогда как они были даны и нам также.

— Мой брат умный воин, — ответил грустно Красный Нож, — слова, выходящие из его груди, подсказаны ему Великим Духом; мой брат Агнимики не косноязычен; слова, которые он произнес, глубоко тронули его друга, Красного Ножа; пусть он говорит; уши вождя открыты, друг его слушает.

— Итак, после приветливого приглашения моего брата я буду говорить, — начал Агнимики. — Когда Вакандах приказал людям выйти из земли, он им показал леса саванны, озера, реки и сказал: «Возьми, это все твое». Тогда еще не было бледных лиц; *Мабойя*, дух зла, еще не вызвал их из огнедышащих гор на погибель краснокожих; воины поклонились и сказали: «Благодарим». Много лет прошло, пятьдесят, сто, двести и триста лет еще таким образом, краснокожие были счастливы. Они не помнили о Великом Духе и свершали злодеяния; тогда Вакандах позволил гению зла вызвать бледные лица. Бледные лица овладели имуществом краснокожих; они рассеяли их по земле, как негодные зерна маиса; но зло, сделанное Мабойя, превзошло ожидания Вакандаха. Теперь проступки краснокожих забыты. Бледные доставили им страшные оружия и неутомимых лошадей; час мщения настал; отчего мои братья не пользуются им? Видите это огромное пространство для охоты? Десять месяцев тому назад оно изобиловало разной дичью; теперь все животные обратились в бегство от бледнолицых; краснокожие осуждены умирать с голоду, если они не заставят своих неутомимых врагов уйти, как они обязаны это сделать, к Соленому озеру, которое где-то там далеко, за горами. Что думает мой брат о моих словах? Я кончил!

— Мой брат хорошо говорит; его слова еще и теперь звучат так же приятно, как крик орла, нападающего на свою добычу. Воины Пиканы пришли на место охоты не для того, чтобы преследовать медведей или диких волов, но для того, чтобы прогнать бледнолицых в их каменные деревни; но что могут сделать двести

воинов, как бы они ни были храбры? Начальник ждет; пусть мой брат ответит.

— Красный Нож имеет черные волосы, но рассудок его сед; он осторожный воин даже в пылу совета. Вороны из племени Опоссумов не знали о приходе Пиканов; они напали на бледнолицых, и те их победили. Вороны не нюхали крови; месть утолстила оболочку их сердца; они пошли к Пиканам, к Сиу и к другим племенам, которые такие же хозяева, как и мы, на землях охоты. Везде их хорошо принимали, везде они выкуривали трубку мира и находили союзников против бледнолицых. Топор оставлен в покое всеми племенами и Воронами; что намерен делать Красный Нож?

— Красный Нож не может зарыть топора; уже давно существует дружба между им и Воронами Опоссумами. Сахем далеко за собой оставил топор, и невозможно его найти; мой брат мне друг; воины Красного Ножа — его воины; вот мой томацак, мой нож и моя трубка.

— Я благодарю моего брата за его союз и с радостью принимаю его подарки. Я прошу моего брата принять в обмен мое оружие и мою трубку. Я бы прибавил еще и мою боевую лошадь, но я знаю, что Красный Нож имеет самых красивых и быстрых коней. После четырех восходов солнца, после сегодняшнего, триста воинов соединятся в пятом часу ночи у Лосинога Прыжка.

— Красный Нож будет там со всеми своими воинами.

Агнимики встал и простился с Красным Ножом; сахем проводил его со своими вождями до выхода из лагеря.

Несколько минут спустя вождь Воронов исчез со своими двумя товарищами в многочисленных извилинах Саванны.

Прошло около часу после удаления вождей Воронов, как вдруг послышался большой шум в глубине леса, опушка которого отлого спускалась к началу долины, где Пиканы устроили свой лагерь.

Этот шум, приближаясь, все усиливался; несколько выстрелов время от времени увеличивали беспокойство индейцев, которые не знали причины этого шума.

По приказанию Красного Ножа все воины взялись за оружие и подошли к укреплениям, готовые защищаться, если весь этот шум устроен их врагом для того, чтоб обмануть и отвлечь их внимание от лагеря.

Два молодых воина были посланы узнать, но только что они исчезли, как два всадника выскочили из лесу и понеслись с одуряющей быстротой.

Один из всадников обернулся на седле, поехал тише и, прицелясь, выстрелил из ружья.

Этот всадник был одет по-индейски, сколько можно было узнать на довольно большом расстоянии от лагеря; это должен был быть вождь, хотя невозможно было узнать, к какому племени он принадлежал.

Второй всадник был одет по-европейски; несмотря на совершенно покрывающий его плащ, все заставляло предполагать, что это была женщина.

Впрочем, всадники продолжали как сумасшедшие скакать по саванне, видимо не зная, куда направиться.

Прошло несколько минут после их появления, как показались сзади их, из лесу, десять всадников, одетых как охотники из Канады, или желтокожие, и начали преследовать их.

Опасность для беглецов была ужасна; всякая надежда на спасение была потеряна; впрочем, они не теряли мужества и старались достигнуть реки, находящейся недалеко от лагеря.

Когда они достигли до воды, тот, который был одет по-европейски, решительно въехал в реку; другой же еще раз остановился, повернулся на седле и выстрелом сбил с лошади одного из преследователей.

Те заревели от злости и ответили залпом в человека, который их так раздражил.

Индеец поднял ружье над головою с торжествующим видом, потом раздался его воинственный крик, и он заставил лошадь войти в воду.

Скоро беглецы достигли противоположного берега и помчались прямо к лагерю.

Достигнув лагеря, индеец стащил с себя буйволное платье и замахал им над головою, в то же время он закричал резким голосом три раза следующие слова:

— *Зираинг! зираинг!* — брат! брат!

— Го, го, го! — ответили Пиканы, хлопая радостно в ладоши.

Красный Нож поспешил к берегу; он с восторгом следил за трогательной развязкой этого мужественного, гордого бегства.

На крик, испущенный неизвестным вождем, он поднял открытую руку ладонью кверху, снял платье, замаскировал им и закричал звонким голосом:

— Андезей! андезей! — иди сюда! иди сюда!

Чужестранец со своим спутником выехал на тропинку, ведущую к лагерю.

Между тем всадники, остановившиеся, чтобы поднять раненого товарища, теперь снова пустились преследовать беглецов, которых они на минуту потеряли из виду.

Они в свою очередь въехали в реку, переплыли ее и тогда только увидели с бессильной злобой, как те въезжали в лагерь Пиканов.

С минуту они колебались.

Но потом сейчас же они направились к лагерю.

Пятьдесят воинов, хорошо вооруженных, верхом на степных лошадях, выстроились в линию при входе в укрепление.

Увидав это, всадники остановились и снова посоветовались, потом один из них подвинулся вперед на несколько шагов к индейскому отряду и поднял руку над головой в знак мира.

Две или три минуты прошли, но он не получил ответа.

Охотник не унывал, он снова повторил сигнал и закричал на французском канадском наречии, всегда понятном всем индейским племенам в этой местности:

— Друг краснокожий! Я прошу свидания с сахемами племени.

— Что нужно бледнолицему? — ответил Красный Нож с гордостью.

— Поговорить с вождем об очень важном деле.

— Хорошо! Пусть брат подождет одну, три или шесть минут.

Охотник должен был поневоле покориться, но скоро понял причину этого замедления. Он увидел, что сорок индейцев Пиканов незаметно вышли из лагеря, переехали реку на том же месте, где и они, и выстроились так, что отрезали им возвратный путь.

Желтокожие посмотрели с беспокойством друг на друга, но, зная, с какими людьми они имеют дело, старались казаться покойными.

Как только Красный Нож заметил, что его приказания исполнены, он поднял руку и обратился к охотни-

ку, который следил с беспокойством за всеми его движениями.

— Мои братья, бледнолицые, добро пожаловать, — сказал он, — пусть четверо из вас переедут реку и без оружия войдут в лагерь.

Всякое сопротивление было бы напрасно; западня была хорошо устроена, и охотники поняли, что они попались.

Четверо из них, сняв оружие, решились последовать этому насмешливому приглашению.

Красный Нож и другие вожди ожидали их.

Они вежливо пошли им навстречу и подвели их к огню совета, не говоря ни слова.

Дойдя до огня, Красный Нож сел и сделал знак чужестранцам также присесть.

Охотники воспользовались глубоким молчанием, чтоб осмотреться кругом.

Тогда они увидели беглецов, опиравшихся на тотем племени, поставленный в нескольких шагах от советного огня при входе в палатку вождя.

— Зачем бледнолицые явились в мой лагерь? — спросил наконец Красный Нож глухим голосом, — чего хотят они от Пиканов? Нет ничего общего между бледнолицыми и краснокожими воинами.

Этот вопрос был сделан далеко не дружеским тоном; к тому же охотники заметили, что против индейского обычая им не предложили трубки, значит, на них смотрели не только как на чужестранцев, но и как на врагов.

Вождь желтолицых был наш старый знакомый, Ипполит Маркотет; он уже давно знал все индейские обычаи и хорошо понял, что этот прием был враждебен.

Но это был очень отважный и хитрый человек, привыкший с детства смотреть опасности прямо в глаза.

— Я явился в лагерь воинов Пиканов, — ответил он, — чтоб сесть у советного огня и выразить моим красным братьям просьбу слишком справедливую, чтоб быть оттолкнутыми ими.

— Пиканы люди разумные, — ответил величественно Красный Нож, — никто напрасно не прибегал к их правосудию.

— Я это знаю, — сказал, поклонившись, лейтенант капитана Гриффитса, который отлично знал, с кем имеет

дело, и потому не поверил ни одному слову из всего сказанного. — Я знаю, что Пиканы разумные воины; просить у них удовлетворения за оскорбление или наказания за обиду — это значит получить наверняка просимое.

Индейские вожди молча поклонились; лейтенант продолжал таким спокойным тоном, как будто бы он находился в гостях в каком-нибудь Нью-Йорке или Бостоне.

— Я так надеюсь на честность моих красных братьев, что ни минуты не колебался прийти в лагерь с моими молодыми людьми; к тому же нет никаких причин для ссоры между Пиканами и желтолицым Красной реки; топор давно уже зарыт между ними; зачем же я буду бояться прийти к своим братьям даже без оружия? Если б я думал, что они нам враги, то двести желтолицых воинов стоят лагерем в двух с половиной милях отсюда; я мог бы с ними явиться и предъявить свое требование сахему. Я не хотел этого сделать, я знал, что я шел к друзьям.

Наступило молчание.

Хотя индейцы оставались бесчувственны к последним словам, но они отлично поняли, на что намекал молодой человек, говоря — какими силами он располагал.

Красный Нож сделал почти незаметный знак; один из воинов выделился из тесной группы, стоящей кругом совета, и сейчас же удалился. Но это не ускользнуло от лейтенанта. Он понял, что вождь доверяет его словам, и послал разведчика, чтоб убедиться; он улыбнулся, но продолжал:

— Краснокожий негодяй, не принадлежащий ни к какому племени и которого оттолкнули все нации, пришел ко мне в лагерь и просит моего гостеприимства; это гостеприимство я ему предложил, а он отблагодарил меня за мое доверие тем, что украл одну из моих пленниц; пусть мне братья ответят, имел он право так поступать? Честно ли его поведение? Не изменил ли он законам гостеприимства? Пусть мои братья рассудят; я все сказал.

Взгляды всех повернулись на индейца, неподвижно и небрежно опиравшегося на ручку тотема.

Сахем сделал ему знак подойти и, бросив на него подозрительный взгляд, сказал:

— Мой брат обвинен, пусть он защищается.

Индеец презрительно улыбнулся, сделав над собой усилие.

— Я думал, что насмешливая птица не встречается в этих холодных странах, — начал он, — а между тем ее обманчивое пение раздается в моих ушах; и какому племени принадлежит эта лживая собака, которая смеет предполагать, что я, вождь и Сагамор моего племени, не принадлежу ни к какому племени? Посмотрите его кожу, она ни белая, ни черная, ни красная; от какого же племени он происходит? Сам он не знает; он не может произвести человека — своего цвета; он постыдное сочетание белого негодяя и самки кабана. По какому праву возвышает он голос перед советом вождей, — он, который сам управляет шайкой бандитов? Мое племя живет далеко, там, где восходит солнце; племя эго отважно, многочисленно; я главный вождь Окасов; мое имя Курумилла; вот мой тотем.

Говоря таким образом, Курумилла сделал два шага вперед и расстегнул блузу, покрывающую его грудь.

Тогда присутствующие могли увидеть синюю татуировку на левой стороне его груди, представляющую восходящее из облаков солнце.

— Курумилла! — вскричали вожди, почтительно ему кланяясь.

— Брат и друг Искателя следов, покровителя краснокожих? — спросил Красный Нож с волнением.

— Я Курумилла; чтоб не расставаться с Искателем следов, я оставил друзей, родных, свое племя и страну; я пришел сюда и нашел других братьев между людьми моего цвета кожи.

Красный Нож встал и, приветливо кланяясь вождю, сказал:

— Он говорит нам, что он Сагамор; пусть он сядет на место Красного Ножа; пусть он повелевает; что он решит, то и будет сделано. Все, что ни делает Курумилла, будет хорошо сделано. Мудрость живет в нем, в Вакондах его любят; а он никому не обязан объяснять свое поведение.

Курумилла величественно сел на место Красного Ножа и, подняв руку, сказал:

— Я благодарю моего брата, что он не просит у меня объяснений, но я не косноязычен, и моя честь требует, чтоб мои сыны Пиканы были судьями над

этим человеком и мною. Этот метосс изменнически проник в дом этой женщины и украл ее у друзей и семейства, которые оплакивают ее, считая уже мертвою; с тех пор он таскает эту несчастную за собой, чтоб продать ее мормонам; вот что сделал этот человек. Имел ли он на это право?

— Нет! — ответили вожди в один голос.

— И вот что сделал я, — продолжал рассказывать Курумилла, — я попросил гостеприимства не у него, а у его начальника капитана Грифитса; эта несчастная оскорбленная женщина попросила моего покровительства у краснокожих, и я не мог ей отказать; вчера, когда желтолицые оставили место лагеря, я удалился и сегодня при полуденной остановке, когда они все спали, по горло наевшись и упившись водки, проскользнул между ними и похитил молодую девушку; мои братья знают остальное. Чем я изменил гостеприимству, пусть мои братья рассудят.

В эту минуту вернулся посланный Красным Ножом разведчик, он сделал знак сахему, который один только понял его.

— Пусть мой брат судит, а не мы, — сказал Красный Нож, — его поведение честно, изменники — это желтолицые.

— Идите, — сказал Курумилла лейтенанту, — ваши сапоги оставили и так слишком глубокие следы в том лагере, вы для нас не друзья и не враги; ступайте, но помните, что топор не настолько зарыт между нами, чтобы нельзя было его скоро отрыть; идите, как вождь сказал.

Несмотря на свое нахальство, лейтенант Маркотет ничего не нашел сказать; сознавая внутренне, что он играет скверную роль, главное, что он бессилен, он молча, склоня голову, встал, довольный уже тем, что так дешево отделался от западни, в которую так неловко попался.

Он и три товарища присоединились к остальному отряду и скоро ускакали, переехав через реку.

Пиканы, спрятанные недалеко и, вероятно, получившие приказание, пропустили их беспрепятственно.

Два часа позднее лейтенант Маркотет возвратился в лагерь капитана Грифитса и униженно рассказывал ему свою неудачу.

Валентин заключает союз с Черноногими

Вожди остались сидеть на корточках вокруг советного огня, молчаливо покуривая свои трубки и погруженные в сердечные размышления.

Курумилла, отдав приказание отвести донну Долорес в палатку, куда ее почтительно и поместили, утомленный длинным разговором и привыкший молчать, завернулся в свой буйволоный плащ, чтоб отдохнуть и собраться с мыслями.

Вожди с почтением отнеслись к задумчивому молчанию сахема, хотя и ждали нетерпеливо, когда он пожелает заговорить.

Все действительно так и случилось, как он это объяснял перед советом.

Валентин, который никогда не забывал обещаний, данных друзьям или врагам, поручил вождю проникнуть под каким-нибудь предлогом в лагерь желтолицых, осмотреть его хорошенько, постараться увидаться с донною Долорес, уговориться с ней и придумать средство освободить молодую девушку.

Курумилла, выслушав, как всегда, своего друга, ответил ему одним словом:

— Хорошо!

Потом он отправился прямо и попросил гостеприимства у капитана Грифитса; оно было ему так легко оказано, что капитан хотел сойтись с краснокожими и найти себе в них союзников.

Хорошо принятый в лагере, он был там совершенно свободен и начал с индейской ловкостью все разглядывать и осматривать, не возбуждая подозрения, ему удалось встретиться с донною Долорес и поделиться с нею своими намерениями, которые ему пришли в голову; пока он с нею говорил, намерение это показалось молодой девушке так просто и вместе так удобоисполнимо, что она приняла его с радостью и уверила начальника, что она всюду последует за ним, куда бы он ни пожелал ее вести, только — не оставаться долее в руках своих похитителей.

Все было хорошо условлено между им и молодой девушкой, когда начальник простился с нею и пошел прилечь к сторожевому огню, где и заснул или, казалось, что тотчас же заснул.

Курумилла себе сказал: «Валентин хочет освободить донну Долорес, он посылает меня вперед, чтобы все устроить, но если случай представится, отчего же мне самому не освободить ее. Попробуем, если удастся, Валентин будет мне благодарен; тем более что я сделаю ему большую услугу, исполнив тотчас же то, что он может сделать только несколько дней спустя, да и то еще...»

На другой день вождь простился с капитаном и ушел в ту минуту, когда тот собирал лагерь, чтоб отправиться на свидание с капитаном Кильдом.

Но Курумилла недалеко ушел; отдалясь немного от лагеря, он спрятался так, чтоб видеть, что будет происходить. Телеги нагрузили и запрягли, потом желтокожие сели на лошадей и отправились в путь; вождь издали за ними следовал, ни на минуту не теряя их из виду.

В полдень желтокожие остановились поесть и отдохнуть; их отряд был так многочислен, они внушили такой страх индейцам и так были убеждены, что на них не нападут, что, окончив обед, уснули, не принимая никаких предосторожностей, и поставили только двух часовых.

Когда Курумилла увидел, что желтолицые уснули, он нашел, что пора действовать, — проскользнув как змея в кустарники, он пронзил кинжалом обоих часовых, те упали, даже не вскрикнув; потом, отделившись от их неудобного надзора, он, завладев двумя сильными степными лошадьми, вывел их на поляну.

Донна Долорес, которая не спала, надеясь и дрожа, видела все происходившее; увидя, что Курумилла увел лошадей, она, трепеща, встала; и когда он вернулся, то нашел ее стоящую в беспокойстве. Курумилла имел довольный вид; он посадил молодую девушку на одну из лошадей, сел на другую и, наклонясь к ее уху, сказал:

— Как можно тише.

Итак, они шагом удалялись и ехали почти четверть часа, прислушиваясь к малейшему шуму.

Вдруг они услышали сильный шум, и донна Долорес хотела пустить лошадь в галоп.

— Еще рано, — сказал он.

Желтолицые, проснувшись, увидели мертвые тела часовых и принялись кричать от бешенства.

Беглецы спокойно продолжали ехать шагом, потом перешли к маленькой рыси, наконец пустились вскачь.

Вдруг Курумилла наклонился к донне Долорес.

— Теперь время, — сказал он.

Обе лошади понеслись как ветер.

Но как ни быстро они летели, те, которые их преследовали, тоже не жалели лошадей. Слышен был на затвердевшей сухой земле стук подков, точно дальние раскаты грома.

— Моя сестра не теряет храбрости? — спросил вождь свою спутницу.

— Я этого не знаю, — ответила она лихорадочно, — но я знаю то, что я лучше умру, чем еще раз попаду в руки злодеев.

— Хорошо, — сказал вождь, — моей сестре нечего бояться. Курумилла поклялся ее спасти.

— Благодарю, — ответила она, — я вам верна.

Бегство их продолжалось.

Скоро желтолицые стали видимы, они летели как ураган.

Курумилла, мы уже говорили, имел очень хорошее оружие: два револьвера Голанда и винтовку.

— Продолжайте скакать, — сказал он молодой девушке.

— Что вы хотите делать? Я не хочу с вами расставаться.

— Хорошо, останьтесь; ваша лошадь отдохнет. Это еще лучше.

Курумилла остановился, взял один из револьверов, поднял курок и прицелился как из винтовки.

Желтолицые были только на расстоянии тысячи метров от них.

Вождь выстрелил шесть раз, шесть лошадей покатились на землю, увлекая с собой и всадников.

Беглецы опять пустились дальше.

Желтолицые, испуганные верностью выстрелов и силой ударов, остановились; лошади одни были убиты.

Курумилла не стрелял по людям; но шесть всадников без лошадей, разбитые падением, не могли уже продолжать путь преследования. Другие из них тоже продолжали еще преследовать, но скоро верный револьвер Курумиллы сбил еще шесть всадников.

Желтолицые обезумели от бешенства, но все продолжали скакать; вождь тогда схватил свою винтовку и выехал на долину к лагерю Пиканов; остальное читатель знает.

Донна Долорес была спасена, по крайней мере на время.

День приближался к концу, а молчание продолжалось несколько часов; Курумилла, погружаясь все более в свои мысли, и не думал его прерывать.

Наконец Красный Нож решился заговорить.

— Открыты ли уши моего родителя? — спросил он.

— Что желает мой сын? — ответил вождь, поднимая голову.

— Пиканские воины просят совета у своего отца.

— Пиканы дети Курумиллы; он их слушает. Курумилла не косноязычен, никогда ложь не оскверняла его уст.

— Койоты и волки собираются вместе, чтобы охотиться за лосем или буйволом, так и бледнолицые стараются украсть земли краснокожих. Что думает мой отец? Что должны делать мы, чтоб оттеснить их к большому Соленому озеру и уничтожить их ненасытные желания?

Не отвечая, сахем взял колчан, наполненный стрелами, и, соединив стрелы в один пучок, подал его Красному Ножу, говоря:

— Мой брат молод, его сила велика, что он сделает, чтобы сломать этот пучок?

Черноногий покачал головою.

— Я и пробовать не буду, — сказал он, — я не могу их переломить.

Курумилла улыбнулся и подал по очереди каждому из вождей, получая тот же ответ.

— Этот пучок, — сказал он тогда, — изображает индейские племена; соединенные вместе, они так сильны, что ничто не может их победить; эти стрелы, связанные таким образом, выдержат всякие усилия, но, разрозненные, они могут быть сломаны ребенком.

И разбросав кругом себя стрелы, он поднимал одну за другой и мало-помалу все их переломал.

— Мои братья поняли меня? — спросил он.

— Да, — ответил Красный Нож, — всесильный, великий Сагамор Окассов советует нам соединиться. Индейцы предупредили его желание; уже несколько племен разделили между собой топор мира и соединились против бледнолицых. Но предприятие, которое они замышляют, теперь трудно; враги очень сильны, индейцы боятся быть побежденными; отчего Искатель следов, друг индейцев, не хочет помочь воинам краснокожих? При его поддержке они были бы победителями.

— Искатель следов имеет много врагов; эти враги его преследуют; если он придет на помощь краснокожим, может ли он надеяться и на их поддержку? Он не один, более тридцати известных охотников идут по его следам; пусть мои братья решают.

— Нужна ли помощь Кенхассов Искателю следов? — спросил Красный Нож сильным голосом. — Не послан ли сахем к черноногим, чтоб просить их помощи?

— Нет, — ответил холодно Курумилла, — Искатель следов никогда не отказывает в помощи своим друзьям краснокожим. Часто он им помогал, но никогда до сегодняшнего дня он не просил их поддержки. — Слова, произнесенные Курумиллой, были отголоском его сердца, в котором хранилась дружба и расположение к Пиканам. — Ему ничего не поручено сказать им. Может быть, если Кенхассы попросят поддержки у Великого Бледнолицего охотника, он согласится на это, но никогда не спросит сам их покровительства. Сахем все сказал, пусть вожди размышлят.

Курумилла встал и, предшествуемый Красным Ножом, вошел в хижину, которую для него устроили по приказанию вождя.

Там сахем и Курумилла расстались со всей предписанной индейскими обычаями церемонией, потом Красный Нож возвратился медленными шагами и задумчиво сел к советному огню.

Вечером, перед закатом солнца, вожди, которые устроили между собой большой совет, встали и вошли в хижину, занимаемую Курумиллой.

— Добро пожаловать, — сказал он, приветливо улыбаясь.

Воины молча поклонились и по молчаливому приглашению вождя присели кругом огня и закурили свои трубки.

Когда трубки были докурены, после непродолжительного молчания Красный Нож поклонился Курумилле и начал говорить.

— Воины Пиканы, — сказал он, — выслушав слова сахема Акассов, размышляли много часов вокруг советного огня насчет того, какое решение принять. Курумилла мудрый, верно он знает, что только женщины и дети, не имеющие способностей и опытности воинов, решают легко и не обдумывая свои решения, потому что они не могут и понять, что из этого может выйти, но Пиканы не так действуют, потому что они мужчины; вот что говорят вожди, великие храбрецы этого племени: Курумилла любит своих братьев черноногих; когда он говорил на совете, то все слова, исходящие из его уст, были внушены ему его сердцем, и совет его надо принять в соображение.

Искатель следов друг краснокожих; постоянно он им помогает и их поддерживает; ему не нужна их помощь; это они должны желать его покровительства. Курумилла говорит правду, его друг не дал ему никакого поручения. Пиканы, у которых он гость, просят от него услуги, вожди желают видеть Искателя следов, пусть он придет в лагерь; если б они знали, где его найти, они немедленно пошли бы к нему, но Курумилла знает стоянку своего друга, он пойдет к нему и скажет: Искатель следов! Твои сыны Пиканы имеют толстую оболочку на сердце, они умоляют тебя поддержать их, они просят твоей помощи против врагов, приди к ним как можно скорее, пусть твое присутствие их утешит и радость заменит место горести в их сердцах, которая в последнее время неотступно пребывает с ними и поглощает их.

— Слова моего брата сахема раздались в моих ушах, — с особенною сладостью ответил Курумилла, — то, что желают Пиканы, Курумилла сделает сегодня же ночью. Облако, лежащее на сердцах моих сынов, должно быть скоро рассеяно; через час Курумилла покидает лагерь своих братьев, доверяя их чести бледную молодую девушку, приведенную им. Я сказал все.

— Молодая бледнолицая девушка — сестра Пиканов, — ответил с благородством Красный Нож. — Она под покровительством тотема нашего племени. Никакая опасность не постигнет ее, если б Курумилла даже в продолжение целого месяца был далеко от своих друзей.

Через час, т. е. когда ночь окончательно воцарилась, Курумилла покинул лагерь, как он это обещал.

Мы уже в предшествующей главе объяснили, как Курумилла и Валентин Гиллуа, несмотря на расстояние полумили, успели переговорить и передать друг другу все необходимые подробности, подражая крику разных животных.

Немного до восхода солнца Курумилла вернулся в лагерь черноногих.

Красный Нож, их первый сахем, спрятавшись за укрепления, ожидал прихода вождя.

— Что сказал мой отец, Искатель следов? — спросил сахем черноногих, раскланиваясь с вождем.

— Искатель следов, — ответил Курумилла, — сказал вам вот что: Я не буду глух к призыву моих красных детей; когда солнце поднимется далеко на небо и тень исчезнет с деревьев, я приду в лагерь черноногих.

— Хорошо, — ответил приветливо сахем, — мой брат честно исполнил свое обещание, я его благодарю. Искатель следов будет встречен как следует его красными детьми.

В эту минуту приподнялась пола одеяла, служащего дверью в палатку донны Долорес де Кастелар, и молодая девушка показалась.

Хотя она и знала, что находится в безопасности между индейцами, порученная им Курумиллой, но неопределенность положения, в котором она все еще находилась, наполняла горечью сердце молодой девушки; в продолжение целой ночи она не спала от возбуждения после тех происшествий, героиней которых она

была несколько часов тому назад, и той бешеной скачки по горам и оврагам.

При первых лучах рассвета донна Долорес вышла, чтоб освежить свой горячий лоб холодным утренним ветерком. Она приблизилась к двум сахемам и поклонилась им с приветливой грустной улыбкой.

Красный Нож с той грацией и любезностью, которая врождена краснокожим, поклонился молодой девушке с почтением и спросил ее дружелюбно, как она провела эту ночь. Чтоб ее окончательно успокоить, он еще раз повторил, что ей более нечего бояться своих врагов, что она никогда более не попадет в их руки.

— Я вам так благодарна, вождь, — ответила она, — но, — прибавила молодая женщина, и взгляд ее блеснул мрачной решимостью, — если бы, несмотря на ваше всемогущее покровительство, этим бандитам удалось еще раз меня захватить, они найдут меня только мертвой. Я скорей убью себя, чем опять сделаюсь их пленницей.

И значительным движением она откинула полу своего царапе и показала ручку длинного кинжала, заткнутого за пояс.

— Моя дочь очень отважна, — ответил Красный Нож, — но это оружие бесполезно, она под покровительством тотема нашего племени, мои воины будут за нее сражаться.

Мы теперь прибавим в скобках, что мы не знаем, почему большое количество старых и современных писателей пропагандировали совершенно ошибочное мнение и постыдную клевету, что индейцы бесчестно поступают с белыми женщинами; необходимо опровергнуть это мнение.

Первый пропагандист этой клеветы был барон де ла Контан в своих вымышленных записках, изданных в Канаде в 1715 году, он утверждал, что дамы из Квебека и Монреаля с живейшим любопытством ожидали всегда прихода диких в эти столицы Канады, когда те являлись продавать свой товар.

Барон де ла Контан еще прибавляет, что дикие были не менее любопытны, и никакое препятствие не могло удержать их от желания брать себе любовниц из белых женщин.

Зачем барон де ла Контан написал это? С досады или, может быть, из мести? Отец Тарльвуа, человек,

который лучше всех знал индейцев в это время, строго порицает эту клевету.

С тех пор до наших дней все люди, жившие между индейцами, убедились в постыдной лжи написанных фактов.

Вот истина по этому предмету: убедились, что во французских колониях белые плантаторы часто имеют черных любовниц; но уже дознано, что никогда белая креолка не была добровольно любовницей негра.

Мы повторяем, что мы говорим только о французских колониях, потому что в английских было совсем иначе.

Хотя наши креолки и привыкли с детства жить между неграми, к которым они часто питают большую привязанность и всегда относятся к ним с добротой, но они никогда на них иначе не смотрят, как на людей низкого происхождения, с которыми невозможно сойтись.

На американском континенте это чувство идет еще дальше; между черными и белыми племенами существует очень сильная антипатия, доведенная у индейцев до глубокого отвращения. И потому так невероятно далеко то мнение, о котором упоминает барон де ла Контан.

Часто краснокожие брали красивых молодых белых женщин, они всегда из них делали своих невольниц, но никогда не жен. Если и был союз между этими двумя племенами, то это было только между креолками англосаксонского происхождения или белыми мужчинами, живущими в индейских племенах, где они, женившись, и произвели это сословие, называемое метисами, иначе называемое желтокожими, но не существует примера, чтобы белая женщина, особенно француженка, сделалась женою или любовницею индейца по своему желанию.

Оттого женщины и знают, что, попадая в руки индейцев, они никогда не должны бояться быть обесчещенными, но скорее подвергнуться разным мучениям и смерти.

Теперь, когда мы показали, что заметки барона де ла Контана и других писателей недостойны доверия и ничего более как низкая клевета, мы продолжаем наш рассказ там, где мы остановились.

Курумилла был слишком хороший наблюдатель и слишком сведущ в изучении человеческого сердца, чтобы не заметить с первых же слов молодой женщины, как она измучена беспокойством; он не замедлил рассказать

ей, что произошло между ним и вождем Пиканов, и уведомить ее о скором приходе Валентина.

Это известие очень взволновало донну Долорес; она почувствовала, что надежда вновь проникает в ее сердце и согревает ее своими благотворными лучами; ей казалось, что вмешательство Искателя следов могло только быть благоприятно для нее, тем более что ей казалось невозможным, чтоб дон Пабло Гидальго, после своей отважной попытки против индейцев, не нашел случая соединиться с знаменитым лесным охотником и вместе с ним постараться подать помощь той, которую он любит, вырвать ее из рук преследователей.

Итак, с тоской и надеждой молодая девушка ожидала прибытия Искателя следов и готовилась его встретить.

Красный Нож и другие черноногие не менее ее ждали с нетерпением; но они положили на свои лица маску индейского хладнокровия, под которой краснокожие так искусно скрывают свои чувства, даже самые страстные желания.

Ударил час дня, сказали бы мы, если б находились в городе, вместо того чтобы быть в громадной степи Великого Севера, когда индейцы, устремив лихорадочно взгляды вдаль, увидели вдруг появление всадника, выехавшего из темной полосы леса на горизонте и скакавшего к лагерю.

Всадник был один; индейцам довольно было одного взгляда, чтоб его узнать: это был Валентин Гиллуа.

Красный Нож поднес к губам свисток, привешенный у него на груди, и извлек звонкий звук.

По этому сигналу сорок воинов вскочили на лошадей, Красный Нож во главе их, и поскакали, как легион демонов, в глубину долины.

Скоро они раскинулись веером, заставив играть лошадей, махали оружием над головами, бросали ружья в воздух и ловили их опять, не уменьшая бешеную скачку, одним словом, изображали все упражнения высшей школы, которым арабы дали название «фантазия», с замечательной ловкостью и верностью.

В известную минуту они сделали общий залп из всех ружей; потом, выстроившись в ряд, они понеслись с замечательной ловкостью, которая казалась просто чудом, и вдруг остановились — точно ноги лошадей приросли к земле в десяти шагах от Валентина.

Искатель следов не прибавил, не убавил шага своей лошади. Он уже давно свыкся с индейскими обычаями, чтоб не понять, что, в сущности, все это делалось для того, чтоб блестящим образом доказать почтение, которое чувствовали к нему индейцы, и радость их видеть его, приехавшего к ним с полным доверием.

Красный Нож и другие вожди приблизились шагом; скоро они очутились около охотника.

Тогда начались приветствия.

Ни у одного народа, самого цивилизованного из европейских народов, не встретить соблюдения этикета, не говоря уже такого продолжительного, как у индейцев. Король Генрих III, который первый занялся серьезно установлением придворного этикета, и Людовик XIV, который, увеличив его, возвел его, так сказать, в догмат, в нечто святое, высокочтимое, учредив непреодолимую преграду между личностью государя и дворянством старинных фамилий Франции, оба не дошли до подобных утонченностей, которые были выработаны индейцами по вопросу об этикете. Поклоны и представления продолжались в продолжение часа с половиною. Валентин Гиллуа выдержал терпеливо все эти требования; у него была цель, которую ему нужно было достичь; ничто его не могло остановить.

Окончив представления, индейцы направились по дороге к лагерю, оглашая воздух радостными, лишь им одним свойственными, дикими криками, заряжая и разряжая свои ружья и в то же время производя еще более необыкновенным образом их удивительную фантазию, которую раз они уже исполняли.

Едва возвратившись в лагерь, вожди собрались в калли, или хижину, для совета, в котором неминуемо участвовали Валентин Гиллуа и Курумилла.

Много речей было произнесено.

Валентина попросили также говорить, и он объяснил им в мельчайших подробностях политику, которой индейцам удобно было следовать.

Изложение этих подробностей, выслушанное ими со вниманием, сильно поразило вождей, так что они единодушно и без спора приняли предложения охотника.

Так как мы скоро вместе с читателем будем присутствовать при исполнении предложенного Валентином

Гиллуа плана, то теперь совершенно бесполезно о нем говорить.

Мы ограничимся засвидетельствовать, что Искатель следов, с жаром упрасиваемый сахемами принять начальство над соединенными силами, решительно от этого отказался.

В действительности, война, на которую индейцы решились, была войной индейской — требованием краснокожими их земель для охоты и протестом против набегов белых на их земли; и хотя люди, против которых индейцы собирались вести войну, не были соотечественниками охотника, но цвет кожи и происхождение были одни и те же, поэтому на его вмешательство в качестве начальника союза могли взглянуть как на измену или по крайней мере как на вероотступничество, а не как на роль советчика и простого волонтера в рядах солдат.

Краснокожие слишком хорошо знали непоколебимость характера охотника, чтобы попытаться изменить его решение; с горьким сожалением они преклонились перед его волей.

При конце совета были посланы по нескольким направлениям разведчики, чтобы осведомиться о союзниках, о мерах, которые они думают принять; спросить их, одобряют ли они общие намерения, и попросить их соединиться как можно скорее, для того чтобы соединившиеся племена были в состоянии действовать сильно в непродолжительный срок.

Действительно, было очень важно, чтобы не предупредили белых, рассеянных на большом пространстве степи, о движениях их врагов, и они должны были быть застигнуты врасплох; не следовало дать им время собраться, найти опору и организовать защиту.

Вечером того же дня вожди, которые заключили союз, прибыли в лагерь вместе с черноногими. Каждый из этих вождей, числом которых было пять, имел около себя тридцать избранных воинов.

Тут были: вождь Сиу, вождь Корон, Пикано, Лисица и Ассини Воуа.

Все они были опытные воины, великие храбрецы, к пяткам которых были привязаны многочисленные волчьи хвосты, которые с давних пор служили доказательством их мужества как на охоте, так и на войне, и на которых можно было рассчитывать.

Валентин встретил их с живой радостью.

Охотник видел с тайным удовольствием, которое увеличивалось каждую минуту, весь ход событий, — ход, который он приготовил с такой хитростью и осторожностью для удачи своих планов; результат нескольких последних дней был громаден.

В самом деле, он приехал месяц тому назад почти совершенно один в эти пустынные места, где все должно было отнестись враждебно к нему, с твердо принятым решением завязать смертельную борьбу с могущественным и испытанным неприятелем; ему удалось не только собрать вокруг себя отряд опытных, преданных и храбрых друзей, но еще завязать сношение с краснокожими, единственными настоящими владыками этих огромных земель, и заключить с ними союз против врага, которого он хотел уничтожить.

Этот неприятель, уединившись теперь в степь, сам не зная того, был окружен невидимой страшной сетью, которой петли, постоянно суживаясь, не замедлят окутать его со всех сторон и кончат тем, что, вероятно, удушат его.

Валентин был уверен в будущем и окончательном успехе и поэтому совершенно естественно мог поздравить себя с удовлетворением своей мести.

— До скорого свиданья, — воскликнули молодые люди.

— Да, до свиданья! Будьте счастливы.

Маленький отряд выступил в дорогу; друзья обменялись еще несколькими словами уже издали, потом всадники повернули при повороте дорожки и исчезли в узком проходе. Валентин с минуту оставался неподвижно на том же самом месте.

— Да, — прошептал он, — да будут они счастливы, эти бедные дети. — И он направился к лагерю, идя тихо и задумчиво.

Курумилла ждал его.

Двое этих людей имели между собой длинный разговор, т. е. Валентин говорил, а его друг отвечал ему жестами или отрывочными фразами, произнесенными неслышным голосом; после этой беседы Валентин пожал руку вождя, и этот немедленно оставил лагерь.

Роль, которую Валентин себе оставил, была довольно трудна; ему надобно было постоянно находиться на оди-

наковом расстоянии от желтолицых и отряда капитана Кильда, который состоял под его специальным наблюдением, оставаясь постоянно в прямых сношениях с новыми своими союзниками, краснокожими.

Разведчики были посланы на все зимние квартиры, чтобы собрать воинов; со своей стороны, Валентин предупредил белых охотников, рассеянных в горах на пятьдесят, по крайней мере, миль в окружности; нужно было дать время всем этим вспомогательным силам прибыть и собраться в назначенном месте, приблизительно милях в двадцати от реки Журдан, при спуске в долину второстепенных террас горы.

Валентин виделся несколько раз с Бенито Рамирецем, или, скорее, с Октавио Варгас; от него он получал известия о донне Розарио; все, казалось, шло к близкой развязке.

Из всех союзников более всего причинял огорчения Валентину вождь Индейцев-воронов. Анимики не мог простить капитану Кильду удара, который он испытал; он только и мечтал, что о мести эмигрантам; он обещал Валентину, когда настанет минута действовать, провести его в лагерь белых; этот согласился, правду сказать, удовлетворить его, выговорив себе выбрать самому время и час, которые покажутся ему благоприятными.

Шесть дней прошло уже со дня отъезда дона Пабло Гидальго и донны Долорес к пограничным поселениям, а ничего особенного не случилось; целый день шли, на ночь останавливались лагерем, и все это делалось с такими большими предосторожностями, что во время всего этого длинного перехода и всевозможных приготовлений эмигранты не заметили непрерывного наблюдения, предметом которого они были; то же произошло и с желтолицыми.

А между тем у эмигрантов и желтокожих были постоянно лазутчики в деревне, которые объезжали окрестности.

Но все было бесполезно, эти разведчики не видали и не слышали ничего.

Краснокожие и охотники исчезли, не оставив после себя никаких следов, как будто бы земля внезапно их проглотила.

Приближались к долинам; через четыре дня была возможность достичь реки Журдан.

Однажды вечером Курумилла, который не переставал разъезжать и исследовать горы по всем направлениям, возвестил появление двух многочисленных отрядов: один приближался с запада, а другой с северо-запада. Хотя об этих двух отрядах Курумилла не мог утвердительно собрать все справки, но все-таки, приблизясь к ним, он разглядел их и убедился, что они состоят исключительно из белых людей.

Эта новость привела в беспокойство Валентина Гиллуа и заставила его глубоко призадуматься.

На план, которому они решились следовать, эти новоприбывшие отряды имели такое огромное влияние, как и на последствия войны; не для чего было долго колебаться, следовало покончить с ними как можно скорее, если не хотят навязать себе двойного врага; потому что, по всем вероятностям, эти незнакомцы принадлежат к белой расе и скорее станут в ряды людей их цвета кожи, чем краснокожих. Это предположение было строго логичным; но как часто случается в практической жизни, поэтому-то оно и казалось ложным; Валентин же в то время не сомневался в нем.

Он назначил вождю Воронов свидание при солнечном закате, на недалеком расстоянии от лагеря эмигрантов; в назначенный час он был там.

Анимики, со своей стороны, тоже не заставил себя долго ждать.

Обменявшись обычными приветствиями, Валентин попросил вождя последовать за ним, что тот немедленно исполнил.

Они углубились в самую чашу, идя один за другим и не проронив ни слова.

Подойдя к одному развалившемуся дереву, Валентин остановился, подозрительным взглядом обозрел окрестности и пошел далее.

Через несколько минут он остановился снова, сел на обломке скалы и пригласил Анимики сделать то же самое.

Это место было очень удобным для остановки и для разговора, причем можно было не опасаться быть услышанным.

Поток, низвергающийся с горы, падал вниз с невероятной высоты и направлялся к долине, протекая по подземному руслу, вырытому им самим.

Сильный шум от падения воды заглушал голос, так что слушатель, находящийся даже в двух шагах, не мог бы ничего расслышать.

— Я привел моего брата, — сказал Валентин, — так как я ему это обещал, к лагерю эмигрантов, с которыми его племя сражалось несколько дней тому назад.

— Да, — отвечал Анимики с чувством, — я благодарю брата за то, что он так хорошо сдержал свое слово. Эти бледнолицые собаки убили самых храбрых воинов моего племени. Что на это скажут сиюальты — жены умерших воинов, если, возвратившись в наши деревни, я не принесу с собою волос тех, которые убили их мужей? Я вижу лагерь, это правда, но мои воины не птицы, чтобы пуститься в воздух, но достаточно сказать: вот лагерь белых!

— Чего же желает еще мой брат?

— Знать тропинку, которая ведет к этому лагерю.

— Вождь Ворон желает знать только это?

— Да, ничего более, тогда ни одного белого не останется в живых.

Валентин несколько раз покачал головой.

— Вы ошибаетесь, вождь, — возразил он, — того, что вы просите, недостаточно, чтобы одержать полную победу; я знаю, что ваши воины храбры, но белые храбры точно так же, кроме того они обладают превосходным оружием, а у вас его нет.

— Это правда, но у моего брата есть маленькие ружья, из которых каждое убивает человека, у него кроме того есть штуцер, который заряжается и разряжается сам с замечательной быстротой и который убивает на каком угодно расстоянии. Великий Белый охотник будет биться за своих друзей; и они останутся победителями.

Валентин бросил довольный и гордый взгляд на свои револьверы и ружье Голанда, так как мы уже сказали, он купил их во время своего пребывания в Новом Орлеане у капитана одного французского судна.

Это превосходное оружие, механизм которого был так прост, а выстрел так верен, делали его непобедимым; он это знал, потому что, несмотря на привилегии, которых достигло американское оружие, оно всегда будет ниже стоять французских оружий, в особенности привезенных от Голанда.

Но это высокое достоинство печалило охотника; он боялся употреблять это страшное оружие; он поклялся не употреблять его, только разве в крайних случаях, когда ему пришлось бы защищать свою жизнь.

Поэтому он снова покачал головой и с меланхолической улыбкой отвечал Анимики:

— Мой брат прав. Сахем, Оракан и я одни в этой местности владеем таким превосходным оружием, но в настоящую минуту дело не в том, чтобы убить нескольких воинов, позволив остальным скрыться, надобно завладеть лагерем и напасть на белых; мой брат — очень умный и опытный охотник, чтобы не знать, что часто можно скорее достигнуть успеха хитростью, чем силою.

— О да, охотник говорит правду, его слова приятно действуют на слух Анимики; вероятно, у него есть средства, чтобы поступить так, как он говорит; благодаря ему Вороны нападут на врагов.

— А вот, вождь, — сказал, смеясь, охотник, — вы помимо моей воли узнаете тайну моего сердца; право, удовольствие говорить с человеком, который понимает с полуслова.

— У великого белого охотника есть тайна! — сказал неслышным голосом вождь.

— Да, я хотел вам сделать сюрприз, вождь.

— Но какой же это сюрприз? Откроет ли его охотник своему другу?

В эту минуту на далеком расстоянии раздался крик филина и почти замер в ушах обоих собеседников.

— Что это такое? — спросил вождь, с живостью подымая вверх голову.

— Сюрприз, который я для вас приготовил.

И в то же время он сам стал подражать крику филина так превосходно, что всякий другой, не краснокожий, не заметил бы разницы.

— Это хорошо, — возразил Анимики, — у моего брата есть друг в лагере белых; этот друг хочет с ним видаться и зовет его к себе.

— Вы отгадали, вождь.

— Почему же мой брат не идет навстречу своему другу?

— Потому что это совершенно бесполезно; напротив, он сам будет здесь через несколько минут.

— О! Великий охотник так долго жил с индейцами, что его сердце обратилось в красное. У него много ума и хитрости.

— Спасибо за комплимент, — сказал охотник, смеясь, — он мне нравится еще более тем, что его сказали вы. Но подождите немного и увидите, до какой степени я заслуживаю вашей похвалы.

— Великий белый охотник — могущественный воин своей нации; он брал, вероятно, много волос, когда был молод.

— Нет, вождь, вы ошибаетесь, воины моей страны не имеют понятия о сдирании кожи с черепов; они убивают своих врагов, но не снимают с них волос.

— Хорошо, белые умны; они предпочитают привязывать своих врагов к позорному столбу?

— Этого они не делают тем более, вождь, мы убиваем и раним наших врагов, но не предаем их никаким мучениям.

— О! — воскликнул индеец с удивлением, которое он не мог скрыть, — белые боятся причинить боль.

— Все люди страшатся страданий, вождь, будут ли они белые, желтые, черные или красные. Люди моей нации так же храбры, как ваши самые храбрые воины; но их обычаи не похожи на ваши; они понимают храбрость совершенно другим образом. Ваша стойкость во время страданий для них служит выражением гордости и тщеславия; я буду тщетно пытаться дать вам объяснение по этому предмету, вы меня не поймете. К тому же, — прибавил он, улыбаясь, — у нас нет времени говорить об этих вещах; нас ждет более серьезный разговор. Слышите вы этот шум в кустах?

— Анимики слышит его уже в продолжение нескольких минут.

— Итак, вождь, этот шум возвещает вам приход друга, которого мы ждем. Приготовьтесь хорошенько встретить его.

Почти в ту же минуту кусты раздвинулись и показался человек.

Заметив охотника и вождя, он приблизился к ним и не колеблясь приветливо раскланялся с ними.

— Милости просим, сеньор Рамирец, — сказал охотник, протягивая ему руку, — мы вас ждем.

— Я бы пришел раньше, — сказал молодой человек с улыбкой, — но вы помните, сеньор Валентин, что вы мне нарочно запретили не покидать лагеря прежде шести часов вечера.

— Это правда, я признаю мою несправедливость. Садитесь около нас, и поговорим.

Прежде всего я имею честь представить вам одного из самых знаменитых вождей в прерии в настоящую минуту, одного из лучших моих друзей, Анимики, великого сахема Индейцев-воронов.

Двое людей, поклонившись друг другу, пожали радужно руки, не проговорив ни слова.

— Теперь, когда представление совершено по всем правилам, возвратимся к нашим делам, сеньор Рамирец; вы мне позволите, вождь, с минуту поговорить с моим другом о вещах, которые не могут иметь для вас интереса и касаются только меня одного.

— Анимики будет глух и нем, если этого желает его друг, — сказал вождь, — когда будет угодно охотнику, он позовет своего друга.

Он встал, улыбаясь, сел в нескольких шагах от них, зажег свою трубку и принялся курить со всею индейскою важностью.

Охотник, сделав краснокожему дружеский знак рукой, снова обратился к Бенито Рамирецу.

— Поговорим вдвоем, — сказал он.

— Я, сеньор, весь в вашем распоряжении!

— Я знаю, что у вас храброе и благородное сердце; я люблю вас, и будьте уверены, что я не изменю обещанию, данному вам.

— О, совершенно бесполезно возвращаться к этому, сеньор Валентин, ваши слова запечатлелись в моем сердце.

— Хорошо, будьте покойны, я постараюсь скоро исполнить их. Что же нового? В милости ли вы по-прежнему у капитана Кильда?

— Более, чем когда-нибудь.

— Очень хорошо; а вашим другом Блю-Девилем довольны ли вы по-прежнему?

— По-прежнему. Мы в самых хороших отношениях, это человек самый странный, которого я когда-нибудь знал, самого необыкновенного ума и такого преданного сердца, которое едва ли еще где-нибудь существует, вы имеете в нем верного и драгоценного друга.

— Я вижу, что вы оценили его, как он того заслуживает; да, это драгоценный друг, который не отступит назад ни перед чем.

— Это правда. Играя постоянно свою роль с таким совершенством, что подчас, мне кажется, он обманывает самого себя, он неутомим, теперь он напал на новый след.

— На какой же это?

— Очень просто, на след нашего страшного общего врага.

— Дона Мигуэля Тадео де Кастель-Леон?

— Его самого.

— Он думает, что нашел следы?

— По крайней мере, он это утверждает.

— Viva Dus! Это будет прекрасный случай, если это правда, найти того человека, который сумел сделаться невидимым и пропасть, не оставив никаких следов. — Блю-Девиль предполагает, что это происходит оттого, что мы ищем слишком далеко то, что у нас почти под руками.

— Что вы хотите сказать? — вскричал Валентин, содрогаясь, — я вас не понимаю, дон Октавио.

— Одним словом, дорогой сеньор, — ответил охотник, — Блю-Девиль думает, что Мигуэль Тадео, который, по нашим предположениям, должен скрываться в каком-нибудь пограничном селении, спрятан где-нибудь в лагере самими эмигрантами.

— Но это ведь сумасшествие!

— Ну я не разделяю вашего мнения. Блю-Девиль очень хитер, он не такой человек, который может принять иллюзии за действительность.

— Я знаю это. На что же опирается его предположение?

— На целой массе маленьких поступков, которые незначительны с наружного вида и, взятые отдельно, ничего не означают, соединенные же, составляют тело и вдруг принимают громадные размеры. Вы знаете, что наш друг, и по-моему совершенно справедливо, считает себя артистом; он пробует невозможное и невероятное.

Я должен согласиться, что он редко ошибается; в предстоящем случае он сделал следующее размышление, в котором нет недостатка в логике: «Я окружен очень хитрыми врагами, весь интерес которых в том, чтобы меня открыть; у меня же одно средство избавиться от

них: исчезнуть, выбрать себе такую маску, которую никому в голову не придет с меня сдернуть. Как достигнуть этого результата, это для меня вопрос жизни и смерти».

— Да, каким же это образом?

— Средство очень просто; это Блю-Девиль, который говорит и рассуждает таким образом, как, по его мнению, должен был рассуждать Мигуэль Тадео.

— Да, да, понимаю. Продолжайте.

— Средство очень просто. Я уверяю внешнее начальство человеку, в котором я уверен, которого существование находится в моих руках и которому поэтому есть интерес мне служить; потом, сделав это, приняв вид какого-нибудь искателя приключений, поступаю в его отряд, сильно заботясь о том, чтобы смешаться со всеми и иметь с моим наместником как можно менее сношений, исключая таких случаев, когда этого будет требовать моя служба. Очевидно, такая смелая комбинация избегнет всяких подозрений, никто не предположит, что у меня хватит дерзости скрыться в своем собственном лагере, тем более я надеюсь на это, что в один прекрасный день случай, управляющий всем светом, снимет маску с моего наместника, которого до тех пор принимали за меня и на которого все подозрения были направлены, тогда дело будет сыграно, мои враги окончательно уничтожены, я покончу легко с их последними усилиями, потому что они примутся меня искать очень далеко, а я буду находиться вблизи, чтобы освободиться от них раз навсегда.

— Это размышление не из удачных.

— Вы находите его нелогичным?

— Я не говорю этого; между тем я сомневаюсь в успехе.

— Блю-Девиль утверждает противное.

— На какое же доказательство он опирается?

— Ни на какое еще, но обещает приобрести его через два дня.

— Он подозревает кого-нибудь?

— Конечно, без этого его рассуждение не имело бы основания.

— Это справедливо. О ком же идет речь?

— Об одном бедном дьяволе, который сделал из себя страдальца, страдающего от остальных авантюристов, которые пользуются им как слугой, чтобы заставлять его

делать все, что им заблагорассудится, никогда не жалующегося, — об одном из этих безобидных существ, которые, кажется, родились, чтобы служить игрушкой тех, кто их окружает.

— Да, Блю-Девилю посчастливилось-таки столкнуться с подобной личностью.

— Я ему сделал то же самое замечание; он мне ответил, смеясь, что только благодаря отрицательной роли, занимаемой этим человеком, ему удалось направить на него свои подозрения. Он думает, что великие актеры склонны увеличивать, возвышать свои роли и что Мигуэль Тадео против воли так усилил свою роль, что сделал ее смешной и подозрительной в глазах дальновидного человека.

Заметьте, что этот человек, который называется или заставляет себя называть Спильдер, ростом и сложением геркулес и не имеет совершенно глупого выражения лица.

— Поживем — увидим. Блю-Девилю, вы говорите, достаточно двух дней?

— Двух дней, да, сеньор.

— Хорошо, подождем до тех пор, а донну Розарио, — предупредили вы ее так, как хотели?

— Да, сеньор, донна Розарио предупреждена, она в полном восторге и в известную минуту будет готова.

— Бедное милое дитя. Бог поможет, я надеюсь, мы сможем ее спасти.

И он склонил голову на грудь и, казалось, погрузился в мрачную и печальную думу.

В эту же ночь после совещания, на которое приглашен был также и Валентин, вожди пришли к полнейшему соглашению, т. е. был составлен наступательный и оборонительный союз между различными индейскими племенами, собравшимися к этому времени на охоту в саванны Красной реки и белыми охотниками и траперами, вождем которых признан был Валентин Гиллуа; таким образом, была объявлена война всем метисам Выжженных лесов, эмигрантам и другим, принадлежащим к этой расе или происходящим из нее, если они вздумают против воли индейцев напасть на их охотничью территорию или только даже перейти ее. Охотники были снаряжены во все концы, чтобы предупредить всех о решении, принятом советом герольдов, избранных

из самых знаменитых воинов, дано было опасное поручение тайно забросить в лагерь бледнолицых и Выжженных лесов кровавые стрелы, обвязанные кожей ехидны, что служит эмблемой войны на жизнь и на смерть; затем по знаку главных вождей воздвигнут был посреди лагеря военный столб.

Красный Нож первый с песнями и танцами коснулся своим топором столба, раздался воинственный крик, и танец скальпа начался; он длился всю ночь.

За час до восхода солнца союзные вожди проснулись с Красным Ножом и вернулись в свои лагеря доканчивать приготовления к предстоящей компании.

Заметим мимоходом, что во время войны индейцы как будто забывают свою лень и изнеженность; они совершенно преобразуются, переносят с непоколебимым стоицизмом самую ужасную усталость и самые продолжительные лишения и иногда даже, несмотря на свою невообразимую жадность, терпят два-три или четыре дня голод и жажду, не произнося ни одной жалобы.

Можно подумать, что усталость не действует на эти железные организмы; ничто их не останавливает, ничто не удивляет, не чувствительные ни к холоду, ни к жаре, ни к дождю, ни к палящим лучам солнца, они как будто смеются над страданиями; никакое препятствие не заставит их отступить, никакая непогода не испугает их.

В этом-то и заключается объяснение необыкновенной быстроты их передвижения, их яростных нападений и их неукротимой энергии в битвах. Валентину Гиллуа знакомы эти неоценимые достоинства его новых союзников, и он надеялся на их содействие.

По окончании последнего совета, на закате солнца, он имел с Курумиллой непродолжительный разговор, который заставил вождя немедленно покинуть лагерь.

Охотник держался в стороне от проявлений воинственного духа своих союзников; всю ночь просидел он у сторожевого огня, и сон ни на одну минуту не смыкал его век.

Спустя около часа после восхода солнца Курумилла возвратился в лагерь.

Вождь был не один; кто-то сопровождал его, и этот кто-то был дон Пабло Гидальго.

Заметив вновь пришедших, Валентин поднялся с места и направился к ним.

— Наконец-то! — сказал он, с приветливой улыбкой протягивая молодому человеку руку. — Я ждал вас с нетерпением.

— Мы всю ночь шли, — отвечал, улыбаясь, молодой человек. — Я также желал поскорее с вами увидеться; я предчувствовал, что здесь меня ожидает нечто такое, что сделает меня счастливым; вы так добры с теми, кого любите, сеньор!

— Предчувствие не обмануло вас. Пойдемте, сеньор. — Он направился к одному тольдо и постучался в решетку его. Решетка отодвинулась, и на пороге показалась женщина. Раздался крик восторга, и донна Долорес очутилась в объятиях дона Пабло.

Валентин с улыбкой смотрел на них, хотя глаза его были влажны.

Приготовление к сюрпризу

Час спустя Валентин Гиллуа простился с краснокожими и в сопровождении Курумиллы, донна Пабло и его очаровательной невесты донны Долорес де Кастелар возвратился в свой лагерь, куда прибыл в восемь часов вечера.

— Что нового? — спросил он у весельчака, соскочив с лошади.

— Ничего, — отвечал охотник, — Кастор и Навая производили довольно отдаленную рекогносцировку, но не открыли ничего подозрительного.

Для донны Долорес разбили палатку, а охотники ни в какое время года не ищут для себя убежища.

На другой день, на заре, Валентин разбудил донна Пабло, спавшего около него на своих мехах.

— Вставайте, — сказал он ему, — следуйте за мной, донна Долорес ждет нас к завтраку.

— Уже завтрак! — вскричал с удивлением дон Пабло, — который же час?

— Семь часов утра; солнце скоро взойдет. Пойдем!

Дон Пабло последовал за ним, не понимая, зачем такой ранний завтрак, но не решаясь расспрашивать охотника.

В углублении скалы, у пылающего огня, приготовлен был завтрак на турецком ковре; донна Долорес, сидя на разостланном меху, ожидала своего жениха; при его приближении восхитительная улыбка осветила ее милое личико, как солнечный луч, проникающий

сквозь тучи, бедная женщина еще не могла привыкнуть к своему счастью.

— К столу! — весело заговорил Валентин. — Постараемся хорошенько насытиться; кто знает, когда нам придется обедать.

— Признаюсь, дон Валентин, — ответил дон Пабло, садясь, — я еще совсем не чувствую аппетита.

— Тем хуже, дон Пабло, тем хуже! Заставьте себя есть. Предупреждаю вас, что вам предстоит сегодня продолжительный путь.

— Продолжительный путь! — вскричала донна Долорес с беспокойством.

— Да, — ответил, улыбаясь, охотник.

— Куда же он отправляется? — спросила она.

— Вы сами увидите, сеньорита, потому что поедете с ним.

— Я?

— Ну да, если только вы не предпочтете отпустить его одного.

— Что ж это значит? — спросил дон Пабло, роняя нож и растерянно глядя на охотника.

— Ну, ну, — весело ответил Валентин, — не пугайтесь; я могу вам сообщить одни хорошие вести.

— А, тем лучше! — наивно ответил молодой человек со вздохом облегчения.

— Дело в том, что через несколько дней в этой местности начнется истребительная война, и кровопролитие будет ужасное, впрочем, это вы знаете не хуже меня.

Молодые люди утвердительно кивнули головой и крепче прижались друг к другу.

— Я подумал, — продолжал Валентин, — что вы уже отдали свой долг несчастью, и теперь, когда вы опять соединились, вам нет надобности присутствовать в качестве актеров или зрителей на этой ужасной войне, гораздо лучше дать вам возможность в этой жизни, усеянной терниями, насладиться несколькими солнечными днями.

— О, как вы добры! — вскричали молодые люди, пожимая ему руки.

— Не знаю, право, — добродушно ответил он, — я просто человек, знающий, что значит страдание. Может быть, потому я и понимаю столько.

Он вздохнул. Несколько минут он молча ел, но вдруг живо поднял голову.

— К черту воспоминания, — сказал он. — Они превращают в ребенка самого сильного человека. Возвратимся к вам. Я вот что решил: сейчас после завтрака вы отправитесь в путь. Ваш багаж уже сложен, лошади оседланы, пеоны готовы, и, кроме того, три охотника, на которых можно положиться, проводят вас до границы поселений; со свитой в десять человек можно всюду пройти; ваши шесть пеонов, мои три охотника и вы — это составит уже больше, чем нужно, для того чтоб обратить в бегство самых смелых бандитов наших саванн.

— Я, право, не знаю, хорошо ли сделаю, если приму столько одолжений, дон Валентин.

— Милый друг, будь вы один, я не преминул бы воспользоваться вашей помощью, потому что вы храбры, честны и преданы: три качества, очень редко соединяющиеся в одном человеке. Но с вами сеньора, о которой вы должны прежде всего подумать. Не будем же больше говорить об этом, и дайте мне кончить: перейти Кордильеры, чтоб опять спуститься в саванны, было бы слишком долго и опасно, в особенности вблизи Дозерета; притом, если бы даже не было никакого препятствия, так ваше путешествие длилось бы несколько месяцев; вспомните, что мы здесь живем в неизвестной стране, на окраинах Америки. Но я придумал лучшее средство; вам надо будет проехать Соединенные Штаты. С хорошими проводниками, о, я дам вам самых лучших, — вы дня через три, не более, будете у Минозоты, а там вы уж очутитесь между цивилизованными людьми; лошади, железные дороги, кареты, всевозможные способы передвижения будут в вашем распоряжении. Не пройдет и двух недель, как вы снова будете в вашей гасиенде дель Рио-Браво дель Порте, — нравится вам это?

— О да, да, вы так добры! Как я вас люблю! — вскричала молодая девушка со слезами на глазах. — Вам мы будем обязаны нашим счастьем.

— А вы, дон Пабло, ничего не говорите?

— Я не знаю, как сказать... — в смущении заговорил молодой человек.

— Что, идя в пустыню, вы взяли мало денег, так, что ли?

— Признаюсь, дон Валентин; если вы уж сами угадали, так что ж мне скрывать. И вот теперь, несмотря на то, что я очень богат, у меня нет необходимых денег

на путешествие по Соединенным Штатам, и я принужден отказаться от него и возвратиться туда, откуда пришел; у меня в бумажнике едва ли наберется пятьсот пиастров.

— Что ж, это порядочная сумма, но все-таки ее недостаточно.

— Ну, вот видите, — жалобно ответил он, — а нас еще восемь человек.

— Это правда.

— Ах, если б я знал!

— Жалеть уж поздно.

— Но надо же что-нибудь придумать! — решительно вскричала донна Долорес. — Увидите, квежидо Пабло, как очаровательно будет это путешествие, когда мы будем вместе; время так быстро пролетит, что мы и не заметим его.

— Это очень мило, сеньора, — сказал Валентин, смеясь, — но не совсем благоразумно. Я лучше придумал.

— Что же? — спросила она с любопытством.

Дон Пабло Гидальго покачал головою.

— Что, вы мне не верите!

— О, этого я не говорил, сеньор, — спохватился он.

— Ну, так слушайте. Я сказал вам, что дам вам в проводники трех охотников.

— Да, сеньор.

— Хорошо. Одного из них, которого вы знаете и сами, зовут Павлет. Ему я поручил начальство над вашим маленьким отрядом. Когда вы дойдете до американской границы, он проведет вас в один меховой магазин, может быть самый богатый во всей Северной Америке, существующий под фирмой «Мильнес, Макссуэль и сын»; эти господа очаровательнейшие, милейшие люди, с которыми я уже лет десять состою в деловых отношениях. Вы потрудитесь передать им от меня это письмо.

— Это письмо? — спросил нерешительно дон Пабло.

— А я знаю, что это! — радостно вскричала донна Долорес.

— О, недоверчивый мексиканец! — вскричал Валентин со смехом. — Не бойтесь, в этом письме нет ничего компрометирующего; это не больше как открытие кредита в торговом доме «Мильнес, Макссуэль и

сын», для того чтоб вы могли не стесняться никакими путевыми издержками.

— Я так и думала! — сказала молодая женщина, протягивая охотнику с очаровательной улыбкой свою крошечную ручку.

— О, дон Валентин! — вскричал дон Пабло с восторгом. — Извините меня, я полудикарь, ваша деликатность меня просто смущает. Я не знаю, буду ли когда-нибудь в состоянии отблагодарить вас.

— Есть одно только средство — принять эту ссуду так же просто, как я ее предлагаю.

— Конечно, я принимаю ее с удовольствием: я оскорбил бы вас, если б действовал иначе.

— В добрый час! — весело вскричал Валентин, — теперь я узнаю вас. Я открыл вам кредит в десять тысяч долларов.

— Это слишком, я думаю.

— Вы возьмете сколько будет нужно, конечно, только уж не стесняйтесь, без излишней деликатности, потому что я гораздо богаче, чем вы предполагаете, а эта сумма для меня ничего не значит; к тому же я вас не освобождаю от этого долга и лично потребую возвращения, когда опять приеду в Сонору.

— О, если б вы это сделали, дон Валентин, это превзошло бы все наши одолжения.

— Уж сделаю, будьте спокойны.

— Дайте слово, сеньор, — настаивала донна Долорес.

— Разве вы мне не верите, сеньорита?

— Нет, но я знаю, что вы забываете, когда делаете одолжение; дайте же слово, а не то мы не примем вашего предложения. Вы как думаете, Пабло?

— Я совершенно согласен с вами, Долорес.

— Вот вы и попались, сеньор Валентин! — вскричала она, пригрозив ему пальчиком.

— Что делать? — ответил он добродушно, — надо будет исполнить ваше требование, сеньорита. Даю вам слово, что через шесть месяцев буду у вас. Теперь вы довольны, сеньорита?

— Я вполне счастлива и благодарю вас от глубины души.

— Берегитесь, дон Пабло, друг мой! Ваша невеста, кажется, слишком своевольна, составьте осторожно брачный контракт.

— О! — засмеялся он, — это лишнее: я все равно буду делать все, что она захочет.

— О, влюбленные! — вскричал Валентин.

Завтрак кончился; все поднялись.

— Теперь надо ехать, — сказал Валентин, — время не терпит. Я хотел бы уже видеть вас далеко отсюда. Пойдемте.

Он отвел молодых людей шагов на сто от лагеря, где в ожидании неподвижно стоял отряд всадников.

Два вьючных мула были нагружены багажом, охотники и пеоны сидели на лошадях, и остановка была только за доном Пабло и его невестой.

— Вы помните, что обещали мне, мой милый Павел? — спросил Валентин у охотника, которому поручено было предводительство маленьким отрядом.

— Будьте покойны, мистер Валентин, — ответил охотник, — ведь вы знаете меня?

— Да, старый друг, иначе я не доверил бы вам этого дела.

— Благодарю вас; вы не раскаетесь в этом.

Затем донна Долорес и Пабло Гидальго сели на лошадей, и поезд тронулся.

Еще несколько отрывистых прощальных слов, несколько взглядов, брошенных на Валентина, и они скрылись за деревьями.

Взволнованный разлукою и тревожась за судьбу молодых людей, Валентин долго стоял неподвижно на одном месте, погружившись в задумчивость.

К счастью, прибытие Бенито Рамиреца и Анимики рассеяло это возбужденное состояние.

— А! — сказал он, обращаясь к Рамирецу, — вы, вероятно, сообщите некоторые полезные для меня сведения.

— Какие, сеньор?

— Я недавно рассматривал ваш лагерь: местоположение очень удачно выбрано, но, не знаю почему, мне показалось, что он слишком мал для количества людей, которые должны там поместиться.

Рамирец расхохотался.

— Diablos! — вскричал он. — Вы так проникательны, что вас нелегко провести. Действительно, наш лагерь мал, но по очень простой причине: в нем не находится и трети войска.

— Как? Что вы хотите этим сказать?

— Это я придумал и признаюсь, сеньор, мысль не дурна.

— Объяснитесь.

— Боже мой! Да это очень просто: ведь вас что всего больше интересует? Спасение донны Розарио, не правда ли?

— Конечно, — ответил Валентин, искоса взглядывая на вождя Воронов...

— Что значит донна Розарио? — спросил вождь. — Я не понимаю.

Валентин взглянул ему прямо в лицо. Сахем оставался бесстрастным.

«Гм, гм! — проворчал охотник про себя. — Этот молодец, кажется, ведет неосмотрительную игру».

— Я объясню вам это, вождь, — сказал он, обращаясь к сахему.

— Хорошо, — ответил тот.

— Не забудьте, — заметил Валентин, обращаясь к Рамирецу, — что этот Кильд настоящий демон, истинный бич лугов, одним словом, бандит с головы до ног, и для нас очень важно примерно наказать его...

— О, я вполне согласен с вами, сеньор Валентин, но с этим плутом не стоит заниматься исключительно! Уж он рано или поздно попадется в наши руки. Итак, я думаю, что бы вы ни говорили и как я не уважаю ваше мнение, что всего важнее спасти...

— Драгоценные товары, находящиеся в лагере, — перебил Валентин с живостью.

— Именно: спасти драгоценные товары...

— Очень важно, — заметил сахем, утвердительно кивая головой.

— Эту-то цель я имел в виду.

— Хорошо, хорошо, — сказал Валентин со смехом, — каждый должен заботиться о себе, я не осуждаю вас, вы правы. Расскажите же ваш чудесный план.

— Да, послушаем план, — подтвердил индеец, который ничего не понял из этого разговора полусловами, но настойчиво преследовал свою цель.

— Повторяю вам, сеньор Валентин, что он библейской простоты.

— Очень может быть; но признаюсь, такого рода простые вещи внушают мне святой ужас; это, впрочем, не должно мешать вам объясниться. Так что вы говорили?

— Вот в чем дело: вы знаете, какую систему я принял с капитаном Кильдом? Резкость, доходящую до дерзости, и полнейшую вольность в обращении.

— Да, да, вы, помните, говорили уже мне что-то в этом роде. Что ж дальше?

— Несколько дней тому назад я сделал уже первый шаг к цели, а сегодня утром я добился своего: мне удалось убедить его, что для него было бы гораздо лучше, во избежание разных опасностей (которые, между нами будь сказано, существуют только в моем воображении), послать женщин, находящихся в лагере, по дороге, где лошади не в состоянии ходить; положим, это очень трудная и даже в некоторых местах опасная дорога, но он таким образом выиграет много времени и сократит на восемь дней путешествие к водопаду на реке Журдан.

— Да ведь такого пути совсем не существует, который бы так сократил дорогу! — вскричал Валентин со смехом.

— Знаю, сеньор, но у меня была своя цель, — ответил молодой человек тем же тоном.

— А, понимаю, продолжайте.

— Слишком много речей, — заметил индеец недовольным тоном, — бледнолицый чересчур болтлив.

Обоих охотников рассмешило нетерпение их товарища; но Рамирец продолжал, не обращая ни малейшего внимания на резкое замечание вождя Индейцев-воронов.

— Капитан Кильд принял мое предложение, но несколько изменил его. Вот его план, который, надо отдать ему справедливость, отлично выдуман: если женщины могут пройти по этой тропинке, то и мужчины также могут; но, во избежание толкотни, женщины пройдут прежде, а через несколько часов и мужчины пойдут по той же дороге. Сказано — сделано. Женщины отправились в путь, и вы видели их лагерь; капитан Кильд следует на некотором расстоянии, и теперь его лагерь на три с половиной мили ниже этого. Вот как!

— Да это чрезвычайно остроумно! — вскричал Валентин Гиллуа со смехом. — Но куда же девалось обычное благоразумие капитана Кильда?

— А что?

— Как же: он разделяет свой отряд на две части и слабейшую посылает вперед; кроме того сам он располагается лагерем в трех с половиной милях от этой части

отряда, так что в случае надобности не может даже защитить ее.

— На эти два замечания нетрудно ответить: когда он послал женщин вперед, он надеялся присоединиться к ним, и если не сделал этого, так потому, что время не позволило, а он не отважился продолжать путь в темноте; притом, так как после сделанной воинами великого сахема Анимики попытки на нападение капитана Кильда более ничто не беспокоило и он не видел с тех пор ни одного краснокожего, к тому же многочисленные лазутчики, которых он посылает каждый день на расследование, не замечали ничего подозрительного, то достойный капитан считает себя в полной безопасности и твердо убежден, что никто более не интересуется им; к тому же я стараюсь поддержать его в этом убеждении, и в результате выходит, что капитан Кильд не опасается никакого нападения.

— Сколько бледнолицых охотников в лагере, о котором говорит мой брат? — спросил индеец, все время следивший за его рассказом.

— В том, где я нахожусь?

— Да.

— Около сорока; но предупреждаю вас, что это самые отважные из всего отряда, настоящие демоны, и если вы не захватите их врасплох, вам, пожалуй, несдобровать.

— Пусть мой брат, бледнолицый охотник, укажет нам дорогу, так мы их захватим.

— Я для того и пришел, вождь.

— Так вы согласны на внезапное нападение?

— Да, в эту же ночь, сеньор, и вот почему: эту ночь отряд капитана Кильда разделен надвое, и потому наша задача будет легче.

— Хорошо сказано; молодая голова и старая, мудрость, — заметил индеец.

— Завтра капитан Кильд снова соединит свой отряд и уж больше не разделит его надвое, как сегодня; теперь он слишком хорошо узнает неудобства этого; и тогда, если мы атакуем его, нам придется иметь дело не с сорока людьми, а с восьмьюдесятью; это заслуживает, мне кажется, внимания.

— Действительно, вы совершенно верно рассудили, я с вами согласен; но в такой серьезной экспедиции нельзя

действовать опрометчиво, для нас очень важно благоразумие и умение взяться за дело; одна неудача испортит все; мы должны так взвесить все обстоятельства, чтобы быть уверенными в успехе.

— Мой брат, Искатель следов, говорит правду. Он великий, мудрый воин; он даст нам совет.

— Так посоветуемся.

Анимики поклонился.

— Посоветуемся, — сказал он.

— Хорошо; мое мнение, что надо напасть, следовательно, на этот счет мы все одного мнения; разница только в средствах исполнения нашего замысла, а это важнее всего уяснить, если мы хотим добиться успеха. Пусть брат мой сахем изложит свой план; его братья бледнолицые слушают.

Сахем раза три кивнул головой, покурив в продолжение нескольких минут свою трубку и затем, передав ее Валентину, сказал:

— Искатель следов друг краснокожих; эта война ведется не в его интересах, ему не нужно мстить за оскорбления; он дерется для того, чтобы помочь своим братьям краснокожим своей храбростью, как *великий храбрец*, и своей мудростью при совещательном огне. Анимики первый сахем своего народа; он должен отомстить за своих воинов, убитых этой собакой, вором бледнолицых; слова, которые он будет произносить, будут, против его воли, дышать ненавистью и гневом, а ненависть плохой советчик: она ослепляет самых проникательных людей. Вождь не составил никакого плана; он не может составить хорошего, потому что все будет подсказано ему ненавистью; он не станет говорить; одному только великому охотнику бледнолицых следует сказать свое мнение, потому что это мнение, как подсказанное одним чувством справедливости, будет хорошо; у Искателя следов взгляд проникателен, как у орла, храбрость велика, как у серого медведя, а мудрость равняется мудрости змеи. Пусть он говорит; сахем послушает его и скажет: это хорошо. Я кончил.

— А вы, сеньор Рамирец, что думаете об этом?

— Сеньор Валентин, сахем говорил очень мудро; я вполне разделяю его мнение; скажите, что нужно делать, и мы будем повиноваться вам.

Охотник с минуту собирался с мыслями, затем, передав трубку вождю Воронов, начал так:

— Пусть будет по-вашему. Я скажу, что делать, если вы отказываетесь.

Оба утвердительно кивнули головой.

— Я думаю, вождь, — продолжал Валентин, — что вашим воинам надо дать отдохнуть до полуночи; проспав таким образом часов шесть, они встанут бодрые, свежие и будут в состоянии храбро сражаться. Притом я заметил, что вторая половина ночи, часам к двум, гораздо темнее первой, так что легче захватывать врасплох; следовательно, мы сделаем попытку не раньше двух часов.

— Ага! — вскричал вождь с восторгом.

— В полночь, — продолжал Валентин, — мы разбудим воинов, они встанут, возьмут свое оружие и поползут, как змеи, к лагерю бледнолицых; потом, по вашему сигналу, они со всех сторон ворвутся в лагерь, и могу вас уверить, что если они как следует примутся за дело, то им нетрудно будет обессилить людей, захваченных посреди сна.

— Так! Мой брат хорошо говорит, все это справедливо. Но какой дорогой краснокожие подойдут к лагерю бледнолицых? Великий охотник забыл сказать об этом своему брату.

— Нет, я несколько не забыл, — отвечал Валентин с двусмысленной улыбкой, — но прежде чем сделать это открытие, мы должны условиться относительно наших действий, вождь; я хочу обратиться к вам с просьбой и получить от вас на нее обещание.

— Пусть мой брат объяснится; Анимики его любит, и если может, то сделает все, что он желает.

— Я надеюсь на это, вождь.

— Но почему же, — возразил индеец, — мой брат охотник ждал так долго, чтобы обратиться с этой просьбой к своему другу?

— Почему? Я вам сейчас скажу, вождь. Прежде всего я хотел уверить вас, что я поступаю с вами искренно; у меня нет намерения вас обмануть, и вы можете положиться на меня.

— Я никогда не сомневался в моем брате; он не сумеет не сдержать своего слова, как старая болтливая женщина; я жду, чтобы мой брат объяснился.

— Итак, вождь, без длинных фраз: я отказываюсь объявлять войну женщинам, существам слабым, которые не могут защищаться; женщина, какой бы ни было нации и цвета кожи, не должна быть принимаема воинами за врага; храбрые воины должны убивать мужчин, уважать и покровительствовать женщинам; говоря в нескольких словах, я желаю, чтобы вы дали обещание на тотеме, великой трубке мира, священной для вашей нации, заключить со мной союз, по которому все женщины с белыми лицами, находящиеся в лагере, не только будут избавлены, укрыты от всякой опасности, но отданы под мое исключительное покровительство; я один буду иметь право располагать их судьбой; на этом условии я помогу моему брату всей моей властью и предоставлю в его распоряжение все богатства, заключающиеся в лагере.

— Мой брат требует многого; Вороны нуждаются в невольниках; белые женщины умеют хорошо готовить пищу воинам.

— Все это очень возможно, вождь, но что касается этих последних, они не будут не только невольницами и готовить пищи вашим воинам, но наверное будут переданы в мои руки: я признаюсь вам, что когда мое решение принято, оно неизменно; итак, вам остается или согласиться, или отказать.

— На том условии, брат мой, что главный белый охотник укажет тропинки, ведущие к лагерю белых.

— Я даю вам в этом честное слово, вождь.

— Это хорошо, Анимики любит охотника, почему же какое-нибудь недоразумение встанет между двумя славными воинами из-за женщин? Анимики сделает все, что желает мой брат, он обещает это, давая клятву на тотеме и священной трубке его нации.

— Благодарю вас, вождь, у меня есть ваше слово, и я буду его беречь; я знаю, что вы не откажетесь от него. Теперь выслушайте меня со вниманием: три тропинки ведут к лагерю эмигрантов. Две из них спускаются с горы, третья есть та самая тропинка, которую эмигранты выбрали, чтобы достигнуть удобного места, где бы можно было провести ночь. Так вот что я предлагаю брату моему, предводителю Воронов: сахем разделит воинов на три части: две первые будут состоять из тридцати воинов каждая; в третьей будет около сорока человек. Эта по-

следняя, как самая многочисленная, отправится по нижней тропинке, чтобы отрезать выход белым и помешать тем из их друзей, которые, как сказал Бенито Рамирец, расположились лагерем в двух или трех милях отсюда и поспешат к ним на помощь. Над каким же отрядом хочет принять славный вождь начальство?

— Самый опасный пост приходится по праву Анимики; он отправится по нижней тропинке.

— Пусть будет так, — сказал Валентин, — этот пост будет принадлежать моему брату; теперь я хочу ему объяснить, почему нападение не может произойти прежде двух часов утра.

— Уши вождя готовы слушать.

— Потому что на расстоянии четверти версты отсюда расположились лагерем в горах около сорока северо-американских белых охотников, отдавших добровольно под мое начальство; этих охотников я должен известить; они помогут исполнению вашего предприятия; это позволит вам, вождь, усилить ваш отряд, взяв с собой вместо сорока воинов пятьдесят. В два часа пополудни крик филина, повторенный два раза, даст сигнал к началу нападения. Если один из отрядов не ответит на призыв, значит, что-нибудь помешало, и атака будет временно отложена. Удобно ли вам все это, вождь?

— Сама мудрость говорит устами моего брата; его речи глубоко врезались в голову Анимики; вождь не забудет их и послужит примером послушания для своих солдат.

— Хорошо, так как мой брат хорошо понимает меня и вполне согласен со мной, то, кажется, уже время нам расстаться; мы не можем терять ни минуты, если хотим начать действовать в назначенный час. Курумилла, великий вождь Ароканский, укажет моему брату тропинку, по которой нужно следовать, чтобы достигнуть поста на нижней тропинке; когда это будет сделано, вождь попросит Курумиллу возвратиться ко мне; мне необходимо с ним последовать, кроме того он послужит проводником для тех из воинов, которых сахем изберет, чтобы следовать за сеньором Рамирецем и мной; Курумилла приведет их сюда; мы их здесь подождем.

— О, мой брат охотник всегда прав; Анимики возвратится в лагерь; через два часа воины, обещанные вождем, будут приведены сюда сахемом.

Индеец встал тогда, грациозно поклонился обоим собеседникам и, проскользнув как змея между хворостом и кустами, исчез почти мгновенно из глаз Валентина и Рамиреца.

После ухода индейца они в продолжение нескольких минут молчали, наконец поднялись и удалились по направлению, противоположному тому, которое принял вождь Воронов.

Они достигли вскоре чего-то вроде перекрестка, если можно дать такое название пространству земли посредственной величины, лишенному совершенно деревьев, где сходились или, вернее, спутывались несколько следов, оставленных дикими животными, и посреди которых, если всмотреться поближе и с большим вниманием, можно было легко разглядеть и следы недавнего прохождения большого количества людей.

— Здесь мы расстанемся, мой дорогой дон Октавио, — сказал Валентин, сжимая с любовью руки молодого мексиканца, — вы потрудитесь возвратиться в лагерь достойного капитана Кильда и станете наблюдать, чтобы ничто не помешало исполнению нашего намерения, я же отправлюсь предупредить моих товарищей, которые расположились в ста шагах отсюда. Во всяком случае, раньше двух часов я возвращусь.

— Вы застанете меня на этом месте, сеньор дон Валентин, готовым исполнять ваши приказания.

— Все будет так, как условлено, мой друг; до скорого свидания.

Валентин Гиллуа сделал несколько шагов с целью удалиться, потом вдруг остановился, как бы раздумывая с минуту, и с живостью обратился снова к Рамирецу.

— Кстати, — сказал он, — я забыл сообщить вам, что, несмотря на клятву, которую мне дал сахем на тотеме и священной трубке своей нации, я питаю очень посредственную доверенность к нашим союзникам краснокожим. Вороны — это индейцы-грабители, которые ненавидят белых; они могут очень хорошо воспользоваться этим случаем, чтобы сыграть над нами какую-нибудь штуку.

— Carai! — вскричал Бенито Рамирец, содрогаясь при мысли об этом, — неужели вы считаете их способными на подобную измену?

— Я не скажу вам ни да, ни нет; хотя все держалось в тайне, я ужасно боюсь, чтобы этот демон Анимики, который неуловим, как змея, не подозревал бы меня в содействии той неудаче, которую он испытал при атаке лагеря эмигрантов.

— Вы это думаете?

— Я не знаю, что подумать; но что бы там он ни думал по этому предмету, это меня еще не так беспокоит; я убежден, что он не решится задумать против меня ничего открыто; он знает очень хорошо, что он не будет самым сильным, между тем очень возможно, если представится благоприятный случай, он воспользуется им; если я стану жаловаться, он сумеет оправдаться в своем участии; я думаю, не худо будет принять какие-нибудь предосторожности.

— Но какие же? Я, право, не вижу...

— Потому что вы не хотите потрудиться поразмыслить, мой друг, — прервал Валентин. — Не говорил ли я вам, что у меня есть человек сорок друзей, на которых я могу рассчитывать?

— Правда, вы мне говорили об этом.

— Итак, я разделю свой отряд на два; то есть я вверю вам двадцать человек из моих охотников, которым я позабочусь дать особые приказания; если вы заметите между нашими союзниками подозрительное колебание, то с помощью этих храбрых людей, из которых каждый стоит четырех индейцев, вам будет легко обращаться с воинами Воронами и даже в случае надобности заставить их образумиться.

— Эта мысль превосходна, дорогой сеньор, — вскричал Бенито с радостью, — я вижу, что вы думаете обо всем.

— Мой друг, — отвечал первый добродушно, — разве это не моя обязанность? Окруженный двадцатью решительными людьми одной с вами расы, вам нечего более будет опасаться. Индейцы поймут, что всякая измена невозможна, и станут действовать согласно; вы видите, что все устроится очень просто.

— В самом деле очень просто, сеньор, — сказал, смеясь, охотник, — а все-таки нужно было немного об этом подумать.

— Теперь я вас покидаю, — возразил Валентин Гиллуа. — Через два часа, как мы договорились, мы встретимся здесь.

— Я постараюсь не опоздать; до свидания, сеньор Валентин...

Двое людей пожали друг другу руки и на этот раз расстались окончательно.

Бенито Рамирецу — мы продолжаем давать ему это имя — удалось пробраться в лагерь эмигрантов, не замеченным часовыми, которые, утомленные в продолжение длинного дня и не надеясь встретить какую-нибудь опасность, не соблюдали строгого надзора и спали, так сказать, с открытыми глазами.

Полное спокойствие царствовало в лагере; эмигранты, завернувшись в покрывала и улегшись вокруг наполовину потухших огней, погрузились в глубокий сон.

Два часа протекли, и никакое событие не нарушило тишины и спокойствия лагерной жизни.

Бенито Рамирец, который расположился под густым кустарником дикой смородины, удалился, не возбудив ничьего внимания.

Ему достаточно было двадцати минут, чтобы достигнуть места, о котором мы говорили и где Валентин назначил ему свидание.

Охотник, всегда деятельный, предупредил его; около четверти часа прошло, как он прибыл со своим отрядом и ждал. Сигналы поданы; Бенито Рамирец приблизился к перекрестку.

Охотники окружали Валентина со всех сторон; они, казалось, слушали со вниманием наставления, которые тот им давал; заметив Бенито Рамиреца, охотник замолчал и, приблизясь с живостью к молодому человеку, сказал охотникам:

— Товарищи, вот человек, о котором я вам говорил; некоторые из вас знакомы с ним и знают, чего он стоит; я вам его назначаю в начальники, он так же храбр и предан делу, как каждый из вас. Если нам удастся в эту ночь освободить донну Розарио, то это только благодаря его мужеству и знанию. Я прошу тех из вас, которых я назначу временно состоять под его распоряжением, слушаться его, как меня самого. Теперь приступим к делу: Бальюмер, мой товарищ, выберет девятнадцать воинов из вас, которые с вами вместе присоединятся к отряду сеньора Бенито Рамиреца. Я сообщил вам о своих опасениях по поводу наших союзников; я не хочу ничего предсказывать: вы сами знаете, что индейцы — крово-

жадные грабители и что для нас особенно важно, чтобы они не обесчестили нашу жертву ужасами, недостойными людей сердца, как мы сами; я вам советую соблюдать большую осторожность особенно во время сражения, к которому мы готовимся; наблюдать не только за тем, чтобы наши друзья краснокожие не изменили нам, но чтобы они сдержали также слово, данное вождем от их имени, — оставить в покое женщин; помните, что бы там ни случилось, женщины должны пользоваться вашим покровительством и быть укрыты от всякого насилия; вы поняли меня хорошо?

— Отлично, — ответил Бальюмер от имени всех своих товарищей.

— Хорошо; нам остается только храбро выполнить нашу обязанность; Бог, Который знает наши намерения и Который их, без сомнения, одобряет, будет сражаться за нас, я надеюсь! Что нового, сеньор Бенито Рамирец?

— Ничего, сеньор, — отвечал молодой мексиканец с улыбкой двусмысленного выражения, — эмигранты капитана Кильда, — продолжал он с намерением, — спят так, как будто они не должны никогда просыпаться.

— Это, вероятно, так и должно быть, — сказал Бальюмер с саркастической улыбкой, — мы постараемся подтвердить вашу ложь, сеньор.

В эту минуту послышался легкий шелест в кустах и из них показался Курумилла.

— Какие новости принес, мой брат? — спросил его Валентин.

— Воины Вороны собрались, они ждут при падении потока.

— Сколько человек привели вы, вождь?

— Тридцать, — ответил он, улыбаясь особенным образом, то есть делая дерзкую гримасу. — Курумилла думал, что бесполезно приводить более войска; капитан придет с другой стороны, так что будет довольно воинов.

— Я думаю так же, как и вы, вождь; если восемьдесят решительных людей и Анимики не сумеют остановить злодеев, которые задумают примкнуть для помощи своим, то это покажет только недостаток воли в вожде и на то, что воины, над которыми он командует, ничто иное, как болтливые женщины. Вождю пришла в голову превосходная мысль, — прибавил он, обратясь к своим товарищам, — привести с собой небольшое количество

индейцев. Кроме того, скорость, с которою Анимики согласился на просьбу вождя, рассеяла все мои сомнения. Теперь очевидно, что Вороны играют в открытую игру и что они не питают против нас никакой изменнической мысли.

— В самом деле, — ответил Бальюмер. — если бы это было иначе, вождь не согласился бы прислать такой слабый отряд. Но разве только двадцать индейцев будут участвовать в сражении?

— Нет, их будет восемьдесят; эти же составят первый отряд, под начальством сеньора Рамиреца; идем, идем; все сложилось так, как я ожидал, поспешите, отыщите поскорее ваших людей; мы не можем терять ни минуты; проводите их сюда по мере возможности, мы сформируем отряды и выступим в путь.

Курумилла улыбнулся с выражением хорошего расположения духа и удалился.

Его отсутствие было непродолжительно.

Через несколько минут показались воины.

Это были люди с грубыми чертами лица, с мрачным видом; все носили отличительный знак великих храбрецов, то есть многочисленные волчьи хвосты, привязанные к пяткам, но, сражаясь пешие, как и в предстоящем предприятии, они привязывали их вдоль ног кожаными ремешками.

Половина этих воинов была вооружена ружьями изделия американских фабрик, которыми изобилуют луга Соединенных Штатов, оружием, очень дурно приспособленным; при употреблении их нужно более опасаться за жизнь тех, которые их употребляют, чем тех, против кого они направлены; у других же были копья и стрелы.

Валентин Гиллуа, оглядев заботливо воинов и раскланявшись вежливо с ними, передал их в распоряжение дона Бенито Рамиреца.

Несколько минут спустя двадцать других воинов, вооруженные все ружьями, прибыли под предводительством Курумиллы и стали сами в ряды позади Валентина Гиллуа.

Искатель следов выбрал тогда десять охотников и, вверая их Курумилле, сказал:

— Пусть мой брат отправится к сахему Воронов и оставит этих белых воинов под его начальством. Курумилла должен же остаться около сахема.

Курумилла наклонился, ничего не ответив, и удалился в сопровождении десяти охотников.

Потом, не вступая более в разговор, два отряда, находящиеся в ущелье, расстались.

Отряд Валентина должен был совершить более длинный путь; ему приходилось обогнуть лагерь, пробираясь дорогой совершенно недоступной, достигнуть тропинки, по которой пробирались эмигранты, чтобы загородить им путь, между тем как сахем Воронов с пятьюдесятью охотниками сделал бы им недоступным выход назад.

Этот маневр, очень простой на первый взгляд, в действительности был очень труден для исполнения.

Между тем с помощью терпения, ловкости и более всего мужества Валентину удалось взобраться со своими спутниками на недостижимый уступ и укрепиться на нем, не производя подозрительного шума, который мог бы открыть его присутствие. По его приказанию воины с помощью охотников собрали старые деревья и обломки скал; из всего этого составили баррикаду, занявшую всю ширину дороги.

План Валентина был прост, удобен и легок для исполнения вот почему:

Бенито Рамирец хотел расположиться лагерем на площадке, которые так часто встречаются в этой местности, на площадке, образованной уступом обрывистой скалы, возвышающейся над пропастью, вышиной в восемьсот метров; сзади ее поднималась гора, которой крутые склоны казались непроходимыми.

Направо и налево извивалась зигзагами тропинка по крутым, отвесным склонам хребта.

Положение эмигрантов было критическое: перед ними находился отряд Ворона, сзади них отряд Валентина, а над ними, на вершине горы, единственном месте, где они могли скрыться, держался в засаде Бенито Рамирец.

Уверившись, что все его приказания исполнены пунктуально, Валентин в три различных приема стал подражать крику филина. Тот же сигнал был повторен тотчас же впереди лагеря и на горе.

— Хорошо! — прошептал Валентин, — наши друзья на своих постах! Внимание, товарищи!

И, поставив двух индейцев, вооруженных ружьями, сторожить баррикады, он, став во главе остального отря-

да, принялся с воинами ползти, как змея, в темноте, приближаясь незаметно к эмигрантам.

Тот же маневр был исполнен Бенито Рамирецем и Анимики.

Вдруг, по данному сигналу Валентина Гиллуа, вскочили краснокожие и охотники и с ужасным криком бросились, как стая тигров, на лагерь эмигрантов.

Взятие лагеря

Возвратимся теперь к капитану Кильду, человеку в зеленых очках, которым мы так пренебрегли и который в настоящую минуту пользовался большим предпочтением перед другими, возбуждая живой интерес между жителями лугов.

Капитан Кильд, как мы уже сказали, был очень не-доверчив.

Один человек пользовался только некоторым его доверием.

Этот человек был Бенито Рамирец.

Очень часто достойный капитан упрекал себя в слабости, которую чувствовал, сам не зная почему, к охотнику и обещал себе внимательно наблюдать за всеми своими поступками.

Правда, он ничего этого не исполнял, но сомнение вкоренилось в его уме, а для людей сего рода от сомнения к подозрению только один шаг.

Когда однажды утром он попросил своего проводника вывести его как можно скорее из возвышенных местностей, скалистых гор и когда тот предложил ему провести дорогой почти в действительности непроходимой, по которой можно было достигнуть ранее на четыре дня, то он принял это предложение с самой живой радостью.

Но мало-помалу, по мере того как Бенито Рамирец входил в дальнейшие подробности плана, созданного им, энтузиазм капитана умерялся; он размышлял и разбирал в своем уме проект, ему предложенный.

Вот почему, вместо того чтобы принять его совершенно, как этого ждал мексиканец, он придумал свой собственный план и, несмотря на мнение Бенито Рамиреца, который не советовал, и по разумной причине, слишком близко приближаться, остался при своем убеждении.

Тридцать человек, заботливо выбранные, были отданы в непосредственное распоряжение Блю-Девилья, для сопровождения женщин и детей.

Линго, только что оправившийся от своих ран, был приставлен к Блю-Девилью более для того, чтобы наблюдать за ним, чем под каким-нибудь другим предлогом.

Спустя три дня лейтенант и его отряд выступили в поход в восемь часов утра, имея проводником Блю-Девилья; около четырех часов, когда это войско расположилось как следует в известном нам месте, Бенито Рамирец возвратился назад тем же путем, чтобы присоединиться к капитану Кильду.

По условиям, заключенным между капитаном и проводником, первый не должен был покинуть лагеря прежде следующего дня, чтобы иметь возможность доставить отряду, посланному вперед, все удобства для совершения опасного перехода.

Капитан Кильд если и опасался нападения, то не с передней стороны, а с задней, где, как он думал, собрался весь неприятель, он решился командовать арьергардом и держаться вдали от своего каравана, так что если бы он подвергся нападению, то женщины и дети не попали бы в руки неприятеля. В конце концов эти женщины и дети были самой драгоценной собственностью для достойного капитана.

Изумление Бенито Рамиреца было очень велико, когда на расстоянии двух миль от первого отряда он встретил внезапно лагерь, который капитан только что раскинул. Он привел в исполнение свой собственный план и приблизился для соединения со своим авангардом.

Хотя мексиканец и был внутренне очень смущен тем, что капитан не сдержал своего слова, что могло поколебать все его намерения, но он не дал заметить своего недовольства, и когда капитан обратился к нему со словами:

— Вы не рассчитывали встретить меня здесь, не правда ли, сеньор? — он отвечал ему самым развязным тоном:

— Это правда, капитан, но, честное слово, я должен признаться вам, что очень рад вас видеть.

— Как, это правда? — спросил Кильд, бросая на него инквизиторский взгляд из-за очков.

— Без сомнения, капитан.

— Объясните же мне почему, — сказал капитан.

— Мой Бог, капитан, по очень простой причине. Мне пришло в голову, что в пустыне угрожает много самых невероятных опасностей и что нельзя будет принять предостережений против всего.

— Очень хорошо сказано, продолжайте, мой милый, — возразил капитан, не переставая насмехаться, — и тогда вы сказали себе?..

— И я тогда сказал себе, капитан, что вы произведете пагубную ошибку, держась сзади вашего отряда, и что очень важно, чтобы вы присоединились к нему как можно скорей; вот почему я спешил прибыть поскорее к вам и предложить присоединиться, не теряя времени.

— Итак, видите, как все сложилось счастливо: едва вы отправились сегодня утром, как та же самая мысль пришла мне в голову. Вы знаете, что я прежде всего человек, не задумывающийся над исполнением дела, так что едва эта мысль созрела в моем уме, я поднял лагерь и выступил в поход.

— Вы совершенно правы, капитан.

— Значит, вы одобряете мой поступок?

— Я должен быть сумасшедшим, чтобы не одобрять его, капитан!

— Неужели! Эти слова доставляют мне удовольствие, — сказал он, как бы издеваясь. — Я боялся, что вам это не понравится.

— Как вы могли это предположить, капитан!

— Ах! Мой Бог, видишь столько страшных вещей на этом свете, а ваши желания, сеньор Бенито Рамирец, подчас так странны, что я не знаю часто, как мне действовать относительно вас; но не будем более говорить об этом, не хотите ли разделить со мной обед?

— Мне это невозможно, капитан.

— Почему же?

— Вы забываете наши условия, капитан.

— Это правда, извините меня, забудьте это и положим, что я ничего не сказал.

— Почему же и не забыть, я сам желаю, чтобы вы не могли предположить во мне дурного намерения против вас.

— О! Кто же его предполагает?

— Ах, Господи, капитан, несмотря на дружбу, которую вы мне оказываете, я опасюсь всегда, что чем-нибудь могу навлечь на себя ваши упреки.

— Хорошо, мы как будто исповедуем друг друга.

— Может быть, это и так, в настоящую минуту я нахожусь в беспокойстве. Я выбрал направление движения, которому мы следуем; естественно, что вся ответственность за него должна тяготеть на мне одном; кроме того, так как я не хочу, чтобы вследствие моей ошибки или небрежности случилось несчастье с караваном, я отказываюсь от вашего обеда, для того чтобы иметь время соорудить возвышение вокруг лагеря и увериться самому, что нам не следует бояться какой-нибудь неожиданности со стороны краснокожих. Они чувствуют, что мы ускользаем от них; они сильно раздражены и не желают ничего другого, без сомнения, как напасть на нас с обычной своей дерзостью. Этого я желаю избежать. Индейцы очень хитры, капитан.

— О да, сеньор Бенито Рамирец, они очень ловки, но мы сами не глупы, мы — все остальные, что вы думаете об этом?

— Конечно, мы также не глупы, но это служит еще большим доказательством того, что мы не должны позволить им напасть на нас врасплох. О, мы будем наблюдать за этим. Итак, капитан, с вашего позволения, этим я и хочу заняться сию же минуту.

— Когда же я опять вас увижу, сеньор Рамирец?

— Завтра, до восхода солнца.

— Хорошо, пусть будет так, до свидания, сеньор Бенито Рамирец. Во всяком случае, при малейшем подозрительном движении известите меня.

— О, положитесь в этом на меня, капитан.

Охотник сделал последний прощальный жест рукой, взбросил ружье на плечо и удалился быстрыми шагами.

— Какой превосходной человек — этот Рамирец, — пробормотал про себя капитан, смотря, как тот удалялся. — Действительно, удовольствие иметь дело с подобными людьми.

С этими словами капитан вошел в палатку и сел за стол.

Между тем чем далее подвигалось время и ночь становилась темнее, тем более капитан Кильд, не зная, к чему отнести то, что он испытывал, чувствовал себя необычайной невыразимой тревогой. Мрачное предчувствие сжимало его горло; глубокая грусть, тоска овладевала им, сердце билось усиленнее. Ему представлялось, что странная неизвестная опасность угрожает ему.

Наконец к первому часу утра дошло до того, что он встал со своей койки, лежа на которой в продолжение стольких длинных часов он тщетно призывал сон, и вышел из палатки. Все было тихо снаружи.

Глубокое безмолвие господствовало в пустыне; не слышно было ни крика, ни шума.

— Неужели я схожу с ума? — прошептал капитан с тайным волнением.

Он лег снова.

Но едва он укутался в покрывала, которые служили ему постелью, как беспокойство и жгучая тоска пробудились в нем с большею силою, чем прежде.

— Нужно с этим покончить, — прошептал он.

С этой минуты его решение было принято.

Он поспешно встал, взял свое оружие, оседлал сам свою лошадь, вскочил на нее, выехал из лагеря и отправился вперед.

Его быстрая езда продолжалась не более как три четверти часа.

Вдруг он быстро осадил лошадь, дернув сильно за повод. Лошадь остановилась.

Капитан наклонился телом вперед и стал прислушиваться; ему показалось, что он слышал глухой и продолжительный шум, причины которого он не мог отгадать.

В продолжение трех или четырех минут он прислушивался, но тщетно.

Только неопределенный шум, причины которого он не мог понять, достигал до него.

Капитан соскочил с лошади и приложил ухо к земле.

Через минуту он привстал бледный, с изменившимися чертами лица, говоря дрожащим голосом:

— Это ружейные выстрелы! Индейцы нападают на лагерь! Проводник изменил мне! О! Злодей Рамирец,

если ты попадешься в мои руки! Вперед, вперед! Может быть, не все еще потеряно!

И с несвойственной грубостью он хотел схватить за узду и вскочить на седло.

Но животное, испуганное неловкостью движения, которого не ожидало, круто повернуло, насторожило уши и поскакало по направлению к лагерю.

— Проклятие! — вскрикнул капитан Кильд, которым овладела невыразимая злоба, — все изменяет мне!

И он машинально прицелился в животное.

Но в ту же минуту опустил ружье.

— Я с ума сошел! — вскричал он. — Убив ее, разве я достигну лагеря скорее?

И он отправился в путь быстрым шагом, по следам лошади, но эта последняя, которая отличалась своей замечательной ездой, конечно, прибыла в лагерь гораздо ранее капитана.

Часовые, увидев лошадь, возвратившуюся без всадника, предположили, что какое-нибудь несчастье случилось с их начальником, подняли тревогу и разбудили всех, так что, когда капитан, задыхающийся и изнеможенный от усталости, достиг наконец лагеря, он застал уже всех своих людей на ногах при самом живом беспокойстве, советующих о том, что они должны делать.

Капитан, собравшись с духом и будучи в состоянии говорить, рассказал всем, что произошло, и, оставив двух или трех человек для охранения лагеря и имущества, остальным велел сесть на лошадей и последовать за ним.

Через пять минут они уже скакали с капитаном во главе, чтобы присоединиться к авангарду.

По мере того как они приближались, выстрелы слышались яснее, и раздавались воинственные крики индейцев.

Три группы индейцев, как мы уже сказали, напали с трех сторон на лагерь эмигрантов.

Но, несмотря на предосторожности, принятые ими, неожиданность, на которую они рассчитывали, не оказалась полной.

Вместо того чтобы иметь дело, как они предполагали, с людьми спящими, которых легко и придушить, они очутились лицом к лицу с людьми, решившимися выдержать сильное сопротивление и за дорогую цену продать свою жизнь.

Вместо того чтобы застать врасплох, их самих застали внезапно.

Встреченные залпом ружейных выстрелов, они отступили в беспорядке и укрылись за валом, чтобы придумать новую атаку.

Валентин Гиллуа не понимал ничего в происходившем после сведений, полученных от Бенито Рамиреца; серьезное беспокойство овладело им; он знал по опыту, что индейцы так же легко поддаются паническому страху, как с жаром и решительностью ведут атаку.

Но вот что произошло в лагере и чего Валентин Гиллуа не мог знать.

Во время похода Линго заметил с тайной завистью, что Бенито Рамирец и Блю-Девиль, против обыкновения, имели между собой длинный разговор, который вели вполголоса и находились на этот раз в полном согласии, к чему у них прежде нельзя было заметить склонности.

Линго, читатель знает, чувствовал к Блю-Девилью тайную ненависть, которой оставалось только разразиться в один прекрасный день, тем более что лейтенант каждый раз, когда представлялся случай, нисколько не стеснялся и выказывал ему полнейшее презрение.

Кроме того, злодей с завистью видел ту дружбу и доверие, которые установились так прочно между Бенито Рамирецем и капитаном Кильдом.

В продолжение некоторого времени капитан не оказывал Линго доверия, к которому последний привык. Злодей чувствовал, что его подозревают; он понимал, что его положение около капитана и лейтенанта становилось все более и более затруднительным.

С другой стороны, он знал о своей нечистой совести.

Такой человек, как он, всегда имеет, в чем упрекнуть себя.

Бандит создал план, чтобы покинуть своих товарищей и отправиться искать приключений, но он не хотел уехать с пустыми руками, не отомстив за оскорбления, которые, как он себе воображал, ему нанесли.

Итак, мы сказали, длинный разговор проводника с лейтенантом пробудил в нем ненависть.

Во время двух посещений, сделанных Бенито Рамирецем в лагерь вечером, двое людей опять беседовали друг с другом с оживлением.

Линго с нетерпением ожидал, что будет.

Для него стало ясно, что составляется заговор, который стараются тщательно от него скрыть и который он должен во что бы то ни стало открыть.

Около десяти часов вечера, когда Блю-Девиль, объехав лагерь и уверившись, что все спят, пробирался таинственно к хижине, служащей временным убежищем для донны Розарио, Линго наблюдал за лейтенантом; он дополз, как змея, до этого убежища и приложил чуткое, как у тигра, ухо к тонкой перегородке — стенке хижины.

Она была построена наскоро из переплетенных ветвей, внутри устлана покрывалами, чтобы не пропускать наружного воздуха.

Бандит убедился тотчас же, что если ему нет возможности что-нибудь видеть, зато очень легко все слышать, чего, собственно, он и желал в самом деле; хотя собеседники говорили сдержанным голосом, от него не ускользнуло ни одно слово из их разговора; мы должны также с сожалением прибавить, что эта беседа исполнила его радостью и произвела на его зловещем лице гримасу самого дьявольского выражения.

Донна Розарио и Блю-Девиль говорили по-испански, но это мало смущало бандита, он говорил на этом языке так же хорошо, как и по-французски.

— Вы очень долго не приходили, мой друг, — сказала дружески донна Розарио Блю-Девилью.

— К моему большому огорчению, сеньорита, — отвечал этот, — если я прихожу поздно, то в вознаграждение за это могу возвестить несколько приятных новостей.

— Да благословит вас Бог; хорошие новости редки для меня.

— Но эта превосходна.

— Говорите же скорее, я вас умоляю.

— Я буду краток, так как время не терпит. Вы видели, вероятно, сеньорита, что капитан Кильд разделил свой отряд и часть его послал вперед.

— Это правда, я признаюсь вам, это меня очень беспокоит.

— Вы несправедливы; ничего не может быть лучше для вас. Бенито Рамирец, — прибавил он, налегая на это имя, что заставило улыбнуться молодую девушку, —

вытребовал это движение у капитана. Эту ночь, около двух часов утра, Валентин Гиллуа и его охотники, с помощью человек ста Индейцев-воронов, нападут на лагерь и уведут вас. Через несколько часов вы будете свободны.

— Мой Бог! — воскликнула молодая девушка в волнении, — возможно ли это?

— Я даю вам в этом честное слово; все готово, условлено и устроено таким образом, чтобы тайна не открылась. Когда капитан Кильд придет, что невероятно, на помощь своим бандитам, будет уже поздно; вы уже будете долгое время находиться под покровительством Валентина Гиллуа, Рамиреца, меня и всех остальных охотников белого племени.

— Но кто вы такой? — воскликнула молодая девушка в избытке радости и удивления.

— Я, — отвечал Блю-Девиль, — человек, преданный Валентину Гиллуа, я вам это говорил уже, и который поклялся вас спасти, сеньорита. Теперь выслушайте меня хорошенько; я час тому назад навьючил двух мулов предметами, которые могут быть вам полезными; эти мулы послужат вместо экипажа вам и вашей подруге Гарриэте Дюмбар; что касается меня, я буду сопровождать вас на лошади; эти мулы находятся в безопасном месте под охраной Пелона и еще одного верного человека, на которого можно положиться. Что касается вас, сеньорита, вот что вы потрудитесь сделать...

Вдруг тонкая стенка хижины сильно затрещала.

— Нас подслушивали! — вскричал Блю-Девиль, бросаясь вон из хижины.

Он заметил проскользнувшую тень и более ничего. Линго слушал с сильным вниманием этот интересный для него разговор, не пророня ни одного слова, но он наклонился слишком вперед, более чем следовало, и чуть не сломал тонкую стенку.

— Тут должен быть изменник, — прошептал Блю-Девиль, — этот изменник не кто иной, как Линго, как ему помешать?

Подумав несколько времени, он направился к выходу из лагеря с той стороны, откуда прибыл караван.

Перейдя укрепления с предосторожностью, как человек, который пытается спрятаться, он остановился и прикорнул между двумя тюками.

Едва он успел засесть в засаде, показался Линго.

Бандит выступал волчьим шагом, склоня туловище вперед и держа ухо востро, чтобы различить малейший шум, взглядом стараясь измерить темноту ночи; он остановился с минуту неподвижно, потом, уверившись в тишине и уединении, перелез в свою очередь через укрепления.

Но в эту самую минуту он был грубо схвачен за горло, покрывало было брошено ему на голову, и в две минуты он был увязан так, что не мог двинуться.

Что было самое ужасное для Линго в этом приключении, так это то, что, схваченный внезапно, он не знал, с кем имеет дело, он испытывал почти суеверный страх.

Он подозревал только лейтенанта.

Этот оставил временно его лежать на том месте, где он находился, а сам поспешил возвратиться в хижину, где он оставил донну Розарио в неизъяснимом душевном волнении.

— Мы не можем терять ни минуты, — сказал он ей.

— Говорите, что нужно делать? — отвечала решительно молодая девушка, — приказывайте.

— Поспешите накинуть плащ на ваши плечи, — ответил он прерывающимся голосом, — пусть мисс Гарриэта сделает то же самое, и последуйте обе за мной, главное без колебания и страха, наступила великая минута. Я не скрываю от вас, сеньорита, что дело идет о вашей смерти или свободе!

— Я хочу быть свободной! — вскрикнула Розарио с одушевлением.

Блю-Девиль поднял тогда одно из покрывал, вынул несколько ветвей и, сделав знак двум молодым девушкам следовать за ним, вышел с ними вместе этой импровизированной дверью из хижины.

Эта хижина была построена так, что почти примыкала к горе.

В этом месте она возвышалась небольшим отлогим уступом, так что без большой усталости можно было взобраться по ней, укрываясь между кустарниками и придерживаясь за них, чтобы сохранить равновесие.

Блю-Девиль шел вперед и расчищал дорогу своим молодым спутницам.

Наконец, после долгих усилий и усталости трое беглецов успели обогнуть лагерь в направлении противоположном тому, где расположился капитан.

Они выбрались тогда на тропинку, которая была довольно широка, что позволило им подвигаться вперед с большей быстротой, так что менее чем через три четверти часа они достигли кустарников, где стояли приготовленные муллы под присмотром Пелона и доверенного лица, о котором лейтенант говорил предварительно дон-не Розарио.

— Здесь вы будете в полной безопасности, — сказал он, — какой бы шум вы ни услышали, не показывайтесь, скрывайтесь до того времени, как я к вам не возвращусь. Я клянусь честью, что никакая опасность не может здесь вас застичь. А ты, — прибавил он, обращаясь к эмигранту, — ты помнишь, что ты мне обещал?

Этот человек пожал только плечами.

— Вам нечего мне приказывать, — сказал он, — разве вы меня не знаете?

— Очень хорошо, очень хорошо! — вскрикнул Блю-Девиль, смеясь, — до свидания; каждый будет награжден, смотря по заслугам.

И, дав еще несколько советов двум молодым женщинам, он возвратился в лагерь той же дорогой, по которой пришел.

Его первой заботой было совершить обход.

Никто и не думал трогаться с места.

Он отправился тогда к тому месту, где оставил Линго, надрезал тихонько, в двух или трех местах, шнурок, которым он его окрутил, и, оставив его распутываться, подобно ужу, сам вошел в хижину дон-ны Розарио и поспешил заткнуть пролом, который сделал в стене.

Едва он окончил эту работу, как ему послышалось легкое прикосновение к стенке.

Действительно, как только Линго почувствовал, что узы его развязаны, он употребил все усилия, чтобы как-нибудь освободить свои члены, что ему скоро удалось.

Но напрасно он искал глазами и пытался открыть человека, который перерезал его узы.

Он был совершенно один.

Он вошел в лагерь и попытался отыскать Блю-Девилья, потому что внутренне был убежден, что не кто иной, как он так проворно связал его.

Не встретив нигде лейтенанта, он машинально приблизился к хижине.

Его удивление было очень сильно, так что он едва удержался от восклицания, когда, приложив ухо к загородке, он услышал разговор во внутренности хижины.

— Извините меня, сеньорита, — говорил Блю-Девиль, — в том, что я покинул вас так неожиданно; я думал сперва, что кто-нибудь нас подслушивает снаружи, но, выйдя, убедился, что ошибся. Так как осторожным никогда не мешает быть, то я вышел из лагеря, чтобы посмотреть, находятся ли мулы, о которых я вам говорил, на том месте, где я их спрятал. Около двух часов, когда нападут на лагерь, я приду за вами, чтобы отвести вас в безопасное место. Теперь же попытайтесь заснуть, потому что вам скоро придется вынести много трудностей и подвергнуться сильной усталости. Я должен предупредить вас, кроме того, что ввиду измены я возьму некоторые предосторожности относительно вашей безопасности; мы можем быть всегда обмануты и иметь дело с врагами, вместо того чтобы перед нами были одни только друзья. До скорого свидания, сеньорита, в назначенный час я явлюсь.

Линго услышал приближение шагов и поспешил удалиться и растянуться около огня.

— А вот и ты, — прошептал он, увидя выходящего из хижины Блю-Девилья. — Или у меня помрачение зрения, или я ошибся. Черт меня побери, если не этот парень посадил меня туда, он очень силен. Все равно, мы увидим.

Блю-Девиль, казалось, искал кого-то; наконец направился к месту, где лежал Линго.

Этот тотчас же закрыл глаза.

— Эй, малый, — сказал ему Блю-Девиль, толкая его сурово ногой, — довольно спать теперь.

— Что? — произнес бандит, зевая во всю глотку, — что вам угодно, лейтенант? Это вы меня зовете?

— Да, мой друг, мне нужно поговорить с вами.

— К вашим услугам, лейтенант, — возразил Линго, вскакивая на ноги.

— Подите сюда, — продолжал Блю-Девиль, отводя его в сторону. — Хотя все эти молодцы спят крепким сном, — сказал он тоном насмешливого добродушия, — я не знаю почему, но мне кажется, что они проснулись и, как зайцы вблизи жилья, насторожили свои длинные

уши. Разговор, который мы поведем, не должен быть слышен никем другим.

— Хорошо, но в чем же дело?

— Мой друг, — сказал чистосердечно Блю-Девиль, бросая взгляд вокруг себя, как будто, несмотря на предосторожность, которую он принял, он опасался быть подслушанным, — мы находимся в положении крайне плачевном, я должен вам признаться, мы находимся как будто в осином гнезде, из которого, дьявол меня попутал в этом, я не знаю, как мы выйдем.

— Ах, Боже мой! — воскликнул Линго очень серьезно.

— Все обстоит именно так, как я имею честь вам сообщать: может быть, прежде чем пройдет два часа, с наших черепов будет содрана кожа.

— Лейтенант, не шутите, пожалуйста; эта перспектива улыбается мне очень посредственно.

— Конечно, мой друг, философы должны ожидать всего; я повторяю вам, что наше положение далеко не завидное и приятное: я вспомнил о вас, потому что я знаю вас за доброго малого, который, если захочет, может отважиться на смелое предприятие.

— Что касается этого, лейтенант, то вы знаете, что я во всем готов слушаться вас; что нужно делать?

— Мне помогать очень просто. Рамирец известил меня, что индейцы должны напасть на нас в эту ночь. Правда ли это, ложные ли слухи, я не могу еще ничего сказать, только я думаю, что лучше всего готовиться ко всему и быть настороже.

— Черт возьми! Я думаю то же, лейтенант.

Двое этих людей исполняли свои роли с таким совершенством, что вполне обманывали друг друга.

— Уже около полуночи, через полчаса разбудят наших людей. Так как очень возможно, что на нас нападут спереди и сзади, то мы разделим наш отряд на два. Вы примите начальство над одним, а я над другим; согласны вы с этим?

— Совершенно.

— Какой же пост вы предпочтете для себя?

— О, какой вы пожелаете, — сказал Линго, — я не принимаю в расчет свое самолюбие.

— Это все равно, говорите смелее, я постараюсь вас удовлетворить.

— Хорошо, лейтенант, если вам это все равно, я стану во главе арьергарда.

— Вам не страшно, мой добрый малый, ведь это самый гибельный пост?

— Я хочу вас уверить, лейтенант, что вы ошиблись на мой счет.

— Итак, вы подвергнетесь большой опасности, — отвечал Блю-Девиль с выражением самой едкой иронии, которая, против желания, покорила бандита. — Я вас уверяю, что нисколько не ошибся на ваш счет и знаю отлично, чего держаться относительно вас; будьте покойны, я не замедлю отдать вам справедливость.

— Благодарю вас, лейтенант, честный человек не нуждается в награждении за хорошее исполнение своей обязанности, — отвечал бандит с притворным видом.

— Все равно, итак, я могу рассчитывать на вас?

— Я даю вам в этом слово.

— Согласен; наблюдайте только хорошенько.

— О, не опасайтесь.

Два человека расстались, очень довольные один другим, по крайней мере с виду.

Линго попросил дать ему начальство над арьергардом, потому что с этой стороны была расположена хижина донны Розарио, а с этой стороны, как он видел, Блю-Девиль покинул лагерь.

Мы уже рассказали, каким образом индейцы были встречены эмигрантами.

Эта встреча, мы сказали также, заставила призадуматься Валентина Гиллуа.

Между тем, после нескольких минут размышления, воины решились произвести новую атаку.

Блю-Девиль воспользовался этими минутами спокойствия, чтобы увериться, что делает Линго.

Бандит исчез.

При первых выстрелах он бросился в хижину донны Розарио, и ему достаточно было одного взгляда, чтобы убедиться в том, что он проведен лейтенантом.

Тогда он перескочил через укрепления и, рискуя быть изрубленным индейцами, очертя голову пустился по дорожке и успел, благодаря неслыханной смелости, пробиться сквозь ряды воинов.

В эту же минуту началась вторая атака.

На этот раз эмигранты сопротивлялись тихо индейцам, которым удалось перескочить через возвышение и проникнуть в лагерь.

Ужасный крик раздался снаружи.

Это был капитан Кильд, который приближался во главе последних из своих людей и напал на индейцев сзади.

Завязалась упорная борьба.

Но эмигранты потеряли бодрость и не могли оказать серьезного сопротивления.

Их поражение было совершенно полным; они бросились бежать по всем направлениям.

Капитан Кильд, сражавшийся очень храбро, признавая сумасшествием дальнейшее сопротивление, дал сигнал к отступлению и удалился стремглав в сопровождении двадцати всадников, оставшихся в живых из всего многочисленного его отряда.

Индейцы, обрадованные и ошеломленные успехом, позволили капитану удалиться, не желая овладеть им.

Воины Вороны в точности сдержали слово, данное Валентину Гиллуа.

Женщины и дети были христианским образом избавлены от насилия.

Валентин и Бенито Рамирец искали с лихорадочной тревогой донну Розарио посреди этих несчастных созданий, потерявших рассудок от страха, которые, принимая их за врагов, бросались перед ними на колени, моля их о сострадании к ним, как вдруг Блю-Девиль, который покинул лагерь после первого нападения, появился между ними.

Он был бледен, совсем уничтожен; его блуждающие глаза блестели безумно.

Заметив его, оба товарища подбежали к нему.

— Что же? — спросили они, — донна Розарио? Где она?

— Пропала! — вскричал он, — исчезла! уведена!

Оба человека остановились как вкопанные.

— О, мы ее отыщем! — воскликнули они.

И, оставив лагерь индейцам, они направились в сопровождении многих из своих спутников и Блю-Девилья к тому месту, где тот оставил двух молодых девушек.

Напрасно охотники предавались самым деятельным поискам.

Донна Розарио, мисс Гарриэта, Пелон и Бловн, доверенное лицо лейтенанта, исчезли, не оставив никаких следов.

Самые мулы, так же как и лошадь Блю-Девилья, были сведены.

Кто же исполнил это смелое предприятие? Кем были уведены молодые девушки?

Каким образом Павлет открывает след и что происходит от этого

Вильям Павлет, охотник, на которого Валентин Гиллуа возложил деликатное поручение с двумя своими товарищами проводить донну Долорес де Кастелар и дону Пабло Гидальго до первых американских учреждений, исполнил это поручение со всем знанием и преданностью, которые Валентин, знавший его с давних пор, мог ожидать от него.

Путешествие, немного замедлявшееся сначала мало-важными случаями, окончилось при самых благоприятных условиях; путешественники не были ни разу обеспокоены ни пограничными бродягами, бандитами, не имеющими ни веры, ни нравственности, которыми изобилуют окрестности жилищ, ни краснокожими, разбойниками не менее опасными, наконец, никакими дикими животными, которых встречается много в Скалистых горах.

Павлет, казалось, владел безошибочным инстинктом на далеком расстоянии чутко приближение врага и избегать его.

Один только серый медведь, появившись внезапно перед лицом путешественников, выказал покушение загородить им дорогу.

Страшное животное дорого поплатилось за эту злополучную фантазию.

Павлет, к большой радости донны Долорес, убил его и завладел великолепной кожей, так что совершил в некотором роде выгодное дело.

Северная Америка имеет ту особенность, что в ней внезапно, без всякой постепенности, переходишь от полнейшего варварства к самой утонченной цивилизации.

Середины нет, она не может существовать у народа, который находится в состоянии зарождения.

Едва перешли вы границу, как с одной стороны, позади, на расстоянии выстрела, вы видите пустыню со всеми ее величественными ужасами, а с другой стороны вы окружены полнейшей цивилизацией.

Город Форт-Снеллинг, куда вступили наши путешественники через четыре дня после того как оставили Валентина Гиллуа, был двадцать лет тому назад простым складочным местом товаров, теперь же это хорошо построенный город, освещенный газом, заключающий в себе все утонченности самой изысканной роскоши и имеющий огромное торговое значение, которое простирается до самой Европы.

Первой заботой дона Пабло по прибытии в Форт-Снеллинг было остановиться со своей невестой в первой гостинице города; отдохнув и переменяя платье, потому что то, которое он носил до сих пор, превосходное для путешествия в лугах, не согласовалось более со средой, в которую он был поставлен, он попросил Павлета отвести его к банкиру, к которому Валентин Гиллуа дал ему письмо.

Пройдя несколько великолепных контор, где занималось множество чиновников, дон Гидальго был введен к самому банкиру.

Банкир, настоящий джентльмен, в самом строгом значении этого слова, принял прекрасно своего посетителя и, ознакомившись с содержанием письма, которое ему передали, отдал себя в его полное распоряжение.

— Вас рекомендуют мне с очень хорошей стороны, сеньор, — сказал мистер Максвелл, — кроме того, для меня большое удовольствие, если я могу сделать что-нибудь приятное мистеру Валентину.

— Этот охотник, должно быть, очень богат? — спросил с любопытством молодой человек.

— О! — сказал банкир с громким смехом, — он мог бы купить целый город, если бы захотел.

— Вы его хорошо знаете?

— Кто не знает Валентина Гиллуа; он охотился за бизонами по течению реки святого Петра, прежде чем нам пришла в голову мысль построить Форт-Снеллинг; он оказал нам много громадных услуг; мы расположились, как вы можете видеть, в совершенно неприятельской земле; Вороны и племя Сиу окружают нас со всех сторон; население краснокожих теперь еще в шесть или семь раз многочисленнее нашего.

— Как, неужели столько индейцев в Минозоте?

— Их число превосходит тридцать тысяч; это по преимуществу кровожадные, немилосердные, дикие люди, которые ненавидят белых.

— Я заключаю из ваших слов, что вы скорее собрались, чем утвердились в настоящей неприятельской земле.

— Положительно так, сеньор, — отвечал банкир, — но наше население, возрастающее с каждым днем, составлено из людей преданных, людей необычайной силы и мужества; первые попытки колонизации были по необходимости очень трудны; против нас восстало все: страна, жители, животные, климат, все было нам чуждо; цивилизация в Америке идет быстро, но какою ценой это происходит?! Каждый шаг, сделанный нами, стоит потоков крови; мы выдерживаем каждый день громадную борьбу с варварами. Устройство Форт-Снеллинга, самого важного города в стране, состоялось только благодаря чудесам смелости и нашей предприимчивости. Дикие, у которых законно мы покупаем земли, нападают на нас, сжигают наши хижины, грабят наши поезда, расставляют для нас западни самые бесчеловечные! Отсутствие религии и ненависть управляют всеми их поступками; они продают свои земли с задней мыслью — не отдавать их нам; в Европе же сожалеют об участии несчастных индейцев, так несправедливо ограбленных жадными американцами и убиваемых, как животные.

— Но все-таки, милостивый государь, ведь не все же индейцы таковы, как вы их описываете.

— Конечно нет, я хотел вам то же самое сказать; между ними встречаются часто умные, честные, придерживающиеся закона, но таких небольшое число; мистер Валентин, который лучше других знаком с расой краснокожих, соглашается сам, что честных наций меньшая

часть; он оказал нам много услуг до начала колонизации; без него и без того громадного влияния, которым он пользуется между индейскими племенами, нам никогда бы не удалось крепко утвердиться в этой стране.

— У него великое сердце и редкий ум.

— Его высоко почитают все в Минозоте; белые и краснокожие позволяют изрубить себя за него; если бы он захотел, то со своим огромным состоянием, при обширных сведениях и чудном характере он достиг бы многого в стране, где знают все-таки цену практическим людям; но он упрямится в своем желании жить в пустыне; он любит индейцев, ему нравится быть посреди них.

— Они, следовательно, хороши, — сказал дон Пабло, — если человек, о котором мы говорим, так сильно заинтересован ими.

— Конечно, между ними встречаются и хорошие люди, сеньор, и даже довольно много их; никто, вероятно, не старался более меня их изучить; к несчастью только, эта раса равнодушна и противится всякому прогрессу и цивилизации.

— Понятно, цивилизация и прогресс прибыльны для них в очень посредственной степени, вы, вероятно, согласитесь с этим?

— Эта правда, но не по их вине; видите ли что, сеньор, всякая раса, вредная для общества вообще и которая упорствует в борьбе против общественного интереса, против людей, животных, растительности, должна непременно погибнуть — это непреложный закон природы; Америка дана нам самим Богом, чтобы заботиться о ее образовании, нравах, а в данную минуту пересоздать весь громадный род человеческий, восстановить в этой девственной стране высший уровень нравственного развития, так низко упавший в Старом свете, одряхлевшем в пороках и который при малейшем толчке распадется в прах, невозможно. Нам предстоит сыграть роль, дарованную Провидением; все, что откажется преклониться перед этим уровнем, должно окончательно исчезнуть; краснокожие не хотят породниться с цивилизацией, тем хуже для них: они будут совершенно стерты с лица земли, как это случилось с народами, жившими задолго до них и от которых находят только в пещерах остатки окаменелых костей; да иначе не может быть, если определено, чтобы прогресс сделал свое дело и небесная воля,

которая влечет нас помимо самих себя вперед, была бы исполнена.

— Я думаю, сеньор Максвел, что вы предоставляете Провидению такую роль, о которой оно никогда и не думало.

— Вы еще увидите, увидите, сеньор.

Дон Пабло встал; банкир отсчитал ему сумму, означенную в заемном письме, и они расстались, пожав друг другу руки.

Дон Пабло отправился к первому лавочнику, где он сделал несколько закупок, и возвратился в гостиницу.

На другой день Павлет и два других охотника пришли проститься с доном Гидальго и донной Долорес; Павлет был в восторге: он продал за хорошую цену шкуру серого медведя мистеру Максвелу; теперь поручение, данное ему, было выполнено, и он спешил возвратиться в Скалистые горы.

Молодой испанец вручил охотнику письмо на имя Валентина Гиллуа, написанное сообща двумя молодыми людьми, в котором они благодарили за громадное одолжение, которое он им оказал; напоминали ему об обещании приехать повидаться с ними, уверяли его, что счастье, которым они ему обязаны, не будет полным до тех пор, пока он не посетит их, просили его не забывать их и быть уверенными в их вечной благодарности; письмо было надписано доном Пабло и донной Долорес.

Дон Пабло после этого подарил каждому из охотников по паре шестиствольных револьверов.

Такой же подарок был вручен Павлету для передачи Кастору, которому молодые люди также многим были обязаны; более всего, конечно, тем, что он познакомил их с Валентином Гиллуа.

Донна Долорес, не желая отстать в щедрости от своего жениха, подарила каждому из этих храбрых людей, которые проводили ее с такой безопасностью, золотые часы с двойной крышкой, прося их передать от ее имени такие же Кастору.

Последний подарок очень порадовал охотников; затем, простившись с изъявлениями искренней благодарности и неизменной преданности, они удалились.

На другой день дон Пабло и его невеста оставили город Форт-Снеллинг, чтобы продолжать свое путешествие.

В минуту отъезда они в последний раз простились с охотниками, которые не дали им удалиться, не поблагодарив их вторично.

Через два часа Павлет и его два товарища, Янсен и Леман, в свою очередь, оставили город, чтобы отправиться по дороге к Скалистым горам, которых обнаженные вершины рисовались на дальнем горизонте, подобно серым облакам.

Им нужно было более двух дней, несмотря на то, что лошади их были приучены к длинным переходам, чтобы достигнуть обширной равнины, называемой страной Высоких трав.

В самом деле, эта страна представляла из себя вид громадного луга, пересеченного многочисленными потоками воды, где трава достигала необыкновенной вышины и где не встретишь ни одного дерева.

Ничто не может передать вида пустынного и вместе с тем этого величественного океана зелени, в котором ничто не прерывает однообразной правильности и который служит для Индейцев-воронов местом охоты за бизонами и лосями, изобилующими в этой пустыне. Павлет и его двое спутников подвигались вперед так осторожно, что не встретили ничего дурного во время этого перехода, около пятидесяти миль, пользующегося, и совершенно справедливо, дурной репутацией самого опасного места.

Утром третьего дня около десяти часов они достигли первых уступов Скалистых гор; вечером расположились лагерем на самой горе.

За два или три часа перед заходом солнца Павлет заметил множество следов, что заставило его предположить, что по дороге предшествовал им довольно значительный отряд.

Следы принадлежали, по всей вероятности, людям белой расы; но кто такие эти белые, вот что важно было знать.

Часто бывает более опасным встретить в пустыне людей одинакового цвета кожи, чем краснокожих.

В варварских странах пословица: «*homo homini lupus*», — применима во всей своей силе.

Пустыня служит естественным пристанищем для всех противников цивилизации, которые промышляют в ней разным образом и не признают других законов, как силу.

Вследствие этого охотники решили удвоить предосторожности.

Вечером, когда настало время остановиться на ночлег, случай открыл им довольно глубокий грот, в котором они удобно поместились со своими лошадьми и могли развести огонь, чего не осмелились бы сделать, если бы раскинули лагерь в лесу.

Ночь была прекрасная; небо было усеяно множеством блестящих звезд, но не освещено луной, почему было довольно темно; кроме того ночь была очень холодна, что заставило путешественников почувствовать всю прелесть постоянно поддерживаемого огня, для того чтобы иметь возможность согреться и приготовить себе пищу.

Когда лошади были распряжены и накормлены, охотники занялись своим ужином, который не требовал больших приготовлений; подкрепив себя, они вышли в лес, чтобы запастись сухими дровами, необходимыми для поддержания огня в продолжение ночи.

Скоро они в один из углов грота набросали огромную кучу хвороста.

— Товарищи, — сказал тогда Павлет, — я сейчас заметил свет между деревьями в близком расстоянии от места, где мы находимся.

— На расстоянии выстрела, — сказал Янсен, — я его тоже заметил.

— Что же вы думаете об этом?

— Я думаю, — сказал Янсен, — что этот огонь разложили люди, расположившиеся в соседстве с нами.

— Что это за соседи — вот вопрос, — сказал Леман.

— Это белые, — сказал чистосердечно Павлет.

— Вы уверены в этом? — спросили оба охотника.

— Совершенно; я узнал это сегодня после обеда по их следам.

— Хорошо, но, может быть, огонь, который вы заметили, зажгли совершенно не они.

— Я утверждаю противное.

— Чем это можно доказать?

— Самим огнем; не заметили ли вы, как я, Янсен, что от этого огня столько же дыму, как и пламени?

— Действительно, я заметил это, что меня склоняет на сторону вашего мнения.

— Одни только белые, и притом белые, мало привыкшие к жизни в лугах, могут зажечь огонь без всяких

предосторожностей; краснокожие или старые охотники этого не сделают; в лесу, кажется, нет недостатка в сухом дереве.

— Это, правда, большая неосторожность.

— Я заключаю, что наши соседи белые люди, малоопытные, и, по всей вероятности, это пограничные бродяги.

— Я не понимаю, почему пограничные бродяги придут в горы: здесь им нечем поживиться; они останутся скорее в окрестностях селений.

— Это правда; но, может быть, мы имеем дело с эмигрантами вроде капитана Кильда, то есть продавцами человеческого мяса.

— Это второе предположение мне кажется более вероятным, чем первое; я думаю, что будет недурно, если мы уверимся, правда ли это!

— Да, и чем скорее, тем лучше.

— Это ваше желание, товарищи? — спросил Павлет.

— Без сомнения, — сказал Янсен, — нам важно знать, чему придерживаться относительно наших незнакомцев.

— И для того, чтобы принять необходимые предосторожности и не быть застигнутыми врасплох, — присовокупил Леман, — потому что нам, вероятно, придется иметь дело с врагами.

— Хорошо, — возразил Павлет, — я пойду разведу, кто они такие; сидите спокойно здесь у огня; раньше чем через час я сообщу вам все новости.

— Во всяком случае, не сдавайтесь только сами.

— О нет, еще нет никакой опасности; до скорого свидания.

— Желаем успеха, — сказали ему его товарищи.

— Благодарю вас, — отвечал он.

И затем вышел из грота.

Охотники расположились на ночь на склоне отлогого уступа горы, который спускался в долину; противоположный спуск был круче, и за ним-то, вероятно, расположились незнакомцы, соседство которых так беспокоило охотников.

Храбрый Павлет, покинув грот, долго осматривался, чтобы увериться в направлении, по которому он видел огонь, потом, подумав с минуту, как будто составлял в голове какой-нибудь план, он повесил ружье на плечо,

подошел к ближайшему дереву и стал лезть на него с ловкостью и легкостью обезьяны.

Достигнув главной ветви этого дерева, охотник поколебался с минуту, потом придвинул к себе ветку соседнего дерева и перескочил на него; короче сказать, он стал перепрыгивать с дерева на дерево с такою уверенностью в движениях, верностью и ловкостью, которые бы сделали честь любому гимнасту по профессии.

Этот странный способ перемещения, усвоенный охотниками, имеет двойную выгоду; таким образом можно было достичь известного места гораздо быстрее, чем пробираясь через чащу и хворост, и при этом не оставить никаких следов своего прохождения; этот род путешествия, употребляемый часто в девственных лесах краснокожими и охотниками, получил характерное название: *воздушный след*.

При некоторых обстоятельствах кочевые жители степей совершают таким образом переходы часто в несколько миль, ни разу не касаясь ногою земли.

Павлету было достаточно нескольких минут, чтобы перейти гору и очутиться не только на границе долины, но около самого убежища незнакомцев.

Прибыв сюда, охотник спрятался на самом густом дереве, которое служило ему импровизированной обсерваторией, и стал озираться вокруг.

Перед ним, действительно, расстилался лагерь белых людей — его долгая опытность не обманула его; но только этот лагерь был гораздо значительнее, и число собравшихся в нем людей было гораздо более, чем он сначала предполагал.

Разложен был не один огонь, а десять; около каждого из них охотники или лежали и предавались сну, или сидели на корточках, куря и разговаривая между собой.

Увидев их многочисленность, Павлет понял, что если они оставили после себя следы, то это произошло не от неведения индейских привычек, а от пренебрежения к предосторожности, которая казалась ребяческой при той силе, какой они располагали.

Достойный охотник еще более утвердился в этой мысли, когда между людьми, сгруппировавшимися около огней, он встретил несколько знакомых лиц. По числу путешественников этих было около восьмидесяти.

Павлет не заметил ни одной женщины.

Это не были, следовательно, торговцы невольниками. С ними не было ни повозок, ни животных.

Это не были тем более странствующие купцы.

Десять тюков средней величины, очень заботливо связанные, были сложены в кучу около хижины из ветвей, единственного жилища, бывшего в лагере.

Лошади путешественников, между которыми виднелись шесть мулов, были привязаны к колышкам и поглощали с жадностью их запасную пищу.

Перед огнем, горящим в небольшом расстоянии от хижины, два человека разговаривали между собой, куря тонкие сигары из соломы маиса.

— Это мексиканцы, — прошептал охотник, — каким чертовым ремеслом занимаются они и зачем попали сюда?

Он стал внимательнее разглядывать обоих индивидуумов.

Первый, хоть очень молодой на вид, был лет шестидесяти, его волосы были седые, его черты выражали доброту и откровенность; в настоящую минуту он казался озабоченным.

Другой был молодой человек высокого роста, с нежными и выразительными чертами лица; его добрая и мечтательная физиономия, может быть, слишком красивая для мужчины, поражала неизъяснимым выражением силы воли, энергии; у него были голубые глаза и длинные белокурые волосы, ниспадающие шелковистыми локонами на плечи; тонкие усы, едва пробиваясь, образовали темную полосу над верхней губой; ему было не более двадцати лет.

На нем был надет вполне удобный живописный костюм лесных охотников; все в его манерах обнаруживало человека расы и носило отпечаток знатности, без смеси надменности.

На его гордом лице, но вместе с тем симпатичном, было тоже заметно облако мечтательной задумчивости.

— Эти люди, как кажется, не охотники за бизонами, не разбойники лугов, но и не купцы, — прошептал про себя охотник после тщательного осмотра. — Кто же они такие? Я должен это знать. Они меня не убьют, надеюсь, — прибавил он, смеясь, — не дав мне времени объ-

ясниться. Вперед! Нужно решиться на это предприятие; кто знает, может, я попаду в более знакомое общество, чем предполагаю.

Эти размышления были сделаны с быстротою человека, привыкшего решаться немедленно; охотник, заметив точно положение часовых, стоящих на некотором расстоянии друг от друга, вокруг прогалины, сполз вниз с дерева и направился твердым шагом к лагерю, не стараясь заглушить шум своих шагов.

Едва охотник сделал шагов десять, как услышал шум, который его привычное ухо не могло не распознать.

Это был звук взводимого курка.

— Эй! — закричал он, — без подобных шуток, прошу вас; не спускайте, я ваш друг.

— Друг или враг, остановись, если не хочешь, чтоб я всадил тебе в грудь пулю, — отвечал грубый голос угрожающим тоном.

— Пусть будет так, вы меня скоро узнаете. — «Странно, — прибавил он про себя, — это голос, который я слышал где-то».

Послышался шум в кустах, хворост раздвинулся, и показались два человека, держа перед собою ружья и положив палец на спуск.

— Кто вы такой? И что нужно вам? — спросил человек, говоривший прежде.

— Черт меня побери, если это не голос старого товарища Тома Трика! — произнес охотник, не отвечая на вопрос, предложенный ему.

— Да, я Том Трик, что ж из этого? — сказал тот же голос недовольным тоном.

— Такой же всегда любезный и ласковый, мой дорогой друг, — сказал охотник, смеясь. — Как ты меня не узнаешь, старый медведь?

— Да накажет меня Бог, если это не Павлет, — вскричал Том Трик с большим удивлением.

— Однако это хорошо, тебе нужно было много времени, чтобы меня узнать.

— Что ты делаешь здесь? — спросил Том Трик, спустив курок и опуская ружье, — движение, которому последовал и его молчаливый товарищ.

— Я пришел повидаться с тобой, — отвечал он, смеясь.

— А! — воскликнул тот с недоверием.

— Да, сейчас, сидя на дереве, чтобы лучше обозреть лагерь, я узнал тебя и, признаюсь, не мог отказаться от желания пожать тебе руку.

— Это очень любезно с твоей стороны, — отвечал Том Трик, насмехаясь, — пойдем сюда, может быть, наш капитан пожелает тоже поговорить с тобою.

— Сколько ему угодно; я очень рад.

И они пошли, не вступая более в разговор.

Через пять минут они входили в лагерь.

Новость о прибытии незнакомого охотника распространилась повсюду.

Все были на ногах, оглядывали с любопытством новоприбывшего, который с беззаботностью приближался между двумя людьми, служащими ему телохранителями.

Многие из охотников узнали Павлета и радушно приветствовали его.

Этот с радостью отвечал на их любезности, жал всем руки, так что в сопровождении значительной свиты он был введен к капитану.

Как и предполагал Павлет, капитаном этого многочисленного отряда был старик, который, как это заметил охотник со своего насеста, сидел перед огнем недалеко от хижины и разговаривал с молодым человеком высокого роста и с гордой осанкой.

Увидев приближающихся охотников, ведущих с собою незнакомца, он прервал разговор и, обратившись к подходящим, спросил:

— Что случилось такое, мои дети? Кто этот незнакомец, которого вы привели ко мне и который, кажется, знаком с большинством из вас?

— Совершенно верно, капитан, — ответил Том Трик, — мы знаем его очень хорошо.

— Кто не знает Павлета, охотника за бизонами, — сказал другой.

— Да, да, — вскричали несколько голосов сразу, — это Павлет, наш товарищ!

— Хорошо, так он не враг нам? — сказал старик, улыбаясь.

— Относительно этого нечего опасаться; я клянусь в этом! — возразил Том Трик.

— Так зачем же привели его ко мне как пленника?

— Потому что, капитан, приказ остается приказом; я знаю только это; он хотел войти в лагерь, я его оставил, хотя мы с ним друзья; я поступил бы точно так же, если бы это был мой брат.

— Вы поступили хорошо, Том Трик, — отвечал капитан и, обратившись к охотнику, который до сих пор не мог вставить ни одного слова, спросил его: — Вы пытались проникнуть в наш лагерь?

— Да, капитан, — ответил охотник с почтительным поклоном, — но Том Трик сказал вам, что я хотел это сделать открыто, не прячась, как честный человек, который просит гостеприимства, а не как шпион, который умышляет измену.

— Это правда, — произнес Том Трик, — Павлет не может быть изменником, это известно, не правда ли, господа?

— Павлет храбрый охотник, мы отвечаем за него, — сказали присутствующие в один голос.

— Довольно, дети мои, — сказал улыбаясь, капитан, — отправляйтесь по своим местам; что касается вас, охотник, вы получите гостеприимство, которого искали; садитесь здесь, около меня, я хочу поговорить с вами.

— Я к вашим услугам, капитан, я для этого и пришел.

По приказанию капитана охотники удалились, пожав дружески руку Павлета.

Этот же уселся на черепе бизона, напротив капитана.

— У вас много друзей между ними, — сказал, улыбаясь, старик.

— Тут нет ничего удивительного, сеньор, — отвечал Павлет добродушно, выбивая свою трубку, — вот уже пятнадцать лет, что я охочусь в степи, они знают меня почти все.

— Это справедливо; но каким образом случилось, что вы очутились один в лесу в этот час ночи и что вы, старый охотник за бизонами, принуждены просить гостеприимства в моем лагере?

— Хорошо, я вижу, сеньор, что вы хотите знать мою историю.

— Да, разве вы находите неудобным мне ее рассказать?

— Я? Почему это? Менее всего на свете; мне нечего скрывать, благодаря Бога.

— Тогда, если вы не очень устали, выпив стакан рому в честь вашего прибытия, вы объясните нам повод вашего присутствия здесь.

— Я скажу вам все, что вы пожелаете, капитан, что касается стакана рому, хотя я и не страстный до него охотник, я приму его от вас с удовольствием ввиду того, что очень холодно.

— Итак, в добрый час, вот это хорошо сказано, — возразил весело капитан, — я думаю, что мы сойдемся.

— Я также уверен в этом, сеньор, — сказал Павлет тоном хорошего расположения духа.

Капитан позвал слугу, сидящего около хижины, отдал ему нужные приказания, которые были тотчас же исполнены.

— За ваше здоровье, любезный охотник, — сказал старик, чокаясь стаканом с охотником и молодым человеком.

— За ваше также, капитан, — ответил Павлет. И он выпил залпом свой стакан. — Вот это хорошо, — сказал он, подавая стакан слуге, — говоря без лжи, я нуждался в этом. — Он зажег свою трубку. — Вы хотите знать, как я попал к вам, сеньор? — спросил он через минуту.

— Да, если вы не имеете ничего против этого.

— Менее всего на свете, капитан; вот все дело в двух словах: прежде всего, сеньор, вы должны знать, что многие из моих товарищей и я собрались в Скалистых горах, в окрестностях реки Ветра, чтобы совершить очень трудный переход. Это путешествие продолжается уже несколько месяцев; несколько дней тому назад нам удалось спасти одну молодую девушку, которую увели индейцы Красной реки, не знаю, с какой целью, и которую ее жених, дон Пабло Гидальго, просил нашего начальника освободить, что и было сделано; когда донна Долорес была возвращена своему жениху, очень богатому мексиканцу, наш начальник сказал обоим молодым людям: это еще не все, что вы счастливы, но вам нечего более делать здесь, возвратитесь лучше к себе в Соединенные Штаты сейчас же, не медля; так как, вероятно, у вас нет с собой денег ввиду того, что деньги не нужны в пустыне, разве для того чтобы из-за них убивать друг друга, то вот вам заемное письмо к банкиру в Форт-Снеллинге, куда я постараюсь препроводить вас, вашу невесту и

ваших слуг в сопровождении трех моих товарищей, что касается денег, которые вам предлагаю, вы мне их отдадите когда-нибудь при свидании. Итак, мне поручили проводить с двумя моими товарищами этих добрых молодых людей до Форт-Снеллинга, откуда они отправились в карете до парохода, идущего по Миссисипи. Исполнив поручение, мои товарищи и я отправились в обратный путь, чтобы присоединиться как можно скорее к нашему начальнику, который в настоящую минуту сильно нуждается в нашей помощи.

— А кто ваш начальник, мой друг? Можете вы сказать мне?

— Почему же нет, сеньор, это один из самых славных охотников в степи, любимый и уважаемый всем светом; белые и краснокожие высоко его почитают, но для каждой вещи будет свое время, позвольте мне кончить.

— Это справедливо, — продолжайте.

— Вот уже три дня, как мы в дороге; перейдя страну Высоких трав, мы сегодня вступили в горы; не правда ли, мы не потеряли даром времени?

— В самом деле, вы хорошо шли.

— Сегодня утром я напал на ваш след.

— Это было не трудно.

— Правда, вы не стараетесь скрыть его; сегодня вечером, набирая хворост для нашего сторожевого огня, я заметил ваши огни; в пустыне преимущественно не следует доверять своим соседям, людям или животным — все равно, еще скорее людям, потому что из ста человек девяносто девять всегда имеют злые намерения.

— Печальная истина, — сказал старик, качая головой.

— Вот уже пятнадцать лет, как я охочусь в лугах, знаю по опыту много вещей, знаю, чего держаться в случае опасности; несмотря на это, после ужина я сказал своим товарищам: наши соседи не дают мне покоя, я хочу знать, как должно держаться относительно них; оставайтесь спокойно здесь и грейтесь у огня, я же пойду разузнавать. До вашего лагеря я достиг, перелезая с дерева на дерево, рассмотрев вас хорошенько, я приготовился уже возвратиться, как, посмотрев на вас, капитан, мне пришла в голову одна мысль, так что вместо того чтобы уйти назад, я решил представиться

в ваш лагерь. Вот и все; вы знаете теперь столько же, как и я.

— Нет, это еще не все, — возразил старик, улыбаясь, — вы не сказали мне, какая это мысль пришла вам в голову, заставившая вас представиться мне.

— Это правда, капитан, благодарю вас, что вы напомнили мне об этом, я совершенно позабыл. Ко всему этому представьте себе, что мы очень любим нашего начальника, мы позволим изрубить себя, чтобы оказать ему услугу; он знает нашу дружбу и платит нам тем же, только с избытком; более месяца он очень беспокоится, не получая никаких известий от своего друга, которого он покинул в поселении и который обещал присоединиться к нему; в продолжение некоторого времени он беспрестанно повторяет: подождем, дон Грегорио не замедлит приехать, и тогда...

— Какое имя произнесли вы? — вскричал с живостью старик.

— Имя друга нашего начальника, которого он ожидает, дон Грегорио, разве вы знакомы с ним?

— Может быть. Не называет ли он его другим именем?

— Он называл его вот, кажется, как: доном Грегорио... Венальтом... Бечарда... ах, да вот как — доном Грегорио Перальта!

Старик и молодой человек находились в величайшем волнении, они обменивались блиставшими от радости взглядами, их глаза были наполнены слезами, между тем как лица сияли.

— О! В этом видна рука Божия! — вскричал старик в волнении, — это она привела сюда охотника.

— Что с вами, сеньор? — спросил Павлет, совсем смутившийся и не зная, что подумать. — Может быть, не желая, я причинил вам огорчение?

— Нет, мой добрый друг, напротив, вы доставили мне громадную радость.

— Да, да, мой друг, — вскричал молодой человек, протягивая ему руку, — охотник, который управляет вами, носит имя Валентина Гиллуа, не правда ли?

— Да, Валентина Гиллуа, Искателя следов, — отвечал Павлет.

— При нем находится индейский вождь, его друг, брат, — возразил молодой человек в сильном волнении, которого он не старался скрыть.

— Курумилла, начальник Арокана, а что, если случайно моя мысль оказалась хорошою и, сам того не зная?..

— Нашел друга своего начальника: да, мой друг, я дон Грегорио Перальта, я хочу присоединиться к нему и ищу его.

— О, небесная воля! Это сама судьба посылает меня вам, — вскричал радостно охотник, — будьте покойны, достойный сеньор, вы не проищете долго Валентина Гиллуа, я вам обещаю это; я проведу вас прямо к нему.

— Хорошо, мой друг, я соглашаюсь на это.

— И я вас благодарю, я приемный сын, брат...

— Донны Розарио, молодой девушки, которую мы хотим освободить.

— Да!

— А что же! — вскричал охотник, хлопнув себя по бедрам так, что этот удар был способен положить на месте быка, — я хорошо сделал, что послушался мысли, пришедшей в голову, и вошел в лагерь?

— Да, мой друг, какими счастливыми вы сделали нас! — вскричали оба человека, пожимая с жаром его руки.

Почему дон Луис отправился в Сен-Луи, лежащий на Миссури

Мы уже рассказали в первой части этой истории, как дон Грегорио Перальта был тяжело ранен в бедро во время нападения в Новом Орлеане на дону Валентина Гиллуа бандитов дона Мигуэля Тадео де Кастель-Леон и каким образом охотник, обязанный без замедления отправляться на поиски за донною Розарио, был вынужден покинуть своего больного друга в столице Луизианы.

Дон Грегорио Перальта и Валентин Гиллуа условились о месте свидания; между ними было решено, что если охотник отправится преследовать похитителей молодой девушки, дон Грегорио, как только оправится от болезни, со своей стороны, примется за поиски молодого человека.

Рана дона Грегорио, хотя она и не задела никакого важного органа, была очень серьезна; между тем достойный сеньор мог гораздо скорее выздороветь и получить возможность отправиться на поиски, о которых он помышлял, если бы горе, которое он испытывал при мысли о своем бессилии, не усиливало его болезни и не замедляло его выздоровления, делая часто бесполезными все усилия доктора и уничтожая действие лекарств.

Длинные наставления мистера Джона Естора, который делал ему каждый день визит, заставили его понять, что если он не возьмет на себя труда успокоиться, его болезнь может еще долго продлиться; дон Грегорио, ко-

торому, естественно, хотелось поскорее выздороветь, решился последовать добрым советам, так что его положение не замедлило улучшиться, а скоро он совершенно выздоровел.

Он был почти здоров, и уже ему представлялась минута, когда ему позволят снова приняться за поиски; доктор требовал от него только пяти или шести дней покоя, чтобы совершенно восстановить его силы, как однажды утром в комнату дон Грегорио вошел мистер Джон Естор в полном дорожном костюме.

— Я пришел проститься с вами, сеньор дон Грегорио, — проговорил главный начальник полиции, садясь в кресло.

— Вы уезжаете? — вскричал с удивлением дон Грегорио.

— Через час.

— Случилось что-нибудь новое?

— И много даже.

— Неужели касающееся Розарио и Луиса?

— Того и другого.

— Вы расскажете мне все, не правда ли? — вскричал он с оживлением.

— Я нарочно затем и пришел, но успокойтесь, прошу вас.

— Я успокоился, сеньор Джон Естор, я очень покоен, клянусь вам.

Американец добродушно улыбнулся.

— Хорошо, — сказал он, — но признаюсь, если вы меня обманываете, тем хуже для вас.

— Почему это?

— Потому что если вы не удержитесь от волнения, с вами сделается лихорадка; эта лихорадка, может быть, будет иметь дурные последствия; вместо того чтоб отправиться в дорогу через пять или четыре дня, что было бы очень важно, если бы вы сделали, вы будете принуждены лежать в постели Бог знает сколько времени, потому что возврат болезни всегда бывает ужасен, а от нее будет все зависеть, то есть мы, может быть, окончательно потеряем следы молодого человека, которого вы желаете спасти.

— Да предостережет меня небо от подобного несчастья, сеньор Джон Естор! — отвечал он. — Будьте покойны, этого не случится, я отвечаю за себя, что бы вы мне ни сказали, я останусь хладнокровным.

— Вы уверены в этом?

— Я вам это обещаю.

— Да будет так; я не стану более колебаться, слушайте.

— Я весь обращаюсь в слух.

— Вот в чем дело: сын вашего друга был продан в невольники своим родственником богатому плантатору в окрестностях Сен-Луи при Миссури.

— Вы уверены в этом?

— Вот доказательства, — сказал он, положив на стол сверток бумаг, — у вас будет время прочитать эти акты, более или менее законные, когда вы останетесь одни. Вот как произошло дело: дон Мигуэль Тадео привез молодого человека в Сен-Луи, дал ему выпить наркотического вещества, во время сна он был продан и сведен на плантацию, так почти всегда поступают. Это очень просто, как вы видите.

— Но бесчестно! — сказал дон Грегорио глухим голосом.

— Я совершенно разделяю ваше мнение, но позвольте заметить, что теперь не время рассуждать о нравственности этой продажи и ее законности; самое важное для нас — это расстроить ее, что будет легко, если вы хорошо возьметесь за дело.

— Как же я должен поступать, чтобы достигнуть этого результата?

— Я предполагаю, вы имеете бумаги молодого человека?

— Все и в совершенном порядке.

— Тем лучше, тогда все пойдет само собой, тем более что правительство очень строго относится к этим гнусным актам; только не следует терять ни минуты, потому что молодой человек может быть переселен, и тогда вам будет трудно его отыскать.

— Как переселен?

— Да, то есть его отошлют в отдаленную провинцию, находящуюся в другом штате, понимаете вы меня; так что, предполагая, что вы даже отыщете его, вам понадобятся целые годы, чтобы получить правосудие, и еще...

— Вы меня пугаете, мистер Джон Естор.

— Это совсем не мое намерение, дорогой сеньор, я сообщаю вам вещи, как они есть на самом деле, для того чтобы вы знали, чего придерживаться, вот и все.

— Хорошо, продолжайте.

— От вашего консула вы получите приказ, который позволит вам прибегнуть к маршалу в Сен-Луи; это лицо поймет, что нужно делать. Ваша роль ограничится тем, чтобы узнать молодого человека, когда он будет найден.

— И ничего более.

— Нет, оставьте действовать маршала, он привык к подобного рода делам.

— Хорошо, но кто же этот плантатор, который купил несчастное дитя?

— Этот некто известный Жозуа Левис, занимающийся различными подлыми предприятиями, владеющий колоссальным состоянием, приобретенным неизвестно как; он пользуется очень дурной репутацией.

— Судя по вашим словам, он просто злодей.

— Это правда, я выставил его еще в лучшем свете, присоедините к тому же, что, несмотря на свое состояние, это бандит самого дурного свойства, который не останавливается ни перед чем и с которым не нужно отступать ни перед какою крайностью.

— Я воспользуюсь вашими сведениями.

— Дом этого Жозуа Левиса очень обширен, он держит более пятисот негров; носит название Черного камня и находится на расстоянии трех с половиной миль от Сен-Луи; все эти сведения и многие другие находятся в бумагах, которые я вам принес; я написал их нарочно для вас, вам остается действовать только по ним буквально.

— Я исполню это, но разве в этом и все?

— Все.

— Но перейдем ко второму вопросу: вы уезжаете?

— Через час, я вам сказал уже.

— Куда вы отправляетесь?

— В Сен-Луи при Миссури, прямо туда, не останавливаясь.

— Но тогда... — сказал дон Грегорио.

— Что вы хотите сказать?

— Для вас самое легкое отложить ваш отъезд на три или четыре дня — и мы поедем вместе.

— Я сам желал бы этого, но это невозможно по двум причинам.

— По каким же?

— Во-первых, потому, что я слежу, и самая легкая неосторожность может меня погубить; я имею дело с человеком хитрым, с которым бороться нужно тоже с ловкостью и расчетом, если нас увидят вместе, все будет потеряно; во-вторых, потому, что поедет не Джон Естор, а одно неизвестное лицо, с которым ваше положение запрещает вам иметь какие-нибудь сношения.

— Что вы мне рассказываете, милый друг?

— Правду; сейчас, после ухода от вас, я переоденусь, и клянусь, что если вы встретите меня, то не узнаете.

— А из Сен-Луи куда вы отправитесь?

— Что касается этого, я пока еще не знаю, вы требуете от меня слишком многого. Я след нашего человека: куда он пойдет, туда и я.

— Это правда, извините меня.

— Приехав в Сен-Луи, я возведу ваш будущий приезд маршалу, вы будете хорошо приняты, когда увидите его, положитесь в этом на меня.

— Я не знаю, право, как мне благодарить вас?

— Пожав мне хорошенько руку.

— О, от всего сердца!

— А нашему другу, если я увижу его прежде вас, что сказать ему?

— Что я действую с моей стороны и присоединюсь к нему, когда будет возможно, то есть когда успею в своем деле.

— Хорошо, прощайте, я скрываюсь.

— Уже!

— Иначе нельзя!

— Ступайте, мой друг, желаю вам успеха; обнимемся на прощание.

Двое друзей держали друг друга с минуту в объятиях.

— Да будет воля Божия! И мы победим в нашем предприятии.

— О, дай Бог!

— Прощайте, прощайте!

— До свиданья.

Дон Грегорио, оставшись один, погрузился в раздумье, потом подвинул к себе сверток с бумагами, развернул его и принялся читать.

Это чтение продолжалось несколько часов.

Через двенадцать дней после отъезда главного начальника тайной полиции дон Грегорио прибыл в Сен-Луи при Миссури; его сопровождал консул из Чили, который ехал с ним, на случай если представятся какие-нибудь непредвиденные трудности.

Двое путешественников остановились в довольно роскошной гостинице; но так как они не хотели терять ни минуты, то, узнав, где находится квартира маршала, они тотчас же туда отправились.

Маршал был еще молод, хорошо сложен, имел приятное лицо и значительные манеры; эго был *true gentleman* в полном значении этого слова.

Он принял посетителей самым приветливым образом, ознакомился с содержанием бумаг, которые они ему представили; окончив первые приветствия, он сказал, предлагая им сигар и папирос:

— Господа, я прочитал, признаюсь, ваши бумаги только для формы; о вашем посещении меня известил один из моих старинных и лучших друзей, который мне горячо вас рекомендовал, так что мне остается только сказать вам: я весь к вашим услугам. Вы видите, милостивые государи, что я ожидал вас, потому смотрите на меня не как на друга, конечно, наше знакомство еще слишком коротко, чтобы я мог осмелиться почтить себя подобным титулом, но как на человека, готового сделать все, что вы ни пожелаете.

— Вы утешаете нас, милостивый государь, — сказал дон Грегорио с жаром. — Дело, по которому мы просим вашего содействия, так испещрено трудностями, что мы можем заранее поздравить себя с успехом, имея такого помощника, как вы.

— Это дело поистине очень важное, — ответил маршал, улыбаясь, — но, может быть, его не так трудно повести, как вы предполагаете.

— Мы имеем дело с сильной партией, милостивый государь!

— Это правда, но за вас право людей, недостойно нарушенное, и сам закон. Но будем лучше говорить откровенно: я не хочу, чтобы продолжалось более ваше беспокойство; я уже сказал вам, что вы мне были дружески рекомендованы одним из моих друзей...

— И моим также, милостивый государь, — сказал, кланяясь, дон Грегорио.

— Хорошо, — продолжал маршал, — мой друг объяснил мне все дело очень подробно; так как у меня оставалось несколько дней впереди и мне хотелось сделать вам что-нибудь приятное, то я и принялся за дело.

— Как, милостивый государь, вы были так обязательны?..

— Исполнил только мой долг, милостивый государь. Выслушайте хорошенько вот что: я узнал, что в продолжение нескольких дней происходило сильное волнение между неграми в поместье господина Жозуа Левиса; я приказал ловкой сыскной полиции наблюдать за этой местностью. Я услышал, что это волнение было возбуждено одним молодым невольником смешанного происхождения, недавно прибывшим на плантацию и выдававшим себя за принадлежащего к белой расе; он был продан в невольники вследствие гнусной интриги, жертвой которой он сделался.

— Это Луис, сын моего друга! — вскричал с живостью дон Грегорио. — О, если бы только я мог его увидеть!

— Подождите немного, — сказал тихо маршал с тонкой улыбкой.

— Простите меня, милостивый государь. Но если бы вы знали, если бы вы могли знать...

— Имейте терпение, милостивый государь.

— Успокойтесь, мой друг, я вас умоляю об этом. Позвольте господину маршалу рассказать нам, что он считал своею обязанностью совершить.

— Да, вы правы, я с ума сошел. Продолжайте, продолжайте, милостивый государь, я не буду более говорить, я нем теперь.

Маршал улыбнулся и продолжал:

— Уже три дня прошло с тех пор, как я был извещен одним из моих агентов, что волнение увеличилось до таких размеров, что если будет продолжаться так далее, то не замедлит обратиться в открытый бунт. Я взял предосторожности, чтобы быть готовым к всевозможным происшествиям; действительно, сегодня утром я узнал, что мятеж разразился окончательно в самых ужасных размерах. Я велел тотчас же вскочить шести ротам моих поверенных на лошадей и, поехав во главе их, направился со всевозможной поспешностью к поместью.

Я приехал как нельзя кстати. Бунтовщики сделались полными хозяевами плантации. Мистер Жозуа Левис, его дворецкий и несколько черных, оставшихся верными, заперлись в уединенной беседке, встречали ужасным залпом выстрелов возмущившихся, которые пытались овладеть павильоном и поджечь его.

Заметив меня, мистер Жозуа Левис испустил торжествующий крик. Что касается бунтовщиков, они с ужасными криками обратились в бегство по всем направлениям, покинув свое оружие или по крайней мере свои палки, топоры, ножи, камни, которые заменяли оружие.

Один только молодой человек не более двадцати лет, вооруженный топором, которым он управлял с замечательной ловкостью, не последовал бесстыдному поведению мятежников и продолжал храбро сражаться.

Этого молодого человека, которого я прежде никогда не видал, я узнал с первого взгляда: это был тот, о котором меня просили позаботиться.

Я приблизился к нему и, объяснив, кто я такой, приказал ему бросить топор и остановиться.

— Пусть будет так, — сказал он мне гордо, — вы магистрат; я вверяюсь вам, потому что я тщетно искал правосудия и убежден, что наконец вы мне его доставите.

— Правосудие будет вам оказано, — сказал я ему.

Через десять минут негры принялись за исполнение своих обязанностей, и мир был водворен.

Я сказал быстро моему пленнику: ни слова не говорите, оставьте меня действовать, я послан доном Грегорио.

Молодой человек посмотрел на меня с удивлением; я приложил палец к губам и поспешил пойти навстречу мистеру Жозуа Левису, который оставил павильон и приближался ко мне очень поспешно.

Мистер Жозуа Левис горячо поблагодарил меня за помощь, которую я ему так случайно подал; сказал мне, что без меня невольники, вероятно, убили бы его, сделал мне несколько блестящих предложений, которых я, понятно, не принял, спросил меня, многих ли из этих несчастных негров я арестовал; я отвечал отрицательно.

— Ну, все равно, — отвечал он мне, — это скоты, я от них не требую многого, но между ними находится

один, вождь этого заговора, несчастный, который заплатит мне за всех и который управлял всем этим бунтом! Я приготовил ему примерное наказание! Ничто не может избавить его от моей мести!

В эту минуту он заметил пленника.

— А-а! — сказал он, подходя к нему со сверкающим взглядом и поднятым хлыстом. — Так вот ты, бездельник, настало время свести наши счеты.

— Только ни передо мною, — сказал я ему, останавливая его руку.

Пленник не сделал ни одного движения, он смотрел на своего господина с выражением поразительного презрения; этот же ревел от ярости.

— Хорошо, — пробормотал он сквозь зубы, — он не потеряет ничего, если подождет. — И, обратясь к своему дворецкому, который стоял неподвижно около него, держа в руке страшный хлыст из кожи бегемота, сказал ему: — Велите положить этого негодяя, надев на него колодки, с перекрещенными ногами, голого, на постель из кактусовых листьев, с руками, привязанными к спине; ступайте, поспешите.

Дворецкий сделал знак двум неграм приблизиться и приготовить все для исполнения приказа.

— Извините, — сказал я дворецкому, останавливая его, — этот человек — мой пленник, я запрещаю вам дотронуться до него.

— Что это значит? — вскричал мистер Жозуа Левис с угрозой. — Мне кажется, что вы заблуждаетесь, мистер маршал.

— Менее всего на свете, — отвечал я.

— Этот человек мой невольник, он мне принадлежит, — возразил он с запальчивостью, — я имею все права на него, даже могу его убить, тем более никто не может помешать мне наказать его.

— Я не мешаю вам его наказывать, мистер Жозуа, — отвечал я холодно, — я готов, напротив, протянуть вам свою сильную руку для помощи, если он виновен.

— Вы еще спрашиваете, виновен ли он? — вскричал Жозуа, топая от гнева ногами, — он, который взбунтовал моих негров и стал во главе их! Он, который хотел убить меня и который совершил бы это, если бы вы не приехали!

— Вы уверены, что этот человек действительно начальник бунта, мистер Жозуа?

— Без сомнения; я это буду утверждать, если потребуется, перед всеми магистратами штата.

— Очень хорошо, мистер Жозуа. Господа, — вы свидетели, а теперь садитесь на лошадей, поспешим, нужно, чтобы этот человек в продолжение часа был заключен в тюрьму графства.

— Что вы говорите? — вскричал мистер Жозуа, дрожа от гнева, — разве вы думаете увезти моего невольника?

— Я не увожу вашего невольника, я просто отвезу его в тюрьму графства.

— По какому же праву вы хотите его увезти?

— По праву, которое мне дает закон.

— Закон не имеет никакого отношения к этому; мой невольник принадлежит мне, и никто не может увезти его с моей плантации.

— Вы ошибаетесь, мистер Жозуа, — отвечал я, — ваш невольник принадлежит вам, это ваше имущество, ваша собственность, я это признаю и не имею ни малейшего намерения отнять его у вас.

— Хорошо, но тогда?.. — вскричал он, с гневом топая ногой.

— Свод законов для негров, который управляет невольничеством, доставляет вам право учинять правосудие над вашими рабами в случаях только внутренней и частной дисциплины, но когда дело идет, как в предстоящем случае, о бунте и сопротивлении с оружием в руках, свод законов постановляет буквально следующее: всякий невольник, признанный виновным в произведении бунта и сопротивлении с оружием в руках против своего господина и законного владельца, должен быть непосредственно предан полноправным властям в графстве, чтобы произвести над ним скорый и верный суд, а также, чтобы он послужил примером для остальных невольников, которые оставили бы всякое намерение производить такие беспорядки; хозяин означенного невольника должен быть вознагражден за убыток. Вот, мистер Жозуа, в силу какого закона я поступаю; будьте так добры, прикажите позволить мне проехать, для того чтобы я мог отвезти моего пленника.

— Вы не уедете, чтоб черт меня побрал! — вскричал он в страшном бешенстве, — этот бездельник не выйдет из моих владений!

— Берегитесь, мистер Жозуа! Ваши речи дурно действуют на мой слух; вы хотите тоже мне оказать сопротивление, вы сами? Уведите пленника, — сказал я своим агентам.

Они немедленно повиновались; пленник был связан со всеми внешними предосторожностями и посажен на лошадь, позади одного из агентов.

У мистера Жозуа была пена у рта от злости; он буквально позеленел, щелкал зубами, произносил бессвязные слова, но в конце концов сила была на моей стороне; он не сделал ни малейшего сопротивления приказаниям, которые я отдал.

— В дорогу! — закричал я своим людям.

— Увидим еще, — сказал мне мистер Жозуа дрожащим голосом, — я тоже отправляюсь в Сен-Луи.

— Как вам угодно, — отвечал я.

Недалеко от въезда в город мистер Жозуа обогнал меня; он скакал как сумасшедший.

— До скорого свидания! — закричал он мне угрожающим тоном, проезжая рядом со мною.

Я пожал плечами, не ответив ничего, и мирно продолжал мой путь.

Вы понимаете, что я не рискнул бы на подобное предприятие, не приняв предварительно предосторожностей; я посоветовался с губернатором и главным судьей, которым я рассказал историю во всех ее подробностях, сказав им, кто снабдил меня этими сведениями; эти почтенные джентльмены были сильно возмущены; Жозуа Левис давно известен здесь, знают все, на что он способен; губернатор и верховный судья не сомневались в виновности его в этой гнусной интриге, жертвой которой сделалось несчастное дитя; между тем они колебались, ваше отсутствие и недостаток доказательств заставили их призадуматься; то, что я хотел сделать, признаюсь, было очень неправильно: у меня не было ни одного доказательства для обвинения этой богатой и влиятельной алчности, как бы не была дурна ее репутация.

Но я отстранил все сомнения и уничтожил колебание этих двух уважаемых джентльменов, уверив их, что вы приедете через два дня, снабженный всеми необходимыми

ми документами, что следует безотлагательно действовать и что в случае недоразумений я беру на себя ответственность во всем, что будет сделано.

Губернатор и верховный судья сдались тогда и дали разрешение действовать.

Когда мистер Жозуа Левис представился губернатору, этот принял его очень дурно и отослал к верховному судье, который принял его еще хуже и посоветовал, ввиду своего личного интереса, лучше молчать и ничего не предпринимать, потому что это может очень дурно для него кончиться; он объяснил ему, что я исполнил только свою обязанность и что я не стал бы поступать таким образом, если бы не имел непреложных доказательств преступления, которое было совершено; что до сих пор еще никто не думал обвинять его; предполагали, что негодяи вмешали его в это незаконное дело, но что для него важно, при том положении, которое он занимает, не привлекать внимания суда на это дело.

У мистера Жозуа Левиса была далеко не так чиста совесть, как он это выказывал; он понял все с полуслова, склонил голову и, не настаивая более, простился; проклиная себя и всех, он возвратился на свою плантацию; он почувствовал, что правосудие гораздо разумнее, нежели он это предполагал, и что для него необходимо теперь действовать с большой осторожностью.

Что вы думаете обо всем этом, милостивые государи?

— Мы думаем, что вы поступили, как человек с сердцем и умом; мы чистосердечно благодарим вас за ваше благородное вмешательство.

— Я не знаю, каким образом я могу отплатить вам за все это, милостивый государь, — сказал с жаром дон Грегорио.

— Не будем говорить об этом, я исполнил только мой долг.

— Это несчастное дитя, где оно?

— В тюрьме, но будьте уверены, там ему доставляют все удобства, на которые он имеет полное право; через час он будет с вами.

— Бедное дитя, — сказал, вздохнув, дон Грегорио.

— Теперь, милостивые государи, хорошо было бы, если бы вы отправились со мною к губернатору и верховному судье, чтобы исполнить последние необходимые

формальности для освобождения нашего интересного пленника.

— Мы готовы сделать все, что вы только пожелаете.

— Вы мне позволите дать вам один совет, милостивый государь?

— Сделайте одолжение, говорите.

— Хорошо. Когда молодой человек будет вам возвращен, не предпринимайте никаких действий; страна с некоторого времени находится в состоянии необыкновенного волнения; может быть, мы присутствуем при зарождении великих и страшных событий. Вы чужестранцы, будьте осторожны.

— Это наше намерение, милостивый государь.

— Понятно, — сказал, смеясь, маршал, — что если на вас нападут, вы будете вправе защищаться.

— Что вы хотите этим сказать, милостивый государь?

— Мой Бог! Только то, что со стороны Жозуа Левиса, такого негодяя, как он, должно всего ожидать; он способен даже расставить вам западню.

— Мы будем его остерегаться, милостивый государь.

— И совершенно справедливо поступите, во всяком случае я вас предупредил; поступайте, как знаете.

Тогда все встали и вышли.

Губернатор и верховный судья приняли очень хорошо двух иностранцев; они радовались тому, что позволили маршалу действовать произвольно; после многих приветствий и благодарностей путешественники расстались с ними.

Маршал провел тогда консула и дона Грегорио в тюрьму, где, прочитав тюремный список, он велел начальнику привести узника.

Свидание дона Грегорио и дона Луиса было одно из самых трогательных; они бросились друг другу на шею и как будто замерли в объятиях.

Дон Грегорио был в восхищении: один из детей его друга был спасен — половина задачи была выполнена. Дон Грегорио позаботился велеть принести одежды, приличные сану, к которому принадлежал молодой человек в обществе; по приглашению своего друга дон Луис тотчас же переоделся.

Все присутствующие были поражены переменой, произведенною в нем этой одеждой; он преобразился, сделался совершенно другим человеком.

Что касается молодого человека, то радость лишала его рассудка; он смеялся и плакал в одно и то же время; он не осмеливался еще поверить своему освобождению, он обращался к своим спасителям с самыми странными вопросами.

Это потому, что прежнее обращение с ним было слишком грубым и зверским.

Он, минуто тому назад невольник, т. е. нечто вроде животного, которое можно было бить сколько угодно, на которое смотрели не как на человека, имеющего право думать и действовать, но как на скота, который должен был смиренно склоняться под плетью дворецкого, представлять свою спину розгам, не смея произнести жалобы или обратиться с просьбой к своим палачам, приговоренного навсегда самую сущностью этого бесчеловечного рабства постоянно нести такую тяжкую жизнь; прозябать как какое-нибудь животное посреди людей, благоденствующих вследствие его ужасного существования; и тут вдруг в несколько секунд узы, которые опутывали и врезались даже в его тело, спали; отвратительные лохмотья, которые его едва прикрывали, исчезли; он увидел себя тем, чем был до сих пор; внезапно ему возвратились все права; он стал таким же человеком, как и другие; он мог думать, говорить, смеяться, плакать, не опасаясь подвергнуться наказанию; он был свободен!

Это слово была вся его жизнь, все его счастье; он повторял его с криками и рыданиями, так что испугал своих друзей; он долго, не отчаиваясь, боролся против этих несчастий и страданий, чтобы достигнуть свободы, которой он пользовался теперь таким неожиданным и чудесным образом; он изнемогал под тяжестью своего счастья и не чувствовал себя настолько сильным, чтобы его вынести.

— О! — вскричал он вдруг, — эти стены давят меня, они захватывают мое дыхание; моим легким недостает воздуха под этими мрачными сводами; выйдем отсюда, мои друзья, чтобы я мог видеть солнце и чтобы мои легкие могли свободно дышать.

И он бросился вон из тюрьмы.

Его друзья последовали за ним, глубоко тронутые и улыбающиеся.

Как дон Луис импровизировал пролог к опере «Puritani»

Дон Грегорио Перальта чрезвычайно торопился уехать из Сен-Луи; если б это зависело от него одного, он бы в тот же вечер возвратился в Новый Орлеан.

К несчастью, это было невозможно, и нечего было думать об этом; хотя с коммерческой точки зрения на реке господствовала необыкновенная деятельность и сообщение между Сен-Луи и Новым Орлеаном было ежедневное, тем не менее с путешественниками и туристами было совсем другое: чтоб не обречь себя на скуку, неудобство и медленное плавание нагруженных товаром торговых судов, шедших вниз по Миссури, приходилось ждать отплытия парохода, который перевозил каждый понедельник пассажиров в Новый Орлеан.

Дон Грегорио Перальта прибыл в Сен-Луи во вторник, так что ему предстояло ждать почти целую неделю. Он охотно покорился необходимости, тем более что, по его мнению, дону Луису нечего было опасаться своего прежнего господина; положение было вполне определенное; притом, в случае надобности, он найдет деятельную поддержку в местных властях, всегда готовых противостоять всякой ловушке, всякому насилию со стороны мистера Жозуа Левиса.

Плантатор, казалось, вполне примирился с потерей своего так называемого раба; дело это наделало много

шуму, его везде осуждали, но со времени его неудавшегося ходатайства у губернатора и в суде он поселился опять дома и не подавал даже признаков жизни.

Дон Грегорио чувствовал себя слишком обязанным маршалу, который в деле освобождения дона Луиса де Пребуа-Крансе выказал столько преданности и деликатности, чтобы не иметь к нему полнейшего доверия и не открыть ему со всеми подробностями причины своего путешествия в Соединенные Штаты и всего, что произошло с ним в Новом Орлеане.

Однажды, когда они болтали после завтрака, положив локти на стол и наслаждаясь превосходным кофе и гаванскими сигарами, разговор стал принимать все и более интимный характер и наконец перешел на очень интересную тему.

— Так вы знаете, милостивый государь, этого знаменитого жителя лесов, которого краснокожие и охотники прозвали Искателем следов?

— Да, я хорошо знаю его; мы большие друзья вот уже двадцать пять лет; я говорил вам, что отец дона Луиса был его молочный брат...

— Да, — перебил его маршал, — вы рассказывали мне эту интересную историю. Надо сознаться, что этот Валентин Гиллуа странный человек! Он и его друг индеец Курумилла пользуются громадной известностью на протяжении всех лугов, где их одинаково уважают и белые охотники, и краснокожие.

— Разве вы их знаете?

— Да кто же не знает Валентина Гиллуа и Курумиллу? — вскричал маршал. — Они обладают несметными богатствами; у богатейшего банкира в Сен-Луи они имеют на текущем счету два миллиона долларов, а он не единственный их банкир. Я несколько раз видел этих двух замечательных людей, я имею даже честь считаться их другом. Они оказали нам немало услуг в наших стычках с краснокожими; мы не знали бы, как и выпутаться из этих стычек, если б Валентину Гиллуа не удалось, благодаря его влиянию на индейцев, устранить все препятствия к миролюбивой сделке.

— Я очень рад слышать это.

— О, эти два человека чрезвычайно любимы в Сен-Луи; когда станет известно, что очаровательный молодой

человек, которого нам удалось освободить, почти их приемный сын, у него найдется столько защитников в народе, что мистеру Жозуа Левису лучше заблаговременно отказаться от своих замыслов.

— Будьте уверены, что первым моим долгом при свидании с другом моим Валентином будет сообщить ему, как доброжелательно к нему здесь относятся.

— Разве вы рассчитываете скоро с ним увидеться?

— Конечно, — возразил дон Грегорио, улыбаясь, — как только я покончу с некоторыми делами в Новом Орлеане, а это будет очень скоро, я отправлюсь к нему.

— Так вы знаете, где найти их?

— Знаю, мы назначили друг другу место для свидания.

— Не будет нескромностью с моей стороны спросить, где назначено это свидание?

— Нисколько, потому что я уверен, что единственно ваше участие ко мне заставляет вас предложить этот вопрос.

— Вы вполне поняли меня, милостивый государь.

— Мы встретимся в Скалистых горах, в месте, называемом *Воладеро Серого Медведя*.

— Гм, — засмеялся маршал, — вот истинно индейское свидание; разве вам знакома эта местность?

— Мне! Как же мне знать ее, когда я ни разу не был на лугах.

— Ах, черт возьми! Да каким же образом вы доберетесь? Ведь там нет ни железных дорог, ни пароходов, ни дилижансов!

— Очень может быть, — ответил дон Грегорио, — но я думаю нанять нескольких лесных жителей, которые укажут мне место. Они ведь должны его знать?

— По крайней мере некоторые из них, хотя Скалистые горы еще мало посещаются и малоизвестны. А сколько людей вы думаете нанять?

— С сотню.

— Не больше? Да ведь это будет вам стоить сумасшедших денег.

— Что же делать! Ведь вы знаете, какую экспедицию предпринял Валентин, она очень трудна и опасна. Я его уж давно не видел и не знаю, в каком положении найду его. Может быть, он остановился за

неимением достаточных сил, тогда я приведу ему подкрепление.

— Вы правы, сеньор, ваша мысль превосходна. Так вы наберете лесное войско?

— Да, по приезде в Новый Орлеан это будет первой моей обязанностью.

— Почему же непременно в Новый Орлеан?

— Черт возьми! Я думаю, что в таком большом городе мне легче будет скоро обделать свое дело, чем в маленьком и неторговом.

— Как Сен-Луи, например?

— Как Сен-Луи, если хотите.

— Ну, так знайте же, милостивый государь, что вы заблуждаетесь самым опасным образом.

— Я?

— Вы, милостивый государь. Соболаговолите выслушать меня.

— С большим удовольствием.

— Знаете ли, что вы найдете в Новом Орлеане?

— По всей вероятности, людей, которых ищут.

— Ничуть не бывало. Вы найдете людей с мешками и веревками, пиратов худшего сорта. В них, слава Богу, недостатка нет; их даже чересчур уже много, но зато ни одного лесного жителя и ни одного охотника.

— Да почему же?

— Очень просто: их там и нет. Местные жители никогда не рискуют заходить вовнутрь цивилизованной страны, разве уж крайность придет; они ходят только в пограничные города, чтоб торговать, то есть продавать меха и шкуры и покупать необходимую провизию.

— В самом деле, это очень вероятно.

— Да, конечно, это так.

— Так вы думаете, что я могу и здесь набрать нужных мне людей?

— Я уверен, что можете; положим, что вам понадобится на это немало времени: сто человек, таких, как вам нужно, то есть честных, верных и отважных, не так-то легко найти; вы провозитесь несколько дней. Но вам стоит только сказать, что вы поведете их на помощь Валентину Гиллуа, и они с радостью пойдут.

— Так вы согласны помочь мне еще и в этом деле?

— Разумеется, я очень рад. Мы примемся за дело, когда вам будет угодно.

— Я к вашим услугам.

— Хорошо, но прежде условимся как следует, чтобы избежать всякого недоразумения. Вы думаете возвратиться в Новый Орлеан?

— Я должен непременно.

— Так вот что мы сделаем: мы воспользуемся несколькими днями, которые вы еще проведете здесь, чтоб набрать как можно больше людей. Вы знаете условия найма?

— Не имею ни малейшего понятия, я буду очень благодарен вам, если вы мне их сообщите.

— Так слушайте: сто долларов в месяц и двести долларов вперед, если их нанимают на три месяца. Только так как вы ищите людей избранных, то я бы советовал вам не скупиться и дать даже больше, если только возможно.

— Ну, за этим дело не станет! Я назначу по сто пятьдесят долларов в месяц и триста вперед; кроме того еще премию в сто долларов каждому по окончании экспедиции. Нанять их надо на три месяца, и хоть бы экспедиция окончилась раньше срока, они все-таки получат и жалованье, и награду.

— Условия очень хороши, и за такое жалованье нечего сомневаться, что я достану подходящих людей; только предупреждаю вас, что это обойдется очень дорого. Судите сами: это составит сумму в пятьдесят пять тысяч долларов.

— Э, не все ли равно, какая сумма! Главное, удалось бы дело! Дон Луис, Валентин Гиллуа и я — все мы богаты.

— Отлично. В таком случае вам нечего возвращаться. Когда люди будут наняты, я укажу им место, где вы их встретите.

— Право, мне совестно: вы так добры!

— Э, полноте! Я только стараюсь быть вам полезен, не больше. Мне так горячо рекомендовали вас, что я считаю приятною обязанностью служить вам.

— Надо бы так устроить, чтобы наша встреча произошла вблизи того места, куда нам надо отправиться.

— Или по крайней мере не слишком далеко. Я знаю только одно такое место.

— Какое?

— Торговая контора в штате Минозота, где вам легко будет также пополнить ваше войско, в случае если это нам здесь не удастся.

— Как называется эта контора?

— Форт-Снеллинг. Это маленький городок, еще наполовину индейский, где производится деятельная торговля мехами, он находится в самом центре поселений краснокожих, на границе области Высоких трав. Он всего в пятидесяти милях от Скалистых гор и недалеко от Красной реки.

— Bravo! Место выбрано как нельзя удачнее. Но как мне попасть туда из Нового Орлеана?

— Ничего нет легче! Сообщение там превосходное! По железной дороге и на пароходе вы доедете почти до самого Форт-Снеллинга. Вы могли бы опять сюда приехать и отсюда уже отправиться, но это было бы гораздо дольше, а вы торопитесь.

— Ужасно тороплюсь! Так я вам дам теперь чек в шестьдесят тысяч пиастров на моих банкиров в Новом Орлеане, господ Артура Вильсона, Рокетта и Блондо; этот чек подпишет мой друг, чилийский консул, и мы сейчас же примемся за набор людей.

— Хорошо, это золото в слитках. Но зачем же шестьдесят тысяч долларов? Мне кажется, что это слишком много!

— Ничуть! Ведь надо еще каждого снабдить лошадью. Вы им дадите сейчас же по пятидесяти долларов на первые издержки.

— Отлично! Как вы щедро распоряжаетесь! При такой щедрости удаются самые трудные дела. Вот вам бумага, перо и чернила. Пишите!

Дон Грегорио написал и передал перо консулу, который присутствовал при этом разговоре, не произнося ни слова, и тот подписался, не заставив долго просить себя.

— Ну, вот и готово! — воскликнул маршал, пряча чек в свой бумажник, — теперь мы пойдем к банкиру, затем станем бродить по конторам. В это время как раз приходят охотники запасаться провизией на зиму; я уверен, что мы еще сегодня успеем набрать нескольких.

Все поднялись.

— Не забудьте, господин консул, — сказал маршал, — что сегодня ровно в шесть часов мы обедаем все вместе и затем отправляемся в оперу слушать «Puritani».

— Как же, я постараюсь не опоздать, — ответил консул.

— Если увидите дону Луиса, не забудьте, пожалуйста, напомнить ему о моем приглашении.

— Постараюсь.

Все трое вышли, простились, консул повернул направо, а маршал и дон Грегорио — налево.

— Что случилось с нашим освобожденным? — сказал, смеясь, маршал, обращаясь дорогой к дону Грегорио. — Он должен был сегодня завтракать с нами и не пришел.

— Он очень рано куда-то отправился. Когда я встал, слуга передал мне записку от него, в которой он сообщает, что ему необходимо уйти, и просит меня не беспокоиться и извиниться за него перед вами.

— Ему следовало бы остерегаться, — ответил маршал, — он имеет дело с подлецом, который будет пользоваться всяким удобным случаем, чтоб навредить ему.

— О, что касается этого, я ничуть не беспокоюсь: хотя он кажется таким молодым, он постоит за себя; его отец, который обожал его, дал ему воспитание настоящего лесного жителя; он одарен недюжинной силой, замечательной ловкостью в телесных упражнениях и владеет оружием в совершенстве. Я видел, какие необыкновенные штуки он выделывал, сидя на лошади. Притом еще он обладает львиной храбростью и хладнокровием, которое ему никогда не изменяет. Если бы Жозуа Левис напал на него, он встретил бы сильный отпор.

— Если так, тем лучше! Впрочем, я уже видел его раз в деле и, признаюсь, был поражен. Он руководил этим возмущением негров с замечательным умением и хладнокровием. Без нашего вмешательства плантатору бы несдобровать. Право, я не был бы недоволен, если бы он его хорошенько проучил.

— Я боюсь, что он намеревается это сделать: он ужасно злопамятен и, наверное, захочет отомстить ему, прежде чем уедет из Сен-Луи.

— Это очень естественно: ему есть за что мстить. Но вот мы уже подошли к конторе. Войдем.

Этот банкир торговал также мехами. Он принял обоих посетителей очень хорошо, охотно разменял чек и, когда узнал, что нужно дону Грегорио, обязательно предложил свои услуги.

— У меня, кстати, есть в конторе несколько луговых охотников, которые пришли менять меха, — сказал он. — Если хотите повидаться с ними, я вас провожу. Может быть, они согласятся.

Посетители приняли приглашение. Банкир повел их в свою контору; там была целая толпа; маршал отличил в ней с двадцать лесных охотников, которые своим диким видом и странной одеждой резко выдавались между другими.

— А знаете вы этих людей? — спросил маршал у банкира.

— Еще бы! Я уж несколько лет с ними ведаюсь и вполне могу отвечать за их честность, вы совершенно спокойно можете их нанять, конечно, если они согласятся. Хотите, я поговорю с ними?

— Я буду вам очень благодарен, — ответил дон Грегорио.

— Эй! Том Трик! — закричал банкир. — Подите-ка сюда, дружище! Вам хотят предложить кое-что.

— К вашим услугам, мистер Гри-Уиль, — ответил, приближаясь, охотник.

В нескольких словах ему объяснили, в чем дело.

Охотник призадумался на минуту, но скоро обернулся к тому месту, где сидели его товарищи, и, возвысив голос, закричал им:

— Эй, вы! Идите сюда! Я расскажу вам новость.

Охотники протиснулись сквозь толпу и приблизились.

Это были все люди сильные, энергичные и в самом цветущем возрасте.

— В чем дело? — спросил один из них с глубоким поклоном.

— Вот что: по-видимому, Валентин Гиллуа, Искатель следов, предпринял экспедицию в Скалистых горах около Воладеро Серого Медведя, между рекой Ветром и...

— Красной? Знаю, — ответил другой.

— Ну, так теперь наш друг стеснен там и призывает нас на помощь.

— Да уверен ли ты, что это правда?

— Правда, Джонсон, правда.

— Так, значит, надо идти.

— Ты думаешь?

— Мы все так думаем! — закричали в один голос охотники.

— Не можем мы оставить в беде человека, который оказал нам столько услуг, — прибавил Джонсон.

— Вот этому господину, — представил Том Трик дон Грегорию, — он поручил набрать и привести к нему сто храбрецов.

— На нас можете рассчитывать, — ответил Джонсон, — а остальные скоро найдутся.

— Нанимают на три месяца, сто пятьдесят долларов в месяц жалования, пятьдесят долларов подъемных; триста вперед и сто наградных по окончании экспедиции.

— Валентин всегда щедро расплачивается, — ответил Джонсон. — Да мы бы пошли и даром, мы готовы жизнь отдать за Искателя следов, но так как он предлагает плату, то не принять ее будет для него оскорблением. Сударь, мы готовы подписать условие.

Сказано — сделано.

— Знаете что, сударь? — сказал Том Трик, — вы уж не беспокойтесь бегать по конторам: мы приведем вам наших товарищей, через три дня у нас будет сто человек, все храбрецы, знающие пустыню как свои пять пальцев.

— Вы знаете мои условия? — ответил дон Грегорию. — Для меня всего важнее, чтоб все были такие же честные и преданные люди, как вы.

— Будьте покойны, сударь. Уж мы постараемся. Мы будем брать все людей, знакомых Валентину, а уж между его друзьями нет людей бесчестных.

— Отлично, все, значит, решено. Я даю вам полную свободу действий, друзья мои. Вы, Том Трик и Ван Джонсон, приходите ко мне в гостиницу отдать отчет, и там я уже сообщу вам, где нам встретиться, чтоб начать компанию.

— Другими словами: отправляться в поход, — прибавил Том Трик, смеясь. — А где же, позвольте спросить, находится ваша гостиница?

— Гостиница «Вашингтон», спросить дона Грегорио Перальта.

— Слушаю, сеньор. До свидания. Скоро принесем приятные вести.

Маршал и дон Диего простились с банкиром и вышли, очень довольные своим визитом.

В самом деле, лучшего нельзя было и ожидать: дон Грегорио разом нанял тридцать четыре человека, на которых вполне можно было положиться, в один день третью часть войска. Таким образом, и трех дней не понадобилось бы, чтобы набрать сто человек.

В нескольких шагах от жилища банкира друзья растались, дав обещание друг другу сойтись опять ровно в шесть часов.

Маршал пошел по делам, а дон Грегорио домой. Он осведомился, возвратился ли дон Луис; никто его не видел.

Дон Грегорио, которого начинало тревожить это долгое отсутствие, пошел в свою комнату и принялся писать.

Около шести часов, в ту самую минуту, когда дон Грегорио собирался к маршалу, дон Луис вошел в комнату.

Молодой человек был разодет и свеж, как будто провел целый день дома.

— А! — весело закричал дон Грегорио, — наконец-то вы пришли, беглец.

— К вашим услугам, милостивый государь, — ответил молодой человек с поклоном.

— Да где же вы были целый день, что никто не видел вас?

— Просто бегал. Я еще так недавно получил свободу, что чувствую ужасную потребность в воздухе и движении; мне решительно не сидится на месте.

— Это очень понятно, но все-таки у вас была же какая-нибудь цель?

— Может быть, — отвечал он с какой-то странной улыбкой. — Я посетил окрестности; они необыкновенно живописны, я до того увлекся, что незаметно для самого себя забрел гораздо дальше, чем думал. Оттого я и опоздал и прошу извинить меня, сударь!

— Предо мной вам нечего извиняться, дитя мое, но не надо забывать, что существуют приличия и об-

щественные условия, которым всякий обязан подчиняться.

— Это совершенно справедливо, — ответил дон Луис, улыбаясь, — но ведь я так еще недавно был рабом, и меня не следует так строго судить. К тому же, я готов сопровождать вас к маршалу.

— Я жду еще нашего друга.

— Я здесь, — ответил тот, отворяя дверь. — Мы можем идти, если угодно, дон Грегорио.

— Я готов.

— Так в дорогу! А что ваш набор? Идет?

— Лучше, чем я надеялся: я уже нанял больше трети.

— Bravo! Так вам, значит, скоро можно будет отправиться в путь?

— Ах, если б скорей! С какою радостью я бы бросился в объятия своему приемному отцу! — вскричал с волнением молодой человек. — Как бы я желал уже увидеть этого верного друга моего отца!

— Терпение, дитя мое! Вот уж скоро вы увидите его.

— И вам я буду обязан этим счастьем. О, дон Грегорио, как я докажу вам свою преданность!

Они вошли к маршалу.

— В добрый час, — весело закричал тот, увидев молодого человека, — наш беглец нашелся.

— Да, сударь, — ответил дон Луис с очаровательной улыбкой, — и в отчаянии, что не воспользовался вашим любезным приглашением сегодня утром.

— Не стоит говорить об этом. Лишь бы вы теперь пришли к столу. Господа, к столу!

Обед начался.

— Вы знаете, дон Луис, — сказал маршал, — что мы идем сегодня в театр?

— Да, сударь, я имел уже честь слышать об этом от вас.

— Может быть, вы для того и пришли? — спросил он, смеясь.

— О, сударь, как можете вы думать так! Я очень люблю театр и давно не был в нем, но все-таки...

— Ну-ну, хорошо! — прервал тот. — Не оправдывайтесь, это лишнее.

— Идет, кажется, опера «Puritani». Это превосходное произведение, и я с величайшим удовольствием снова прослушаю его. Хорошая здесь труппа?

— Не знаю, право, это бродячая итальянская труппа; примадонну ужасно хвалят, как я слышал. Впрочем, мы сами услышим.

— А помещение театра каково?

— Довольно хорошо для провинциального театра, который почти всегда закрыт.

— Есть там фойе?

— Как есть ли фойе? Конечно есть, и даже очень хорошее; это самое лучшее из всего, что есть в театре.

— Я надеюсь, вы мне покажете его?

— С величайшим удовольствием.

— А хорошие у нас места?

— Наша ложа около губернаторской и как раз против сцены.

Дон Луис улыбнулся.

— Я вижу, — сказал он, — что благодаря вам мы прекрасно проведем вечер.

Когда обед кончился, все поднялись и прямо отправились в театр, куря и болтая.

Когда они вошли в ложу, занавес еще не был поднят, но театр был битком набит.

Американцы замечательные энтузиасты; они восхищаются всем, что кажется им необыкновенным.

Дело дона Луиса наделало ужасно много шума в городе, Жозуа Левиса все осуждали, и во всех общественных местах ему плохо приходилось.

Когда дон Луис вошел в ложу, все решительно поднялись с мест, и раздалось единодушное «браво», доказывавшее, как все население сочувствовало молодому человеку.

Дон Луис покраснел, вышел вперед и поклонился.

«Браво» и «ура» удвоились с такой силой, что весь театр задрожал.

В то же мгновение раздался свисток, и кто-то с бешенством закричал:

— За дверь мулата! Прочь раба!

Все оглянулись и увидели Жозуа Левиса, который горланил как бешеный, угрожая кулаком прежней своей жертве.

— За дверь бандита! За дверь пирата! Людоед!

— Вытолкать его!

Эти угрозы следовали одна за другой с невероятной быстротой. Многие повскакали на скамьи; одни стара-

лись взобраться в ложу плантатора, не перестававшего кричать, другие бросились в коридор и бежали в ложу, крича и толкаясь.

Дон Луис, спокойный и улыбающийся, ждал, пока водворится порядок.

Но шум, напротив, принимал все более и более ужасные размеры, и публика, разъяренная вызывающим видом плантатора, готова была, казалось, на все.

Дон Луис наклонился к маршалу и сказал ему несколько слов.

Маршал улыбнулся, кивая головой в знак согласия и, став подле молодого человека, крикнул таким громовым голосом, что заглушил шум.

— Американские граждане, свободные жители города Сен-Луи в штате Миссури! Граф дон Луис де Пребуа-Крансе от души благодарит вас за доказательства участия, которые вы ему даете; он сам желает выразить вам свою благодарность; слушайте его!

Американцы, несмотря на свой отъявленный республиканизм, уважают титулы; графы, маркизы, бароны и лорды всегда приняты у них с большим почетом.

Почему это? Никто не в состоянии объяснить, но это факт.

На спич маршала ответили дружными рукоплесканиями.

Все разом кричали: «Слушайте графа! Говорите, граф, говорите!» — приглашая молодого человека начать речь.

Наконец буря стихла и настала почти тишина.

Дон Луис воспользовался этим, чтобы поклониться и заговорить.

— Граждане, — сказал он, — чужой в вашей стране, сделавшись жертвой самого отвратительного замысла, я был спасен вами. Граждане этого великого, благородного города! Участие, которое вы выказываете, увеличило бы еще мою благодарность, если б это было возможно. Вы освободили меня из когтей тигра, который меня пытал, вы возвратили мне свободу, звание и положение в свете. Благодарю вас от души за все, за все!

— Браво, браво! Да здравствует дон Луис!

— Молчать!

— Слушайте, слушайте!

— Но это еще не все, благородные и великодушные граждане Соединенных Штатов, я прошу вас еще об одной последней услуге.

— Говорите, говорите!

— Я дал себе слово не мстить своему палачу; я решил забыть о хищном звере, жертвой которого я был; я хотел унести в своем сердце, покидая этот город, одно только воспоминание — воспоминание о ваших благодеяниях.

— Bravo! Да здравствует дон Луис! Слушайте!

— Молчите!

— Но этот презренный, забывая произнесенный против него общественным мнением обвинительный приговор, осмеливается еще поднимать свою обесчещенную голову; неудовлетворенный страданиями, которые он мне причинил, он имел еще дерзость вызывать вас и оскорблять в лицо; своим наглым протестом против вашего приговора он скорее вас оскорбляет, чем меня. Такое нахальство заслуживает примерного наказания.

— Да, да! Законом Линча!

— Убить его!

— Тише.

— Дайте говорить!

— Это наказание, если вы позволите мне, — а я прошу у вас этой минуты во имя моей благодарности к вам — я сам сейчас произведу на ваших глазах. Спектакль еще не начинался; пусть подымут занавес, мы с ним станем на сцене лицом к лицу с пистолетами в руках и разом выстрелим по вашему сигналу. Это будет настоящий Божий суд, потому что он один может поразить виновного.

За этим странным, неожиданным предложением последовала минута оцепенения. Но американцы любят все эксцентричное, почти сейчас же раздалось оглушительное «браво», и даже женщины присоединились к нему; несколько минут продолжался неописанный шум, потом вдруг занавес поднялся, и на сцене показалось несколько человек, тащивших плантатора. Несчастный был полумертв от ужаса; он дико поводил глазами и кричал глухим голосом:

— Нет, нет! Я не хочу, не хочу!

Это было все, что он в состоянии был произнести.

— Так же труслив, как подл! — вскричал дон Луис с презрением и, бросившись из ложи, несмотря на сопро-

тивление своих друзей, одним смелым прыжком очутился на сцене, в двух шагах от своего растерянного врага.

Тот, видя, что теперь уже ничто его не спасет, если он будет далее отказываться от поединка, и зная, что разъяренная толпа может разорвать его на клочки, казалось, пришел в себя.

— Ну, хорошо! — сказал он. — Пустите, я буду драться.

Обоих противников поставили друг против друга, одного слева, другого справа.

Им дали заряженные пистолеты.

Странное зрелище представлял этот зал, наполненный зрителями: разряженные дамы, пестревшие в своих ложах цветами и разноцветными камнями; посреди сцены маршал, готовый дать сигнал, а в глубине, на заднем плане, полукругом стоящие актеры в живописных костюмах, присутствующие также на этом ужасном зрелище, которого за минуту до того никто не мог ожидать.

Станный пролог к такой драматической опере, как *«Пуритане!»*

— Готовы? — спросил маршал.

— Готов, — ответил дон Луис, поклонившись.

— Готов, — повторил глухим голосом Жозуа Левис, старавшийся сохранить присутствие духа.

— Пали! — крикнул маршал.

Раздались разом два выстрела.

Жозуа Левис сделал громадный скачок, перевернулся и упал лицом на пол, не произнеся ни одного звука. Он умер, убитый наповал пулей дона Луиса, который между тем остался невредим.

— Суд свершился, — сказал маршал, — это поистине Божий суд!

Театр задрожал от бешеных рукоплесканий.

Дон Луис поклонился и исчез за кулисами, в следующую минуту он уже снова входил в свою ложу.

Занавес опустили. Но почти тотчас же оркестр заиграл увертюру, занавес взвился, и опера началась. Все слушали ее как ни в чем не бывало.

— Теперь я понимаю, почему вы спрашивали, велико ли фойе в театре, — шепнул маршал молодому человеку.

— Бог решил иначе, — ответил дон Луис, улыбаясь.

Когда актеры завладели вниманием публики, дон Луис и его друзья тихонько вышли.

Три дня спустя отряд дона Грегорио был готов. Он назначил им свидание через две недели в Форт-Снеллинге, и они бодро пустились в путь.

За два дня до их отъезда дон Грегорио простился с маршалом, которому был столько обязан, и сел на пароход, который перевез его вместе с доном Луисом и чилийским консулом в Новый Орлеан.

Вследствие этих-то обстоятельств он и очутится в Скалистых горах во главе многочисленного отряда охотников, направлявшихся вместе с ним под руководством Павлета и его друзей на поиски Валентина Гиллуа около подземного грота Серого Медведя, где он назначил ему свидание три месяца тому назад.

**Вождь
Сожженных лесов**

ГЛАВА I

Сожженные леса

Читателю будет небезынтересно узнать обильную приключениями историю капитана Оливье; попросим читателя ознакомиться с этой личностью. Капитан Джон Оливье Грифитс был один из тех суровых людей, железный характер которых нелегко поддается силе обстоятельств. Бегство донны Долорес де Кастелар, так хорошо продуманное и не менее искусно выполненное, привело капитана в бешенство; но когда он узнал о безуспешном преследовании Маркотета и о результате его свидания с Черными Порогами, то ярость его не имела границ.

Теперь он ясно видел, что Искатель следов был против него, что он сам не мог открыть убежище донны Долорес де Кастелар и тем менее мог способствовать этому открытию, что похищение молодой девушки было совершено вождем индейцев Курумиллой, другом Валентина Гиллуа.

Последствия далеко не похвального поступка Джона Грифитса давали ему теперь себя чувствовать.

Ослепленный страстью, он совершил уголовное преступление, похитив молодую девушку, родители которой с таким радушием и гостеприимством приняли его в свой дом и окружили всевозможными попечениями.

Часто угрызения совести мучили его, и он, упрекая себя за недостойность поведения, давал слово загладить свою вину, но страсть часто бывает сильнее рассудка.

Увлечение капитана было так сильно, что осуществление своего доброго намерения он всегда откладывал на будущее время.

В настоящую минуту он горько раскаивался в этом колебании, так как оно было причиной крайне затруднительного положения, в котором он находился теперь.

Вот как это произошло.

Было невыносимо жарко, когда капитан Грифитс, отправляясь в Сопору, ехал вдоль берега Рио-Браво, направляясь к Пасо дель Порте.

Он был один.

Опустив поводья, он предоставил полную свободу лошади, которая шла медленным, ленивым шагом, с опущенной головой и дремля под влиянием зноя.

Направо развернулась широкой лентой желтоватая и мутная Рио-Браво; на левой стороне поднимались расположенные на вершине холма высокие, окаймленные зубцами стены великолепной асиенды; на горизонте, на левом берегу реки, кокетливо выглядывали выбеленные домики Пасо дель Порте; со стороны мексиканской виллы, на правом берегу, виднелся в густом тумане город Тексиен, недавно основанный Франклином, где капитан намеревался остаться ночевать.

Было около двух часов пополудни, когда он проезжал мимо довольно густых кустарников, часто встречаемых по дороге в Сопору, как вдруг лошадь его бросилась в сторону, и в ту же минуту из кустов выскочили четыре разбойника с свирепой наружностью и с яростью напали на него со всех сторон разом.

Странно, что капитан нисколько не испугался такого внезапного и зверского нападения, он быстро стал в оборонительную позицию и храбро начал защищаться.

К несчастью, он имел дело с настоящими мошенниками.

После долгого сопротивления ему удалось избавиться от двух противников, которые упали у ног его мертвыми, но зато другие два атаковали его с остервенением, и через несколько минут капитан, потеряв сознание, упал на землю.

Когда он очнулся, то с удивлением увидел себя лежащим на постели в роскошно меблированной комнате; его окружали несколько лиц, которые, казалось, с нетерпе-

нием ожидали его возвращения к жизни и смотрели на него с чувством глубокого сожаления.

Их было четверо: мужчина средних лет, по-видимому хозяин дома, монах, совершенно занятый попечениями о нем, и две дамы — как видно, мать и дочь.

Последняя была семнадцати или восемнадцати лет, замечательной красоты.

Ему рассказали, что слуги хозяина дома, в котором он находится в настоящую минуту, проезжая около кустарников, нашли его там в обмороке, лежащего рядом с трупами двух бандитов; они сжалились над ним и привезли в асиенду дона Сантьяго Леона де Кастелар.

Раны капитана хотя и были не опасны, однако заживали медленно и заставляли его оставаться довольно долго в асиенде, в кругу доброго, гостеприимного семейства, члены которого наперерыв старались оказать больному как можно более внимания.

Капитан с первого же дня страстно влюбился в донну Долорес, дочь дона Сантьяго де Кастелар.

Молодой девушке и в голову не приходила мысль, что она любима капитаном, но тем не менее она выказывала ему самое дружеское расположение, которое, впрочем, еще более усиливало страсть молодого человека; ее участие к гостю, как говорится, подливало масла в огонь.

Между тем капитан совершенно выздоровел; некоторые, довольно важные дела требовали его немедленного отъезда, но так как разбойники ограбили его совершенно, то он послал в город Франклина, откуда ему привезли платье, деньги, оружие, белье и лошадь.

Отъезд его был назначен на следующий день.

Дальнейшая нерешительность была немислима, он должен был объясниться как можно скорее.

Гуляя по одной из аллей роскошного сада асиенды, капитан с донной Долорес и ее матерью вели самый обыкновенный разговор; в конце аллеи они свернули в тенистую рощу и сели на скамейке.

В это время к ним подошла горничная и просила сеньору де Кастелар в асиенду для некоторых необходимых распоряжений, требующих ее присутствия.

Капитан и молодая девушка остались одни.

Настала минута, которой следовало воспользоваться, и капитан открыл свою любовь прекрасной собеседнице.

Донна Долорес внимательно выслушала его, печально опустив голову на грудь.

Когда он кончил, она отвечала ему немного дрожащим голосом, но совершенно спокойно.

Молодая девушка откровенно сказала ему, что давно уже любит другого, с которым обручена, что ее свадьба, отложенная по некоторым домашним обстоятельствам, должна состояться через два месяца.

— Мой жених, — продолжала она, — дон Пабло Гидальго, которого я люблю и кроме которого никогда никого не буду любить. Что же касается вас, — прибавила она, протягивая к нему свою крошечную руку, — я буду любить вас как брата, потому что в моем сердце нет уже места для другого чувства.

Капитан стоял бледный, расстроенный; он не ожидал такого тяжелого удара.

Холодно поклонившись молодой девушке, он удалился.

— Она будет принадлежать мне или никому! — прошептал он, направляясь к асиенде, между тем как в голове его теснились один за другим самые разнохарактерные планы.

Вечером капитан простился с семейством де Кастелар.

Со времени свиданья в роще он не обмолвился с молодой девушкой ни одним словом.

При прощании она подарила его взглядом, заставившим его вздрогнуть.

На следующий день утром капитан сам оседлал свою лошадь и уехал.

— О, я отомщу! — пробормотал он, бросая угрожающие взгляды в ту сторону, где находилась комната молодой девушки.

Прошло два месяца.

В среду, за три дня до свадьбы донны Долорес и донна Пабло Гидальго, которая была назначена в субботу, донна Долорес отправилась в Пасо дель Порте, чтобы сделать некоторые покупки для своего свадебного туалета.

К пяти часам вечера она возвращалась в асиенду в сопровождении горничной и двух слуг.

Когда они приблизились к тому месту, где некогда был атакован капитан Грифитс, их внезапно окружили несколько человек, лица которых были скрыты под мас-

ками из черной материи; все они были в костюмах индейцев.

Нападение было так быстро, что слуги не успели опомниться, как уже были опрокинуты и связаны; горничная подверглась той же участи.

Что касается донны Долорес, то на нее набросили плащ и, взвалив на плечи, отнесли в лодку, скрытую в кустах.

Дружным ударом весел лодка отчалила от берега и через минуту уже скользила по гладкой, зеркальной поверхности реки.

Четверть часа спустя они достигли противоположного берега и находились на территории Соединенных Штатов.

Там ожидали их несколько лошадей, на одну из которых посадили донну Долорес, и похитители поспешно удалились.

Слугам молодой девушки не было причинено ни малейшего зла и ничего не было у них снято.

Несколько часов спустя их нашли и освободили.

Известие об этом ужасном происшествии произвело страшный переполох в асиенде.

Дон Пабло поклялся отомстить за свою невесту и, отправившись тотчас же за похитителями, спасти молодую девушку, хотя бы это стоило ему жизни.

В восемь дней он успел собрать небольшой отряд из лесных охотников под начальством Кастора и, прибавив к ним несколько слуг своих, отправился во главе этого отряда, поклявшись возвратиться домой не иначе, как с невестой.

Дон Пабло был очень богат и не жалел денег для достижения своей цели, а потому через несколько дней ему удалось напасть на след похитителей молодой девушки.

Не теряя из виду раз найденного следа и с неутомимой энергией следуя по нему, он углубился в горы Рошез. Остальное известно читателю.

Этот поступок капитана Гриффитса был первым шагом к следующему за тем преступлением.

Он упрекал себя в беспечности, которая была причиной того, что добыча ускользнула из его рук.

Капитан потерял всякую надежду на изменение обстоятельств к лучшему; напротив, он видел, что положе-

ние его становилось все хуже и хуже, так как, вооружив против себя в одно и то же время и белых охотников, и краснокожих, он не имел ни малейшего повода надеяться возобновить когда-нибудь дружественные с ними отношения.

Единственным оставшимся у него союзником, на содействие которого он имел право рассчитывать и с которым он смело встретил бы всевозможные опасности, был капитан Кильд.

Капитан Грифитс узнал через своих шпионов, что племена индейцев, собиравшиеся зимою для преследования бизонов и серых медведей на своей территории охоты, составили наступательный и оборонительный союз; что Валентин Гиллуа участвует со своими охотниками в этом союзе; что Искатель следов, хотя, по-видимому, и не принимает никакого участия в делах индейцев, в действительности же он главный начальник этого грозного союза, и что вожди краснокожих ничего не делают без его инициативы.

В то время как капитан с грустью вдумывался в свое неловкое положение и досадовал на себя, сознавая, что во всем этом много было его собственной вины, его ожидали две новости, последовавшие одна за другой, которые ставили его в высшей степени затруднительное, критическое положение.

Одно из этих известий привез ему задушевный друг его Джемс Форстер, который однажды утром возвратился в свой лагерь с двумястами пятьюдесятью всадников Сожженных лесов.

В первую минуту капитан был в восторге от встречи с Джемсом Форстером; помощь двухсот пятидесяти человек, храбрых, испытанных в военном деле и привыкших к опасностям, была для него драгоценна в настоящую минуту, когда он был окружен врагами и должен был каждую минуту ожидать нападения на свои траншеи.

Но его радость была непродолжительна, вскоре она заменилась сильной досадой.

Капитан Форстер привез ему несколько писем, содержание которых было для него далеко не утешительно; в подлинности этих сообщений нельзя было сомневаться, так как они исходили от главного начальника республики Красной реки.

Вот содержание этих писем вкратце:

«Генерал-губернатор Канады, глубоко оскорбленный приемом, которым встретили Сожженные леса посланного им губернатора, и особенно манерой, с которою они требовали от губернатора возвращения Канады, решился отомстить бунтовщикам, как он их называет, и заставить их повиноваться».

Далее говорилось, что он, не заявляя никому жалоб за нанесенное оскорбление, скрыл свой гнев, чтобы замаскировать свои действия и чтобы потом, застав неприятеля врасплох, нанести ему страшный удар; он потихоньку собрал значительные силы на нескольких пунктах канадской границы, и, когда, по его мнению, настала минута, чтобы уничтожить тех, которые осмелились сопротивляться британскому правительству, он сконцентрировал свои силы, собрав их в одну массу, и неожиданно передвинул их на территорию союза, с ожесточением нападая и разрушая все, что только попадалось на пути; офицер, командовавший этой грозной экспедицией, был личный враг Сожженных лесов; опираясь на некоторые обстоятельства, он утверждал, что имеет основательные причины относиться к ним враждебно.

Вследствие этой вражды он даже и не пробовал смягчать получаемые им бесчеловечные приказания, а, напротив, еще преувеличивал их, так что эту войну смело можно было сравнить с войною диких или пруссаков, и это сравнение несколько не было бы преувеличено, потому что как у одних, так и у других был один и тот же девиз: грабеж, насилие и пожар.

К счастью Сожженных лесов, губернатору Канады не удалось обмануть их своим наружным спокойствием; они не доверяли англичанам и притом были слишком опытные, хитры и скрытны, чтобы не следить за тайными действиями неприятеля; как ни старались усыпить их бдительность, они всегда были настороже и с удвоенным вниманием наблюдали за всем, что происходило.

Это недоверие спасло их.

Атака, так хорошо придуманная, была ужасна.

Но Сожженные леса ожидали ее и встретили мужественно.

Война внезапно приняла характер всеобщего ожесточения.

Сожженные леса хотя и были отбиты во многих стычках, но они также нанесли англичанам громадные потери и вынудили их вести партизанскую войну.

Все деревни были опустошены; испуганные жители, оставив дома свои, уничтожили съестные припасы и скот, которые они не могли взять с собою; остались обитаемы только два или три города, которые были в состоянии держаться в осадном положении; вся страна вооружилась.

Положение англичан было ужасно; всюду, где только они являлись, находили еще горящие развалины; жатвы были сожжены на пне; ни продовольствия для людей, ни фуража для лошадей они нигде не могли достать; доставка же провианта из Канады была сопряжена с большими затруднениями, так как большая часть обозов была отбиваема союзниками, отряды которых скрывались с этой целью в оврагах и лесах.

Положение Сожженных лесов также далеко не было блестяще и обещало сделаться критическим, если бы война продолжилась долгое время.

Колонна, состоящая из шестисот всадников, под начальством Джоржа Эллиота получила задание от английского правительства пробиться через горы Рошез до окрестностей реки Неас, где она должна была соединиться с корпусом в тысячу пятьсот человек, высланным из Ванкуве, или, вернее, из английской Колумбии.

Эти полторы тысячи человек, собранные в Книсбору (нынешний Нью-Вестминстер) и уже раз действовавшие с войсками сира Джоржа Эллиота, должны были отправиться на союзников Красной реки и поставить их таким образом между двух огней.

Начальник союзников, располагавший очень малым количеством войск, поспешил отправить к Джону Гриффитсу капитана Джемса Форстера с двумястами пятьюдесятью человек — единственные силы, которые он мог предоставить распоряжениям Гриффитса, — с приказанием препятствовать во что бы то ни стало соединению английского отряда, следовавшего из Книсбору, с армией сира Джоржа Эллиота; капитану Джемсу Форстеру велено было находиться под командой Джона Гриффитса и повиноваться ему во всем беспрекословно.

Воспрепятствовать соединению двух корпусов — дело не легкое! Но капитан Гриффитс очень хорошо понимал,

что если ему это удастся, то дело союзников никогда не может быть проиграно.

Обо всем этом он сообщил в нескольких словах своему другу Джемсу Форстеру.

— Враги наши, — прибавил он, — без сомнения, выжидают только удобного случая, чтобы воспользоваться нашею оплошностью, а потому мы должны действовать как можно энергичнее, чтобы избежать грозящей нам опасности.

В это время в комнату вошел лейтенант Маркотет и сказал, что в их лагерь прибыл маленький отряд, состоящий из десяти всадников, что начальник отряда желает видаться с капитаном Грифитсом, чтобы лично вручить ему очень важное письмо.

— Что это за люди? — спросил Грифитс.

— Я их не знаю, — отвечал лейтенант, — но они, кажется, американцы.

— Гм! Откуда они прибыли?

— Их начальник сказал мне, что обо всем остальном сообщит только вам лично.

— Вот примерная скромность! Однако следует поскорее избавиться от этих людей, тем более что их известия, как мне кажется, должны быть не совсем приятные, иначе они не действовали бы с такою осторожностью. В нашем положении не следует ничем пренебрегать, чтобы знать, как держать себя. Как вы думаете, Форстер?

— Совершенно согласен с вами, мой дорогой Джон.

— Попросите, лейтенант, войти этого таинственного путешественника.

Маркотет вышел и тотчас вернулся в сопровождении человека лет сорока, с мрачным взглядом, с резкими и решительными манерами; он был весь в черном и вооружен с ног до головы.

— Я догадываюсь, с кем мне приходится иметь дело, — тихо проговорил Джон Грифитс, всматриваясь в эту мрачную личность, — это мормон.

Незнакомец молча поклонился двум офицерам и, опершись на ручку своей длинной сабли, ожидал, чтобы с ним заговорили.

— Это должен быть большой плут! — пробормотал капитан Форстер.

— С кем имею честь говорить? — спросил капитан Грифитс.

— Мое имя Ионафан Моберт, — отвечал незнакомец сиплым голосом.

— Прошу вас садиться.

Незнакомец молча взял стул, который подал ему лейтенант Маркотет.

— Вы, как я слышал, имеете письмо ко мне? — снова спросил Грифитс.

— Да, капитан.

— От кого это письмо?

— Оно вручено мне в собственные руки начальником святых последних дней.

— Вас послал ко мне Бриггам Юнг?

— Я получил поручение из уст самого пророка.

— Значит, вы прибыли из Дезере?

— Прямо из Дезере, не останавливаясь ни днем ни ночью, с поспешностью беглеца, который чувствует за собой погоню.

— Но для того чтобы получить подобное поручение от самого пророка, вы должны занимать почетное место между святыми?

— Я смиренный данит, служитель алтаря, — отвечал посетитель, опутив глаза вниз.

Даниты — это самые задушевные советчики пророка мормонов; слепо повинаясь во всем его приказаниям, каковы бы они ни были, даниты часто делаются убийцами, словом, это люди, которых пророк, посвящая в свои тайны, употребляет для исполнения своих целей и которые выполняют все его приговоры в точности, не рассуждая о том, справедливы ли они или нет.

Оба офицера тотчас же поняли, что имеют дело с ханжою мормоном, и немного робко поглядывали на этого таинственного вестника, неподвижно и мрачно сидевшего перед ними.

— Поручение ваше должно быть очень важно и экстренно, что вы так спешили исполнить его? — продолжал Грифитс.

— Да, капитан, оно очень важно и не менее экстренно.

— Давайте же мне это письмо.

Данит вынул скрытый на груди его пакет, поднес его к губам своим и, почтительно поцеловав, отдал, наконец, капитану Грифитсу.

Капитан вскрыл печать и пробежал глазами это послание.

Оно было коротко и содержало следующие несколько строк:

«Именем Господа Всемогущего, молитвой и деянием пророка Святых последних дней нашему возлюбленному капитану Джону Оливье Грифитсу, прошу вас принять в свой лагерь нашего дорогого брата Ионафана Моберта и не отказать ему в помощи при исполнении им святого и важного поручения, мною на него возложенного.

Призываю благословение Всевышнего на сына моего Джона Оливье Грифитса.

Пророк Святых последних дней

Бриггам Юнг.

Дезере, 27 октября 1859 года».

Прочитав это странное послание, капитан Грифитс на минуту задумался, потом он сложил его и спрятал в карман.

— Я не откажу вам в гостеприимстве, о котором просит меня пророк, — сказал он, обращаясь к своему собеседнику, который сидел по-прежнему молча и неподвижно.

— Благодарю! Пророк был уверен, что вы не поступите со мною иначе, — отвечал данит и снова замолчал.

— Пророк пишет мне, что, возложив на вас очень важное поручение, он просит меня содействовать вам в исполнении его; но прежде чем оказать вам помощь, я должен узнать, в чем состоит это поручение, так как я вовсе не хочу быть слепым орудием личной мести или чего-нибудь в этом роде.

— Святые последних дней не мстят, они только наказывают виновных, — холодно отвечал данит. — Их правосудие непогрешимо, но оно также и неумолимо к заблудшим людям; оно преследует их на край света, и никто не может избежать исполнения приговора, произнесенного над ним пророком, даже если бы виновному удалось скрыться в недра земли...

— Это ко мне вовсе не относится, — перебил его капитан Грифитс, — и я не имею ни малейшего желания вмешиваться в ваши дела, но так как вы нуждаетесь в моем содействии, то я решусь на это не иначе как с условием, что от меня не потребуют ничего такого, что бы не согласовалось с долгом моей чести.

— Если вы так преданы долгу своей чести, то почему же вы не доверяете нам? Возможно ли сравнивать

честь благородного человека с честью святых, которых приговор есть не что иное, как выражение воли Всевышнего?

— Все это громкие фразы и фокусничество! Считаю не лишним предупредить вас, что я вовсе не расположен ни слушать, ни соглашаться как с одним, так и с другим. Я говорю с вами как человек, прошу вас отвечать мне тем же.

— Спрашивайте меня.

— Предоставлено ли вам право посвятить меня в тайну возложенного на вас поручения? Заранее предупреждаю вас, что только это откровение может ручаться вам в моем согласии содействовать вам, но в таком только случае, если намерение пророка, в исполнении которого он предлагает мне быть соучастником, будет вполне согласоваться с долгом чести и законами справедливости. Теперь говорите и будьте откровенны, если имете на это право; но только, пожалуйста, без всяких разглашований, иначе я заставлю вас замолчать! Говорите, я вас слушаю!

— Как эти люди нетерпеливы и недоверчивы! — сказал данит свысока. — Пророк приказал мне сообщить вам все, тем более что вы некоторым образом заинтересованы в этом деле.

— Вот так бы давно следовало вам начать разговаривать со мною. Но все-таки я не понимаю, чем я могу быть заинтересован в этом деле.

— Вы можете думать, как вам угодно, но я прошу вас выслушать меня с большим терпением.

— Хорошо, говорите, я вас слушаю!

— Прежде чем я буду говорить, прикажите подать мне стакан воды, потому что я чувствую такую сильную жажду, что язык прилипает к гортани.

— Извините, пожалуйста, что я до сих пор не предложил закусить ни вам, ни вашим товарищам, — сказал Грифитс и подал лейтенанту знак, который был понят последним.

Маркотет вышел, и через пять минут два лакея внесли и поставили на стол огромный поднос, уставленный всевозможных сортов закусками и винами.

— Пейте и ешьте, брат мой, — сказал капитан, — и еще раз простите мне, что забыл правила гостеприимства.

— Мы так спешили, что со вчерашнего дня ни люди, ни лошади ничего не ели, — сказал данит, набросившись с волчьим аппетитом на поданные закуски.

— Но отчего же вы так спешили? — спросил капитан. — Ведь вы же знали, что меня всегда можно застать дома.

— Я имел в виду не только вас, — отвечал данит, усердно опустошая поднос.

— Кого же еще?

Данит слегка поднял голову и посмотрел искоса на капитана.

— Того, кого мы преследуем, — сказал он глухим голосом и снова принялся набивать себе рот.

— Кого же вы преследуете?

— Вы скоро узнаете.

— Опасен он?

— Вы увидите.

Капитан Грифитс убедился, что ничего не добьется от голодного данита, кроме неясных и отрывистых ответов, перестал его спрашивать и, предоставив мормону полную свободу пожирать поставленные перед ним блюда, начал вполголоса разговаривать с другом своим, капитаном Джемсом Форстером.

Между тем лейтенант Маркотет, приказав накормить товарищей данита и лошадей их, возвратился в комнату.

Данит продолжал бесстрастно свою трапезу, не обращая, по-видимому, ровно никакого внимания на все, что происходило и говорилось вокруг него.

Наконец настала-таки минута, когда, при всем своем желании, он не мог проглотить более ни одного куска.

Налив себе стакан вина, данит выпил его залпом, отодвинул от себя поднос с тарелками, тщательно вытер рот и потом, вынув из кармана красивый портсигар, педантично, спокойно и с большим знанием выбрал себе сигару и принялся курить ее методично и не теряя своего достоинства.

Окончив все это, он самодовольно крикнул.

— Ну, — спросил капитан, — как вы теперь себя чувствуете?

— Гораздо лучше, благодарю, капитан; я был в страшном изнеможении, а теперь чувствую возобновление своих сил.

— Расположены ли вы теперь рассказать мне о цели вашего посещения?

— С удовольствием, капитан, если вы только будете согласны терпеливо выслушать меня хоть несколько минут.

— Ну, говорите же скорее.

— Вот в чем дело, капитан. Месяца два тому назад, побывав в одной из моих ферм, находящейся в пяти лье от Дезере, я возвращался в святой город; я ехал с одной из своих жен, француженкой, которую я очень люблю. Когда мы поравнялись с глубоким оврагом, находящимся немного в стороне от дороги и который называется *Волчьей Долиной*, жена моя, указав на хищных птиц, которые с криком кружились над этим оврагом, спросила меня, что привлекает их к этому месту. Я взглянул, и действительно, большие вороны, серые орлы и другие хищные птицы кружились над Волчьей Долиной.

— Вероятно, — отвечал я, — они чуют в этом овраге добычу. Без сомнения, труп какого-нибудь волка или мула.

— А если это труп человека? — спросила жена.

— Быть может, хотя я вовсе этого не думаю.

Я слез с лошади и спустился в овраг; при моем приближении птицы с криком разлетелись, и я увидел труп человека. Несмотря на то, что труп этот сильно разложился и наполовину был съеден хищными птицами, мне стоило только бросить беглый взгляд, чтобы узнать в нем одного из наших святейших данитов. Несколько дней перед моим открытием он уехал из Дезере с другим данитом, по имени Гарри Браун, с которым он всегда находился в самых дурных отношениях. С тех пор как они оставили святой город, мы не получали никаких известий ни о том, ни о другом. Взвалив труп на одного из следусмых за нами мулов, я отправился в город и тотчас по приезде сообщил обо всем этом пророку, который собрал всех данитов, и труп несчастного был тщательно осмотрен; кроме перерезанного горла у него не оказалось никаких ран.

— Я знаю человека, который убил нашего брата, — сказал пророк, — он не избегнет кары правосудия. — Затем пророк отвел меня в сторону и сказал: — Убийца — Гарри Браун! Он совершил это преступление, чтобы осуществить свои тайные планы, которые он давно

уже обдумывал. Сегодня вечером ты отправишься за ним в погоню в сопровождении десяти человек и встретишь убийцу в горах Рошез или, быть может, у реки Журдан. Я дам тебе письмо к капитану Грифитсу, который находится на охоте в здешних местах; он поможет тебе в преследовании убийцы.

— Как же я узнаю, где он находится? — спросил я пророка.

— Очень легко, — отвечал он. — Браун слишком хорошо знаком язычникам, чтобы осмеливаться показываться между ними; он не так глуп, чтобы рисковать быть повешенным. Он и убил брата нашего только для того, чтобы воспользоваться именем и платьем последнего, и теперь он, наверно, путешествует совершенно новой личностью.

— Как зовут этого человека, которого так изменнически убил Гарри Браун? — быстро спросил Грифитс.

— Имя этой святой жертвы Гедеон Кильд, — отвечал данит с невозмутимым спокойствием.

Каменная деревня

С первой же минуты свидания с мормоном капитаном Грифитсом овладело какое-то мрачное предчувствие, а потому он вовсе не ожидал услышать от этого злополучного вестника что-нибудь приятное, но как ни был он приготовлен к дурной вести, он, однако, не мог удержаться, чтобы не вскрикнуть при имени Кильда.

— Геден Кильд? — переспросил он.

— Разве вы его знаете? — холодно спросил данит.

— Быть может и знаю, — отвечал уклончиво капитан.

— Но тем не менее вы не откажетесь помочь мне отомстить за него?

— О, теперь я готов от всего сердца содействовать вам в этом; но все это так странно, так неожиданно, что я непременно должен обдумать это дело и составить себе план для дальнейших действий.

— Отчего же вы находите это странным?

— Вы скоро узнаете.

— Пророк был прав, говоря, что это дело интересует вас.

— Больше, чем вы думаете.

— Тем лучше; итак, я могу на вас рассчитывать?

— Вполне, как я уже сказал вам.

— Хорошо, я надеюсь на вас.

— Еще один вопрос!

— Какой?

— Кто этот Гарри Браун?
— Вы желаете знать его историю?
— Да, если вы можете рассказать мне ее.
— Отчего же нет, тем более что вы не отказываете мне в своем содействии.

— На этот счет вы можете быть совершенно спокойны. Говорите, я слушаю.

— Мы имеем привычку собирать самые тщательные сведения о людях, с которыми нам приходится иметь сношения в делах, если же кто-нибудь заявит желание пристать к семье святых, то ни одна черта его характера (не говоря уже о его наружных свойствах) не ускользнет от нашего внимания; мы его узнаем насквозь, прежде чем назовем своим братом. Гарри Браун — человек лет тридцати, высокого роста, хорошо образован, красивый малый, одарен редкими способностями и замечательной силой; если бы этот человек применил к добру свои редкие способности, как он употреблял их на зло, из него бесспорно вышел бы замечательный человек. Когда он одевал другое платье и изменял свою физиономию, то самые близкие ему люди не могли узнать его; он не мог изменить только своего взгляда.

— Это, без сомнения, и была одна из главных причин, побудивших его убить несчастного Кильда! — персбил его капитан.

— Я сам того же мнения; ему всего нужнее были громадные очки, с которыми Кильд никогда не расставался. Я должен вам сказать, что труп Кильда, когда я нашел его, был совершенно обнажен; все платья были сняты и очков также не было при нем.

— Итак, не подлежит более никакому сомнению, что его убил Гарри Браун. Но для чего? Что побудило его скрываться?

— Выслушайте меня, и вы узнаете это.

— Говорите, я слушаю.

— Гарри Браун получил блестящее воспитание; он свободно говорит на языках: английском, французском, испанском, итальянском, португальском и немецком, так что положительно невозможно определить, к какой нации он принадлежит. Правда, он выдавал себя за англичанина и уверял, что убежал из тюрьмы Южного Нового Валиса; но насколько это справедливо, никто не может

сказать. Что касается меня, то я, конечно, не могу поверить этому, так как в Бостоне, где я встретил его в первый раз, он называл себя поверенным известного торгового дома в Нью-Йорке, что и было в действительности, как я после узнал.

Мое первое знакомство завязалось с ним по случаю доставки продовольствия для наших жен и детей, он взял на себя эту миссию и выполнил ее, впрочем, в точности. Но Гарри Браун был игрок, пьяница и соединял в себе все недостатки, какие только свойственны потерянному человеку. Вскоре он прекратил с нами сношения и совершил столько преступлений, что должен был скрываться попеременно во всех уголках республики; дошло до того, что он участвовал в кражах и даже убийствах. Полиция преследовала его во всех тех местностях, где только подозревалось его присутствие, и он бы погиб непременно, если бы не обладал замечательной способностью изменять свой наружный вид. Но положение его делалось все более и более ужасно; каждую минуту ему грозила опасность быть арестованным. Из-за своей беспокойной, неуживчивой натуры он имел бездну врагов. Наконец, он решился скрыться в пустыню, где и скитался некоторое время, пренебрегая тысячью опасностей и ужасных лишений, но скоро увидел, что такое странствование ему не вынести долго, и в эту критическую минуту ему пришла в голову мысль сделаться мормоном. Явившись в Дезере, он представился пророку и после долгого с ним разговора был причислен к великому и патриархальному семейству Святых последних дней.

— И принять этого негодяя вам не помешали сведения, которые вы даже не имели надобности собирать, потому что они были вам известны? — спросил с иронической улыбкой капитан Грифитс.

— Вы, язычники, не понимаете и не можете понять высоких целей, стремясь к которым мы часто пренебрегаем мелочами, — сказал данит с презрением. — Принимая к себе этого человека, мы знали его, как знали и его поступки; но вместе с тем нам были известны его выходящие из ряда способности; это один из тех высокопросвещенных людей, которые не имеют почвы под собою; после целого ряда ошибок и неудач они бросаются в наши объятия, как в последнее убежище, а такого

сорта люди драгоценны для нас; они держатся у нас ради совершенных ими преступлений и невозможности уйти от нас, так как за пределами нашего братства их ожидает неминуемая гибель. Этот дамоклов меч, вечно висящий над их головами, не только гарантирует нас в их беспрекословном повиновении, но и ручается нам в их совершенной преданности. Бывает, что эти люди пробуют сбросить с себя это иго, но каждый раз их планы на первом же шагу разбиваются вдребезги. Словом, мы часто пользуемся их замечательными познаниями и употребляем с пользой их силы, которые до сих пор служили только злу.

— Все это очень правдоподобно, но напрасно вы оправдываетесь в своих действиях, тогда как я этого от вас вовсе не требую, тем более что все это для меня далеко не интересно; не лучше ли нам возвратиться к предмету нашего разговора, Гарри Брауну, от которого мы слишком уж удалились.

— Это правда. Гарри Браун пробыл в нашем обществе около семи лет, в продолжение которых, надо отдать ему справедливость, он безукоризненно исполнял свои обязанности. За это время он ни разу не навлек на себя неудовольствия и не получил ни одного выговора; зато он скоро был произведен в святое и грозное достоинство данита; в Дезере все единодушно сознали справедливость этого повышения. Года два тому назад в Дезере прибыл один иностранец и остановился в квартире Гарри Брауна, где пробыл десять дней, в продолжение которых ни разу не выходил. Наконец, незнакомец, которого за все это время почти никто не видел, удалился из Дезере, и Гарри Браун проводил его довольно далеко. Это посещение показалось нам весьма подозрительным, тем более что с тех пор Гарри Браун сделался угрюмым, как никогда не был до того времени. После того он несколько раз получал письма, чего прежде также никогда не случалось, и каждый раз по получении письма он удалялся из Дезере, находясь в отсутствии довольно долго.

Месяца три тому назад он опять получил письмо и снова удалился из Дезере, но на этот раз уже не один, а в сопровождении нашего брата Гедеона Кильда; это всех нас очень удивило, так как эти два человека страшно ненавидели друг друга.

Несколько дней спустя я нашел страшно обезображенный труп несчастного Кильда, брошенный в овраг Волчьей Долины; этот овраг находится в стороне от дороги, и никто туда не заходит, даже краснокожие; остальное вам известно. Теперь мне остается только просить вас дать мне некоторые инструкции и сказать мне, думаете ли вы, что Гарри Браун находится в горах?

— Очень может быть. Я никогда не видел Гарри Брауна, но много слышал о нем; вот еще дней пятнадцать тому назад мне говорил о нем при свидании капитан Геден Кильд, которого я хорошо знаю.

— Вы видели Гедена Кильда?

— Да, я видел его и прежде, но недавно, желая переговорить с вашим пророком относительно дел союзников Красной реки, я сообщил мои предложения Гедену Кильду при последней моей с ним встрече, то есть при последнем его путешествии; но так как он не мог ничего взять на себя, то просил меня подождать до следующего нашего свидания, выразив при этом надежду, что дела наши устроятся согласно моему желанию и что пророк, вероятно, согласится назначить мне свидание, несмотря на ненависть, которую он, как говорят, питает к язычникам. Порешив таким образом дела, Кильд уехал в Уту, а я возвратился в республику Красной реки. Несколько дней тому назад мои передовые разъезды донесли мне, что отряд эмигрантов прибыл со стороны укрепления и расположился в недалеком расстоянии от моего лагеря, но я не придавал большого значения этой новости. Несколько дней спустя мой лейтенант услышал сигнал в равнине и тотчас же уведомил меня об этом; это был сигнал, условленный между мною и Геденом Кильдом. Меня в высшей степени удивило это обстоятельство, я никак не мог объяснить себе, почему Геден Кильд по возвращении своем из Уты не отдал мне отчета, как было между нами условлено, в деле, которое я ему поручил, зная, как важны для меня эти сведения. Кроме того, я никак не мог понять, каким образом он успел так скоро возвратиться.

— В самом деле, он не потерял напрасно времени, — сказал данит с иронией.

— Не знаю почему, но это быстрое возвращение и притом с той стороны, откуда я не ожидал капитана

Кильда, породило в уме моем невольные сомнения, так что я решился тотчас же разъяснить себе все это. Я сел на лошадь и отправился на свидание: глазам моим, действительно, представился Гедеон Кильд, который сидел на перекрестке перед огнем и спокойно курил свою огромную фаянсовую трубку; я сел возле него, и разговор начался. Его голос показался мне слегка изменившимся, сам он как будто сделался немного выше, словом, мне показалось, что передо мною стоял двойник Гедеона Кильда, но призрак был слишком естествен. Между тем мои сомнения росли все более и более. Я, конечно, ожидал, что Кильд станет говорить мне о том, что он сделал в Дезере по моему делу, и передаст мне ответ пророка, но он ни слова не говорил мне об этом, как будто он совершенно забыл о поручении, которое взял на себя; вместо того он начал говорить мне о женщинах и детях, которых он привез, и предлагал мне купить их у него, при этом он ссылаясь на то, что будто бы я уже покупал у него прежде этот товар. Заметьте, что между мною и Кильдом никогда и речи не было о подобной покупке; он хорошо знал мое отвращение к этой бесчестной торговле.

— Гедеон Кильд, — перебил его данит, — без сомнения, говорил Гарри Брауну о том, что он намерен быть у вас, но так как он, вероятно, не хотел открыть ему цель этого свидания, то, чтобы удовлетворить его любопытство, он, наверно, сказал ему, что имеет в виду продать вам женщин и детей.

— Очень может быть, тем более что он был сведущ в этой *человеколюбивой* торговле, но мои сомнения увеличивались все более и более, так что я начал, наконец, подозревать какую-то низость, вследствие чего, несмотря на то, что от души презираю подобного рода спекуляцию, я согласился купить у него женщин и детей, и между нами начался постыдный торг. Он хотел тотчас же покончить наше дело, но я отказался от этого, и мы решили отложить нашу сделку до того времени, когда мы оба встретимся в местности, называемой *Прыжок Лоси*, находящейся в окрестностях реки Журдан.

— Я знаю эту местность, — заметил данит, — она находится отсюда на расстоянии двенадцати дней пути.

— Да, для каравана, который подвигается медленно и с большими предосторожностями, но в моем отряде есть превосходный скороход, который может пройти это расстояние не более как в три дня.

— Прекрасно! Но скажите, пожалуйста, с целью ли вы поставили подобное условие?

— Конечно! Я тотчас же отправил нарочного в Дезере, чтобы уведомить пророка обо всем происшедшем между мною и Гедеоном Кильдом, причем я просил его сообщить мне некоторые подробности относительно дела, в котором я ровно ничего не понимаю и под которым, быть может, кроется какое-нибудь преступление.

— Отлично! И вы сделали все это?

— Еще бы! В тот же вечер, тотчас же после отъезда мнимого Кильда, я послал в Дезере с письмом нарочного, который теперь должен быть уже на возвратном пути, словом, в Прыжке Лоси мы, наверно, застанем ответ от пророка.

— Bravo! Дело идет как нельзя лучше! Обыскали ли вы вашего торговца?

— Нет, я не мог этого сделать, потому что он находился не у меня, а в собственном лагере, но я не терял его из виду, я наблюдал за ним с большим тщанием, я, как говорится, следовал по пятам его.

— Итак, в нашем успехе нельзя сомневаться?

— Я так думаю. Гарри Браун не захочет удалиться куда-нибудь подальше, имея в виду заключить со мною очень для него выгодную сделку, а для этого он непременно должен быть в Прыжке Лоси.

— Но не находит ли он это место свидания слишком близким к Уте?

— Все может быть! Определить с точностью намерения этого человека, конечно, трудно.

— Ничего не было легче, как арестовать этого мерзавца, если бы вы задержали его здесь.

— Это не так легко, как вы думаете.

— Отчего?

— На это есть много причин.

— Я хотел бы знать хоть одну.

— Во-первых, под его командой двадцать четыре отважных бандита.

— Я этого не знал.

— Во-вторых, мы не можем ничего предпринять до тех пор, пока не будем иметь верного доказательства, что это действительно тот человек, которого мы ищем.

— Но ведь мы имеем доказательства.

— Очень слабые; правда, нас все заставляет предполагать, что это он: его платье, его лицо, но с точки зрения правосудия это еще не доказательства. Мы должны непременно заручиться более вещественными доказательствами, которые не могли бы нас ввести в заблуждение.

— О, если бы мы были вынуждены прибегать к подобным мерам...

— То вы бы никого не преследовали, не правда ли? — перебил его капитан с иронией. — По вашим мормонским законам это возможно, но наше правосудие иначе смотрит на вещи: мы не можем осудить человека, основываясь на одних лишь подозрениях. Вы знаете, что Гарри Браун очень умен; можете ли вы быть уверены, что человек, которого мы принимаем за него, есть подставное лицо? Что человек этот, будучи подкуплен, не играл роль Гедеона Кильда, не зная всей важности и последствий дела, за которое он взялся? Решились ли бы вы осудить его в таком случае?

— Нет.

— Теперь вы видите, что мои предположения не лишены основания.

— Что же надо делать, по-вашему?

— Надо действовать хитро: прежде всего нужно выманить его из лагеря, что, быть может, не так трудно, как мы думаем, если воспользоваться для этого его маленьким недостатком — скупостью, и, когда он будет в наших руках, мы постараемся разгадать его замыслы и узнать, какие меры нам следует принять относительно этого дела.

— Эта идея мне очень нравится, тем более что она так несложна.

— А следовательно, тем более шансов для успеха. Заметьте, что закоренелого мошенника можно поймать только такими простыми средствами, на которые не поддастся даже и десятилетний ребенок; но главное, нужно действовать крайне благоразумно: прежде всего необходимо, чтобы ваше присутствие в моем лагере не было никому известно; стоит только подать малейшее

подозрение, и все пропало; тогда нам трудно будет поймать его. Итак, вы вместе со своими товарищами должны будете скрываться в хижинах, которые я велю отвести вам; для большей же предосторожности вы должны заменить вашу одежду платьем, менее бросающимся в глаза, которое я вам предложу. Согласны ли вы?

— Кто желает успеха в деле, тот должен решиться на всякие средства! Мои товарищи и я согласны на все, что только может обещать нам успех в деле, которое поручил нам пророк.

— Приготовления наши не будут долго длиться. В эту же ночь я начну действовать против человека, которого мы преследуем. Предоставьте мне действовать; план мой готов.

— Я вполне полагаюсь на вас.

— Это самое лучшее, что вы только можете сделать. Маркотет, проводите этого господина к его товарищам и постарайтесь, чтобы им не было ни в чем недостатка. Прощайте, мистер Моберт!

— До свиданья! — отвечал, кланяясь, данит.

И он последовал за лейтенантом.

— Вот странное происшествие! — сказал капитан Джемс Форстер, когда мормон удалился.

— Не правда ли? — проговорил с улыбкой Грифитс.

— Что вы на самом деле намерены предпринять?

— То, что я сказал; весь наш интерес заключается в том, чтобы разоблачить этого негодяя.

— Извините меня, но, право, я не совсем вас понимаю; ведь не судьи же мы здесь, в пустыне.

— Это правда, но преследование этого человека необходимо нам для того, чтобы заставить замолчать клевету: нас обвиняют в том, что мы находимся в сообществе с пиратами степей, а также и с негодяями, которые вредят белым; задержание этого ужасного бандита, преступления которого в продолжение десяти лет приводят в ужас Соединенные Штаты, было бы самым блестящим опровержением возводимых на нас обвинений низких клеветников.

— Разве мы пользуемся такой дурной репутацией?

— Э, мой друг! Не забудьте, что мы все бунтовщики. Губернатор Канады в своих интересах старается оклеветать нас, чтобы в некоторых местностях лишить

нас симпатии жителей, которые могли бы быть нам полезны. В местностях этих обитает бродячее население, состоящее из охотников и траперов. Население это многочисленнее, чем предполагают; оборонительный союз с этими храбрыми людьми удвоил бы наши силы. В особенности многочисленны краснокожие, и если мы соединимся с ними, то можем причинить много зла нашим гонителям, канадцам. Вот именно этому-то союзу хотят они помешать, а чтобы достичь своей цели, то все средства хороши, в особенности клевета, которую употреблять никто не стесняется. Вот почему всевозможные мои усилия сойтись с охотниками не привели меня до сих пор ни к какому результату. Успех моего проекта зависит теперь от одного человека, и, быть может, дело, начатое сегодня, поможет мне сойтись с ним и доказать ему, что все взводимые на нас обвинения ложны.

— О ком вы говорите?

— О лесном бродяге, которому индейцы дали кличку Искатель следов.

— И вы предполагаете, что этот лесной бродяга имеет такое громадное влияние...

— Он? — прервал его Грифитс, — так, значит, вы его не знаете?

— Извините, я знаю его понаслышке: он француз, имя его Валентин Гиллуа.

— Да, это он! Знаете ли вы, мой друг, что этот человек — настоящий царь пустыни? Краснокожие и охотники повинуются каждому его слову; он разбирает все их споры, и его приговор, каков бы он ни был, имеет законную силу. Ничего не делается без его воли; во всех степях вы не найдете ни одного человека, ни одного, заметьте это, который бы не был обязан ему признательностью за какую-нибудь услугу; он пользуется всеобщей глубокой преданностью и безграничным доверием. Словом, в его руках мир и правосудие степей. Когда настанет день, в который ему понадобится помощь жителей, то слово его в степях, где он постоянно скитается, будет могущественно, как слово властелина. Стоит только мне привлечь на свою сторону этого человека, чтобы знаменитая экспедиция полковника Эллиота не заслуживала моего внимания. Кстати, сколько у нас остается времени до того, как мы долж-

ны будем начать противодействовать хитрому плану губернатора Канады?

— Восемь дней.

— Восемь дней? Это более, чем мне надо! Мне говорит предчувствие, что я буду иметь успех.

— Если Богу угодно будет!

— Поверьте мне, я твердо надеюсь, что скоро мне удастся побороть все препятствия; мое предчувствие меня никогда не обманывает. Однако пойдемте обедать. Надеюсь, вы не откажетесь от моего гостеприимства и поселитесь в моей квартире. Сегодня ночью, в одиннадцать часов, я отправлюсь верхом в сопровождении нескольких человек бродить в окрестностях лагеря нашего друга Кильда Брауна. Вы мне позволите оставить вас?

— О, пожалуйста, мой друг, не стесняйтесь со мною.

— Возьмите сигару, и, пока накроют стол, я покажу вам мой лагерь.

Они закурили сигары и вышли из комнаты.

В одиннадцать часов ночи десять всадников стояли у ворот лагеря.

Ночь была прекрасная и хотя не лунная, но довольно светлая.

Между тем как капитан Грифитс был занят некоторыми приготовлениями к отъезду, в комнату вошел его лейтенант, Ипполит Маркотет.

— Что нового? — спросил его Грифитс, — все ли возвратились из разъезда?

— Последний возвратился десять минут тому назад, капитан.

— Ну, что же они видели?

— Ничего особенно интересного для нас, но, кажется, неблагоприятные вести для капитана Кильда, а так как вы намерены отправиться для розысков в ту сторону, если только вы не изменили ваш план...

— Нет, — прервал его Грифитс, — я действительно намерен отправиться к лагерю торговца невольниками. Я хочу даже лично побывать в этом лагере, если уважаемый капитан позволит, — прибавил он с иронией.

— Если так, то для вас очень важно знать о текущих событиях.

— Разве что-нибудь случилось?

— Да. Все время от обеда и до вечера шли переговоры между белыми охотниками Валентина Гиллуа и расположившимися против них лагерем Индейцами-воронами Анимики.

— Уверен ли ты в этом?

— Совершенно.

— Хорошо, что же далее?

— В начале ночи было заметно большое движение между краснокожими и охотниками: сперва они соединились вместе, потом, разделившись на три отряда, пошли тремя различными дорогами по направлению к лагерю капитана Кильда, в окрестностях которого они должны теперь находиться.

— Черт возьми! Это, кажется, дело серьезное.

— Очень серьезное, капитан.

— Но ведь тебе известно, что капитан Кильд, не знаю вследствие каких причин, разделил вчера свой отряд на две части и устроил два лагеря в довольно значительном расстройании один от другого. О котором из них ты говоришь?

— О передовом, в котором находятся все женщины.

— По-видимому, предстоит атака, но я не понимаю, отчего Валентин Гиллуа вмешивается в это дело? Каким образом оно может интересовать его?

— Это мне неизвестно, капитан.

— Но я узнаю об этом сегодня. Есть еще некоторые вещи, о которых я непременно должен знать.

— Ваши приказания останутся без изменений?

— Нет; так как мы можем ожидать стычки, то прикажи усилить конвой пятнадцатью всадниками, а также и сам приготовься ехать со мною; охранять же наш лагерь я поручу Джемсу Форстеру.

Маркотет вышел, чтобы исполнить приказания, а Грифитс, объяснив своему другу обо всем случившемся, сообщил ему свои намерения.

— Будьте покойны, — отвечал Форстер, — вы найдете ваш лагерь в таком порядке, как оставляете его.

— Я совершенно уверен в этом, мой друг, — сказал Грифитс, подавая ему руку.

В это время в комнату вошел лейтенант Маркотет, вооруженный с ног до головы и при шпорах.

— Все готово, капитан, — сказал он.

— Итак, отправимся, — сказал Грифитс, надевая плащ и шляпу.

Они вышли и сели на лошадей.

Капитан Форстер проводил их до ретраншиментов лагеря.

— До свидания, дорогой мой Джемс, присматривайте получше за лагерем, — сказал Грифитс, выезжая вперед отряда.

— Будьте покойны, желаю вам успеха!

И всадники поехали полною рысью.

— Это удивительно! — сказал Грифитс после некоторого молчания, обращаясь к своему лейтенанту, ехавшему с ним рядом, — мы скользим по степям, как призраки, не производя ни малейшего шума.

— Черт побери! — заметил Маркотет, — ведь мы отправляемся на розыски, а следовательно, должны быть осторожны, тем более в эту ночь, когда в горах зорко следят за всем тем, что происходит. По моему мнению, чтобы скрыть следы, следует обвязать ноги наших лошадей бизоновой кожей.

— Превосходная идея, товарищ! — отвечал капитан, дружески потрепав его по плечу.

Это сильно польстило лейтенанту, которого привязанность к Грифитсу доходила до обожания.

Два лагеря, так называемых эмигрантов и лагерь Сожженных лесов, находились один от другого не более как на расстоянии трех с половиной лье.

Но дорога была очень неудобна, в особенности в темную ночь; Сожженные леса должны были прибегнуть к большим предосторожностям, чтобы не быть открытыми расставленными в горах пикетами краснокожих и охотников.

Таким образом, они должны были употребить три часа, для того чтобы проехать расстояние в три с половиной лье, на которое днем потребовалось бы не более одной трети этого времени, но они прибыли в окрестности лагеря капитана Кильда только после двух часов утра.

Вдруг Сожженные леса услышали залп, сопровождаемый страшным криком краснокожих, и почти тотчас же началась частая перестрелка.

— Атака началась, — сказал Грифитс, обращаясь к лейтенанту, — теперь бесполезно идти далее, но

так как в настоящую минуту всеобщее внимание обращено на лагерь и никто не вздумает наблюдать за нами, то десять человек из нашего отряда сойдут с лошадей и последуют за мною; после я скажу им, что делать. Вы же, лейтенант, с остальными нашими людьми останетесь здесь; будьте готовы каждую минуту. Если услышите крик орла — значит, я нуждаюсь в помощи, тогда вы поспешите ко мне. Хорошо ли вы поняли?

— Да, капитан, будьте осторожны.

— Хорошо, хорошо! — отвечал он, спрыгнув с лошади.

Десять человек, которых капитан назвал по имени, передали своих лошадей товарищам и под предводительством капитана быстро скрылись в лесу.

По мере того как они приближались к месту схватки, шум делался все яснее; эмигранты, казалось, мужественно сопротивлялись врагам.

Сожженные леса тихо пробирались в темноте, скользя, как призраки, в чаще леса.

Скоро они нашли тропинки и направились по ним прямо к лагерю; они уже видели мерцающий свет огня.

Вдруг капитан остановился.

Все последовали его примеру.

В нескольких шагах от того места, где они находились, происходил оживленный спор.

— Нет, — говорил тонкий, почти женский голос, — мы не пойдем за вами, Браун; лейтенант сказал нам, чтобы мы оставались здесь до его приезда.

— Лейтенант ранен, он не придет сюда, — отвечал грубый голос.

— Вы лжете, — возразил первый голос, — Блю-Девиль не ранен и непременно придет сюда, я в этом уверен.

— Молчи, проклятый Пелон! — вскричал второй голос, — или...

— Не боюсь я вас, — возразил Пелон, — попробуйте только до меня дотронуться, и я разможу вам голову выстрелом из револьвера.

— Молчи, дитя, — сказал нежный женский голос. — Ни угрозы ваши, Браун, ни просьбы не заставят нас последовать за вами.

— Вы так думаете? — спросил насмешливый голос. — Лейтенант хочет опутать меня своими обещаниями, но я хитрее его! Я вам говорю, что вы тотчас же последуете за мною.

— Попробуйте только дотронуться, — возразила молодая женщина.

— Не долго вы будете ожидать этого, — сказал бандит.

С этими словами он свистнул, и в ту же минуту семь или восемь человек выскочили из засады.

— Ступайте по доброй воле, или я силой заставлю вас следовать за мною, — грубо сказал бандит, — капитан Кильд ожидает вас, моя милая; вы не избегнете его.

Он сделал движение, чтобы схватить молодую женщину.

— О Боже! — вскрикнула она, с отчаянием озираясь вокруг, — никто не придет к нам на помощь!

— Mordieu! — закричал Грифитс, бросаясь вперед, — я спасу вас, кто бы вы ни были! Вперед!

Его люди бросились на бандитов, но последние, не ожидая их нападения, отскочив в сторону, в мгновение исчезли в горах.

Остался в плену только один Браун, которого Грифитс крепко схватил за горло; негодяй тотчас же был связан по рукам и по ногам.

— Мадам, — сказал молодой человек, почтительно кланяясь, — я капитан Джон Оливье Грифитс, команду отрядом Сожженных лесов. Оставаться здесь вам невозможно, а потому я решаюсь предложить вам убежище в своем лагере. Я честный человек и ручаюсь вам, что там вы будете в совершенной безопасности; завтра же, если вы захотите возвратиться к своему покровителю или уведомить его о случившемся, я доставлю вам к этому все средства.

— Я вполне полагаюсь на ваше слово, милостивый государь, — отвечала донна Розарио. — Самопожертвование, с которым вы оказали нам услугу, слишком велико, чтобы не доверять вам. Я и спутники мои готовы следовать за вами; укажите нам дорогу.

— Да, — заметил Пелон, — капитан Грифитс честный человек и вполне заслуживает доверия; я часто слышал о нем.

Усадив обеих дам на лошадей и отдав приказание взвалить пленника на мула и привязать его покрепче, капитан Грифитс отправился вперед.

«Само небо покровительствует мне сегодня, — сказал он про себя, — теперь только надо суметь воспользоваться этим неожиданным случаем».

По прибытии в свой лагерь капитан отвел донне Розарио и ее спутникам самое комфортабельное помещение своей квартиры и, вежливо простившись с обеими женщинами, возвратился в свою комнату.

Приказав лейтенанту Маркотету строго следить за пленником, окружив его надежным конвоем, капитан Грифитс бросился в постель, устроенную из мехов, и заснул крепким сном.

Он был сильно утомлен, но эта ночь не прошла для него даром.

Железная рука

Джон Грифитс проспал не более трех часов, в половине девятого утра он уже проснулся.

Солнце ярко светило на безоблачном небе, и день обещал быть превосходным.

Трех часов отдыха было для капитана совершенно достаточно, и он встал в самом веселом настроении духа.

Быстро осмотрев лагерь для того, чтобы удостовериться, все ли было в своем обычном порядке, Грифитс, оставшись вдвоем с Джемсом Форстером, сообщил ему со всеми подробностями о результатах своего ночного путешествия.

— Что вы думаете обо всем этом? — спросил он своего друга.

— Я думаю, — отвечал Форстер, — что это ничего более, как дело такого случая, который редко может представиться, и что положение наше со вчерашнего дня много улучшилось.

— Я сам так думаю, — отвечал капитан. — Теперь нам нужно только действовать, не увлекаясь и с величайшим благоразумием. Человек, которого я арестовал, находится, без сомнения, под строжайшим присмотром?

— Будьте покойны в этом отношении, я сам позаботился об этом.

— Важнее всего, чтобы этот негодяй не убежал, так как он нам скоро понадобится. Я так сильно был утомлен ночной поездкой, что забыл отправить с восходом солнца разъезды по нескольким направлениям, чтобы получить

сведения о происшествии этой ночи, подробности о которых, конечно, мы не имели времени узнать.

— Но ведь я вовсе не был утомлен, — сказал Форстер с улыбкой, — и так как вы вверили мне власть в лагере, то я час тому назад послал нарочных по четырем различным направлениям; я думаю, что они скоро возвратятся и привезут нам какие-нибудь новые известия.

— Благодарю вас, мой дорогой Джемс; этим вы сделали мне большое одолжение. А что поделявают наши мормоны?

— Их совсем не слышно; они почти не выходят из своих хижин и, так как вы вчера им советовали, переменили платья, в которых нисколько не отличаются от наших охотников.

— Тем лучше. Для нас очень полезно, чтобы их присутствие не было пока никем замечено.

— Что вы думаете о Кильде, или о Брауне, как вы его называете? Кажется, его положение очень плохо в настоящую минуту?

— Да, я тоже так думаю, но это тонкий плут! Не успеют его схватить, как уж он успеет найти средства освободиться; этот человек живуч, как кошка, которая всегда падает на лапы, как бы вы ее ни бросали. Теперь его шайка, наверно, находится в совершенном беспорядке после страшного ночного поражения, но если дать ей время оправиться, то через несколько дней она снова соберется и сделается еще многочисленнее против прежнего, приняв к себе новых бандитов, в которых нет недостатка в пустыне и которые с удовольствием примут участие в разбоях и грабежах, получая при этом жалованье.

— Что же вы намерены теперь делать?

— Действовать как можно решительнее и начать с того, что постараться немедленно открыть их сборное место, тем более что главное дело сделано. Приобретенная нынешней ночью добыча откроет нам путь к давно желанному результату. Задержание этого человека я считаю единственным средством доказать честным людям, что мы никогда не были соучастниками этих мерзавцев, и восстановить прежнее о себе мнение в их глазах.

— Берегитесь, мой друг! Этот человек не задумается открыть, что вы покупали у него невольников, имея в

виду если не оправдаться этим, то по крайней мере запутать дело.

— Так что же? Разве вы не слышали вчера моего разговора с Ионафаном Мобертом? Эта продажа, или, скорее, покупка, была ничего более как ловушка, которую я ему приготовил. Я принял все предосторожности, чтобы не было возможности заподозрить меня в подобной мерзости.

— Как так?

— Да разве вы забыли о том, что я написал обо всем этом Бриггаму Юнгу и что письмо это уже вручено ему?

— В самом деле вы отправили нарочного к Бриггаму Юнгу?

— Конечно, разве вы сомневаетесь в этом?

— Признаться, да.

— Значит, вы находите меня способным решиться на эту отвратительную покупку? От души благодарю вас за подобное обо мне мнение; однако вы, как видно, очень хорошо знаете меня.

— Конечно, я знаю и люблю вас, мой друг; но тем не менее я не мог не подумать, что вы не совсем со мною откровенны.

— Но как же мог я иначе поступить?

— Я думал, что вы просто забыли отправить нарочного, что было бы для нас великим несчастьем.

— Конечно, но успокойтесь, нарочный отправлен. Скажу вам откровенно, что, вмешиваясь в это дело, я знал, что мне предстоит иметь дело с тонким мошенником, а потому я принял всевозможные предосторожности; понятно, что на будущее время я буду поступать не менее благоразумно. Не скрою от вас, что я намерен употребить маленькую хитрость: через три дня отряд мормонов засядет в Прыжке Лоси, и затем я выполню в точности все то, о чем говорил вчера Ионафану Моберту.

— Слава Богу! Какое-то бремя свалилось с груди моей. Я знаю, что вы страшно беспечны, мой друг, в делах, касающихся вас лично, вследствие чего я и заподозрил вас в подобной оплошности.

— Это правда, я несколько беспечен, если речь идет о моей личности, но в то же время я отношусь совершенно серьезно к делу, касающемуся моей чести, которая, благодаря Бога, осталась до сих пор неприкосновенною.

— Никому это так не известно, как мне, мой друг, — сказал Джемс Форстер, протягивая Грифитсу руку, которую тот пожал с чувством.

В это время дверь, или, скорее, плетенка хижины, приподнялась, и вошел лейтенант Маркотет.

— А, это ты, Маркотет! — сказал Грифитс. — Ну что? Какие новости?

— Все идет хорошо, капитан. Молодой человек, слуга двух дам, которых мы вчера привезли, желает говорить с вами.

— А! Хорошо, пусть войдет.

— Войдите, — сказал Маркотет, подымая плетенку, — капитан желает вас видеть.

Пелон вошел и вежливо поклонился трем офицерам.

— Это вы, дитя мое! — сказал капитан с улыбкой. — Что вам угодно? Вы, без сомнения, пришли ко мне с поручением от вашей госпожи?

— Да, капитан, — отвечал Пелон.

— Как она себя чувствует после происшествий ночи?

— Моя госпожа чувствует себя очень хорошо, капитан.

— Очень рад. Что же ей угодно?

— Она желает говорить с вами, капитан.

— Я весь к ее услугам.

— Значит, она может прийти?

— О нет! Если ваша госпожа желает что-нибудь сообщить мне, то я буду иметь честь сам прийти к ней.

— Итак, капитан, я могу сказать...

— Что через десять минут, — перебил его капитан с улыбкой, — я буду иметь честь сделать ей визит.

— Благодарю, капитан, я передам моей госпоже ваши слова.

— Ступайте, мой милый, я следую за вами.

Пелон поклонился и вышел.

— О! — воскликнул капитан, радостно потирая руки, — сама судьба сближает меня с Валентином Гиллуа.

— Что вы говорите о Валентине Гиллуа?

— Теперь я понимаю, — продолжал капитан задумчиво, — я сильно ошибался, думая, что присутствие в наших горах отряда мнимого Кильда не есть одна из важных причин, побудивших Искателя следов прибыть в эту местность; ни один раз он не бывал здесь без какой-

нибудь серьезной цели. Быть может, от моей прекрасной посетительницы я узнаю многое.

— Это правда, — заметил Форстер, — вы непременно выясните себе из разговора с ней некоторые темные стороны дела. Идите, мой друг, идите! Желаю вам успеха!

— Все зависит от счастья!

Капитан Грифитс вышел и направился к хижине, занимаемой донной Розарио и ее верной мисс Гарриэтой Дюмбар.

Стоявший на пороге Пелон, увидев капитана, предупредил об этом свою госпожу и потом ввел посетителя.

Молодая женщина сидела, облокотившись на спинку кровати; все стены избушки были завешаны мехами, а толстый ковер скрывал земляной пол.

Огонь горел в камине и распространял приятную теплоту в избушке, сплетенной из сучьев и ветвей дерев.

Гарриэта Дюмбар сидела на табурете около своей госпожи.

Донна Розарио встретила капитана с очаровательной улыбкой и протянула ему руку.

Грифитс почтительно наклонился к этой маленькой, изящной ручке, слегка коснувшись ее своими губами.

— Благодарю вас, — сказала она с некоторым смущением, — благодарю за услугу, которую вы мне оказали, капитан.

— Прошу вас, сеньора, — отвечал Грифитс, — считать меня одним из самых покорных и преданнейших слуг ваших; я ожидаю от вас новых приказаний.

— Прежде чем просить вас о новой услуге, капитан, — отвечала она, — я считаю своим долгом сказать вам, кто я такая, и познакомить вас с личностью, которой вы спасли жизнь. Милая Гарриэта, подайте стул капитану.

Молодая девушка поспешила исполнить ее просьбу, но Пелон предупредил ее, схватив табурет и подавая его капитану.

— Увы! — сказал Грифитс с печальной улыбкой, — я знаю вашу историю, она походит на историю многих несчастных, преследуемых судьбою, как вы, мадам; поведение капитана Кильда давно уж обратило на себя всеобщее внимание; всем в этой местности известно от-

вратительное ремесло его. Он вас, вероятно, похитил из вашего семейства, насильно принудил следовать за ним с целью продать мормонам, но, слава Богу, его низкий замысел не удался! Теперь вы свободны и находитесь в безопасности от ваших преследователей.

— Увы! — отвечала донна Розарио с печальной улыбкой, — капитан Кильд не так виноват, как вы думаете, потому что я была ему продана.

— Что вы хотите этим сказать, мадам?

— Вот в нескольких словах моя грустная история, капитан. Я родилась далеко отсюда, в самом конце Южной Америки, в Чили. Мой отец был французский дворянин и принадлежал к одному из самых древних родов своей страны. Мать моя была американка и происходила от одного из лучших семейств в Чили. Я и брат мой жили в доме наших родителей, которых мы боготворили. Один из наших родственников, смертельный враг отца моего, напал однажды на нашу асиенду вместе с индейцами Ароканами. Дикие сожгли асиенду и убили моего отца и мать. Бесчеловечный наш родственник взял меня и брата с собою и отвез нас в Новый Орлеан. Итак, мы расстались с Чили, с нашей милой родиной! Спустя некоторое время он снова посадил нас на корабль и перевез в Бразилию. Не знаю, вследствие каких причин наш родственник скоро взял нас из Бразилии и возвратил в Новый Орлеан. По возвращении нашем туда этот бесчувственный человек разлучил меня с братом. Я не знаю, где теперь брат мой!.. бедный брат! он был так прекрасен, такой искренний и так любил меня!

— Он умер?

— Увы! Я ничего не знаю, я не видела его более никогда, после нашей разлуки я не получала никаких о нем известий.

— Он, без сомнения, почти одних лет с вами, сеньорита?

— Да, почти, но он немного старше меня; если он еще жив, на что в глубине моего сердца сохранилась еще надежда, то ему должно быть около двадцати одного года; он был красив, высокого роста, хорошо образован и бесконечно добр!.. бедный Луи!

Донна Розарио замолкла и тихо плакала, закрыв лицо руками.

— Не унывайте, сеньорита, — сказал капитан после некоторого молчания, — ваш брат, наверно, жив еще и возвратится к вам. Бог милостив, надейтесь на Него!

— Благодарю вас, сеньор, за ваши утешения, — отвечала она, поднимая голову и вытирая слезы, медленно катившиеся по ее бледным щекам. — Мы остались одни, круглыми сиротами, без всякой опоры; но у нас была святая любовь друг к другу, которую Бог вселил в наши страждущие сердца для того, чтобы мы могли утешать один другого и мужественно, без ропота переносить несправедливые удары судьбы.

Увы! Теперь я одна! Нет уж более моего друга, моей опоры! Слух мой не лелеет более его нежный, сладкий голос, который беспрестанно повторял мне: «Не унывай, бедная сестра моя! Настанет наконец минута, когда судьба утомится преследовать нас, справедливость торжествует, и мы будем счастливы!» Теперь я одна, совершенно одна! Но нет, у меня есть еще два друга, которые преданы мне, не оставляли и не оставят ни за что и никогда!

— Что же с вами случилось, сеньорита, после того как вас разлучили с вашим братом? — спросил капитан.

— Недостойный наш родственник, который не переставал быть нашим палачом, желая воспользоваться нашим громадным состоянием, поместил меня в Новом Орлеане в девичий пансион, где я пробыла несколько месяцев. Это короткое время было для меня отдыхом после долгих и непрерывных страданий. Я была любима своими подругами; лица же, которым был вверен присмотр за мною, окружили меня всевозможным вниманием, так что если бы я могла забыть свое горе, то была бы совершенно счастлива. Но увы! это было невозможно. Между тем, скрывая свою скорбь в глубине сердца, я невольно стала сосредоточиваться в самой себе, предаваясь часто в уединении мечтаниям. Но ненавистный мой родственник не упускал меня из виду. Однажды, гуляя со своими подругами в окрестностях города, я с умыслом отстала от них, чтобы несколько отдалиться от их беззаботного смеха и веселых игр, и погрузилась в свои думы. Вдруг я неожиданно была схвачена, в то же время покрывало упало мне на лицо, меня грубо взвалили на плечи, и я потеряла сознание. Когда я очнулась, то увидела себя в повозке, запряженной одною лошадей, кото-

рая везла нас полной рысью через густой лес. Я была во власти капитана Кильда.

— Вы говорили мне, сеньорита, о двух друзьях ваших, которые так преданы вам; неужели они не могли ничего сделать для вас?

— О, капитан, они слишком много сделали для меня. После моего похищения они беспрестанно искали меня и успели подослать в лагерь капитана Кильда людей своих, которым я вполне могла довериться. Один из этих людей лейтенант самого капитана.

— Блю-Девиль! — воскликнул Грифитс с величайшим изумлением.

— Да, — отвечала донна Розарио с обворожительной улыбкой, — а другой — мексиканский охотник, который служит путеводителем каравана, Бенито Рамирец.

— Знаменитый лесной скороход?

— Да, сеньор.

— Странно! А эти два друга, о которых вы говорите, сеньорита, очень могущественны?

— Не знаю, сеньор; мне известно только то, что эти люди безгранично мне преданы.

— Можете ли вы мне сказать имена этих людей, сеньорита?

— Конечно, капитан; один из них близкий родственник моей матери, который видел нас с братом еще в детстве; он очень богат и не задумается посвятить себя нашему спасению; его имя дон Григорио Перальта.

— Я не знаю этого имени, сеньорита, — отвечал Грифитс в задумчивости, — а другой?

— Другой — француз, молочный брат моего отца, его старый друг, который был безгранично предан ему и который теперь дорожит его памятью, — это скиталец лесов; его зовут Валентином Гиллуа.

— Валентин Гиллуа? — вскричал капитан, невольно вспыхнув от такой неожиданности.

— Вы его знаете? — спросила донна Розарио, внезапно выпрямляясь на своей кровати.

— Только понаслышке, сеньорита; я никогда не имел чести с ним встретиться. О! Если у вас такой друг, как знаменитый Искатель следов, то вам, сеньорита, совершенно нечего бояться капитана Кильда.

— Я еще вчера так думала; желание освободить меня было единственной причиной того, что Валентин Гил-

луа со своими охотниками и индейцами напал на лагерь. Все уж было приготовлено к моему бегству.

— Но подоспел этот мерзавец Браун?

— Да, сеньор; без вас я бы погибла.

— О! Теперь вам совершенно нечего бояться.

— Я это знаю и благодарю вас. Но смотрите, капитан, ведь я неблагодарна.

— Вы, сеньорита?

— Да, я говорила вам только о двух моих друзьях, между тем как забыла о третьем, быть может, более всех преданном мне, — это вождь индейцев.

— Друг и названный брат Валентина Гиллуа? — перебил ее капитан, — Курумилла, не так ли, сеньорита?

— Да, капитан; я уверена, что этот человек более двух остальных заботился о моем освобождении, и я забыла его. Это дурно с моей стороны!

— Что же вы намерены теперь делать, сеньорита?

— Я хотела бы уведомить моих друзей, которые, без сомнения, в страшном отчаянии от моего внезапного исчезновения. Я хотела бы уведомить их обо всем происшедшем и, сообщив им об услуге, которую вы мне оказали, дать им знать, где и под чьим покровительством я нахожусь в настоящую минуту. Я приготовила утром, когда встала, письмо, которое желала бы отправить к Валентину Гиллуа как можно скорее.

— Ничего нет легче, сеньорита; я не знаю, в скольких лье отсюда находится знаменитый скиталец лесов, но в моем отряде есть один охотник, которому известны все тропинки пустыни и который обладает замечательной способностью отыскивать тех, кого ему надо; напасть же на след Валентина Гиллуа будет тем удобнее, что он, наверно, оставил людей в окрестностях каждого лагеря, чтобы отыскать вас.

— Могу ли я просить вас об одном одолжении, кабалеро? — прервала его донна Розарио с улыбкой.

— Говорите, сеньорита, вы не знаете еще, какое участие я принимаю в вашем деле?

— Я не сомневаюсь в этом, а потому и решаюсь обратиться к вам с следующей просьбой: я желала бы, чтобы этот молодой человек, который меня сопровождает, сам отвез мое письмо и вручил по адресу; он рассудителен, очень предан мне и хорошо знаком с местностью; кроме того, он знает многих из людей Ва-

лентина Гиллуа, и если встретит кого-нибудь из них на дороге, то тогда, конечно, можно быть уверенным, что письмо скоро дойдет по назначению.

— Пусть будет по-вашему, сеньорита! Предоставляю вам действовать, как вам будет угодно; если вы находите нужным послать этого молодого человека, то я исполню ваше желание; я же довольствуюсь тем, что имею честь быть вам полезным. Я также пошлю охотника, чтобы узнать о событиях ночи.

— Я думаю, сеньор, что так будет лучше, тем более что вы, конечно, не написали бы того, что я написала, — сказала она с очаровательной улыбкой.

— Когда вы хотите, чтобы отправился этот мальчик, сеньорита?

— Как можно скорее.

— Чтобы скорее возвратиться?

Молодая девушка молча кивнула головой.

— Хорошо, сеньорита, он отправится сейчас же.

Капитан отворил дверь и знаком подозвал к себе лейтенанта Маркотста, который чинно прохаживался в нескольких шагах с сигарой во рту.

— Лейтенант, прикажите сейчас же оседлать лучшую лошадь, — сказал капитан. — Умеешь ли ты управлять лошадью, мальчик? — продолжал он, обращаясь к Пелону.

— Я сын *гамбуцино*! — гордо отвечал мальчик.

— О! в таком случае я совершенно спокоен, — заметил капитан с улыбкой. — Есть ли у тебя оружие?

— Да, капитан, у меня есть ружье, револьвер и нож.

— Хорошо, теперь недостает только сумки с съестными припасами, но тебе принесут ее, пока ты соберешься. Когда лошадь будет оседлана, приведите ее сюда, лейтенант, а также прикажите приготовить сумку. Ступайте и распорядитесь, чтобы все было готово как можно скорее.

Через пять минут великолепная вороная лошадь прыгала перед хужиной и рвалась из рук лейтенанта, который крепко держал ее под уздцы.

— Вот тебе письмо, Пелон, — сказала донна Розарио, обращаясь к молодому человеку, лицо которого сияло от восторга при сознании, что ему доверяют такое серьезное поручение. — Ты должен вручить его Валентину Гиллуа в собственные руки.

— Положитесь на меня, сеньора, я доставлю его или умру.

— Поезжай, Пелон, поезжай, мой друг, мой брат, поезжай, и да хранит тебя Бог!

Молодой человек вежливо поклонился и вскочил в седло с ловкостью и проворством, которые ручались в успехе возложенного на него поручения.

Если бы капитан Кильд увидел теперь этого прекрасного молодого человека, с сверкающим взглядом, грациозными манерами и твердой посадкой на лошади, он, без сомнения, не узнал бы в нем бедного Пелона, с которым он привык обходиться с таким презрением.

Но тогда он был жалкий невольник, между тем как теперь он был свободен и чувствовал, что он также человек.

Почтительно раскланявшись с донной Розарио и капитаном, он пустил лошадь охотничьим галопом и выехал из лагеря, ворота которого были для него отворены. Пять минут спустя он исчез с горизонта.

— Как мне нравится этот красивый молодой человек! — весело сказал капитан, обращаясь к донне Розарио. — Довольны ли вы, сеньорита? — прибавил он. — Все ли я исполнил, что обещал вам ночью?

— О да, сеньор! Вы слишком добры и внимательны, чтобы я не заплатила вам за все это моей искренней признательностью.

— Теперь я, кажется, бесполезен для вас, все зависит от вашего посланного.

— О, я в нем совершенно уверена, сеньор.

Капитан почтительно поклонился донне Розарио и снова поцеловал ее руку.

— О, сеньора! — сказала Гарриэта Дюмбар, когда они остались только вдвоем, — как прекрасен сделался вдруг Пелон!

Донна Розарио обняла ее, смеясь.

— Теперь он свободен, мой друг, — отвечала она, — и чувствует свою силу, как орел, у которого выросли крылья.

Теперь мы оставим на некоторое время лагерь Сожженных лесов и последуем за Пелоном.

Молодого человека вовсе нельзя упрекнуть в хвастовстве за то, что он гордо отвечал капитану: «Я сын гамбуцино!» Он не только мастерски ездил на лошади, как

вообще все мексиканцы, но, несмотря на свою молодость — ему было около восемнадцати лет, — он обладал замечательным знанием самых уединенных уголков и тропинок пустыни.

Постоянно сопровождая отца своего, который большую часть времени проводил в странствовании по лесам и степям, Пелон имел случай близко познакомиться со всеми трудностями жизни лесного бродяги; он приобрел также необыкновенную способность открывать следы и неуклончиво следовать по ним; но, что всего важнее, он умел направлять выстрел в чаще темного леса так же верно, как бы он стрелял в открытом поле, покрытом только высокой травой.

Сверх того он был храбр, благоразумен, осторожен и хорошо знаком с оружием, которое он постоянно носил и в котором он был похож на настоящего охотника.

Словом, донна Розарио имела основание доверять ему.

Расставшись с лагерем Сожженных лесов, Пелон продолжал скакать до тех пор, пока не углубился в самую середину равнины.

Наконец, он остановился и поворотил свою лошадь головой к востоку.

Трава была так высока, что молодой человек, хотя и был довольно высокого роста, однако должен был подниматься на стременах, чтобы обозреть местность.

Мертвая тишина царствовала вокруг; ничто не нарушало ее.

Молодой человек хорошо знал позиции различных лагерей; он попробовал определить с точностью направления, в которых они находились от него, для того чтобы лучше представить в своем уме местность, где был лагерь охотников, к которым он хотел направиться.

Это была долгая и трудная работа, но, по-видимому, результаты получились удовлетворительные, так как на губах его появилась самодовольная улыбка.

— Я должен направиться прямо к северу, — сказал он, — но так, чтобы все время эти две возвышенности находились с правой стороны от меня; одна из них, как следует предполагать, называется Воладеро, которую так часто мне описывал Блю-Девиль и о которой он еще вчера говорил мне во время похода и даже указывал на

нее пальцем; там я, без сомнения, могу получить сведения о человеке, которого ищу. Блю-Девиль никогда ничего не говорит и не делает без основания. Итак, я отправляюсь к Воладеро; но, чтобы быть свободнее в своих действиях и не иметь более надобности останавливаться, я позавтракаю здесь, тем более что я очень голоден; притом же, — прибавил он, взглянув на солнце, — теперь не более десяти часов с половиною.

Пелон остался очень доволен своим заключением; соскочив на землю и разнуздав лошадь, которая с жадностью принялась щипать траву, он сел возле нее, положил свое ружье в таком от себя расстоянии, чтобы во всякое время его можно было достать не вставая, и, разложив перед собою свою провизию, начал есть так, как едят в его лета, т. е. с превосходным аппетитом.

Съедая все, что попадалось ему на зубы, молодой человек погрузился в глубокие размышления, что, однако, не мешало ему быть каждую минуту настороже и не пропускать мимо ушей ни малейшего шума.

Но ничто не нарушало величественной тишины этого неизмеримого зеленого океана.

Наконец Пелон окончил свой завтрак, который продолжался не более двадцати минут.

Его лошадь также подняла вверх голову и с нетерпением озиралась по сторонам.

Молодой человек снова собрал оставшиеся съестные припасы и сложил их в свою сумку; затем он выпил залпом из дорожной бутылки вина, взнуздав свою лошадь и прыгнул в седло.

Бросив испытующий взгляд вокруг себя, он заметил дорогу, извилинами прорезывающую долину и ведущую к лагерю, в который он решился заехать.

Он ехал таким образом около двух часов, и ничто не разнообразило его монотонного путешествия.

Наконец, перед ним раскинулся громадный и густой лес; молодой человек окинул его внимательным взглядом, чтобы не ошибаться в своем направлении, и только тогда решился ехать по широкой дороге, пролежавшей через этот лес.

Вдруг он заметил свежие следы нескольких всадников.

Копыта лошадей с точностью отпечатались на мягкой, рыхлой земле.

Молодой человек принял необходимые предосторожности и пришпорил лошадь.

Спустя несколько минут до его слуха долетел какой-то неопределенный шум, который становился все явственнее и который, наконец, можно было принять за ссору.

Пелон остановил свою лошадь: в незначительном от него расстоянии, с правой стороны дороги слышались человеческие голоса.

Вдруг раздался выстрел, послышался болезненный стон и вслед за тем брань.

Пелон вздрогнул: ему показался один из этих голосов хорошо знакомым.

Молодой человек въехал в чащу леса, сошел на землю, крепко привязал свою лошадь и, взяв в руки ружье, пополз, как змея, между кустарниками.

Скоро он так к ним приблизился, что мог расслышать следующий разговор:

— Ah, Demonio! — говорил злобный голос, — на этот раз ты не уйдешь от меня!

— Лжешь! — отвечал второй такой же голос, — ты сам умрешь, собака!

Пелон продолжал подвигаться с величайшею осторожностью; наконец, он увидел двух человек: один из них стоял за деревом, так что Пелон не мог хорошо рассмотреть его, но голос этого человека приводил его в трепет. Другой стоял возле убитой лошади и держал ружье наперевес. Пелон узнал в этом последнем ненавистного *Шакала*.

Два врага стояли на прогалине леса один против другого, и в лицах их выражалась решимость бороться на жизнь и смерть.

Пелон осторожно своротил налево, так что очутился по правую сторону бандита, затем он приподнял ружье свое и встал на ноги.

— Ты должен умереть, Шакал! — вскрикнул он.

— Ах ты змея! — закричал бандит, оборачиваясь и узнав Пелона.

Но прежде чем он успел переменить направление ружья, молодой человек, которому хорошо был известен этот маневр, опустил курок.

Раздался выстрел, и бандит, не вскрикнув, повалился мертвым: пуля Пелона разможила ему череп.

В ту же минуту человек, стоявший за деревом, бросился к молодому человеку с распростертыми руками и закричал задыхающимся от волнения голосом:

— Мой сын! мой сын!

— Отец! — вскрикнул Пелон.

И они упали друг другу в объятия.

— Что там такое? — спросил вдруг насмешливый голос. — Убивают и в то же время целуются! Что это значит?

Отец и сын быстро обернулись.

Перед ними стоял Блю-Девиль, опершись на ствол своего ружья и устремив на них взгляд, исполненный крайнего изумления.

— Это значит, господин Блю-Девиль, — отвечал гамбуцино, по лицу которого градом катились слезы, — что я отыскал моего сына.

— И всадил без промаха Шакалу в лоб пулю? Отлично! А я так спешил, чтобы вовремя оказать помощь! Значит, мне вовсе не следовало так торопиться.

— Это не я убил Шакала.

— А кто же?

— Это я, господин Блю-Девиль, — отвечал молодой человек, кланяясь.

— И хорошо ты сделал, мой друг, что убил эту подлую тварь, — сказал лейтенант, — я всегда говорил, что он этим кончит.

Гамбуцино снова обнял сына и начал целовать его.

— Но каким образом ты попал сюда? — продолжал Блю-Девиль.

— Я ищу Валентина Гиллуа.

— На что он тебе?

— Чтобы вручить ему очень важное письмо.

— А ты убиваешь бандитов, вместо того чтобы исполнить свое поручение? Знаешь ли ты, что случилось с донной Розарио?

— Вы не доверяли мне, лейтенант?

— Да, — отвечал Блю-Девиль, хмуря брови, — и начал думать, что был прав.

— Не спешите обвинять меня, лейтенант, вы скоро в этом раскаетесь.

— Это почему?

— Потому что я не оставлял ее ни на одну минуту.

— И это правда?

— Мой сын не умеет лгать, — заметил гамбуцино.

— Я это знаю, — отвечал Блю-Девиль.

— Письмо, которое я должен передать Искателю следов, — от донны Розарио.

— Она в безопасности? — быстро спросил Блю-Девиль.

— Да, но не думайте, что об этом похлопотал Браун, человек, которому вы доверяли и который подло изменил нам.

— Я догадывался, что это так... О подлец, если бы ты попался мне в руки...

— Это не так трудно, как вы думаете: он в плену.

— Как это случилось?

— Валентин Гиллуа расскажет вам, проводите меня к нему.

— Хорошо, но прежде надо обыскать карманы этого мошенника.

Лейтенант выворотил карманы Шакала, вытащил оттуда портфель, туго набитый бумагами, и возвратился к молодому человеку.

— Ну, теперь скорее в путь! — сказал он. — У нас еще много дел впереди! Есть ли у тебя лошадь?

— Да, она скрыта в кустах.

— Тем лучше; ну так отправимся же!

Зеленый океан

Когда Валентин Гиллуа узнал о непостижимом исчезновении донны Розарио, им овладело странное отчаяние.

Бенито Рамирец, казалось, был близок к помешательству вследствие этой неудачи.

Даже Блю-Девиль, человек вообще холодный и, по-видимому, невозмутимый, находился в сильно возбужденном состоянии; он никак не мог простить себе непредусмотрительности, с которой он положился на человека, в честности которого никогда не имел случая убедиться, поэтому вследствие этой оплошности он некоторым образом был причиной ужасной катастрофы.

Блю-Девиль знал, что если Браун успел возвратить несчастную девушку в руки капитана Кильда, то он, Блю-Девиль, ничем не сможет загладить свою вину. Следовало не теряя ни минуты преследовать похитителей молодой девушки.

К несчастью, Валентин Гиллуа слишком был занят делами, относящимися к его обязанности властелина, чтобы принять участие в розысках, а потому он возложил это поручение на людей, ему преданных.

Бальюмер, Блю-Девиль, Бенито Рамирец и Навая бросились во все стороны и с неутомимой энергией старались напасть на след.

Валентин Гиллуа заметил с удивлением, что Курумилла не выказывал ни малейшего желания отправиться на розыски молодой девушки.

Между тем, когда вождь индейцев узнал об исчезновении донны Розарио, он внимательно осмотрел следы, оставленные похитителями у входа в пещеру, и исчез в чаще леса, но через полчаса он снова появился у опушки леса.

— Ну что, вождь? — спросил его Валентин.

— Все хорошо! — отвечал Курумилла, не останавливаясь и направляясь к лагерю.

Валентин не расспрашивал его более; он слишком давно знал вождя индейцев, чтобы сомневаться в верности его наблюдений; он также был уверен в том, что Курумилла безгранично предан несчастным детям донна Луиса.

Искатель следов догадался, что в голове вождя индейцев созрел какой-то план.

Они оба вошли в лагерь.

Борьба прекратилась; Индейцы-вороны, как голодные волки, рыскали по неприятельскому лагерю и грабили все, что попадалось им под руки.

Валентин Гиллуа не мешал им.

Анимики свято выполнил условие, заключенное им с Искателем следов: ни один из его подчиненных не напал на женщин и не оскорблял их ни словом, ни действием; они были собраны в одном из углов лагеря под надзором двух охотников.

Несчастные дрожали от страха и холода, их жалкий вид невольно возбуждал сострадание.

Валентин отозвал вождя Воронов в сторону; переговорив несколько слов вполголоса и пожав друг другу руку, они расстались.

Валентин просил Анимики позволить женщинам и детям взять свою одежду.

Вождь Воронов считал себя слишком одолженным помощью охотников, чтобы отказать в такой незначительной просьбе их начальнику, который притом не мешал ему воспользоваться добычей.

Анимики хорошо понимал, как было для него полезно жить в ладу со своим могущественным союзником, а также, что, полагаясь на собственные силы, он никогда не успел бы овладеть лагерем.

Вследствие таких соображений он поспешил отдать приказание возвратить в целостности женщинам и детям все их вещи.

Это распоряжение тотчас же было исполнено в точности.

Валентин Гиллуа собрал охотников, велел навьючить вещи невольниц на нескольких мулов; потом, простившись с вождем Воронов, он удалился со своим отрядом, в середине которого находились женщины и дети.

Охотники направились к Воладеро.

Несчастные невольницы не знали, в какие руки они попали; они думали только о том, что у них теперь другие хозяева, и со страхом ожидали неведомого своего будущего.

Во все время перехода они плакали и горевали так, что их невозможно было утешить.

Охотники мало заботились о них, потому что должны были с трудом отыскивать в темноте дорогу и с большим вниманием следить за тем, чтобы их мулы не свалились в пропасть, которая тянулась вдоль всего берега рски Журдан.

Наконец к семи часам утра они достигли Воладеро.

Валентин должен был сделать несколько поворотов, чтобы наконец отыскать вход, которым женщины могли, хотя с большим затруднением, войти в подземелья.

Охотники зажгли огни в нескольких пещерах, соединенных между собою узкими проходами; женщины и дети были помещены в отдельной пещере.

Постели им были устроены из сухой травы, а сложенная в этой пещере одежда была предоставлена в их полное распоряжение.

Затем Валентин приказал охотникам удалиться, предоставив несчастным невольницам свободно предаться сну, в котором они так нуждались.

Охотники расположились в гроте, уже знакомом читателю.

Четверть часа спустя все обитатели Воладеро были погружены в глубокий сон, за исключением одного только Искателя следов, который сидел перед огнем, опустив голову на руку и предавшись размышлениям.

Около десяти часов утра вошел Бальюмер.

Валентин поднял голову.

Охотник приблизился и сел возле него.

— Что нового? — спросил его Валентин после некоторого молчания.

— Ничего особенного, только одно верное известие.

— Какое?

— Что донна Розарио и те, которые сопровождали ее, не попали в руки капитана Кильда.

— Отчего вы так думаете, мой друг? — быстро спросил Валентин.

— Я не только думаю, но и убежден в этом,

— Но откуда же вы получили такие сведения?

— Я напал на следы бандитов, которые ясно отпечатались вокруг пещеры, где была скрыта донна Розарио; эти следы привели меня в лес, где я тотчас же и потерял их. Потом я снова напал на следы, по которым пришел к новому лагерю, устроенному капитаном в великолепно позиции, так что этот лагерь кажется недоступным.

— Как, капитан успел устроить новый лагерь? — спросил Валентин с изумлением, — но, вероятно, у него очень мало людей в нем!

— Вы ошибаетесь, мой друг; заметьте, что бандитов очень мало было убито; после первых выстрелов они разбежались во все стороны; как только опасность миновала, жадность возвратилась к ним, и они собрались снова, чтобы вознаградить себя за все потерянное; кроме того, чувство самосохранения заставило их позаботиться о сооружении нового лагеря. Притом же их капитан успел спасти все предметы большей важности.

— Сколько, вы думаете, осталось у него людей?

— От сорока пяти до пятидесяти человек.

— Не более?

— Как раз половина того, что у него было.

— Это правда; уверены ли в том, что донны Розарио нет в этом новом лагере?

— Совершенно уверен; там нет ни одной женщины.

— Однако вы не проникли в лагерь?

— Не мог же я добровольно подвергать себя такой очевидной опасности.

— Как же вы после этого можете быть уверены, что там нет ни одной женщины?

— А вот как: капитан послал нескольких человек прорубить засеку, чтобы сделать таким образом свободный проезд к своему лагерю. Я внезапно овладел одним из этих работников и, приставив нож к горлу, стал допрашивать. Мошенник начал было сопротивляться и спорить, но, когда увидел, что я не шучу, счел более

благоразумным повиноваться. Он сознался мне, что индейцы увели всех женщин, и когда я, не поверив этому, сильно уколол его концом своего ножа, он мне сказал: «Посмотрите сами, в нашем лагере нет еще ни одной палатки, где же мы могли бы скрыть женщин, если бы они были с нами?» Замечание было совершенно справедливо, и я был вынужден отпустить его; я даже воздержался от того, чтобы дать ему несколько пинков в дорогу. После того я возвратился прямо к вам с известием, что старому плуту капитану Кильду не удалось захватить добычу. Нет ли у вас каких-нибудь приятных новостей?

— Благодарю вас, Бальюмер, — сказал задумчиво Валентин, — эта весть все-таки приятная; но увы! Что случилось с бедным ребенком в продолжение этой ужасной ночи?

— Она же была не одна, мой друг!

— Я это знаю, ее сопровождала другая молодая девушка, с ней был еще молодой человек, почти ребенок.

— Блю-Девиль утверждает, что этот мальчик необыкновенно храбр, благоразумен, превосходно знает местность и, главное, очень предан донне Розарио.

— Все это я допускаю, мой друг, но все-таки не думаю, чтобы ребенок мог защитить ее.

В это время вошел Кастор.

— Откуда вы идете, мой друг? — спросил его Валентин.

— Я шлялся по окрестностям и думаю, что недаром.

— Объяснитесь же.

— Гуляя по окрестности довольно долго, мне вдруг пришла в голову мысль взойти на возвышение, называемое, не знаю почему, *Чертово Седалище*, с которого можно обозревать окрестности, насколько хватит глаз.

— Ну что же далее?

— Далее я увидел в ущелье *Красного Бизона* целый ряд всадников, которые подвигались по четыре в ряд и следовали в строгом военном порядке; это меня сильно обеспокоило. К несчастью, густой туман, покрывавший низменные равнины, поднялся вверх и помешал мне лучше рассмотреть этих людей; но, как мне кажется, это должны быть Сожженные леса; судя по их направлению, они непременно должны были проезжать не более в ста шагах от того места, где мы находимся.

— О, это известие довольно серьезное! — сказал Валентин, нахмутив брови.

Курумилла встал.

— Нечего беспокоиться, — сказал он, — начальник этих всадников называется донна Розарио; пусть мой брат не беспокоится, он скоро все узнает.

— Вы знаете что-нибудь, вождь? — вскричал Валентин с волнением.

— Отчего Курумилла не знает, разве у него глаз нет? Курумилла все знает. Валентин предполагает, что Курумилла оставался бы здесь, если бы ничего не знал? Пусть мой брат не боится Сожженных лесов; скоро он будет очень обрадован.

Тщательно осмотрев свое ружье, Курумилла направился к выходу из пещеры.

— Куда идет брат мой? — спросил Валентин.

— У Курумиллы глаза хороши, — отвечал тот. — Курумилла идет посмотреть на всадников, которых видел Кастор.

— Хорошо, — сказал Валентин с улыбкой, — пусть мой брат не забудет ничего.

— Pardieu! У вас превосходная мысль, вождь, — сказал ему Кастор.

Индеец молча вышел.

— А теперь, — сказал Валентин, вставая, — я думаю, что пора позаботиться об этих несчастных женщинах, которых нам удалось освободить в эту ночь.

— Да, — сказал Бальюмер, — они сильно напуганы своим новым положением, так как они не знают, в какие руки попали.

— Я думаю, — возразил Валентин, — что прежде всего следует утолить их голод; к несчастью, я так занят своими делами, что совершенно забыл позаботиться о них.

— Не беспокойтесь об этом, Валентин, — сказал Кастор, — вы слишком заняты более серьезными делами, чтобы помнить о таких мелочах. Я уже приготовил для них сухари, вареный маис, холодную дичь и печеный картофель; этого, кажется, будет достаточно для их первого завтрака. Надеюсь, что вы, Бальюмер, не откажетесь пойти со мной, чтобы вместе раздать им все это.

— О, конечно! — отвечал Бальюмер.

— Благодарю вас, Кастор, — сказал Валентин, — за то, что вы хотите заменить меня; признаюсь, что после этой ужасной ночи я совершенно потерял голову.

— О, мой друг, я вполне понимаю это, но слова вождя должны бы вас успокоить.

— Это правда, — отвечал Валентин, — его спокойствие много ободрило меня; я знаю, что Курумилла никогда не лжет, и потому решил терпеливо ожидать, пока сбудутся его предсказания.

— Бог никогда не оставляет уповающих на Него, — заметил Бальюмер. — Я твердо уверен, что с донной Розарио ничего дурного не случилось.

— Мы сделали все, что от нас зависело, — сказал Валентин, — остается возложить все свои упования на Господа Бога, да будет Его святая воля! Однако, — продолжал он после некоторого молчания, вставая, — пойдемте успокоим несчастных пленниц.

— А главное, накормим их.

— Пойдемте, Бальюмер, — сказал Кастор.

Бальюмер и Кастор вышли, а Валентин направился к пещере, в которой помещались женщины и дети.

При входе охотника на лицах невольниц выразилось беспокойство, но добродушная физиономия Искателя следов тотчас же их успокоила.

— Не бойтесь меня, *mesdames*, — сказал Валентин по-французски, так как этот язык был понятен для всех молодых девушек. — Не думайте, что вы попали в руки бандитов или людей, торгующих невольниками; нападая в эту ночь на лагерь капитана Кильда, мы не имели другой цели, как только возвратить всех вас родителям вашим, которые, без сомнения, оплакивают вас и потеряли всякую надежду когда-нибудь снова увидеть вас.

Плач и рыдания заглушили слова Валентина; он должен был подождать, пока утихнет этот взрыв внезапной радости.

— Вы свободны, — продолжал Искатель следов, — и я хотел сегодня же отправить вас к вашим родным, но некоторые важные причины вынудили меня отложить ваш отъезд еще на несколько дней; успокойтесь и будьте веселы, если это возможно; вооружитесь терпением и думайте только о том, что через несколько дней вы будете в объятиях ваших близких. Даю вам честное слово

охотника, что вам нечего теперь страшиться ваших ненавистных похитителей, так как вы находитесь среди ваших друзей и защитников. Никто и никогда во всей пустыне, ни из краснокожих, ни из бледнолицых, не решится сомневаться в слове Валентина Гиллуа.

— Валентин Гиллуа! — радостно вскрикнули все женщины, — так вы Валентин Гиллуа!

— Да, — отвечал он, — и повторяю вам, что вы можете положиться на мое слово.

— О, милостивый государь, — отвечала молодая девушка от имени всех прочих, — мы безгранично верим вам! Ваше имя знакомо нам! Мы часто слышали его, и каждый раз нам говорили о вас, как о честнейшем человеке; мы вполне полагаемся на ваше слово и никогда не забудем оказанной нам услуги; в сердцах своих мы сохраним к вам вечную признательность.

— Итак, — сказал он с улыбкой, — дождитесь терпеливо, пока наступит час отъезда, который я постараюсь ускорить, насколько это будет возможно.

— Нас охраняет ваша честь, милостивый государь, и этого совершенно достаточно, чтобы мы спокойно и с терпением ожидали минуты нашего отъезда; мы знаем, что вы исполните свое обещание в точности.

— Очень рад, что вы успокоились, — сказал он весело, — и чтобы видеть доказательство вашего ко мне доверия, предлагаю вам позавтракать, так как вы, вероятно, очень голодны.

— Сознание, что мы находимся в руках честных людей, возвратило нам аппетит, — отвечала с улыбкой молодая девушка, которая все время говорила от имени всех остальных.

— Вот и товарищи мои, которые принесли вам завтрак, — сказал Валентин, указывая на вошедших двух охотников.

— Подходите, подходите, mesdames, — сказал Бальюмер, смеясь.

— Еще минуту, — сказал Валентин, — эти два охотника каждый день будут доставлять вам продовольствие и занимать вас разговором, чтобы сократить время до вашего отъезда. Вы можете прогуливаться по этим пещерам, но я не советую вам выходить из них, так как это не совсем безопасно для вас. Я оставил здесь вашу одежду, — продолжал он, указывая на гру-

ду платьев различных фасонов и величины, которыми был завален весь угол пещеры, — для того чтобы каждая из вас могла найти во всякое время то, что ей нужно. Никто из людей моего отряда не будет беспокоить вас, и только я иногда приду узнать, в каком состоянии вы находитесь, да эти два мои товарища, которые взяли на себя труд снабжать вас продовольствием, дровами, водою, освещением и всем необходимым. Помещение ваше, правда, далеко не комфортабельное, оно даже печально, но зато безопасно; повторяю вам, что через несколько дней вы оставите его и возвратитесь к своим семействам. Итак, вы будете с терпением ожидать, не правда ли?

— О да, милостивый государь!

— Мы совершенно счастливы!

— Благодарим вас от всего сердца!

— Наша признательность к вам будет беспрдельна!

— Бог наградит вас!

Выражения признательности невольно вырвались у этих несчастных, измученных душевной скорбью созданий, сердца которых так внезапно переполнились радостью.

— Хорошо, хорошо! — прервал их Валентин. — Теперь желаю вам хорошего аппетита! Пейте, ешьте и не думайте ни о чем! Скоро ваши заветные желания исполнятся!

Поклонившись бедным невольницам, которым он принес надежду и счастье и которые теперь толпились вокруг него с выражением радости и упования, Искатель следов удалился, оставив Кастора и Бальюмера раздавать завтрак.

Охотники между тем уже проснулись и были прилежно заняты своими утренними работами: одни чистили лошадей, помещенных в отдельной пещере, другие отправились искать воды и сухих дров, наконец, третьи деятельно хлопотали о приготовлении завтрака.

Когда вошел Валентин Гиллуа, все с еще большим усердием занялись каждый своим делом.

Появление Искателя следов было встречено единодушным восклицанием; каждый спешил позвать ему руку и пожелать доброго утра.

Валентин отвечал каждому из них радушным приветствием.

К полудню приготовления окончились и все собрались к обеду.

Охотники расположились группами по восемь или по десять человек; они весело разговаривали, смеялись и шутили.

Валентин Гиллуа, Бальюмер и Кастор поместились отдельно у огня; между ними царствовало мертвое молчание.

Наконец, Бальюмер прервал его.

— Между нами недостает еще многих, — сказал он, — не говоря уже о вожде, причина отсутствия которого мне известна, я не вижу ни Навая, ни экс-лейтенанта капитана Кильда... как вы его называете, Валентин?

— Блю-Девиль, — отвечал охотник.

— Ни Блю-Девилья, ни Бенито Рамиреца; разве они еще не возвратились?

— Нет еще.

— Странно! — заметил Бальюмер.

— А! О волке помолвка, а он на порог, — сказал Кастор. — Вот и Рамирец!

И действительно, в эту минуту на пороге показался молодой человек.

Он молча подошел к присутствующим и сел между Бальюмером и Кастором.

Рамирец был чрезвычайно задумчив и печален.

— Вы ничего не открыли? — спросил его Валентин.

— Ничего, — уныло отвечал молодой человек.

— Дорогой мой Октавио, — сказал охотник, тихо положив руку на его плечо, — не падайте духом, вооружитесь терпением!

— О, если бы вы знали, как я страдаю, — пробормотал он с выражением полного отчаяния, — мое сердце разбито!

— Не унывайте, мой друг, донна Розарио находится в безопасности, с ней ничего дурного не случилось!

— Вы в этом уверены? — быстро спросил Рамирец, поднимая голову.

— Совершенно уверен.

— Как же вы узнали об этом? Разве вы получили какие-нибудь известия?

— Я не сам узнал об этом, но мне говорили...

— Кто?

— Курумилла.

— Вождь, наш друг?

— Да.

— Он видел донну Розарио?

— Не думаю.

— Но в таком случае как же он мог узнать, что она находится в безопасности?

— Не знаю, но вам известно, что Курумилла никогда не лжет, что он не был бы так спокоен, если бы не был убежден в том, что он высказал.

— Это правда, — сказал Рамирец. — Я сам заметил, что он, сверх обыкновения, слишком мало принимает участия в этом деле, поднявшем всех нас на ноги.

— Вот видите!

— Но, быть может, он ненавидит донну Розарио!

— Вы с ума сошли, мой друг! Он любит ее больше, чем я себя.

— Вы правы, мой друг, я положительно потерял голову; но как же он мог узнать?

— Это всегда было для меня загадкой, я живу с ним почти неразлучно около двадцати пяти лет, в продолжение которых не раз бывали подобные случаи, но Курумилла никогда не ошибался. Я совершенно убежден в том, что все то, что сегодня он сообщил мне, сбудется с математической точностью.

— Но что же, наконец, он сообщил вам?

— Он сказал мне час тому назад, когда мы сидели вместе: не беспокойтесь, Курумилла хорошо видел; донна Розарио в безопасности; сегодня брат мой получит приятные известия и узнает все.

— Он так сказал вам?

— Слово в слово, как я передал вам; эти господа были при этом.

— Это правда, — подтвердили два охотника.

— Отчего же он выразился так неясно?

— Курумилла человек осторожный, он никогда не выскажет того, что, по его мнению, не следует говорить.

— И вы поверили всему этому?

— Вполне. Я знаю, что Курумилла никогда не решился бы обманывать меня; его уста никогда не осквернялись ложью. Неужели вы думаете, что я был бы так спокоен, если бы не полагался на слова вождя?

— Это правда; простите мне мое недоверие.

— Берите пример с меня, мой друг, вооружитесь терпением и спокойно ожидайте, пока сбудутся предсказания вождя; будьте благоразумны.

— Вы совершенно правы; мне совестно за свое малодушие.

— Ну, вот и давно бы так! Я вижу, что вы наконец успокоились.

— О да! Вы не говорили бы таким тоном, если бы ожидали какого-нибудь несчастья; ваше спокойствие внушило мне надежду на счастье, дало мне жизнь!

— Bravo! Вот это мне нравится! За ваше здоровье!

— И за ваше также! — воскликнул весело молодой человек. — Вы превосходный доктор и неоценимый товарищ, Валентин; в несколько минут вы вылечили меня от тяжкого душевного недуга.

— От сумасшествия, — подсказал охотник.

Так печально начавшийся завтрак окончился шумными, веселыми тостами и шутками.

Все присутствующие закурили трубки и продолжали оживленный разговор.

В это время в пещеру вошли три человека: Блю-Девиль, гамбуцино Навая и Пелон.

— Пелон! — вскрикнул Рамирец, роняя изо рта зажженную сигару.

Навая казался полупомешанным; от радости он не знал что делать: он смеялся и плакал в одно и то же время и каждую секунду душил сына в своих объятиях, повторяя восторженным голосом:

— Сын мой со мною! Мой сын Пелон, мой дорогой сын! Храбрый мальчик, он убил Шакала! Обними меня, дитя мое, еще! еще! как долго мы были в разлуке! Бедный Пелон, он много перенес! он убил Шакала, бандита, немца! Молодец Пелон! Это мой сын, сеньор Валентин! Не правда ли — он вырос, сделался прекрасен и возмужал? Обними своего отца, малютка! твоего отца, который так долго тебя оплакивал!

Потом мало-помалу эти восторженные порывы утихли; гамбуцино сел, подпер голову руками, и устремил на сына взоры с выражением безграничной любви, между тем как по его лицу катились крупные слезы, которых он и не думал вытирать.

— Этот молодой человек Пелон сопровождал донну Розарио, — сказал Рамирец, обращаясь к Валенти-

ну, — он должен знать, где она находится, не спросить ли его?

— Ему известно, где она теперь находится, — сказал тогда Блю-Девиль, — он не оставлял ее ни на одну минуту. Славный мальчик! Он приехал прямо от донны Розарио, на дороге он встретил Шакала, одного из самых свирепых бандитов капитана Кильда, и, не долго думая, размоzzжил ему череп выстрелом из своего ружья.

— Он очень рассудительный и красивый молодой человек, — заметил Валентин, который в продолжение нескольких минут молча наблюдал за Пелоном. — Он мне очень нравится и должен быть честный малый.

— Да, — подтвердил Блю-Девиль, — несмотря на свои лета, он заслуживает совершенного доверия.

— Спросите же его, — настаивал Рамирец с раздражением.

— Вы правы, мой друг, я сейчас же расспрошу его, так как нам не следует терять времени. Пойдите сюда, молодой человек, — прибавил он, обращаясь к сыну гамбуцино.

— К вашим услугам, милостивый государь, — отвечал молодой человек, подходя и вежливо кланаясь.

— Мне сказали, что вы желаете говорить со мною от имени особы, пославшей вас ко мне?

— Да, милостивый государь, если только вы Валентин Гиллуа.

— Я Валентин Гиллуа, друг мой, говорите.

— Моя госпожа, донна Розарио де Пребуа-Крансе поручила мне вручить вам письмо.

— Как здоровье вашей госпожи, как вы называете ее? — спросил с улыбкой Валентин.

— Ее здоровье превосходно; но не угодно ли вам, милостивый государь, прочесть ее письмо, из которого вы, вероятно, узнаете все, что с ней случилось.

Он вынул письмо из-за пояса, где оно было спрятано, и передал его Валентину.

Искатель следов взял письмо; рука его немного дрожала от волнения, когда он знаком пригласил Пелона следовать за собою к широкому отверстию, которое служило в пещере окном; там он распечатал письмо и начал читать его.

Валентин два раза прочел это письмо; он, казалось, взвешивал каждое слово, изучал каждую фразу; его веч-

но спокойное и невозмутимое лицо меняло теперь свое выражение каждую секунду.

Его друзья не решались спрашивать, но тем не менее ожидали новостей в каком-то напряженном состоянии.

Наконец, Валентин сложил письмо и, тщательно спрятав его на груди, посмотрел прямо в глаза молодому человеку.

— Скажете ли вы мне правду? — спросил он его.

— Я никогда не лгу, — отвечал молодой человек с достоинством.

— Хорошо, — сказал Валентин, — я вам верю. Правда ли все то, что пишет мне донна Розарио?

— Я не знаю, о чем пишет вам моя госпожа, милостивый государь, но если она сообщает вам в этом письме, что Браун в плену, что она непременно бы погибла без помощи капитана Грифитса, с которой последний подросел как раз вовремя; что он, по просьбе госпожи моей, постарался снабдить меня всеми средствами, чтобы доставить вам это письмо; что капитан Грифитс человек в высшей степени великодушный и честный охотник и что он обходится с госпожой моей с надлежащим почтением и вежливостью; если моя госпожа писала вам обо всем этом, то я могу поручиться за справедливость этих известий.

Валентин Гиллуа слушал молодого человека с большим вниманием. Когда Пелон окончил, он на минуту задумался, потом положил руку на плечо молодого человека и снова устремил на него свой пронизательный взгляд.

— Верю, — сказал он, — что вы не обманываете меня. Вы вместе со мною отправитесь к вашей госпоже.

— Вы доставите ей этим большое удовольствие, — отвечал Пелон с радостью, — ее единственное желание — как можно скорее вас видеть.

— Хорошо; не говорите никому ни слова о том, что знаете относительно вашей госпожи.

Молодой человек поклонился.

Валентин подошел к огню.

— Господа, — сказал он, — донна Розарио находится в безопасности, и я отправляюсь к ней; я надеюсь, что она скоро будет между нами.

Позвольте мне не говорить теперь вам ничего более, потому что я не могу этого сделать. Дон Октавио, друг

мой, еще несколько часов терпения, прошу вас об этом во имя нашей дружбы.

— Я повинюсь, — отвечал грустно молодой человек.

— Всего важнее, чтобы меня никто не сопровождал. Пойдемте, Пелон!

— Вы уводите моего сына! — вскрикнул гамбуцино.

— Да, мой друг, — отвечал Валентин, — а разве вы мне не доверяете его?

— Вам? О, сеньор! И отец, и сын всецело принадлежат вам.

Пелон обнял своего отца и последовал за Валентином.

Через пять минут оба отправились полной рысью по направлению лагеря Сожженных лесов.

— Что бы это значило? — пробормотал Рамирец.

— Терпение, — отвечал со смехом Блю-Девиль, который его подслушал.

Начальник Сожженных лесов

В продолжение всего пути от Воладеро до Сожженных лесов оба всадника не сказали друг другу ни одного слова.

Валентин снова возвратился к письму донны Розарио, стараясь припомнить его содержание.

Искатель следов был вполне уверен, что оно было написано молодой девушкой под диктовку начальника Сожженных лесов и что ни одна в нем фраза не выражала настоящей ее мысли.

Это письмо, по его мнению, было ничего болсе как ловушка.

Охотник усиленно напрягал свой ум, стараясь открыть причины, побудившие капитана Гриффитса прибегнуть к подобному средству для достижения какой-то скрытой цели.

Иногда он готов был поверить, что донна Розарио писала это послание без посторонней помощи, и тогда поступок капитана Гриффитса представлялся в его глазах действительно честным и великодушным

Но вдруг он подымал голову и восклицал:

— Это невозможно! Этот человек хитрит, он пробует поймать меня на удочку! Похититель донны Долорес де Кастелар, авантюрист, который решается вести постыдный торг с этим мерзавцем капитаном Кильдом и покупать у него несчастных молодых девушек с целью продать их потом мормонам, — такой человек не может быть честным. Он хочет меня провести, он хитрит, но для чего?

И он снова погрузился в размышления.

И действительно, все перечтенные охотником поступки капитана Джона Гриффитса падали черным пятном на его репутацию.

Уж одно похищение донны Долорес возмущало его до глубины души.

Коммерческие сношения начальника Сожженных лесов с капитаном Кильдом, имеющие целью доставлять мормонам несчастных молодых девушек, силой отнятых у их родителей, внушали отвращение честной натуре Искателя следов, в его глазах человек, так цинически производивший, в виду всех, эту постыдную торговлю, не мог быть способен на доброе дело.

Но несмотря на то, что он сознавал всю низость подобного поведения, что он инстинктивно чувствовал, что под этой маской кроется что-то темное, таинственное, чего ему никак не удавалось разгадать, — сомнение невольно вкрадывалось мало-помалу в его душу.

— Кто знает? — говорил он, — но теперь все разъяснится!

Теперь он уже не рассуждал утвердительно, он сомневался, он готов был даже выслушать оправдание капитана, быть может, в глубине своего сердца он искренно желал найти его невинным.

У Валентина Гиллуа была прежде всего честная натура, прямой и благородный характер, и он, как и все люди, обладающие подобными качествами, старался во всем отыскать свои хорошие стороны.

Между тем Пелон вовсе не предавался подобным размышлениям, он весело скакал рядом с Валентином, гордый и счастливый тем, что так удачно исполнил поручение своей госпожи, и заранее радовался тому, что посещение охотника доставит донне Розарио большое удовольствие.

Было уже около трех часов пополудни, когда всадники достигли лагеря.

Часовые допустили их приблизиться почти до самого подножья ретраншментов.

Пелона тотчас же узнали.

— А, это вы! — сказал один из часовых.

— Да, мистер Корник, — отвечал молодой человек, — я желал бы войти.

— Я не вижу в этом никаких затруднений, но кто это еще с вами?

Молодой человек приблизился, чтобы ответить. Валентин остановил его.

— Молодая дама, которой вы оказали большую услугу, просила меня через этого молодого человека посетить ее, могу ли я теперь быть принят?

— Отчего же нет! — отвечал старый авантюрист, — этой даме предоставлено полное право распоряжаться своими действиями по своему усмотрению и принимать кого ей угодно.

Позвольте мне только предупредить об этом лейтенанта, для соблюдения формальности; тогда я отпущу вам барьер, и вы можете свободно пройти к этой даме. Попроси лейтенанта Маркотета прийти сюда на минуту, — продолжал он, обращаясь к своему товарищу.

Лейтенант Маркотет был недалеко и через пять минут подошел к барьеру.

Старый Корник в нескольких словах объяснил ему, в чем было дело.

— А, хорошо! — сказал лейтенант, — отпущите барьер и впустите этих двух господ.

Валентин и Пелон въехали в лагерь.

Лейтенант, почтительно поклонившись охотнику, сказал ему:

— Вы желаете, милостивый государь, видеть донну Розарио де Пребуа-Крансе?

— Да, милостивый государь, — сказал Валентин, отвечая на поклон, — если это возможно?

— Как если это возможно? Напротив, ничего нет легче! Идите за этим молодым человеком, который, как мне кажется, оказал большую услугу этой даме; он проведет вас прямо к ней.

— Благодарю вас, милостивый государь.

— Очень рад, что имел возможность удовлетворить вашу просьбу, милостивый государь.

Они оба вежливо раскланялись, и лейтенант удалился, между тем как Валентин последовал за Пелоном.

Проходя во всю длину лагеря к хижине, где помещалась донна Розарио, Валентин удивлялся порядку, дисциплине и в особенности опрятности, царствовавшей во всем лагере Сожженных лесов.

Он не был похож на стоянку бандитов или стан авантюристов — это был лагерь настоящих солдат, усердно выполняющих свои воинские обязанности.

Все это возбудило в Искателе следов удивление, смешанное с удовольствием.

«Он не ожидал меня, — подумал Валентин. — Я начинаю сомневаться в том, что он расставляет мне сети; видно по всему, что это настоящие солдаты; да и справедливо ли все то, что говорят о союзниках Красной реки? Однако надо подождать, не следует торопиться с решением подобных вопросов».

Пелон пошел предупредить свою госпожу о прибытии охотника.

Когда Валентин остановился перед хижинкой, он увидел донну Розарио, ожидающую его на пороге.

Бледный, растроганный, он поспешил к ней навстречу.

Молодая девушка была живой портрет своей матери.

Увидев ее, Валентин почувствовал какую-то жгучую боль в сердце; ему показалось, что он видит ту самую Розарио, которую так любил некогда и которую так любит еще и до сих пор; перед ним стояла она все так же молода и прекрасна, как была в ту минуту, когда он последний раз ее видел.

— Розарио! — вскрикнул он взволнованным, разбитым голосом, — наконец я нашел вас, дорогое дитя мое!

— Валентин, мой второй отец, мой единственный друг! Это вы, вы здесь, о Боже! Боже!

И она почти без чувств упала в его объятия.

Охотник отнес ее, как ребенка, во внутренность хижины.

— Успокойтесь, ради самого Бога! — воскликнул он, — вы меня пугаете.

— Не беспокойтесь, это радость, это счастье, — отвечала она, улыбаясь сквозь слезы, — я так много страдала со смерти моего отца и моей матери.

— Бедное дитя! — сказал Валентин с глубоким чувством.

— Хорошо, что от радости не умирают, а то я непременно бы умерла в ту минуту, когда вы так живо напомнили мне отца моего.

— Называйте меня вашим отцом, дорогая моя Розарио, — отвечал Валентин, целуя ее в голову, — я хочу

заменить вам отца; конечно, я не могу возвратить вам все то, что вы потеряли, — прибавил он, вытирая слезы, струившиеся по его щекам, — но я твердо уверен в том, что Бог поможет мне обеспечить ваше счастье, бедное дитя мое!

— О, вы слишком добры, чтобы не любить вас! Увидав вас издали, я тотчас же узнала доброго друга бедного отца моего.

— Но ведь вы никогда меня не видели, дорогая моя.

— Я часто представляла вас в своем уме и не ошиблась; кроме того, как только мы с братом подросли настолько, что могли понимать, наш отец часто подводил нас к вашему портрету, с которым вы имеете поразительное сходство, и говорил нам растроганным голосом: это портрет моего брата, человека, которого я люблю больше всего на свете, которому ваша мать и я обязаны своим счастьем; любите и помните его, дети! По воле Провидения мы разошлись в разные стороны, но когда меня не станет, он возвратится, и вы встретите в нем отца, так же нежно любящего вас, как тот, которого вы потеряли.

— Он говорил вам это? — спросил дрожащим голосом Валентин.

Давно сдерживаемые слезы блеснули на его глазах, и он зарыдал.

Давно уж он не был так сильно взволнован; его сильная, закаленная в непрерывной борьбе с опасностями и лишениями натура не выдержала; его мужество изнемогало под гнетом тяжелого воспоминания о давно минувшем счастье; после стольких лет немых страданий и сосредоточенности в самом себе его затаенные чувства пробудились с новой силой, и он плакал как ребенок.

— Да, — отвечала донна Розарио, растроганная его страданиями, — он говорил нам это каждый день, а мать наша повторяла нам после его слова, так что мы, вырастая, все более и более любили вас; когда же несчастье постигло нас, мы с братом в минуты страшного отчаяния, бедные сироты, оставленные всеми, говорили друг другу: не будем падать духом, если жив еще Валентин, наш второй отец, если Бог нам сохранил его, он спасет нас!

— Это правда? Вы говорили это? — воскликнул Искатель следов с воодушевлением, — так вы надеялись на меня?

— Да, иначе я не обратилась бы к вам теперь.

— Это правда, но действительно ли вы, Розарио, свободны здесь, в этом лагере?

— Да, отец мой, я здесь совершенно свободна и окружена самым почтительным вниманием, — отвечала молодая девушка совершенно спокойно. — Капитан Грифитс поступил со мною, как поступил бы каждый честный человек; без него я бы погибла.

— Все ли то справедливо, о чем вы мне писали?

— Все. У меня нет никаких причин на что-нибудь пожаловаться. В письме своем, сколько мне помнится, я старалась только выразить всю мою признательность к этому честному человеку, который, не зная меня, не задумался подать мне помощь и вырвать из рук бандитов, которые готовы были увлечь меня.

— Хорошо, дитя мое, если все это так, то я отблагодарю капитана Грифитса, и поверьте мне, что он останется доволен услугой, которой я отплачу ему за ваше спасение.

— Благодарю, но вы мне ничего не сказали о моем брате. Вероятно, его нет при вас?

— Нет, дитя мое, — печально ответил Валентин, — но я надеюсь скоро получить о нем известия.

— Бедный Луи! — сказала молодая девушка голосом, в котором слышались слезы, — что с ним случилось!

— Успокойтесь, дитя мое, быть может, скоро и он также будет в безопасности.

— Вы так думаете? — быстро спросила донна Розарио.

— Я имею основания предполагать это, моя милая.

— Какие?

— Есть два человека, которые хлопочут о вашем освобождении: я, исключительно посвятивший себя этому, другой...

— Кто другой? — прервала она его с нетерпением.

— Старый друг вашего семейства, родственник вашей матери, который видел вас еще в детстве, вас и вашего брата, и который вас любит...

— Дон Грегорио Перальта! — радостно воскликнула молодая девушка.

— Да, вы угадали, мое милое дитя.

— Нет, — отвечала она с очаровательным движением головы, — мне подсказало мое сердце. О, если он взял на себя труд отыскать моего брата, то он найдет его, я в этом уверена.

— И я также, потому что он безгранично вам предан.

— О да! Он всегда любил нас, ведь это он уведомил вас о постигшем нас несчастии, не правда ли?

— Да, дитя мое, это он.

— А я сомневалась в этом! — воскликнула вдруг она. — О, отец мой! Я думаю, что с этой минуты я становлюсь счастливой.

— Я употреблю все усилия, чтобы вы не ошиблись, дитя мое. А теперь, милая Розарио, когда мы оба сделали немного хладнокровнее, поговорим о вещах более серьезных.

— Говорите, мой добрый отец, мой дорогой Валентин, я вас слушаю, как самая покорная дочь. Если мой другой отец и моя добрая мать видят нас с неба и следят за своей дочерью, то они должно быть очень счастливы тем, что видят нас наконец вместе; они знают, что я ограждена теперь от всевозможных бедствий.

— Да, дитя мое, они очень счастливы, потому что от них ничто не скрыто; они все читают в сердцах наших. Но ваше место, дорогое дитя мое, не здесь, среди этих солдат, где угрожают вам всевозможные опасности.

— Это правда.

— Согласны ли вы оставить этот лагерь и последовать за мною?

— Если вы находите это нужным, то я сейчас же готова ехать с вами.

— Но я хотел бы знать ваше желание.

— О, это мое единственное желание! Я приняла покровительство этого честного и учтивого человека, но теперь, когда вы за мною приехали, когда вы здесь, я должна и я хочу отправиться вместе с вами — разве вы не принадлежите к нашему семейству?

— К несчастью, нет, бедное дитя.

— Но вы позволите мне, не правда ли, взять с собою эту молодую девушку, моего друга, которая мне очень преданна?

— О, я не оставлю вас, госпожа! — воскликнула Гарриэта Дюмбар, целуя ее руки, — разве я не поклялась вечно оставаться с вами?

— Не беспокойтесь, *mademoisell*, — сказал Валентин с улыбкой, — друзья моей дочери — мои друзья; вы и Пелон будете сопровождать донну Розарио.

— Слава Богу! — воскликнула Гарриэта Дюмбар, радостно всплеснув руками. — Я знала, что ваш названный отец согласится оставить меня при вас.

— Успокойся же, милая моя, — сказала донна Розарио, обнимая молодую девушку.

— Дорогое дитя мое, — сказал Валентин, — приготовьтесь же к отъезду, между тем как я отправлюсь поблагодарить капитана Грифитса за оказанную вам услугу.

— Мне кажется, что я, со своей стороны, могу поблагодарить его и после, перед отъездом, не правда ли? Это будет и удобно и прилично для меня.

— Конечно, вы должны это сделать, но поспешите, дитя мое.

— Хорошо! Но разве вы уйдете, не обняв меня?

— О, извините, извините, дитя мое! — воскликнул Валентин, заключая ее в свои объятия.

Он вышел.

— Как она похожа на свою мать, — прошептал Искатель следов. — То, что она называет меня отцом, какою-то болью отзывается в моем сердце.

Он подошел к Пелону, который, вычистив лошадей, на которых они приехали, хлопотал о том, чтобы накормить их.

Валентин спросил его, где квартира капитана.

— Не знаю, где он теперь, — отвечал Пелон, — но вот идет лейтенант Маркотет, он проводит вас.

— Благодарю, — сказал Валентин.

И он подошел к лейтенанту, который с сигарой во рту обходил лагерь.

Увидев Искателя следов, Маркотет пошел к нему на встречу и почтительно раскланялся.

— Чем могу служить вам, милостивый государь? — спросил он.

— Я желал бы, милостивый государь, видеть капитана Грифитса, — отвечал Валентин, в свою очередь раскланиваясь, — но не знаю, где могу найти его.

— Вы желаете знать, где его квартира?

— Да, милостивый государь, и, во-вторых — может ли он меня принять?

— Ничего нет легче, как ответить вам на оба вопроса: не угодно ли вам следовать за мною.

Они оба прошли вкось через весь лагерь и через пять или десять минут остановились перед небольшим домиком, стоявшим отдельно от прочих хижин лагеря, у дверей которого стоял вооруженный охранник.

— Вот, милостивый государь, квартира капитана, — сказал лейтенант. — Не угодно ли вам подождать одну секунду, пока я доложу о вас капитану?

Валентин молча поклонился.

— Войдите, милостивый государь, если желаете, — сказал Маркотет, снова показываясь на пороге, — капитан к вашим услугам.

— Благодарю вас, милостивый государь, — отвечал Валентин и вошел в комнату.

Капитан был один; он лежал во всю длину свою на огромной карте гор Рошесз, на которой накалывал некоторые пункты булавками с разноцветными головками.

Увидев охотника, он тотчас же встал и вежливо приветствовал его.

Эти два человека в первый раз встречались лицом к лицу.

Одного пристального взгляда было для них обоих достаточно, чтобы оценить друг друга.

Оставшиеся еще у Валентина подозрения относительно поведения капитана исчезли в первую же минуту.

Джон Грифитс, со своей стороны, при виде этой честной открытой физиономии почувствовал невольное уважение к человеку, которого боготворили все обитатели пустыни.

Охотник поклонился и взял стул, предложенный ему капитаном.

— С кем имею честь говорить? — спросил капитан, садясь на свое место.

— Я тот, — отвечал охотник, — за которым посылали сегодня утром нарочного дама, которую вы так великодушно спасли.

— Значит, вы Валентин Гиллуа? — воскликнул капитан с волнением. — А, милостивый государь, я очень счастлив, что вижу вас у себя.

— Да, капитан, я действительно Валентин Гиллуа, но как вы могли это знать?

— Совершенно просто, милостивый государь: сегодня утром эта дама пригласила меня посетить ее и, сказав, что вы ее названный отец, просила отправить к вам ее письмо.

— И вы были так добры, что тотчас же исполнили ее просьбу.

— Мог ли я отказать ей, милостивый государь? Эта дама согласилась воспользоваться моим гостеприимством и уж этим одним поставила меня в совершенную от нее зависимость.

— Вас не оскорбит, капитан, то, что эта дама сегодня же оставит ваш лагерь и отправится со мною?

— Меня оскорбит? Какое же я имею право, милостивый государь, обижаться этим? Разве вы не названный отец этой дамы?

— Да, капитан.

— Ну, а следовательно, вы опекун ее и настоящий покровитель; этого права никто не может у вас оспаривать, ее место возле вас, милостивый государь, и я уверяю вас, что буду очень рад видеть ее под вашим могущественным покровительством.

После этого разговор у них не клеился; оба держали себя как-то принужденно.

Наконец, Валентин первый прервал это неловкое молчание.

— Желаете ли вы, капитан, — сказал он, — поговорить со мною откровенно, как могут говорить между собою два честных человека?

— Я не желал бы ничего лучше, милостивый государь, — отвечал капитан, в глазах которого сверкнула молния.

— Я начну, — продолжал Валентин, — но прежде всего прошу вас не оскорбляться тем, что я вам буду говорить.

— Разве мы не условились быть откровенными друг с другом? — отвечал капитан. — Говорите, милостивый государь, я вас слушаю.

— Благодарю вас, капитан, будьте уверены, что я не стану злоупотреблять нашим договором. Около трех месяцев тому назад, когда я был в горах Рошез, я слышал о вас много...

— Худого? — подсказал капитан, — не правда ли, милостивый государь?

— Признаюсь, мне рассказали две истории, которые внушили мне к вам отвращение; вы видите, как я откровенен.

— Да, милостивый государь, и хорошо делаете; какие же это истории?

— Одну из них я слышал от той самой девушки, которую, как говорят, вы насильно увезли от ее родителей с целью сделать своей любовницей или, еще хуже, уступить ее мормонам...

— О, это низкая клевета! — прервал его молодой человек. — Не скрою от вас, что я действительно увез эту девушку; правда, это была большая ошибка, это бесчестный поступок, я с этим согласен; но я любил ее, милостивый государь, страсть ослепила меня, я был сумасшедший! Я вовсе не хотел сделать эту девушку своей возлюбленной и тем менее уступить мормонам, я хотел жениться на ней, если бы мне удалось заслужить ее любовь; вот что справедливо, милостивый государь, остальное все чистейшая ложь. Я не имею ни малейшего желания прикрывать дурные стороны этого дела, а также извинять свой, далеко не похвальный, поступок, но я надеюсь загладить свою вину. В продолжение всего времени, как эта девушка находилась в моем лагере, мне не приходила в голову даже мысль воспользоваться ее положением; напротив, она была здесь окружена всевозможным вниманием и уважением.

— Все это совершенно справедливо, милостивый государь; донна Долорес де Кастелар повторяла мне несколько раз то же самое, после того как я помог ей убежать из вашего лагеря, и говорила, что она вовсе не чувствует к вам ненависти, что она даже сожалеет о вас и почти извиняет; ее последнее слово, когда она расставалась со мною, чтобы возвратиться в Мексику, под защитой своего жениха, было: я совершенно уверена, что капитан Грифитс честный человек, но он с ума сходит от любви ко мне; когда он будет в состоянии хладнокровно обдумать свои действия, то он прежде всего пожалеет о том, что решился в порыве страсти на отвратительный поступок со мною.

— О, она была права, говоря это, — сказал капитан взволнованным голосом, — я уже давно раскаялся в том, что сделал.

— Если так, то первый ваш поступок в моих глазах извинителен, так как вы, совершая его, не имели дурной цели.

— Но что же вам еще говорили обо мне? Даю вам слово, милостивый государь, что я не знаю, какая это может быть вторая история; говорите, пожалуйста!

— Эта вторая история, милостивый государь, далеко серьезнее первой, но я начинаю думать, что вас оклеветали; впрочем, я боюсь, что, во всяком случае, одно слово правды может вас сильно огорчить.

— Вы меня пугаете, милостивый государь; говорите, ради Бога, скорее!

— Говорят, милостивый государь, что вы имеете некоторые сношения с одним гнусным бандитом пустыни, относительно торговли белыми женщинами, которых будто бы вы доставляете, в компании с ним, мормонам.

— Значит, вас уверили, что я сообщник этого мерзавца Кильда?

— Да, милостивый государь.

Молодой офицер разразился громким, неудержимым смехом; он хохотал так чистосердечно, что Валентин Гиллуа окончательно сбился в своих предположениях.

— Ради Бога, простите мне, милостивый государь, это нарушение приличий, — сказал капитан, когда его припадок смеха прекратился, — но это обвинение до того нелепо, что я не мог выдержать.

— Как нелепо? — спросил с удивлением Валентин.

— Знаете ли вы, милостивый государь, настоящего Кильда, или мнимого?

— Но... я думаю, милостивый государь...

— Итак, вы знаете, что это отъявленный мошенник, который убил настоящего Кильда, чтобы занять его место.

— Я знаю, что это бандит, которого настоящее имя...

— Гарри Браун, не правда ли?

— Да, Гарри Браун.

Капитан отпер один из ящиков своего письменного стола, вынул оттуда бумагу и, развернув ее, передал охотнику.

— Читайте, — сказал он.

Валентин начал читать.

— Прочтите со вниманием эти три письма, — добавил капитан.

Прочитав все три письма, Валентин возвратил их Гриффитсу и, поклонившись, протянул ему руку.

— Извините, — сказал он, — я не знал, что это так.

— Но теперь вы знаете, не правда ли?

— Я знаю, милостивый государь, что вы благородный, честный человек; я знаю, что вы спасли жизнь моей названной дочери, которую я люблю больше всего на свете; я предлагаю вам свою дружбу и буду очень счастлив, если вы согласитесь принять ее.

— От всей души, милостивый государь! — воскликнул молодой человек с увлечением.

— Теперь вы можете вполне рассчитывать на меня, как я буду рассчитывать на вас.

Они пожали друг другу руки.

Все уж было высказано между этими двумя сильными и благородными натурами, и договор был заключен.

— Я вас заставил много страдать, — заметил Валентин после минутного молчания.

— Это правда, милостивый государь, но вы так щедро вознаградили меня, что радость заставляет меня забыть страдание.

— Теперь позвольте мне проститься с вами. Ночь наступает, между тем как со мною отправляется дочь моя и ее камеристка.

— Не лучше ли вам, милостивый государь, переночевать у меня? Завтра же на рассвете вы можете отправиться.

Валентин на минуту задумался.

— Нет, — сказал он, — это невозможно, потому что я обещал друзьям моим возвратиться сегодня. Они не будут знать, где я, и будут беспокоиться; я должен сегодня ехать.

— Не стану настаивать, милостивый государь, но я не отпущу вас одного ночью, а главное, с двумя женщинами; в настоящее время бандиты наводняют наши окрестности; кроме того, капитан Кильд, наверно, следит теперь за каждым вашим шагом и непременно поспешит воспользоваться случаем, который, согласитесь, будет для него как нельзя более кстати.

— Вы правы; если бы я был один, для меня бы все это не составляло большого затруднения, но так как со мною две женщины, то проехать это пространство не совсем безопасно; но что же делать?

— Это очень просто: я дам вам конвой, под прикрытием которого вы смело можете отправиться, куда вам угодно.

— Благодарю вас, и так как я не могу у вас долее оставаться, то отчего бы вам не посетить меня? Мы будем беседовать все время не только в дороге, но и в продолжение всей ночи о ваших делах, которые теперь меня очень интересуют и которые, кажется, не совсем в порядке; я сознаюсь, что во многом виноват я. Не превосходная ли это мысль, как вы думаете, капитан?

— Я с удовольствием принимаю ваше приглашение, милостивый государь, и сам провожу вас сегодня.

— Прекрасно, это будет очень кстати.

— Через несколько минут мы можем отправиться. Лакур!

На пороге показался слуга капитана.

— Попросите ко мне капитана Джемса Форстера и лейтенанта Маркотета. Потом оседлайте двух смирных лошадей для дам, а для меня — моего вороного Султана. Ступайте и поспешите!

Слуга вышел.

Несколько минут спустя в комнату вошли капитан Джемс Форстер и лейтенант Маркотет.

— Дорогой мой Джемс, — сказал капитан, — имею честь представить вам господина Валентина Гиллуа.

— Искатель следов, — отвечал капитан Форстер, вежливо раскланиваясь. — Я много слышал о вас, милостивый государь, и буду очень рад познакомиться.

— Господин Валентин Гиллуа, позвольте мне представить вам моего второго капитана, Джемса Форстера.

Валентин Гиллуа и Форстер раскланялись и пожали друг другу руки.

— С лейтенантом моим вы, кажется, уже знакомы, — сказал Грифитс.

— Да, я имел удовольствие видеть господина лейтенанта, — отвечал Валентин с улыбкой.

— Распорядитесь, лейтенант, — сказал Грифитс, обращаясь к Маркотету, — чтобы двадцать отборных всадников собрались через четверть часа у ворот лагеря.

Маркотет поклонился и вышел.

— Дорогой мой Джемс, — сказал капитан, обращаясь к Форстеру, — я отправлюсь проводить господина Валентина Гиллуа и возвращусь только завтра, а потому поручаю вам занять на эту ночь мое место в лагере.

— Будьте покойны, Джон, — отвечал капитан Форстер, — все будет в порядке во время вашего отсутствия.

— Я это знаю, мой друг, и заранее благодарю вас; кстати, позаботьтесь о наших мормонах, а также не забудьте послать разъезд, чтобы открыть сборное место Кильда и по возможности наблюдать за ним.

— Хорошо, мой друг.

В это время вошел Пелон.

— Сеньор, — сказал он, обращаясь к Валентину Гиллуа, — сеньора уже готова, лошади оседланы, и мулы навьючены.

— Хорошо, — отвечал Валентин, — попросите сеньору подождать еще несколько минут.

Пелон поклонился и тотчас же вышел.

— Дорогой мой Джемс, — сказал капитан, — пожалуйста, постарайтесь присмотреть за всем, а в особенности наблюдайте за краснокожими.

— Будьте покойны, — отвечал капитан Форстер, — я не упущу из виду ни белых, ни красных. Положитесь на меня.

— Вполне полагаюсь, — отвечал капитан, выходя.

На дворе ожидала его лошадь, которую держал Лакур.

— Итак, до завтра! — сказал капитан своему другу, вскочив в седло.

— До завтра! — отвечал Форстер.

Валентин Гиллуа подошел к донне Розарио; молодую девушку начинало уже беспокоить такое долгое отсутствие ее названного отца, но при виде охотника она снова успокоилась.

Валентин объяснил ей в нескольких словах обо всем происшедшем и помог обеим девушкам сесть на лошадей.

Минут десять спустя они съехались у ворот лагеря с капитаном Грифитсом.

К семи часам вечера они прибыли в Воладеро; в дороге с ними ничего особенного не случилось.

Валентин Гиллуа был и удивлен, и обрадован, когда при входе в пещеру он был встречен старым другом своим, доном Грегорио Перальта.

Отряд под именем Сожженных лесов

Курумилла, как мы уже говорили, оставил пещеру с целью проследить неизвестных всадников, о которых говорил Кастор и которые, судя по взятому ими направлению, должны были проехать в ста шагах от Вольадеро.

Вождь был человек очень осторожный; он никогда не выходил из пещеры и не входил в нее без того, чтобы не осмотреть предварительно окрестности; поступая таким образом, он имел в виду то, что какой-нибудь шпион очень легко мог скрыться вблизи с целью открыть вход в пещеру, служащую местопребыванием охотникам.

На этот раз, как и всегда, индеец, прежде чем удалиться, начал свои исследования.

Едва только он успел пройти несколько шагов, как вдруг его брови наморщились, и он припал к земле.

Курумилла увидел на земле едва заметные человеческие следы, невидимые для других, менее его проницательных людей.

В продолжение нескольких секунд вождь рассматривал эти следы с сосредоточенным вниманием и нашел, что они не принадлежали ни индейцам, ни охотникам, потому что в них ясно отпечатались подошвы башмаков с гвоздями, между тем как ни те, ни другие не носили такой тяжелой и утомительной обуви, предпо-

читая более легкую и удобную, как вообще у краснокожих.

Сожженные леса тоже не носили башмаков.

Итак, не оставалось никакого сомнения, что это был след бродяги, одного из бандитов капитана Кильда, и что он проходил здесь недавно, так как след был совсем еще свежий.

Откуда пришел этот человек и куда он направился?

Вот что нужно было знать Курумилле.

Но для хитрого и такого опытного индейца это было нетрудно.

Не сомневаясь более ни на минуту, что это был шпион торговца невольниками, Курумилла усердно принялся за свои исследования.

След продолжался еще пять или десять футов, на протяжении которых трещина утеса была завалена навозом; но затем на очень большом пространстве не было видно ничего, кроме мелких камней.

Но вождь не унывал.

Он слишком надеялся на свое искусство слежения и знание местности.

Скоро он снова напал на след, который шел прямо к лесу.

Заметив это направление, Курумилла самодовольно улыбнулся.

— Это очень тонкий мошенник, — прошептал он, — но бледнолицые не настолько хитры, чтобы обмануть индейца!

Он пополз далее тихо, как змея, тщательно осматривая каждый дюйм.

Несколько в стороне от следа, по которому полз Курумилла, последний заметил чрезвычайно тонкую линию, которая, по-видимому, была проведена каким-то железным орудием, слегка скользнувшим по земле.

Вождь улыбнулся и встал на ноги.

Он был под деревом, длинные и густые ветви которого совершенно скрывали его.

Одна из ветвей приходилась как раз над линией, проведенной по земле.

Курумилла поднял глаза кверху и тщательно осмотрел эту ветку, но на ней он не заметил ничего особенного.

Охотник индеец, казалось, на минуту задумался.

Вдруг он поднял голову и, обойдя вокруг дерева, влез на него.

В две-три минуты он достиг ветвей и, остановившись там, внимательно осмотрелся вокруг.

Довольная и гордая улыбка показалась на его губах; он пополз по ветке, находящейся над следом, там он заметил место, в котором кора была содрана, как будто бы от трения какого-нибудь предмета.

Курумилла тотчас же спустился с дерева, этим последним обстоятельством ему объяснялось все, что он хотел знать.

Один или несколько человек, пробираясь по лесу и желая скрыть свои следы, прыгали с одного дерева на другое, и потому в некоторых местах была содрана кора и ветки поломаны.

Когда эти люди видели, что не могут продолжать далее таким образом свой путь, они забрасывали на следующее дерево веревку, вероятно аркан, и так мало-помалу подвигались к утесам; немного далее они поползли по земле, принимая всевозможные предосторожности.

В одном месте они сделали громадный прыжок с помощью палки, окованной железом, которою, как видно, и была проведена линия, замеченная вождем, и очутились таким образом на утесе.

Теперь Курумилла не думал о том, где находились люди, которых он преследовал; он знал, что найдет их без труда: они могли проникнуть в середину бесчисленного множества утесов, но выйти оттуда, минуя его, им не представлялось ни малейшей возможности, так как с другой стороны утесов находилась неизмеримой глубины бездна, о существовании которой шпионы, без сомнения, не знали.

Осмотрев тщательно свое ружье, вождь подполз к утесам и стал тихо подвигаться среди них, озираясь по сторонам и останавливаясь в промежутках, чтобы каждую минуту быть готовым услышать малейший шум.

Наконец, Курумилла достиг такого места, откуда он одним взглядом мог окинуть все пространство, занимаемое утесами.

Тогда его глазам представилось зрелище, в высшей степени поразившее его.

Два человека были крепко привязаны арканом к остроконечному утесу, возвышавшемуся как раз над широким отверстием, которое заменяло окно охотникам, собравшимся в пещере; один из них висел над глубочайшей в Воладеро пропастью, другой был привязан несколько ниже, почти в уровень с землею, и в ту минуту, когда Курумилла заметил шпионов, он, упираясь ногами о плоское место утеса, помогал своему товарищу подняться выше и достичь отверстия, проникавшего в пещеру, чтобы этот последний мог видеть все, что происходит в местопребывании охотников.

Курумилла, схватив свое ружье, прицелился в шпиона, который был ниже, и спустил курок.

Пуля попала прямо в грудь бандита, который, сделав отчаянный прыжок, повис над разверстой пропастью, испустив в предсмертной агонии пронзительный крик.

В одно мгновение вождь снова зарядил свое ружье и начал не торопясь подвигаться к другому бандиту, который, трепеща от ужаса всем телом, как-то бессмысленно смотрел на приближение противника.

— Мой брат устал, — сказал вождь, — висеть на аркане, конечно, очень утомительно и, кроме того, очень опасно, потому что аркан мог бы оборваться и тогда мой брат упал бы в эту страшную бездну.

Бандит продолжал растерянно смотреть на индейца и, казалось, не понимал его.

Курумилла захохотал.

— Желаю приятного отдыха после трудной работы, — сказал он. — Пусть мой брат будет покоен, он будет долго отдыхать.

Говоря это, Курумилла приблизился к убитому бандиту, отвязал его от утеса и сбросил в пропасть.

Потом он отвязал другого бандита и, когда последний вздумал было сопротивляться, крепко связал его арканом.

Поставив таким образом шпиона в невозможность сделать малейшее движение, он тщательно осмотрел его, потом взвалил к себе на плечи с такою легкостью, как будто имел дело с ребенком, и вошел с ним в ущелье, которое было до того узко, что невозможно было осмотреться вокруг себя; там он осторожно опустил бандита на пол и сказал:

— Здесь будет очень покойно моему брату: никто не помешает ему заснуть в ожидании. Вождь скоро возвратится, до свиданья!

Он оставил бандита и сошел на платформу Воладеро; окинув испытующим взглядом раскинувшуюся перед ним окрестность, Курумилла поставил свое ружье под левую руку, как делают обыкновенно индейцы, и на минуту задумался, стараясь начертать в уме своем дальнейший план своих действий и определить направление, принятое всадниками, о которых говорил Кастор.

Вдруг он решительно пошел вперед; но вождь шел, как умеют ходить только одни индейцы: не оставляя за собою положительно никаких следов, он, подобно полету птицы, прорезывал лес кратчайшим путем, не удаляясь ни на один дюйм от прямого направления.

Эта манера хождения очень удобна и сокращает расстояние почти наполовину, потому что путешественник не делает при этом ни одного поворота, но такая способность дается не всякому.

Для этого необходимо иметь железные ноги и силу индейца, не бояться головокружения, обладать чрезвычайной верностью глаза и гибкостью ног серны или дикой козы, так как в этих случаях приходится взбираться на почти отвесные скалы, проходить узкими тропинками по покатостям и уступам гор и рисковать каждую минуту, потеряв равновесие, низвергнуться в бесконечную пропасть.

Но вождь не думал об этих крайних, по-видимому, непреодолимых опасностях; ничто не замедляло его чрезвычайно быстрой походки, так что не более как в полтора часа он прошел пространство, для которого всякому другому понадобилось бы не менее трех и даже четырех часов.

Было около одиннадцати часов, когда он вышел на обширную прогалину леса, через которую протекает глубокий ручей; чрезвычайно прозрачная вода с тихим журчанием быстро стремилась по его кремнистому руслу, расположенному между двумя живописными берегами, поросшими различными водяными травами.

Вождь окинул прогалину проницательным взглядом и, довольный, по-видимому, глубокой тишиной, царствовавшей вокруг, собрал сухих дров в кучу в недалеком расстоянии от ручья и зажег.

Несколько минут спустя, когда огонь хорошо разгорелся, Курумилла достал из своей сумки четыре или пять больших картофелин и зарыл их в пепел; потом он вынул несколько кусков дичи, положил их на горячие угли и, присев около огня, спокойно начал курить, положив на землю свое ружье в таком расстоянии от себя, чтобы каждую минуту можно было достать его рукою.

Так прошло минут двадцать, в продолжение которых вождь, продолжая курить, внимательно наблюдал за приготовлением своего завтрака, поворачивая дичь время от времени концом своего ножа; наконец, когда он нашел, что все было готово, охотник достал из своей сумки несколько сухарей и деревянную тарелку.

Вынув из пепла картофель, он его тщательно очистил и положил на лист, заменяющий блюдо, потом разрезал на деревянной тарелке дичь и собрался завтракать.

Не успел он проглотить первого куса, как в чаще послышался легкий шум; вождь улыбнулся, как будто он ожидал этого, и весело повернул в ту сторону голову.

В это время показался охотник, который тихо, волчьими шагами, пробирался по опушке; ствол его ружья был направлен вперед, а палец лежал на курке.

— Гм! — сказал Курумилла вполголоса.

— Вождь! — вскрикнул с удивлением охотник, который был не кто иной, как наш старый знакомый Павлет.

— Мой брат пришел кстати, — сказал вождь, указывая ему на завтрак и жестом приглашая присесть к огню.

Павлет положил свое ружье, выпрямился и, приблизившись к индейцу, подал ему руку, сказав:

— Здравствуйте, вождь, очень рад вас встретить.

— Мой брат охотник разделит дичь со своим другом? — спросил учтиво Курумилла.

— Охотно, вождь, я не стану церемониться с таким старым другом, как вы, тем более что я страшно голоден, — отвечал охотник, помещаясь против индейца.

И они с большим аппетитом принялись за свой завтрак, в продолжение которого никто из них не сказал ни одного слова.

Наконец, охотник, утолив немного свой голод, первый прервал молчание.

— Как хорошо, что я вас здесь встретил, вождь, — сказал он, — я начинал уже думать, что сбился с пути.

— Охотник взял хорошее направление — его друг ожидал моего брата.

— Как, вождь, вы ожидали меня? Возможно ли это?

— У Курумиллы хорошие глаза; он видел много всадников; он сказал: хорошо, Павлет возвращается в Воладеро; вождь встретит его; теперь мой брат видит.

— Да, вождь, я вынужден уступить перед очевидностью, но все-таки я не понимаю.

— Что мой брат не понимает?

— Ведь мы должны были возвратиться втроем, между тем теперь нас идет целая сотня; как же вождь мог знать, что его друг находится между этими всадниками?

— Павлет очень весел: он шутит со своим другом.

— Совсем нет, вождь, я вовсе не шучу с вами, но положительно не понимаю, как вы узнали.

— Охотник встретил в горах Седую Голову; он присоединился к нему, чтобы быть его проводником.

— Все это так, вождь, но как же вы могли узнать об этом?

— У Курумиллы хорошие глаза; он видел Седую Голову и молодого Андского Грифа, которого Седая Голова отыскал; большая будет радость Валентину, когда он увидит сына Большого Орла.

— Вы правы, вождь.

— Курумилла не проговаривается; он встретил своего друга, чтобы проводить его кратчайшим путем.

— Это превосходная мысль, вождь, благодарю вас от всего сердца; но что же там нового?

— Новости очень хорошие; мой брат сам увидит.

Павлет не настаивал; он знал, что вождя нельзя заставить говорить о том, чего он не хотел высказать.

— Отчего Павлет здесь один? — спросил Курумилла после минутного молчания.

— Я иду вперед, чтобы выбрать место стоянки; мои друзья находятся в одном лье отсюда.

— Эта прогалина хорошее место для стоянки.

— Конечно; мы остановимся здесь. Далеко отсюда до Воладеро?

Курумилла поднял глаза к небу и, казалось, предался каким-то вычислениям.

— Всадники не могут идти так, как индейцы, — ответил он наконец, — они должны делать много поворотов, а потому мы придем в Воладеро только к заходу солнца.

— Отлично, — сказал охотник, потирая руки, — вы также останетесь с нами, не правда ли, вождь?

— Да, Курумилла останется со своими братьями бледнолицыми охотниками, — отвечал индеец с величественным жестом, — он обещал им быть проводником и сдержит свое слово.

— Ну, тогда все пойдет отлично, я сейчас зажгу огня, — сказал весело охотник.

— Курумилла поможет своему брату, — заметил индеец.

И они принялись собирать сухие дрова, что вовсе было нетрудно, так как пустыня была наполнена ими.

Менее чем в полчаса десять костров запылали, возвышаясь все более и более огненными языками к небу.

Исполнив это, собеседники опять сели друг против друга перед костром, зажженным Курумиллою прежде, и снова принялись курить в ожидании прибытия каравана.

Их ожидание было непродолжительно, так как через десять минут на прогалине показались первые всадники.

Встреча с Курумиллой была большой и неожиданной радостью для дона Грегорио Перальта и Луиса.

Все охотники давно уже знали вождя; встреча с ним была настоящим для них праздником.

Ответив на все приветствия и пожав каждому из охотников руку, Курумилла приблизился к дону Грегорио Перальта и дону Луису, которые ожидали его с явным нетерпением.

Дон Луис, увидев старого и верного товарища и друга своего отца, человека, которому он был обязан собственным и сестры своей спасением, так как он не знал хорошо, как это все произошло, бросился со слезами на глазах в объятия этого человека, которого он уважал, как члена своего семейства.

На глазах Курумиллы, этого бесстрастного и вечно невозмутимого индейца, показались, быть может в первый и последний раз в его жизни, слезы, которые стру-

ились по его щекам и которых он не мог и не пробовал удержать.

Он осыпал молодого человека ласками и дрожащим от волнения голосом проговорил:

— О! Андский Гриф достойный сын Большого Орла! Его сердце доброе, он будет великий воин своей нации; у него львиное сердце и душа Колумба; он грозен и кроток в одно и то же время! Курумилла безгранично счастлив, что видит его; он любит его, как любил его отца и как любит Валентина.

Когда первые порывы радости немного утихли, все трое сели в отдалении, вокруг огня Курумиллы.

Дон Грегорио Перальта сгорал от нетерпения услышать от Курумиллы о том, что произошло в его отсутствие.

Конечно, вождь не был так скрытен с друзьями своими, как с Павлетом, и тотчас же рассказал им о том, что сделал Валентин по прибытии своем в горы Рошез.

Его рассказ, из которого не было упущено ни одной малейшей подробности, слушали дон Грегорио Перальта и дон Луис с большим наслаждением.

— Я хочу скорее видеть сестру мою! — воскликнул дон Луис с увлечением, — я хочу узнать такого доброго и уважаемого человека, которому мой отец завещал меня и сестру мою и который успел уже сделать нам благодеяние, за которое заплатить ему не хватит всей нашей вечной признательности и безграничной преданности.

— Валентин любил Большого Орла и Розовую Лилию; он любит их детей, как бы любил своих; не признательностью ему надо отплатить, а искренней сыновней любовью.

— Да, вы правы, вождь, — с жаром воскликнул молодой человек, — только истинной сыновней любовью можно назвать мое чувство к Валентину Гиллуа, моему второму отцу!

— Седая Голова не рассказал еще, как он успел отыскать и спасти молодого Андского Грифа, — сказал Курумилла.

— Я вам расскажу все, вождь, и вы увидите, что как в освобождении донны Розарио, так и донна Луиса, само Провидение покровительствовало нам.

— Бог всемогущ и добр, — отвечал Курумилла, возводя руки к небу. — Он любит добрые сердца и покровительствует им. Пусть Седая Голова говорит; уши вождя открыты.

Дон Грегорио Перальта, в свою очередь, рассказал со всеми подробностями о своем путешествии из Миссури в Сен-Луи, о том, как он отыскал дона Луиса и как освободил его.

Курумилла слушал этот рассказ с большим вниманием. Когда дон Грегорио дошел до возмущения черных на плантации Жозуа Левиса, лицо вождя просияло.

— О! — сказал он, сжав руку молодого человека с каким-то лихорадочным волнением, — молодая голова, большое сердце! Андский Гриф не может жить иначе, как только на свободе, рабство не для него.

Но когда дон Грегорио рассказал сцену славной мести, которой молодой человек прежде всего подверг своего палача, энтузиазму не было пределов; он дрожал всем телом, в глазах его сверкала молния.

Он встал, заключил молодого человека в свои объятия и чуть не задушил от восторга.

— Хорошо! — восклицал он, — молодой орел похож на своего отца еще более сердцем, чем лицом; он ужасен для негодяев и настолько же кроток для добрых и несчастных; Валентин Гиллуа будет гордиться таким сыном, Курумилла также будет ему отцом.

Вождь снова присел к огню и, закрыв лицо руками, плакал, как ребенок, в продолжение нескольких минут.

Оба собеседника смотрели на него с искренним участием, затем их начало беспокоить это необыкновенное волнение у такого твердого человека, как Курумилла.

Но через несколько минут вождь поднял голову; его лицо было по-прежнему холодно и выражало обыкновенное невозмутимое бесстрашие индейца.

— Гм! — проговорил он совершенно спокойно, — пусть Седая Голова извинит меня; Курумилла слишком состарился; его сердце делается нежно, как у ребенка, когда говорят о таких геройских поступках, но теперь все кончено, пусть мой брат продолжает.

Дон Грегорио снова принялся за свой рассказ, и вождь не прерывал его более ни одного раза.

— Я думаю, — сказал дон Грегорио в заключение, — что теперь, когда наши дети освобождены, собранные мною охотники будут для нас бесполезны.

— Быть может, — отвечал Курумилла, поднимая голову.

— Что вы хотите этим сказать, вождь?

— Ничего, — отвечал он.

— Но вы, кажется, не разделяете моего мнения?

— Курумилла вождь, он не говорит того, что не следует, разве Седая Голова не знает его?

— Я знаю, что вы очень скромны, вождь, и что если не отвечаете мне, значит, не находите это уместным.

— Прекрасно!

— Из этого следует, что прежде, чем предпринять какое-нибудь намерение, я должен поговорить с Валентином Гиллуа.

— О! Седая Голова говорит превосходно; Курумилла — вождь своего племени; Валентин — единственный вождь бледнолицых охотников, он должен изъяснить свое согласие.

— Я понимаю вас, вождь, и последую вашему совету.

— Седая Голова — большой мудрец.

Разговор в этом роде продолжался еще некоторое время.

Курумилла рассказал о том, как он, оставив пещеру Воладеро, напал на след, как он с помощью этого следа открыл двух бандитов, из которых одного убил, а другого связал и положил в безопасное место, чтобы взять его на обратном пути.

Дон Луис с благоговением слушал Курумиллу, к которому он чувствовал теперь большое расположение и подвиги которого достойны были в его глазах удивления.

Вождь был первый индеец, которого он видел.

До сих пор молодой человек представлял себе индейцев похожими наружным видом на негров, — существами, занимавшими самую низкую ступень в лестнице рода человеческого.

Он был убежден, что это дикие хищники, без всякого понятия о добре и зле, обладающие инстинктом зверей, среди которых они живут; что, имея наружное сходство с человеком, они в грубой, необлагороженной душе своей далеко не способны чувствовать и быть великодушными.

При виде вождя — человека такого доброго, любящего, искреннего и с таким здравым умом, все предположения дон Луиса разрушились до основания; он не знал теперь, чему верить — чему не верить; но он заключил, что Курумилла представляет собою исключение из общего правила и что другие индейцы были действительно такие, какими он представлял их себе прежде.

Впрочем, ему суждено было скоро переменить и это мнение.

Из разговора дон Грегорио с Курумиллой он понял, наконец, что индейцы ничем более не отличаются от белых, как только цветом кожи; но что в действительности они имеют те же страсти, те же добродетели и те же пороки, как и у остальных членов обширного рода человеческого.

Наконец, настал час выступления, стоянка была оставлена.

Курумилла дал направление колонне, которой он был проводником, с замечательным искусством и знанием своего дела.

После трехчасового похода охотники находились не более как в полулье от Воладеро, которого темная масса, окруженная остроконечными утесами, резко выделялась на небе.

— Я думаю, мой старый друг, — сказал дон Луис, — что мы не слишком поздно достигнем Воладеро.

— Через час, не болсе, — отвечал спокойно Курумилла.

— Как же это так?

— Да, с заходом солнца.

— Но посмотрите, ведь мы уж совсем близко от Воладеро.

— Мой сын так думает?

— Но ведь я же вижу, вождь.

— Мой сын ошибается.

— Я разделяю мнение вождя, — вмешался дон Грегорио.

— Бледнолицые — большие мудрецы, но малоопытны.

— Что вы хотите сказать, вождь, я вас не понимаю?

— Вождь хочет сказать, мой дорогой Луис, — сказал дон Грегорио с улыбкой, — что мы, белые, превосходно

знаем теорию, но в практике большие невежды, и я вполне разделяю это мнение.

— Это очень лестно для нас! — сказал молодой человек со смехом.

— Хотите ли вы иметь доказательство?

— Конечно.

— Хорошо, попросите вождя объяснить вам, отчего мы находимся гораздо дальше от Воладеро, чем нам кажется.

— Вы слышите, вождь, не можете ли вы сделать мне это удовольствие?

— Молодой Орел шутит, он сам так же хорошо знает, как и Курумилла.

— Уверяю вас, что нет.

— Объясните, объясните, вождь, — попросил его дон Грегорио. — Луис говорит правду, мы должны учить молодых людей.

— Пусть мой сын слушает, — сказал Курумилла, — мой сын молод, его взгляд еще не привык к горам, он дурно видит; в горах большие массы, резко выделяясь, поглощают своею величиною малые, которые почти совершенно теряются для глаза, а так как пространство, отделяющее нас от цели нашего путешествия, покрыто возвышениями незначительными сравнительно с Воладеро, то и расстояние это теряется перед грандиозностью последнего.

— Действительно, вождь, я это совсем и не рассчитал, теперь я понимаю. Как я до сих пор об этом не подумал, между тем как это так просто?

— Потому, что мой сын еще молод, — отвечал, смеясь, Курумилла, — он еще не привык к пустыне; его глаза не видят хорошо, они слишком привыкли к узкому горизонту городов; только один опыт может научить их хорошо видеть.

— Совершенно справедливо, — сказал молодой человек с улыбкой. — Мне недостает опыта, но я думаю, что скоро приобрету его, если Валентин Гиллуа и вы согласитесь учить меня и сделать человеком.

— Но для чего это моему сыну? Молодой Орел богат; он привык к городу, а потому ему будет тяжел наш суровый образ жизни.

— Быть может, но эта бродячая жизнь должна иметь свои прелести; жить здесь, в горах, в местно-

сти, отдаленной от света, где просвещение так тесно связывает членов своей громадной ассоциации, пользоваться полнейшей свободой действий, жить вдали от людей, от их коварства и злобы, пустого тщеславия и низкого двуличия... О! — воскликнул молодой человек с энтузиазмом, — это значит быть вполне счастливым!

— Тише, тише, ребенок! — прервал его дон Грегорио. — К счастью вашему и тех, которые вас любят, вы никогда не испытаете ничего подобного.

— Кто знает! — весело воскликнул молодой человек, — кто знает!

Курумилла украдкой окинул его своим пронизательным взглядом с ног до головы.

Между тремя собеседниками воцарилось довольно продолжительное молчание.

Колонна подвигалась скорым шагом, но Курумилла шел пешком так же скоро, как и всадники; дон Грегорио предлагал ему лошадь, но вождь отказался, — он предпочитал идти пешком.

Солнце быстро опускалось к горизонту; на низменные равнины ложились длинные тени всадников.

— С каким удовольствием я обниму Валентина! — сказал дон Грегорио.

— И я тоже! — воскликнул дон Луис.

— Валентина, вероятно, нет еще в Воладеро, — заметил Курумилла.

— Как, он в отсутствии? — воскликнули почти в одно время оба его спутника.

— Еще препятствие! — прибавил печально дон Луис.

— Куда же он отправился?

— Он возвратится сегодня вечером; мои братья увидят его, — сказал Курумилла, не отвечая на вопрос дона Грегорио.

— В самом деле, вождь? — спросил молодой человек.

— Курумилла никогда не лжет; Валентин возвратится в пещеру сегодня вечером, надо иметь терпение. Пусть мои братья продолжают свой поход, Курумилла скоро присоединится к ним.

— Куда же вы?

— Отыскать пленника.

Он исчез в середине утесов, но через десять минут возвратился с пленником, которого нес на своих плечах.

Несколько минут спустя они достигли пещеры.

Валентина Гиллуа еще не было.

Читателю известно, куда и с каким намерением он отправился.

Мормоны

Встреча друзей была очень трогательна.

Валентин Гиллуа, увидев сына своего друга таким красивым, сильным и мужественным, не мог удержаться, чтобы не выразить своего удивления.

В первую же минуту он почувствовал к молодому человеку не только расположение, но безграничную любовь и дружбу.

Сжимая в своих объятиях двух детей своего молочного брата, охотник в первый раз после стольких лет был действительно счастлив.

Когда утихли первые порывы его радости, Валентин представил своим друзьям капитана Джона Гриффитса, сообщив им о важной услуге, оказанной ему вождем Сожженных лесов, которого охотники очень ласково приветствовали.

Перед пещерой был устроен лагерь для охотников, приведенных доном Грегорио, и для людей капитана Гриффитса.

Двух пленников отвели в безопасное место и заперли отдельно.

Мы говорим — двух пленников, потому что, кроме бандита, пойманного Курумиллой, капитан Гриффитс по просьбе Валентина Гиллуа отдал ему Брауна, которого привели сюда крепко привязанного к одному из мулов, навьюченных багажом донны Розарио.

За ужином все были очень веселы, исключая одного только Бенито Рамиреца, или, скорее, донна Ок-

тавио Варгаса, который все время был скучен и задумчив.

Донна Розарио едва замечала его присутствие и только один раз обменялась с ним взглядом при первой встрече, но этого было слишком мало для молодого человека, так искренне любившего ее.

Октавио Варгас был не из числа людей, умеющих тщательно скрывать от других свое внутреннее волнение; но вместе с тем он сознавал, что такое поведение молодой девушки могло быть извиняемо волновавшими ее чувствами глубокой признательности и уважения к людям, которым она была так много обязана, и потому молодой человек был уверен, что дойдет очередь и до него и что тогда донна Розарио вполне вознаградит его за свою наружную к нему холодность.

Но тотчас же после ужина Валентин Гиллуа проводил молодую девушку в отдельную пещеру, исключительно для нее приготовленную, и, поцеловав ее в голову, вышел, оставив молодую девушку в компании с преданной ей камеристкой Гарриэтой Дюмбар.

Пелон, сын гамбуцино, разостлал волчью кожу у запертой решетки, замсняющей дверь в гроте, где помещалась донна Розарио, лег на ней спать и таким образом добровольно посвятил себя охранять сон молодой девушки и быть готовым исполнить ее приказания.

— Ну, друзья мои, — весело сказал Валентин, обращаясь к дону Грегорио и дону Луису, — не взыщите, что не могу предложить вам другой постели, как только состоящую из сухих листьев, покрытых мехами зверей. Ложитесь, потому что ночь скоро пройдет, между тем как вам необходим отдых после долгого путешествия; поговорить же мы успеем и завтра.

Курумилла исчез тотчас же после ужина в сопровождении Павлета и Кастора, которые были в восторге от подарков, переданных им товарищем от дона Пабло Гидальго.

Вождь индейцев, который, несмотря ни на какое радостное событие, никогда не забывал о серьезных делах, вероятно, успел уже обдумать новый план, к осуществлению которого он пригласил Павлета и Кастора.

Но прежде чем оставить пещеру, они предложили присоединиться к ним Октавио Варгаса, который в грустной задумчивости ходил взад и вперед у входа в пещеру, чтобы рассеять свои печальные мысли.

Молодой человек с радостью принял предложение Курумиллы, которое он считал самым лучшим средством излечиться от своей меланхолии.

После минутного совещания эти четыре человека внимательно осмотрелись вокруг и исчезли в темноте ночи.

Но мы их оставим на некоторое время и возвратимся в пещеру.

Все охотники уже спали, исключая Бальюмера, Навая и Блю-Девилья, которые молча сидели у огня и курили.

Немного дальше Валентин Гиллуа разговаривал с Джоном Грифитсом тихо, но с некоторым воодушевлением.

Этот таинственный разговор между двумя вождями продолжался за полночь; был час утра, когда Валентин Гиллуа, собираясь проститься, сказал капитану Грифитсу:

— Да, дорогой мой капитан, долг чести, как и долг игры, должен быть уплачен не далее как в двадцать четыре часа. Времени терять невозможно после всего того, что вы мне сказали.

— Это правда, — отвечал капитан, — время нам очень дорого.

— Предоставьте мне действовать, — сказал Валентин, пожав ему руку, — укройте вашим плащом и спите спокойно; ваше пробуждение будет веселее.

— Что вы хотите сделать?

— Положитесь на меня, мой друг; до скорого и приятного свиданья! — Валентин подошел к огню; Бальюмер и гамбуцино уже спали, между тем как Блю-Девиль все еще сидел в прежнем положении. — Где вождь? — спросил Валентин.

— Не знаю, — отвечал Блю-Девиль, — тотчас же после ужина он ушел в сопровождении Павлета и Кастора.

— Вероятно, он обдумал какой-нибудь новый план, — сказал Валентин, — но предоставим ему действовать по своему усмотрению: он слишком умен, чтобы поступить необдуманно. Отчего вы не ложитесь?

— Я хочу кое-что сообщить вам.

— Важное?

— Очень важное; вы увидите сами.

— Подождите немного, я сию же минуту возвращусь к вам. Бальюмер, Навая, вставайте вы, лентяи!

— Славно! Лентяи, потому что спим ночью! — отвечал Бальюмер, смеясь и протирая глаза.

— Я готов! — воскликнул гамбуцино, вскочив на ноги.

— Послушайте, товарищи, прошу вас сию же минуту оседлать трех лучших лошадей, и мы отправимся.

Оба охотника поспешили оставить пещеру.

— Теперь я вас слушаю, — сказал Валентин, снова подойдя к Блю-Девилю.

— Курумилла привел сегодня пленника, — сказал бывший лейтенант капитана Кильда.

— Да, он мне говорил.

— Знаете ли вы, кто этот пленник?

— Как же я могу это знать, мой друг? Я даже не видел его.

— Это правда; притом вы бы, наверно, не узнали его, но я его тотчас же узнал.

— Кто же это такой?

— Ваш смертельный враг.

— Вы в этом уверены?

— Вполне.

— Итак, вы думаете, что это...

— Дон Мигуэль Тадео де Кастель-Леон.

— Может ли это быть? О, это большое счастье! Смотрите, чтобы он не убежал! Удвойте над ним стражу!

— Положитесь на меня, вы знаете, как я осторожен.

В эту минуту вошел Бальюмер и сообщил, что лошади готовы.

— Хорошо, — сказал Валентин. — Берегите же его во время моего отсутствия, — продолжал он, обращаясь к Блю-Девилю.

— Я уже принял свои меры; будьте покойны, я отвечаю вам за пленника.

Валентин бросил еще последний взгляд на капитана Грифитса, который, плотно завернувшись в свой плащ, лежал, опершись спиной о стену пещеры, и вышел.

Проходя через лагерь охотников дона Грегорио, Валентин увидел Тома Трика и Джонсона, которые горячо спорили между собою.

— А! — воскликнул Том Трик, — вот господин Валентин, он нас рассудит.

— Что у вас такое? — спросил Валентин.

— Не очень важная вещь, — отвечал Джонсон, — и я думаю, что Том Трик напрасно беспокоит вас.

— Да как же быть иначе? — воскликнул Том Трик сердито.

— Я стою на своем, что ничего нельзя делать без разрешения своих вождей; что же вышло бы, если бы каждый делал то, что ему вздумается!

Том Трик чувствовал себя побежденным логикой своего противника и не знал, что отвечать, но скоро он снова нашелся.

— Правда, — сказал он, — Валентин Гиллуа наш вождь, но ведь и Курумилла вождь; Валентин часто говорил нам, когда мы были с ним в нескольких экспедициях: слушайте Курумиллу так же, как и меня! Ну, что же ты еще скажешь?

— Мне кажется, друзья мои, — сказал Валентин, — что было бы гораздо лучше, если бы один из вас объяснил мне в двух словах, о чем тут у вас речь.

— Это правда, господин Валентин, — сказал Том Трик. — Около восьми часов вечера вождь оставил лагерь вместе с Павлетом, Кастором и еще одним, которого я не знаю; немного погодя прибежал к нам испуганный Павлет и сказал: друзья мои, сорок человек из вас по приказанию Курумиллы тотчас же должны последовать за мной; поспешите: это очень важно.

— Вы дали им этих людей? — быстро спросил Валентин.

— В ту же минуту; но хорошо ли мы сделали?

— Да, если Курумилла просил помощи, значит, он имел в ней крайнюю необходимость.

— Это правда, он не такой человек, который беспокоил бы людей из-за какого-нибудь вздора, зная, что они так сильно утомлены.

— Совершенно справедливо. Давно ли вы послали им помощь?

— Около часу тому назад; они пошли пешком, и даже не пошли, а побежали, как стадо испуганных бизонов.

— Хорошо, друзья мои, вы оба правы: вы, Том Трик, благоразумно поступили, повинаясь приказанию Курумиллы, которому вы обязаны подчиняться так же, как и мне; а вы, Джонсон, хорошо делаете, что, как настоящий охотник, защищаете дисциплину и не берете на себя ответственности. Итак, друзья мои, надеюсь, что вам не о чем более спорить?.. да? Ну и прекрасно! До свиданья!

Он удалился, направляясь к тому месту, где находились лошади.

Десять минут спустя Валентин Гиллуа оставил лагерь со своими компаньонами.

Ночь скоро прошла.

С восходом солнца охотники встали и прилежно занялись своими обыкновенными утренними работами.

Дон Григорио и дон Луис очень были удивлены отсутствием Валентина.

Блю-Девиль, которого они спросили, отвечал им, что Искатель следов оставил лагерь в час ночи в сопровождении двух охотников и что он, по всей вероятности, скоро возвратится.

Впрочем, эти сведения мало удовлетворили дона Григорио и дона Луиса, которые отправились в лагерь, чтобы осмотреть, все ли находилось в порядке, и в надежде узнать там о причине отъезда Валентина.

Там они нашли капитана Гриффитса, наблюдавшего за утренними работами своих людей.

Вдруг неслышимо послышался сильный шум и вслед за тем показался многочисленный отряд краснокожих, которые мчались прямо к лагерю; во главе этого отряда ехали Валентин Гиллуа, Бальюмер и Навая.

Большая часть всадников остановилась на пистолетный выстрел от лагеря.

Валентин Гиллуа, Бальюмер, Навая и десять индейских вождей въехали в лагерь.

Охотники открыли вход в лагерь и выстроились в два ряда, чтобы принять прибывших с надлежащими почестями.

Когда Валентин Гиллуа и вожди индейцев въехали в лагерь, Искатель следов вежливо пригласил их сойти с лошадей.

— Братья мои, — сказал он, — хорошо сделали, что прибыли в мой лагерь; теперь они находятся у моего друга.

Представив им главнейших охотников: дона Грегорио, дона Луиса и прочих, Валентин взял за руку капитана Грифитса и сказал, обращаясь к индейцам:

— Вот великий вождь Сожженных лесов; мы ошибались на его счет: он подтвердит моим братьям все то, что я уже говорил им от его имени; я же представляю вам его как истинного друга краснокожих.

— Иначе и быть не может, — сказал капитан, — Сожженные леса не забыли, что краснокожие некогда покровительствовали их отцам.

Индейцы поклонились вежливо, но отчасти холодно.

— *Сашемы*, — сказал Красный Нож от имени всех прочих индейских вождей, — братья и друзья великого бледнолицего охотника; они верят его слову и прибыли для того, чтобы выслушать вождя Сожженных лесов; они готовы похоронить всякие распри, существующие между ними и бледнолицым охотником, если это только от них зависит; они вовсе не считают белых хищниками, готовы отнять у них их владения; мир для них лучше, чем война.

Дон Грифитс поклонился и отступил на шаг назад.

Он сказал достаточно для первого свидания, тем более что такой серьезный вопрос должен обсуждаться не иначе как в совете.

— Между тем как мои молодые люди приготовят хижину, в которой соберется наш великий совет, прошу начальников сесть к огню и закурить калюме; надеюсь также, что братья мои разделят с нами дичь и огненную воду*.

Сашемы поклонились и присели к огню около Валентина, дона Луиса, дона Грегорио, Блю-Девилья и нескольких главнейших охотников.

Бальюмер по знаку Валентина удалился для исполнения кое-каких его приказаний, которые состояли в устранении малейшего повода для краснокожих подозревать существование пещеры и подземных ходов — это было очень важно для Валентина.

Все без исключения охотники собрались в лагере, и одни только женщины оставались в пещере, но им строго приказали не показываться оттуда, причем им сообщили, что в лагере находятся краснокожие, а этого было доста-

* Водка.

точно, чтобы они постарались ничем не заявить о своем присутствии.

Между тем как двадцать охотников занялись деятельным приготовлением хижины для совета, другие, сопровождаемые Наваей, отправились знакомиться с прибывшими индейцами и угощали их на славу.

Пятьдесят человек индейцев, принадлежащих различным племенам и имеющих различных вождей, расположились невдалеке лагерем и привязали лошадей своих к вбитым в землю кольям.

Сашемы, несмотря на то, что все было для них совершенно неожиданно, маскировали свое внутреннее удивление полнейшей холодностью и индейским бесстрашием; они были далеки от мысли встретить Валентина во главе такого значительного отряда белых охотников, неслыханное мужество которых давно уж внушало им страх и некоторое уважение.

Все это возвысило Искателя следов в их глазах и дало понять всю важность союза с таким человеком.

Под влиянием такого благоприятного для охотника впечатления индейцы, так недавно еще относившиеся к планам Валентина совершенно холодно и державшие себя чрезвычайно принужденно, мало-помалу смягчились и сделали даже учтивы.

Одно неожиданное обстоятельство окончательно расположило их в пользу Валентина и заставило сбросить свою маску.

У входа в лагерь внезапно послышался шум, и из лесу вышел отряд охотников с Курумиллой, Павлетом и Кастором во главе.

В середине этого отряда шли пятнадцать человек с лицами, покрытыми кровью и грязью, большая часть из них были ранены.

— Привяжите этих собак к столбам и охраняйте, пока свершится над ними приговор, — сказал Курумилла.

Это приказание было тотчас же исполнено.

Тогда Курумилла присел к огню между двумя индейскими вождями, которые подвинулись, чтобы дать ему место и предложить курить.

Курумилла взял сперва калюме Анимики, потянул его несколько раз, возвратил с благодарностью и принял от Красного Ножа.

Охотники остановились в почтительном отдалении и составили широкий полукруг около вождей.

Курумилла стряхнул пепел со своего калюме на ногу большого пальца своей левой руки, потом сбросил его в огонь и возвратил калюме Красному Ножу.

Несколько минут царствовало глубокое молчание, в продолжение которых Курумилла, казалось, старался собраться с мыслями, потом он поднял голову и протянул руки вперед.

— Пусть мои братья слушают, — сказал он, — вождь хочет говорить.

Все присутствующие молча поклонились.

— Курумилла открыл новый лагерь горных пиратов; он знал, в какой неприступной позиции устроил его вождь этих бледнолицых воров и собак, но Курумилла вождь; небо покровительствует ему, зная, что Курумилла защищает только справедливость. С помощью своих людей и небольшого числа воинов Сожженных лесов, с готовностью оказавших свое содействие, за которое он им очень благодарен, Курумилла проник, ползя, как змея, в лагерь пиратов, которые были пьяны и спали крепким сном. Битва была ужасная; кровь проливалась без всякой пощады; двое из отряда Сожженных лесов и один охотник убиты и несколько человек легко ранены; лагерь сожжен, все пираты убиты, за исключением трех, которые, покровительствуемые духом зла, успели скрыться в темноте ночи. Оставшихся в живых бандитов Курумилла привел сюда, чтобы вожди произнесли над ними свой приговор. Имущество этих мерзавцев, нажитое грабежом и сваленное в угол лагеря, попало в мои руки. Пусть Искатель следов решит, как поступить с ним. Я сказал.

— Кто эти бандиты, которые успели убежать? — спросил Валентин после некоторого молчания, — мой брат их знает?

— Курумилла знает их, — отвечал вождь, — это одни из самых виновных. Первый называется капитаном Кильдом, второй — Линго, а третий простой пират. Но они разбиты и потеряли все, исключая оружия; ящик, обитый жестью и наполненный бумагами и драгоценностями Кильда, находится в руках Курумиллы: волки свободны, но не могут кусать, потому что зубы у них вырваны; скоро они будут взяты силой, как дикие быки.

Десять воинов Сожженных лесов под командой храброго бледнолицего охотника Бенито Рамиреца отправились преследовать их и не замедлят привести их сюда.

— Я не в силах высказать вам всей глубокой признательности моей, — сказал Валентин твердым голосом, — за услугу, оказанную вами не только для нас, но для всего человечества, очистив местность от этих ненавистных бандитов, наводивших ужас на всю пустыню. Отнятые вами драгоценности, нажитые неправым путем, не должны попасть в наши руки, потому что тогда нас могут обвинить в нападении на этих бандитов с гнусным намерением воспользоваться их имуществом.

— Нет, нет! — закричали все охотники, — мы не хотим его!

— Оно, — продолжал Валентин, — должно возвратиться по назначению: наши братья краснокожие больше всего пострадали от грабежа этих мерзавцев; отдадим же, товарищи, им эти вещи, потому что они им принадлежат, и очистим таким образом себя от нареканий. Согласны ли вы на то, товарищи?

— Да! — отвечали все охотники в один голос. — Валентин прав, вся добыча должна достаться нашим союзникам, краснокожим.

— Мои братья сашемы слышали, что скажут они?

— Бледнолицые охотники храбры и благородны, — отвечал Красный Нож. — Валентин истинно любит краснокожих воинов, он для них больше, чем союзник: он их друг, их брат. Сашемы считают за особенную для себя честь принять этот богатый подарок из рук бледнолицых охотников и никогда не забудут щедрости и великодушия величайшего охотника из бледнолицых. Я сказал.

Все прочие сашемы наклонили головы в знак согласия.

— Прикажите, — сказал Валентин, обращаясь к Бальюмеру, — принести тотчас же все тюки с вещами в лагерь великих братьев красных воинов.

Бальюмер тотчас же встал, сделал знак нескольким охотникам следовать за ним и удалился.

Снова наступило минутное молчание.

— Нам остается исполнить еще один последний долг, — сказал наконец Валентин, обращаясь к краснокожим вождям и охотникам, сидящим у огня, — долг ужасный, но мы не вправе отказаться от него: эти раненые и окровавленные пленники ожидают нашего приго-

вора; мы обязаны как можно скорее прекратить их страшное ожидание своей участи. Вам известны гнусные преступления этих людей; вы и судите их, мои братья и союзники. Пусть каждый из вас подаст мнение. Начинаю с вас, брат мой, — прибавил он, обращаясь к Красному Ножу.

Красный Нож и другие вожди индейцев, за исключением Курумиллы, приговорили пленников к мучениям и смерти. Курумилла и другие вожди белых — к смерти без мучений.

Валентин обратился тогда к охотникам, стоящим позади.

— Линч! — вскрикнули они в один голос.

— Они должны умереть, — сказал Валентин, — но большинство голосов приговаривает их к простой смерти, сверх того, мы, бледнолицые, не имеем обыкновения мучить наших врагов; человеколюбие требует, чтобы мы не смотрели на смерть виновных как на средство к удовлетворению своей мести, а только как на неизбежный акт правосудия. Итак, пленники подвергнутся закону Линча, то есть будут повешены. Приготовьте все к исполнению приговора.

Все встали со своих мест.

В деревьях не было недостатка, и через десять минут приказание Валентина было исполнено.

По знаку его пленников подвели к деревьям, заменяющим виселицы.

Никто из этих жертв правосудия не думал сопротивляться; они с каким-то немым отчаянием смотрели на все приготовления к их страшной смерти, и никто из них не пошевелил ни одним членом, когда у них на шее завязывали роковой узел.

К ветвям двух огромных дубов было привязано семнадцать петель, по числу пленников.

Когда все было готово и несколько охотников стояли по своим местам, держа каждый из них за конец веревки, чтобы разом, по данному сигналу, подтянуть петли, Валентин Гиллуа сказал печальным голосом:

— Пусть Бог сжалятся над этими несчастными, но мы должны исполнить этот ужасный закон лугов; око за око, зуб за зуб!

По его знаку в одну секунду взлетели на воздух семнадцать пленников.

В продолжение двух или трех минут несчастные колебались в предсмертной агонии, потом их движения сделались тише, и наконец жертвы остались неподвижными.

В продолжение двадцати минут царствовало мрачное молчание вокруг двух роковых дубов, украшенных такими ужасными плодами.

Наконец, Валентин сделал знак; веревки скользнули по ветвям, и трупы упали на землю.

Впереди была вырыта глубокая яма, в которую опустили трупы и положили их один возле другого, не снимая с них платья и не обыскивая их карманы; но в ту минуту, когда хотели засыпать эту могилу землею, Блю-Девиль наклонился к уху Валентина и тихо сказал ему несколько слов.

— Это правда, — отвечал Искатель следов. — Выворотите карманы этих несчастных, — продолжал он, обращаясь к охотникам, — если найдете какие-нибудь бумаги, принесите их ко мне.

Приказание это было исполнено с каким-то отвращением.

Во всех карманах нашлись значительные суммы золота, от которого охотники наотрез отказались и ссыпали его на земле в одну кучу; но, кроме золота, в карманах нашлись связки бумаг.

— Не прав ли я? — заметил Блю-Девиль тихо, пожимая руку Валентина.

— Да, вы правы, мой друг, я упустил это из виду, — отвечал охотник печально.

Яму засыпали землей и на могилу эту взвалили большие камни, чтобы дикие быки не могли вырыть трупов.

По знаку Искателя следов один из охотников собрал, с видом презрения, золото и принес его к Валентину.

— Пусть мой брат разделит это золото между сашемами, — сказал последний, обращаясь к Красному Ножу, — оно принадлежит моим братьям краснокожим.

Вождь не заставил себя долго просить и тотчас же исполнил волю Валентина, разделив золото между своими товарищами, которые с алчной радостью набросились на него.

Затем все возвратились к огню.

Утренний завтрак был приготовлен на этот раз великолепно.

Валентин Гиллуа хорошо знал краснокожих и знал, как надо с ними обходиться, чтобы добиться желаемой цели.

Простой стол, составленный из нескольких досок, прибитых к кольям, воткнутому в землю, был уставлен дичью, громадными паштетами, медвежьими окороками, различных сортов подогретыми консервами, целой грудой сухарей и прочее, кроме того, было приготовлено множество бутылок вина, рому, виски и ликеров различных сортов; словом, Валентин решил израсходовать весь свой запас продовольствия, чтобы только завладеть расположением сашемов.

На вежливое приглашение Валентина сашемы и остальные гости заняли места на скамейках, устроенных таким же образом, как стол, — и завтрак начался; несколько охотников по просьбе Валентина согласились прислуживать за столом.

Обжорство и пьянство диких вошло в пословицу; эти люди во время войны или охоты чрезвычайно трезвы, воздержаны и переносят всевозможные лишения; но когда представляется случай спокойно поесть и попить, они забывают всякую воздержанность и всецело предаются излишеству.

Трудно определить, какое количество съестных припасов они в состоянии поглотить, потому что они вообще едят до тех пор, пока не остается на столе ничего.

Валентин все это имел в виду и для достижения своей цели употребил все усилия, чтобы насытить гостей.

Завтрак был в полном смысле изобильный; ничего не было забыто, чтобы устроить настоящий пир, и все было приготовлено в громадном количестве.

Но настала, наконец, минута, когда гости с отчаянием заметили, что на столе уже ничего болсе не оставалось, что они берут в рот последний кусок, запивая его последними каплями вина или ликера.

Валентин извинялся как мог, но горю все-таки не в состоянии был помочь, потому что у него не оставалось более ничего, что бы он мог предложить ненасытным гостям.

Волею или неволею сашемы должны были согласиться с этими извинениями и безропотно подчиниться своей участи, тем более что, несмотря на свою жадность и

обжорство, они почувствовали, что много ели и много пили.

Ввиду такой неизбежности они сделались до того учтивы, что даже поблагодарили Валентина за гостеприимство.

В эту самую минуту один из охотников пришел уведомить Валентина, что хижина для совета совершенно окончена.

Валентин ожидал этого известия с видимым нетерпением; он поспешил уведомить об этом сашемов.

Последние, ввиду совершенной невозможности более пить и есть, решились наконец встать из-за стола и отправиться на совет.

Мы уже имели случай в нескольких предшествовавших наших сочинениях рассказать о длинных церемониях краснокожих, совершаемых последними в то время, когда они присутствуют на совете, а потому мы ограничимся здесь только описанием того, как Валентину удалось достичь своей цели.

Сашемы, прельщенные вежливым приемом Валентина и еще находившиеся под впечатлением, произведенным превосходным завтраком, чрезвычайно благосклонно и с большим вниманием выслушали длинную речь вождя Сожженных лесов, из которой они поняли, что он далеко не был их врагом, а, напротив, истинным другом и человеком очень полезным.

К счастью, краснокожие не разделяются на политические партии, как в Европе, а решают всегда вопросы единодушно.

Когда в заключение Валентин сказал им речь, то красноречие его до того подкупило сашемов, что они не только заключили мир с Сожженными лесами, но заявили прямо, что готовы начать войну с их опасным и непримиримым врагом — английским правительством.

Затем они заключили с капитаном Грифитсом оборонительный и наступательный союз, в котором, к удовольствию краснокожих, и Валентин принимал участие.

Когда все было между ними покончено, Валентин сообщил своим союзникам о положении дел Сожженных лесов, о важности успеха их проекта и о том, что необходимо приступить немедленно к наступательным действиям, чтобы одним решительным и сильным ударом

окончательно расстроить планы неприятеля и обессилить его.

Совещание продолжалось довольно долго и наконец заключилось всеобщим соглашением.

Было решено, чтобы на следующий день, спустя два часа по заходе солнца, все союзники — красные, Сожженные леса и белые — собрались в долине, находящейся у входа в ущелье Прохода Бизонов, где должны были быть избраны главнейшие начальники, и затем уж отправиться против врага.

ГЛАВА VIII

Лагерь вождя Сожженных лесов

Скоро капитан Грифитс имел случай убедиться в том, что Валсентин Гиллуа был совершенно прав, стараясь помирить его с краснокожими, не теряя ни минуты, и вынудить их заключить с ним союз.

Спустя два часа после отъезда индейских вождей капитан Грифитс после долгой аудиенции с Искателем следов собирался сесть на лошадь, чтобы присоединиться к своему отряду, как вдруг получил эстафету от капитана Джемса Форстера.

Это послание было отправлено с необыкновенной поспешностью и заключало в себе чрезвычайно важные известия.

Джон Грифитс вскрыл конверт дрожащей рукой и, быстро пробежав глазами письмо, передал его Валентину Гиллуа.

— Читайте, — сказал он.

Джемс Форстер сообщал, что колонна сира Джоржа Эллиота, состоящая из шестисот всадников, находилась не более как в восьми лье от Воладеро, она подвигалась чрезвычайно быстро, так что, по всей вероятности, она завтра к одиннадцати часам утра достигнет ущелья Прохода Бизонов.

— Что вы думаете об этом? — спросил капитан, когда Валентин возвратил ему письмо.

— Я думаю, мой дорогой капитан, — отвечал охотник, — что мы должны поспешить, и надеюсь, что Бог поможет нам.

— Да, в самом деле, во всем случившемся я вижу перст Всевышнего, — отвечал капитан с волнением. — О, мой друг! — прибавил он, с чувством пожимая руку Валентина, — теперь я только вижу и понимаю все то, чем вам обязан.

— А вы забыли уже о том, что спасли жизнь моей названной дочери?

— Да, — отвечал капитан с жаром, — но вы, мой друг, вы спасли мне больше, чем жизнь: вы спасли мою честь.

— Хорошо, хорошо, но не забывайте, что теперь нам время дорого, — весело сказал Валентин, — приготовимся лучше исполнить наш долг; завтра будет великий день для союзников Красной реки. Но до того я прошу вас выслушать меня.

— Говорите.

— Сколькими людьми располагаете вы?

— Сколько всех у меня?

— Нет, готовых к строю?

— Около четырехсот; у меня было двести девяносто человек; капитан Форстер привел мне в подкрепление двести пятьдесят; тридцать человек я оставляю для охраны моего лагеря... словом, готовых к действию я буду иметь четырехста с лишком человек.

— Отлично, со стороны краснокожих будет, быть может, немного больше; что же касается меня, я могу служить вам двумястами самых мужественных и самых опытных во всех лугах большого Фореста воинов, — так что мы будем иметь тысячу человек, почти вдвое более неприятеля. Позвольте ли вы мне начертать один план, или, вернее, высказать одну мысль, которая пришла мне в голову? Я не великий стратег, но я был французский солдат, и, кроме того, уж не раз приходилось мне вести войну в пустыне.

— Говорите, говорите! Вы знаете, что я ничего не сделаю без вашего совета.

— И вы, быть может, будете не правы, потому что моя мысль может оказаться плохой.

— Не думаю, но посмотрим прежде, что это за мысль?

— Вы, без сомнения, знаете ущелье Прохода Бизонов?

— Да, немного.

— Прекрасно, значит, вы знаете, что при ширине своей ущелье это имеет около одной мили в длину и сто оно проходит между двумя лесистыми горами, состоящими из чрезвычайно крутых покатостей?

— Конечно.

— Вы также знаете, что это ущелье выходит в долину, состоящую из неизмеримых трясин, скрытых под зеленой травой, и что через эти болота проходит шоссе шириной в двадцать шагов, не более?

— Нет, уверяю вас, что я не знаю всех этих подробностей.

— Множество тропинок, известных только охотникам, прорезывают эти болота во всех направлениях.

— О, это превосходная, как мне кажется, позиция!

— Не правда ли? Предположим, что я засяду со своими охотниками в этих болотах, имея перед собой ущелье не более как в половину льс; со стороны равнины, в которую выходит ущелье, я устрою крепкие баррикады, позади которых станут мои искусные стрелки. Половина наших краснокожих и половина или, скорее, третья часть ваших Сожженных лесов расположатся на лесистых покатостях ущелья; остальные краснокожие и вторая треть Сожженных лесов засядут позади ущелья, что очень не трудно; наконец, остальная часть вашего отряда поместится за баррикадами, чтобы подкрепить моих стрелков. Англичане проникнут в ущелье...

— И пройдут под беглым огнем?

— Нет, напротив, никто не тронется со своего места; они пройдут ущелье без выстрела и вступят в долину; когда они взойдут на шоссе, со всех пунктов болот, о существовании которых они, конечно, не знают, мы откроем по ним огонь. Англичане будут мужественно отстреливаться, потому что они храбры и дерутся как львы, но вместе с тем они вынуждены будут отступить и снова войти в ущелье; тогда засевшие на покатостях стрелки дадут по ним залп, между тем как вы ударите в неприятеля с тыла, а я нападу на него с противоположной стороны ущелья. Вот моя мысль — как вы ее находите?

— Господи, мой друг! — вскричал Грифитс с энтузиазмом, — это самый гениальный план, а не мысль, как вы скромно его называете.

— Но, быть может, вы найдете нужным сделать какие-нибудь изменения?

— Никаких изменений; англичане будут беспощадно разбиты.

— Но я нисколько не буду в претензии, если вы выскажете свое мнение.

— Я последую по вашему плану от А до Z, и мы останемся победителями.

— Очень рад, что вы одобряете мой проект; теперь поезжайте в ваш лагерь и... до завтра.

— Прощайте, благодарю вас за все то, что вы для меня сделали; только вам я буду обязан блестящим успехом. Будьте уверены, что я ничего не забуду относительно нашего условия. Благодарю вас еще раз, мой добрый гений. О, отчего я не знал вас раньше!

— Поезжайте, поезжайте! — сказал с улыбкой Валентин, — там вас ожидают с нетерпением.

— Это правда; до завтра!

— Прощайте!

Капитан сел на лошадь и поскакал к своим людям, которые давно уж ожидали его приказа выступить.

Когда капитан совершенно исчез со своим конвоем, Валентин возвратился в пещеру и поспешил к донне Розарио, которую он столько времени не видел.

Молодая девушка сидела в первой пещере и весело разговаривала со своим братом и доном Грегорио Перальта; Гарриэта Дюмбар находилась у ее ног, а Пелон, присев к огню, не спускал глаз со своей госпожи, чтобы предупредить ее малейшее желание.

Увидев Валентина, молодая девушка быстро вскочила со своего места, подбежала к нему и, обняв его, сказала нежным голосом:

— Здравствуйте, отец! Вы совсем забыли свою дочь! Говорите же, отчего я не видела вас до сих пор и не могла обнять ни разу?

— Это не от меня зависело, милое дитя мое, — отвечал Валентин, лаская ее, — но дон Грегорио и ваш брат должны были сказать вам...

— Да, да, — прервала его донна Розарио, — они наговорили мне много вещей, совершенно, впрочем, для

меня непонятных; но мне кажется, что ничто не может помешать отцу обнять и поцеловать свою дочь.

— Так, Розарио, так, сестра моя, — заметил дон Луис с улыбкой, — отец вполне заслужил твое недовольствие.

— Ну, уж так и быть, признаю себя виновным, — отвечал Валентин добродушно.

— Вот что значит иметь детей, — заметил со смехом дон Грегорио.

— Прибавьте: которые перестанут любить его, если он будет так поступать, — сказала донна Розарио с улыбкой.

— Остановись, сестра: ты слишком далеко зашла! — воскликнул весело дон Луис. — Я всегда буду любить его.

— И я тоже, — сказала молодая девушка, — в особенности теперь, когда меня так скоро оставил мой союзник.

Разговор в этом роде продолжался несколько времени.

Заметно было, что донна Розарио хотела что-то спросить, но не решалась; Валентин заметил это и, смеясь в душе, спокойно подтрунивал над молодой девушкой.

Вошел вождь.

— А, вот и Курумилла! — воскликнула молодая девушка, оборачиваясь к нему. — Здравствуйте, вождь!

— Розовая Лилия смеется, она довольна, — Курумилла счастлив; он любит Розовую Лилию и Молодого Орла.

— Мы это знаем, вождь, и тоже вас любим, — отвечала она.

— Откуда вы пришли, вождь? — спросил Валентин.

— Я проводил Красного Ножа; великий воин Красный Нож, он любит Валентина; все воины остались очень довольны богатыми подарками; они хорошо будут драться с красными мундирами.

— Я уверен в этом.

— Да, это правда, они очень довольны; что хочет бледнолицый охотник от своего друга?

— Я хочу просить вас оказать мне одну услугу.

Индеец расхохотался.

— Услугу? — спросил он. — Валентин и Курумилла — пальцы и рука, у них одни желания; что хочет мой брат?

— Вы знаете, что завтра я должен оставить пещеру с охотниками.

— Да, чтобы сражаться с красными мундирами.

— Но я оставляю здесь дону Грегорио, донну Розарио и бедных женщин, которых нам удалось спасти.

— Курумилла понимает. Пусть мой брат не беспокоится и смело ведет своих воинов; вождь останется в Воладеро и будет охранять Седую Голову, Розовую Лилию и бледнолицых невольниц. Ничего дурного не случится; Курумилла защитит Розовую Лилию.

— Хорошо, вождь, я знаю ваше доброе сердце, — отвечал Валентин, пожимая ему руку.

— Позвольте и мне также остаться здесь, — сказал Блю-Девиль, который только что вошел в пещеру, — мне следовало бы присмотреть за двумя пленниками, а также рассмотреть бумаги, найденные в карманах повешенных утром бандитов; мне Курумилла отдал эти бумаги, и я думаю, что они очень важны; не откроют ли они нам тайных замыслов дона Мигуэля де Кабель-Леон.

— Вы также останетесь здесь, мой друг, это будет лучше, — сказал Валентин. — Нам, кажется, нечего бояться нападения, — продолжал он, обращаясь к Курумилле, — к тому же я оставляю пятнадцать человек, которых вам будет, по моему мнению, совершенно достаточно.

— Даже много, — отвечал вождь, кланяясь.

— Лучше много, чем мало, — заметил Валентин с улыбкой. — Сверх того, — прибавил он, бросая украдкой взгляд на донну Розарио, — с возвращением дона Октавио Варгаса, то есть Бенито Рамиреца, из его экспедиции у вас прибавится еще восемь или десять человек, которые находятся с ним; все они, кажется, из отряда Сожженных лесов.

— Да, они все из отряда капитана Гриффитса.

— Задержите их до моего возвращения.

— Хорошо, я задержу их.

При имени Октавио Варгаса молодая девушка покраснела; как будто темное облако пронеслось по ее очаровательному личику.

— Разве дон Октавио Варгас участвует в экспедиции? — спросила она с притворным равнодушием.

— Да, дитя мое, — отвечал он с улыбкой, — он преследует бандитов, которых нам не хотелось бы выпустить

из рук, вот почему ты его не видишь здесь. Вчера он отправился с Курумиллой, но я надеюсь, что он скоро возвратится: быть может сегодня, а завтра уж наверно.

— Курумилла возвратился, отец мой, отчего же дон Октавио нет до сих пор? Вероятно, люди, которых он может встретить здесь, не слишком интересуют его, — сказала молодая девушка с заметным оттенком неудовольствия.

— Вы ошибаетесь, дитя мое; если его здесь нет, то он в этом несколько не виноват. Вы напрасно обвиняете его.

— Разве я обвиняю его? Я сказала только, что молодой человек вовсе не интересуется теми, которых, как вам кажется, он любит. Для меня же положительно все равно, поступит ли дон Октавио Варгас так или иначе; он совершенно свободен в своих действиях.

— Вы несправедливы к этому молодому человеку, милое дитя мое, он не заслуживает подобного о нем мнения; мы все здесь исполняем наш долг, и никто не вправе отказаться от него; но я уверен в том, что дон Октавио исполняет в настоящую минуту свою обязанность совершенно против воли.

— Правда, правда, отец мой, я несправедлива, — отвечала молодая девушка со слезами на глазах, — я слишком раздражительна и сама не знаю, что говорю, простите меня.

— Вас простить! — сказал Валентин, целуя ее. — В чем же мне вас прощать? Что же вы сделали дурного?

— О, как вы добры! — прошептала она, обнимая его.

Вся покраснев от волнения, она удалилась в свою пещеру.

Валентин встал, закурил сигару и вышел.

Дон Грегорио, слышавший этот короткий, но тем не менее заинтересовавший его разговор, тоже встал со своего места и отправился почти вслед за Валентином.

— Что это за человек, которого вы называете один раз Бенито Рамирецем, другой раз Октавио Варгасом и о котором вы только что говорили с донной Розарио? — спросил он Валентина, небрежно смявшего тоненькую сигаретку между своими пальцами.

Валентин улыбнулся.

— Это целый роман, мой дорогой дон Грегорио, — весело сказал Валентин, — это роман, преисполненный

чистой, целомудренной и глубокой любви и который заинтересует вас так же, как и меня, если я расскажу вам его.

— Он уже и теперь интересуется меня, мой друг; расскажите.

— Хорошо, я расскажу вам его, если вы хотите. Дон Октавио Варгас принадлежит к одной из лучших мексиканских фамилий, очень богат, одарен замечательными способностями и добрым сердцем и, что важнее всего, честный, неиспорченный молодой человек.

— И этот молодой человек находится здесь только для донны Розарио?

— Только для нее одной.

— Он ее любит?

— До сумасшествия. Разве я не говорил вам об этом?

— Но отчего же вы, мой друг, не рассказали мне до сих пор этой истории, которая должна быть очень интересна?

— С удовольствием расскажу ее вам теперь, тем более что, говоря откровенно, я очень люблю дону Октавио Варгаса: это мой фаворит.

— Хорошо, говорите, мой друг, я вас слушаю.

В несколько минут Валентин рассказал другу своему со всеми подробностями историю, которую читатель знает уже.

Дон Грегорио слушал с большим вниманием и не прерывал его более.

— Как вы находите эту историю? — спросил Валентин, окончив свой рассказ, — не правда ли, она очень интересна?

— О да! — отвечал дон Грегорио, — это, как видно, прекрасный молодой человек и любит, наверно, донну Розарио от всего сердца.

— Значит, вам нравится мой Октавио?

— Очень.

— И вы согласны со мной, что он сделает ее счастливой!

— Конечно, если это только от него будет зависеть. Кстати, эта новая экспедиция, ради которой вы нас завтра оставляете, очень серьезна?

— Да, мой друг; мы идем атаковать один английский отряд, который намерен соединиться с другим отрядом, идущим из Кинсбору, в английской Колумбии.

— Что вы мне говорите, мой друг?

— Правду.

— Я это знаю, но отчего вы мешаетесь в это дело, вы, человек такой опытный и дальновидный?

— Вот вследствие того, что я такой человек, как вы говорите, я и мешаюсь в это дело.

— Ровно ничего не понимаю.

— Быть может; но вы меня поймете.

— Ничего не желал бы лучше.

— Вы знаете, что Канада уступлена Англии французами?

— Да, об этой сдаче я часто слышал рассказы моих охотников, которые чрезвычайно враждебно относятся к англичанам.

— Ну вот, следствием смешения двух рас, белых и красных, были Сожженные леса.

— Жестокие люди.

— Не правда ли? В продолжение ста лет эти Сожженные леса чрезвычайно размножились, но остались почти такими же, как были и прежде, то есть полуцивилизированными, неустрашимыми охотниками, превосходными траперами, обожавшими только свободу и сохранившими непримиримую ненависть к англичанам. Они основали несколько деревень, которые со временем превратились в города. Тогда англичанам вздумалось присоединить это народонаселение к своим владениям. Конечно, Сожженные леса начали сопротивляться, и завязалась страшная война, которая продолжалась около десяти лет и окончилась победой на стороне англичан. Теперь численное превосходство и многие другие благоприятные условия на нашей стороне; торжество же Сожженных лесов сохранит и упрочит за нами последнюю границу наших территорий охоты.

— Понимаю; но уверены ли вы в победе?

— Твердо уверен, потому что на то воля Провидения, противодействовать которой человек не в силах. Европейцы сделали свое дело в Америке и должны в недалеком будущем исчезнуть; дни существования европейских колоний в Америке сочтены; в народонаселении Канады нет ни малейшего сочувствия к Англии, которая сделала ей гораздо более вреда, чем пользы. Не более как лет через двадцать Канада составит с этой местно-

стью одну независимую республику или же присоединится к Соединенным Штатам; это ничего более, как вопрос времени. Первый удар молота уже нанесен английскому могуществу Сожженными лесами, или союзниками Красной реки, как они себя называют; англичане разбиты своими врагами, которые теперь ничего не боятся, потому что первый успех ободрил их и вдохнул в них непреодолимое мужество, и они добьются своей единственной, заветной мечты: быть свободными.

— И вы думаете, что эта битва будет серьезная?

— Очень серьезная, мой друг.

— Вы возьмете с собой дона Луиса?

— Конечно, дон Луис никогда не простит мне, если я не возьму его с собой.

— Вы правы, но скажите пожалуйста...

— Что такое?

— В Новом Орлеане я отдал вам на сохранение одно письмо...

— От моего молочного брата?

— Да. Оно теперь при вас?

— Я никогда не оставляю его, мой друг.

— Вы помните наше условие?

— Да, конечно, у нас было условие, чтобы возвратить вам его, когда мы встретимся в пустыне.

— Совершенно справедливо.

— Вы хотите, чтобы я вам отдал его?

— Да.

— Правда, неизвестно, что может случиться.

— О, что вы говорите, мой друг! — быстро воскликнул дон Грегорио.

— Мало ли примеров, мой друг? Я подвергаюсь большой опасности и очень легко могу быть убитым. Для предосторожности передайте мне содержание этого письма.

— О, мой друг! Я вам возвращу его.

— Но не будет ли поздно?

— Нет, нет, мой друг, вы ошибаетесь; я вполне уверен, что ничего дурного не случится. Если я беру у вас это письмо, то с тем, чтобы скоро возвратить вам его.

— Да будет по-вашему.

Он вынул из своего кармана бумажник, достал оттуда запечатанный конверт и передал его дону Грегорио.

— Возьмите, мой друг, — сказал он.

— Благодарю, — ответил дон Грегорио, спрятав письмо с видом удовольствия, что очень заинтересовало Искателя следов.

— Теперь выслушайте меня, — сказал Валентин. — Тотчас же после сражения я пришлю вам Кастора и Павлета с некоторыми инструкциями, которые прошу вас выполнить и точности.

— Обещаю.

— С ними вместе придут к вам пятнадцать охотников.

— Разве вы не возвратитесь сюда?

— Нет, мы соединимся с вами после.

— Но для чего же вы мне пришлете столько людей?

— Вы это узнаете. Могу ли я положиться на вас?

— Как на самого себя.

— Благодарю. Теперь мы с вами расстанемся. Будьте так добры, пришлите ко мне дону Луиса; мне необходимо его видеть.

— Сейчас, мой друг.

И они расстались.

— Отчего он взял у меня письмо? — пробормотал Валентин в задумчивости.

— Я хочу, чтобы он был счастлив, когда возвратится! — говорил между тем дон Грегорио, направляясь к пещере.

Войдя в лагерь, Валентин позвал несколько охотников и приказал им собрать всех остальных своих товарищей, сказав, что хочет с ними говорить.

Охотники тотчас же удалились, чтобы исполнить его приказание.

В эту минуту к нему подошел дон Луис.

— Дон Грегорио передал мне, что вам необходимо со мною видаться, отец мой, — сказал он,

— Ничего нет важного, мой дорогой Луис, — отвечал Валентин с улыбкой, — я только хочу сказать вам, что мы должны расстаться на несколько дней. Вот почему я просил дону Грегорио позвать вас ко мне. Я не хотел говорить вам об этом в пещере, так как там могла меня услышать ваша сестра; ее опечалило бы это известие, а я именно этого и хотел избежать.

— Как, я расстанусь с вами, мой отец? Но ведь это невозможно! — воскликнул молодой человек.

— Это необходимо, дитя мое; вы слышали наш разговор при свидании с краснокожими, который происходил при вас. Завтра мы отправляемся на битву. Дело, по всей вероятности, будет серьезное и...

— Вы отправляетесь на битву, — прервал его молодой человек с жаром, — подвергаете себя опасности, рискуете, быть может, своею жизнью, — что же может меня удержать здесь? О, вы не любите меня, мой отец!

— Напротив, дитя мое, из любви к вам я и не хочу подвергать вас...

— Нет, нет, мой отец, это не потому!

— Но почему же, мой милый Луис?

— Потому что вы считаете меня трусом, недостойным сражаться вместе с вами! — отвечал молодой человек, вспыхнув.

— О, дорогой мой Луис! Возможно ли так ошибаться во мне? Уверяю вас, что я только ввиду вашей безопасности хочу, чтобы вы поступили так, как я советую вам.

— Не стану спорить с вами, отец мой, — отвечал молодой человек с твердой решимостью. — Верю, что вы говорите только то, что думаете. Конечно, вы имеете право не взять меня с собою, но уверяю вас святой памятью о моей матери, что ничто не может мне помешать последовать за вами, ничто на свете! Я отправлюсь один и выполню мой долг солдата.

— Дитя мое, вы находитесь в возбужденном состоянии.

— Быть может, но не настолько, чтобы не отличить честь от бесчестия, отец мой. Моя решимость непоколебима; я ни за что не изменю своего намерения.

— Хорошо ли вы обдумали свое намерение отправиться со мною, Луис? — спросил его Валентин после небольшого молчания.

— Да, обдумал и твердо решил поступить таким образом; но я вижу, что в душе вы одобряете мое намерение, отец мой, я уверен в этом.

Валентин не мог выдержать долее, к тому же он достиг своей цели, так как ему только хотелось испытать молодого человека.

— Хорошо, пусть будет так! — сказал он, протягивая ему руку, — я согласен, Луис, чтобы вы отправились со мною.

— О, благодарю вас, благодарю, отец мой! — воскликнул молодой человек, бросаясь в его объятия.

Между тем посредине лагеря, согласно с распоряжением Валентина, собрались все охотники и ожидали его приказаний.

Они подошли к собравшейся группе охотников; Валентин поднялся на стол, молча и внимательно окинул их взглядом и, сняв свою меховую шапку, поклонился и сказал:

— Здравствуйте, товарищи; я созвал вас, чтобы говорить с вами об одном очень важном деле.

В одно мгновение все головы обнажились, и охотники почтительно приветствовали Искателя следов в один голос.

— Товарищи, я собрал вас для того, чтобы сообщить вам важное известие; обращаюсь в особенности к тем из вас, которые были приглашены от моего имени из Сен-Луи Миссури доном Грегорио Перальта; все прочие — мои старые друзья, они поклялись следовать за мною всюду; я слишком надеюсь на их доверие ко мне, чтобы спрашивать их мнения.

— Да, да! — отвечали прежние охотники.

— Я должен говорить с вами, товарищи, — продолжал Валентин, — откровенно, как с друзьями, которые мне дороги и которые знают, что я всегда защищаю их интересы, где только могу.

— Да, да! — отвечали все охотники.

— Вы знаете, что англичане из Канады давно уже ведут войну с союзниками Сожженных лесов и Красной реки. Цель их очевидна: они хотят поработить Сожженные леса, завести колонии в обильных роскошными травами равнинах Красной реки, соединить Колумбию и Ванкуве с Канадой и устроить в горах Рошез крепости. Вы теперь понимаете, товарищи, каких несчастных последствий нам следует ожидать от этого ужасного плана? Если он осуществится, то наши богатые охотничьи территории будут англичанами уничтожены, мы будем разорены и вынуждены умереть от голода.

В толпе охотников эти последние слова произвели волнение, которое продолжалось несколько минут; Валентин дал ему время утихнуть, потом продолжал:

— Я решился препятствовать осуществлению этого ненавистного плана, который для нас — все равно что

смерть. Вот почему я заключил двойной союз: с краснокожими и Сожженными лесами. Завтра английская колонна, вышедшая из Канады, должна проходить недалеко от того места, где мы находимся, чтобы соединиться с другой колонной, высланной из Колумбии. Я и мои союзники решились напасть на эту колонну, разбить ее и потом пойти навстречу другой колонне, чтобы вернуть ее в Колумбию. Согласны ли вы следовать за мною и сознаете ли, что это сражение для нас полезно?

— Да, да! — закричали охотники с энтузиазмом.

— Кто хочет последовать за мною, пусть станет по правую сторону, — сказал Валентин.

— Это бесполезно! — воскликнул Том Трик, влезая на стол, — мы последуем все... впрочем, смотрите.

В эту минуту все без исключения охотники выстроились на правой стороне.

— Благодарю вас, товарищи, — сказал Валентин, — еще одно слово.

Тотчас же снова воцарилась тишина

— Битва будет жестокая, а потому берите из своей среды одиннадцать надежных вождей: один будет командовать всем отрядом, остальные десять — отдельными частями, состоящими каждая из двадцати человек.

— Командира целого отряда нетрудно выбрать, это вы! — закричал Том Трик. — Никто искуснее вас не сумет повести нас в битву; притом, разве вы и так не вождь наш везде и всегда?

Этот первый выбор был встречен всеми охотниками с энтузиазмом.

— Благодарю вас, — сказал Валентин, — будьте уверены, что я оправдаю ваше доверие ко мне. Теперь выберите остальных вождей, но не подавайте голосов ни за Курумиллу, ни за Блю-Девилья, ни за Бенито Рамиреса, они не будут участвовать в экспедиции.

Выборы начались; дон Луис со всей юношеской восторженностью принимал в них участие.

Прения длились около часу; наконец, Том Трик приблизился к Валентину и поднес ему список выбранных охотников.

— Вожди выбраны, — сказал он, передавая ему лист бумаги.

— Хорошо, по мере того как я буду провозглашать их имена, все мною вызванные становитесь по левую

сторону. Потом вы последуете за мной, чтобы получить последние инструкции. Слушайте!

Воцарилось глубокое молчание.

Валентин прочитал:

— Бальюмер, Кастор, Навая, Павлет, Луис де Пребуа-Крансе, Том Трик, Джонсон, Лесманн, Янсен, Мортье.

Каждый поименованный кланялся и отходил в сторону.

При имени Луиса Валентин сильно сжал руку молодого человека, гордясь этим отличием.

— Выбор очень удачный, — сказал Валентин. — Теперь, товарищи, почистите ваше оружие, сделайте запас продовольствия на два дня и возьмите с собою мешки; мы пойдем пешком; выступление в три часа утра; вечером мы выпьем старой французской водки, чтобы подкрепить наши силы, и затем наполним бутылки на дорогу.

Он возвратился в пещеру, сопровождаемый десятью новыми вождями.

Индейцы

Была светлая, морозная ночь; по темно-голубому безоблачному небу, усеянному сверкающими звездами, разливался бледный свет полной луны; воздух был до того чист и прозрачен, что можно было различать предметы на довольно значительном расстоянии; ни малейшее дуновение ветра не нарушало тишины, царствовавшей в горах, остроконечные, неправильные вершины которых величественно возвышались к небу и, освещенные бледными, трепещущими лучами луны, придавали всей окрестности какой-то чудный, фантастический характер.

В пещере также все было тихо; несколько человек, завернувшись в плащи, спали, растянувшись на земле.

Курумилла сидел у огня, опершись коленями о стену и опустив на руки голову; около него стояло прислоненное к стене его ружье; он был неподвижен, как статуя. В таком положении он находился в продолжение нескольких часов.

Спал ли он?

Никто не мог ответить на этот вопрос.

Вдруг он вздрогнул, поднял голову и окинул пещеру испытующим взглядом.

Решетка, заменяющая дверь в пещере донны Розарио, тихо приподнялась, и хорошенькая головка молодой девушки показалась у этого входа.

Шум, происшедший от этого осторожного движения, до того был незначителен, что, казалось, не должен был

коснуться самого утонченного слуха, но только не вождя индейцев.

Его взоры направились к молодой девушке; он улыбнулся и положил палец на губы.

Очаровательная головка исчезла, и решетка снова затворилась.

Тогда Курумилла встал, подошел к окну пещеры и, устремив глаза к небу, казалось, наблюдал за чем-то с большим вниманием в продолжение нескольких минут.

Потом, когда, по его мнению, вычисления были определены с точностью, он возвратился к огню и, слегка наклонясь к первому спавшему, опустил руку на его плечо и сказал тихим голосом:

— Вставайте, Валентин, пора!

Искатель следов потянулся и тотчас же вскочил на ноги.

Курумилла разбудил второго спящего, потом третьего и так следовал до последнего.

В несколько секунд все уже были на ногах.

Все это были новые, выбранные после обеда офицеры.

Валентин собрал их вокруг себя.

— Друзья, — сказал он, — теперь два часа, дайте нашим товарищам позавтракать и выпить водки, потому что нехорошо отправляться в дорогу с пустым желудком, тем более в такую холодную ночь. Но поспешите, мы выступаем ровно в три часа, непременно.

Все десять лейтенантов тотчас же оставили пещеру.

— Что касается вас, вы знаете, как было условлено: как только вы получите от меня подкрепление, оставьте здесь женщин под защитой десяти человек, а сами тотчас же с остальными людьми отправьтесь в Прыжок Лося, на реке Журдан, где мы с вами соединимся.

— А донна Розарио?

— Вы приведете ее ко мне; я не хочу более расставаться с ней, это бедное дитя и так уж подвергалось многим опасностям.

В эту минуту кто-то тихо ударил его по плечу.

Валентин быстро обернулся.

Перед ним стояла донна Розарио.

— Вы не хотите со мной расставаться, отец мой, — сказала она с очаровательной улыбкой, — а между тем отправляетесь, не простившись со мной.

— Хорошо, дорогое мое дитя, я поцелую вас от всего моего сердца, но я не решался будить вас в такое позднее время.

— Но вы видите, я сама встала. О, мой добрый отец! — воскликнула она, бросаясь в его объятия со слезами на глазах, — я счастлива только тогда, когда нахожусь около вас! Пожалейте меня, не подвергайте себя слишком большой опасности. Я трепещу при мысли, что вы отправляетесь на битву, потому что знаю, как вы отважны. Боже, Боже! Что со мной будет, если вы умрете! О, если бы я тоже могла умереть тогда! Умоляю вас, сохраните себя для двух несчастных детей, которых ваш молочный брат вам завещал и которые любят вас как отца!

— Бедное дитя мое, — отвечал Валентин взволнованным голосом, — успокойтесь, не плачьте, вы отнимаете у меня мужество; я не буду подвергать себя опасности. Уповайте на Бога, дорогое дитя мое; он защитит меня и теперь, как всегда до настоящего времени.

— Вы не будете безрассудно подвергать себя опасности? Вы обещаете мне это? — настаивала она.

— Я буду исполнять свой долг, как вождь и как солдат, дитя мое. Но я не стану подвергать себя опасности иначе, как для того, чтобы показать пример моим товарищам. Прощайте, дитя мое, пора нам расстаться. Уйдите к себе, я вас прошу, я должен оставить вас.

— Я повинуюсь вам, отец мой, но обнимите меня еще раз!

Валентин сжал ее в своих объятиях, и слезы невольно готовы были брызнуть из его глаз.

— Прощайте, отец мой, я иду молить Бога о вашей безопасности.

— Да, дитя мое, молитесь! Молитва утешит и подкрепит вас. Бог услышит вас, потому что вы один из Его ангелов.

Он проводил молодую девушку и затворил решетку в ее пещеру.

— О, как хорошо быть любимым, — прошептал он, — не чувствовать своего одиночества на земле и

слышать около себя биение двух искренно преданных сердец.

Валентин вытер струившиеся по его щекам слезы и подошел к Курумилле.

Вождь отвернулся, чтобы не видеть слабости своего друга.

— Прощайте, вождь, — сказал Валентин, — вы приведете с собою донну Розарио и двух пленников. Не забудьте.

— Отчего же с ними не покончить здесь?

— Нет, это невозможно. Они будут нам необходимы в Прыжке Лося.

Курумилла пожал плечами, но ничего не отвечал.

Они вышли из пещеры и направились к лагерю.

Охотники завтракали, пили и грелись у разложенных костров.

— Готовы ли вы, товарищи? — весело спросил Валентин.

Охотники отвечали утвердительно.

— Разделили ли вы отряд на десять частей, как я вам говорил?

— Все сделано так, как вы говорили.

— Хорошо. Стройтесь в колонну; уже три часа.

Охотники поднялись со своих мест.

— Мы не с краснокожими ведем войну, — продолжал Валентин, — и потому не имеем надобности скрывать свои следы, — как делают это индейцы; тем не менее нам не следует пренебрегать осторожностью. Самое главное, чтобы скрыть свое число. Для этого мы должны составить плотную массу, чтобы невозможно было пересчитать наши шаги. Вы понимаете меня?

— Да, командир, — отвечали охотники.

— Хорошо. Каждый офицер должен идти около своей части отряда, чтобы быть готовыми каждую минуту. Ну, теперь пусть нам Бог поможет! Стройся справа по четыре. Смирно! Марш!

Отряд тронулся.

Валентин пожал в последний раз руку вождя и отправился во главе отряда.

Курумилла стоял неподвижно до тех пор, пока отряд не исчез совершенно в изгибах бесконечных горных тропинок; тогда он возвратился в пещеру.

Искатель следов хорошо был знаком с самыми глухими местами гор Рошез: не было ни одной тропинки, ни одного оврага, ни одного утеса в этой местности, положение которых он не мог бы определить с замечательной точностью.

Старые охотники отряда, которые в продолжение многих лет скитались в этих горах, не узнавали местности, по которой они теперь проходили; по мере того как Валентин делал поворот за поворотом, они положительно сбивались с толку в своих соображениях и должны были наконец сознаться, что совершенно не понимают направления, взятого их командиром.

По их вычислениям долина Прохода Бизонов находилась в шестнадцати лье от Воладеро, если идти обыкновенным, им известным путем; но Валентин, не упуская из виду направления этого пути, вел их по самым глухим тропинкам и тем сократил расстояние на четыре лье.

Охотники были очень удивлены, когда к семи часам утра, на рассвете, они вышли из гор и увидели совершенно неожиданно перед собою равнину Прохода Бизонов, близости которой они даже и не подозревали.

Они сделали этот переход в четыре часа, тогда как, если бы идти их обыкновенным направлением, понадобилось бы не менее шести; сверх того они выиграли в расстоянии четыре лье, — результат превосходный.

Валентин расположил свой лагерь в чаще леса, чтобы скрыть свое присутствие от лазутчиков неприятеля, если бы они приблизились к равнине, и отдал приказание зажечь огни, приготовить чай и завтрак.

Охотники тотчас же занялись этими приготовлениями с большим усердием, потому что продолжительный поход возбудил в них сильный аппетит.

Отправляясь осматривать окрестности, Искатель следов взял с собою дону Луиса, который был в восторге от своей новой роли предводителя, и притом еще во время экспедиции.

Валентин замечал не без удовольствия этот юношеский пыл и склонность молодого человека к скитальческой жизни охотника.

Перед ними раскинулся красивый горный ландшафт.

Горы со всех сторон были окружены неизмеримым девственным лесом, состоящим из дуба, сосновых, кедровых и пробковых деревьев; широкая равнина тянулась внизу вдоль реки, или скорее потока, падающего каскадами с возвышенных уступов и терявшегося в зеленых лугах, под высокой травой которых скрывались неизмеримой глубины трясины, довольно характерно названные в Мексике *chinaptas*; на всем пространстве равнины виднелись кое-где группы деревьев, расположенные в виде уступов и почти скрытые в высокой зеленой траве.

От равнины во все стороны, как из центра, тянулись радиусами хребты гор, покрытые густыми кустарниками и оканчивающиеся длинным и широким ущельем. Это место, в котором Валентин предполагал устроить засаду, называлось Проходом Бизонов; налево, где должны были проходить англичане, тянулось ущелье, которое было несравненно уже и длиннее первого, имело гораздо более изгибов и поднималось кверху очень крутыми, опасными покатосями.

В эту минуту испарения поднялись с болот и образовали густой туман.

Казалось, невозможно было не потерять направления в таком непроницаемом тумане, но для знаменитого Искателя следов это обстоятельство не составляло препятствия.

Валентин, спустившийся было в середину равнины, старался держаться более возвышенных мест и продолжал идти с уверенностью, которая приобретает только опытом.

Все время Искатель следов, поддерживая разговор со своим молодым спутником, объяснял ему, как следует держать себя во время похода, чтобы не скоро уставать; показывал ему знаки на деревьях, по которым можно было отыскать дорогу, и знакомил его со всеми приметами, которые не должен упускать из виду ни один охотник.

Все это молодой человек слушал с удвоенным вниманием и старался запечатлеть в своей памяти.

— Единственное средство для того, чтобы не сбиться в пустыне с направления, мой дорогой Луис, — говорил Валентин, — это не пренебрегать ничем: самые ничтожные вещи могут быть для нас очень полезны. Посмотрите на эти потерянные ветви; ведь это тоже следы; но кто их

сделал? Человек ли тут проходил, или животное? Как вы думаете?

— Я думаю, что животное.

— На чем же вы основываете это предположение?

— Я заключаю это из того, что повреждения ветвей сделаны на расстоянии трех футов от земли, и думаю, что эти следы оставило преследуемое кем-нибудь животное, бросившееся в просеку.

— Гм! Предположение это очень далеко от истины; в пустыне умеют так же хорошо лазить, как и ходить. Осмотрите внимательно эти ветви, и вы увидите, что они умышленно свиты между собою, тогда как животное только содрало бы кору.

— Это правда, — отвечал молодой человек, — я бы не заметил этого.

— Чтобы быть хорошим охотником, надо все замечать, — сказал Валентин. — В этом-то и состоит наше ремесло, в котором вы, по всей вероятности, не будете иметь надобности.

— Быть может, отец мой, но я чувствую большую склонность к этому ремеслу.

— Все хорошо, что ново! Этот юношеский пыл скоро у вас остынет, дитя мое; но возвратимся к нашему разговору. Ветви сломаны человеком, который лез по ним. Вот посмотрите на этот след — не правду ли я вам сказал?

— Это след ноги человека! — вскрикнул Луис с удивлением.

— Да, но скажите мне, чей это след? Индейца или охотника?

— Ну, это невозможно, отец мой, ведь все же ноги имеют сходство между собою; разве не одну и ту же обувь носят и индейцы, и охотники?

— Да, это правда, но, во-первых, мы носим ее иначе, во-вторых, у нас походка совсем другая, наконец, в устройстве ноги индейца и охотника есть разница. Это след индейца, который шел на войну.

— Неужели вам могут быть известны такие подробности?

— Да. Посмотрите: позади этого следа заметна на земле еще небольшая черта. Не правда ли?

— Да. Но что же это?

— Это следы волчьих хвостов, которыми индейцы обыкновенно привязывают свою обувь; один из этих хво-

стов отвязался и волочился по земле. Теперь посмотрите на самое устройство ноги: у охотника она далеко не так сжата внутри, как эта; наконец, пятка отпечаталась гораздо яснее остальных частей ступни — это потому, что индейцы всегда больше на нее наступают. Не замечаете ли вы, как удален большой палец от остальных? Это оттого, что в этом месте протянут ремень, который стягивает башмак индейца.

— Все это совершенно верно. О, как много мне надо еще учиться! Однако я теперь гораздо больше знаю, чем час тому назад.

— Посмотрите, Луис, сквозь деревья. Ведь это лагерь краснокожих.

— Действительно...

— Пойдите, вам необходимо знать еще одну вещь.

— Что такое?

— Вы должны выучиться подражать крику животных и птиц, потому что это язык пустыни. Слушайте!

И Валентин закричал, подражая крику серого орла с таким совершенством, что Луис, хотя и был предупрежден, однако невольно поднял кверху голову, как бы ожидая увидеть орла.

Валентин расхохотался.

В эту минуту такой же самый крик послышался за деревьями, а почти вслед за тем явились Красный Нож и Анимики.

После первых взаимных приветствий Валентин и дон Луис приняли любезно приглашение вождей и, отправившись в их лагерь, сели у огня совета.

Валентину тотчас же предложили курить.

Вдруг с противоположной стороны лагеря снова раздался крик серого орла и повторился три раза.

Красный Нож и Анимики тотчас же встали и, ответив на этот сигнал, удалились.

Скоро они возвратились в лагерь в сопровождении капитана Гриффитса и капитана Джемса Форстера.

Когда все начальники заняли свои места около огня совета, Ашесто передал Красному Ножу большой калюме, наполненный дымящимися травами.

Калюме два раза обошел весь круг, потом Ашесто собрал с него пепел, подбросил его кверху и, оборотившись лицом к югу, проговорил:

— О, Ваканда! Ниспошли мудрость детям твоим. — Потом он, обращаясь к присутствующим, сказал: — Великий совет открыт.

Первое слово предложили капитану Грифитсу, избранному главнокомандующим всего союза.

Прежде всего он сообщил им свой план, начертанный Валентином Гиллуа; Грифитс не изменил в нем ни одного слова.

Краснокожие приняли этот план с энтузиазмом.

— Теперь я сообщу вам два приятных известия, — продолжал Грифитс. — В эту ночь прибыл в мой лагерь белый охотник и объявил мне, что краснокожие, бывшие союзники англичан, изменили английскому отряду, высланному губернатором Колумбии навстречу сиру Джоржу Эллиоту, и нанесли этому отряду такое сильное поражение, что нам теперь нечего страшиться неприятеля с этой стороны: потерпевшие англичане не скоро будут в состоянии снова начать военные действия.

— Мы сделаем с другим отрядом то же самое, — сказал Красный Нож.

— В этом нет никакого сомнения, — заметил Валентин. — Имеете ли вы какие-нибудь сведения о движении англичан?

— Я только что хотел сказать вам об этом, — отвечал Грифитс, — они расположились лагерем в двух лье отсюда, а к десяти часам намерены перейти ущелье; им еще неизвестна участь отряда, с которым они должны соединиться.

— Превосходно, — заметил Красный Нож.

— Ваконда покровительствует своим детям, — добавил Анимики, — он предаст им янки.

— Надо поспешить с приготовлениями к засаде, — сказал капитан Грифитс, — половина моих людей уже заняли позицию у входа в ущелье.

— Я займу левую сторону ущелья и беру на себя строить и охранять баррикаду, расставив своих стрелков по болоту, — сказал Валентин.

— Красный Нож со своими воинами отправится на правую сторону ущелья и поставит своих пеших стрелков на болоте.

— Анимики расположится с половиной своих всадников около Сожженных лесов у входа в ущелье; другая же

половина его отряда останется позади баррикады с воинами великого вождя Сожженных лесов.

— Какой у нас будет сигнал к нападению? — спросил Искатель следов.

— Крик серого орла, три раза повторенный, — отвечал капитан Грифитс.

— Мой брат, вождь Сожженных лесов, великий воин, — сказал Красный Нож, — его братья индейцы одобряют его план, он хорош; они в точности выполняют его распоряжения и победят янки*. Все краснокожие воины храбры; они смеются над смертью; мои бледнолицые братья увидят, как они дерутся.

— Нам известна храбрость краснокожих, и мы совершенно уверены в них.

— О! — сказал Анимики, — наши бледнолицые братья будут довольны; они дерутся, чтобы сохранить краснокожим их обширные охотничьи владения; сашемы любят их; они самые верные союзники.

Валентин Гиллуа встал, все остальные вожди последовали его примеру.

Совет окончился.

— Я поспешу соединить моих охотников, — сказал Валентин Гиллуа, — время дорого.

— Более всего я рассчитываю на вас, друг мой спаситель! — сказал капитан Грифитс, обращаясь к Валентину и с жаром пожимая его руку.

— Будьте покойны, — отвечал с улыбкой Искатель следов, — я даю вам слово.

— Я немного не доверяю индейцам; боюсь, чтобы они не изменили.

— Ваши опасения совершенно напрасны, мой друг; я вам ручаюсь за них; кроме того, они сами заинтересованы в этом деле. Краснокожие никогда не изменят нам, они не сделают этого ради меня, которого они любят и к которому питают полное доверие; будьте покойны, они выполняют свой долг. Кстати, справедливы ли известия, которые вы сообщили на совете относительно индейцев Колумбии?

— Это мой собственный вымысел. Я выдумал эту историю, чтобы ободрить наших союзников.

* Индейцы Канады до сих пор называют англичан янки, но слово это не следует смешивать с искаженным индейцами English.

— Но мы воспрепятствуем их соединению, будьте в этом уверены.

— Дай Бог!

— Он поможет нам!

И они расстались.

Каждый спешил к своему отряду, чтобы приготовить засаду, в которой заключалась гибель английской колонны.

Туман все более и более сгущался; в четырех шагах ничего не было видно, но этот мрак только способствовал успешным приготовлениям союзников, привыкших отыскивать направление чутьем и обладающих инстинктом, свойственным только диким обитателям пустыни.

Окончив постройку баррикады и расположив своих охотников согласно условленному плану, Валентин Гиллуа оставил при себе две части своего отряда под командой Бальюмера и Луиса.

Он хотел видеть, насколько сохранит присутствие духа его названный сын, в первый раз участвовавший в серьезном деле.

К десяти часам утра подул сильный ветер, и туман исчез, открывая, как занавес в театре, перед глазами собравшихся воинов великолепный пейзаж равнины, озаренной поднявшимся над горизонтом солнцем.

Глубокая тишина царствовала вокруг.

Вдруг перед Валентином очутился краснокожий.

— Ну что? — спросил Искатель следов.

— Янки приближаются; они идут спокойно и решительно, — отвечал индеец.

— Не подозревают ли они? — быстро спросил Валентин, — где они?

— Их авангард приблизился уже к ущелью не далее как на ружейный выстрел.

— Хорошо, пусть мой брат возвратится к своему посту; мы готовы.

Индеец исчез.

Позади баррикады Валентина Гиллуа находилась одна из групп деревьев, о которых мы упоминали выше.

Эти деревья были необыкновенно высоки.

Искатель следов сделал знак охотникам, и пять или шесть человек, вскинув ружья наперевес, бросились к

этим деревьям и влезли на них так высоко, как только было возможно.

Между тем Валентин подошел к баррикаде, чтобы осмотреть, все ли было в порядке и все ли находились на своих местах.

Подойдя к месту, где находились Бальюмер и дон Луис, он бросил украдкой взгляд на своего названного сына.

Молодой человек стоял, опершись на свое ружье; он был бледен, но на спокойном лице его выражалась твердая решимость.

— Ну что? — спросил его Валентин, — неприятель приближается, и через несколько минут мы встретим его лицом к лицу; как вы себя чувствуете, дитя мое?

— Недурно, отец мой; признаюсь, впрочем, что я нахожусь под влиянием какого-то необъяснимого беспокойства, но это пройдет.

— Друг мой, — отвечал Валентин, — мы все испытывали то же самое, когда в первый раз принимали участие в сражении.

— Выпейте немного старой французской водки, — сказал Бальюмер с улыбкой, — это ободрит вас.

— Нет, я вовсе не хочу искусственно воодушевлять себя! Но это пройдет само собою, это ничего более как невольное чувство самосохранения, которое овладевает человеком помимо его желания. Не беспокойтесь, у меня достанет силы воли преодолеть это непрощенное волнение, и я с полным сознанием выполню мой долг.

— Так и следует, дитя мое, — сказал Валентин, — не обращайтесь внимания на этот невольный трепет; все мы испытали это чувство, но, поборов в себе его один раз, мы уже не думали более ни о чем в такие минуты, как только чтобы восторжествовать над неприятелем.

— Я убежден в том, что дон Луис храбр и что он скоро докажет нам это на деле, — заметил Бальюмер.

— Благодарю вас, друг мой, — сказал молодой человек, с чувством пожав ему руку. — Да, вы скоро увидите, что я заслуживаю подобное о себе мнение.

В это время раздался крик серого орла и повторился три раза.

— Bravo! — прошептал Бальюмер. — Скорее, чем я предполагал.

В ущелье между тем завязался жаркий бой; выстрелы сливались в какой-то неумолкаемый гул, и битва, казалось, все более и более приближалась к выходу из ущелья.

Время от времени среди непрерывной перестрелки слышались угрожающие крики английских солдат и команда их офицеров.

Вдруг дикий воинственный крик индейцев огласил всю окрестность, и в середине ущелья завязалась страшная схватка, среди которой раздавались стоны, угрозы, ропот и крики победы.

Сир Джорж Эллиот был не только храбрый воин, но и превосходный полководец.

Ввиду только крайней необходимости соединиться с другим английским отрядом он решился проникнуть в это опасное ущелье, которое невозможно было избежать.

К тому же ему и в голову не приходило, чтобы капитан Грифитс с горстью своих авантюристов отважился напасть на хорошо организованный отряд, состоящий из шестисот опытных солдат.

Англичане вступили в ущелье без малейшего подозрения о засаде; они были уже почти в середине ущелья, и мысль об угрожающей опасности даже не приходила им в голову, как вдруг раздался сигнал, вслед за тем на них посыпались выстрелы со всех сторон в одно и то же время, и они очутились лицом к лицу с неприятелем.

В первую минуту они решились было возвратиться назад, но Сожженные леса уже отрезали им путь к отступлению.

Полковник обнажил саблю и с криком «вперед!» бросился к выходу из ущелья.

Это было в ту минуту, когда краснокожие со страшным криком напали на неприятеля.

Англичане, отстреливаясь насколько позволяла им поспешность, с которой они старались выйти из ущелья, проходили буквально между двумя огнями.

Наконец они вышли на шоссе.

То, что они считали своим спасением, было их окончательной гибелью, потому что на болоте их встретили охотники под командой Валентина.

Борьба была ужасна; англичане сражались с отчаянием, никто из них не думал просить пощады.

Оставшиеся в живых человек сто или сто пятьдесят из всего отряда устраивали баррикады из трупов убитых лошадей и продолжали защищаться с геройской отвагой, твердо решившись скорее умереть, чем сдаться.

— Стой! — раздался вдруг голос Валентина Гиллуа. — Перестаньте стрелять!

Выстрелы прекратились, и Валентин в сопровождении дона Луиса, который не отставал от него ни на шаг, подошел к английским баррикадам, сооруженным из трупов лошадей.

Оба они были без оружия.

— Что вам угодно? — спросил полковник, опуская шпагу.

— Мы хотим сохранить вам жизнь.

— Мы не просим вас об этом! — гордо отвечал полковник. — Мы хотим умереть!

— Да, да! Мы хотим умереть! — повторили все солдаты.

— Но ведь это безумие. Выслушайте меня.

— Ничего мы не хотим слушать, — отвечал полковник. — Вы устроили против нас подлую засаду, вы убили наших товарищей, и мы умрем здесь все до последнего, но прежде отомстим!

— Месть врагам! — закричали солдаты.

— Выслушайте меня, умоляю вас! я обещаю вам жизнь и свободу! даю вам честное слово...

— Уйдите! Мы не верим ни вашему слову, ни вашим обещаниям. Защищайтесь!

Полковник снова поднял шпагу.

Все солдаты последовали за ним, и битва снова началась, но еще ожесточеннее.

Луис дрался впереди всех и собою прикрывал Валентина от неприятельских выстрелов.

Вдруг он пошатнулся и опрокинулся навзничь.

Первым движением Валентина было поднять своего сына, но, к его радости, Луис тотчас же сам вскочил на ноги.

Пуля попала в пряжку, которой застегивался его пояс, и не причинила ему ни малейшего вреда.

Между тем ряды англичан редели с каждой секундой; они падали, как зрелые колосья под косой.

Это уже не было сражение, а скорее страшное, неслыханное побоище.

Вскочив на ноги, Луис увидел, что полковник был один и с отчаянием защищался против четырех охотников, нападавших на него со всех сторон.

— О, я спасу его! — вскричал он.

Прыгнув, как тигр, в середину этой схватки, он бросился к полковнику и оттолкнул нападающих.

— Сдавайтесь, вы мой пленник! — закричал он, бросаясь в его руки.

— Назад! — закричал Валентин.

Нападающие охотники удалились искать другие жертвы.

Полковник бросил печальный взгляд вокруг себя.

Все его товарищи были убиты, один только он оставался на ногах.

— Бедные мои солдаты, мои дети! — прошептал он с отчаянием.

— Пойдемте, пойдемте, полковник! — сказал Луис, стараясь отвлечь его от этого неприятного зрелища.

— Благодарю вас, добрый молодой человек, — отвечал полковник, — и вас также, храбрый охотник, — прибавил он, обращаясь к Валентину, — благодарю вас за одолжение, которое вы мне сделали, но оно для меня бесполезно. Посмотрите: меня окружают только трупы моих несчастных товарищей, павших жертвами этого страшного побоища. Я остался один в живых, но я не хочу этого. Прощайте! Еще раз благодарю вас!

Он мгновенно достал из-за пояса револьвер и выстрелил себе в висок, прежде чем Валентин и Луис успели помешать.

Валентин и Луис поспешили удалиться с поля боя.

Итак, победа союзников была полная, колонна сира Джоржа Эллиота была уничтожена.

Союзникам досталось много продовольствия, солдатская амуниция и прочие военные принадлежности.

Валентин настоял на том, чтобы все тела были тотчас же погребены, что и было исполнено.

Благодаря выгодной позиции союзников потеря с их стороны была незначительна; убитыми и ранеными было не более тридцати человек.

Теперь, как и всегда в подобных обстоятельствах, индейцы потерпели более всех.

Союзники расположились лагерем на поле битвы.

На следующий день они расстались.

Краснокожие удалились тотчас же после раздела добычи.

Джемс Форстер отправился по поручению Грифитса с тремястами человек навстречу отряду, вышедшему из Колумбии.

Валентин отправил в пещеру Воладеро пятьдесят человек под командой Кастора.

Потом Джон Грифитс и Валентин Гиллуа, соединив свои отряды, отправились вместе к Прыжку Лося на реке Журдан.

Луис также был с ними.

Два боковых дуба

Прошло десять дней.

Лагерь охотников находился теперь в живописной местности, называемой Прыжок Лося, на левом берегу реки Журдан.

Не далее как на ружейный выстрел от них расположился лагерь капитан Грифитс со своим отрядом.

На противоположной стороне реки раскинули свои палатки мормоны.

Эти десять дней ознаменовались многими событиями, которые мы сообщим читателю в нескольких словах.

Спустя несколько часов после отъезда Валентина Гиллуа из Воладеро дон Грегорио Перальта долго разговаривал о чем-то наедине с донной Розарио.

Разговор этот сильно расстроил молоденькую девушку, слезы градом катились по ее щекам, когда она слушала дона Грегорио, который тщетно старался утешить ее.

— Я исполню волю отца моего, — сказала она голосом, в котором слышалась глубокая печаль, — но я не перенесу этого.

И она удалилась, пошатываясь, между тем как давно сдерживаемые рыдания вырвались из ее груди.

— Хорошо ли я поступил? — задумчиво проговорил дон Грегорио. — Что, если, повинаясь последнему желанию отца своего, она будет несчастна?

В это время к нему подошел Курумилла.

— Зачем Седая Голова заставил плакать Розовую Лилию? — сказал он, положив руку на его плечо. — Валентин будет очень огорчен печалью молодой девушки. Отчего мой брат не предоставил Искателю следов самому передать ей волю его молочного брата Луиса? Мой брат поступил необдуманно.

Дон Грегорио молча опустил голову; он начинал сознавать свою ошибку.

Вечером, перед заходом солнца, Бенито Рамирец возвратился в Воладеро с десятью солдатами отряда Сожженных лесов и с крепко связанным капитаном Кильдом, которого он успел поймать.

Бандит отчаянно защищался, но, наконец, должен был уступить далеко превосходявшей его силе.

Дон Грегорио тотчас передал воинам отряда Сожженных лесов приказание их вождя.

Бенито Рамирец просил дона Грегорио позволить ему повидаться с донной Розарио.

Но молодая девушка, узнав о прибытии своего возлюбленного, сама поспешила к нему навстречу.

Она страшно изменилась в это короткое время; на ее бледном, изнеможенном лице заметны были следы недавних слез; в ее впалых глазах выражалось глубокое страдание, между тем как ее поблекшие губы были осенены печальной улыбкой.

— Боже мой! — вскричал с испугом молодой человек, — что случилось? Неужели вас постигло новое несчастье?

— Ужасное несчастье, — отвечала она, тщетно стараясь подавить в себе рыдания, — забудьте меня, Октавио!

— Вас забыть? Но разве это возможно?

— Забудьте меня, — повторила она, — это неизбежно! Мы должны расстаться навсегда!

Она долее не выдержала и повалилась без чувств на руки Курумиллы, который вовремя успел оказать ей эту помощь.

— Боже мой, Боже мой! — восклицал разбитым голосом Рамирец. — Что это значит? Возможно ли это? О, я должен знать, я хочу знать причину этого несчастья!

Он снова бросился к молодой девушке, но Курумилла остановил его.

— Пусть мой брат не унывает, — сказал он.

— Не унывать! — прошептал молодой человек, падая на грудь мехов и рыдая, как ребенок, — не унывать! Возможно ли это, когда сердце мое разбито?

— Ничего, это пройдет, — возражал вождь, — надейтесь, вам говорит это Курумилла; Валентин ничего не знает; надейтесь, говорю вам.

В эту минуту Блю-Девиль, видевший издали всю эту сцену, подошел к дону Грегорио.

— Вам бы следовало, прежде чем начать действовать, переговорить с Валентином.

— Быть может, — сказал печально дон Грегорио.

— Можно ли после этого поверить, что вы любите донну Розарио? Посмотрите, как эти молодые люди любят друг друга, а вы разрушили их счастье.

— Что вы хотите этим сказать? Вы меня пугаете.

— Я хочу сказать, что вы убили этих молодых людей, — резко ответил Блю-Девиль.

— Валентин любит Розовую Лилию, как свою дочь, он никогда не простит вам зла, которое вы ей сделали, — сказал Курумилла.

— Он проклянет вас, — добавил Блю-Девиль.

— О нет, я не допущу этого! Я хочу, чтобы она была счастлива!

— И вследствие этого отнимаете у нее того, кто ей дороже всего на свете! — сказал с иронией Блю-Девиль.

— Но это воля ее отца!

— Ее отец желал ей счастья, но не смерти; она умрет, если не выйдет за того, кого любит.

— Нет, этого не будет! — вскричал дон Грегорио. — Если она умрет, то не через меня! — прибавил он, направляясь к пещере, в которой скрылась донна Розарио.

Он там пробыл довольно долго.

— Ну что? — спросил Блю-Девиль, когда дон Грегорио снова появился.

— Ничего, она чувствует себя гораздо лучше и спокойнее; я утешил ее и подал ей надежду.

— Вы поступили бы гораздо лучше, если бы не говорили ей всего этого; она была бы тогда несравненно счастливее и спокойнее.

— Правда, правда! Я сознаюсь, что поступил необдуманно глупо!

Мало-помалу дону Грегорио, Курумилле и Блю-Девилу удалось, наконец, успокоить немного молодых людей, в сердца которых снова возвратилась надежда.

Однако они все еще были печальны: сомнение вкралось в их души и поколебало их счастье.

Тотчас же по заходу солнца, на третий день после отъезда Валентина Гиллуа, в Воладеро прибыли охотники под командой Кастора.

Их прибытие было встречено всеобщей радостью.

Когда Кастор рассказал обо всем случившемся, донна Розарио была в восторге от благородных подвигов своего брата, рисковавшего своей жизнью, чтобы спасти Валентина.

Потом Кастор передал распоряжения Валентина, которые состояли в том, чтобы он, Кастор, отвел в Форт-Снеллинг женщин и детей, отнятых у капитана Кильда.

Искатель следов ассигновал на каждую из этих несчастных по двести долларов и по сто долларов на каждого из детей, чтобы доставить им на первое время все необходимое; кроме того, Валентин приказал представить бывших невольниц властям этого города и попросить последних позаботиться о возвращении жертв капитана Кильда их семьям.

Конвой в пятнадцать охотников должен был проводить их до Форт-Снеллинга.

Октавио Варгас, посоветовавшись с Курумиллой, которому он вполне доверял, решился сам проводить женщин.

Тогда Кастор передал ему два письма.

Одно было адресовано банкиру Искателя следов, другое — на имя губернатора Форт-Снеллинга.

Радость пленниц не имела пределов, когда они узнали о своей участи.

Они сожалели только о том, что не имели возможности выразить свою глубокую признательность своему избавителю.

На следующий день, на восходе солнца, дон Рамирец собрался в дорогу; он спешил скорее отправиться, чтобы скорее возвратиться.

Спустя два часа после его отъезда Курумилла, который перед тем долго разговаривал с Кастором, отправил-

ся по следу молодого человека, взяв с собой четырех смелых охотников.

Как всегда, он исчез, не сказав никому ни слова.

Кастор и его товарищи начали между тем готовиться к отъезду.

Приготовления эти были довольно продолжительны, потому что в лагере охотников было много багажа, который надо было собрать и уложить.

К счастью, в лошадях недостатка не было, потому что охотники, отправляясь в экспедицию, оставили своих лошадей в Воладеро.

Наконец, два дня спустя после отъезда Бенито Рамиреца все лошади были навьючены багажом, и охотники на третий день утром, в восемь часов, оставили Воладеро.

Пленники были сопровождаемы крепким конвоем. В первые два дня путешествия с охотниками не случилось ничего особенного.

На третий день, часа за два до ночной стоянки, при переходе через одну довольно опасную местность в караване наших путешественников произошел беспорядок, так как в этом узком проходе с трудом можно было провести лошадей.

Вдруг раздалось несколько выстрелов, направленных в охотников, которые старались восстановить порядок между взволновавшимися от этой неожиданности животными.

Вслед за тем на одном из утесов показался человек, в свирепой наружности и вообще во всей фигуре которого было что-то демоническое; одним громадным прыжком он очутился около донны Розарио, которая была выбита из седла падением лошади, пораженной в голову выстрелом одного из невидимых врагов наших путешественников; крепко обхватив руками молодую девушку, бандит взвалил ее на плечи и скрылся в чаще леса.

Но ему не суждено было далеко уйти со своей драгоценной ношей.

Не успел он сделать нескольких шагов, как в погоню за ним бросились Пелон и Курумилла, внезапно появившиеся на месте этого происшествия.

Пелон скоро настиг разбойника и мужественно напал на него, но последний схватил одной рукой ружье и

замахнулся прикладом на своего противника. Пелон быстро отскочил в сторону, но не успел избежать сильного удара, повергнувшего его на землю.

Падая, молодой человек метнул в бандита свой нож с такою силою, что клинок его совершенно исчез в груди последнего.

Разбойник, который был не кто иной, как презренный Линго, зарычал, как дикий зверь.

— Я задушу тебя, червяк! — вскричал он с яростью.

И, замахнувшись снова, ударил прикладом молодого человека в голову.

Пелон опрокинулся навзничь и лишился чувств.

Вдруг Линго почувствовал, что кто-то схватил его за волосы так сильно, что голова его совсем откинулась назад.

Он невольно выпустил из рук донну Розарио и, стараясь вырваться, упал на колени.

— Я погиб! — прошептал бандит с испугом, увидев перед собой Курумиллу.

Вождь, продолжая держать левой рукой разбойника за волосы, вытащил правой рукой свой острый нож и, придушив коленями своего противника, скальпировал его голову.

— Умри, собака! — сказал он с презрением.

Сильно потянув бандита за волосы, вождь сорвал их с головы последнего вместе со скальпированным телом.

Обезумевший от боли Линго, по лицу которого струились целые потоки крови, сделал над собой сверхъестественные усилия, чтобы подняться, и, пошатываясь, направился к деревьям, где некогда были повешены охотниками его товарищи.

— Ты будешь так же повешен, как и твои товарищи, — сказал неумолимый вождь голосом, от которого бандит невольно вздрогнул.

Затем он протянул веревку под руки Линго, и через несколько секунд бандит висел на значительной высоте, покачиваясь в воздухе.

— Сжался надо мною! Убей меня! — умолял Линго хриплым голосом.

— Нет, — твердо отвечал Курумилла, — ты не щадил никого, не ожидай же сострадания! Ты будешь висеть, пока смерть прекратит твои мучения.

Скоро вождь присоединился к путешественникам, которые, прибыв на место ночлега, расположились на отдых.

Спустя три дня охотники достигли без дальнейших приключений Прыжка Лося, где их ожидал Валентин Гиллуа уже несколько дней.

Благодаря вниманию Джона Грифитса, которое он старался оказать Валентину Гиллуа, для донны Розарио была приготовлена со всевозможными удобствами та самая хижина, в которой некогда пробыла несколько дней донна Долорес де Кастелар.

Теперь эта хижина была обставлена такой роскошью, какую не всегда можно встретить даже и в населенных городах Нью-Йорке и Новом Орлеане.

Оставив молодую девушку на попечение преданных ей Гарриэты Дюмбар и Пелона, Валентин вошел в хижину, где поместились Кастор и Курумилла.

Кастор рассказал ему со всевозможными подробностями обо всем случившемся с той минуты, когда он оставил долину, названную Английской долиной в честь блистательного поражения англичан.

— Отчего же вы возложили на Бенито Рамирсеца обязанность проводить невольниц в Форт-Снеллинг?

— Я вовсе не возлагал на него этой обязанности, тем более что не считал себя вправе сделать это, но он сам предложил заменить меня и настаивал на этом.

— Странно! — заметил Валентин, взглянув вопросительно на Курумиллу.

Вождь молча улыбнулся.

— Бенито Рамирец показался мне очень печальным и озабоченным, — продолжал Кастор.

— Печален и озабочен? Бенито Рамирец? — спросил Валентин с изумлением.

— Да, — отвечал Кастор.

Когда охотник рассказал о внезапном нападении Линго, Валентин несколько успокоился.

— Ну, теперь для меня совершенно понятно дурное настроение моей названной дочери, которое она, очевидно, старалась скрыть от меня; такой сцены совершенно достаточно, чтобы расстроить молодую девушку.

Курумилла снова улыбнулся, но на этот раз в его улыбке проглядывала некоторая ирония, обеспокоившая Валентина.

— Храбрый друг мой, — сказал Валентин, когда Кастор окончил свой рассказ, — вы мне оказали так много услуг, что я не знаю, буду ли иметь когда-нибудь случай отплатить вам за всю вашу ко мне преданность.

— Напротив, я считаю себя должником вашим, а потому и желал бы, чтобы наш счет был отложен на неопределенное время.

Он поклонился и вышел.

— Вы, кажется, хотите мне что-то сказать? — спросил Валентин Курумиллу после некоторого молчания.

— Да, — отвечал вождь. — Курумилла знает все.

— В таком случае скажите мне, отчего Бенито Рамирец взял на себя это поручение?

— Бледнолицый охотник любит Розовую Лилию.

— Я знаю. Уж не поссорились ли влюбленные?

— Нет, Седая Голова был причиной всему этому.

— Как, дон Грегорио, который так любит донну Розарио и который мне так предан? Вы ошибаетесь, вождь.

— Курумилла не ошибается.

И он рассказал Искателю следов обо всем происшедшем.

— О, дон Грегорио должен разъяснить мне эту загадку! — воскликнул Валентин, вскочив со своего места. — Я сейчас же отправлюсь к нему...

— Нет, пусть мой брат подождет до приезда Рамиреца.

В это время в хижину вошел Бальюмер.

— Мормоны желают говорить с вами, друг мой.

— Попросите их войти.

Бальюмер вышел и через минуту возвратился с тремя мормонами.

Валентин вежливо приветствовал посетителей и попросил их садиться.

— С кем имею честь говорить и что вам угодно? — спросил он.

— Мы смиренные даниты, — отвечал один из мормонов, — посланные пророком Бриггамом Юнгом к капитану Грифитсу, чтобы просить его содействия в аресте данита преступника Гарри Брауна, который убил одного из наших братьев. Капитан Грифитс сказал нам, что презренный изменник находится в ваших руках.

— Это правда.

— Мы пришли теперь просить вас, чтобы вы предали нам этого преступника.

— Нет, господа, этот человек сделал несколько других преступлений, в которых он должен отдать мне отчет, и потому я не могу предать его вам; но сегодня этот преступник, а также и один из его соучастников будут судимы импровизированным судом, состоящим из трех Сожженных лесов, трех охотников и трех мормонов. Приговор суда будет немедленно исполнен здесь, в моем лагере.

Мормоны молча поклонились и вышли.

Через час суд, состоящий из Валентина Гиллуа, Бальюмера, Курумиллы, Ионафана Моберта, двух мормонов, Джона Грифитса, лейтенанта Маркотета и капитана Джемса Форстера, собрался под деревом, находящимся в центре лагеря.

Перед ними стоял, охраняемый стражей, один из пленников.

Это был мнимый капитан Кильд.

Он окинул судей самонадеянным взглядом, поклонился им и сел на приготовленную для подсудимых скамейку.

— Как ваше имя? — спросил Валентин.

— Геден Кильд, — отвечал обвиняемый.

— Откуда вы?

— Из Массачусетса.

— Сколько вам лет?

— Пятьдесят три.

— Чем занимаетесь?

— Покупаю женщин и детей и доставляю их мормонам.

— Вы обвиняетесь в насильственном похищении нескольких женщин и детей с целью продать их мормонам.

— Это неправда.

— Вас также обвиняют в похищении одной молодой девушки, испанки.

— Это ложь, я купил ее у ее родителей. В моих бумагах вы найдете акт, свидетельствующий об этой покупке.

— Вы обвиняетесь в нескольких убийствах и, между прочим, в убийстве Гедена Кильда.

— Это тем менее вероятно, что я сам Геден Кильд.

— Итак, вы не желаете признаться ни в одном из ваших преступлений?

— У меня нет преступлений.

— Хорошо, мы даем вам полчаса для размышлений. Уведите обвиняемого и приведите его товарища.

Ко второму пленнику Валентин обратился с теми же вопросами.

Обвиняемый отвечал, что его имя Давид Стиллер, что он уроженец столицы Перу, что ему сорок семь лет, что он приглашен был в Сен-Луи Миссури на службу к капитану Кильду и что более ничего не имеет сказать.

Пленник добавил, что он положительно не понимает, каким образом он подвергнут военному суду, тогда как он не только не виновен, но даже не участвует ни в каком преступлении.

— По всей вероятности, вы забыли, что пойманы на месте преступления, что вас схватили в ту самую минуту, когда вы, в качестве шпиона капитана Кильда, старались подсмотреть, что происходит в нашем лагере. Вас обвиняют в присвоении чужого имени и в соучастии в нескольких похищениях молодых девушек и убийстве капитана Кильда.

— Это чистейшая ложь.

— Так вы тоже ни в чем не хотите признаться?

Пленник на минуту задумался.

— Нет, — отвечал он потом, — я не чувствую за собою ни одного преступления.

Валентин приказал привести другого пленника.

— Подумали ли вы? — спросил он его.

— Мне не о чем было думать, — отвечал мнимый Кильд коротко.

— Но ведь вам докажут, что вы виновны во всех перечисленных мною преступлениях.

— Для меня было бы очень интересно слышать эти доказательства.

По знаку Валентина Бальюмер вышел и через минуту возвратился в сопровождении Блю-Девилья, который вместо охотничьего костюма был одет с ног до головы в черное.

Увидев его, капитан Кильд вскочил со своего места и хотел подойти к пришедшему, но охотники остановили его, и он снова опустился на скамейку.

— Знаете ли вы этого господина? — спросил его Валентин.

— Да, это мой бывший лейтенант.

— А вы? — обратился Валентин ко второму обвиняемому.

— Я его тоже знаю. Это бывший лейтенант капитана, пользовавшийся полнейшим его доверием, который потом подло изменил капитану и обокрал его, — отвечал бандит, между тем как нервная дрожь охватила все тело его. — Я не понимаю, — продолжал он, — как можно принимать во внимание свидетельское показание такого мерзавца.

— Вы оба лжете бессовестно! — вскрикнул Блю-Девиль с жаром. — Довольно уж и так мы разыгрывали комедию. Долой маски! Я начинаю, берите с меня пример.

Одним быстрым движением он сорвал свой парик, сбросил фальшивую бороду и вытер свое лицо платком.

В одну минуту он так преобразился, что никто не признал бы в нем прежнего Блю-Девилья.

— Теперь вы узнаете меня, подлецы? — вскричал он, поднимая голову.

— Джон Естор! Вождь тайного луизианского общества! — вскрикнули почти в одно время оба бандита с невыразимым ужасом.

— Я погиб, — прошептал капитан глухим голосом.

Его товарищ дрожал всем телом и не мог произнести ни слова.

— Да, Джон Естор, вождь тайного луизианского общества, — продолжал Блю-Девиль. — Вот уж пять месяцев, как я вас подстерегаю, разбойники! Пять месяцев, как я следую за вами шаг за шагом, не упуская из виду ни одного из ваших движений. Павлет, мой друг, будьте так добры, прикажите привести в порядок туалет этих господ.

По знаку Павлета несколько охотников схватили мошенников и таким образом поставили их в невозможность пошевелиться.

Тогда Павлет приблизился к бандитам, сорвал с них парики и фальшивые бороды и, смочив губку, вытер их лица, чтобы стереть следы краски, употребляемой ими для изменения цвета лица.

Превращение было еще блистательнее первого.

Мнимый капитан Кильд оказался молодым человеком не более тридцати лет, с красивой, надменной и дерзкой

физиономией, в которой между тем проглядывала самая утонченная хитрость.

Называвший себя Давидом Стилдером был человек лет пятидесяти с типичной испанской физиономией.

В одной из предшествующих глав мы описывали подробно лица их обоих, а потому ограничиваемся теперь только этими их общими чертами.

— Ну, *finita la comedia!* Я сознаюсь, что я Гарри Браун, — сказал капитан Кильд.

— Но ведь вы также и Корнелио Бустаментэ, проворовавшийся кассир?

— Какой дьявол доставляет вам все эти сведения? — воскликнул бандит с отчаянием.

Джон Естор, не отвечая ему, обратился к заседавшим в суде.

— Господа, — сказал он, — этот Корнелио Бустаментэ, называвший себя Гарри Брауном, капитаном Кильдом и многими другими именами, был присужден семью штатами, пять раз он присутствовал на суде, а два раза не явился. Тождество всех присвоенных им имен доказано теперь самым законным образом; правосудие должно сделать наконец свое дело. Вот вам доказательство всего мною сказанного, — добавил он, бросая на стол бумагу.

— Хорошо, — сказал спокойно бандит, — я погиб, но почтенный мой родственник, дон Мигуэль де Кастель-Леон, совершивший множество убийств, продавший мне свою племянницу, не задумавшийся убить своего отца и свою мать, — также должен быть наказан; если суд не обратит внимания на все мною перечисленные преступления и оправдает его, то это будет несправедливо.

Суд приговорил обоих бандитов к смерти с тем, чтобы приговор его над Корнелио Бустаментэ был исполнен мормонами.

Преступник громко протестовал против последнего приговора, заявляя, что он не заслуживает мучений, которым, по всей вероятности, подвергнут его мормоны, но охотники заставили его замолчать и передали мормонам, которые, подвергнув бандита страшным мучениям, повесили на одном из деревьев.

После захода солнца был также исполнен приговор над Мигуэлем Тадео де Кастель-Леон: он был повешен без предварительных мучений.

Бандит в опасности и торговец женщинами

На следующий день с восходом солнца исчезли все следы этой ужасной трагедии.

Погода была превосходная.

Валентин Гиллуа перед отъездом велел приготовить великолепный завтрак, на который пригласил вождей мормонов и Сожженных лесов.

Во время завтрака Ионафан Моберт передал Валентину письмо от Бриггама Юнга, в котором последний, выражая свою искреннюю благодарность Искателю следов за оказанные им услуги, приглашал его к себе в Дезере и сообщал Валентину, что он может беспрепятственно проходить со своими охотниками во всякое время по территории мормонов.

Джон Грифитс, со своей стороны, вручил Валентину письмо, в котором союзники Красной реки старались выразить ему глубокую признательность за помощь, оказанную Искателем следов их союзникам, Сожженным лесам.

Полчаса спустя мормоны и Сожженные леса разошлись по двум различным направлениям.

Отдав распоряжение сделать необходимые приготовления к отъезду, Валентин зашел в хижину, где находились: Курумилла, дон Грегорио Перальта, Октавио Варгас, Луис и Джон Естор.

— Попросите сюда, дитя мое, сестру вашу, — сказал он, обращаясь к своему названому сыну.

— Теперь, дорогой мой дон Грегорио, — продолжал он, когда молодой человек вышел, — я попрошу вас передать мне письмо моего дорогого брата Луиса де Пребуа-Крансе; мне кажется, что теперь наконец настала минута, когда я могу прочесть его.

Дон Грегорио молча передал письмо Искателю следов.

— Вам, без сомнения, известно содержание этого письма, — сказал Валентин, рассматривая печать, которая была неприкосновенна.

— Я вам говорил уж об этом, мой друг, в Новом Орлеане, — отвечал дон Грегорио и продолжал слегка дрожащим голосом: — Я только выполнил буквально последнее желание вашего брата...

— Я и не думаю в чем-нибудь упрекать вас, мой друг, — перебил его тихо Искатель следов. — Я знаю, какой тесной дружбой вы были связаны с Луисом и какое живое участие вы принимаете в его детях.

В эту минуту вошли дон Луис и его сестра.

Донна Розарио была бледная и взволнованная.

— Дорогие дети мои, — сказал Валентин, — ваши родители должны быть очень счастливы, если могут с высоты неба видеть нас в настоящую минуту, когда нам удалось, наконец, побороть все препятствия и оградить по возможности от опасностей ваше будущее. Но я считал бы свой долг невыполненным, если бы не позаботился о вашем будущем счастье. Вот письмо вашего отца; я не знаю еще его содержания, потому что хотел узнать его волю в вашем присутствии. Теперь же, когда мы все трое можем услышать его последнее желание, я приступлю к чтению этого письма.

— Я знаю волю отца моего, — отвечала донна Розарио дрожащим от волнения голосом, — дон Грегорио передал мне содержание этого письма, и я готова повиноваться вам, мой друг...

— Дорогая моя Розарио, — перебил ее Валентин, — ваш отец завещал мне вас, вы теперь моя дочь. Отчего же вы не хотите называть меня именем, которое вы еще недавно произносили с такою радостью?

— Мой... отец! — сказала молодая девушка с глазами полными слез.

— Да, ваш отец, дорогое дитя мое; мой брат завещал мне вас, и я свято выполню мой долг...

Говоря это, Валентин дрожащей рукой сломал печать, вынул письмо и приступил к чтению.

Содержание письма было следующее:

«Дорогой друг мой и брат Валентин.

Пишу тебе эти строки под впечатлением тяжелого предчувствия. Враги мои окружают меня все теснее и теснее своими сетями. Я чувствую, что мне угрожает большое несчастье. К сожалению, тебя здесь нет, чтобы защитить меня, — тебя, которому я обязан жизнью жены моей и счастьем, которым я наслаждался в течение двадцати пяти лет.

Со дня твоего отъезда за мной постоянно следят. Я знал, где ты находился, что ты делал, и это было для меня единственным утешением. Часто я намеревался отыскать тебя, чтобы обнять, но меня всегда удерживала боязнь растравить рану твоего сердца. Сегодня, ввиду грозящей мне опасности, я решился писать тебе; письмо это — мое духовное завещание. Когда ты его получишь, Розарио, моя дорогая Розарио и я, мы не будем уже существовать, и двое детей моих останутся сиротами, одними, слабыми, беззащитными, среди неумолимых врагов наших.

Единственный мой друг, на которого я могу вполне положиться, передавая тебе это письмо, сообщит тебе, без сомнения, все подробности ужасной катастрофы, которая прекратит мою жизнь и осиротит моих детей. Я не прошу тебя мстить моим врагам, а только заменить меня детям моим, которых я завещаю тебе; теперь они твои; от тебя одного зависит их счастье или несчастье. Ты не чужой им, потому что с тех пор как они начали понимать, мы много говорили им о тебе и старались внушить им любовь к тебе такую же сильную, как они чувствуют к нам. Луис, мой сын, — это честный и добрый мальчик, которого ты, наверно, полюбишь с первой минуты. Моя дочь Розарио — скромная, грациозная и прекрасная, как ее мать, она тебя любит. Расставаясь с жизнью, мы утешаем себя надеждой, что ты не откажешься исполнить наше последнее желание — женившись на ней.

Прощай, дорогой брат мой. Молю небо, чтобы заветная мечта моя осуществилась, и повторяю, что счастье детей моих в твоих руках.

27 августа 1856 года.

Луис, граф де Пребуа-Крансе».

Окончив это длинное послание, Валентин обнял детей своих и крепко прижал их к своему сердцу.

Все присутствующие казались сильно взволнованными.

— О отец, отец! — воскликнула донна Розарио, поднимая к небу глаза полные слез, — я исполню волю твою!

— Тише, дитя мое! — остановил ее Валентин. — Вы не поняли воли отца вашего: он завещал мне вас, как другу, как брату своему; он возложил на меня священный долг, который я выполняю. Пойдите сюда, Октавио. Дорогие дети мои, — продолжал он, взяв за руку донну Розарио и Октавио Варгаса, — вы любите друг друга святой и чистой любовью. Исполняя последнюю волю брата моего, который вверил мне счастье детей своих, благословляю союз ваш.

Молодые люди бросились в его объятия.

Два часа спустя охотники оставили Прыжок Лося.

Прошло два месяца.

Охотники прибыли в Санта-Розу, асиенду дона Октавио Варгаса, которая считалась одним из самых обширных и самых богатых поместий в Мексике.

Однажды вечером, через несколько дней после свадьбы донны Розарио и дона Октавио, Валентин объявил, что на следующий день намерен оставить их.

— Как, вы хотите уехать от нас! — воскликнули почти в одно время молодые люди.

— Да, дети мои, вы любите друг друга, вы счастливы, теперь я не нужен вам; пора мне заняться своими делами. Кроме того, я так привык к скитальческой жизни, что не могу оставаться долго на одном месте.

— О! Неужели у вас, отец мой, достает духу оставить нас, которые вас так любят и которых единственное теперь желание — не расставаться с вами ни на минуту? — сказала донна Розарио.

— Я знаю, дети мои, что вы очень добры и любите меня, но не удерживайте меня, потому что это бесполезно. Мне будет тесно у вас, потому что я привык к простору, сроднился с жизнью, исполненной тревог и всевозможных приключений, словом — с жизнью пустыни.

— Но могу ли я быть счастлива, зная, что никогда более не увижу вас!..

— Вы ошибаетесь, дитя мое: я слишком люблю вас, чтобы решиться оставить вас навсегда. Напротив, я даю вам слово часто приезжать к вам.

— Но вы были бы гораздо счастливее, оставаясь с нами; мы посвятили бы себя всецело попечениям о вас...

— Все это я знаю, дитя мое, но решение мое непоколебимо.

— Не настаивайте, донна Розарио, — сказал дон Грегорио, — потому что это бесполезно; отец ваш старался удержать его в продолжение двадцати пяти лет и не успел в этом. Он может быть счастлив только при полной свободе. Свобода — это его жизнь. Притом же он дает слово часто навещать вас и, конечно, исполнит его.

— Вы правы, мой друг: свобода — это жизнь моя, — отвечал Валентин, пожав ему руку. — Надеюсь, что вы теперь не станете удерживать меня, дети мои. Итак, прощайте, друзья мои!

— Я вижу, что необходимо повиноваться вам, отец мой, — сказала донна Розарио со слезами на глазах.

Она едва могла сдерживать рыдания.

Прощанье было довольно продолжительным; наконец Валентин удалился в свою комнату.

На следующий день с восходом солнца Искатель следов и Курумилла оставили асиенду.

Тишина царствовала вокруг; казалось, все еще спали; между тем, когда они оглянулись назад еще в последний раз, две прекрасные женские головки показались в одном из окон асиенды и печально следили глазами за их удалением.

Искатель следов был печален и задумчив; он никак не мог объяснить себе поведения Луиса, который, присутствуя при прощанье, оставался к нему совершенно холоден; молодой человек ни одним словом не постарался выразить ему свое расположение или удержать его; он обнял своего названного отца так же равнодушно, как и каждый вечер, и утром, в минуту отъезда, он даже не вышел проводить его.

Холодность молодого человека глубоко оскорбила Валентина.

— Боже! Неужели я заслужил такую неблагодарность!

И он снова предавался размышлениям.

Около одиннадцати часов сделалось довольно жарко и пора было остановиться на несколько часов, чтобы дать отдохнуть лошадям и переждать жару.

— Избрали ли вы место для отдыха? — спросил Валентин, который в продолжение всей дороги не сказал ни одного слова.

— Да, — лаконически отвечал Курумилла.

— Далеко ли отсюда?

— Мы уже приехали.

Валентин поднял голову и радостно вскрикнул.

Перед разложенным огнем сидел Луис и усердно был занят приготовлением завтрака.

Молодой человек быстро вскочил на ноги и бросился к своему названому отцу.

— Вы здесь, в лесу, и так далеко от асиенды?

— Да, отец мой, — весело отвечал молодой человек. — Неужели вы думали, что я мог бы быть так спокоен вчера при прощании, если бы не имел твердого намерения последовать за вами?

— Хорошо, дитя мое, я очень рад вас видеть, а еще более рад, что ошибся в своем заключении... признаюсь, я считал вас неблагодарным.

— Неблагодарным... меня — который вас так любит! О, как вы могли допустить эту мысль!

Между тем Валентин встал с лошади и сел под тенистым деревом.

— Дитя мое, — сказал он, обращаясь к молодому человеку, — ваше внезапное отсутствие очень беспокоит сестру вашу, а потому вам необходимо тотчас же возвратиться в асиенду. Для меня достаточно, что я вас видел; теперь я знаю, что вы меня любите. Обнимите меня и поезжайте.

— Я вас обниму, но не поеду.

— Отчего?

— Выслушайте меня, отец мой: я один, ничем не занят; моя сестра, которую я очень люблю, слишком счастлива теперь, чтобы долго горевать о моем отсутствии. В продолжение трех месяцев, проведенных мною вместе с вами, я чувствовал, что был счастлив и что другая жизнь была бы мне в тягость. Вы, конечно, заметили, с каким вниманием я слушал ваши уроки. Отец мой завещал вам заботиться о моем счастье, и вы обещали исполнить его волю; если вы не переменили этого

намерения, то вы не оставите меня и постараетесь сделать из меня человека; мое место возле вас, и вы сделаете меня несчастным, если не возьмете с собой.

— Но ваша сестра, дитя мое? — возразил Валентин с волнением.

— Благодаря вам моя сестра теперь счастлива и не нуждается во мне; кроме того, она знает мой план и одобряет его; согласны ли вы теперь взять меня с собой?

Валентин на минуту задумался, потом он обнял молодого человека и сказал взволнованным голосом:

— Пусть будет так; оставайтесь, дитя мое.

Луис, вне себя от восторга, бросился к нему на шею.

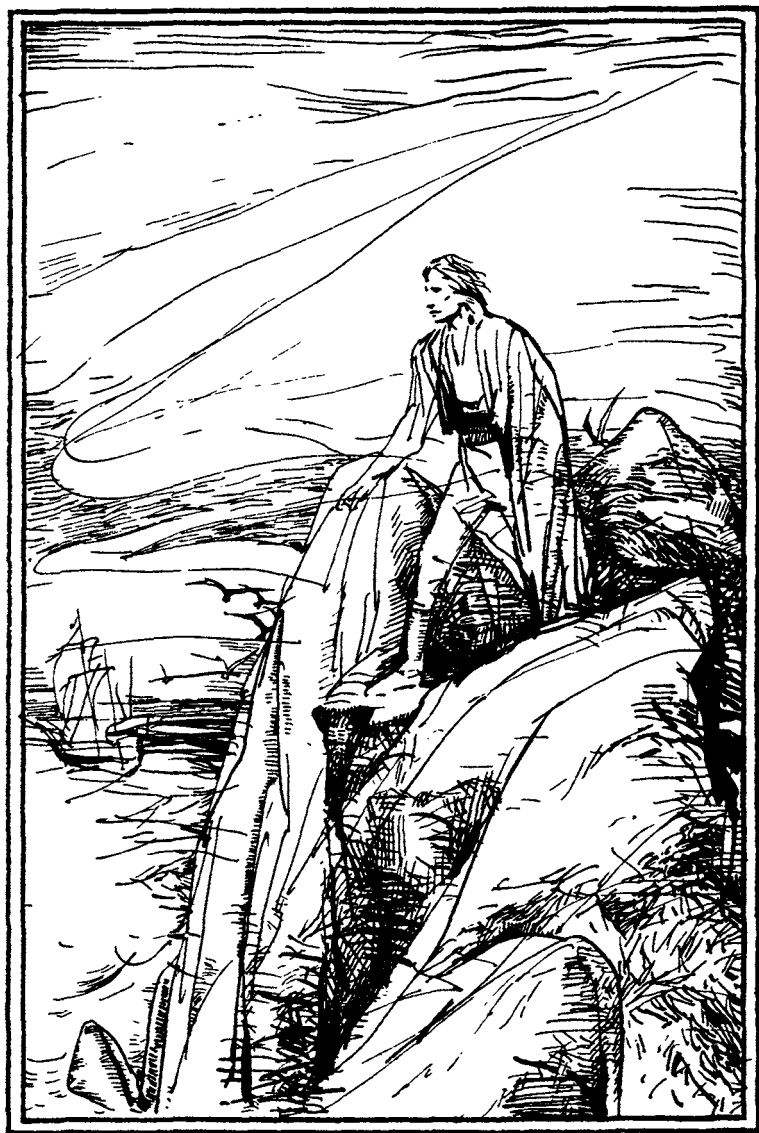
— Ну, теперь будем завтракать, — сказал Валентин.

— Хорошо, будем завтракать, — отвечал молодой человек, — я все уж приготовил. Куда мы теперь отправимся, отец мой?

— В пустыню, — отвечал Валентин.

— Наконец-то осуществилась моя заветная мечта! — воскликнул Луис с восторгом.

Рассказы из жизни в бразильских степях

Введение

СТРАНИЦА ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ

ГЛАВА I

Первый поход

Патагонцы захватили в плен меня и двух товарищей, вышедших со мной на берег, чтобы поохотиться в окрестностях мыса Горн. К довершению несчастья я мог видеть, с довольно возвышенного утеса, отъезд китоловного судна, на котором я приехал из Гавра в качестве гарпунщика; после бесполезных поисков за ними оно наконец решилось поднять паруса и поскорее удалиться от этих негостеприимных берегов, где было принуждено покинуть трех человек из своего экипажа.

С невыразимой грустью и обливаясь слезами смотрел я, как сливались с горизонтом белые паруса корабля, на котором среди любимых мною людей в продолжение двух лет я был так счастлив.

Когда судно исчезло вдали, как крыло чайки, и море успокоилось, я упал на землю в мрачном отчаянии, обвиняя небо в своем несчастье и решившись лучше умереть, нежели сделаться невольником варваров, которые овладели мною.

Между тем судьба корабля, разлуку с которым я оплакивал, была еще ужаснее несчастий, ожидавших меня между дикарями! Гибель его осталась покрыта мраком неизвестности. Я узнал по возвращении во Францию, что о нем и о его экипаже не получали никаких известий.

Как многие другие, застигнутые туманом, он, без сомнения, наткнулся на сплошные льды, и холодные волны полярного моря сделались могилой его храброго экипажа.

Провидение, намерения которого непостижимы для человеческого рассудка, решило разлучить меня так внезапно с моими товарищами и спасти от ужасной смерти.

Предавшись лишь печали и думая только об ужасном положении, в котором вдруг очутился, о том, что у дикарей ожидало меня, я лежал на прибрежном песке и в бессильной злобе издавал звуки, похожие на рев дикого зверя...

.....

Два часа спустя нас совершенно раздели, привязали за руки к хвостам лошадей и потащили вовнутрь страны, щедро наделяя ударами.

Патагонцы, про которых рассказывают много сказок, ни так высоки ростом, ни так злы, как их представляют.

Как все кочующие народы, они ведут жалкую жизнь, подверженную всяким случайностям, остаются на одном месте до тех пор, пока для корма лошадей есть редкая, а иногда замерзшая трава, и переносят без жалобы ужасные лишения.

Эти дикари, коснеющие в самом жалком варварстве, сохранили из всех благородных человеческих наклонностей только любовь к независимости, достигающей самого крайнего предела.

Малейшее стеснение тяготит их; подчинение воле какого-либо вождя для них до того невыносимо, что они предпочитают подвергнуться всем превратностям жестокого изгнания из пределов своего племени.

Хотя эти необразованные люди обращались со мной и с моими товарищами кротко, однако жизнь наша у них была ужасна — так ужасна, что не прошло шести месяцев со дня нашего плена, как один из моих товарищей сошел с ума, а другой повесился, чтобы прекратить свои страдания.

Я остался один, лишенный последнего утешения говорить с товарищами, рассказывать им о потерянном отечестве, ободрять их переносить это ужасное рабство, находя, в свою очередь, источник сил в этих беседах.

Однако странная перемена произошла в моей душе: надежда на освобождение, почти без моего ведома, закралась в мое сердце.

Мне было двадцать лет; железное здоровье, беззаботность, смелость и твердость скоро спасли меня от самого

себя, позволяя мне обдумывать спокойно свое положение, которое теперь уже представлялось в настоящем свете; как ни было оно жестоко, однако далеко не безнадежно; по крайней мере я так рассуждал и поступал согласно с этим.

Первой заботой было усыпить бдительность дикарей невозмутимым спокойствием и постоянной услужливостью, что мне довольно легко удалось, гораздо легче даже, нежели я смел надеяться; таким образом, мое положение, насколько было возможно, улучшилось.

Однако, проскакав целый день по бесконечным степям Патагонии, я падал изнеможенный от усталости у бивуачного огня, и грудь моя от усилий подавить рыдания часто судорожно сжималась; я не останавливал слез, орошающих мои руки, которыми я закрывал лицо, чтобы скрыть свои страдания, между тем как дикари смеялись и пели.

Сколько раз я падал духом! Сколько раз мысль о самоубийстве как единственном средстве к прекращению моих страданий мелькала в уме! Но всегда, в самые критические минуты надежда на освобождение пробуждалась еще сильнее; я успокаивался мало-помалу, лихорадочный пульс переходил в нормальный, и я засыпал, напевая вполголоса один из отечественных куплетов; родные звуки отзывались в моей душе как отдаленное эхо и переносили воображение в отечество.

Четырнадцать месяцев, как четырнадцать веков, протекали таким образом час за часом, минута за минутой в беспрестанной и ужасной пытке, которую не может себе представить и самое изобретательное воображение.

Всегда настороже, чтобы воспользоваться обстоятельством и убежать, но не предоставляя своей судьбы одной случайности, я старался ни в чем не возбуждать недоверчивости патагонцев; напротив того, я предпочитал не слишком удаляться от племени во время охот и поездок; зато и они предоставили мне некоторую свободу и, вместо того чтобы водить за собой пешком, дали мне лошадь, хотя я об этом и не просил.

Только лошадь могла меня спасти. Патагонцы первые наездники в свете; под их руководством я делал быстрые успехи и, как выражаются испанцы, в самое короткое время сделался настоящим *ginete* и совершенным *hombre de a cavallo*, т. е. как бы конь ни был бешен и дик, я в

несколько минут укрощал его и управлял им совершенно свободно.

Во время наших бесцельных поездок мы наконец приблизились миль на десять к окрестностям Кармена, самого передового порта, выстроенного испанцами на Рио-Негро, на границе их древних владений.

Толпа, к которой я принадлежал, остановилась на ночь недалеко от реки, около покинутой *часга* (фермы).

Обстоятельство, которого я так долго и напрасно ожидал, наконец представилось. Я готовился воспользоваться им, понимая, что если и на этот раз не убегу, то все мои надежды должны рушиться, и я до конца жизни останусь рабом.

Я не стану утомлять читателя рассказом подробностей своего бегства; скажу только, что после бешеной семичасовой скачки, в продолжение которой патагонцы гнались за мной по пятам, избегнув более двадцати раз опасности боласа и острого копья, брошенных в меня преследователями, я бросился в середину буэнос-айресского кавалерийского отряда, где упал без чувств, разбитый усталостью и душевным волнением.

Патагонцы, внезапно застигнутые появлением белых, которых до тех пор скрывала высокая трава, поворотили с ужасом и ускакали с яростными криками.

Я был спасен!

По моей странной одежде — на мне была надета только изодранная *fressado* (род одеяла), стянутая узким кожаным ремнем, — солдаты меня сначала приняли за индейца, и это заблуждение подтверждалось еще загорелым цветом моего лица, которое приняло оттенок красной меди под влиянием суровых перемен погоды в теченис почти полутора года. Очнувшись, я употребил все старания, чтобы обнаружить мое европейское происхождение, но по незнанию испанского языка долго не имел успеха.

Добрые буэнос-айресцы наконец поняли, в чем было дело, и приняли самое живое участие в моей судьбе.

Въезд моих спасителей в Кармен был настоящим торжеством.

Радость так сильно на меня подействовала, что я и плакал и смеялся; мысли мои ни на чем не останавливались, и я боялся потерять рассудок.

Однако мне нужно было около месяца, чтобы поправить свое здоровье, и благодаря заботам, которыми меня окружали, а более всего благодаря молодости и силе своего телосложения я наконец начал выздоравливать и чувствовал, как за нервным расстройством последовало спокойствие и благоразумие.

Карменский губернатор, сильно заинтересовавшийся мною, согласился по моей просьбе дать средства для переезда на буэнос-айресском бриге, стоявшем тогда на якоре перед укреплением, и я отправился в Буэнос-Айрес с твердым намерением возвратиться как можно скорее во Францию. Ужасные первые опыты вселили в меня до того сильное отвращение к путешествиям по Америке, что я с величайшим нетерпением ждал момента, когда увижу свою родину.

Но осуществиться этому не было суждено. До моего возвращения во Францию — я не могу еще сказать, что болес не буду покидать ее, — я должен был блуждать наудачу в продолжение двадцати лет во всех странах света, от мыса Горн до Гудзонова залива, из Китая в Оксиану, из Индии к Шпицбергену.

Прибыв в Буэнос-Айрес, я тотчас отправился к французскому консулу, чтобы просить у него средств для возвращения в Европу.

Я был отлично принят консулом и узнал от него, что в это время не было на рейде ни одного французского судна; вместе с тем он мне сообщил, убедившись предварительно в точности моих показаний относительно семейных обстоятельств, что мои родственники, не получая никаких известий и желая предупредить затруднения в денежном отношении, просили всех иностранных агентов снабдить меня необходимой суммой, если я изъявлю желание составить себе состояние в том крае, куда меня привел случай. Он прибавил, что отдает в мое распоряжение двадцать пять тысяч франков и что, если мне угодно, он тотчас передаст их мне.

Я поблагодарил и взял только триста пиастров: до отъезда мне было довольно этих денег.

Прошло несколько месяцев, в продолжение которых я познакомился с несколькими семействами из хорошего буэнос-айресского круга и усовершенствовался в испанском языке.

Несколько раз консул уведомлял меня, что я могу ехать во Францию когда захочу, но каждый раз, под тем или под другим предлогом, я отклонял его предложение, не решаясь навсегда покинуть страну, к которой теперь уже привязался может быть именно потому, что пережил в ней так много страданий.

Не напрасно вкушаешь некоторые прелести кочующей, привольной жизни и вдыхаешь чистый ароматный воздух саванн! Я почувствовал, что мои бродяжнические наклонности снова пробудились. Я испытывал тайный ужас при мысли начать снова бесцветную, одностороннюю, бедную жизнь, к которой меня принудила бы европейская цивилизация. Ограниченные интересы, низкая, скрытая зависть жителей Старого света меня отталкивали, я предпочитал опять пуститься в степи, несмотря на разнородные, бесчисленные опасности и на жестокие лишения, которые меня ожидали, лишь бы не возвращаться прозябать в эти великолепные, правильно выстроенные города, где все продажно, все доступно за звонкую монету, где приходится платить даже за право дышать воздухом, пропитанным миазмами. К тому же я подружился с гаучо (*gauchos*), ездил с ними по степям, спал в их хижинах (*ranchos*), охотился с ними на буйволов и диких лошадей; вся поэзия пустыни вскружила мне голову, я только и думал о возвращении в саванны и девственные леса, несмотря ни на какие последствия этого решения.

Короче сказать, в один прекрасный день, вместо того чтобы сесть на корабль, как почти обещал консулу, я пошел к нему и откровенно признался в своих намерениях. Консул не удерживал меня, но покачал головой и грустно улыбнулся, как человек, у которого опытность убила все мечты молодости, отсчитал сумму, которую я потребовал, пожал мне руку и простился со мною с сожалением, — конечно, я его более уже никогда не видел.

Четыре дня спустя на великолепном диком коне, вооруженный с головы до ног, в сопровождении индейца из племени Гуараниев, который должен был служить мне проводником, я выехал из Буэнос-Айреса, намереваясь достигнуть Бразилии сухим путем.

Для чего мне нужно было ехать в Бразилию?
Я сам того не знал.

Я повиновался, не давая себе отчета, жажде сильных ощущений и любви к непредвиденным приключениям, которую я не мог объяснить себе; она подстрекала меня с неодолимою силою и руководила мною в течение двадцати лет без очевидной причины, совершенно бессмысленно, по мнению людей, привыкших к удовольствиям и приятностям европейской жизни, так хорошо распределенной по туалатам*, дюймам и метрам; она повлекла меня в самую глубь степей, доставляя мне невыразимое счастье, странные, необъяснимые наслаждения, но в результате оставила жестокие страдания.

Здесь, однако, я не описываю ни своих приключений, ни ощущений; все, что я сказал, может быть, по мнению читателя, слишком длинно, но необходимо как вступление к рассказу, который без этого был бы менее понятен.

И так, оставив в стороне несколько охотничьих приключений, слишком незначительных, чтобы упоминать о них, я прошу последовать за мною на берега Уругвая, немного повыше Salto, где я находился по прошествии четырех месяцев после моего отъезда из Буэнос-Айреса.

Уругвай** берет начало около двадцать восьмого градуса западной долготы на Сиере-Маре (Serra do Mar), в Бразилии, недалеко от острова Санто-Катарины. Его течение быстро, на нем много водопадов и подводных камней, устье его находится между небольшим островом Juncal и деревней las Higueritas, на высоте Punta Corda, немного повыше Буэнос-Айреса.

По обоим берегам Уругвая находятся неширокие полосы лесов, составленные из деревьев довольно различных пород, встречающихся, однако, по всему течению реки: espinillos'ы, ивы, лавровые деревья, seibos'ы, nantu bais, timbos'ы, talas, пальмы и множество колючих растений, из которых некоторые, например мимозы, имеют прекрасные цветы, лианы, паразитные и воздушные растения (flores del ayre), которые пробираются всюду, даже до самых вершин густых деревьев, усыпая их самыми разнородными цветами. Этот прелестный вид берегов ре-

* шестифутовая сажень.

** Уругвай (Uruguay) составлено из двух гуаранских слов uгуа (водяная улитка) и г (вода), что буквально значит: река водяных улиток. (Примеч. автора.)

ки составляет совершенный контраст с обнаженными саваннами, широко раскинутыми между пределами горизонта; здесь утомленные взоры видят только слегка волнующуюся траву, превышающую рост человека; она сожжена палящими лучами солнца, несмотря на периодические разливы Уругвая, который затапливает ее тогда на далекое пространство. Там и сям на скатах лесистых холмов, увенчанных пальмами с шарообразными верхушками, виднелись *estancias* и *chacras* (станции и дома), принадлежащие богатым землевладельцам, которые занимаются преимущественно разведением скота в огромных размерах.

После довольно утомительного дня я остановился на ночь в пагонале (*pagonal*), наполовину затопленном случайным разливом реки, и я должен был въехать в воду по самое брюхо своей лошади, чтобы добраться до сухого места.

Уже несколько дней нанятый мною в Буэнос-Айресе гуараний, казалось, прислуживал мне нехотя, был угрюм, задумчив и отвечал только бормотаньем на вопросы, которые я иногда предлагал ему по необходимости; такое настроение моего проводника чрезвычайно меня беспокоило; хорошо зная характер индейцев, я боялся какого-нибудь злого замысла против меня. Как будто не замечая в нем перемены, я был настороже, решившись при малейшем враждебном намерении с его стороны раскритиковать ему череп.

Как только мы остановились, проводник, совершенно против ожидания, занялся так проворно собиранием дров и приготовлением скромного ужина, что я в душе искренно благодарил его.

Поев, мы завернулись в свои одеяла и заснули.

Ночью я проснулся от довольно сильного, непонятного для меня шума; первым движением было схватить ружье и осмотреться кругом.

Я был один: мой проводник исчез; стук копыт удаляющейся лошади, на которой он убежал, разбудил меня.

Огонь потух. Кругом ни зги не видно; к довершению несчастья мой бивуак был затоплен водой, которая прибывала с удивительной скоростью.

Нельзя было терять ни одной минуты — мне угрожала опасность быть затопленным. Я поспешно встал и, вскочив в седло, пустился во всю прыть к довольно близ-

кому холму, черная тень которого ясно обрисовывалась на мрачном горизонте.

Там я находился в безопасном положении относительно воды, однако остальную часть ночи не спал, наблюдая за дикими зверями; мое положение делалось критическим, и мне было не до сна; я был один, покинут в пустынном крае и решительно не знал, по какой дороге ехать, чтобы достигнуть деревни или фермы.

Когда взошло солнце, я окинул взглядом горизонт; на всем пространстве, куда только мог проникнуть мой взор, была пустыня; ничто не подавало мне надежды встретить хоть на двадцать миль в окружности человеческое жилище, до того все было дико и пустынно.

Это открытие было печально для меня; однако, достигнув меня в совершенно особенном настроении, оно меня мало тронуло; мое положение, хотя и неотрадное, само по себе не имело ничего печального. У меня была отличная лошадь, оружие, жизненные припасы в изобилии, чего же еще оставалось желать бредившему давно уже единственно о жизни степных охотников и обитателей лесов. Мои желания, таким образом, совершенно исполнились, может быть немного неожиданно, тем не менее при самых благоприятных обстоятельствах.

Вследствие этого я легко помирился с мыслью, что меня покинул проводник, и готовился, смеясь и в то же самое время браня неблагодарного гуарания, начать пустынную жизнь.

Первой заботой было разложить огонь, чтобы приготовить mate cimarron, т. е. напиток без сахара; укрепленный этим напитком, я сел на лошадь с целью застрелить для завтрака пару какой-нибудь дичи, что весьма не трудно в стране, где я находился; я поехал наудачу, сам не зная куда, направляясь по течению реки, от которой и старался не очень удаляться.

Несколько дней прошло таким образом. В одно утро, когда я только что хотел развести, или, лучше сказать, усилить, свой бивуачный огонь, чтобы приготовить себе завтрак, я вдруг увидел поднявшихся без всякой видимой причины из травы несколько venados, которые, понюхав воздух, очень скоро разбежались, пробираясь на пистолетный выстрел от чащи, где я ночевал; в то же время пронеслась над моею головой с пронзительными криками стая коршунов.

В пустыне всякое мелкое обстоятельство наводит на размышление, нет, по-видимому, ничего случайного в ней. Хотя я в первый раз находился в подобном положении, однако инстинктивно понял, что недалеко от меня происходит что-то необыкновенное. Я заставил свою лошадь лечь, стянул ей своим поясом морду, чтобы она не заржала, и сам, опустившись на землю, протянул руку к курку ружья, напрягая слух с замирающим сердцем и вглядываясь в волнуемую траву равнины, которая раскидывалась передо мною. Я приготовился на все.

Место, занятое мною, находилось посреди непроницаемой чащи, на опушке леса, который составлял в этой печальной пустыне как бы оазис; оно представляло отличную засаду, и я был окончательно защищен от опасности, которая, без сомнения, приближалась.

Я не ошибся. Едва прошло четверть часа с тех пор, когда меня предостерегли птицы, как до моего уха уже донесся шум шибко скачущей лошади; скоро я увидел всадника, который, пригнувшись к седельной луке, скакал сломя голову прямо к тому месту, где я спрятался.

Не доезжая до меня двадцати шагов, ездок остановился, соскочив на землю, стал под защиту скалы, скрытой деревьями, зарядил ружье и, нагнувшись вперед, казалось, с беспокойством прислушивался к самым слабым звукам пустыни.

Незнакомец, насколько мог я разглядеть, бросив на него беглый взгляд, принадлежал к белому племени; ему было от тридцати пяти до сорока лет; энергичные черты его лица, оживленные скачкой и волнением, были красивы, правильны, с отпечатком благородства и выражали необыкновенную смелость; ростом он был немного выше среднего и хорошо сложен, плечи его показывали страшную силу. Костюм обозначал гаучо восточной банды, — я был одет в такое же платье, т. е. жакетку каштанового цвета, белый жилет, *chimera* небесно-голубого цвета, белые *calzoneillos* с бахромами, выставлявшиеся из-под панталон голубого сукна; *ropcho* (плащ) был перекинут через левое плечо, за поясом позади торчал нож; из-под красной фригийской шапки, надвинутой на лоб, выбились кудри густых волос, в беспорядке разбросанных по плечам.

В этом человеке, которого угрожающая опасность окружила таинственным ореолом, было что-то величест-

венное, гордое и решительное, возбуждающее сочувствие.

Вдруг он отскочил назад, стал на одно колено и прицелился.

В то же мгновение десять всадников, вооруженных длинными пиками, выскочили из травы с удивительной скоростью и бросились к тому месту, где находился гаучо, вертя над головами ужасные боласы*.

То были *Indios bravos* (непокоренные индейцы).

Я невольно вздрогнул, когда узнал их; по всей вероятности, мне приходилось присутствовать при неравном бое одного человека против десяти; гаучо хотя без сомнения и предвидел гибельный для себя исход этого нападения, оставался холоден и спокоен и, нахмутив брови, решил биться до последней капли крови и лучше умереть, чем сдаться диким врагам.

* *Bolas* — длинный ремень с раздвоенным концом, к которому прикреплены две пули.

ГЛАВА II

Гаучо

Индейцы остановились на расстоянии ружейного выстрела от кустов, которые скрывали меня и гаучо; они, казалось, обсуждали между собою самое наступление.

Группа дикарей составляла в этой сухой пустыне, над которой они действительно царствовали, самую странную и в то же время самую живописную картину: движения их были благородны и оживленны, рост высок и величествен, члены пропорциональны, но вся фигура выражала дикость и жестокость.

Едва прикрытые дырявыми пончо и кусками одеял (*fressadus*), которые придерживались ремнями, они гордо потрясали своими пиками, обложенными острым железом и украшенными на концах страусовыми перьями.

Молодой предводитель их имел большие черные глаза с длинными ресницами; скулы его сильно выдавались; лоснящиеся черные волосы, собранные на лбу красной лентой, висели во всю длину; большой рот с белыми, как снег, зубами, которые составляли совершенный контраст с медно-красным цветом кожи, придавал всему лицу отпечаток мужества и ума. Хотя он приблизительно знал, где находился гаучо, и понимал, что становился под выстрелом, однако, совершенно открываясь неприятелю, он относился презрительно и беззаботно к угрожающей опасности, — я невольно удивлялся ему.

После довольно продолжительного спора вождь, ударив свою лошадь, не колеблясь приблизился к скале, за

которой гаучо был спрятан; между тем другие индейцы оставались на том же месте.

Не доехав на десять шагов, он остановился и, небрежно опираясь на свое копьё, сказал гаучо, возвышая голос:

— Отчего белый охотник скрывается, как степной зверь? Аукассские всадники перед ним, пусть он выйдет из своего убежища и покажет, что он не трусливая баба, а храбрый мужчина.

Гаучо не отвечал.

Начальник подождал с минуту, потом продолжал насмешливым голосом:

— Э-э, так мои воины ошиблись; они полагали, что выследили смелого ягуара, а между тем только спугнули подлую собаку, возвратившуюся из пампы! Мы принуждены выгнать ее насильно. — При этом ругательстве взор гаучо сверкнул, он спустил курок, раздался выстрел.

Но, как ни было неожиданно его движение, хитрый индеец угадал; он вдруг бросился в сторону, прыгнул вперед с верностью и легкостью дикого зверя и очутился перед гаучо, с которым и схватился.

Оба покатались на землю, яростно отбиваясь друг от друга.

Между тем при выстреле индейцы, испуская свой военный клич, бросились вперед, чтобы поддержать своего начальника; не видя его, они поняли, что поединок с неприятелем уже начался. Участь гаучо была решена; даже если бы он победил вождя, ему, очевидно, пришлось бы пасть под ударами индейцев, окружавших его со всех сторон.

В это время во мне произошла быстрая перемена; я позабыл об опасности, которой сам подвергался, открывая свое убежище, и помнил только, что в нескольких шагах от меня один человек мужественно поддерживал отчаянную борьбу с десятком; я машинально прицелился и выстрелил из обоих ружейных стволов, потом разрядил два пистолета, выскочил из своего убежища с другой парой в руках и выпалил почти в упор всадникам, которые неслись ко мне навстречу.

Успех этого вмешательства, которого ни та, ни другая сторона не ожидала, был велик.

Удивленные и испуганные этой неожиданной стрельбой индейцы, — они, конечно, полагали, что имеют дело только с одним противником, — повернули своих лоша-

дей и рассеялись с криком по всем направлениям, покидая не только своего начальника, который продолжал биться с гаучо, но и четырех товарищей, убитых мною; когда я выстрелил последний раз, то увидел, что еще два дикаря упали с лошадей, а их соотечественники в испуге не остановились подать им помощь.

Разумеется, я не пожалел о них и побежал на помощь к гаучо, — в эту минуту лезвие его ножа воткнулось по самую рукоять в горло индейского предводителя.

Побежденный умер, устремив глаза на своего врага, ни разу не вскрикнул, не отвел даже направленного на него удара, поняв бесполезность продолжения борьбы.

Гаучо вынул из раны свой нож, обтер его о землю, спокойно сунул за пояс, поднялся и, посмотрев на своего противника, обратился наконец ко мне.

Лицо его не переменялось, несмотря на ожесточенную схватку, только что выдержанную им; он сохранил то же выражение мужества и холодного равнодушия, которое я заметил сначала; только лоб его сделался бледнее и несколько капель пота текло по лицу.

— Очень вам благодарен, кабальеро, — сказал он мне, протягивая руку с движением, полным благородства в откровенности, — *vive Dios!* Вы явились кстати; без вашей мужественной помощи, признаюсь, я пропал бы!

Эти слова были произнесены по-испански, но с иностранным акцентом.

— Я находился здесь раньше вас, — отвечал я на том же языке, — или, лучше сказать, я ночевал только в нескольких шагах от того места, куда вас привел счастливый случай.

— Случай, — возразил он строгим голосом, слегка покачав головой, — случай есть слово, изобретенное городскими мудрецами; мы же в пустыне его не знаем; это Бог, один Бог захотел меня спасти и привел меня к вам.

Я утвердительно кивнул головой. Этот человек еще больше возвысился в моих глазах, обнаруживая такую непоколебимую простоту убеждений и веры, такую искреннюю скромность без малейшей напыщенности; эти слова придавали ему еще большее значение, чем мужество, с которым он один готовился вступить в бой с десятью врагами.

— К тому же, — прибавил он тихо, говоря более про себя, — я знал, Богу не было угодно, чтоб я умер сегодня;

у всякого человека на этом свете есть своя задача, которую он должен исполнить, моя же еще не окончена. Но, извините, — сказал он мне, меняя тон голоса и стараясь улыбнуться, — я вам говорил такие вещи, которые должны показаться очень странными, особенно теперь, когда нам нужно подумать о более важных делах, чем начинать философский спор, который для вас, иностранца и европейца, имеет второстепенный интерес. Посмотрим, что случилось с нашими врагами; хотя нас двое, однако если они возвратятся, нам трудно будет избавиться от них.

И, не дожидаясь моего ответа, он вышел из леса, заряжая на ходу ружье.

Я тихо пошел за ним, не зная, что подумать о своем странном товарище, которого я приобрел так нечаянно; он, казалось, не принадлежал ни по своим манерам, ни по уму к той среде, которую обозначали его одежда и вся обстановка.

Мое удивление было, вероятно, замечено им, но он ничего не высказал.

Убедившись, что оставшиеся на поле битвы индейцы мертвы, гаучо взобрался на довольно возвышенный холм, долго осматривал окрестность и возвратился потом ко мне, свертывая небрежно между пальцами сигаретку.

— Нам теперь нечего бояться, — сказал он мне, — однако, мне кажется, лучше было бы, если б мы не оставались здесь; куда вы едете?

— Боже мой, — отвечал я ему, — признаюсь, я и сам не знаю куда.

Несмотря на свое кажущееся равнодушие, он удивился и посмотрел на меня внимательно.

— Как! Вы не знаете?..

— Действительно не знаю! Как ни странно вам покажется это, я все-таки не знаю, ни где нахожусь, ни куда еду.

— Полно, полно, вы шутите, не правда ли? По той ли причине, или по другой, вы не хотите, не зная меня, обнаружить цель своего путешествия, что показывает вашу осторожность; но на самом деле невозможно, чтобы вы не знали, где находитесь и куда едете.

— Повторяю вам, кабальеро, что не шучу, я говорю правду и не имею никакой причины скрывать от вас цель своего путешествия; прибавляю даже, что был бы очень одолжен, если бы вы проводили меня до ближай-

шего ранчо, где я мог бы справиться, куда ехать; я не знаю этой пустыни и заблудился в ней, потому что нанятый мною проводник вот уже несколько дней как изменил мне и скрылся ночью.

Он подумал с минуту, потом пожал мне дружески руку и сказал:

— Извините меня за нелепые подозрения, я стыжусь их, но пусть обстоятельства, в которых мы встретились, послужат моим оправданием.

Сядем на лошадей и уедем отсюда; дорогой мы поговорим; я надеюсь, что вы скоро узнаете меня, и тогда мы пойдем друг друга.

— Для полного уважения вашей личности мне более не нужно узнавать вас; с первой минуты, когда вас увидел, я был расположен в вашу пользу.

— Благодарю, — сказал он, улыбаясь. — На лошадь, на лошадь! До ранчо, куда я хочу проводить вас, нам придется еще довольно долго ехать.

Пять минут спустя мы уже скакали, оставив индейские трупы коршунам, которые отвратительно каркали и кружились над ними.

Во время перехода я рассказывал спутнику эпизоды из своей жизни и приключения, которые считал нужными сообщить ему. Рассказ этот заинтересовал его своей странностью: мне показалось даже, что выраженная мною страсть к бродячей жизни возвысила меня в его глазах, и перечисление титулов или богатство едва ли достигло бы этой цели. Эта странная личность ценила человека только по его личным заслугам, а не по общественным отличиям, которые выдумала цивилизация и которые часто под громкими именами и пышной обстановкой скрывают смешную ничтожность и полнейшую неспособность.

Однако в нем легко было заметить, несмотря на грубую внешность, очевидно напускную, знание человеческого сердца и практическое знакомство с городской жизнью не только высшего американского общества, но и европейского; он видел свет в различных фазах. Его возвышенные, почти всегда благородные мысли, его здравое суждение, его увлекающий разговор все более и более заинтересовывали меня; хотя он о себе не говорил ничего, даже не назвал мне своего имени, я чрезвычайно сочувствовал ему и, не сопротивляясь влиянию, которое он производил на меня с самого начала, очень желал,

чтобы наша дружба не разрушилась, но сделалась продолжительной.

Может быть, в мои желания без моего ведома закрался эгоистичный расчет: в ответ на помощь, которую я оказал, я рассчитывал на советы человека, перед которым пустыня ничего не скрывала; он мог в короткое время сделать из меня настоящего обитателя лесов.

Но если эта мысль действительно и пробудилась во мне, однако она была так глубоко скрыта в моем сердце, что я думал только повиноваться чувству симпатии, которая возбуждается всегда сильными энергичными и возвышенными натурами в откровенных и прямодушных характерах.

Мы провели весь день в веселой беседе, подвигаясь к ранчо, где должны были ночевать.

— Посмотрите, — сказал мне под вечер гаучо, указывая пальцем на небольшой столб дыма, который сливался с облаками, — вот куда мы едем; через четверть часа мы будем уже там.

— Слава Богу, — отвечал я, — я уже чувствую сильное утомление.

— Да, — говорил гаучо, — вы еще не привыкли к долгим поездкам, ваши члены еще не окрепли, как мои, но поверьте, через несколько дней вы перестанете замечать усталость.

— Надеюсь.

— Кстати, — сказал он, как будто только сейчас вспомнив, — вы мне не сказали имени рiсаго, который покинул вас, кажется, украв что-то?

— О! сущую безделицу: ружье, саблю и лошадь.

— И вы думаете, что они потеряны для вас?

— Конечно, потому что, без сомнения, мошенник не возвратит их.

— Вы ошибаетесь, хотя пустыня велика, однако во-ришке не легко укрыться в ней, если его отыскивает опытный гаучо.

— Вы, может быть, отыщите его, но мне это невозможно.

— Правда, — отвечал он, — но все равно, скажите мне все-таки его имя.

— Зачем?

— Нельзя знать, что случится; может быть, мне придется иметь с ним дело, и, зная его, я не доверюсь ему.

— Извольте; его звали в Буэнос-Айресе Пигача, но соотечественники его называют Венадо; он крив на один глаз; я полагаю, что это описание довольно подробно, — прибавил я, смеясь.

— Да, — отвечал он, — и ручаюсь вам, что если когда-нибудь встречу его, то узнаю, а вот мы и приехали.

В самом деле, на некотором расстоянии впереди нас стояло ранчо, которое я не мог хорошенько разглядеть в темноте, но один вид его после утомительного дня, в особенности же после долгого уединения, радовал меня; я надеялся на дружеское гостеприимство, в котором не только не отказывают в пампе, а напротив, всегда с радостью принимают путешественника.

Уже собаки уведомили о нашем приезде громким, оглушительным лаем и злобно кидались на наших лошадей; мы принуждены были стегнуть кнутом докучливых хозяев, и скоро наши кони остановились перед ранчо. На пороге стоял человек с зажженной головней в одной руке и с ружьем в другой.

Он был высокого роста, с энергичными чертами; бронзового цвета лицо освещалось красноватым отблеском факела, который он поднял над головой; атлетическое сложение и дикий взгляд выражали тип гаучо восточной банды; заметив моего товарища, он удивился и почтительно поклонился.

— Ave Maria purisima! — сказал последний.

— Sin peccado concebida, — отвечал ранчеро.

— Se piede entar don Torribio? — спросил мой спутник.

— Pase V. adelante, senor don Seno Cabral, — продолжал вежливо ранчеро, — esa casa y todo lo que contiene es de V'.

Не дожидаясь вторичного приглашения, мы сошли с лошадей и предоставили их молодому человеку лет восемнадцати или двадцати, который прибежал на крик хозяина и отвел их в сарай. В сопровождении

* Эти слова служат принятыми выражениями для испрашивания себе гостеприимства в пампах; вот их перевод:

— Кланяюсь вам, Пречистая Дева.

— Сохранившаяся без греха.

— Можно войти, дон Торрибио?

— Войдите, дон Зено Кабраль, этот дом и все, что в нем есть, принадлежит вам. (Примеч. автора.)

собак, которые так шумно нас встретили, а теперь прыгали от радости, полагая, вероятно, что ради нашего приезда им позволено будет погреться у очага, мы вошли в строение. Это жилище, как и все жилища гаучо, представляло хижину, выстроенную удивительно просто, из земли, смешанной с камышом; крыша ее была из соломы.

Она состояла из двух комнат — спальни и приемной; последняя служила также кухней. В спальне находилась кровать, т. е. четыре кола, вбитые в землю, поддерживали связку камыша, на которой вместо европейского матраца, неизвестного в этой стране, лежала бычачья шкура; другие кожи были разложены для детей на полу, около стены; боласы, ласо, необходимые оружия для гаучо, конская упряжь, повешенная на деревянные, вбитые в стену ранчо колышки, — все это составляло единственное украшение комнаты.

Приемная была меблирована еще проще: плетенка из камыша, поддерживаемая шестью столбиками, служила диваном; два буйволовых черепа заменяли кресла; маленький бочонок с водой, деревянная чашка и железный вертел, воткнутый перед очагом, который находился на середине комнаты, котел в углу и несколько тыквенных бутылок дополняли это убранство. Мы описали ранчо так подробно, потому что все жилища в пампах выстроены, так сказать, по одному образцу.

Наш хозяин был богат, и потому, в виде исключения, в стороне от главного здания стояло другое строение, служащее складом для кож и для мяса, назначенного для сушки; оно было окружено довольно обширным забором в три метра высоты, который служил загоном для лошадей, скрывая их от степных зверей.

Нас встретили в ранчо две женщины; одну хозяин представил как свою жену, а другую — как дочь.

Последней было лет пятнадцать, она была хорошо сложена и необыкновенно красива; я узнал впоследствии, что ее звали Евой; мать, хотя еще довольно молодая, ей не было и тридцати лет, сохранила только некоторые следы своей красоты, которая была, должно быть, замечательна, но очень скоро увяла вследствие жизни в пустыне, где хозяйка провела всю свою жизнь.

Товарищ мой, казалось, был закадычным другом ранчеро и его семейства; его приняли с самой искренней

радостью, хотя к ней и примешивалось какое-то почтение и даже боязнь.

Со своей стороны, дон Зено Кабраль, — я узнал наконец имя своего спутника, — обращался с ними бесцеремонно и говорил несколько в тоне покровителя.

Они приняли нас, как должно, т. е. по-дружески, стараясь наперерыв угодить нам, а малейшая благодарность с нашей стороны приводила их в восторг.

Мы с удовольствием поужинали; ужин наш состоял из assado, или жареной говядины, из goeso (гауческого сыра) и из harina (маниоковой муки), запитых сапа (сахарной водкой), которая обошла маленькими чарками всех, развеселила и заставила нас позабыть дневную усталость.

К дополнению нашего ужина, который был гораздо комфортабельнее, чем предполагает наш европейский читатель, когда мы закурили сигары, донна Ева сняла со стены гитару и, подав ее своему отцу, который начал брэнчать четырьмя пальцами, стала танцевать перед нами так грациозно и так непринужденно, как умеют только одни южные американки; потом молодой человек, о котором я упомянул уже, — он был не слуга, а сын ранчero, — спел звонким, свежим голосом несколько национальных песен с таким живым чувством, что тронул нас до глубины души.

Тогда случилось странное обстоятельство, которого я не мог объяснить себе. Дон Квино, так звали молодого человека, пел с невыразимою страстью стихи Квинтана:

Feliz aquel que jinto a ti suspira
Que el dulce nectar de tu risa bele
Que a demandarte compasion se atreve
Y blandamente palpitar te mira!*

Вдруг Зено побледнел, как мертвец, нервическая дрожь пробежала по его членам, и две слезы выкатились из его глаз, но губы сохраняли глубокое молчание; молодой человек заметил, какое действие произвели на гостя эти стихи, и сейчас же залился веселой жагапа, которая очень скоро опять развеселила гаучо.

Таким образом мы просидели долго; ветер яростно свистел на дворе, по временам поднимался рев диких

* Счастлив тот, кто пьет упоительный нектар твоей улыбки, кто смеет просить у тебя пощады и видит, как ты трепещешь.

зверей и составлял странный контраст с нашей веселостью.

Между тем к одиннадцати часам дамы ушли; дон Торрибио и его сын, обойдя весь дом, чтобы убедиться в надлежащем порядке, простились с нами, предоставляя мне и моему товарищу растянуться на приготовленных кроватях; мы не замедлили этого сделать и заснули от усталости.

Ранчо

На другой день я встал с восходом солнца, однако, несмотря на раннюю пору, мой товарищ опередил меня; его кровать была пуста.

Я вышел, надеясь встретить его на дворе, где он, вероятно, курил сигару.

Его там не было; местность вокруг меня была спокойна и пустынна, как в первый день создания; собаки, караулившие нас целую ночь, поднялись, заметив меня, и стали ласкаться с радостным ворчаньем.

Вид пампы при восходе солнца самый живописный*. Глубокое спокойствие царствует в пустыне; кажется, что природа сосредоточивается и собирает новые силы при наступлении зари. Свежий утренний ветерок пробирается через высокие травы, которые он тихо и равномерно колеблет; там и сям венады поднимают головы и боязливо осматриваются. Забившиеся в листья птицы подают свои голоса; на песчаных возвышениях дремлют несколько запоздалых сов, они жмурятся от солнечного света, пряча свои головы под крылья, а урубусы и каракарасы парят высоко в воздухе, качаясь лениво по воле ветра и высматривая добычу, на которую они готовы кинуться с быстротою молнии.

* Слово *ратра* встречается в языке Квинчуа (язык инкасов); в буквальном переводе оно значит место, саванна, плоскость или великая равнина. (Примеч. автора.)

В это время пампа походит на тихое зеленое море, берега которого скрываются за горизонтом.

Я сел на траву и, покуривая сигару, предался размышлениям, которые вскоре овладели мною совершенно. В самом деле, мое положение было довольно странно; никогда я не представлял его себе так, как оно было теперь.

Я заблудился в пустыне за несколько тысяч миль от своего отечества и добровольно расторгнул семейные и дружеские узы, которые привязывают человека к родине; я имел перед собой только будущность лесного бродяги, т. е. мне предстояло бороться каждый день, каждый час без отдыха и вознаграждения против всей природы, людей и животных, чтобы покончить с жизнью в какой-нибудь засаде или быть бесславно убитым на краю пропасти стрелою или незнакомой пулей. Эта перспектива, особенно в мои лета, не была отрадна — мне было всего двадцать лет, когда полная жизни молодость порывается на великие дела, — я блуждал теперь по бесконечным саваннам в сопровождении человека, нечаянно встретившегося, который оставался для меня загадкой, почти заставлял подчиняться своей воле и мог покинуть меня, когда ему было угодно. Но я не имел права жаловаться на свою судьбу; я был виноват, потому что не послушался здравых советов и увещаний своих родственников, которые не щадили слов, уговаривая меня не пускаться в эту бродяжническую жизнь; я только что начал ее, и она показалась мне уже такой трудной и непривлекательной.

Когда впоследствии я припоминал свои первые, раздирающие сердце впечатления, полученные вначале моей бродяжнической жизни, которую я должен был продолжать еще много лет, то жалел о себе; странствующий по пустыне знакомится с нею только постепенно; нужно долго изучать ее, чтобы понять всю заключающуюся в ней красоту и испытать ее чары, которые она сохраняет только для людей, посвященных в ее тайны.

Но, повторяю я, когда эти печальные мысли, которые, как ни старался я избавиться от них, завладели моим сердцем и доводили его почти до отчаяния, тогда только я вполне чувствовал свое одиночество; отдаленный от всех соотечественников, от всех друзей, я принужден был скрывать свои мысли, которые переполняли

мое сердце и каждую минуту готовы были сорваться с моих губ. Я тогда еще не знал, что единственный друг человека — он сам; в самых затруднительных положениях, как и в самых обыкновенных, он не должен рассчитывать ни на кого кроме себя. Если он не хочет подвергнуться измене, эгоизму, зависти... этих самых страшных врагов, которые увиваются беспрестанно около всякого рода дружбы, чтобы разрушить ее и заменить ненавистью, то должен полагаться только на самого себя.

Моя задача на этом свете была трудна; я много страдал, многому научился и дошел теперь до крайнего скептического равнодушия относительно всех прекрасных чувств, которые люди напрасно стараются иногда выразить передо мной. Я не требую от человеческой природы того, чего она не может дать. Я заранее прощаю моим друзьям вред, который они невольно причиняют мне. Ничего не требуя и не ожидая ни от кого, я дошел до того, что сделался хотя не счастливым, — счастье, я знаю по опыту, не создано для человека, — а спокойным, что, по моему мнению, составляет цель, на которой должно остановиться человеческое желание при настоящих общественных условиях.

Мои размышления были неожиданно прерваны голосом, который приветливо обращался ко мне.

Я поспешно обернулся.

Дон Торрибио был подле меня; хотя он сидел на лошади, однако я не услышал, как ранчиро подъехал.

— Hola, кабальеро, — сказал он весело, — ведь пампа хороша при солнечном восходе, не правда ли?

— Да, хороша, — отвечал я, не зная, что говорить.

— Спокойно ли вы провели ночь?

— Отлично, благодаря вашему великодушному гостеприимству.

— Ба, ба, есть о чем говорить! Я сделал, что мог; к несчастью, прием был довольно плох, потому что время теперь тяжелое; лет пять тому назад я бы вас принял иначе, а теперь не взыщите — чем богат, тем и рад.

— Я не могу пожаловаться, напротив, благодарю вас. Вы, кажется, только что приехали?

— Да, я ездил на пастбище посмотреть на своих быков, но, — прибавил он, поднимая вверх голову и мысленно вычисляя высоту солнца, — время и позавтракать; сеньора, должно быть, все приготовила, а моя утренняя

поездка необыкновенно возбудила мой аппетит. Вы пойдете со мной?

— С удовольствием, только что-то не видно моего товарища; мне кажется, с моей стороны было бы не совсем вежливо не подождать его к завтраку.

Гаучо засмеялся.

— Если только это вас удерживает, — сказал он мне, — то садитесь смело за стол.

— Скоро он придет? — спросил я.

— Напротив, он не придет.

— Как же это? — вскричал я с удивлением, смешанным с беспокойством, — он уехал?

— Уже три часа тому назад, — сказал ранчero, но, заметя, что это известие опечалило меня, он прибавил: — Мы его скоро увидим, не беспокойтесь.

— Вы разве видели его сегодня?

— Да, мы вместе выехали.

— А! Он, должно быть, охотится?

— Без сомненья; только кто знает, какого рода дичь он хочет подстрелить.

— Его отсутствие сильно тревожит меня.

— Перед отъездом он хотел поговорить с вами, но, вспомнив, что вы вчера вечером сильно устали, предпочел не будить вас. Ведь сон так благотворно действует на усталого!

— Он, вероятно, скоро возвратится?

— Не могу вам сказать. Дон Кабраль не имеет привычки рассказывать свои намерения первому встречному. Во всяком случае, он долго не замешкается, он будет здесь сегодня вечером или завтра утром.

— Черт возьми! Что буду я теперь делать, я на него так рассчитывал.

— Каким же это образом?

— А чтобы узнать, по какой дороге ехать.

— О чем же вам тут беспокоиться? Он просил меня передать вам, чтобы вы не уезжали из ранчо без него.

— Однако не могу же я поселиться у вас?

— Почему?

— Ну потому что я боюсь стеснить вас; вы сами сказали мне, что не богаты; чужой должен ввести вас в лишние расходы.

— Сеньор, — отвечал гаучо с достоинством, — гости посланы от Бога; горе тому, кто обращается с ними не

так, как они заслуживают; если даже вам вздумается прогостить у меня целый месяц, я почту это за счастье и буду гордиться вашим присутствием в моей семье. Не отказывайтесь же более, прошу вас, и примите мое гостеприимство так же чистосердечно, как вам предлагают его.

Я не мог возражать на это. Я решился потерпеть до возвращения дона Зено и вошел вместе с хозяином в ранчо.

Завтрак прошел довольно весело; дамы старались возбудить во мне хорошее расположение духа и осыпали меня любезностями.

Дон Торрибио, поев, готовился сесть на лошадь — гаучо проводит всю жизнь на коне, — чтобы осмотреть свои многочисленные стада; я просил позволения ехать с ним и получил согласие; я оседлал свою лошадь, и мы понеслись по пампе.

Сопровождая его, я хотел побольше разузнать о своем товарище, которого, по-видимому, гаучо отлично знал, и составить себе мнение об этом странном человеке, который интересовывал меня своей таинственностью.

Но все было тщетно, все мои хитрости пропали, гаучо ничего не знал или, что было вероятнее, не хотел ничего говорить мне; этот человек, чрезвычайно разговорчивый, рассказывал даже слишком подробно многое о своих делах, но становился необыкновенно молчаливым, когда я ловким оборотом обращал разговор на дона Зено Кабралю.

На все мои вопросы он отвечал только мычанием, или же, пожимая плечами, говорил: *Quien sabe!* — кто знает.

Устав расспрашивать попусту, я принялся говорить об его стадах.

На это гаучо был расположен отвечать подробнее, нежели я желал; он вошел со мною в технические подробности; я был принужден выслушать все; день показался мне бесконечно долгим.

Однако к трем часам пополудни дон Торрибио сказал мне, что прогулка наша была кончена; мы поехали назад в ранчо, от которого удалялись на четыре или пять лье. Переезд в пять лье, после скачки целого дня, только прогулка для гаучесов, едущих на неугомонных лошадях

пампы. Наши скакуны менее чем через два часа были уже около фермы, нисколько не вспотев.

Навстречу нам скакал во весь дух всадник.

Это был дон Зено Кабраль, я тотчас же узнал его и обрадовался; он скоро присоединился к нам.

— Вот и вы, — сказал он, поравнявшись с нами, — я вас жду уже с час. Я вам приготовил сюрприз, который будет, без сомнения, приятен, — прибавил он, обращаясь ко мне.

— Сюрприз! — вскричал я, — какой же?

— Увидите, я убежден, что вы меня поблагодарите за него.

— Я заранее благодарен вам, — отвечал я, — и не допытываюсь, какого рода эта нечаянность.

— Посмотрите, — продолжил он, показывая на ранчо.

— Мой проводник! — воскликнул я, узнав индейца Венадо, крепко привязанного к дереву.

— Он самый. Что вы об этом думаете?

— Ей-Богу, это мне кажется чудом; я не понимаю, как вы его так скоро поймали.

— О! Это было не так трудно, как вы полагаете, в особенности же имея сведения, которые вы мне дали; все эти мошенники живут как хищные звери, у них есть свои притоны, от которых они не удаляются и куда возвращаются рано или поздно; для человека, привыкшего к пампасам, ничего не стоит отыскать их; к тому же этот, полагаясь на ваше незнание пустыни, не спрятался; он спокойно ехал, убежденный, что вы не станете его преследовать; эта уверенность погубила его. Вообразите, как он удивился, когда я отыскал его и решительно велел ему следовать за собой.

— Все это отлично, — отвечал я, — благодарю вас за труд, который вы на себя приняли, но что мне теперь делать с индейцем?

— Как что? — вскричал он с удивлением, — я хочу, чтобы вы с него сперва взыскали, да примерным образом, чтобы он долго помнил; потом, так как вы его наняли проводником в Бразилию и он уже получил вперед часть условленной платы, он должен исполнить честно свое обещание, как условились.

— Признаюсь, я не слишком-то доверяю его будущему поведению.

— Ошибаетесь, вы не знаете покоренных индейцев; если вы его хоть раз накажете примерно, то он станет, поверьте мне, отлично и верно служить вам.

— Охотно! Но это наказание, какого бы рода оно ни было, я не могу сам исполнить.

— Не беспокойтесь! Вот наш друг, дон Торрибио, позаботится об этом, у него не такое сердце, как у вас.

— К вашим услугам, — сказал дон Торрибио.

Мы остановились в это время перед пленником. Бедняжка — он, без сомнения, знал, что ему угрожало, — был не в своей тарелке и имел пристыженный вид; он был крепко привязан лицом к дереву.

Мы сошли с лошадей.

— Слушай, *picaro*, — сказал дон Зено индейцу, — этот кабальеро нанял тебя в Буэнос-Айресе, а ты не только его подло оставил в пампе, но еще и обокрал; ты заслуживаешь наказания и получишь его. Добрейший дон Торрибио, потрудитесь, пожалуйста, дать пятьдесят ударов лассо по плечам этого мошенника, да почувствительнее.

Индеец ничего не отвечал. Гаучо приблизился и старательно, как делал все, поднял лассо, которое со свистом опустилось на плечи несчастного и оставило на них синеватую полосу.

Венадо не пошевелился, даже не вскрикнул; казалось, он обратился в бронзовую статую, так был он равнодушен и неподвижен силой воли и стоицизмом.

Я внутренне страдал за него, но не смел вмешаться, убежденный в справедливости этого наказания.

Дон Кабраль бесчувственно считал удары, по мере того как они падали.

При одиннадцатом показалась кровь.

Гаучо не остановился.

Индеец, хотя его тело и вздрагивало под ударами все более и более ускоренными темпами, сохранял свое ненарушимое спокойствие.

Я невольно удивлялся мужеству человека, который успевал подавить свои страдания и удерживать малейший знак мучительной боли.

Гаучо, не пропустив ни одного, дал пятьдесят ударов, к которым был присужден проводник неумолимым доном Зено; при тридцать втором, несмотря на все свое муже-

ство, индеец лишился чувств, но это, как я ни просил, не прекратило наказания.

— Остановитесь, — сказал дон Кабраль, когда число было отсчитано сполна, — развяжите его.

Веревки были разрезаны, тело бедняги, которое поддерживалось только ими, упало неподвижно на песок.

Квино приблизился тогда, натер бычачьим жиром и водой с уксусом раны индейца, накинул на него пончо и оставил его в таком положении.

— Ведь этот человек в обмороке! — вскричал я.

— Ба, ба! — сказал дон Зено, — не беспокойтесь о нем, у этих чертей кожа очень крепка; через четверть часа он уже не будет помнить ударов. Пойдемте обедать.

Эта холодная жестокость возмутила меня, но я удержался от всех замечаний и вошел в ранчо; я еще был новичок; позже я должен был присутствовать при сценах, перед которыми эта была детской забавой.

После обеда, продолжавшегося против обыкновения довольно долго, дон Зено велел сыну дона Торрибио, Квино, привести проводника.

Несколько минут спустя он вошел; дон Кабраль пристально и внимательно посмотрел на него, потом обратился к нему с такими словами:

— Признаешь ли ты справедливым наказание, к которому я присудил тебя?

— Признаю, — отвечал глухим голосом индеец, несколько не колеблясь.

— Тебе также небезызвестно, что я знаю, как тебя найти, где бы ты ни спрятался.

— Знаю.

— Если по моей просьбе этот господин согласится простить тебя и возьмет опять в услуженье к себе, будешь ли ты ему верен?

— Да, но с условием.

— Я не хочу от тебя никаких условий, мошенник, — грубо возразил дон Зено, — ты заслуживаешь виселицы.

Индеец опустил голову.

— Отвечай на мой вопрос.

— На какой?

— Будешь ли ты верен?

— Буду.

— Посмотрю, что ты заслужишь, наказание или награду; я рассчитаюсь с тобой, слышишь?

— Слышу.

— Теперь слушай! Ты с господином отправишься завтра на рассвете; нужно, чтобы через девять дней он был в фаценде *рио д'Уро*. Ты ее знаешь?

— Знаю.

— Успеет ли он доехать туда?

— Доедет.

— Не нужно двусмысленностей между вами, ты отлично понимаешь меня, я хочу, чтобы этот господин через девять дней приехал здоров и невредим в фаценду *рио д'Уро* и чтобы все его вещи были целы.

— Я уже обещал, — отвечал холодно Венадо.

— Хорошо, выпей водки, чтобы оправиться от ударов, и пошел спать.

Проводник схватил кружку, которую ему подал дон Кабраль, с видимым удовольствием опорожнил ее залпом и ушел, не говоря ни слова.

Когда он вышел, я обратился к дону Зено с самым равнодушным видом, который только мог принять.

— Все это отлично, — сказал я ему, — но уверяю вас, сеньор, что, несмотря на его обещания, нимало не доверяю этому негодю.

— Напрасно, — отвечал дон Зено, — он вам будет служить верно не из усердия, но из боязни, что еще лучше; он очень хорошо знает, что если с вами случится что-нибудь, то будет обязан дать мне строгий отчет в своих поступках.

— Гм! — пробормотал я, — это не очень-то успокоительно, но отчего, если вы, как сами дали понять мне, направляетесь к пограничным бразильским укреплениям, не хотите, чтобы я поехал с вами?

— Я хотел это сделать; к несчастью, некоторые причины, объяснение которых бесполезно, лишают меня возможности исполнить мое предположение; однако надеюсь увидеть вас в фаценде *рио д'Уро*, куда я, по всей вероятности, приду раньше вас. Во всяком случае, вы будете так добры, что останетесь там до тех пор, пока я вас не увижу, и тогда, может быть, отблагодарю вас за важную услугу, которую вы оказали мне.

— Я вас подожду, потому что вы желаете этого, сеньор, — отвечал я, безропотно покоряясь этой новой

* Богатая ферма.

остановке, — но не для того, чтобы напомнить вам случай, на который намекаете вы, но чтобы короче познакомиться с вами.

Дон Зено протянул мне руку, и разговор сделался общим.

На другой день я встал с восходом солнца и, простившись с хозяевами, которые так хорошо меня приняли и с которыми я не думал более увидеться, уехал из ранчо, не застав дона Зено Кабраля: он выехал гораздо раньше моего пробуждения.

Несмотря на уверения дона Торрибио и дона Кабраля, я мало доверял своему проводнику и велел ему ехать впереди меня, чтобы при первом подозрительном движении разmozжить ему голову.

Фаценда рио д'Уро

Мое путешествие продолжалось, таким образом, при довольно странных обстоятельствах: я находился в незнакомой стране, далеко от всякой помощи, во власти индейца, наглая измена которого была так ясно доказана и от которого я не мог ожидать ничего хорошего.

Я выехал в довольно хорошем расположении духа, уверенный, что проводник мой не осмелится открыто напасть на меня; я был отлично вооружен, силен, решителен, и следовательно, следя за ним постоянно, я мог легко с ним справиться.

Впрочем, спешу сказать, я был не прав, приписывая бедному индейцу дурные намерения, и мои предосторожности оказались бесполезными; дон Торрибио и дон Зено сказали правду. Жестокое наказание имело прекрасное влияние на моего гуарания и совершенно переменило его намерения относительно меня; наши отношения не замедлили сделаться дружественными; вполне довольный таким результатом, я решился употреблять этот самый способ, чтобы внушить почтение покоренным (*mansos*) индейцам, с которыми случай сведет меня.

Мой проводник сделался веселее, внимательнее и в особенности разговорчивее; я воспользовался приятной для меня переменой в его характере и стал расспрашивать о доне Зено Кабрале.

И на этот раз мне не удалось узнать ничего; индеец не отказывался отвечать, но он действительно ничего не знал.

Вот вкратце все, чего я добился после бесчисленного множества различным образом предложенных вопросов.

Дона Кабралья знали хорошо и в особенности боялись все индейцы, живущие в пустыне и проходящие ее беспрестанно по всем направлениям; они считали его за необыкновенное, таинственное и непонятное существо, могущество которого было велико; индейцы часто составляли ему западни, чтобы убить его, но никогда не успевали нанести ему даже малейшей раны.

Он производил на них такое сильное впечатление, что считали за невредимое существо, одаренное высшей, нечеловеческой волей.

Часто дон Зено исчезал в продолжение целых месяцев так, что никто не знал, куда он девался; потом он появлялся неожиданно среди индейских племен, которые ничего не знали о его приближении.

Вообще же индейцы были многим обязаны ему. Никто не мог лучше дона Кабралья вылечить страдающего в случаях болезней, признанных знахарями за неизлечимые; зная все, что происходит в пустыне, он нередко спасал целые семейства, заблудившиеся в лесу без пищи и оружия; и к тому же, прибавил наконец мой проводник, этот человек для них один из тех могущественных гениев, про которых лучше не говорить, если не хочешь подпасть их гневу и увидеть тотчас около себя.

Эти сведения, если можно так назвать отрывистые, боязливые и суеверные показания моего проводника, еще увеличили мое недоумение относительно дона Кабралья; казалось, все соединилось, чтобы окружить его в моих глазах таинственным ореолом.

Слово, нечаянно произнесенное индейцем, возбудило во мне еще большее любопытство.

«Это Паулиста», — сказал мне Венадо вполголоса, с испугом оглядываясь кругом, как будто боясь, что его услышит тот, к кому относилось это название.

Несколько раз во время своего пребывания в Буенос-Айресе я слышал, как говорили о павлистах (*Paulistas*); сведения, которые мне удалось собрать о них, были хотя неполны и большей частью ошибочны, но в высокой степени подстрекали мое любопытство, которое служило почти главным побуждением к моей переправе в Бразилию.

Павлисты, или винцентисты, — историки обозначают их тем и другим именем — основали свое первое общество в обширных и великолепных долинах Пиратинингии.

Там образовалась под руководством двух умных иезуитов, Анхиэты и Нобреги, отдельная колония в прежней колонии, полуварварской метрополии. Новая Колония была обязана благосостоянием и возрастающим влиянием своему нравственному превосходству; я убежден в том, что рассказы о подвигах ее основателей составят самую интересную часть истории Бразилии.

Успехи цивилизации в Новом свете большею частью должны быть приписаны иезуитам, миролюбивые победы которых произвели для уничтожения варварства более, нежели соединенные усилия гениев-авантюристов, ездивших в Америку в шестнадцатом веке с тем, чтобы положить основание испанским и португальским владениям.

Благодаря вмешательству иезуитов в Бразилии европейцы не пренебрегли вступить в союз с сильными и воинственными индейскими племенами, которые так долго противились португальцам и энергически останавливали победы их.

Союзы с европейцами дали начало воинственному, храброму, закаленному против всякого утомления, смелому племени, образовавшемуся под разумным руководством павлистов, — людей, которым мы обязаны почти всеми открытиями в центральной Бразилии; отважные подвиги их превратились в фантастические легенды даже в тех странах, которые служили поприщем их.

Между тем павлистов серьезно укоряли во многом: они с самого основания колонии обнаруживали неукротимый, своевольный нрав, притворное презрение к законам метрополии и неслыханную гордость к другим колониям; образовавшись из самых буйных и развращенных авантюристов, общества их заимствовали от индейских союзников дикую жестокость и пренебрежение к жизни ближнего; они сделались опасными соседями и отличались необщительностью и строптивостью.

Но со временем павлисты совершенно опровергли подобные обвинения. Провинция Санта-Пауло, населенная исключительно ими, теперь сделалась образованной, самой промышленной частью Бразилии.

К тому же мы разделяем мнение многих историков, что неукротимая природа должна населяться неукротимым племенем; на этой девственной почве, где рыскали павлисты среди диких индейцев, предпочитавших смерть подчинению власти пришельцев — степень развития которых они не могли и не хотели признать, — цивилизация могла пробить себе путь только трудами отборных представителей, не отступавших ни перед какими затруднениями и не поддававшихся расслабляющему влиянию европейских нравов и эгоизму нашего общества; эти качества делали их способными совершать великие подвиги, полные самоотверженности. Такие похвалы, произнесенные с непритворным энтузиазмом природными врагами португальцев, их европейскими соседями — испанцами, ненависть которых к Америке усиливалась соперничеством, — производили на меня сильное впечатление и вселили во мне глубокое уважение к этим героям. Я надеялся встретить еще несколько современных типов, сохранивших великие черты своих предков, несмотря на влияние времени и образования.

Таким образом, название павлиста, данное человеку, встретившемуся со мною при таких странных обстоятельствах, увеличило мое любопытство, мою симпатию к загадочной личности дона Кабралья.

Я желал более всего опять увидеть человека, который при первой встрече заинтересовал меня.

Я спешил как можно скорее доехать до фаценды рио д'Уро, где дон Зено Кабраль назначил мне свидание. Ферма эта находится на границе провинции Св. Павла и представляет самую богатую и полезную плантацию в этой стране.

Чтобы скорее достигнуть цели нашего путешествия, проводник мой, несмотря на неудобства дороги, держался берегов Уругвая.

На четвертый день мы приехали в селенье Санта-Анна, передовой пост Бразилии по течению этой реки.

Наводнение ужасно опустошило жалкую деревушку, в которой было не более десяти хижин; многие из последних были унесены водой, другим угрожало затопление; бедные жители, приведенные в самое беспомощное состояние, собрались на холме и ждали убыли воды.

Однако эти несчастные люди, несмотря на свое отчаянное положение, приняли нас самым радушным обра-

зом; они отдали в наше распоряжение все, что только было у них, и жалели, что более ничего не оставалось предложить.

На другой день на рассвете я оставил с сожалением и глубокой благодарностью этих добрых людей; прощаясь с нами, они пожелали нам благополучно доехать до цели нашего путешествия.

Впрочем, я уже проехал самую трудную часть дороги.

Мы проезжали по прекрасной гористой местности; три дня спустя после моей остановки в Санта-Анна, в два часа пополудни, в конце дороги я повернул нечаянно голову, невольно остановился и вскрикнул от удивления, видя перед собой самое красивое селение, каких мне еще не случалось встретить.

Мой гуараний, уже помилившийся со мной, улыбнулся, видя мой восторг. Ему я был обязан этим зрелищем; он хотел мне сделать сюрприз, заставляя, под предлогом сокращения дороги, ехать по едва заметным тропинкам, которые терялись в непроходимых лесах.

Передо мной, почти у самых ног, потому что я остановился на вершине довольно возвышенного пригорка, находилась деревня, окруженная густыми девственными лесами; я отлично рассмотрел ее, благодаря своему положению, и заметил даже малейшие ее подробности. В центре этого селения, которое имело в окружности около десяти лье, серебрилось озеро с прозрачной, изумрудного цвета водой, лесистые, живописные горы окружали его.

Мы находились на том месте, где Куритиба, или Гуацу, довольно важная река, вытекающая из Параны, впадает в озеро. Берега ее были покрыты савакусами*, кокобоисами** и амингасами; на ветвях этих кустов, над водой, сидели теперь стаи маленьких цаплей и ловили рыбу, насекомых или их личинок.

При устье Гуацу я заметил островок, который, по уверению моего проводника, был прежде плавучим, но, мало-помалу приблизясь к берегу, остановился. Образовавшись преимущественно из водорослей, к которым пристал чернозем, он покрыт теперь довольно густым лесом; несколько поодаль, между двумя лесистыми холмами, я видел значительное число строений, поднимаю-

* *Cancroma cochlearia*.

** *Ardea virescens*.

щихся амфитеатром, и над ними возвышающуюся остроконечную колокольню.

У подножия обрывистого ската холма, где находились строения, Гуацу с шумом перескакивал через скалы, покрытые зеленоватыми лишаями и мхом; потом, делясь на многие рукава, он пропадает после бесчисленных поворотов в темных долинах, которые лежат по обеим его сторонам. Я не мог оторваться от этого вида дикой и величественной природы; я стоял неподвижно, как очарованный, предавшись весь созерцанию и забывая все перед этой великолепной и ни с чем не сравнимой картиной, которой я никогда не мог бы налюбоваться.

— Как это прекрасно! — воскликнул я в восторге.

— Не правда ли? — отвечал, как эхо, Венадо, тихо приблизившись.

— Как называется этот великолепный край?

Индеец посмотрел на меня с удивлением.

— Разве вы его не знаете, *ми ато*? — спросил он меня.

— Как же я могу знать, когда сегодня в первый раз здесь?

— О! Страна эта очень хорошо известна, *ми ато*, — продолжал он, — издалека приезжают полюбоваться ей.

— Не сомневаюсь, однако я хотел бы знать ее название.

— Э-э! Ведь сюда-то мы и едем, *ми ато*; у вас перед глазами фаценда рио д'Уро; кажется, когда-то все эти горы, которые вы видите там, изобиловали золотом и драгоценными камнями.

— А теперь? — спросил я, заинтересовавшись.

— О! Теперь в минах не работают, хозяин не хочет этого, они затоплены водой; владелец полагает, что лучше обрабатывать землю и что это самое верное средство приобрести богатство.

— Он прав. Как зовут счастливого обладателя фаценды, рассуждающего так здраво?

— Не знаю, *ми ато*; полагают, что ферма и прилегающие к ней земли принадлежат дону Зено Кабралю, но не могу этого утверждать; впрочем, это не удивило бы меня, потому что рассказывают странные вещи, происходящие в углублениях, которые вы видите там, когда *Viracao* поднимается на поверхности озера и волнует его с такой силой, что нашим пирогам опасно проезжать по

нему, — сказал он, показывая пальцем круглые воронкообразные ямы, вырубленные в скалах.

— Что же рассказывают такого странного?

— О! Ужасные вещи, ті ато, о которых бедный индеец не смеет рассказывать такому сеньору, как вы.

Напрасно выпытывал я у своего проводника объяснений; я не мог добиться от него ничего, кроме восклицаний страха и бесчисленного множества крестных знамений. Устав его расспрашивать напрасно о предмете, который, казалось, ему не нравился, я переменил разговор.

— Через сколько времени приедем мы на ферму? — спросил я.

— Часа через четыре, ті ато.

— Как ты полагаешь, приедет ли уже тогда дон Зено и встретим ли мы его там?

— Кто знает, ті ато; если сеньор Зено захочет, то будет, если же нет, то не будет.

Не получив и в этом случае удовлетворительного ответа, я отказался предлагать своему проводнику вопросы, на которые он, как будто нарочно, отвечал так забавно; мы снова тронулись в путь.

По мере того как мы спускались в долину, вид менялся; таким образом я проехал, сам не замечая того, довольно большое пространство.

Когда мы начинали взбираться по довольно широкой и хорошо содержанной дороге, которая вела к первым строениям, я увидел всадника, скакавшего к нам во весь дух.

Мой проводник боязливо дотронулся до меня.

— Вы его видите, ті ато? — сказал он мне.

— Кого? — ответил я.

— Всадника.

— Ну что ж?

— Разве вы не узнаете его? Это дон Зено Кабраль.

— Невозможно! — вскричал я.

Индеец покачал головой несколько раз.

— Ничего нет невозможного для сеньора Зено, — пробормотал он.

Я посмотрел внимательнее и в самом деле узнал дона Зено Кабралья, своего прежнего спутника; он был одет точно так же, как и при первой встрече.

Через минуту он был уже около меня.

— Милости просим пожаловать в фаценду рио д'Уро, — весело сказал дон Зено, протянув мне правую руку, которую я крепко пожал. — Хорошо ли вы ехали?

— Отлично, благодарю вас, только очень устал, но, — прибавил я, заметив на губах его тонкую улыбку, — хотя я еще не выдаю себя за путешественника, равного вам по неустойчивости, однако начинаю уже привыкать; к тому же вид этой прекрасной местности заставил меня совершенно позабыть усталость.

— Не правда ли, картина прекрасна, — сказал он мне с гордостью, — и заслуживает, чтобы приезжали любоваться ею даже после самых великолепных европейских видов?

— Конечно, тем более что сравнивать их нельзя.

— Вы были довольны, я полагаю, этим негодяем? — спросил он, повернувшись к проводнику, который скромно и боязливо остановился в некотором отдалении.

— Совершенно доволен; он вполне загладил свой проступок.

— Я так и знал; очень рад, что вы отзываетесь о нем таким образом — это меня помирит с ним. Беги вперед, рисаго, дай знать о нашем приезде.

Индеец не дожидаясь вторичного приказа и, прищипорив свою лошадь, поскакал.

— Эти индейцы странные люди, — продолжил дон Зено, провожая его глазами, — их можно усмирить только угрозой, но, несмотря на это, в них есть много хорошего, и, подчиняя их своей воле, можно всегда сделать что-нибудь из них.

— Исключая тех, я думаю, которые хотели сыграть с вами дурную шутку, когда я имел удовольствие встретить вас, — отвечал я.

— Отчего же? Бедняги, по их мнению, поступили очень хорошо, ища освободиться от человека, которого они боялись и принимали за своего врага; я не могу за это сердиться на них.

— И вы не боитесь, подвергая себя таким опасностям, сделаться в один прекрасный день жертвою их вероломства?

— Пусть случится, что угодно Богу, а я все-таки исполню до конца задачу, которую наложил сам на себя. Но оставим это; вы останетесь некоторое время у нас, дон Густавио, не правда ли?

— Два или три дня, — отвечал я.

При этих словах лицо моего хозяина потеряло веселое выражение.

— Вы очень спешите? — спросил он меня.

— Нисколько; напротив, я могу располагать своим временем, как желаю.

— В таком случае зачем же так скоро покидать нас?

Я не знал, что ответить, и наконец выразил откровенно, что боялся стеснить хозяина.

Дон Зено Кабраль положил мне дружески руку на плечо и, пристально посмотрев на меня, сказал: «Дон Густавио, бросьте все подобные европейские церемонии, которые здесь вовсе неуместны; нельзя стеснять человека, которому принадлежит, после Бога, более тридцати квадратных лье и который повелевает двумя тысячами душ белых, краснокожих и черных; смело принимая приют, который человек этот честно предлагает вам как другу и брату, вы сделаете ему честь.

— Боже мой, — отвечал я, — вы, любезный хозяин, умеете так объяснить вещи, что отказ становится вполне невозможным; я совершенно полагаюсь на вашу откровенность, делайте со мною, что хотите.

— Давно бы так, вот это сказано во французском духе, коротко и ясно; но успокойтесь, я не употреблю во зло вашей доверенности; даже, может быть, если бродяжнические наклонности все еще владеют вашим сердцем, я через несколько дней сделаю вам приятное предложение.

— Какое? — воскликнул я с живостью.

— Увидите. Но тише! Мы приехали.

В самом деле, через пять минут мы въехали в фаенду между двойным рядом слугителей, выстроенных для того, чтобы принять нас и отдать нам честь. Я не буду распространяться на счет гостеприимства, предложенного мне в этом чисто княжеском доме.

Прошло несколько дней, в продолжение которых мой хозяин старался всеми силами развлечь меня.

Однако, несмотря на все его усилия казаться веселым, я заметил, что серьезная мысль озабочивала его; я не смел его расспрашивать, боясь показаться нескромным; я ждал с нетерпением объяснения, которое удовлетворило бы мое любопытство, и с трудом сдерживал вопросы, которые постоянно готов был предложить.

Наконец, под вечер он вошел в мою комнату; лакей, сопровождавший его, нес несколько огромных связок бумаг.

Положив эти связки на стол и отослав человека, дон Зено сел возле меня и, подумавши с минуту, сказал:

— Дон Густавио, я вам говорил об экспедиции, в которой просил вас принять участие, не так ли?

— Действительно, дон Зено, — отвечал я, — и готов следовать за вами.

— Очень вам благодарен, мой друг, но прежде чем принять ваше согласие, позвольте мне высказать несколько объяснительных слов.

— Сделайте одолжение.

— Экспедиция, о которой здесь идет речь, одна из самых важных; она направлена к неизвестным странам, куда весьма редко проникала нога белых; нас встретят почти непреодолимые препятствия, нам станут угрожать ужасные опасности; несмотря на предосторожности, взятые мною для устранения их, я должен вам признаться, что мы рискуем умереть среди диких племен, с которыми придется воевать; я зрело обдумал и тщательно обсудил все шансы на успех или на неудачу, которые мы должны встретить.

— И вы едете?

— Да, еду, потому что имею на это очень важные причины; но вы, ваше положение совсем другое, я не признаю за собой права увлечь вас в отчаянную попытку, последний шаг предприятия, начавшегося несколько лет тому назад, результат которого, помимо вашей дружбы ко мне, нисколько не может интересовать вас.

— Я отправлюсь с вами, дон Зено, что бы ни случилось; я решил и не изменю своему намерению.

Он помолчал с минуту.

— Хорошо, — сказал дон Кабраль несколько взволнованным голосом, — я не буду далее настаивать. Несколько раз мы разговаривали между собой о павлистах, вы меня расспрашивали о них; вы найдете в заметках, которые я оставляю вам, много подробностей; прочтите их внимательно, они вам объяснят причину экспедиции, которую я хочу теперь предпринять; если вы, прочитав их, найдете причину все еще справедливой и согласитесь содействовать мне, я буду очень рад. Прощайте; перед

вами три дня, чтобы узнать, что нужно; по прошествии этого времени мы или расстанемся навсегда, или отправимся вместе.

Дон Зено Кабраль встал, пожал мне руку и вышел из моей комнаты.

Три дня спустя я отправился с ним.

Записки, приведенные мною в порядок и связанные с экспедицией, в которой я принял участие, предлагаю теперь читателю; я только употребил предосторожность переменить некоторые имена и числа, чтобы не задеть щекотливости людей, еще существующих и во всяком случае достойных уважения, которым они окружены в Бразилии; но кроме этих незначительных изменений, самая суть неоспоримо верна; я могу представить доказательства в подтверждение ее правдоподобия.

Я нашел нужным совершенно вычеркнуть себя из последней части, чтобы оставить этому рассказу всю красоту и весь отпечаток дикого, естественного величия.

Искренне желаю занять читателя описанием нравов, столь различных от наших; в настоящее время они с каждым днем уступают неуклонному влиянию цивилизации и скоро будут существовать только в памяти некоторых стариков — так скоро распространяется прогресс даже в самых отдаленных странах.

ЭЛЬ-ДОРАДО

ГЛАВА I

О Sertao

Двадцать пятого июня 1790 года около семи часов вечера довольно многочисленный отряд всадников выехал из узкого оврага и начал взбираться по крутой тропинке, едва обозначенной на склоне горы, которая образует крайний предел сиерры Ибатукаты, лежащей в провинции Санта-Пауло.

Эти всадники, переплыв реку Парана-Пану, готовились, без сомнения, переехать Рио-Тиети, если, как по видимому показывало принятое ими направление, они ехали в Минасгерайское губернаторство.

Большей частью хорошо одетые, они носили живописный наряд сартанейев и были вооружены саблями, пистолетами, ножами и карабинами; скатанные лассо висели на кольцах, сбоку седла.

Нужно заметить, что боласы, страшное оружие гаучо пампасов восточной банды, совершенно неупотребительны внутри Бразилии.

Люди эти, с загорелыми лицами, с надменным видом, гордо сидя на своих лошадях, держа оружие наготове, со взглядом, постоянно устремленным на кустарники, чтобы наблюдать за дорогой и открывать засады, представляли при косвенных, непалющих лучах заходящего солнца необыкновенное сходство с теми отрядами искателей приключений — павлистов, которые в шестнадцатом и семнадцатом веке, казалось, были направляемы перстом Божиим на отважные открытия; они завоевали

новые страны для метрополии и кончили тем, что оттеснили в леса воинственные и непокоренные племена первых обитателей этой земли.

Сходство это довершалось обстановкой; в территории, по которой ехали всадники, теперь живут белые и кочующие метисы, большей частью пастухи и охотники, но в то время еще бродили многие индейские народы, пропитанные ненавистью к белым и смотревшие, не без основания, на эту землю, как на свою собственность, беспощадно воевали с бразильцами, нападали на них и резали их везде, где ни встречали.

Всадников было около тридцати, считая служителей, приставленных наблюдать за обозом, перевозимым на мулах; они в случае нападения должны были вступать в бой, а потому были вооружены саблями и ружьями. В некотором расстоянии от первой группы ехала вторая, состоявшая из дюжины всадников, среди которых два мула везли паланкин (носилки), закупоренный со всех сторон.

Обоими отрядами, очевидно, предводительствовало одно лицо, потому что, когда первый достиг вершины горы и остановился, от него отделился всадник, посланный ко второй группе, по-видимому для передачи приказа ускорить шаг.

Люди второго отряда имели военный вид и были одеты как конквистские солдаты (*soldados da conquista*); поэтому человек, знакомый с бразильскими нравами, мог узнать, что предводитель каравана был не только богат и силен, но что, кроме того, путешествие имело важную цель и было преисполнено опасностями.

Несмотря на дневной жар, несколько спадавший уже, солдаты крепко держались в седлах; они носили, что, казалось, их нисколько не стесняло, странный наряд, без которого никуда не выезжают, т. е. кирасы, так называемые *gibao de actas*, род дорожного казакина, подбитого шерстью и стеганного, который, доходя до колен, защищает руки и предохраняет их от индейских длинных стрел лучше всяких лат. Так как они во время погони за дикарями в лесу бывают принуждены оставлять лошадей, с которыми не могли бы проникнуть в девственные леса, то носят сбоку род большого кривого ножа, называемый *faca*o и служащий им для разрезания лиан, чтобы очищать себе дорогу; сверх того — у каждого

мушкетон или ружье без штыка, которое заряжается крупной дробью, потому что почти невозможно направить верно пулю в эту густую зелень, которая становится еще более непроницаемой от странного расположения ветвей и от сплетения лиан.

Солдаты наводят страх на индейцев и марронов, которых преимущественно поручено им ловить. Большая часть их состоит из индейцев или метисов, и потому они отлично знают все хитрости дикарей и сражаются с ними только в засадах.

Их очень уважают за мужество, скромность и за самую непоколебимую верность; таким образом, присутствие дюжины их в караване служило верным признаком высокого положения, занимаемого в бразильском обществе вождем экспедиции или, по крайней мере, путешественников. Общество остановилось, как мы уже сказали, на вершине горы; с этой высоты открывался со всех сторон, на довольно большое расстояние, великолепный вид лесов, холмистых долин, прорезываемых бесчисленным множеством потоков, но не было ни одного дома, ни одной лачуги, которая оживляла бы эту пышную и дикую природу; это была действительная *sertao*, т. е. пустыня во всей своей величественной и дикой красоте. Путешественники, мало интересовавшиеся очаровательной картиной, развертывавшейся перед ними, и к тому же утомленные продолжительным путешествием по почти непроходимым местам, под палящими лучами солнца, ударявшими им прямо в голову, старались поскорее устроить на ночь свой лагерь.

Между тем как одни развьючивали мулов и сваливали в кучу тюки, другие устанавливали палатку посреди не импровизированного лагеря; кто посильнее, тот рубил деревья для временного укрепления, остальные разводили для ужина огни, которые должны были поддерживаться целую ночь, чтобы удалить диких зверей.

Когда все было устроено, всадник с гордым видом, лет двадцати восьми и не более тридцати, аристократические манеры которого, гордый взгляд и отрывистый разговор обличали привычку повелевать, приказал приблизить паланкин, остававшийся до того времени вдали и все еще окруженный стражей. Паланкин принесли к самой палатке и открыли; занавес палатки заколебался, потом опять упал, не дав узнать, какого пола была лич-

ность, сидевшая в паланкине, по выходе которой тотчас же унесли носилки. Солдаты, вероятно, получившие такое строгое приказание, окружили шатер и не допускали к нему никого на пистолетный выстрел.

Начальник отряда после исполнения его приказа ушел в палатку немного поменьше, поставленную в нескольких шагах от первой, и, бросившись на стул, погрузился в размышление.

Господину этому, как мы уже сказали, было от двадцати восьми до тридцати лет, черты его лица были тонки и аристократичны, почти женственной нежности и красоты; его лицо, кроткое и ласковое на первый взгляд, при внимательном изучении теряло, однако же, это выражение и принимало вид жестокой и насмешливой злобы, которая внушала боязнь и почти отвращение; его большие черные глаза смотрели неопределенно и редко останавливались на чем-нибудь; рот его, украшенный зубами ослепительной белизны, и тонкими, черными, тщательно закрученными усиками, передергивался по временам иронической улыбкой. Хотя он был таков в действительности, но для поверхностного наблюдателя он показался бы удивительным всадником, исполненным благородства и пленяющим своей гордой осанкой.

Он пробыл один около двадцати минут в своей палатке, так углубившись в самого себя, что, казалось, не только позабыл утомление целого дня, проведенного на коне, но также и место, где находился; в это время поднялась тихо занавесь палатки, и на пороге показался человек, который, уверившись, что господин, портрет которого мы только что набросали, был действительно один, вошел вовнутрь, снял шапку и почтительно стал ожидать, чтобы тот, к которому он пришел, заговорил с ним. Личность эта составляла чрезвычайно резкий контраст с первой; это был еще молодой человек, с мускулистыми членами, с угловатыми чертами лица, с низкой, жестокой и невзрачной физиономией, с отпечатком скрытой злости; низкий, вдавленный лоб, серые, круглые, сильно углубленные в глазные впадины и довольно далеко отстоящие друг от друга глаза, длинный загнутый нос, выдающиеся скулы, большой и безгубый рот делали его немного похожим на хищную птицу из самой низкой породы; чудовищная голова его, поддерживаемая толстой и короткой шеей, была вдавлена в безобразно широкие

плечи, его покрытые сильными мускулами руки придавали ему вид грубой и удивительной силы. Все это вместе взятое имело что-то отталкивающее. Существо это, которое легко можно было узнать, что оно метис *tamaluco*^{*}, носило наряд сартанейев, но костюм этот, хотя прекрасный и живописный, далеко не поправляя его стан и не рассеивая глупого выражения лица, служил только, так сказать, для того, чтобы выказать его еще более.

Несколько минут прошло, а молодой человек все еще не замечал своего странного посетителя; последний, соскучившись так долго ждать и желая, без сомнения, как можно скорее прервать молчание, не нашел более верного средства, как уронить свой карабин. При шуме, раздавшемся от удара оружия об камень, молодой человек вздрогнул и поднял вдруг голову. Узнав тогда человека, который стоял перед ним неподвижно как истукан, он несколько раз провел рукой по лбу, как будто для того, чтобы прогнать докучливые мысли, подавил отвращение и, улыбаясь, сказал:

— А! Это вы, Малько Диац?

— Да, это я, маркиз, — отвечал метис тихим, почти задыхающимся голосом.

— Ну! Что же вы хотите еще от меня?

— Э! — сказал тот со скрытой насмешкой, — прием, который мне делает ваше сиятельство, не слишком-то радушен. Вот уже два дня, как я с вами не разговаривал.

— Мне, я думаю, не нужно стесняться перед вами. Зачем же это? Разве вы не получаете жалованья, а вследствие этого вы не слуга ли мой? — продолжал маркиз с оттенком гордости, с целью дать почувствовать посетителю расстояние, которое установили между ними общественные условия.

— Правда, — отвечал Малько, — слуга — собака, и обходиться с ним нужно как с собакой, но вы, однако, знаете пословицу: «*A bom jogo boa volta!*»^{**}.

— Избавьте меня, пожалуйста, от ваших глупых поговорок и скажите без обиняков — зачем пришли сюда, — отвечал молодой человек с нетерпением.

* Так называют метисов, рожденных от белого и индейки и наоборот.

** Долг платежом красен.

Малько Диац устремил на него злобный взгляд.

— В самом деле, — начал он, — вы правы, ваше сиятельство, лучше сейчас же покончить.

— Жду!

— Я пришел рассчитаться с вами; вот и все, сеньор.

— Гм! — процедил между зубами молодой человек, — рассчитаться, что это значит, *velhaso*?

— *Velhaso* или нет, маркиз, я все-таки хочу свести с вами счеты.

— Я не понимаю вас, объяснитесь, но сделайте милость, короче, у меня нет лишнего времени, чтобы слушать вашу болтовню.

— Я лучшего и не желаю, маркиз, хотя это вовсе не болтовня, как вы сейчас изволили сказать.

— Увижу, начинайте!

— Ну вот в чем дело, ваше сиятельство: я нанялся к вам тому назад два месяца в Рио-Жанейро в проводники за четыре испанских унций в месяц, или, если вам угодно, за сто шесть тысяч реисов*, не так ли, ваше сиятельство?»

— Совершенно верно, только вы позабыли, господин Диац, что получили от меня по своей просьбе до отъезда из Рио-Жанейро...

— За месяц вперед, — перебил *tamaluso*, — напротив, я очень хорошо помню, ваше сиятельство».

— Так что же вам нужно?

— Мне нужно остальное.

— Как остальное, с какой стати?

— О, по очень простой причине. Ваше сиятельство, так как наше условие кончится завтра в десять часов утра, то я хочу рассчитаться с вами сегодня, чем беспокоить вас во время путешествия.

— Как, разве мы уже так долго в дороге?

— Сосчитайте, ваше сиятельство.

— Действительно, — отвечал тот задумчиво.

Молчание продолжалось довольно долго, вдруг молодой человек прервал его и, подняв голову, стал пристально смотреть на метиса.

— Итак, вы хотите оставить меня, Малько Диац, — сказал он более дружеским тоном, нежели прежде.

* Реисы — мнимая монета; эта сумма составляет около 340 франков, т. е. около 140 русских рублей.

— Разве мое обязательство не кончилось, ваше сиятельство?

— Кончилось, но вы можете его возобновить.

Малько колебался, хозяин не сводил с него глаз; наконец он решился.

— Слушайте, ваше сиятельство, — сказал он, — позвольте мне откровенно говорить с вами.

— Говорите.

— Ну что же! Вы знатный барин, маркиз, это правда; я в сравнении с вами ничтожный бедняга; однако как я, по вашему мнению, ни жалок, у меня есть бесценное богатство, и я сглупил, согласившись служить вам.

— И это богатство...

— Моя свобода, ваше сиятельство, моя независимость, право ездить и возвращаться, не отдавая никому отчета в своих поступках, говорить, не соразмеряя свои слова и не выбирая особых выражений; признаюсь, я не рожден быть слугой. Что будешь делать, мы, сартанейи, так созданы, что предпочитаем свободу и бедность — богатству в рабстве; я знаю, это глупо, но что же делать?

— Вы все сказали?

— Да, все, ваше сиятельство.

— Но ведь вы не слуга, вы только проводник.

— Это правда, ваше сиятельство, но вы невольно забываете, что я проводник, и обходитесь со мной как со служителем, а я не могу приучиться к такому обращению, гордость моя возмущается при этом, кровь кипит в моих жилах, и я боюсь тогда, что у меня неостанет терпенья.

Презрительная улыбка пробежала по губам молодого человека.

— Таким образом, это единственная причина, которая заставляет вас меня покинуть? — отвечал он.

— Точно так, ваше сиятельство.

— Но если, довольный вашей службой, я предложил бы вам вместо четырех — пять квадруплов, вы, без сомнения, согласились бы?

В глазах таталисцо блеснула алчность, но сейчас же это выражение сгладилось.

— Извините, ваше сиятельство, — сказал он, — я бы отказался.

— Даже если я предложил бы вам шесть?

— Даже если бы вы предложили мне десять.

— А! — воскликнул маркиз, кусая губы.

Очевидно, молодой человек находился под влиянием глухого гнева, который он сдерживал с трудом.

— Когда вы хотите уехать от нас? — спросил он.

— Когда, ваше сиятельство, позвольте мне.

— А если бы я захотел, чтобы вы остались с нами до завтра, до десяти часов утра?

— Я остался бы, ваше сиятельство.

— Хорошо, — сказал молодой человек хладнокровно, — я вижу, что это для вас дело решенное.

— О! Совершенно, ваше сиятельство.

— Я сейчас же вам заплачу, что остался должен; потом вы уедете хоть тотчас.

Метис сделал движение, похожее на выражение благодарности, но не произнес ни одного слова.

Маркиз вынул из кошелька несколько золотых монет и подал их метису.

— Возьмите, — сказал он.

Малько протянул руку, но сейчас же, одумавшись, сказал:

— Извините, ваше сиятельство, вы ошиблись.

— Я? Каким образом?

— Да ведь вы должны мне, кажется, только четыре унции.

— Ну что же?

— А вы даете мне восемь.

— Я вам даю четыре унции, потому что должен, и четыре другие, потому что перед разлукой хочу доказать вам мою признательность за то, что верно исполняли свой долг во время пребывания на моей службе.

Во второй раз таталис колебался, но, делая над собою страшное усилие и сделав шаг назад, как будто для того чтобы высвободиться из-под влияния блестящего металла, положил с видимым отвращением четыре золотые монеты на ящик, отвечая голосом, задыхающимся от внутреннего волнения:

— Очень вам благодарен, ваше сиятельство, но я не могу принять такой богатый подарок.

— Отчего же, если мне хочется вам предложить его, Малько? Разве я не имею право располагать тем, что принадлежит мне, и выражать свою признательность?

— Да, ваше сиятельство, вы вольны делать это, но я повторяю вам, что не приму.

— По крайней мере объясните мне почему, так как, если я не ошибаюсь в вас, вы так же, как и другие, любите золото.

— Да, маркиз, я люблю его, когда оно добыто честно, но я не нищий, чтобы принимать награду, которую не заслужил.

— Чувства эти делают вам честь, — отвечал с язвительной насмешкой молодой человек, — поздравляю вас и беру назад свое предложение.

Он взял тогда четыре монеты, подкинул их несколько раз на своей руке и положил потом в кошелек.

— Теперь мы рассчитались?

— Да, ваше сиятельство.

— И мы расстанемся друзьями?

— Хорошими друзьями.

— Вы ночуете в лагере?

— Я до завтрашнего дня к услугам вашей милости.

— В свою очередь благодарю вас, сеньор Малько; так как дела наши по общему согласию теперь кончились, то ничто не удерживает вас около меня, я предоставляю ехать вам когда угодно.

— В таком случае я воспользуюсь вашим позволением, потому что лошадь моя еще не расседлана, ваше сиятельство.

— А-а! Кажется, вы предвидели этот случай?

Matalisco, несмотря на свою наглость, незаметно вздрогнул.

— Теперь прощайте, — продолжил молодой человек, — вы свободны; только так как мы, вы сами сказали, расстаемся друзьями, постарайтесь быть ими всегда.

— Я вас не понимаю, маркиз.

— Вспомните пословицу, на которую вы ссылались в начале нашего разговора, и постарайтесь применить ее к себе; желаю вам благополучного путешествия. — И он знаком приказал метису удалиться.

Последний, находясь в весьма неприятном положении под инквизиторским взглядом маркиза, не заставил повторить это приглашение, он неловко поклонился и вышел из палатки.

Отвязав лошадь, привязанную им к колу, он вскочил в седло и уехал с задумчивым видом, спускаясь рысцою с горы, в направлении к степи (*sertao*), на границе которой караван расположился лагерем.

Когда метис отъехал на такое расстояние, что его не могли заметить, он круто повернул направо и поехал назад по своим следам, тщательно стараясь не возбудить подозрения бразильских часовых.

«Черт, а не человек! — прошептал он, внимательно осматривая кустарники из боязни быть застигнутым врасплох. — Очевидно, он подозревает что-то; у меня впереди есть несколько минут, и если я не воспользуюсь ими, я пропащий человек; да, но я не допущу этого, дело слишком выгодно, чтобы я не употребил всех стараний для благополучного его исхода. Посмотрим, чья возьмет, — я или этот прекрасный и ласковый на словах господин».

Сильно прищипорив свою лошадь, *mataluso* погнал ее в галоп и не замедлил скрыться в темноте; во время его разговора с прежним господином настала темная ночь.

Между тем как Малько вышел из палатки, маркиз встал с рассерженным и грозным видом, но почти тотчас же опустился на стул и сказал глухим голосом:

— Нет, дадим ему время удалиться, оставим его в совершенной беспечности; изменник, кажется, не знает, что я так хорошо извещен. О! Я жестоко отомщу за сдержанность, с которой я должен был говорить с ним; одно доказательство! только одно! но доказательство это необходимо для меня, и я его буду иметь! — Он встал опять, поднял занавес палатки и выглянул: полнейшее спокойствие царствовало в лагере, маркиз позвал тогда сдержанным голосом два раза с расстановкою: — *Диэго! Диэго!*

При этом зове приблизился почти тотчас человек.

— Я здесь, — сказал он.

— Войдите скорей, — продолжал маркиз.

Человек этот был начальник конквистских солдат. Он вошел.

Занавесь палатки опустилась за ним.

Тару-Пиом*

Изю всех индейцев Нового света первобытные жители Бразилии упорнее всех защищали свою независимость и противились с ужасным остервенением нашествию белых на свои владения. Еще теперь эта война, начавшаяся в первые дни покорения, продолжается неутомимо с обеих сторон с таким ожесточением, что кончится, без сомнения, совершенным истреблением несчастного племени, уже вполне разоренного европейцами. Мы находим необходимым распространиться, для большей ясности рассказа, о нравах этих наций, из которых многие теперь уже не существуют, а другие, если не совершится с ними естественная перемена, не замедлят навсегда исчезнуть с поверхности земного шара.

История американских племен еще до сих пор — тайна; вполне доказанной, по нашему мнению, должна считаться только одна истина, именно, что население Америки совершалось постепенно в различных ее концах различными же племенами, которые сами покорили, как гласят древние памятники, между прочим памятники Паланка, построенные ранее самых старых пирамид Египта, покорили, говорим мы, туземцев неизвестного для нас происхождения, но достигших высокой степени развития и цивилизации.

* По-ботокудски *Тару* — солнце; *пиом* — приходить; *восходящее солнце*.

Большие индейские нации, покрывавшие во время завоевания бразильскую землю: *тапуасы*, *тубарайсы*, *тупинамбы*, *тупиникане*, *айморасы* и еще много других — большей частью разорены или уничтожены до такой степени, что уже не могут составлять отдельного племени; они смешались друг с другом, шаг за шагом отступая перед белыми, образовали союзы для сопротивления нашествию белых и положили, таким образом, основание бандам, продолжающим теперь еще войну.

Главной нацией в настоящее время в Бразилии должны считаться *ботокуды*, потомки айморасов, обычаи которых они сохранили почти в целости; между прочим, замечательно продергивание в нижнюю губу круга из дерева или из раковины, шириной часто в два или три дюйма.

Далее следуют *патагосы*, *машаселии*, *малалы*, *маконы*, *камаканы* (весьма цивилизованный народ), *мукунии*, *панамы*, *капочесы* и еще много других, менее важных, которые составляют как бы общества, а не племена. Эти индейцы почти все независимы и ведут кочующую жизнь, сохраняя в степях и девственных лесах Бразилии недоступные жилища, в которые португальское могущество не может проникнуть.

Между собою эти племена постоянно воюют, потому что самый ничтожный повод возбуждает непримиримую вражду; они, однако, забывают свою ненависть и соединяются большими толпами, когда нужно напасть на белых. Этот дружный отпор до того ожесточает португальцев, что они обходятся с индейцами, как с дикими животными, и беспощадно истребляют их, если удастся застать их врасплох, что случается, впрочем, очень редко по баснословной хитрости дикарей.

Как древние, так и современные историки укоряют индейцев в людоедстве. К несчастью, несмотря на их энергичные опровержения, эта ужасная привычка не подлежит сомнению. Со времени несчастного Ганса Штадена, пленника тупинамбов в шестнадцатом веке, которому хозяин, кровожадный Квониам-Бебе, говорил со страшными угрозами, что он уже съел пятерых европейцев, до настоящего времени людоедство сохраняется у туземцев Бразилии.

Эта ужасная привычка возникла не вследствие недостатка в пище, а есть проявление искаженного вкуса, по которому человеческое мясо возбуждает в них особенный аппетит. Часто после битвы они пожирают своих пленников, оставляя только их головы, которые они бальзамируют и сохраняют как трофеи. Но мы должны отдать полную справедливость некоторым индейским племенам, семи или восьми, всегда отказывавшимся от этого обыкновения и невинных в подобном преступлении.

В продолжение нашего рассказа нам придется поговорить подробнее о некоторых странных, почти неизвестных еще нравах бразильских жителей.

Знакомство с ними, однако, представляет особенный интерес и потому, что недалеко время, в которое они будут существовать только в виде предания, при безостановочных успехах цивилизации; совершенное истребление первобытных жителей этих стран так же неизбежно, как в других частях Нового света.

Около десяти льс от плоскости, где караван, о котором мы выше говорили, остановился на ночлег, несколько времени до заката солнца, на широкой лужайке, находящейся на левом берегу Парагвая, у опушки *catinga*, или низкого, довольно обширного леса, три человека, сидя на опрокинутых стволах деревьев, вели между собой очень оживленный разговор.

Эти личности, хотя сразу можно было узнать, что они индейцы, принадлежали, однако же, если не разным народам, то по крайней мере различным племенам.

Первый, насколько можно было предположить, потому что лета индейца очень трудно узнать, был человек не старше тридцати пяти — сорока лет; он был высокого роста, его мощные, хорошо сложенные члены выказывали огромную силу; правильные черты его лица были бы прекрасны, если бы их не обезображивала странная раскраска и татуировка; но, всмотревшись хорошенько в него, можно было видеть, что в глазах его блестит тонкость, которая выказывала присутствие недюжинного ума; его жесты, исполненные благородства, и гордая, высокомерная осанка придавали ему дикую величественность, вполне соответствующую с мрачным и таинственным видом, которым он был окружен.

Наряд этого индейца, хотя очень простой, не был лишен приятности и щегольства: ярко-красная повязка его, в которой было воткнуто несколько перьев попугая и которая плотно обхватывала голову, обриту, как у францисканского монаха, выказывала не только то, что он был из племени гуакуров, но еще и звание вождя; ожерелье из зубов ягуара окружало его шею, ярких цветов кожаные шаровары, висевшие до колен, были стянуты в бедрах поясом из кожи тапира, за которым торчал длинный нож; ноги были защищены от укуса змей сапогами, сделанными из кожи передних лошадиных ног, снятой цельным куском с неостывшего трупа; теплая кожа когда-то была надета на ногу, как чулок, и высыхая приняла очертание частей, которые должна была предохранять.

Кроме висящего у пояса ножа, гуакурский вождь положил около себя на землю колчан из тапировой кожи, наполненный стрелами; блестящий и отполированный лук, необыкновенной упругости и размера, лежал у него под рукой, около колчана; к пальме была прислонена пика длиной не менее пятнадцати футов, обложенная острым железом и украшенная в нижней части пучком страусовых перьев.

Второму индейцу было почти столько же лет, как и его собеседнику; черты его лица, несмотря на татуировку и раскраску, которые искажали их, были прекрасны, а лицо его было чрезвычайно подвижно; он был вооружен и одет, как первый; только по головному убору, сделанному из волокнистых и эластичных цветков пальмы *ibassa* и укрепленном на его макушке, было легко узнать в нем вождя пейягов, нации почти такой же могущественной, как и гуакуров; оба племени одинакового происхождения, хотя часто воюют друг с другом.

Последний индеец был, бедняга, наполовину гол, худ, сгорбился и представлял скромный и болезненный вид; он был, по всей вероятности, их раб и боязливо стоял в отдалении от обоих вождей, карауля лошадей.

Кони эти, раскрашенные разными красками, как и их хозяева, вместо всякой сбруи имели только грубые седла, покрытые тапировыми шкурами и снабженные деревянными стремянами; по бокам седел висело лассо и страш-

ные боласы; вместо недоуздка на них были веревки, скрученные из волокон дикого ананаса.

В ту минуту, когда мы выводим на сцену этих трех личностей, гуакурский вождь говорил, куря трубку, сделанную из скатанных пальмовых листьев, а его слушал с серьезным равнодушием другой вождь, который стоял перед первым, облокотясь беспечно на свое копьё.

— Человек, о котором мой брат, Емавиди-Шэмэ, уведомил меня, не едет, — сказал он, — солнце быстро заходит за землю; много часов протекло с тех пор, как я стал ждать свиданья; что думает предводитель пейягов?

— Нужно подождать еще; он приедет, он обещал; хотя он и выродок, все-таки не бледнолицый; в его жилах есть несколько крови тупиев.

Гуакур покачал с презрением головой.

— Как зовут этого человека? — продолжил он.

— Разве Тару-Ниом его не знает? Он уже раз имел дело с ним. Его зовут Малько Диац.

— Я видел его, — сказал лаконически вождь, опуская задумчиво голову на грудь. После нескольких минут молчания он сказал глухим голосом: — Мой брат Емивиди-Шэмэ не видел никогда, как дерутся ягуары?

— Никогда, — отвечал пейяг.

— Так зачем же вождь полагается на добросовестность того человека? Индейская кровь, если у него остается ее несколько капель, до того смешалась в его жилах с кровью бледнолицых и чернокожих, что потеряла всю свою силу, и она — только красноватая вода, без действительной силы.

— Мой брат говорит хорошо, его слова справедливы; я вовсе не на добросовестность таталисцо полагаюсь.

Тару-Ниом поднял голову.

— На что же в таком случае? — спросил он.

— На его ненависть сначала, а потом...

— Потом?..

— На его скупость.

Гуакурский вождь подумал с минуту.

— Да, — продолжил он наконец, — только к этим двум чувствам нужно обращаться, когда хочешь вступить в союз с этими бесчестными собаками; но разве этот таталисцо не павлист?

— Нет, он, напротив, сартанейец.

— Белые, к какому бы разряду ни принадлежали, всегда дурны; какое обеспечение дал Малько вождю пейягов?

— Самое лучшее, которое я только мог желать; сын его, которому он поручил донести мне, приехал в мою деревню с двумя черными невольниками; один раб отправился назад, но другой остался вместе с мальчиком в руках моих воинов.

— Хорошо, — отвечал Тару-Ниом, — я узнаю по этому поступку бдительность своего брата, Емавиди-Шэмэ; если отец изменит, дитя умрет.

— Оно умрет.

Между обоими собеседниками водворилось опять молчание на довольно продолжительное время.

Солнце совершенно исчезло, тень покрывала землю, мрак туманным саваном окружил лес, в котором находились эти люди; уже в глубине пустыни слышались глухие рыкания, возвещавшие пробуждение лютых царей ее.

Невольник, который был индеец-мундрук, по приказанию своего господина Тару-Ниома, капитао гуакуров — индейцы этого племени приняли португальские титулы, — собрал сухие сучья, сделал род костра между двумя вождями и зажег его, чтобы свет огня удалил диких животных.

— Очень поздно, — сказал гуакур.

— Дорога, ведущая сюда, длинна, — лаконически ответил пейяг.

— Объяснил ли тапалусо моему брату, зачем он желал соединения его воинов с моими?

— Нет, Малько осторожен, невольник может изменить доверчивости своего господина и продать его тайну врагу; тапалусо сам объяснит вам дело, которые хочет предложить; но я уже с давних пор знаю Малько, мы будем не правы, если не поверим ему до известной степени.

— Хорошо, — отвечал вождь с высокомерием, — для меня в этом человеке нужды нет. Я прискал сюда только по приглашению своего брата; я знаю, что он не изменит мне, мне и этого довольно.

— Благодарю своего брата Тару-Ниома за хорошее мнение, которое он имеет обо мне; уже с давних пор я ему предан.

В эту минуту послышался легкий, почти неслышный сначала шум, который быстро приближался и скоро принял характер раската отдаленного грома. Оба индейца прислушались, потом обменялись улыбками.

— Это скачет лошадь, — сказал Тару-Ниом.

— Через несколько минут он будет здесь.

Вожди не ошиблись; в самом деле, скакала во всю прыть лошадь, которая приближалась с удивительной скоростью. Скоро сухие ветки затрещали, кусты раздвинулись усилием мощной груди лошади, пущенной во весь опор, и на лужайке появился всадник. Не доехав на два шага до воинов, он вдруг осадил своего коня, соскочил на землю и кинул поводья невольнику, который повел благородное животное к двум другим. Всадник, читатель, вероятно, догадался, что он был тамалусо, разговаривавший с маркизом в его палатке, поклонился индейцам и сел против них.

— Мой друг очень опоздал, — сказал пейяг немного погодя.

— Правда, капитао, — отвечал Малько, отирая рукой пот на лбу, — я был бы здесь давно, но господин мой остановился от этого места гораздо дальше, чем я предполагал, и, несмотря на сильное желание не опоздать на свиданье, которое вам назначил, мне было невозможно приехать раньше.

— Хорошо, это не беда, потому что сартанейо здесь. Несколько потерянных часов не составят ничего, если дело, которое он предлагает нам, хорошее.

— Я думаю, что хорошее; впрочем, вы сами увидите; скажите мне, однако, намерены ли вы еще прервать перемирие, которое тому назад семь лун вы заключили с белыми?

— Какое дело до этого сартанейо? — сухо отвечал гуакур.

— Я должен знать, прежде чем начну объяснять вождям, что привело меня к ним.

— Пускай воин говорит, вожди слушают его; они сначала разберут, правдивы ли его слова или нет.

— Отлично. Вот почему я тотчас предложил вам этот вопрос: я знаю вашу честность во всех делах с белыми, несмотря на ненависть, которую вы питаете к ним; если вы согласитесь, как вас с некоторых пор просят, продлить перемирие, в таком случае мне нечего предложить

вам, потому что вы, без сомнения, отказались бы содействовать мне против людей, с которыми вы в мире, — вы не решитесь изменить им. Вы видите, что я говорю чистосердечно.

Эти слова, показывающие, что индейцы чрезвычайно уважали данное слово и были честны до известной степени, даже относительно смертельных врагов, — были выслушаны обоими вождями холодно и почти равнодушно, несмотря на похвалу, заключенную в них.

— Два раза солнце уже зашло, — гордо отвечал гуакур, — с тех пор как я прекратил персмирис с белыми.

Малько Диац обладал большой силой воли, но не мог сдержать жеста удовольствия при таком откровенном и решительном ответе.

— Стало быть, вы начали войну? — спросил он.

— Да, — отвечал индеец.

— В таком случае все хорошо, — продолжал метись.

— Жду объяснения, — сказал гуакур. — Ночь приближается, сартанейо опоздал на свидание, которое он сам назначил, чтобы объяснить ничтожные вещи могущественным вождям, — прибавил пейяг.

Малько Диац, казалось, в продолжение нескольких минут еще раз обдумал свои слова и потом сказал, бросив на индейцев алчный взгляд:

— Могу я рассчитывать на содействие моих братьев?

— Мы воины, пусть тапалусо объяснится; если то, что он хочет делать, будет выгодно для возобновляющейся войны, мы ему будем служить, сами пользуясь этим, — отвечал Тару-Ниом, презрительно улыбаясь.

Метис слишком хорошо знал индейцев, чтобы не понять иронического смысла в словах гуакурского предводителя.

Лицо его, однако, не обнаруживало этого.

— Я привел к вам, — продолжил он развязно, — многочисленный отряд, которым нетрудно овладеть, потому что, считая перемирие неоконченным, он подвигается вперед, почти не принимая предосторожностей.

— А! — воскликнули оба индейца.

— Да, — начал Малько снова, — к тому же я спешу, потому что в продолжение двух лун, то есть со дня

отъезда каравана из *Nelherohy**, я служил ему проводником.

— Хорошо, следовательно, нельзя сомневаться? — сказал гуакур.

— Ни в каком случае.

— А куда направляется этот отряд?

— Он остановится — только достигнув реки Сан-Лоренцо.

Малько Диац сильно рассчитывал на эффект, произведенный этим открытием, чтобы успеть в своих намерениях; в самом деле, река Сан-Лоренцо находится в самой середине страны, принадлежащей гуакурам и населенной ими; но он обманулся: оба вождя остались холодными и неподвижными, и не было возможности заметить на их лицах ни малейшего следа волнения.

— Они павлисты? — спросил Тару-Ниом.

— Нет, — откровенно отвечал метис.

Вожди переглянулись.

Малько Диац заметил это.

— Но, — продолжал он, — хотя они не павлисты, все-таки враги ваши.

— Может быть, — сказал пейяг.

— Разве может быть другом тот, кто проникает в край с целью завладеть заключающимися в нем богатствами без позволения настоящих хозяев страны?

— А разве предводитель каравана имеет это намерение? — спросил Тару-Ниом.

— Это не только намерение его, но обдуманная и единственная цель.

— Что думает об этом сартанейо?

— Я?

— Да.

— Я полагаю, что ему надобно помешать.

— Очень хорошо, но какими богатствами хотят завладеть эти люди?

— Золотом и алмазами, находящимися в тех местах.

* Название, данное индейцами-тупинамбами Рио-Жанейро и которое буквально значит спрятанная вода. Название же Рио-Жанейро, т. е. Январской Реки, имеет другое значение. Полагали, что она образует залив Сен-Себастьян, который открыт в январе месяце; индейцы же были правы, назвав ее скрытой водой, потому что залив этот не образуется этой рекой.

— Стало быть, они знают, что их там много?

Метис насмешливо улыбнулся.

— Не только знают про это, но им отлично известно местоположение, так что они могут доехать без проводника.

— А! — воскликнули индейцы, окидывая метиса проницательным взглядом.

— Это правда, — подтвердил он, не смущаясь.

— А кто им так хорошо рассказал о богатствах нашей страны? — спросил гуакур.

— Я, — смело отвечал Малько.

— Ты? — вскричал Тару-Ниом. — Значит, ты изменник.

Мамалисо пожал плечами.

— Изменник? — сказал он с иронией, — разве я из ваших? Разве я принадлежу к вашему племени? Вы мне не открывали этой тайны, поэтому и не можете запретить мне передать ее кому хочу; я ее открыл, я же ее и разгласил — на то я имел право.

— Если ты продал свою тайну этим людям, так зачем же ты теперь доносишь нам на них?

— Уж это мое дело и касается только одного меня, а что относится до вас, то подумайте, хорошо ли вы поступаете, впуская иностранцев в вашу землю?

— Слушай, — сказал строго Тару-Ниом, — ты действительно таков, как видно из цвета твоей кожи, то есть лживый белый, ты продаешь своих братьев; мы не станем узнавать причину, которая побуждает тебя к подлой измене, об этом ответит твоя совесть; пока измена эта нам выгодна, мы воспользуемся ей. Какую цену назначаешь ты? Отвечай и говори коротко.

Метис нахмурил брови при этом оскорблении, но, сейчас же оправившись, сказал:

— Очень мало — выбрать пленника, какого пожелаю, без малейшего препятствия с чьей бы то ни было стороны.

— Решено, все будет так сделано.

— Так вы соглашаетесь?

— Конечно; однако, так как ты сам сказал, что они не знают ничего о прекращении перемирия, то было бы бесчестно нападать на них врасплох, а потому мы известим их об этом.

В глазах метиса блеснул гнев, но тотчас же потух.

— А если после этого уведомления они откажутся от своего предприятия? — спросил он.

— Тогда они будут свободны удалиться, не боясь, что их будут беспокоить во время их отступления, — сухо отвечал гуакур.

Малько Диац сделал сердитое телодвижение, но через минуту насмешливо улыбнулся.

— О! — прошептал он, — они скорес умрут, чем отступят хотя на один шаг.

Маркиз Кастельмелъор

Человек, которого маркиз сейчас же после свидания с таталисцо позвал и ввел в свою палатку, был маленького роста, коренаст, но хорошо сложен и мускулист; дожив до сорока лет, он достиг высшей точки физического развития.

Как чистый индеец он носил на своем умном лице, необезображенном раскраской и татуировкой, ясный отпечаток монгольской расы; его черные живые глаза, прямой нос, большой рот и немного выдающиеся скулы делали его лицо хотя некрасивым, однако не лишенным некоторой симпатии, до того оно дышало смелостью и откровенностью, смешанной с хитростью, свойственной его племени. Он командовал, как мы уже сказали, несколькими конквистскими солдатами, принадлежащими к каравану.

Капитао, — он был в этом чине, почтительно поклонился и ждал, когда угодно будет маркизу обратиться к нему.

— Сядьте, Дизго, — сказал последний ласково, — нам надобно поговорить об очень многом.

Индеец поклонился и скромно сел на край стула.

— Вы видели человека, который только что вышел из моей палатки, не правда ли? — продолжал маркиз.

— Да, ваше превосходительство, — отвечал капитао.

— И вы его, без сомнения, узнали?

Индеец ответил улыбкой.

— Хорошо; что вы о нем думаете?

Капитао стал в замешательстве мять в руках свою поярковую шляпу, опустив глаза, чтобы избежать взгляда маркиза, направленного на него.

— Об ком, ваше превосходительство? — спросил он наконец.

— О человеке, про которого я говорю с вами и которого вы отлично знаете.

— Конечно, ваше превосходительство, — продолжал он, — я о нем такого же мнения, какого, вероятно, и вы.

— Я спрашиваю вашего мнения, дон Диэго, чтоб узнать, согласуется ли оно с моим.

— Гм, гм! — произнес индеец, качая головой.

— Что это значит...

— А то, что он изменник, если вы уж так настаиваете, чтобы я сказал, ваше превосходительство.

— Так и вы тоже верите в измену с его стороны?

— Конечно, ваше превосходительство, если говорить откровенно, потому что вы хотите от меня откровенного объяснения, не правда ли?

— Да.

— Ну, я убежден, что подлый *matlaluso* готовит нам уже давно засаду, куда он пихнет нас в то время, когда мы совсем не будем думать об этом.

— Ведь это очень важно! — отвечал маркиз задумчиво.

— Действительно очень важно, ваше превосходительство; Малько-сартанейо, а на языке пустыни сартанейо есть синоним измены.

— Так что ж! Признаюсь вам, капитао, что ваши подозрения, которые вы возводите на этого человека, ничуть меня не удивляют; они мне самому пришли в голову несколько дней тому назад.

— Очень рад, ваше превосходительство, что вы разделяете мое мнение; только, позвольте мне сказать, я нисколько его не подозреваю.

— Как, вы не подозреваете его? — вскричал удивленный маркиз.

— Нет, я уверен в этом.

— Вы уверены? И ничего не сказали мне до сих пор?

— Всегда, ваше превосходительство, доносить на человека и обвинить его вещь очень важная, в особенности когда в подтверждение своего обвинения не имеешь материальных доказательств; правда, у меня есть доказа-

тельство, но тем не менее для меня совершенно невозможно материально доказать то, что теперь утверждаю перед вами.

Маркиз опустил голову на грудь и оставался в таком положении несколько минут.

— Но, — возразил он, — это доказательство основывается на каких-нибудь данных?

— О! В них нет недостатка, ваше превосходительство; к несчастью, они показались бы слишком ничтожными людям, которые не были бы предупреждены; вот почему я решился пока ничего не говорить вам до тех пор, пока вы сами не стали бы спрашивать меня.

— Может быть, вы были правы, поступая так, но теперь, дон Диэго, положение переменялось: я сам завел этот разговор; положение, в котором мы находимся, опасно, но оно может сделаться еще хуже; объяснитесь же со мной откровенно.

— Извольте, если вашей милости угодно; к тому же, что бы то ни случилось, я всегда исполняю свой долг, мне и этого довольно, если даже Малько вам докажет, что я говорил неправду.

— Вам нечего бояться сеньора Малько.

— Как он ни жесток и ни зол, ваше сиятельство, — отвечал капитао с некоторым одушевлением, — я его не боюсь, он это знает очень хорошо; уже не в первый раз я с ним ссорюсь; мы несколько раз уже мерились с ним силами, и наши силы оказались равными.

— Вы не так поняли мои слова, сеньор, вам нечего бояться Малько Диаца потому, что он уже более не в моем услужении и уехал из лагеря, чтобы, без сомнения, уже не возвращаться.

— Как, ваше сиятельство, — вскричал удивленный индеец, — вы его отпустили?

— Нет, он сам по своей собственной воле покинул нас.

Капитао нахмурился и покачал несколько раз головою.

— Ваше сиятельство, вы поступили опрометчиво, позволяя ему уехать: когда имеешь подобного рода мошенника в своей власти, то никаким образом нельзя его выпускать.

— Что же мне было делать? Срок его найма кончился, он не захотел возобновить его, не согласился даже

остаться еще несколько дней; я поневоле был принужден согласиться на его отъезд.

— Правда, маркиз, извините меня; человек этот был свободен, вы не могли его удерживать; однако в подобных обстоятельствах я не поступил бы так, тем более после подозрений, которые, вы сами сказали мне, возникли против него.

— Я очень хорошо знаю, что сплеховал: к несчастью, у меня не было никакого правдоподобного предложения, чтобы его удержать; это произвело бы скандал, которого я хотел избежать; если бы я так поступил, то угрожающая нам катастрофа произошла бы раньше.

— Все это хорошо, но поверьте мне, ваше превосходительство, если Малько вдруг оставил нас, то имел на это основательные причины и довел нас до того места, куда ему нужно было, чтобы мы приехали; у него ссть, без сомнения, надежные люди, с которыми он готовит нашу гибель.

— Я и сам так думаю, дон Диэго, но кто его союзники? Где приготовили они засаду? Вот на что я не могу ответить, а это, однако, было бы очень важно знать как можно скорее.

Капитао хитро улыбнулся.

— Одни рыбы да птицы не оставляют после себя следов, — сказал он, — как бы ни был ловок человек, всегда можно, разумеется потрудившись, найти его след.

— Таким образом, вы думаете, что узнаете, куда скрылся этот злодей?

— Да, ваше сиятельство; несмотря на все предосторожности, с которыми он совершил свое бегство, и старанье скрыть свой след, я уверен, что отыщу его скорее нежели в час; к тому же это дело для меня еще легче, потому что я уж давно наблюдаю и изучаю его привычки.

— Жаль, что нам теперь ничего нельзя предпринять, а нужно дожидаться восхода солнца, между тем как для него достаточно и одной ночи, чтобы совершенно скрыться от нас.

— Зачем нам, ваше сиятельство, ждать до завтра? Извините, что я осмеливаюсь вас спрашивать.

— Ну, мне кажется, чтобы отыскать след, даже если бы он очень хорошо обозначался, нужно прежде всего

отлично видеть, а теперь мы окружены мраком, который еще гуще в безлунную ночь.

— Это не важно, ваше сиятельство, — отвечал капитан, улыбаясь, — для человека, привыкшего как я бродить по пустыне во всякое время и в различных местах, темноты не существует.

— В таком случае, — вскричал маркиз с видимой радостью, — если я приказал бы вам сейчас же сесть на коня?..

— Я тотчас бы послушался, ваше сиятельство.

— И вы бы все разузнали?

— В этом нет никакого сомнения; не индеец ли я сам, ваше сиятельство, хотя и цивилизованный? Я сохранил довольно проницательности, характеризующей наше племя, чтобы не бояться неудачи в этой попытке; вам она кажется очень трудной, но для меня она только детская игрушка.

— Если так, то садитесь скорее на коня и поезжайте, ради Бога, как можно скорее; я буду ждать вашего возвращения, дон Дизго, с живейшим нетерпением.

— Не беспокойтесь, ваше сиятельство, я возвращусь до восхода солнца и с хорошими вестями; но мне необходимо, чтобы вы предоставили это дело вполне моему усмотрению.

— Делайте, как знаете, капитан, я полагаюсь на вашу проницательность и честность.

— Я не обману вашего ожидания, ваше сиятельство, — отвечал индеец, вставая.

Маркиз проводил его до дверей палатки, потом возвратился и сел; но, подумав несколько минут, встал неожиданно, вышел и направился к таинственному шатру, о котором мы уже сказали несколько слов и куда он вошел, объявив сторожам свое имя, — он сам приказал никого не впускать. Эта палатка, гораздо большая, чем поставленная для маркиза, разделялась полотняными, искусно сшитыми стенами на несколько частей; она походила, по своему удобству и роскоши, более на жилище, в котором намереваются провести по крайней мере несколько месяцев, нежели на временную стоянку.

В отделении, в которое вошел маркиз, стояло несколько диванов, на полу был разостлан ковер; комнатка освещалась серебряной, хитро вычеканенной лампой, ко-

торая стояла на столике и разливала нежный, таинственный свет.

Молодая негритянка лет двадцати, с веселым, плутовским видом, дразнила, когда вошел маркиз, великолепного попугая Ара, сидевшего на шесте из розового дерева, где его удерживала золотая цепочка, привязанная к лапе.

Негритянка, не прерывая своего занятия, которое, казалось, очень забавляло ее, и заставляя птицу пронзительно кричать, беспечно наклонилась к маркизу, наполовину повернувшись в его сторону движением в высшей степени наглым, бросила через свои длинные ресницы на него насмешливый взгляд и стала ждать, когда он обратится к ней. Маркиз, как будто не замечая злобного вида, принятого на себя невольницей, подошел к ней и дотронулся до нее пальцем.

— Феба, — сказал он по-испански, — потрудитесь заметить мое присутствие.

— Какое мне дело до вас, господин маркиз? — отвечала она, слегка пожимая плечами.

— Вам, Феба, нет никакого дела до меня, это правда; я пришел вовсе не к вам, а к вашей госпоже, которую известите, прошу вас, немедленно о моем приходе.

— В такой час?

— Отчего же нет?

— Оттого, что донна Лаура, по-видимому утомленная долгим переездом, совершенным сегодня, ушла и приказала мне никого к ней не впускать; по всей вероятности, она теперь отдыхает.

Маркиз покраснел и сдвинул брови; он сделал гневное движение, но, понимая, без сомнения, всю нелепость сцены с невольницей, которая только исполняла приказание, сейчас же оправился.

— Хорошо, — сказал он, улыбаясь и нарочно возвышая голос, — ваша госпожа вольна поступать у себя, как ей угодно; я не позволю себе настаивать долее, только я вынужу ее на этот разговор, в котором она мне отказывает вот уже несколько дней.

Едва он произнес эти слова, как занавеска поднялась, и донна Лаура вошла в комнату.

— Вы, кажется, грозите мне, дон Рок де Кастельмельор? — спросила она резким и гордым голосом. — И, обратившись к молодой невольнице, прибавила: — Уйди,

Феба, но не удаляйся далеко, чтобы ты могла сейчас же, при первой надобности, прибежать ко мне.

Феба наклонила голову, взглянула в последний раз на маркиза и вышла из гостиной.

— Теперь, кабальеро, — продолжала донна Лаура, когда вышла невольница, — говорите, я вас слушаю.

Маркиз почтительно поклонился.

— Не прежде, сеньорита, как вы сядете.

— Зачем? Впрочем, — прибавила она, — если эта уступка с моей стороны сократит нашу беседу, то я охотно повинуюсь вам.

Маркиз прикусил губу, но не отвечал.

Донна Лаура села на самый отдаленный диван и, сложив небрежно руки на груди, продолжала смотреть на своего собеседника с высокомерием.

— Говорите же теперь, пожалуйста, Феба не солгала вам, я ужасно устала, кабальеро, и только одна обязанность повиноваться вашим приказаниям принудила меня вас принять.

Слова эти были пропеты, если позволят употребить выражение устарелого автора, самым тонким голосом; донна Лаура опрокинула свою голову на подушку, наполовину скрывая зевок.

Но маркиз решился не смотреть ни на что и ничего не видеть; он поклонился в знак благодарности и приготовился говорить.

Донне Лауре было шестнадцать лет; она была грациозна и миловидна; ее смело выгнутый стан имел осанку, которою обладают одни испанские женщины; походка ее была исполнена такой непринужденной томности, которую испано-американки переняли у андалузянок. Ее темно-каштановые волосы падали шелковистыми кудрями на плечи ослепительной белизны; голубые задумчивые глаза, казалось, отражали лазурь неба и были увенчаны черными правильными бровями, которые как будто были проведены кистью; прямой нос с подвижными розовыми ноздрями, крошечный ротик, который, открываясь, выказывал двойной ряд перламутровых зубов, дополняли ее красоту, которую тонкость и прозрачность ее кожи делали еще привлекательнее и благороднее.

Одетая в кисею, как и все креолки, молодая девушка была очаровательна, приютившись на диване, как *beija*

flor в чашечке цветка; особенно же в эту минуту, когда с трудом сдерживаемый гнев волновал ее и покрывал щеки алым лихорадочным румянцем, донна Лаура была пленительна, но вместе с тем и величественна, что внушало почтение и почти благоговение.

Дон Рок де Кастельмельор, несмотря на свое решение и твердое намерение, которое он выказал, не мог воспротивиться могущественному очарованию такой благородной и непорочной красоты; он опустил глаза перед взглядом молодой девушки, исполненным ненавистью и почти презрением, и слегка взволнованным голосом возобновил разговор, которому он придавал такую цену.

— Мы достигли, сеньорита, — сказал он, — границы цивилизованных бразильских стран, и, если я не ошибаюсь, дорога, по которой мы теперь должны следовать, проходит по пустыне, куда до нас только некоторые отважные исследователи осмеливались проникнуть; я думаю, что настала минута откровенного объяснения и что пора определить отношения наши друг к другу.

Донна Лаура презрительно улыбнулась.

— Положение это, — сказала она с горечью, прерывая его, — нужно, однако, яснее представить; я буду избегать, если вам угодно, входить в известные подробности, напоминая вам их; я сама... о! не перебивайте меня, пожалуйста, — вскричала она с живостью, потому что молодой человек пробовал прервать ее. — Вот сущность в двух словах: мой отец, дон Эсно Альварес Кабраль, потомок одного из самых знаменитых конквистов этого края, скрывшись в окрестностях Буэнос-Айреса по неизвестным мне причинам, которые, без сомнения, не важны для вас, гостеприимно принял заблудившегося путешественника, который во время ужасной ночной бури приехал к двери его гациенды; путешественник этот были вы, сеньор, потомок не менее знаменитого рода; один из ваших предков был королевским губернатором в Бразилии. Имя маркиза дона Рока де Кастельмельора обеспечивало моего отца в отношении вашей честности и вашего благородства; вы были приняты изгнанником не как чужой, даже не как соотечественник, но как друг и брат. Наше семейство сделалось вашим; все это правда, не так ли? Отвечайте мне, сеньор.

— Все это правда, сеньорита, — отвечал маркиз, невольно смущенный звуком голоса молодой девушки.

— Я с удовольствием вижу, что за неимением других качеств вы откровенны, — продолжала она с иронией. — Возвращаясь к рассказу: мое семейство, лишенное всех своих имуществ, изгнанное уже около столетия из страны, открытой одним из его предков, находилось в затруднительном положении и сохраняло свое достоинство между иностранным народонаселением, среди которого судьба заставляла его жить, занимаясь разведением скота в большом количестве и управляя с трудом приобретенными на границе пустыми землями. Вы представились моему отцу, как жертва политических интриг тех людей, в руки которых португальский король отдал свою власть; этой причины было довольно, чтобы наш дом сделался вашим и чтобы мой отец не скрывал от вас своих тайн; была, однако, одна, которую, несмотря на всю вашу ловкость, вам не удалось открыть; от этой тайны зависело состояние его семейства, если, как надеялся мой отец, король позволит ему возвратиться в Бразилию; секрет этот знали только мой отец, брат и я. Каким образом вы если не открыли, то узнали его настолько, чтобы он мог возбудить вашу алчность и скупость до такой степени, что вы изменили своим благодетелям? Впрочем, я не стану трудиться объяснить себе это явление; человеческая низость имеет свои тайники, в которых мне не следует рыться; одним словом, прожив с нами несколько месяцев как друг, вы не удостаивали меня ни малейшим вниманием и, поступая со мной скорее как с дитятей, чем как с молодой девушкой, обнаруживали пошлую вежливость, которую образование сделало вашим долгом; теперь вы неожиданно переменились — я это заметила — и начали старательно за мной ухаживать. Глупую и веселую девушку, которой я была тогда, это очень удивило, но нисколько не тронуло; ваше внимание, далеко не нравясь, утомляло меня. Вы видите, что я также откровенна, кабальеро.

— Продолжайте, сеньорита, — отвечал маркиз, улыбаясь, — я знаю вашу откровенность уже с давних пор; мне остается только посмотреть, далеко ли простирается ваше остроумие.

— Вы сейчас об этом узнаете, сеньор! — вскричала она насмешливо, — может быть, вы своими заботами и вниманием достигли бы того, чего желали, и я стала бы если не любить, то интересоваться вами, но, к несчастью

или к моему же счастью, я ясно поняла если не ваше сердце, то по крайней мере вашу мысль. Побуждаемый ненасытной скупостью, которой, без сомнения, вы еще и теперь исполнены, вы позволили себе говорить много любезностей и наконец обнаружили притворную любовь.

— О, сеньорита! — воскликнул маркиз, качая отрицательно головой.

— Да, — продолжала она с горькой усмешкой, — я знаю, что вы отличный актер и что недоставало только, чтобы я еще и теперь верила вашему чувству, которое вы так выставляли напоказ; к несчастью, улики налицо, отнекиваться нельзя, и я выставлю всю наглость вашей лжи.

Молодая девушка остановилась на несколько секунд, чтобы предоставить маркизу возможность отвечать, но он молчал, закусив с сердцем губу и поникнув головой.

Донна Лаура улыбнулась.

— Грубый способ, которым вы изменнически похитили нас, вопреки всем человеческим и божеским законам, когда заметили, что я вас поняла и презираю, для меня служит отличным доказательством ваших отвратительных козней, жертвой которых сделалась я; если вы меня действительно любили, то ничего не было легче, как попросить моей руки у отца; отчего же вы не сделали этого?

— Вы сами, сеньорита, не ответили ли отказом на предложение, которое я имел честь сделать вам? — отвечал маркиз со скрытым сарказмом.

— Правда, но я еще только дитя, — отвечала она с оживлением, — дитя, как вы сами сказали, которое не знает самого себя, кого любит и ненавидит. Это предложение никаким образом, преимущественно по правилам приличия, не могло быть адресовано ко мне; вы должны были обратиться с этим к моему отцу и только в крайнем случае к брату; но нет, у вас была другая цель: женитьба эта была предлогом, чтобы завладеть огромными богатствами, которых вы так жаждали. Решитесь ли вы опровергнуть меня.

— Кто знает? — пробормотал он насмешливо.

— Вы предпочли завладеть нами в засаде, лишитесь семейства, которое теперь в отчаянии, и заставили следовать за вами меня, бедного, невинного ребенка, среди бандитов, которыми вы командуете.

— С того времени, как, по вашему выражению, сеньорита, я вас похитил из вашего семейства, не поступал ли я с вами, как должен обращаться дворянин по званию и происхождению? Не был ли я для вас самым преданным и внимательным слугою? Не окружил ли я вас, насколько позволяют затруднительные обстоятельства, в которых я нахожусь теперь, глубоким почтением и непрерывным попечением?

— Это правда, — отвечала она, нервно засмеявшись, — из этого я могу понять причину почтения и попечений.

— Любовь самая искренняя и самая...

— Довольно лжи, сеньор, — вскричала она с силой, — ваше первое слово, сказанное вами, когда вы входили в эту палатку, изменило вам, против вашей воли.

— Сеньора!

— Вы думаете, что приехали в страну брильянтов, открытую моим предком, и вы хотите наконец принудить меня убеждением или даже силою открыть тайну, потому что алчность ослепляет вас! Посмейте отрицать это!

Благородный бандит

После этого обвинения, так энергически высказанного молодой девушкой, в палатке на несколько минут воцарилась мертвая тишина.

Снаружи ветер качал деревья и с воем, похожим на человеческие стоны, ударял ветви их одну о другую.

Листья, подхваченные вихрем, падали, скомканные, в кустарники; время от времени раздавался зловещий крик совы, засевшей в расщелинах скал, и повторялся вдали тысячами отголосков; громкие, необъяснимые звуки носились по ветру, то прекращаясь, чтобы снова усилиться и увеличивать еще более таинственный ужас темной и безлунной ночи, густой мрак которой придавал всему зловещие, фантастические формы.

Маркиз поднялся со сложенными назади руками и с поникнувшей головой; он ходил по палатке большими шагами под влиянием внутреннего волнения, которое он тщетно старался разогнать.

Донна Лаура, полулежа на кушетке, с откинутой назад головой, следила за ним пристальным, насмешливым взглядом, ожидая с тайным беспокойством вспышку гнева, который она не побоялась вызвать, но страшась, без сомнения, последствий своих справедливых слов, которые она произнесла сгоряча; слишком гордая, однако, чтобы отказаться от них, она не хотела, чтобы лицо выказало ее страх противнику, во власти которого она находилась и которого презирала. Наконец, после не-

скольких минут, которые показались молодой девушке целым веком, маркиз остановился перед ней и поднял голову.

Он был бледен, но черты его лица приняли опять беззаботное и насмешливое выражение; только легкое подергивание бровей, которое у него означало сильный, с трудом сдерживаемый гнев, показывало, каких усилий стоило ему удержаться и владеть собою. Он продолжал тихим, мелодичным голосом и без всякого волнения прерванный внезапно разговор.

— Я дал вам говорить, сеньорита, не прерывая вас, — сказал он, — я выказал при этом — в этом по крайней мере отдайте мне справедливость — не только терпение, но и приличие; в самом деле, — прибавил он с насмешливой улыбкой, пробежавшей по его лицу, которая поразила сердце молодой девушки томительным предчувствием, — стоит ли разбирать оконченное дело? Что бы вы ни говорили, слова ваши не переменят настоящего положения вашего, вы в моей власти; никакая человеческая сила не изменит моих намерений на счет вас; вы сами добровольно повернули так горячо разговор, который я желал провести при более дружественных, может быть, условиях; пусть будет по-вашему; я охотно принимаю борьбу, которую вы мне предлагаете. Объяснимся раз навсегда, чтобы лучше понимать друг друга и не возвращаться к предмету, который во многих отношениях должен быть так тяжел для обоих.

Он остановился. Молодая девушка кокетливо оперлась головою на правую руку и, взглянув на него с презрением и насмешливостью, ответила небрежным тоном:

— Вы сильно ошибаетесь, кабальеро, если я еще обязана после того, что между нами произошло, вас величать этим именем; я мало забочусь о разговоре, которым вы так дорожите. Увидев вас, я выразила, против воли, все негодование, которое уже давно с трудом сдерживала; между тем я хотела вам только доказать, что не была вами обманута и так же хорошо, как и вы, знала все ваши несбыточные надежды, которые вы таили в глубине своего сердца; вот и все. Теперь, когда я ясно и без обиняков объяснилась, я предоставляю вам говорить сколько вам угодно, так как я при-

говорена слушать вас; только, предупреждаю вас заранее, чтобы избавить вас от бесполезной траты красноречия, — что бы вы мне ни говорили, чем бы вы мне ни грозили, вы не удостоитесь получить ответа; теперь говорите или удалитесь, как вам будет угодно; мне и то, и другое решительно все равно.

Маркиз закусил губы с такою силою, что на них выступила кровь, но сейчас же принял беззаботный вид.

— В самом деле, сеньорита, — отвечал он насмешливо, — разве уж вы так твердо решились на это? Вы не удостоите меня ответа. Я буду лишен наслаждения слышать ваш гармонический голос? Вот это ужасно; но, кто знает, может быть, мне удастся возбудить ваше любопытство или же задеть живую струну вашего сердца; тогда, я уверен, вы невольно измените своей геройской клятве.

— Попробуйте, — отвечала она презрительно, — отличный случай, чтобы опровергнуть меня.

— Я не упущу его, сеньорита.

Маркиз подвинул *butacca*, поставил ее прямо против молодой девушки, сел и, приняв позу, исполненную грации и непринужденности, продолжил кротким голосом, как будто он вел интимную беседу.

— Сеньорита, — сказал он, — вы определили отлично наше взаимное положение, в этом я согласен; секрет, которым вы владеете, был мне случайно открыт одним из старинных слуг вашего семейства и — за очень дорогую цену; я представился вашему отцу с намерением получить от него сведения, необходимые для успеха моих планов. Вы видите, что я подражаю вашей откровенности... время скрытничанья между нами прошло... теперь мы должны говорить между собою без обиняков, — откровенно. В первые дни я, казалось, мало обращал внимания на вас, что, конечно, до крайности раздражало вас, потому что, я вас уверяю, при вашей ослепительной красоте и блестящем уме, — вы женщина самая интересная, и много людей сочли бы за счастье встретить подобную вам и провести с ней жизнь. Но я предпринял такое длинное путешествие вовсе не для того, чтобы потерять плоды его в пустой любви. Я вас не любил и, говоря откровенно, теперь не люблю. Женщина такая очаровательная, как вы, для меня не годится: ваш

характер имеет много сходства с моим: оба мы слишком горды, слишком дорожим своей свободой, слишком желаем повелевать, чтобы между нами могла быть хотя малейшая симпатия и чтобы мы могли жить вместе. Сначала я думал обольстить вашего отца и брата всеми средствами, какими только располагал; к несчастью, все мои усилия оказались бесполезными, и красноречие мое пропало даром; тогда я в отчаянии обратился к вам; я, наверно, женился бы на вас, если бы вы отдали мне свою руку, извините мне эту грубую откровенность; но, решившись завладеть богатствами, которых я жажду, я принес бы самую, по моему мнению, большую жертву для упрочения их за собою, то есть готов был связать себя навсегда с женщиною, которую не любил. Вы сами, сеньорита, спасли меня от нравственного самоубийства, отвечая мне отказом на предложение, сделанное мною. Примите же теперь от меня самую искреннюю благодарность.

Молодая девушка поклонилась, насмешливо улыбаясь, и ударила два или три раза в ладоши.

Почти тотчас же занавесь палатки поднялась, и вошла невольница.

— Феба, — сказала ей донна Лаура, — так как, по всему вероятию, я еще не скоро лягу отдыхать, а уже теперь чувствую, что глаза мои невольно смыкаются и меня клонит ко сну, то дай мне, дитя мое, *mate* и несколько *papelittos*, — может быть, они рассеют мою дремоту и позволят мне слушать прелестную беседу сеньора маркиза, пока ему вздумается кончить.

Невольница вышла, смеясь; маркиз несколько времени оставался пораженный удивительным хладнокровием и равнодушием молодой девушки.

Прошло несколько минут, в продолжение которых оба собеседника смотрели друг на друга, не произнося ни одного слова. Вскоре опять послышались тихие шаги негритянки, и она появилась, держа в руках серебряный поднос, на котором находилось *mate*, сигаретки из маисовой соломы и серебряное же *braserito* с огнем.

Феба подала *mate* и хотела уйти.

— Останься, — сказала ей донна Лаура, — то, что будет теперь говорить маркиз, не так важно, чтобы ты, родившаяся в нашем доме, не могла слушать.

Служанка поставила на стол поднос, который она держала, и фамильярно легла у ног своей госпожи, обменявшись с ней насмешливой улыбкой, усилившей бешенство маркиза, если только это было возможно; однако он не сделал ни малейшего замечания и не выказал впечатления, произведенного на него этой новой насмешкой.

— Хорошо, — сказал он наклонясь, — я буду продолжать при вашей невольнице, сеньорита; мне все равно, кто слушает меня и кто слышит; к тому же, успокойтесь, мне остается вам сказать только несколько слов, потом вы будете свободны предаться отдыху, если уж вам так хочется.

Донна Лаура вдыхала свой *mate*, не слушая маркиза.

— Ты никогда не кладешь в *mate* довольно сахара, *chica*, — сказала она, — этот горек; но, может быть, он лучше поддержит мое бодрствование.

— Я вам уже говорил, сеньорита, — продолжал невозмутимо маркиз, — что, отверженный вами, я не желал, однако, отказаться от предположений, уже давно запавших в мою голову и созревших там, и решился наконец вас похитить. У человека с моим характером что решено, то тотчас же приводится в исполнение. Я не стану рассказывать вам, какие средства я употребил, чтобы обмануть бдительность и заботливость вашего семейства. Так как вы теперь здесь одни в моей власти, за несколько сот лье от жилища вашего отца, то я не только поймал в расставленные мною сети, но к тому же так хорошо запутал подозрения людей, интересующихся вашей судьбой, что они даже до сих пор не знают, какое направление им принять, чтобы напасть на ваш след.

— Нет, Феба, этот *mate* уж слишком горек, — сказала молодая девушка, отталкивая чашку, — дай мне лучше сигаретку.

Невольница повиновалась.

— Теперь, сеньорита, — продолжал маркиз все так же равнодушно, — я приближаюсь к концу моего разговора. То, что было до этого сказано, служило ему как бы предисловием, хотя, может быть, длинным, но за которое вы, без сомнения, извините меня. Оно мне было необходимо, чтобы вы меня хорошенько поняли.

Я вас похитил, это правда, но успокойтесь: пока вы остаетесь у меня, ваша честь всегда будет защищена, даю вам в том честное слово дворянина. Вы улыбаетесь... напрасно. Я честен по-своему. Никогда, что бы такое ни случилось, я не употреблю во зло вашего положения ни для чего другого, разве только чтобы узнать от вас тайну, которую вы без всякой причины хотите сохранить. К чему вам служит знание месторождения брильянтов? Ни вы, ни кто другой из вашего семейства никогда не будете в состоянии добыть их; стало быть, вам оно совершенно бесполезно. Отчего же мне, которому все благоприятствует, который может сделать все, что захочет, не воспользоваться им? Бог не для того создал эти богатства, чтобы они вечно были зарыты. Золоту и брильянту так же нужен свет, как человеку воздух. Подумайте: отказ ваш будет бесполезен. Дайте мне верные показания, которых я ожидаю от вас, и немедленно я не только возвращу вам свободу, но еще обязуюсь доставить вас в ваше семейство, несмотря на дальнейшее расстояние, которое отделяет нас от него. Я доставлю вас так, что при этом ваша честь нисколько не пострадает. Это предложение вам может показаться весьма странным, тем не менее оно важно и заслуживает, по моему мнению, чтобы вы обратили на него ваше внимание. Подумайте хорошенько об этом; дело идет о вашем будущем счастье, и вы им рискуете из-за ложно понятой вами чести. Ваш отец или ваш брат, если б они были здесь, сами велели бы вам говорить, я убежден, и, когда вы возвратитесь к ним, они, увидев вас дома, с радостью оправдают вас даже в том, что вы изменили своему слову; отвечайте мне только: — Да, — и вы свободны.

Маркиз немного подождал. Донна Лаура молчала. Она как будто ничего не слышала.

Дон Рок сделал движение, выражавшее досаду и нетерпение.

— Вы упорствуете, сеньорита, — продолжал он с некоторым одушевлением, — и напрасно; повторяю вам, вы играете теперь вашей будущностью и вашим счастьем, но я хочу остаться с вами в хороших отношениях. Обратите ваше серьезное внимание на мое последнее слово; я предоставляю вам дать мне решительный ответ завтра, перед нашим отъездом. И...

— Феба, дай еще сигаретку, — перебила донна Лаура, пожимая плечами.

— Берегитесь, — вскричал дон Рок с еле сдержанной раздражительностью. — Берегитесь, сеньорита, нужно же наконец как-нибудь покончить с этим бесконечным упорством.

Молодая девушка встала, сделала шаг вперед к маркизу, окинула его с ног до головы взглядом, выразившим все презрение, которое она к нему питала, и, повернувшись к Фебе, стоявшей молча и неподвижно около нее, сказала ей, опираясь рукой на ее плечо:

— Пойдем, *chica*, уже очень поздно, пора нам уйти и спать; во сне все забывается.

И, даже не взглянув на маркиза, пораженного этой дерзкой выходкой, молодая девушка вышла из комнаты.

Маркиз невольно простоял неподвижно несколько минут, устремив глаза на занавесь, складки которого едва заметно колебались. Вдруг он встрепенулся, провел рукою по лбу, на котором выступил пот, и, бросив взгляд, полный ненависти туда, куда скрылась донна Лаура, вскричал задыхающимся от бешенства голосом:

— О! Сколькими мучениями должен я заплатить за такие оскорбления.

Он вышел из палатки, шатаясь как пьяный. Холодный ночной воздух сильно облегчил его; мало-помалу черты его прояснились и спокойствие его возвратилось; он улыбнулся иронически и прошептал, направляясь скорыми шагами к своему шатру:

— Сумасшедший я; можно ли было так сердиться на безрассудного ребенка? Что же мне, в самом деле, значат эти оскорбление и ее презрение? Разве я не в силах подавить ее гордость! Надо вооружиться терпением, и чем отдаленнее будет моя месть, тем она ужаснее и сильнее поразит ее.

В лагере все было тихо. Исключая стражей, наблюдавших за общей безопасностью, все бразильцы, развалившиеся там и сям вокруг почти потухающих костров, спали спокойным сном, и никакого шума не было слышно, кроме шума деревьев, качавшихся от ветра, да тоскливого крика совы, который по временам смешивался с отдаленным рыканием диких зверей, искавших добычи.

Маркиз вошел в свою палатку. Поправив фитиль лампы, дрожащий свет которой слабо освещал окружающие предметы, дон Рок приставил скамейку к тюку товаров, служившему вместо стола, и, вынув из-за пазухи пожелтевшую, грязную бумагу, на которой не-искусною рукой был грубо нарисован род плана, принялся внимательно его рассматривать и скоро погрузился в размышления, возбужденные в нем, вероятно, этим планом.

Так прошла ночь, а маркиз все еще не изменял принятого им положения и ни разу не сомкнул глаз.

План этот, как ни был он неполон и безобразен, представлял, по-видимому, страну брильянтов, которыми молодой человек так желал поживиться. Он искал в изучении плана средства избежать затруднения, думая без посторонней помощи найти эту богатую добычу, грозившую выскользнуть у него из рук, одна мысль о которой бросала ему кровь в голову.

Но план этот, составленный на память и поверхностно человеком несведущим, видевшим уже давно эту страну, к несчастью, мог служить маркизу только слабою помощью; он невольно чувствовал это, и мысль об этом еще более возбуждала его гнев.

Но что же делать с женщиной более, чем он сделал с донной Лаурой? Как победить ее упорство и заставить ее говорить? Как маркиз ни был порочен и развращен, однако он был дворянин высокого происхождения, в нем еще оставалась доля природного благородства, так что, как ни сильно было его желание мести этому слабому созданию, которое ему противилось, он вздрагивал при одной мысли о некоторых средствах, с ужасом отступал перед ними, так ему было противно и так казалось низко употребить для этого физическую силу.

Солнце давно уже взошло. Маркиз, все еще погруженный в свои размышления, казалось, не замечал, что уже рассвело, и только топот скачущей лошади, становившийся все слышнее и слышнее, заставил его поднять голову.

В ту же минуту занавесь палатки поднялась, и вошел капитан.

Индеец был весь покрыт пылью: его разгоревшееся лицо и пот на лбу показывали, как сильно он скакал.

— А! Это вы, Диэго! — вскричал маркиз, заметив его, — милости просим. Что нового?

— Ничего, ваше превосходительство, — ответил капитан.

— Как ничего? Разве вы не напали на след Малько?

— Извините, ваше превосходительство, я, напротив, ехал по следам его в продолжение трех часов.

— В таком случае вы должны же знать что-нибудь?

— Я знаю, ваше превосходительство, да, но не то, чего бы вам хотелось.

— Объяснитесь, мой друг, голова моя немного устала, и я вовсе теперь не в ударе отгадывать загадки.

— Вот в двух словах все дело, ваше превосходительство. Я уже сказал вам, что я ехал в продолжение трех часов по следу Малько, не отклоняясь от него ни на шаг, да и к чести его он так его запутал, что другой на моем месте непременно бы обманулся; наконец я прибыл к опушке леса, куда нимало не задумался въехать; весь поглощенный заботой не сбиться с этого чертовского следа, я нисколько не наблюдал вокруг себя, так что прямо угодил в индейский лагерь.

— Индейский лагерь так близко от нас! — вскричал удивленный маркиз.

— Да, уверяю вас, ваше превосходительство.

— Но, без сомнения, мирных индейцев.

— Нет, ваше сиятельство, нет, напротив, лагерь индейцев, самых воинственных в этой стране.

— Гм! Уже.

— Да; и так я очутился лицом к лицу с тремя индейцами, из которых один был гуакур, другой пейяг, а третий просто невольник мондуруку.

— О-о! Да это для нас слишком важно.

— Да, чрезвычайно важно, ваше превосходительство.

— Как же вы спаслись от них?

— Очень просто, ваше превосходительство; дикари эти имеют честь, разумеется, своего рода; хотя моя одежда сейчас же открыла им, кто я, то есть одного из самых жестоких врагов, тем не менее они приняли меня дружелюбно и пригласили сесть к их огню.

— Странно, — пробормотал маркиз.

— Вовсе не так, как должно казаться людям, не знакомым с нравами этих варваров, ваше превосходитель-

во. Видя, что они так ласково принимают меня, я охотно сел с ними; моя цель была заставить их разговариваться, и это мне вполне удалось.

— А! Что же вы от них узнали?

— Они сообщили мне, что Малько был у них за несколько часов до меня, долго разговаривал с ними и уведомил их о вашем приближении, о числе находящихся при вас людей и даже не забыл с точностью указать, где вы остановились ночевать.

— Негодяй! Вдвойне изменник! — вскричал маркиз с гневом.

— Я вполне разделяю мнение вашего сиятельства; это открытие, скажу откровенно, очень озаботило меня и поставило в такое затруднительное положение, что я не знал, как из него выпутаться, если б сами индейцы не помогли мне ретироваться благородным образом.

— Как же это?

— Гуакурский предводитель вежливо объявил мне, что перемирие, заключенное ими с белыми, кончилось тому назад два дня.

— О! — воскликнул маркиз, — что за судьба? Отказаться, когда уже так близок к цели!

— Позвольте мне кончить, ваше превосходительство.

— Говорите, говорите.

— Вождь прибавил, что, вероятно, вы не знаете об этом разрыве, так как уже давно выехали из колоний; вследствие этого было бы нечестно воспользоваться вашей доверчивостью и напасть на вас.

— А! — сказал маркиз, тяжело вздохнув, — и затем?

— Затем они не хотят нарушить священных законов гостеприимства; они дают вам два дня, чтобы выйти из их владений.

— Э! — воскликнул маркиз, приведенный этими словами еще в большее недоумение, из которого он уже думал было выйти, — что вы говорите, Диэго!

— Чистейшую правду, ваше превосходительство, даю вам честное слово!

— Верю, верю, мой друг; но кончайте, ради Бога.

— О! Мне мало остается прибавить. Если вы, как они предупредили меня, откажетесь от этого условия, то на вас непременно нападут через двое суток.

— А об Малько они вам более ничего не сказали?
— Ни слова, ваше превосходительство.
— Так что вы и не знаете, где прячется этот негодяй?

— Совершенно так, ваше превосходительство; я думал, что сказанное мне гуакурским вождем настолько важно для вас, что вы сами пожелали бы как можно скорее узнать об этом, потому-то я и летел во весь дух.

— Вы хорошо сделали, благодарю вас, мой друг.

Взволнованный маркиз сделал несколько шагов по палатке и потом, обратившись к капитану, спросил его:

— Что бы вы сделали на моем месте в подобных обстоятельствах?

— Я, ваше превосходительство?

— Да, мой друг, что бы вы стали делать?

— Я не задумался бы, ваше сиятельство.

— А!

— Я бы отступил.

— Отступить — никогда, перед такими варварами! Да это было бы постыдно.

Капитан покачал головою.

— В таком случае мы все до последнего будем перерезаны.

— Вы думаете?

— Я убежден, ваше превосходительство; вы не знаете, что такое гуакуры, а я уже с давних пор их знаю.

— Все равно я пойду вперед! Вы меня ведь не покинете?

— Я? Ваше превосходительство, я обязан всюду следовать за вами; куда бы вы ни пошли, я везде буду с вами. Какое мне дело, что меня убьют, разве и без того не придется умереть рано или поздно?

— Отвечаете ли вы за своих людей?

— За своих да, но за ваших нет.

— В моих-то я уверен.

— Когда же мы отправляемся?

— Через час.

— И мы едем вперед?

— Да, даже и тогда, если нам придется перешагнуть через все трупы этих разбойников.

— Ну, с Богом! Ваше превосходительство, я сильно боюсь, что мы не вернемся.

И, поклонившись почтительно молодому человеку, капитан вышел так спокойно и так беззаботно, как будто бы дело шло о пустяках.

Оставшись один, маркиз простоял неподвижно несколько минут, потом, с бешенством топнув ногой и устремив к небу вызывающий взгляд, вскричал задыхающимся голосом:

— О, проклятые брильянты! Я завладею вами даже и тогда, если бы мне пришлось идти за вами по пояс в крови!

В пустыне

В то время как начальник конквистских солдат по его приказанию навьючивал мулов и приготавливал все к немедленному отъезду, маркиз в ужасном волнении ходил большими шагами по своей палатке, проклиная судьбу, которая, казалось, следовала за ним по пятам и разрушала все его обширнейшие планы, постоянно отдаляя от него сокровище, которое он думал уже давно приобрести; сокровище, которое, с тех пор как он отправился на поиски, стоило ему стольких трудов и неприятностей и для которого он в продолжение довольно долгого времени пренебрег огромными опасностями и чуть не пожертвовал своею честью.

Вдруг он остановился, ударив себя по лбу: неожиданная мысль блеснула у него в голове, озаряя его надеждой. Он оторвал от своей записной книжки листок бумаги, написал поспешно несколько слов, сложил его и велел невольнику отнести от его имени записку эту дон-не Лауре Антонии де Кабраль.

Вероятно, сильно рассчитывая на действие, которое произведет на молодую девушку его послание, маркиз, окончательно развеселившись, с жаром занялся приготовлением к отъезду.

День был великолепный, ослепительное солнце взошло, залитое пурпуром и золотом, легкий утренний ветерок освежал воздух, и птички, боязливо забившись под листья, громко распевали свои веселые песни.

Вдали расстилалась, окруженная высокими горами, покрытыми непроходимым лесом, долина *Sertao*, которую бразильцы готовились проезжать и которая с того места, где они ночевали, казалась им обширным зеленым ковром, прорезанным по всем направлениям бесчисленным множеством потоков; поверхность воды сверкала в солнечном свете и отражала тысячи блестящих точек.

Все было отраднo и радостно в этой спокойной и величественной природе, до которой еще не касалась рука человека и которая оставалась все тою же, какою вышла из рук Создателя.

Черные невольники, охотники метисы и индейские солдаты невольно поддавались влиянию этого прекрасного утра и, казалось, позабыли свое утомление и минувшие несчастья, думая только о будущем, которое было полно заманчивых обещаний; смеясь, распевая и весело разговаривая, они исполняли трудную работу — снятие лагеря.

Один маркиз, несмотря на все свои усилия казаться если не веселым, то по крайней мере беззаботным, оставался мрачным и задумчивым; сердце его, исполненное постыдной алчностью к золоту, испытывало ужасные страдания и было нечувствительно к прелестям природы, которые так могущественно действовали на загрубелые, но честные натуры индейцев и негров.

Между тем лошади были оседланы, мулы навьючены, палатки свернуты и положены в телегу, которую везло несколько быков. Донна Лаура вошла в свой паланкин, который сейчас же закрылся за нею; дожидались только приказания маркиза, чтобы двинуться в путь.

Дон Рок ходил в стороне, погрузившись в размышления; он, казалось, позабыл, что все было готово для отъезда и что настала минута спускаться с горы, чтобы войти в пустыню.

Уже несколько минут капитао, внимательно наблюдая за снятием лагеря, вертелся около своего господина, чтобы привлечь его внимание, но все его усилия были тщетны, маркиз не замечал его. Наконец капитао тихонько тронул его за плечо. Дон Рок вздрогнул при этом прикосновении и вопросительно посмотрел на индейца.

— Что вам нужно, Дизго? — сухо спросил он.

— Ваше превосходительство, все готово, и мы ждем только вашего приказания, чтобы выступить.

— Если так, то отправимся сейчас же, — отвечал он, повернувшись, чтобы взять свою лошадь, которую невольник держал в поводу в нескольких шагах от него.

— Извините, ваше превосходительство, — возразил индеец, почтительно его останавливая, — прежде чем вы прикажете выступить, мне нужно передать вам несколько важных замечаний.

— Мне? — воскликнул маркиз, смотря ему прямо в лицо.

— Да, вам, ваше превосходительство, — холодно ответил индеец.

— Не угрожает ли мне новая измена, — продолжал маркиз, горько улыбнувшись, — и не хотите ли вы, дон Диэго, также меня покинуть, как ваш товарищ Малько?

— Вы несправедливы ко мне, ваше превосходительство, — отвечал откровенно индеец, — я вовсе не намерен вас покинуть, и Малько никогда не был ни моим другом, ни товарищем.

— Если я не прав, что очень может случиться, извините меня и скорее, прошу вас, приступайте к делу; время проходит, мы должны были бы уже давно выехать.

— Минутой раньше или минутой позже — все равно, мы все-таки довольно рано приедем, куда отправляемся, будьте покойны, ваше превосходительство.

— Что вы хотите сказать? Объяснитесь...

— Что уже имел честь сказать сегодня утром вашему сиятельству, что никто из нас не возвратится из этой экспедиции и все мы сложим там свои кости.

Маркиз сделал нетерпеливое движение.

— Вы только для того и останавливаете меня, чтобы повторить ваше зловещее предсказание? — вскричал маркиз, топнув ногой.

— Нисколько, ваше превосходительство; я не смею ни осуждать ваши поступки, ни мешать вашим намерениям; я вас только предупредил, вот и все; несмотря на мое предположение, вы хотите идти вперед, хорошо, это до меня не касается, я готов к вашим услугам.

— Вы, я надеюсь, никому не заикнулись об этой нелепости, которая так вас тревожит?

— К чему мне, ваше сиятельство, разглашать без вашего согласия то, что вы называете нелепостью, а я

неоспоримыми вещами? Солдаты, которыми я командую, и охотники метисы так же хорошо, как и я, знают, что ожидает их в пустыне, расстилающейся под нами; стало быть, мне не об чем их уведомлять; что касается до ваших невольников, то зачем их пугать заранее? Не лучше ли оставить их в полнейшем неведении? Может быть, когда настанет опасность и они увидят себя близкими к смерти, в этом же самом незнании они почерпнут силу храбро умереть, потому что, повторяю еще раз, избежать этого нам невозможно.

Маркиз нахмурил брови и сжал кулаки от гнева.

— Ну, — перебил он сдержанным голосом, все-таки еще немного дрожавшим от волнения, — покончим с этим.

— Я лучшего и не желаю, ваше превосходительство.

— Говорите, но, пожалуйста, короче; повторяю вам, что время проходят и уже час тому назад мы должны были бы быть в дороге.

Капитао в смущении потер свой лоб и, по-видимому вдруг решившись, сказал:

— Дело вот в чем, ваше превосходительство: до сих пор мы ехали по совершенно или почти цивилизованным странам, где мы подвергались только обыкновенным опасностям, то есть укушению диких зверей и гадов, но теперь совсем другое.

— Ну что же?

— Черт возьми, вы понимаете, ваше превосходительство, через несколько минут мы будем во владениях краснокожих; воинственные индейцы не очень-то нежны к белым и к людям цивилизованным; нам нужно будет поступать чрезвычайно осторожно, чтобы защититься от западней и засад, которые ожидают нас на каждом шагу, потому что мы будем в неприятельской стране. Я очень хорошо знаю, — прибавил он простодушно, — что все эти предосторожности ни к чему не послужат и, может быть, только продолжат наше существование на несколько дней; но, по крайней мере, умирая, мы будем успокоены тем, что сделали все зависящее от нас, чтобы выйти из такого бедственного положения.

— Что вы хотите сказать своим бесконечным вступлением? — отвечал маркиз, у которого, несмотря на его гнев, искреннее самоотвержение этого бедняги вызвало улыбку.

— Оно ведет вот к чему, ваше превосходительство; вы дворянин, знаток городской жизни, но, извините меня, ничего не смыслите в быте пустыни, в засадах и в опасностях, которыми она наполнена, и в средствах, употребляемых для защиты от одних и для избежания других. При всем почтении, которое я должен оказывать вашему превосходительству, я думаю, однако, что было бы хорошо, если бы вы с сегодняшнего дня возложили на меня одного ответственность за движение каравана, которым вы предоставили бы мне управлять по моему усмотрению; одним словом, чтобы вы передали мне начальство над ним. Вот, ваше превосходительство, что я хотел вам сказать и зачем я дозволил себе вас остановить.

Маркиз в продолжение нескольких минут молчал, устремив глаза на спокойное и честное лицо индейца, как будто хотел прочесть в глубине сердца его самые сокровенные мысли. Капитао не смутясь выдержал этот взгляд.

— То, что вы просите у меня, дон Диэго, очень важно, — отвечал задумчиво маркиз. — Измена окружает меня со всех сторон: люди, на которых я более всего имел право рассчитывать, первыми покинули меня; вы сами смотрите на этот поход, как на сумасбродство, и, кажется, вас волнуют самые мрачные предчувствия; они доказывают мне, извините меня, в свою очередь, за откровенность, они мне доказывают, что вы не хотите меня обмануть и что ваша преданность ко мне не скрывает задней мысли.

— Ваше превосходительство, я не сержусь за подозрения, которые вы имеете против меня, напротив, я нахожу очень естественными. Вы португалец из Европы, а вследствие этого не знаете многих особенностей нашей страны и, между прочим, того, что солдаты конквисты — люди испытанные, старательно выбранные и что с самого основания этого отряда между ними не встречалось ни одного изменника. Я говорю это не про себя, вы знаете меня только несколько дней, вам еще не представлялось случая испытать меня, но искренность, с которою я говорил вам все предыдущее, должна была возбудить если не полную уверенность ко мне, то по крайней мере начало этой уверенности.

— Да, я знаю, что со вчерашнего дня все ваши поступки были честны, вы видите, что я справедлив.

— Не вполне еще, ваше превосходительство; вы судите обо мне с точки зрения цивилизованного европейца, но не жителя пустыни, оттого-то вы так сильно ошибаетесь; позвольте мне сделать маленькое замечание, которое, без сомнения, вы найдете справедливым.

— Говорите.

— Мы удалены по крайней мере на пятьдесят лье от ближайшего города, и в то же время только на несколько лье от нас находятся враги-индейцы, которые нас сторожат и ждут предлога, чтобы напасть на нас.

— Правда, — прошептал задумчиво маркиз.

— Итак, вы понимаете меня, ваше превосходительство; теперь предположим, что я изменник.

— Я этого не говорил.

— Вы не утверждали, это правда, но вы дали понять мне, что я мог бы сделаться им. Ну, допустим это: ничего не было бы легче для меня, как покинуть вас здесь, уехать со своими солдатами, и, поверьте, ваше превосходительство, вы погибли бы точно так же, как если б я выдал вас завтра же индейцам. Вы не имеете физической возможности избежать малейшей из тех опасностей, которые вас окружают, и вы даже и не подозреваете того, что творится вокруг вас.

Маркиз побледнел и в унынии опустил голову на грудь; логика капитана поразила его, доказывая личное бессилие его и всю величину преданности человека, которого он обвинял и который так благородно жертвовал своею жизнью в пользу чужого.

Он протянул индейцу руку и сказал:

— Извините мне мои несправедливые подозрения, дон Диэго, они теперь навсегда рассеялись; я доверяю вам, поступайте по своему усмотрению, даже не советуясь со мной, если вы найдете это нужным; даю вам честное слово дворянина, что не буду вам мешать и что во всех обстоятельствах стану первый показывать пример повиновения вам. Довольны ли вы мною? Не исправляю ли я свою ошибку, которую я сделал, обвиняя вас?

Капитан с волнением пожал протянутую ему руку.

— Я жалею, ваше превосходительство, что у меня только одна жизнь, чтобы пожертвовать ею за вас, — отвечал он.

— Не будем же более говорить об этом, и делайте, как найдете лучше.

— Постараюсь, ваше превосходительство. Во-первых, сделайте одолжение, скажите, куда вы намерены направиться?

— Нам нужно приехать к берегам маленького озера, которое находится, говорят, — вы понимаете, что я не знаю этого места и никогда там не был, — в окрестностях Рио-Вермейо, недалеко от владений индейцев френтонов.

Индеец нахмурил брови.

— О-о! — отвечал он, — дорога длинна. Чтобы доехать туда, нам нужно будет пройти по всем землям гуакуров и пейягов; потом мы переправимся через Рио-Пилькомейо, чтобы войти в льяно де Монсо; это трудная дорога, ваше превосходительство, и ее нельзя никаким образом сравнить с переходом, который мы сделали до сих пор.

— Я всегда думал, что Малько Диац повел нас по дурному направлению и заставлял нас по своему произволу блуждать по бесконечным пустыням.

— Вы были не правы, ваше превосходительство; Малько, напротив, провел вас по хорошей и по самой короткой дороге. Впрочем, поступок его ясно показывает, что ему было очень важно привести вас как можно скорее в индейские владения.

— Справедливо.

— Теперь не угодно ли вашему сиятельству сесть на лошадь, мы отправимся, когда вам угодно.

— Сейчас же, — отвечал маркиз и, подав знак невольнику подвести коня, который стоял в стороне, вскочил в седло. — Я предоставляю вам отдать приказания, какие найдете нужными, — сказал он.

— Решено, ваше превосходительство.

Молодой человек направился к носилкам, где находилась донна Лаура, между тем как капитао присоединился к солдатам и приготавливал все к отъезду.

Маркиз сравнял свою лошадь с правой стороны носилок и, слегка нагнувшись к седлу, сказал:

— Донна Лаура, вы меня слышите?

— Слышу, — отвечала девушка, которая, несмотря на легкое движение занавесок, осталась невидимою.

— Хотите послушать меня несколько минут? — продолжал маркиз.

— Мне невозможно поступить иначе, — прошептала она.

— Получили вы мое письмо, которое я послал сегодня утром?

— Да, я его получила.

— И прочитали?

Молодая девушка не решалась ответить.

— Прочли ли вы его? — настаивал маркиз.

— Прочла.

— Благодарю вас, сеньорита.

— Я не принимаю благодарности, которую не заслуживаю.

— Отчего?

— Потому что записка эта не имела никакого влияния на мое непоколебимое решение.

Маркиз рассердился.

— Вы не принимаете моих условий?

— Нет.

— Подумайте, что ужасная опасность угрожает вам.

— Очень буду ей рада, какая бы она ни была, если только освободит от рабства, в котором вы меня держите, и от ужаса, который вы мне вселяете своим постоянным присутствием около меня.

— Это ваше последнее слово, сеньорита?

— Последнее.

— Но сопротивление ваше доходит до крайнего неблагоприятия.

— Может быть; во всяком случае, сопротивление это мстит вам за меня, и это все, что я могу желать в том несчастном положении, в которое вы привели меня своим постыдным поведением.

— Вы губите себя; вас ожидает близкая смерть.

— Надеюсь, но вы просили у меня только несколько минут разговора, они прошли; не продолжайте, сеньор, вашего разговора, потому что я не стану вам больше отвечать; к тому же, я чувствую по движению носилок, что ваши разбойники выступили.

В самом деле, караван начал спускаться с горы; тропинка суживалась все более и более, и дальнейший разговор становился невозможным.

— О, горе вам! — вскричал маркиз в бешенстве.

Молодая девушка отвечала ему только насмешливым хохотом.

Дон Рок высказал ей последнюю угрозу и пришпорил свою лошадь, которая понесла его несколькими скачками в середину маленького отряда.

Капитао сделал свои распоряжения насчет похода, как привычный к войне солдат и опытный лесной бродяга.

Солдаты, привыкшие вести продолжительные войны с индейцами, все хитрости которых они очень хорошо знали, составляли авангард и охраняли стороны каравана, наблюдая за дорогой и старательно осматривая все кустарники справа и слева.

Охотники метисы, составлявшие главный отряд, подвигались вперед, имея ружья на руке с поднятыми курками, напрягая слух и зрение и готовые палить при первом сигнале.

Караван, расположенный таким образом, представлял довольно растянутую и внушающую должное почтение линию; он состоял из пятидесяти пяти человек, из которых около сорока пяти были люди решительные, привычные издавна ездить по пустыне и на которых можно было рассчитывать в случае опасности. Остальные же десять были невольники негры или мулаты, которые никогда не видели боевого огня, инстинктивно боялись индейцев и на случай нападения, по всему вероятно, при первом же залпе навестили бы лыжи.

Маркиз, несмотря на мрачные предчувствия капитао, не мог поверить, чтобы индейцы осмелились напасть на многочисленный и так хорошо вооруженный ружьями и пистолетами отряд; он внутренне обвинял Дизго в преувеличении опасности, чтобы снискать доверие маркиза и выставить услуги.

Однако, несмотря на предполагаемое преувеличение со стороны капитао, он не скрывал для себя, что положение, в котором находится, хотя не безнадежно, однако весьма затруднительно; измена проводника ставила его в безвыходное положение, он был доволен, что капитао сам взял на себя ответственность начальствования и поручился, таким образом, вывести его из затруднительных обстоятельств, в чем он сам никогда бы не успел.

Маркиз очень ошибался; заблуждение это, впрочем, было простительно в том смысле, что, едва только с год в Америке, он никогда не имел еще случая всмот-

реться основательно во все происходящее вокруг него и познакомиться с людьми, с которыми он случайно сталкивался.

Воспитанный в Европе, происходя от высшего и самого гордого дворянства в Старом свете, предубеждение которого принял с самого детства, он вел самую беззаботную жизнь богатых классов, не зная тех сильных натур, которые встречаются только на границе варварства и для которых преданность и самоотверженность необходимые условия существования. Он не мог их понять и, несмотря на то, что почти доказал ему Диэго во время короткого разговора, сохранил, может быть бессознательно, тайную заднюю мысль, которая заставляла его искать в честной и искренней преданности этого человека корыстолюбивый или честолюбивый расчет.

Между тем караван медленно спускался с горы, сопровождаемый по обеим сторонам солдатами, которых капитан послал в качестве разведчиков. По мере того как путешественники приближались к пустыне, вид переменился и делался все более и более величественным.

Еще несколько минут, и все сойдут с горы. Дон Рок приблизился к Диэго и, тронув его слегка по плечу, сказал, улыбаясь:

— Ну вот мы скоро и на равнине, а не видели еще живой души; поверьте мне, начальник, угрозы индейцев одно хвастовство, они попробовали нас испугать, вот и все.

Индеец с изумлением посмотрел на маркиза.

— Вы говорите серьезно, ваше превосходительство? — спросил он, — действительно ли вы верите в то, что сказали?

— Да, *cher don Diogo*, и, мне кажется, все оправдывает меня.

— В таком случае вы в заблуждении, ваше превосходительство, потому что, уверяю вас, гуакуры не предпринимает ничего без решительного намерения достигнуть цели; вы скоро уверитесь в этом.

— Вы боитесь, что будет атака? — спросил маркиз, начиная беспокоиться.

— Нападут, может быть, и не сейчас, но сделают вызов — без всякого сомнения.

— Вызов! С чьей же стороны?

— Со стороны гуакуров.

— Полно, вы шутите. На чем основываете вы свое предположение?

— Я ничего не предполагаю, ваше превосходительство, но вижу многое.

— Как видите?

— Да, вам тоже очень легко самому убедиться, потому что не пройдет четверти часа, как человек, про которого я говорю, явится уже сюда.

— О-о! Это уж слишком.

— Постойте, ваше превосходительство, — продолжал он, протянув руку в известном направлении, — видите, как трава колыхается и гнется правильным движением?

— Да, вижу; далее?

— Вы замечаете, не правда ли, что движение это только местное и все приближается к нам?

— В самом деле, так что ж следует из этого?

— Это доказывает, ваше превосходительство, что индеец скачет к нам и что, вероятно, его послали к нам с важными поручениями.

— Что за шутки, капитао!

— Я не шучу нисколько, ваше превосходительство, вы скоро убедитесь в этом.

— Я до тех пор не поверю, покуда сам не увижу.

— Если так, — продолжал капитао, улыбаясь, — то уверьтесь, потому что вот и он!

Маркиз посмотрел.

В эту минуту индеец гуакур, вооруженный для боя, на великолепном коне выехал вдруг из травы и гордо остановился поперек дороги, на пистолетный выстрел от бразильцев, махая тапировой кожей, которая развевалась, подобно знамени.

— Стреляй в мошенника! — вскричал маркиз, прицеливаясь.

Капитао живо остановил его.

— Берегитесь! — сказал он.

— Как! Разве он не враг? — возразил маркиз.

— Может быть, и неприятель, но теперь, ваше превосходительство, он приехал переговорщиком.

— Этот дикарь приехал парламентаром! Вы, без сомнения, насмехаетесь надо мной! — вскричал маркиз, пожимая плечами.

— Нисколько, ваше превосходительство, слушаем, что он нам скажет.

— Зачем? — презрительно сказал дон Рок.

— Даже если б и затем, чтоб узнать намерения тех, кто посылает его; это, мне кажется, весьма важно для нас.

Маркиз немного подумал, потом закинул свой карабин за плечо.

— В самом деле, — пробормотал он, — лучше пускай он объяснится; кто знает, что индейцы решили между собою; может быть, они хотят заключить с нами договор?

— Это невероятно, — отвечал, смеясь, капитао, — но, во всяком случае, если ваше превосходительство позволит, я пойду и расспрошу его.

— Идите, идите, дон Диэго, мне очень любопытно узнать цель этого послания.

Капитао поклонился, потом, бросив на землю мушкетон, саблю и свой нож, пустился галопом к индейцу, стоявшему неподвижно поперек дороги, как конная статуя.

— Вы с ума сошли! — вскричал дон Рок, пустившись к нему. — Как? Вы кидаете свое оружие? Стало быть, хотите, чтобы вас убили?

Дон Диэго презрительно улыбнулся, пожав плечами, и, остановив лошадь маркиза за узду, чтобы помешать ему схватить вперед, сказал:

— Разве вы не видите, что он без оружия?

Маркиз удивился и остановил свою лошадь; он не заметил этого.

Капитао воспользовался его изумлением и опять по-скакал.

Гуакуры

Обширная территория Бразилии населена еще до сих пор многочисленными индейскими племенами, рассеянными в мрачных лесах и обширных пустынях, которые покрывают этот край.

Предположение, что племена эти произошли от одного колена и что характер их общественной жизни одинаков, во всяком случае ошибочно; напротив, нет ничего разнообразнее их нравов, обычаев, их языка и общего состава. В Европе этого не знают, потому что туда проникают только рассказы о ботокудах, хорошо известных соседним бразильским поселениям по жестокости, которую они обнаруживают в борьбе с белыми.

Этих индейцев, в которых замечается только одно душевное проявление — крайняя ненависть к жестокому игу иностранцев, — несколько не интересно изучать отдельно. Грязные, погруженные в совершенное варварство, людоеды производят своим диким видом даже отвращение, вызываемое в особенности ужасным *botoque*, или деревянным кружком в несколько дюймов ширины, который продевают себе в нижнюю губу и который их так обезображивает, что они похожи более на противных орангутангов, чем на людей.

Но если углубиться внутрь земли и направиться к югу, то можно встретить могущественные индейские племена, которые достигли интересной для изучения степени цивилизации и в случае нужды могут выставить до пятнадцати тысяч вооруженных воинов.

Из этих племен в особенности два занимают важное место в истории первобытных наций Бразилии, а именно пейяги и гуакуры.

О последних в особенности мы будем здесь говорить.

Гуакуры, или *Indios cavaiheiros'*, как называют их бразильцы, с незапамятных времен занимали пространство по крайней мере в сто лье по берегам реки Парагвая.

Теперь, когда они должны понемногу отступать перед цивилизацией, которая все более и более ограничивает это племя, положение их переменялось; однако они еще встречаются, но большею частью держатся около рек Сан-Лоренцо и Емботате, или Мондего.

Гуакуров, по совести, нельзя причислить к совершенно диким племенам. Они занимают, по нашему мнению, — мнение это разделяется многими путешественниками, — в общественном управлении народов Нового света почти такое же место, какое занимают теперь чилийские арауканы, нравы которых уже известны читателям из предыдущих наших сочинений*.

Но поспешим сказать, что нравы аукасов очень мало сходны с нравами гуакуров.

Эти последние представляют три совершенно различных народа: первый был известен под именем *лигов*, занимающих берега Парагвая; жители восточных берегов великой реки составляют второй народ; к третьей же группе принадлежат индейцы, живущие в бразильских владениях.

Мы займемся теперь только последними.

Бразильские гуакуры разделяются на семь различных групп, почти всегда враждующих между собою; они свободно разъезжают по обширным равнинам, покрытым великолепными пастбищами, между реками Ипани и Токари.

Это народ исключительно воинственный; целью его предприятий всегда бывают пленные, которых обращают в рабство.

Неоспоримое превосходство гуакуров принудило многих соседних племен подчиниться им; впрочем, первенство это было признано добровольно.

Племена, подчиняющиеся гуакурам, однако, довольно могущественны, их всего будет до шестнадцати. Из

* См. Великий путеводитель аукасов.

них хикиты, гуаты, ляды, шаготы самые страшные нации юга.

Общественное устройство гуакуров чрезвычайно оригинально и встречается весьма редко в такой степени развития между остальными племенами; они разделяются на вождей, воинов и рабов; это внутреннее устройство легко сохраняется, потому что потомки пленников ни под каким видом не могут брать себе в жены свободных женщин, и наоборот; подобный союз обесчестил бы того, кто его заключил; не было примера, чтобы невольник сделался свободным человеком; к тому же религия их исключает невольников из рая.

Из вышеприведенного видно, что если каста вождей сохраняется во всей своей первоначальной чистоте, то взамен этого в редких нациях низший класс предается стольким разнородным страстям и в редких случаях рабы угнетены в такой степени.

В продолжение рассказа мы подробнее ознакомим читателя с этим народом, занимающим такое странное положение между варварством и цивилизацией, как бы держась в равновесии между тем и другим. Обратимся к нашему рассказу и вернемся к тому моменту, где превали его в предшествующей главе.

Обменявшись с маркизом несколькими словами, которые мы передали, дон Диэго поехал один и без оружия к индейцу, гордо остановившемуся посреди дороги; он стоял неподвижно и смотрел пристально на приближающегося капитао.

Оба воина, несмотря на то, что происходили от одной и той же первобытной расы первых обитателей этой земли, представляли два совершенно различных типа и резко отличались друг от друга.

Гуакур, раскрашенный по-военному и гордо драпировавшийся в свое пончо, смело сидел на своем коне, таком же диком, как он сам; улыбка гордого презрения выражалась на его губах. Он представлял собой тип могущественной расы, уверенной в свое право и в свою силу; с первого дня открытия эта раса поклялась беспощадно истреблять белых, отступала перед ними шаг за шагом, однако никогда не обращалась в бегство; она решилась погибнуть, но не переносить ненавистного ига и постыдного рабства.

Капитао, напротив, был менее сильного сложения, узкая одежда, казалось, стесняла его; черты его лица носили

неизгладимые признаки подчиненного состояния, которое он добровольно принял; затрудняясь своим положением, заменяя гордость наглостью и только искоса взглядывая на своего противника, он представлял уже перерожденный тип нации, к которой он перестал принадлежать и привычки которой он оставил, чтобы принять, не понимая их, обычаи своих победителей; перед натурой врага, сильною и свободною, он инстинктивно понял свое унижение и бессознательно поддался ее влиянию.

— Когда оба индейца были только в нескольких шагах друг от друга, капитао остановился.

— Кто ты, собака? — сказал ему грубо гуакур, бросая на него презрительный взгляд, — ты носишь одежду рабов, тогда как принадлежишь, кажется, к племени детей моего отца.

— Я, как и ты, сын этой земли, — отвечал угрюмо капитао, — только я счастливее тебя, мои глаза открылись, и я присоединился к семейству белых, которых уважаю и люблю.

— Не хвались, — отвечал воин, — твоему вероломному языку не удастся выхвалить передо мной сладость рабства. Гуакуры мужчины, а не трусливые собаки, которые лижут руки своих палачей.

— Разве ты для того сюда приехал, чтобы оскорблять меня? — сказал капитао с едва сдерживаемым гневом. — Рука моя длинна, а терпение коротко; берегись, чтобы я не отвечал на твою брань ударами.

Воин презрительно посмотрел на метиса.

— Кто осмелился бы льстить себя надеждой испугать Тару-Ниома? — сказал он.

— Я тебя знаю; мне также известна твоя слава среди твоего народа за мужество в битвах и разум в советах; прекрати напрасное хвастовство и предоставь слабым женщинам точить свой язычок на человеке, который, как и ты, не из робкого десятка.

— По временам и сумасброд дает хороший совет; ты говоришь правду; перейдем же к цели нашего разговора.

— Жду твоего объяснения. Не я становлюсь поперек твоей дороги.

— Отчего ты не передал своим бледнолицым господам, что я поручил тебе сказать им?

— Я настолько же не раб белых, как и ты; поручение твое я передал им от слова до слова.

— И, несмотря на это, они продолжают идти вперед?
— Как видишь.
— Эти люди с ума сошли; разве они не знают, что ты ведешь их на верную смерть?

— Они нисколько не разделяют этого мнения; превышая вас рассудком, белолицые не боятся, однако, и не презирают вас и вовсе не хотят оскорбить вас.

— Разве, нападая на наши владения вопреки нашему приказанию, они полагают, что не оскорбляют нас?

— Они не нападают на ваши владения, а просто идут своею дорогою.

— Ты вероломная собака; бледнолицым незачем проходить через нашу страну.

— Вы не имеете права препятствовать мирным гражданам проходить через ваши земли.

— Если мы не имеем права, то присваиваем его себе; гуакуры одни владеют этими странами, на которых никогда не ступит нога белого.

Диэго подумал с минуту.

— Послушайте, — сказал он, — откройте свои уши, чтобы истина проникла в ваше сердце.

— Говори, я для того и здесь, чтобы слушать тебя.

— Мы не хотим проникнуть в глубь вашей страны; проходя через нее, мы станем держаться по возможности близко границ; ваш край только пересекает наш путь.

— А-а! Как же называется страна, куда вы направляетесь? — спросил вождь насмешливо.

— Страна френтонов.

— Френтоны наши союзники; наши выгоды общие; проникнуть в их владения — все равно что проникнуть в наши, мы не потерпим этого. Поди к тому, кто послал тебя, и скажи ему, что Тару-Ниом соглашается допустить ему отступить с условием, чтобы он сейчас же направился к северу.

Капитао не двигался.

— Ты разве не расслышал меня? — продолжал воин. — Только с этим условием можете вы надеяться избежать смерти или рабства. Ступай же немедленно.

— Это совершенно бесполезно, — отвечал капитао, пожимая плечами, — бледнолицый вождь не воротится до тех пор, пока не приедет к цели своего путешествия.

— Что же заставляет этого человека играть так своею жизнью?

— Не знаю, это не мое дело, я не имею привычки вмешиваться в чужие дела.

— Хорошо. Он, следовательно, будет подвигаться вперед, несмотря ни на что.

— Без сомнения.

— В таком случае его смерть недалеко. Его участь решена.

— Так вы хотите воевать?

— Нет, мстить; белые не враги наши, это дикие звери, которых мы убиваем, ядовитые гады, которых мы раздавливаем при всяком удобном случае.

— Берегитесь, вождь, борьба между нами будет страшная; мы храбры, мы не нападём на вас первыми, но если вы попытаетесь остановить нас, то будем сильно сопротивляться, предостерегаю вас.

— Тем лучше! Уже давно мои сыны не встречали врагов, которые были бы их достойны.

— Мы кончили, позвольте мне возвратиться к своим.

— Поезжай, мне в самом деле болес нечего тебе говорить; одно упрямство твоего господина накликает на его голову беду, которая скоро над ним разразится. Подвигайтесь вперед и не бойтесь заблудиться, — прибавил он со зловещей улыбкой, — я принимаю на себя обязанность так хорошо обозначать дорогу, по которой вы пойдёте, что вам будет невозможно ее не узнать.

— Благодарю вас, вождь, я воспользуюсь этим, будьте уверены, — ответил тот с иронией.

Гуакур улыбнулся, но ничего не сказал; вонзив шпоры в бока своего коня, он заставил его сделать огромный скачок и почти мгновенно исчез в густой траве.

Капитао подъехал рысцою к каравану.

Маркиз нетерпеливо ждал, чем кончится этот разговор.

— Ну что? — воскликнул дон Рок, как только Диэго поравнялся с ним.

Индеец печально покачал головою.

— Что я предвидел, то и случилось, — отвечал он.

— Что это значит?..

— А то, что гуакуры не хотят ни под каким видом, чтобы мы вступили в их территорию.

— Стало быть?..

— Они приказывают нам возвратиться назад, говоря, что в случае упорства с нашей стороны они решились не пропускать нас.

— Мы перейдем через их трупы! — вскричал гордо маркиз.

— Сомневаюсь, ваше превосходительство; как бы ваши люди ни были храбры, все-таки они не в состоянии с успехом бороться с неприятелем вдесятеро сильнеешим.

— Разве они так многочисленны?

— Я ошибся, не с десятью, а с сотнею противников придется каждому из нас биться.

— Вы хотите меня испугать, Дизго.

— Зачем, ваше превосходительство? Я знаю, что ничто из сказанного мною не убедило бы вас, что ваше решение неотменно и что вы пойдете вперед, несмотря ни на что. Да, впрочем, зачем вам терять драгоценное время.

— В таком случае вы сами трусите, — воскликнул, рассердившись, маркиз.

При этом оскорблении индеец побледнел, как только может побледнеть человек его расы, т. е. его лицо сделалось вдруг грязно-белого цвета, глаза налились кровью, а по телу пробежала судорожная дрожь.

— Поступать таким образом, ваше превосходительство, не только не великодушно, но и неловко, — отвечал он глухим голосом. — Зачем оскорблять человека, который из преданности к вам целый час выслушивал, даже не жалуясь, от вашего врага смертельные обиды. Вы заставите раскаяться в том, что я пожертвовал вам свою жизнь.

— Но, — продолжал более мягким голосом дон Рок, который уже раскаивался в своей вспышке, — наше положение несносно, мы не можем оставаться так; как мы теперь выйдем из этих затруднительных обстоятельств?

— Об этом-то, ваше превосходительство, и я думаю; гуакуры, без сомнения, сейчас не нападут на нас; страна слишком лесиста, а поверхность слишком неровна и пересечена реками. Здесь они нас не тронут; я знаю их тактику; им теперь выгоднее вести себя с вами осторожнее; почему — этого я еще сам не знаю, но скоро буду знать.

— Что заставляет вас предполагать это?

— Боже мой, настойчивость их, с которою они хотят заставить нас возвратиться; иначе было бы выгоднее напасть на нас нечаянно; кроме того, все поведение их может скрывать военную хитрость и вселить в нас больше доверчивости.

— Что вы думаете делать?

— Сначала узнать намерения неприятеля, ваше превосходительство, и с Божьей помощью, как бы ни были хитры гуакуры, я выведу их на чистую воду.

— Будьте уверены, что, если мы узнаем их намерения и ускользнем от них, вознаграждение будет соответствовать услугам, которые вы окажете мне.

Капитао пожал плечами.

— Незачем говорить о вознаграждении мертвому человеку; я по крайней мере так смотрю на себя, — отвечал он отрывисто.

— Все та же мысль, — сказал нетерпеливо молодой человек.

— Да, ваше превосходительство, все та же, но успокойтесь, уверенность эта, которая для других повлекла бы за собой, без сомнения, самые плачевные последствия, позволяет мне, напротив, вольнее действовать и, вместо того чтобы затмить мой ум, делает его еще светлее и яснее. Зная, что не могу избежать судьбы, которая угрожает мне, я употреблю все, что только зависит от человека, чтобы отстранить эту неизбежную гибель; это должно успокоить вас.

— Не очень-то, — отвечал маркиз, принужденно улыбнувшись.

— Только, повторяю, ваше превосходительство, мне нужна полнейшая свобода в действиях; нельзя, чтобы вы словом или чем-нибудь другим препятствовали моим распоряжениям.

— Я уже вам дал честное слово дворянина.

— Знаю, знаю, ваше превосходительство; война, которую мы теперь начинаем, не имеет ничего общего с теми, которые, говорят, вы привыкли вести в Европе. Главное оружие наших врагов — хитрость. Мы тогда только победим их, если это возможно, когда выкажем себя более проникательными и хитрыми, чем они. Замечания, которые вы сделали бы мне, ускорили бы только вашу гибель, если б я был принужден действовать согласно с ними.

— Раз и навсегда даю вам полнейшую свободу во всех ваших действиях, как бы странны они ни были.

— Вот это умно сказано, ваше превосходительство; надейтесь. Кто знает, может быть, Богу будет угодно сотворить чудо ради нас; по крайней мере употребим все наши силы.

— Благодарю вас, Дизго, что вы наконец дали мне возможность надеяться; я радуюсь этому тем более, — сказал маркиз, улыбаясь, — что вы, на мой взгляд, не способны обманывать.

— Мы люди, с которыми важно говорить откровенно, чтобы они были настороже, а не трусливые дети, которых нужно обманывать. Теперь, — прибавил он, показывая рукою на небольшой пригорок, находящийся впереди на расстоянии около двух лье и немного вправо от дороги, по которой ехал караван, — если вашему превосходительству угодно, вот где мы расположимся на ночь.

— Как! Уже останавливаться! — вскричал молодой человек, — ведь еще едва полдень.

— Как жалко, — воскликнул индеец с притворным сожалением, — что экспедиция должна кончиться так дурно, а то я дал бы вам несколько уроков, которые сделали бы вас со временем, я убежден, самым проницательным и опытным обитателем бразильских лесов.

Несмотря на критическое положение, в котором маркиз находился, он не мог не засмеяться при этой наивной причуде достойного вождя.

— Все равно, дон Дизго, — отвечал он, — не лишайте меня своих наставлений; кто знает, может быть, они будут полезны мне когда-нибудь.

— Пожалуй, ваше превосходительство. Слушайте же хорошенько, вот что мы сейчас сделаем.

— Я весь превратился в слух.

— Мы не должны углубляться далее в пустыню, не получив прежде точных сведений о несприятельском движении; сведения я могу получить, только прокравшись в самые селения их; с другой стороны, когда их разведчики, которые наблюдают за нами в каждом кустарнике и не пропускают ни малейшего движения, увидят, что мы остановились и расположились лагерем, они не будут знать, что подумать об этом образе действий; они станут беспокоиться, будут искать причину нашего поведения, будут колебаться и дадут нам время приготовиться к сильному сопротивлению. Понимаете меня, ваше превосходительство?

— Почти, исключая одного обстоятельства.

— Какого?

— Вы хотите сами собрать сведения и проникнуть в индейские деревни?

— Действительно, я намерен так поступить.

— Разве вы не думаете, что это большая неосторожность? Вы рискуете быть узанным.

— Правда, и если это случится, моя судьба заранее решена. Что ж делать, ваше превосходительство? Попробую; другим образом ведь нельзя сделать. Однако, как ни губительно подобное предприятие, все же оно не так опасно, как вы думаете, для меня, индейца по происхождению, знающего все обыкновения людей, которых я намерен обмануть; к тому же считаю лишним присовокупить, ваше сиятельство, что я приму все необходимые меры предосторожности.

Между тем как маркиз и капитао разговаривали друг с другом, караван продолжал медленно подвигаться вперед по извилистой тропинке, проложенной с трудом дикими животными и почти исчезающей в траве.

Совершенная тишина, полнейшее спокойствие царствовали в пустыне, на которую, казалось, с самого открытия не ступала нога человека.

Однако охотники метисы и солдаты, предостереженные неожиданным появлением гуакурского вождя и обеспокоенные долгим разговором, который он вел с капитао, были настороже. Они передвигались вперед, напрягая слух и зрение; ружья были заряжены и держались наготове, чтобы выстрелить при малейшей тревоге.

Караван приехал таким образом к холму, где дон Диэго решил расположиться лагерем.

Индеец с безошибочным взглядом, который приобретает только долголетнею опытностью в жизни пустыни, выбрал чрезвычайно хорошее место для устройства укрепленного лагеря, который был бы в состоянии выдержать неожиданное нападение врагов.

Холм образовал выступ крутого берега самой широкой реки; его утесистые склоны были лишены зелени, только вершина была покрыта густым лесом; со стороны реки он представлял отвесный, гладкий и совершенно неприступный обрыв; можно было взойти только со стороны пустыни, да и тут он был открыт не более как на десять метров.

Маркиз поздравил дона Диэго с проницательностью, с которою он выбрал это место.

— Однако, — прибавил он, — необходимо ли нам на одну ночь укрепиться таким образом?

— Если б нам нужно было оставаться здесь только одну ночь, то я не стал бы затруднять вас, указывая на это место; но, может быть, нужно будет долго хлопотать, чтобы получить необходимые для нас сведения, и было бы хорошо, если мы останемся здесь несколько дней, не боясь неожиданного нападения.

— Остаться здесь несколько дней, — возразил маркиз с оттенком неудовольствия.

— Да! Я не могу знать точно, что с нами случится. Может быть, мы завтра же выедем, а может быть, и нет; это зависит от обстоятельств. Хотя положение наше незавидно, однако от нас же, ваше превосходительство, много зависит сделать его еще худшим.

— Вы всегда справедливы, мой друг, — отвечал молодой человек, — расположимся лагерем, как вы хотите.

Капитао оставил тогда маркиза и пошел отдавать приказания, необходимые для устройства лагеря в том виде, как он уже придумал.

Бразильцы занялись сначала перетаскиванием в безопасное место драгоценных вещей, т. е. своих жизненных припасов и военных снарядов; потом, окончив это, установили лагерь на краю платформы холма, сделали ограду из стволов деревьев, склоненных между собою; позади первой ограды поставили фуры и телеги, образовавшие таким образом вторую ограду.

Деревья, нужные для укрепления, были срублены по приказанию капитао; другие же, оставаясь нетронутыми, должны были не только давать тень бразильцам, но еще в случае нападения служить защитой; кроме того, они не позволяли индейцам сосчитать врагов, закрывая их под своей густой листвой.

Раньше заката солнца лагерь был уже в состоянии выдержать атаку.

Диэго приказал, для большей безопасности, чтобы день и ночь часовой находился всегда на самом возвышенном дереве.

Нападение врасплох

Когда наступила ночь и все погрузилось в темноту, дон Диэго вошел в палатку, где маркиз задумчиво ходил взад и вперед.

— А! Это вы, капитао, — сказал молодой человек, останавливаясь, — что нового?

— Не знаю, ваше превосходительство, — отвечал индеец; — все спокойно, часовые караулят; я думаю, ночь пройдет спокойно.

— Однако, если не ошибаюсь, вы хотите сказать мне что-то?

— Действительно, ваше превосходительство, я пришел уведомить вас, что оставляю лагерь.

— Вы покидаете лагерь?

— Ведь мне нужно идти на разведки.

— Правда. А сколько времени вы думаете пробыть вне лагеря?

— Нельзя знать, ваше превосходительство. Может быть, один день, может и два, а может быть, только несколько часов; все будет зависеть от обстоятельств; может также случиться, что меня узнают, и тогда я совсем не возвращусь.

Маркиз посмотрел на капитао со странным выражением.

— Дон Диэго, — сказал он наконец, дружески положив свою руку на его плечо, — позвольте мне спросить вас об одном, прежде чем вы оставите нас?

— Извольте, ваше превосходительство.

— Отчего вы так сильно преданы мне и приносите себя в жертву для меня?

— Что говорить вам об этом, ваше превосходительство? Вы не поймете меня.

— Я уже несколько раз спрашивал себя об этом, но не мог ответить. Мы знаем друг друга только два месяца; до измены Малько я почти не говорил с вами; вы не имеете, как мне кажется, никакой побудительной причины, чтобы интересоваться моею судьбою?

— Боже мой! — беззаботно отвечал индеец, — я нисколько не интересуюсь вами, ваше превосходительство.

— Но тогда, — вскричал крайне удивленный маркиз, — зачем рисковать из-за меня своей жизнью?

— Я уже сказал вашей милости, что вы не поймете меня.

— Все равно, мой друг, отвечайте, прошу вас, на мой вопрос; как бы ни были суровы истины, которые вы сообщите, мне все-таки необходимо слышать их от вас.

— Вашему сиятельству непременно так угодно?

— Даже требую, насколько имею на это право.

— Хорошо! Слушайте же, ваше превосходительство; только, повторяю вам, я сомневаюсь, чтобы вы хорошо меня поняли.

— Говорите! говорите!

— Не сердитесь же, прошу вас, ваше превосходительство, если то, что вы сейчас услышите, покажется вам грубым; на откровенный вопрос я должен отвечать тоже откровенно. Вы лично нисколько не интересуете меня, вы сами сказали это я вас едва знаю. При всех других обстоятельствах я, вероятно, если б вы просили моей помощи, отказал бы вам, потому что, признаюсь, вы нисколько не внушаете мне сочувствия и, естественно, мне не за что вас любить. Случилось только, что вы некоторым образом находитесь у меня под присмотром; когда меня поместили под ваше начальство, я поклялся защищать вас от всего и всех, покуда буду путешествовать с вами. Когда презренный Малько покинул вас, я понял ответственность, которой меня одного подвергала эта измена; я немедленно, не колеблясь, принял на себя ответственность со всеми ее последствиями.

— Но, — прервал маркиз, — из этого еще не следует, что нужно жертвовать жизнью, в особенности же

за человека, в котором не принимаешь ни малейшего участия.

— Не для вас, ваше превосходительство, а для себя приношу я эту жертву, для своей чести, которая помрачилась бы, если я, присоединившись к вам, не стал бы вас защищать до последней минуты и не загородил бы вас своим телом; меня нисколько не удивляет, что вы, ваше превосходительство, европейский дворянин такого же высокого происхождения, как и португальский король, иначе понимаете известные условия цивилизованной жизни; но мы, бедные индейцы, имеем только честь и недешево продаем ее; я принадлежу к отряду солдат, который с самого начала своего основания постоянно выказывает неподкупную верность, и в его рядах не встречалось ни одного изменника. Всякий на моем месте сделал бы то же, что и я для вас теперь делаю; но, — прибавил он с грустной улыбкою, — зачем нам долее разговаривать об этом, ваше превосходительство? Лучше кончим это; пользуйтесь моею преданностью, не беспокоясь ни о чем другом; к тому же она не так велика, как вы полагаете.

— Каким образом?

— Э! Боже мой, по очень простой причине, ваше превосходительство: мы, солдаты конквисты, которые постоянно воюют со свободными индейцами, мы всегда играем своей жизнью и кончаем свое существование обыкновенно смертью в какой-нибудь засаде; следовательно, я приближаю только несколькими днями, а может быть и часами, ту минуту, когда должен буду предстать пред вечным Судиею; вы видите, что жертва, которую я приношу, невелика и не стоит, чтобы я пробовал избежать ее.

Дон Рок был невольно растроган наивной честностью этого полуобразованного человека, который, сам того не подозревая, давал ему, светскому человеку, такой урок нравственности.

— Я не стою вас, дон Диэго, — сказал он, протягивая ему руку.

— Э, нет, ваше превосходительство, я менее вас образован, вот и все, — и, проговорив это с удивительным добродушием, продолжал: — Теперь, когда я ответил на ваш вопрос, возвратимся, если вашему превосходительству угодно, к нашему делу.

— Я лучшего и не желаю, капитао. Вы, кажется, сказали, что хотите оставить лагерь?

— Да, ваше превосходительство, чтоб идти на разведки.

— Отлично; когда намерены вы отправиться?

— Сейчас же, ваше превосходительство.

— Как, так рано?

— Нам не нужно терять ни одной минуты, чтобы все разузнать; мы имеем дело, не позабудьте, ваше превосходительство, со свободными индейцами, самыми хитрыми и самыми храбрыми в этой стране. К тому же вы скоро сами убедитесь, наши противники чрезвычайно сильны.

— Я начинаю верить этому.

— Скоро вы совершенно убедитесь.

— Что я должен делать во время вашего отсутствия?

— Ничего, ваше превосходительство.

— Однако, мне кажется...

— Повторяю вам, ничего; не выходите, велите хорошенько караулить лагерь и наблюдайте сами, чтобы часовые не засыпали на своих постах.

— На этот счет будьте спокойны.

— Я позабыл очень важную вещь, ваше сиятельство: если, чего не предполагаю, на вас нападут индейцы во время моего отсутствия и окружают, велите привязать к самой верхней ветке сторожевого дерева красную *faja*; я ее увижу, где бы ни находился, и, поняв, что это значит, приму предосторожности к своему возвращению в лагерь.

— Будет сделано. Не имеете ли вы еще чего-нибудь сказать?

— Ничего, ваше превосходительство; мне остается только проститься с вами. Не позабудьте, что не должны выходить до моего прихода, иначе вы погибли бы.

— Я не двинусь ни на шаг; решено, вы найдете меня, я думаю, в таком же положении, в каком оставите.

— Надеюсь, ваше сиятельство; до свидания.

— До свидания и желаю успеха!

— Постараюсь.

Капитао вышел из лагеря пешком.

Солдаты конквисты редко употребляют лошадь; они ездят только в таком случае верхом, когда нужно сделать большой переход. Бразильские леса так густы и до

того перепутаны лианами и ползучими растениями, что буквально невозможно проходить через них иначе, как с топором в руке; поэтому лошадь не только бесполезна, но некоторым образом обременяет ездока, который на ней беспрестанно встречает новые затруднения. А потому эти солдаты отличные пешеходы. Ноги их неутомимы, как будто железные; ничто их не останавливает и не удерживает: они ходят так скоро и в такой степени неутомимо, что едва ли наша правильно обученная пехота, пользующаяся хорошою репутациею в этом отношении, может тягаться с ними.

Пространство, которое проходят в несколько часов эти индейцы, удивительно и превосходит все, что только было достигнуто в этом искусстве. Тридцать и даже сорок лье в день для них не составляют томительного перехода; они продолжают идти бодро под грузом оружия и прочих доспехов, следуют за лошадью, пущенной крупною рысью, и, несмотря на это, ничто не ускользает от них во время быстрой ходьбы; они замечают малейший знак, видят самый слабый отпечаток следа, нечаянно оставленный на земле, и тщательно замечают его особенности и размеры; нет шума в пустыне, которого они не услышали бы и не отгадали бы, откуда он происходит: хруст ветки в лесу, скорый полет птицы, поспешное бегство зверя, покидающего при их приближении свое логовище... они слышат и понимают все и находятся постоянно настороже, готовые сразиться с каким бы то ни было неприятелем, который часто мгновенно появляется перед ними, но был уже предугадан их безошибочною наблюдательностью.

Капитао Диэго, как, без сомнения, догадывается читатель, пользовался между своими товарищами, хорошими знатоками в подобном деле, известностью за свою необыкновенную проницательность; он во многих обстоятельствах выказывал удивительную хитрость и ловкость, но никогда еще не находился в таком затруднительном положении, как в описанный нами момент. Он был непримиримым врагом непокоренных индейцев и причинял им непоправимые потери, взамен чего они к нему питали крайнюю ненависть, смешанную с суеверным страхом. Диэго так часто и так счастливо избегал расставленные ему западни, так часто избегал

почти неминуемой смерти, что индейцы начали наконец смотреть на него, как на человека, которому покровительствует какая-то неведомая сила и который обладает сверхъестественной силою, помогающей ему выходить здоровым и невредимым из самых страшных опасностей и преодолевать огромные затруднения.

Капитао знал очень хорошо, какого мнения были о нем индейцы; он знал, что, если попадется когда-нибудь в их руки, то не должен был ожидать не только пощады, но даже неминуемо подвергся бы самым ужасным пыткам. Однако эта уверенность не имела никакого влияния на его рассудок; его смелость не уменьшилась, и, не принимая никаких предосторожностей во время своих различных походов, он с невыразимым удовольствием смеялся над своими противниками, боролся в хитрости с ними и угадывал все их расчеты.

Предприятие, в которое он теперь пустился, было самое отважное и самое трудное из всех доньше исполненных им.

Дело шло только о том, чтоб проникнуть в селения гуакуров, присутствовать при их совещании и узнать, таким образом, их намерения.

Диэго смотрел на себя, как на погибшего, и был убежден, что он и все люди, составляющие караван, к которому принадлежал капитао, падут в пустыне от руки индейцев; в полной уверенности, что ему не оставалось более возможности принести каравану действительную пользу, он хотел в последней борьбе с неприятелем поставить все на карту, решился оспаривать успех до конца и доказать своим врагам перед смертью, на что был способен, словом, дать почувствовать им всю свою силу.

Выйдя из лагеря, капитао поспешно спустился по отлогому скату холма; он шел, несмотря на окружающий его густой мрак, с такою уверенностью, как и днем, и с такою легкостью, что шум его шагов, даже на несколько метров расстояния, не был бы слышен для самого опытного и самого тонкого слуха.

Достигнув берега реки, он осмотрелся, потом лег на живот и осторожно пополз к соседнему кустарнику, часть которого спускалась в воду.

Приблизившись на два или на три шага к кусту, он вдруг остановился, не пошевелил пальцем и оставался в

таком положении в продолжение нескольких минут; даже дыхание не могло его выдать.

Потом, бросив в темноту пронизательный взгляд, поднялся и свернулся, как дикое животное, готовое прыгнуть; схватив правой рукой свой нож, он осторожно поднял голову и испустил с удивительным искусством крик, похожий на шипение *giboуа*, или удава, этого страшного хозяина бразильских пустынь.

Едва послышался этот свист, как ветви кустарника заколыхались, с силой раздвинулись, и испуганный гуакурский воин прыгнул на берег. В ту же минуту капитао очутился сзади него и вонзил ему нож в затылок, — мертвый дикарь упал к его ногам, не успев, застигнутый врасплох, испустить даже предсмертного крика.

Убийство это было совершено гораздо скорее, чем было рассказано нами; несколько секунд прошло, и воин уже лежал мертвый перед своим безжалостным врагом.

Дон Диэго равнодушно обтер свой нож о траву, заткнул его опять за пояс, а затем, нагнувшись к своей еще теплой жертве, стал внимательно и долго осматривать ее.

— Ну, — прошептал он наконец, — случай мне помог, этот несчастный был отборный воин, его наряд мне отлично пригодится.

После этих слов, которые объясняли причину убийства, совершенного им так внезапно и с таким непогрешимым искусством, капитао взвалил на свои плечи тело гуакура и спрятался с ним в куст, из которого так ловко выманил его.

Если бы заключили из только что рассказанного факта, что капитао был жесток и кровожаден, то сильно ошиблись бы; дон Диэго слыл в частной жизни за человека доброго и гуманного, но обстоятельства, в которых он теперь находился, были исключительны: он справедливо смотрел на себя как на человека, принужденного защищаться; очевидно, гуакурский шпион, которого он застал и так безжалостно убил, зарезал бы его не колеблясь, если б только первым заметил врага, потому что целью засады было истребление путешественников. Впрочем, капитао сам уже сказал маркизу: война, которая теперь начнется, будет состоять вся из засад и разного рода хитростей; горе тому, кто допустил бы захватить себя!

Диэго вовсе не раскаивался в своем поступке; напротив, он был им очень доволен, потому что у него был наряд, вполне пригодный для того, чтобы прокрасться незамеченным между своими врагами.

Время было дорого; он поспешно обобрал свою жертву и нарядился в ее костюм; к счастью, оба они были приблизительно одного роста, что облегчило переодевание.

Индейцы обладают искусством не только отлично раскрашиваться, но еще великолепно принимать на себя вид человека, под манеры которого хотят поддаться.

Все раскраски гуакурских вождей почти одинаковы; походка у них тоже общая, и если кровный индеец надевает наряд вождя, то может достигнуть редкой степени сходства с подражаемым лицом.

В несколько минут мертвый был обобран; капитао спрятал под пончо свои пистолеты и нож — оружие, на которое он больше надеялся, нежели на копье, лук и стрелы дикаря.

Спрятав старательно свою одежду в яму, которую он нарочно для этого вырыл, капитао уверился сначала, что в пустыне царствует глубокое безмолвие; потом, успокоившись, он опять взвалил труп на плечи, привязал ему на шею большой камень и, осторожно раздвинув ветви кустарника, тихонько, не производя никакого шума, спустил убитого воина в реку.

Сделав это, Диэго уполз опять в кустарник и стал терпеливо ждать случая выйти с честью из этого убежища.

Прошли два часа, а таинственная тишина пустыни не прерывалась никаким шумом.

Метис начал утомляться продолжительностью стояния и уже придумывал способ избавиться от него и соединиться с гуакурами, которые, по всему вероятию, находились недалеко отсюда, когда легкий шум листьев возбудил его внимание и заставил его прислушаться.

Он скоро услышал приближающиеся к нему шаги: кто-то шел осторожно, не думая, однако, что положение его настолько опасно, чтобы принять большие предосторожности; шорох его шагов, как ни был легок, не ускользнул от тонкого и опытного уха капитао.

Но кто был этот человек? Чего он хотел?

Так спрашивал себя Диэго и не мог ответить на эти вопросы.

Был ли он один, или его сопровождали другие воины?

Во всяком случае, капитао находился настороже; настала последняя минута, когда нужно было состязаться в лукавстве с противником. Он приготовился мужественно выдержать нападение, которое ему угрожало, возбудив не только всю храбрость, но и все присутствие духа, хорошо зная, что от этой первой битвы зависит успех его гибельного предприятия.

Не доходя четырех шагов до куста, в котором находился капитао, безмолвный и неподвижный, как глыба гранита, неизвестный бродяга остановился.

Несколько секунд прошло в глубокой тишине, в продолжение которой было почти слышно биение сердца храброго солдата.

Он не мог в темноте разглядеть своего врага, но угадывал его присутствие и внутренне беспокоился его неподвижностью и молчанием, не предвещающим ничего хорошего; он инстинктивно боялся той же хитрости, которую сам употребил; тайное предчувствие говорило ему, что он находится перед опасным противником, которого, может быть, ему не удастся обмануть.

Крик совы раздался неожиданно в воздухе два раза.

Как ни было отлично подражание, ухо индейца не могло обмануться.

Капитао понял, что это был сигнал незнакомца.

Но к кому он обращался, не к нему ли? А если к спрятавшимся в соседних кустарниках воинам?

Может быть, Диэго не принял достаточно предосторожностей? Петля, стягивающая шею воина, убитого им, могла развязаться, тело всплыло, и гуакуры, увидев труп, могли заподозрить измену и прийти в эту минуту, чтобы отомстить за смерть своего брата, умерщвляя его убийцу.

Эти мысли с быстротою молнии пронеслись в голове солдата; однако нужно было отвечать, всякое замедление погубило бы его. Капитао наудачу, сделав усилие, в свою очередь два раза испустил крик совы.

Он с беспокойством стал ждать, что выйдет из его отчаянной попытки, не смея верить в ее успех.

Ожидание было непродолжительно; почти в то же мгновение незнакомец появился около кустарника.

— Ato ingote canche. Kjick piep, Pui? — спросил он на гуакурском языке, который дон Диэго не только понимал, но и отлично говорил на нем.

— Mochi'', — отвечал тотчас тихим голосом капитао.

— Eroi aboui''', — продолжал гуакур.

Перекинувшись этими словами, которые мы здесь поместили по-гуакурски для того, чтобы дать нашим читателям образчик этого языка, дон Диэго повиновался сделанному ему приказанию и смело вышел из куста, хотя он, несмотря на свою военную хитрость, еще не совсем успокоился.

Индеец, которого он сразу признал за Тару-Ниома, был убежден, что имеет дело с одним из своих воинов, и даже не потрудился осмотреть его, довольствуясь только беглым взглядом, который он кинул на капитао; к тому же начальник казался очень озабоченным.

Он почти сейчас же продолжил разговор, который мы передадим в переводе.

— Так собаки не пробовали биться в равнине во время темноты? — спросил он.

— Нет, — отвечал Диэго, — они укрепились как трусливые собаки, которые не смеют двинуться с места.

— Eroi! Я предполагал, что они храбрее и хитрее; с ними человек, который отлично знает пустыню, изменник нашей расы, которому я вложу в глаза раскаленные угли и вырву его лживый язык.

Капитао внутренне содрогнулся при таких угрозах, направленных на него, однако он сдержался.

— Собака эта умрет, — сказал он.

— Он и все, которых он ведет, — отвечал вождь. — Я имею нужду в своем брате.

— Готов к услугам Тару-Ниома.

— Уши моего брата открыты?

— Они открыты.

— Eroi, я начинаю. Для успеха моих намерений мне нужно присутствие пейягов; без их homaka'''' я не могу

* Буквальный перевод: «Мой брат, Великая Двуутробка (le Grand-Sarigue), не видел ли ты белых?» (*Примеч. автора.*)

** Нет.

*** Хорошо, иди.

**** Военные пироги.

ничего предпринять. Емавиди-Шэмэ обещал прислать мне пятьдесят лодок, в каждой по десяти воинов, как только я пожелаю. Мой брат Великая Двуутробка пойдет за пирогами.

— Пойду.

— Я сам привел лошадь моего брата, чтобы ему не терять времени в поисках за ней. Вот мой кеаіо*. Мой брат покажет его Емавиди-Шэмэ, вождю пейягов, от имени его друга Тару-Ниома, вождя гуакуров, и скажет: «Тару-Ниом требует исполнения данного обещания».

— Скажу, — отвечал Диэго, который говорил так лаконично, как только возможно.

— Хорошо; мой брат великий воин; я люблю его, пускай он последует за мной.

Они поспешно пошли один за другим, не разговаривая.

Дон Диэго внутренне благословлял случай, которому заблагорассудилось все так хорошо устроить; он боялся пронизательного гуакурского предводителя. С тайным опасением он думал о той минуте, когда оба достигнут лагеря, где свет сторожевых костров мог обличить его переодевание в глазах гуакуров, которых так трудно обмануть и которые к тому же, без сомнения, отлично знали человека, личность которого он заменял.

Но теперь положение переменялось; если, по несчастью, вождь пейягов знал умершего воина, то, должно быть, только очень поверхностно и, не имея с ним никаких коротких сношений, не сохранил о нем ясного воспоминания.

Между тем оба воина дошли до прогалины, где стояли оседланные лошади, которых невольник держал под уздцы.

— Вот лошадь моего брата, пускай он едет, — сказал Тару-Ниом, — я ожидаю его возвращения с нетерпением; он направляется к полудню, я же возвращаюсь в лагерь; до скорого свидания.

Диэго не знал, какая из лошадей должна была ему принадлежать, боясь ошибиться и вместо своей взять другую, он нарочно поскользнулся, чтобы дать время вождю сесть первым на коня, что тот и сделал, так как

* Нож.

его недоверчивость не была возбуждена; Дизго последовал его примеру.

Они пришпорили своих лошадей и понеслись во весь дух по противоположным направлениям.

Когда он наконец остался один, капитао тяжело вздохнул, как будто у него с плеч свалилась гора.

— Уф! — сказал он про себя, — испытание было тяжело, но я думаю, что до сих пор хорошо выпутывался; однако не следует радоваться заранее, подождем конца; если б только этот дьявол, пейягский предводитель, — говорят, он ужасно лукав, — не отгадал моей хитрости! Помоги Бог! Только Он один может теперь спасти меня. Я прошу у Него чуда, — прибавил он, — но решил ли Он сделать невозможное?

Е-сапан-рауагоаї Индейское селение

Гуакуры и их союзники пейяги занимаются преимущественно скотоводством, что очень мешало успехам строительного искусства; однако с некоторых пор они стали выказывать склонность к более оседлой жизни и начинают даже заниматься хлебопашеством.

Находясь уже много лет в союзе, гуакуры и пейяги, кажется, разделили между собою пустыню.

Первые в такой степени кавалеристы, что бразильцы их называли *Indios cavaiheiros**; они проводят, так сказать, свою жизнь на лошади, охраняя на обширных равнинах свои бесчисленные стада диких быков, которые составляют их главное богатство.

Пейяги же, напротив, оседлы; они строят свои жилища на берегах рек или озер, занимаясь преимущественно рыболовством и живя скорее на воде, чем на земле. Зато они приобрели довольно большую опытность в судоходстве и обладают некоторыми знаниями в области морской астрономии.

Нравы же и привычки гуакуров и пейягов мало различны; говорить об одной из этих наций — значит знакомить с другой.

* Дословно: много народа. (*Примеч. автора.*)

** Индейцы-кавалеристы.

Мы выше сказали, что они обыкновенно поселяются на несколько месяцев на берегах рек, т. е. до тех пор, покуда с одной стороны еще можно найти рыб, а с другой — пастбище для скота.

Судьба этих кратковременных жилищ сильно зависит от желания вождя, от таинственного предсказания волшебника их племени или наконец от внезапного присутствия предвестницы птицы, которая случайно села на крышу хижины; таким образом, часто случается, что воины, отправившиеся на несколько недель в поход, при возвращении видят, что их селения исчезли и их нужно искать в другом конце пустыни.

Индийские деревни в бразильских степях построены, однако, по известному образцу, с соблюдением некоторых строгих правил; улицы очень широки, прямые, дома тоже сохраняют до известной степени прямую линию.

Впрочем, эти жилища, как и все строения кочующих народов, едва заслуживают названия домов; они построены из стволов пальмы или других деревьев, обшитых несколькими слоями листьев, и образуют род овина; связки из тростника, расположенные горизонтально в сухое время, а в дождливое немного наклонно, образуют крышу; вода легко проникает во время бури через эту плохую крышу, и тогда женщины и дети принуждены выливать ее при помощи *couis* и плетеных корзин.

Только хижины вождей не подвергаются этой неприятности и отлично защищают своих хозяев как от жара, так и от воды, потому что множество связок, положенных одна на другую в разное время, образуют непроницаемый покров.

В каждом селении есть широкая площадь, среди которой возвышается дерево, посвященное *Nunigogigo*, духу жизни; около него колдуны, или *piejes viinagegitos*, пользующиеся большим доверием у легковерного народа, беспрестанно занимаются исполнением странных церемоний и призыванием пророческой птицы, *Makauhan*, посланницы душ, которую простые смертные не видят, однако слушают по целым дням; ее призывают особым инструментом, называемым *тагаса*; затем они умоляют великого духа объяснить им это таинственное пение. Под этим деревом собираются на совет вожди и обсуждают здесь только общественные дела.

В противоположность другим индейцам Южной Америки, которые имеют обыкновение хоронить мертвых в хижинах, в которых они прежде жили, у гуакур около каждой деревни есть общее кладбище, большой сарай, покрытый рогожами, где каждое семейство выбирает себе место погребения.

Индейцы избегают проводить ночь около таких кладбищ, так как между ними существует поверье, что простые воины и рабы, исключенные из рая, осуждены скитаться после своей смерти тенями в ограде кладбища.

Дизго не знал хорошо, по какой дороге ехать, чтобы достигнуть пейягской деревни, не только положение, но и существование которой ему было неизвестно. Зная, однако, хорошо обычаи краснокожих, он наугад пустился по направлению, которое указал ему предводитель, стараясь как можно ближе держаться реки; он был убежден, что только там найдет их селение, если оно существовало в действительности, а в этом капитао никак не мог сомневаться после уверения, сделанного ему Тару-Ниомом.

Он скакал таким образом целую ночь, не останавливаясь, не зная сам, куда едет, и с нетерпением ожидал рассвета, чтобы осмотреться.

Наконец настал день, Дизго въехал на холм и начал с него свои наблюдения.

На три или четыре лье от того места, где он остановился, на самом берегу реки капитао увидел в тумане, пронизаемом только для его зоркого глаза, множество хижин, над которыми носился клубами дым. Дизго спустился с холма и направился прямо к деревне, которая вблизи оказалась большею, чем он сначала предполагал, и была хорошо укреплена, т. е. окружена широким глубоким рвом, позади которого торчал ряд кольев, соединенных между собою лианами.

Капитао, собравшись с духом, подождав с минуту, храбро направился прямо в селение, куда въехал галопом, гарцуя и заставляя рисоваться свою лошадь.

Было утро, поэтому можно было легко проникнуть взглядом в открытые индейские домики.

Воины большею частью спали, растянувшись на кожах, разостланных на земле (потому что им неизвестно употребление койки или кровати), накрывшись женскою одеждой и положив под голову маленькие связки сена.

На улицах, по которым капитао проезжал, он встречал только детей или женщин, отправляющихся за дровами; другие приготавливали маниоковую муку; некоторые, присев перед хижинкой, делали глиняную посуду или корзинки, но большая часть ткала из хлопчатой бумаги материи, которые они употребляют для своей одежды.

Впрочем, несмотря на раннюю пору, в селении обнаруживалась большая деятельность, и деревня казалась значительно населенною. Капитао бросал по дороге любопытные взгляды на все, что ему попадалось на глаза, и внутренне удивлялся трудолюбию этих бедных индейцев, про которых говорят, будто малейшая работа им противна и будто они предпочитают спать и курить целый день, нежели исполнять различные работы, которые так необходимы для потребностей жизни.

Однако, несмотря на сильное любопытство, осторожность заставляла его ничего не выражать на своем лице и показывать полнейшее равнодушие, чтобы не привлечь на себя внимания и не возбудить подозрений.

Проникнув счастливо в самую середину деревни, Диэго очень затруднялся найти дом вождя пейягов; он не мог попросить, чтобы ему указали его по очень простой причине: союз между обоими племенами был до того тесен, что сношения поддерживались постоянно и делали невозможным подобное незнание; если бы он обнаружил незнакомство с этою обстановкою, то на него тотчас посмотрели бы с недоверчивостью.

Диэго тщетно приискивал, продолжая скакать, средство выйти из затруднительного положения, когда неожиданный случай, который, казалось, покровительствовал ему, помог и на этот раз. В ту минуту, когда он проезжал мимо красивой хижины, образующей угол площади, лошадь его, испуганная ручным пекари, бросившимся ей под ноги со страшным хрюканьем, начала брыкаться и заржала; в минуту собралось около капитао десятка два празднующихся, которых можно всегда найти между трудящимися как в индейском, так и в цивилизованном обществе. Толпа зевак возрастала и теснилась вокруг коня так плотно, что Диэго с трудом избегал опасности задавить кого-нибудь из неосторожных, крики которых окончательно взбесили животное.

В это время человек высокого роста вышел из упомянутой хижины; услышав шум, он приблизился к толпе, которая почтительно расступилась перед ним, и очутился перед капитао.

Последний тотчас узнал вождя пейягов, которого уже встречал прежде, когда разыскивал проводника.

Поклонившись по-индейски и остановив сразу с большим искусством непокорного коня, он соскочил на землю.

— Ай! — вскричал вождь, — гуакурский воин! Что же тут происходит?

— Я хотел только что остановить свою лошадь перед жилищем вождя, к которому у меня есть поручение, — отвечал Диэго не смутясь, — как пекари ее испугал.

— Еро! Мой брат ведь всадник гуакур, — сказал милостиво Емавиди, — лошадь усмирена, она не смеет теперь даже пошевелинуться. Как зовут моего брата?

— Великой Двуутробкой, — ответил Диэго, поклонившись и кстати припомнив имя, которое ему дал Тару-Ниом.

— Мне известно имя моего брата. Это славный воин, я часто слышал, как говорили о нем с похвалой; очень рад видеть его.

Капитао нашел нужным опять наклониться при этом лестном комплименте.

Емавиди продолжал:

— Мой брат много проехал, чтобы прибыть сюда; он примет гостеприимство вождя; пейяги любят гуакуров, они братья.

— Принимаю милостивое предложение предводителя, — отвечал капитао.

Емавиди-Шэмэ хлопнул в ладоши; прибежал невольник. Вождь приказал ему позаботиться о лошади. Он знаком велел удалиться толпе, собравшейся около его жилища, и ввел своего гостя в дом, дверь которого закрыл бычачьей кожей, чтобы избегнуть взглядов празднующихся, которые, несмотря на его повеление, не думали уходить.

Хижина вождя была просторна и хорошо проветрена; покои были устроены с редким умением; несколько грубых изделий, как-то: столов, скамеек и табуретов, составляло все ее украшение.

В отдаленном углу комнаты невольники работали под управлением жены вождя.

По знаку Емавиди она поспешно приблизилась, поздоровалась с чужим и предложила ему все, что она предлагала нужным для его удобства.

Гостеприимство между индейцами — самый священный и ненарушимый закон.

Жену пейяга звали *Pinia-Pai* (Белая Звезда). Она была высокого роста и хорошо сложена; черты ее лица были тонки и обнаруживали ум, но они не были вполне прекрасны; выражение ее физиономии было кротко; ей казалось на вид не более двадцати двух или двадцати трех лет.

Одежда ее состояла из разноцветной с полосками материи, которая довольно узко обхватывала ее с груди до ног и была стянута в бедрах довольно широким, малинового цвета поясом, так называемым *ayulate*. У девушек этот пояс белого цвета и не снимается до замужества. Пиниа-Паи не была ни разрисована, ни татуирована; длинные черные ее волосы, заплетенные по бразильской моде, спускались почти до земли; металлические пластинки, повешенные на груди, закрывали ее наполовину, а в ушах висели широкие золотые полукруги; маленькие серебряные цилиндры, соединенные на концах друг с другом, окружали ее шею и образовывали род четок. В таком живописном наряде эта молодая женщина обладала пленительной красотой и должна была понравиться капитану, который как индеец уважал преимущественно красоту женщин его расы.

С почтительной поспешностью Белая Звезда в минуту подала на стол кушанья, которые отличались простотой, но предлагались в изобилии; они состояли только из фруктов, молочного кушанья, вареной рыбы и из сушеного на солнце мяса, поджаренного в угольях.

Диэго по приглашению вождя охотно воспользовался импровизированным завтраком; он почувствовал сильную необходимость подкрепиться после ночи, проведенной в быстрой скачке через равнину.

Предводитель сам не принял никакого участия в еде, а усердно угощал своего посетителя, и капитан, аппетит которого, казалось, возрастал по мере того как он ел, нисколько не чванился.

К тому же, кроме чувствуемого им голода, Диэго знал, что мало есть, когда приглашен самим вождем, считается у индейцев неуважением и даже презрением,

а так как ему было необходимо снискать расположение начальника и сделать его своим другом, то он делал чрезвычайные усилия, чтобы поглотить сколько было возможно съестных припасов.

Однако, несмотря на все желание, наконец у него не хватило сил есть долее.

Емавиди-Шэмэ, наблюдавший за этою удаляю, казалось, был восхищен ей; вместо пищеварительного средства он подал тогда табаку в длинной трубке из скатанных листьев пальмы, и они принялись курить, пуская безмолвно клубы дыма друг другу в лицо.

Как скоро присутствие ее не было нужно гостю, Белая Звезда скромно удалилась в другое отделение дома и сделала знак невольникам следовать ее примеру, чтобы дать возможность обоим индейцам свободно разговаривать между собою.

Однако прошло довольно много времени, а ни одного слова не было произнесено; натура индейцев созерцательна и очень сходна с жителями востока. Табак производит на них усыпительное действие; если он не совершенно погружает их в сон, то приводит их по крайней мере в восторженное состояние, полное сладких мечтаний, которые имеют много сходства с кейфом турок и арабов.

Емавиди-Шэмэ первый прервал молчание.

— Мой брат Великая Двуутробка послан ко мне с поручением от Тару-Ниома? — сказал он.

— Да, — отвечал Диэго, тотчас же войдя опять в свою роль.

— Послание это касается только меня лично или же других предводителей и верховного совета?

— Я послан только к моему брату, Емавиди-Шэмэ.

— Ерой, моему брату угодно сейчас сообщить мне или, может быть, он хочет подождать и отдохнуть немного?

— Гуакурские воины не слабые женщины, — отвечал Диэго, — скачка на лошади в продолжение нескольких часов не уменьшает их силы.

— Мой брат хорошо сказал; что он говорит, — правда; мои уши открыты, слова Тару-Ниома всегда радуют сердце его друга. Начальник гуакуров, без сомнения, дал моему брату какую-нибудь вещь, которая могла бы мне доказать справедливость его поручения.

— Тару-Ниом осторожен, — отвечал Диэго, — он знает, что собаки Раи разрывают теперь священные земли гуакуров и пейягов, измена сопровождает их.

Отстегнув тогда пояс, он подал пейягу нож, который получил от Тару-Ниома.

— Вот, — сказал он, — кеайо Тару-Ниома, предводитель Емавиди-Шэмэ узнает ли его?

Начальник взял нож, внимательно осмотрел его и положил на стол.

— Я узнаю его, — сказал он, — мой брат может говорить, я верю ему.

Диэго поклонился в знак благодарности, заткнул опять за пояс нож и начал:

— Вот слова Тару-Ниома; они запечатлены в сердце Великой Двуутробки; он не переменит из них ничего. Тару-Ниоми напоминает вождю пейягов его обещание; он спрашивает, действительно ли Емавиди-Шэмэ хочет сдержать его.

— Да, я сдержу обещание, данное мною моему брату, предводителю гуакуров; даже сегодня соберется верховный совет, а завтра военные пироги поднимутся по реке; я сам буду предводительствовать ими.

— Что хочет сказать мой брат? — спросил удивленный Диэго, — я не понимаю его; не говорит ли он, что лодки поплывут вверх?

— Я действительно сказал это, — отвечал вождь.

— По какой причине мой брат хочет ехать в этом направлении?

— Чтобы помочь, как было условленно между нами, Тару-Ниому победить бледнолицых собак; разве начальник требует от меня исполнения не этого обещания?

— Слушайте слова вождя: Раи окружены моими воинами; бегство невозможно для них; они уже в отчаянии, почти умирают от голода, и пройдет не более трех солнц, когда караван будет в моих руках, пускай Емавиди-Шэмэ вспомнит о своем обещании.

— Ну! — прервал предводитель.

— Другие, более важные враги, — продолжал Диэго невозмутимо, — угрожают нам в эту минуту и обращают на себя наше внимание.

— Так, стало быть, правда то, что сегодня же утром говорил мне один из моих разведчиков? — вскричал пейяг с дурно скрытым волнением.

— К несчастью, слишком справедливо, — холодно отвечал Диэго, который ничего не знал о новой опасности, на которую намекал вождь, — только для того, чтобы уведомить вас об этом и принять с вами необходимые меры, то есть, — объяснил он, улыбаясь, — условиться с вами о том, что вам будет угодно предпринять против общей безопасности, послал меня Тару-Ниом к моему брату и велел немедленно уведомить себя о ваших намерениях, чтобы поддержать вас.

— Стало быть, белые со всех сторон вторгаются в наши земли?

— Да.

— Разве капитан Иохим Феррейра в самом деле выехал из Вилла-Беллы (Villa-Bella) во главе многочисленной военной экспедиции?

— На этот счет нет никакого сомнения, — отвечал решительно Диэго, который только в первый раз услышал об этой экспедиции.

— И Тару-Ниом, — продолжал предводитель, — думает, что я должен препятствовать входу бледнолицых?

— Шесть тысяч воинов присоединятся к пейягам.

— Ведь более всего важно защищать вход в реку.

— Такого же мнения и Тару-Ниом.

— Ерои, мои воины, подкрепленные гуакурами, будут охранять брод Камато (лошади), между тем как военные пироги прервут сношения и будут беспокоить бледнолицых вдоль реки. Не этого ли желал предводитель гуакуров?

— Мой брат отлично угадал его мысль и понял его намерения.

— Сколько Раи выступили из Villa-Bella?

— Тару-Ниома уверяли, что их было по крайнсей мере две тысячи.

— Ай! Это странно, — вскричал вождь, — мне сказали, что их не более пятисот.

Диэго прикусил губы, но, сейчас же оправившись, продолжал:

— Их больше, чем листьев, сорванных бурей; они только разделены на маленькие военные отряды, чтобы обмануть проницательность пейягов.

— Это ужасно! — воскликнул с изумлением начальник.

— Тем более, — прибавил Диэго, очень хорошо знавший, какое отвращение питают индейцы к неграм и какой ужас производит один вид их, — за каждым отрядом следует множество Coatas — негров, — которые дали страшную клятву избить всех пейягских воинов и увести жен и дочерей их, которых они хотят сделать невольницами.

— О-о! — сказал вождь с дурно скрытым ужасом, — Coatas не люди, они походят на злого духа. Уведомление моего брата не останется без следствия; сегодня же вечером женщины и дети оставят деревню, чтобы удалиться в льяно Мансо, а воины выступят к броду Камато, сопровождаемые всеми военными пирогами. Нельзя терять ни минуты.

Диэго встал.

— Великая Двуутробка хочет уже ехать? — спросил предводитель, тоже поднимаясь.

— Нужно, начальник; Тару-Ниом велел воротиться как можно скорей.

— Ерои! Мой брат поблагодарит великого предводителя гуакуров: его предостережение избавляет нацию пейягов от полнейшего истребления.

Оба вышли. По приказанию Емавиди-Шэмэ невольник привел лошадь Диэго; последний вскочил в седло, перекинулся еще несколькими словами с вождем, потом они расстались.

Капитао был весел; до сих пор все удавалось ему сверх его ожиданий: он знал не только намерения врага, но узнал еще, что павлисты, выступившие неожиданно в поход, могли прийти к ним на помощь; он надеялся, что ему удастся уговорить маркиза не продолжать путешествия, которое со дня на день становилось все более невозможным; кроме того, он помешал соединению обеих наций, обстоятельство, которое открывало проход по рекам и доставляло еще возможность спасения для каравана; правда, что надежды на спасение все еще было мало, но тем не менее оно становилось возможным.

Диэго выехал из селения шагом, погруженный в приятные размышления и желая только одного: как можно скорее присоединиться к своим товарищам, чтобы уведомить маркиза обо всем, чего он должен был бояться и на что надеяться.

Увидев наконец перед собою пустынную равнину, он пригнулся к шее своего коня, освеженного двухчасовым отдыхом, пришпорил его и понесся с быстротою ветра, направляясь прямо к пригорку, где расположился караван.

При повороте тропинки он нечаянно столкнулся со всадником, который ехал с такою же быстротою, как и он; проезжая мимо, они обменялись взглядом. Диэго не мог удержать восклицания удивления и почти боязни. Всадник был Малько Диац, — Диэго узнал его!

— Скверно! — проворчал он, погоняя свою лошадь, которая и без того, казалось, летела по неизмеримому пространству.

Погоня

Непредвиденная встреча с Малько значительно смутила дона Диэго, обрадованного счастливым исходом трудного дела, которое он предпринял наудачу.

Пытливый взгляд, устремленный на него проезжающим проводником, крик удивления, вырвавшийся у него против воли, все это заставило Диэго сильно задуматься и серьезно беспокоило его.

Глаз ненависти дальновиден; индеец не скрывал от себя, что метис должен был сохранить к нему злобу в своей душе не только за преследование после отъезда из лагеря, но и за то, что он, Диэго, занял некоторым образом место Малько около маркиза и мог помочь последнему избежать западни, так ловко расставленной метисом и уже так давно приготовленной.

Только непродолжительность встречи могла уменьшить опасность, потому что благодаря своему наряду, обманувшему самого Емавиди-Шэмэ, его почти невозможно было узнать, если не всмотреться в него пристально.

Диэго, однако, пришлось скоро убедиться в том, что Малько хорошо воспользовался встречей.

Хотя по наряду он не узнал Диэго, однако отгадал, с кем встретился; мы в двух словах объясним это читателю.

Малько Диац, живя долг в Sertao и занимаясь, по прихоти или по обстоятельствам, различными более или менее честными ремеслами, приносившими ему пользу

при пограничной торговле, имел частые и тесные сношения с непокоренными индейцами, с которыми он по многим причинам был принужден обходиться осторожно и вместе с тем приветливо; он знал большую часть знаменитых воинов настолько, что мог узнать каждого по костюму и назвать по имени.

Утром того же дня, в который мы опять встречаем Малько Диаца, приблизительно до восхода солнца, он имел с Тару-Ниомом довольно длинный разговор относительно последних распоряжений, условленных между ними, немедленного исполнения которых требовал метис, когда бразильцы попадут в руки гуакуров.

В продолжение этого разговора Малько настаивал, чтобы вождь сейчас же напал на белых; между тем последний отвечал, что не может начать приступа до прибытия своих союзников пейягов; он не хотел вредить успеху предприятия поспешностью, в которой не было никакой нужды, и боялся окончательно испортить хорошо веденное до сих пор дело; «впрочем, — говорил он, — замедление незначительно и будет продолжаться не более двух часов, потому что я послал к Емавиди-Шэмэ одного из самых верных присоединиться по возможности скоро с гуакурами». В конце разговора предводитель прибавил, что если метис не доволен этим, то волен сам отправиться в селение пейягов и увериться, как воин исполнил возложенное на него поручение.

Малько Диацу только этого-то было нужно; он простился с гуакурским вождем и, сев сейчас же на коня, поехал к селению, устремив глаза на реку, где надеялся каждую минуту увидеть пейягскую флотилию.

Но не было видно пирога; мы уже знаем почему. Только когда он доехал до известного места, ему показалось, что он замечает какую-то массу, которая запуталась в камышах; он заподозрил, что тут что-то неладно.

Малько Диац был любопытен; он любил давать себе отчет и объяснять все, что казалось непонятным с первого взгляда.

Приблизившись к берегу, чтобы рассмотреть подозрительную массу, он скоро распознал в ней труп.

Малько слез с коня, бросил лассо, притянул к себе тело и начал его осматривать. Можно вообразить себе его удивление, когда в этом изуродованном трупе, наполови-

ну съеденном кайманами, он узнал Великую Двуутробку, того самого воина, которого несколько часов тому назад Тару-Ниом отправил к пейягам.

Нельзя было сомневаться в причине смерти индейца: широкая, открытая рана в затылке показывала, что он был убит врасплох.

Метис оставил труп, не занимаясь им долее, вскочил в седло и понесся еще быстрее, потому что мертвый посланный не мог исполнить своего поручения, и нужно было поправить происшедшее замедление.

Но кто же убил Великую Двуутробку? С какою целью это убийство совершено? Вот чего метис не мог себе объяснить и что его чрезвычайно беспокоило.

Между тем он встретился со всадником, скакавшим из селения пейягов, куда он сам ехал и которое находилось от него на расстоянии не более одного лье; и что всего страннее, всадник этот был похож на того самого воина, которого он нашел несколько минут тому назад мертвым и наполовину съеденным кайманами.

Дело запутывалось; метис не знал, что и подумать, он спрашивал себя, — не ошибся ли он, был ли это действительно труп Великой Двуутробки, или не изменили ли ему глаза.

Вдруг светлая мысль мелькнула в голове его. Тут, очевидно, была измена: человек, которого он встретил, был переодет. Все для него теперь стало ясно, как будто он присутствовал при том, что происходило.

Один только человек мог достигнуть такого искусного подражания в наряде и движениях — то был Диэго.

Как скоро мысль эта пришла ему в голову, она обратилась в уверенность. Досада овладела им, на губах появилась пена; его посмели одурачить как мальчишку — жажда мести закипела, и он пустился без оглядки, повернув коня, в погоню за своим врагом.

Но между тем размышления Малько, вызвавшие ряд заключений, заняли значительный промежуток времени, пока привели его к открытию неожиданной истины; индеец мог воспользоваться этим, выиграл расстояние и приготовил хитрость, которая помогла бы ему ускользнуть, если, как он предчувствовал, метис преследовал его.

Люди, не знающие благородную и смышленную породу лошадей американской пустыни, едва ли могут соста-

вить себе приблизительное понятие о размерах, до которых достигает погоня в степи.

Бывают минуты, когда лошадь, беспрестанно понуждаемая, подчиняясь, так сказать, магнетическому влиянию своего всадника, как будто сливается с ним, понимает его мысли и действительно вступает в борьбу за свой собственный интерес.

Лошадь, прекрасная от бешенства и энергии, с глазами полными огня, с пылающими ноздрями и с пеной на губах, не чувствуя ни узды, ни поводьев, перелетает пространство, перескакивая через рвы, взбираясь на холмы, переплывает через реки, ловко преодолевая все препятствия с быстротою, которая превосходит всякое вероятие; она оживляется во время скачки и доходит постепенно до гордого, но прекрасного бешенства, еще более великолепного тем, что она как будто сознает свою смерть в этом безрассудном состязании; но какое ей до этого дело, если она достигнет цели и если господин ее будет спасен?

Подобную скачку исполняли теперь обе лошади; всадники их, предавшись совершенно неукротимой ненависти, ничего не видели, не думали и предоставили им направляться, куда хотели.

Малько Диац удваивал усилия, чтобы выиграть расстояние, на которое отстал; но напрасно он осматривал пустыню по всем направлениям, ничего не показывалось, он был один, все один, а лошадь его достигла крайнего предела скорости.

Леса следовали за лесами, пригорки за пригорками. Дизго все оставался невидимым; он, казалось, был поглощен землею, до того исчезновение его было непонятно.

Метис имел отличную лошадь, но конь Дизго не уступал ей ни в чем, и так как ненависть не ослепляла капитана, то, продолжая скакать, он холодно обсуждал шансы, которые ему остались для спасения, и воспользовался всеми.

Наконец, после неустойчивой трехчасовой скачки Малько Диац, доехав до вершины возвышенного холма, куда он взобрался галопом, заметил вдали столб пыли, которую, казалось, подхватила буря.

Он догадался, что это был его враг, и снова погнался на лошадь, которая и без того до крайности напрягала свои силы.

Лошадь Дизго, проскакав уже всю прошлую ночь, устала более, нежели конь метиса, или скакун Малько Диаца был сильнее; как бы то ни было, скоро последний заметил, что догоняет своего неприятеля, и расстояние между ними уменьшалось.

Малько радостно вскрикнул, подобно дикому зверю, схватил свой карабин и приготовился употребить его в дело, когда приблизится на выстрел. Однако скачка продолжалась; вдали, на горизонте, виднелся холм, на вершине которого бразильцы укрепили свой лагерь. Очевидно, часовые белых, находясь на деревьях, должны были различить, хотя еще неясно, развязку этого странного состязанья, не понимая его причины.

Тишина и отступление союзников, которое он не мог объяснить себе и причины которого ему были неизвестны, чрезвычайно беспокоили метиса.

Наконец расстояние между обоими всадниками сделалось так мало, что они скоро очутились друг от друга только на пистолетный выстрел.

Малько Диац зарядил карабин, прицелился и, не сдерживая бега своей лошади, спустил курок.

Лошадь Дизго, пораженная в середину тела, сделала удивительный скачок вперед, судорожно поднялась на задние ноги, заржала от боли и опрокинулась назад, увлекая при своем падении и всадника.

Малько бросил свой карабин и прискакал с быстротою молнии, с криком торжества к своему врагу, который неподвижно лежал на земле.

Немедленно соскочив с лошади, он, подобно тигру, бросился на упавшего и занес кинжал, чтобы одним ударом покончить с противником, если тот еще был жив. Но рука его в бездействии упала, и он поднялся с бешеным воем обманутого ожидания.

В ту же минуту его крепко схватили руками за туловище и повалили на землю, прежде чем он успел подумать о сопротивлении.

— Э-э, товарищ, — сказал тогда насмешливо Дизго, придавивший его к земле и поставивший ногу на его грудь. — Как вы находите это? Ведь хорошо сыграно, не правда ли?

Вот что случилось.

Дизго понял, что если он будет ехать по прямой линии, то враг, у которого была свежая лошадь, не за-

медлит его настигнуть; если же он ускользнет от Малько, то непременно попадется в руки гуакуров.

Он рассчитал, что самое лучшее ехать не прямо, а вилять сначала незаметным образом, чтобы избежать того места, где по его предположению враги расположились лагерем, и подъехать к крепости с другой стороны; эта первая хитрость вполне удалась.

Малько Диац, ослепленный желанием нагнать своего врага, безотчетно следовал за ним по всем поворотам, по которым тому было угодно ехать; это объясняет непонятное для Малько отсутствие союзников.

Потом, доехав до угла леса, индеец бросился на землю, смастерил с замечательным проворством, которым обладают только люди его расы, чучело из травы и покрыл его одеждami, которые сам носил; потом, крепко привязав его к спине лошади, под седло и бока которой он положил колючки, пустил животное в направлении, которого ему следовало держаться; сам же он продолжил свою дорогу бегом, тщательно стараясь оставаться совершенно невидимым. Несколько минут спустя после своего выезда из леса Малько в первый раз заметил лошадь, которая еще шибче неслась перед ним, потому что ноша ее была теперь легче.

Объяснение, которое сделал ему дон Диэго насмешливым тоном, еще болсе усилило бешенство метиса.

— Вы убили коня, которого я любил, благородное животное, которое могу с трудом заменить. Я должен убить вас, Малько, но мы долго спали друг подле друга, мы разделяли одну и ту же пищу; я не окрашу своего ножа вашею кровью, — прибавил индеец.

— Напрасно, Диэго, — отвечал мстис глухим голосом, — потому что, так же верно, как Бог существует на небе, клянусь вам, что при первом случае я убью вас.

— Вы поступите согласно своим понятиям, Малько; я знаю, что вы злой человек и не задумаетесь сделать это.

— Да, я убью вас, клянусь вам в этом своим местом в рае!

— Ваше право на рай, кажется мне, слишком поколеблено, мой бедный друг; но не в том дело теперь, я не хочу, чтобы ваши союзники меня схватили, что и случится, если я стану терять время на разговор с вами, как

бы он ни был приятен. Я хочу поэтому закончить его как можно скорее.

— Что же вы хотите делать, если не убьете меня?

— Решено и подписано, Малько, я не убью вас, но я приведу вас в состояние, в котором вы не будете иметь возможности мешать мне по крайней мере некоторое время, это справедливо, не правда ли?

Метис не отвечал, пена выступила у него на губах от бешенства, и он бился на земле, как змея.

— Побудьте хотя одну минутку спокойным, Малько, — кротко сказал ему капитан, — вы в самом деле несносны; если вы станете продолжать, я никогда не кончу связывать вас.

И, действительно, говоря это, он преспокойно связывал пленника своим лассо, несмотря на его чрезвычайные усилия освободиться.

— Вот и готово, — продолжал Диэго, когда последний узел был затянут, — теперь мне остается только заткнуть вам рот.

— Заткнуть мне рот, — вскричал метис, — заткнуть мне рот, а зачем?

— Ну, мой друг, вы слишком наивны; позвольте мне сказать, — если я заткну вам рот, то наверно для того, чтобы помешать вам кричать и звать на помощь своих друзей, которые, без сомнения, недалеко отсюда...

Настало молчание: метис раздумывал, Диэго мастерила клубок со старанием, которое поглощало все его внимание.

— Сколько времени нужно вам, чтобы быть в безопасном месте? — спросил метис.

— Зачем вы мне предлагаете этот вопрос? — отвечал капитан, становясь на колени и готовясь привязать к его рту затычку из травы.

— Вам ведь все равно? Отвечайте мне откровенно.

— Если это доставит вам удовольствие, тогда извольте, Малько: мне будет достаточно двух часов.

— Два часа? Ну что ж! Если я обещал бы вам оставаться спокойным и не кричать, заткнете вы мне рот?

— Гм! — промычал капитан, — обещания мало, когда дело идет о жизни и смерти, Малько.

— Правда; но если б я обещал?

Диэго почесался со смущенным видом.

— Отвечайте же, — настаивал метис.

— Ну нет, я не мог бы принять обещания, — сказал Диэго, — уверяю вас, это было бы слишком опасно для меня.

И он приготовился заткнуть рот метиса.

— Ну а если б я теперь вместо обещания, которое сделал вам, дал вам свое честное слово кавалера, что вы сделали бы тогда?

— Гм! — отвечал тот, — вы только говорите, на самом деле не дадите мне его.

— Отчего же?

— Потому что вы сдержали бы его, а вы ведь не хотите ничем обязываться мне.

— В таком случае вы верите моему слову? Так не затыкайте мне рта, Диэго, я даю вам честное слово.

— Полно, вы шутите, не так ли?

— Нисколько, я даю вам честное слово, что останусь в неизменном положении не только два часа, но даже три, не двигаясь с места и ни разу не вскрикивая.

— О-о! — сказал капитао, смотря ему прямо в лицо, — так, значит, это серьезно?

— Совершенно серьезно. Итак, решено?

— Решено, — отвечал Диэго и откинул клубок.

Подобная аномалия характера встречается преимущественно между бразильскими метисами весьма часто; для них слово свято, и ничто не может принудить их изменить честному слову. Малько Диац, хотя был отъявленный разбойник, повинующийся самым кровавым наклонностям без всякого угрызения совести, почел бы себя обесчещенным, он, вор и убийца, если бы, раз давши слово, не исполнил его.

Диэго отлично знал, что может вполне поверить этому слову, а потому и принял его, нисколько не колеблясь и не делая даже никакого возражения.

— Я оставляю вас, Малько, — сказал он, — не теряйте терпения. А, кстати, я захвачу с собой вашу лошадь, которая бесполезна вам в эту минуту и в которой я сильно нуждаюсь; но будьте покойны, вы ее найдете опять у подошвы холма. Я не желаю, чтобы вы лишились ее. Ну, прощайте.

— Убирайтесь к черту, но помните, что я обещался убить вас.

— Ба! ба! — отвечал тот с насмешливым добродушием, — вы говорите это, потому что взбесились; я пони-

маю, вы не имели успеха со мной сегодня, в другой раз будете посчастливее.

— Надеюсь, — процедил метис, заскрежетавав зубами.

Диэго, не обращая более внимания на него, легко поймал лошадь, которая недалеко ушла, и тотчас же уехал.

Прежде чем въехать в лагерь, капитао, как человек осторожный и вовсе не желая, чтоб его убили друзья, не узнавая его в новом наряде, направился к реке стороной.

Как только приехал к берегу, он покинул лошадь, вошел в воду и поплыл.

Хотя река буквально кишела кайманами, капитао не колебался войти в нее; он знал по опыту, что кайманы редко нападают на человека, и малейшего движения достаточно, чтобы испугать и удалить их.

Одной вещи он боялся: его могли заметить индейские часовые, которые, без сомнения, скрывались в окружающих кустах; взять свое платье он мог не иначе, как направляясь в ту сторону, где гуакуры поставили своих невидимых сторожей.

Но случай, который до сих пор покровительствовал капитао, и при этом последнем испытании не покинул его.

Приплыв на некоторое расстояние к кусту, в котором было зарыто платье, Диэго нырнул. Впрочем, предосторожность эта была, поспешим сказать, почти бесполезна: гуакуры наблюдали не за рекой, на которой ему было нечего бояться, а только за холмом, где находились их враги.

Диэго беспрепятственно уполз в кусты, открыл ямку, вырытую им для скрывания одежды, и вынул последнюю оттуда с чувством живейшей радости; но вместо того, чтобы одеться, он завернул в нее оружие и отправился с узлом в реку.

Ему казалось удобнее и безопаснее пробраться к холму по этому пути; к тому же он был не прочь смыть краску, которая еще оставалась на его теле.

Чтобы не привлечь на себя внимания, капитао завернул свой сверток в пальмовые листья и привязал к голове.

Так как он плыл под уровнем воды, то казалось, будто сверток, отделившись от берега, увлекался течением с берега; он представлялся кучею листьев и веток, и

было совершенно невозможно даже самому проницательному глазу заметить голову пловца, спрятанную в траве.

Таким образом, капитао скоро достигнул подошвы пригорка.

Там он был спасен, и видеть его могли только люди, которых случай привел бы на другой берег; но благодаря ширине реки и зная, что оружие индейцев не могло достигнуть его, он и не думал прятаться.

Измерив взглядом высоту берега, по которому приходилось взобраться и который поднимался отвесно над рекой, капитао взял в одну руку кинжал, в другую нож, доверенный ему Тару-Ниомом в знак благодарности, и начал взбираться с удивительною ловкостью и проворством по крутой стене, помещая по очереди в расщелины скал свое оружие и поднимаясь потом силою ручных мускулов.

После продолжительных и больших усилий капитао наконец поднялся до верха, подвергаясь не раз значительной опасности; повиснув между небом и землею, он иногда не мог ни подняться, ни спуститься; но, одаренный хладнокровием и мужеством, он, однако, не отчаивался: остановившись секунду, он заметил менее крутую отлогость, отклонился несколько в сторону, удвоил усилия и скоро уже был на платформе пригорка.

Тут он остановился на минуту, чтобы отдохнуть и собраться с мыслями; его трудное предприятие, против ожидания, окончилось счастливо; сведения, собранные им, были немаловажны; все окончилось к лучшему, и он внутренне поздравлял себя не с тем, как он повел это опасное дело, но с радостью, которую принесет его возвращение товарищам, и в особенности маркизу.

Минуту спустя он поднялся и пошел таким вольным шагом, как будто совершил прогулку, нисколько не утомляющую, и не подвергался никакой опасности.

Солнце садилось, когда капитао ступил на вершину холма, а когда он вошел в лагерь, уже наступила ночь.

Как только возвращение его сделалось известно, все товарищи окружили его с радостным криком, который привлек маркиза.

Капитао тоже вскрикнул от изумления и страха при виде зрелища, которое ему представилось, когда он вошел в ограду лагеря.

Палатки и телеги были превращены в пепел; большую часть мулов и лошадей убили, восемь или десять трупов негров и охотников валялось по земле; деревья, наполовину сожженные, согнутые, друг на друга наваленные, придавали этому зрелищу еще более печальный вид.

Донна Лаура Антониа, укрывшись кое-как под *епгамата*^{*}, незащищенной от ветра, приютилась перед потухающим огнем и готовила свой ужин с помощью невольницы Фебы.

Повсюду в лагере, который только вчера оставил капитан в хорошем состоянии, обнаруживались следы опустошения.

— Боже мой, что это значит? — вскричал он с печалью.

— Это значит, — сказал с горечью маркиз, — что вы не ошиблись, Диэго, и что гуакуры сильные противники.

— Стало быть, во время моего отсутствия происходила битва?

— Нет, было только нечаянное нападение; но отойдемте, Диэго, немного в сторону, я объясню вам, что случилось, а потом вы отдадите мне отчет в своих действиях.

Капитан пошел за ним.

Когда они скрылись из виду бразильцев, маркиз начал свой рассказ, рассказ очень короткий, но ужасный.

Два часа спустя после отъезда Диэго туча пылающих стрел полетела в лагерь со всех сторон сразу и так внезапно, что бразильцы сначала не знали, куда бежать и как защищаться, а между тем часовые их не заметили ни одного врага; огонь почти сейчас же распространился с такою быстротою, что потушить его было невозможно; потом, к довершению несчастья, одна стрела попала в телегу с порохом, фуру взорвало — убило и ранило несколько человек.

Гуакуры воспользовались беспорядком, чтобы напасть на бразильцев еще раз, нападение было отражено после жестокой рукопашной битвы, во время которой истощились почти все боевые припасы.

* Род навеса, покрытого ветками.

Диэго покачал печально головой при этом мрачном рассказе, потом по просьбе маркиза он передал свои приключения, которые были внимательно выслушаны доном Роком. Когда он кончил, все умолкло опять на несколько секунд.

— Что посоветуете вы мне? — спросил наконец маркиз.

— Положение наше почти безнадежно, — отвечал откровенно капитао. — Самое лучшее, по моему мнению, было бы попытаться выйти, пробиться через неприятелей и как можно скорее возвратиться в поселения.

— Да, — прошептал маркиз, — может быть, это было бы и лучше, но я хочу подождать еще; я отправил разведчиков, чтобы справиться о неприятеле; кто знает, что они скажут нам?

— Вы властны поступить, как вам угодно, — отвечал Диэго, который его выслушал внимательно, — но каждая минута отнимает у нас несколько дней существования.

— Может быть! — вскричал маркиз с досадою, — но, *vive Dieu!* еще не все сказано; нет, я не могу подло отступать перед этими варварами; разве я не могу присоединиться к дону Иохиму Феррейре?

— Конечно можете, ваше превосходительство.

— Ну! — воскликнул маркиз с радостью.

— Ничего! Вы успеете в том, что нас еще скорее перережут, вот и все.

Сказав это, капитао повернулся спиной к маркизу и присоединился к своим товарищам, потому что не хотел вести более бесполезного разговора и спорить против такого упорного решения.

Бедствие

Ночь прошла спокойно.

Бразильцы провели ее в глубоком сне; один Диэго, железное сложение которого, казалось, не знало усталости, наблюдал за общей безопасностью.

Почти за два часа до восхода солнца разведчик, посланный маркизом, возвратился в лагерь.

Он принес странные известия: индейцы исчезли, не оставив следов.

Диэго внимательно выслушал его донесения, потом, повернувшись к маркизу, который также провел ночь, не сомкнув глаз, спросил его:

— Ну что же?

— Мне кажется... — начал маркиз.

— Подождите, — перебил Диэго. — Мой друг, — сказал он, обращаясь к разведчику, — пойдите отдохните, вам нужно освежиться.

Бразилец поклонился — тотчас же ушел.

— Ему незачем слышать, — продолжал Диэго, — о чем мы будем говорить. Теперь мы одни, говорите, ваше превосходительство, я вас слушаю.

— Я полагаю, что если это известие справедливо, то мы можем только радоваться ему.

— Я, напротив того, нахожу его скверным.

— А!

— Поймите меня, ваше превосходительство, и поверьте, что я слишком хорошо знаю индейцев и их нравы, чтобы обмануться.

— Я убежден в этом, мой друг, говорите же, пожалуйста.

— Я считал бы себя недобросовестным, если б при тех обстоятельствах, в которых мы теперь находимся, не стал бы говорить вполне откровенно; для меня очевидно, что индейцы готовят вам засаду. Гуакуры честно предупредили вас, чтобы вы удалились; они предоставили вам в этом полную свободу — вы пренебрегли их советами и упорно пошли вперед. Я не разбираю вашего решения, заметьте это, ваше превосходительство, я только излагаю факт.

— Продолжайте, мой друг.

— Они в такой степени не намерены удалиться, что сами же отправили меня, не зная, с кем имеют дело, просить помощи у пейягов; потом они с ожесточением напали на вас не для того, чтобы завладеть вашим лагерьем, — они наперед знали, что это не удастся им, — а чтобы привести вас в состояние, в котором теперь находитесь, то есть в критическое положение, в чем, вы сами согласитесь, они вполне успели.

— Далее, далее, — прервал маркиз с нетерпением.

— Вот мое заключение из этого, ваше превосходительство, — продолжал капитао с обыкновенным, свойственным ему добродушием: — Гуакуры скрылись, чтобы убедить вас, что они ушли, и чтобы выманить вас на равнину, где им легче завладеть вами, так как преимущество вашего огнестрельного оружия теряет значение при перевесе в числе воинов.

— Вы боитесь? — спросил его маркиз иронически.

— Конечно, ваше превосходительство, и даже очень.

— Вы?

— Извините, это требует объяснения. Я боюсь не смерти, — с того момента, когда вы сообщили мне ваше твердое намерение, я пожертвовал своею жизнью.

— Так что же вы говорите мне?

— Я говорю вашему сиятельству, что не боюсь смерти, но чрезвычайно боюсь, чтобы меня не зарезали, как собаку, что далеко не все равно. Здесь мне нужно поддержать свою репутацию, ваше превосходительство.

Несмотря на серьезность положения, маркиз расхохотался.

— Что вы! — сказал он, — я убежден, что дело кончится не так, как вы предполагаете.

— Желаю, но не надеюсь, ваше превосходительство.
— Посмотрим; в состоянии ли вы провести нас туда, где находится начальник павлистов?

— Указать дорогу весьма легко, ваше превосходительство, а провести вас до павлистской армии я не берусь.

— Отчего же?

— Ну оттого, что нас всех перебьют.

— Гм, Дизго, вы начинаете надоедать однообразными ответами.

— Исход послужит моим оправданием, ваше превосходительство.

— Замолчите, наконец, предвестник несчастья! Далеко ли, по вашему мнению, до павлистов?

— О! Недалеко.

— А именно?

— Не более тридцати лье.

— Как не более тридцати лье? Полно, вы с ума сошли и напрасно тревожите нас вашими пустыми опасениями; невозможно, чтобы мы не добрались до них, даже если б на нашей дороге было десять тысяч дикарей.

— Увидите, ваше превосходительство, увидите, я более ничего не могу ответить вам.

— Ну хорошо, жребий брошен, я решаюсь во что бы то ни стало; на рассвете мы выступим.

— Если ваша милость позволит, — сказал Дизго, — то я замечу, что если вы уж решились на отчаянный поступок, то было бы лучше совершить его в логическом порядке.

— Что это значит?..

— Что завтра будет уже слишком поздно.

— Так, по вашему мнению, нужно было бы?..

— Отправиться сейчас, ваше превосходительство.

— Ну хорошо, едем; вы видите, что я делаю все, что вы хотите.

— Да, когда мое мнение согласно с вашими идеями, — проворчал капитан и пошел отдать приказание к отъезду.

В этом случае, как и во всех других, Дизго не пренебрег никакою предосторожностью для защиты отступления; на этот раз он даже высказал необыкновенную сметливость, осторожность и редкое присутствие духа.

Четверо из его солдат, люди испытанные и опытные, получили назначение наблюдать за дорогой и следить за индейцами.

При последнем нападении фуры и багаж были сожжены, большая часть вьючных мулов убита; таким образом, караван, не задержанный обозом, мог ускорить переход, что в настоящем положении было большой выгодой.

Диэго велел обвязать копыта лошадей мешочками из бараньей шкуры, наполненными песком, чтобы уничтожить шум их топота; сверх того он приказал стянуть морду каждого животного посредством лассо, чтобы они не ржали.

Когда все уже были в седлах, он сказал:

— Товарищи, не должно быть слышно ни одного крика, ни одного вздоха, мы совершаем теперь предприятие, от которого зависит всеобщее спасение. Если нас откроют, мы погибли; будьте постоянно настороже и готовы ко всяким случайностям.

— Одно слово, Диэго, — сказал ему маркиз, — зачем вы хотите, чтобы мы сейчас же выехали?

— Потому что, ваше превосходительство, непокоренные индейцы спят ночью без сторожей, вместо того чтобы наблюдать за врагами и пользоваться мраком для нападения.

— Благодарю; теперь едем.

— Подождите минуту, ваше превосходительство, — попросил капитао и обратился к авантюристам: — Я пойду вперед; вы последуете за мной по одному, держа своих лошадей под уздцы, чтобы они не спотыкались и не разбудили врагов; вы постараетесь ступать в мои шаги, чтобы оставить менее широкий след; теперь помните это: при крике аллигатора вы должны остановиться, тот же самый крик, повторенный два раза, будет означать садиться всем на лошадь, крик совы послужит знаком ехать в галоп; хорошо ли вы слышали меня и поняли ли?

— Да, — отвечали тихо бразильцы.

— Так в дорогу.

Начали спускаться.

Длинный ряд черных привидений представлял странное зрелище; они молча скользили во мраке и, казалось, ползли по склонам холма.

Нужно самому совершить подобное шествие, чтобы понять все впечатление, которое оно производит.

Шум ветки, колебаемой ветром, дрожание листка, неожиданный полет ночной птицы — все пугает, все заставляет вздрагивать; самый мужественный человек чувствует против воли, как кровь застывает у него в жилах, потому

что он боится, — за каждым деревом, за каждым выступом скалы может скрываться смерть, каждую минуту может явиться перед ним кровожадный враг, который вонзит в него свое оружие, не дав времени отстранить удар. Спустились только медленно. Диэго, который, казалось, видел в темноте так же хорошо, как и днем, выбирал старательно место и подвигался вперед только тогда, когда был уверен, что грунт, на который он ступает, крепок.

По временам останавливались на несколько секунд, тогда дрожь ужаса пробегала по всей линии, подобно электрической искре, и заставляла биться самое твердое сердце. Наконец, через час, каждая минута которого казалась бразильцам вечностью, достигли равнины.

Крик аллигатора, раздавшийся в безмолвии, дал знать бразильцам остановиться.

Спустя две минуты тот же самый крик, повторенный два раза, заставил их вскочить в седла, наконец, при крике совы они поскакали и пустились со скоростью, удвоенной инстинктивным страхом, который они испытывали, понимая всю опасность, угрожающую им.

Маркиз велел донне Лауре сесть верхом на лошадь; молодая девушка равнодушно, не произнося ни одного слова, повиновалась и по приказанию дона Рока поместилась вместе со своей невольницей в середину линии всадников.

Маркиз требовал это, потому что здесь, казалось, женщины находились в некоторой безопасности, и ему было легче наблюдать за своей пленницей.

Целую ночь, пригнувшись к шее лошадей, бразильцы скакали за капитао.

К восходу солнца они сделали восемнадцать или девятнадцать лье, что было удивительно, но бедные кони их утомились и не могли более держаться.

На расстоянии одного лье перед собой беглецы увидели широкий поток.

Это был Пилькомейо, один из значительных притоков Парагвая.

Маркиз приблизился к капитао.

— Вы отлично сделали, Диэго, — сказал он, — благодаря вашим дальновидным распоряжениям мы спасены.

— Погодите еще благодарить меня, ваше превосходительство, — отвечал индеец, насмешливо улыбаясь, — не все кончено.

— О-о! Мы опередили их настолько, что они не могут нас настигнуть.

— Гуакуров не опередишь, ваше превосходительство; единственным средством для нашего спасения было бы достигнуть реки и переехать через нее.

— Ну кто же нам мешает!

— Посмотрите на лошадей; прежде нежели мы проедем половину расстояния, которое отделяет нас от Пилькомсйо, так называется река, которую вы видите там, неприятели атакуют нас.

— Это уж излишнее упрямство, посмотрите сами, равнина пустынна, никого на ней не видно.

— Вы думаете, ваше превосходительство?

— Конечно, напрасно я смотрел во все стороны, ничего не замечаю.

— Вы не привыкли к степи, вот и все. Смотрите, — прибавил он, указывая рукой на северо-восток, — замечаете ли вы колебание высокой травы?

— В самом деле, но что же в этом?

— Видите ли вы еще, — продолжал невозмутимый капитао, — стада *paupus* и *serietas*, которые, испугавшись, бегут по всем направлениям, эти стаи *guaros* и *kamichis*, которые поднимаются мгновенно, испуская пронзительные крики?

— Да, да, я все вижу; далее?

— Что же далее, ваше превосходительство? — Колебание травы без видимой причины, так как нет ни малейшего востерка, и испуганный полет гуаров и камихов, и отчаянная скачка нандов и сериемов показывают очень ясно, что гуакуры преследуют нас и менее чем через час они настигнут нас.

— Но через час мы уже переедем реку.

— С нашими лошадьми невозможно; они едва передвигают ноги: посмотрите, они спотыкаются на каждом шагу.

— Правда, — прошептал маркиз, — но в таком случае что же делать?

— Приготовиться к смерти.

— О! Вы говорите неправду, Дизго!

— Через час никто из нас не будет жив, — отвечал холодно капитао.

— Но ведь мы не дадим убить себя, не защищаясь!

— Это другой вопрос, ваше превосходительство; хотите вы биться до последней капли крови?

— Конечно.

— Отлично; в таком случае предоставьте мне все сделать. Мы будем убиты, я очень хорошо знаю это, но победа обойдется дорого нашим врагам.

Не теряя ни минуты, капитан приступил к приготовлениям для битвы, они были так просты, как того требовали обстоятельства.

Бразильцы соскочили на землю, передушили своих лошадей и из трупов несчастных животных сделали круг, в котором они все могли поместиться.

Маркиз, занятый в эту минуту оживленным разговором с донной Лаурой, заметил эту бойню, но не успел остановить ее.

— Что вы делаете? — вскричал маркиз.

— Укрепление, — отвечал Дизго равнодушно. — Из-за этих трупов мы будем стрелять до тех пор, пока не истощатся заряды.

— А каким же образом мы убежим после битвы?

Индеец разразился хриплым и громким хохотом.

— Мы не убежим, потому что все умрем!

Маркиз не нашел возражения; он понурил голову и возвратился к молодой девушке.

Донна Лаура упала на землю, предаваясь глубокому отчаянию; только ее лошадь не убили, она стояла около девушки с опущенной головой, дрожа от ужаса.

— Вы умрете, — сказал дон Рок молодой девушке.

— Надеюсь, — отвечала она тихим, замирающим голосом.

— Стало быть, вы очень ненавидите меня?

— Мое сердце не знает ненависти; я презираю вас.

Маркиз вспылал.

— Донна Лаура, — продолжал он, — еще есть время, откройте мне свои тайны.

— Зачем? — сказала она, смотря ему прямо в глаза, — ведь мы сейчас умрем.

Маркиз с бешенством топнул ногой.

— Это не женщина, а демон! — вскричал он с яростью.

Донна Лаура грустно улыбнулась.

— Так ничто не может убедить вас? К чему послужит вам теперь эта тайна?

— А вам? — отвечала она холодно.

— Откройте мне ее, откройте, и, клянусь вам, я спасу вас даже и тогда, если б мне пришлось для этого идти

по колено в крови. О! Если б я знал эту драгоценную тайну, я чувствую, что успел бы ускользнуть от ужасной опасности, которая угрожает нам. Откройте мне ее, донна Лаура, умоляю вас.

— Нет! Я лучше умру, чем предоставляю вам спасти меня.

— Так умри и будь проклята! — вскричал он, выхватив пистолет из-за пояса.

Кто-то остановил его руку.

Он обернулся, мрачно взглянув на человека, который осмелился его тронуть.

— Извините, ваше превосходительство, — сказал ему Диэго бесстрастно, — если я прерву ваш интересный разговор с сеньоритой.

Донна Лаура не сделала ни одного движения, чтобы избежать смерти; глаза ее не опустились, щеки не побледнели; смерть была для нее освобождением.

— Что вам нужно еще от меня? — вскричал маркиз.

— Уведомить вас, ваше превосходительство, что настает минута, когда нужно будет выказать свою ловкость. Посмотрите.

Маркиз взглянул по указанному направлению.

— Несчастный! — вскричал он через минуту, — если вы не изменник, вы сильно ошиблись.

— Что прикажете, ваше превосходительство?

— Ей-Богу, это стадо диких лошадей! Вы приняли их за наших врагов.

— Ваше превосходительство, — отвечал капитан с презрительной улыбкой, — вы не имеете ни малейшей опытности в жизни пустыни и в образе ведения войны с гуакурами, вот что, вероятно в последний раз, я говорю вам; но все же лучше, чтобы вы знали это. Гуакуры первые хитрецы в свете. Они употребляют следующее, чтобы застать неприятеля врасплох: они пускают вперед табун диких лошадей, чтобы скрыть свою численность, потом, следуя за табуном, они держатся с боков своих лошадей, ухватившись левой рукой за гриву и опираясь правой ногой на стремя; таким образом, легко ошибиться и принять, как вы сами это сделали, что все лошади свободны; но вы скоро увидите, как всадники поднимутся, и услышите их военный клич.

Мы сказали, что все бразильцы, готовые стрелять при первом приказании, залегли за трупам лошадей.

Над ними коршуны и урубусы, привлеченные запахом крови, кружились, испуская пронзительные и хриплые звуки.

На пол-лье в равнине манада лошадей скакала с удивительной быстротой, поднимая густые столбы пыли.

Бразильцы были угрюмы и молчаливы; они чувствовали себя погибшими.

Только Дизго сохранил свою спокойную физиономию и беззаботное выражение.

— Ребята! — крикнул он, — берегите свои заряды и стреляйте только наверняка; вы знаете, что у нас нет более пороха.

Вдруг дикие лошади, как громовой удар, появились на укреплении и, несмотря на смертоносный залп, сделанный почти в упор, перескочили его с неудержимой стремительностью.

Гуакурские воины поднялись на стремянах с ужасным ревом, и резня — потому что это была не битва — началась с невероятной яростью.

В первом ряду, около Тару-Ниома, находился Малько Диац.

Глаза метиса метали искры, он бросался с необычайным бешенством в самые густые места схватки и делал неслыханные усилия, чтобы приблизиться к донне Лауре, около которой собрались бразильцы, побуждаемые более инстинктивным, чем сознательным желанием спасти ее.

Молодая девушка с жаром молилась на коленях, сложив руки и обратя глаза к небу.

Несчастливая Феба, пронзенная стрелой, билась у ее ног в предсмертных судорогах.

В этом зрелище было в то же время нечто величественное: немногим более двадцати человек, прижавшись друг к другу, отчаянно и молча давали отпор многочисленному неприятелю, простившись уже с жизнью, но решившись биться до последней капли крови.

Дизго и маркиз делали чудеса храбрости: индеец презирал смерть; белый был бешен от отчаяния.

— Гм! Ваше превосходительство, — сказал капитан насмешливо, — начинаете ли вы убеждаться в том, что мы останемся здесь?

Между тем ряды бразильцев мало-помалу редели, но солдаты не падали, не отомстив; гуакуры, встреченные пулями, тоже потеряли очень многих.

Вдруг Малько Диац бросился вперед, опрокинул маркиза, ударив в грудь его лошади, и, схватив донну Лауру за волосы, приподнял ее, перекинул на шею своего коня и понесся через равнину.

Молодая девушка закричала и потеряла сознание.

Диэго услышал этот крик, перепрыгнул через маркиза, который лежал без чувств, и, опрокидывая все на своей дороге, пустился в погоню за метисом.

Но что мог сделать пеший против всадника, который скакал во всю прыть?

Метис остановился, глаз его блеснул, он прицелился.

Диэго предупредил его.

— Это последний заряд, — прошептал он, — он выпущен за нее.

И он спустил курок.

Малько Диац вдруг покачнулся, руки его судорожно вытянулись, и он покатился на землю, увлекая за собой молодую девушку.

Он был мертв.

Диэго бросился к нему, но вдруг отскочил в сторону и, схватив ружье за дуло, приподнял его над головой: на него сжал индеец. Диэго, переменив мгновенно место, прыгнул, как ягуар, сжал в своих мускулистых руках индейца, который не удержался, повалил его и сразу вскочил на лошадь. Совершив этот подвиг, он полетел на помощь к молодой девушке.

Едва успел он приподнять ее, чтобы положить на лошадь, которую он так искусно приобрел, как был уже окружен гуакурскими воинами.

Печально взглянув на молодую девушку, он опустил ее на землю и, выхватив из-за пояса свои пистолеты, единственное оружие, которое оставалось у него, прошептал:

— Бедное дитя! Я сделал, что мог; судьба была против меня!

Он равнодушно поднял курки на пистолетах.

— Прежде чем я умру, я убью двоих, — сказал он.

Вдруг воины расступились. Показался Тару-Ниом.

— Никто не смеет тронуть этого человека и этой женщины, — сказал он, — они принадлежат мне.

— Ну, отложим выстрелы на другой раз, — сказал капитао, затыкая опять свои пистолеты за пояс.

— Ты храбр, я люблю тебя, — продолжал Тару-Ниом. — Возьми это gñi-maak (перо), оно послужит тебе

охранительной грамотой. Останься здесь, покуда я не возвращусь, и охраняй etlatoum (женщину), которую ты так хорошо защищал.

Диэго взял перо и печально уселся около донны Лауры.

Час спустя капитан и молодая девушка ехали с гуакурскими воинами, которые возвращались в свое селение.

Молодая девушка еще не очнулась и не знала подробностей нового несчастья, постигшего ее.

Диэго вез ее на шее своего коня и осторожно поддерживал ее голову; честный капитан, казалось, совершенно успокоился и дружественно разговаривал с Тару-Ниомом, который ему оказывал много внимания.

Битва кончилась, как надо было ожидать, т. е. смертью всех бразильцев.

Один Диэго и донна Лаура остались живы по непонятному чуду, которое заставило сжалиться грубое сердце гуакурского вождя.

О маркизе Капельмелльор никто ничего не знал; несмотря на старательные поиски, невозможно было найти его тело.

Умер ли он? Был ли он жив, успел ли, против всякого вероятия, убежать?

Судьба его оставалась покрыта непроницаемой тайной.

Скоро индейцы исчезли; равнина, где происходила эта ужасная драма, сделалась опять пустынно, и коршуны, наткнувшись на трупы, начали ужасный пир человеческим мясом.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЖЖЕННЫЕ ЛЕСА

ГЛАВА I	
Река Ветра	7
ГЛАВА II	
Гамбуцино	21
ГЛАВА III	
Окончание рассказа gambucino	34
ГЛАВА IV	
Ущелье	48
ГЛАВА V	
Сожженные леса	60
ГЛАВА VI	
Засада против засады	74
ГЛАВА VII	
Литль-Рок	86
ГЛАВА VIII	
Первый день Валентина в Новом Орлеане	98
ГЛАВА IX	
Кто такой был мистер Джон Естор	112
ГЛАВА X	
Валентину кажется, что он нападает на след	126
ГЛАВА XI	
Где читатель знакомится с Блю-Девилем	141
ГЛАВА XII	
Где мистер Блю-Девиль вполне обрисовывается . . .	155

ГЛАВА XIII	
Медвежья шкура	168

ГЛАВА XIV	
Охотник Бенито Рамирец	183

ТАЙНЫЕ ЧАРЫ ВЕЛИКОЙ ИНДИИ

ГЛАВА I	
Донна Розарио	199

ГЛАВА II	
Где доказано, что для того, чтобы видеть, надо смотреть, — чтобы слышать, надо слушать?	219

ГЛАВА III	
Как донну Розарио посетил дон Октавио де Варгас Долбесейт	232

ГЛАВА IV	
Кто был в действительности Бенито Рамирец	245

ГЛАВА V	
Курумилла дает о себе знать	261

ГЛАВА VI	
Валентин заключает союз с Черноногими	276

ГЛАВА VII	
Приготовление к сюрпризу	300

ГЛАВА VIII	
Взятие лагеря	320

ГЛАВА IX	
Каким образом Павлет открывает след и что происходит от этого	336

ГЛАВА X	
Почему дон Луис отправился в Сен-Луи, лежащий на Миссури	353

ГЛАВА XI	
Как дон Луис импровизировал пролог к опере «Puritani»	367

ВОЖДЬ СОЖЖЕННЫХ ЛЕСОВ

ГЛАВА I	
Сожженные леса	385
ГЛАВА II	
Каменная деревня	400
ГЛАВА III	
Железная рука	416
ГЛАВА IV	
Зеленый океан	432
ГЛАВА V	
Начальник Сожженных лесов	447
ГЛАВА VI	
Отряд под именем Сожженных лесов	463
ГЛАВА VII	
Мормоны	478
ГЛАВА VIII	
Лагерь вождя Сожженных лесов	493
ГЛАВА IX	
Индейцы	508
ГЛАВА X	
Два боковых дуба	524
ГЛАВА XI	
Бандит в опасности и торговец женщинами	536

РАССКАЗЫ ИЗ ЖИЗНИ В БРАЗИЛЬСКИХ СТЕПЯХ

Введение *СТРАНИЦА ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ*

ГЛАВА I	
Первый поход	545
ГЛАВА II	
Гаучо	556

ГЛАВА III	
Ранчо	566

ГЛАВА IV	
Фаценда рио д'Уро	576

ЭЛЬ-ДОРАДО

ГЛАВА I	
O Sertao	587

ГЛАВА II	
Тару-Пиом.	597

ГЛАВА III	
Маркиз Кастельмельор	608

ГЛАВА IV	
Благородный бандит	619

ГЛАВА V	
В пустыне	631

ГЛАВА VI	
Гуакуры	643

ГЛАВА VII	
Нападение врасплох	654

ГЛАВА VIII	
Е-сапап-рауагоаі. Индейское селение	666

ГЛАВА IX	
Погоня	677

ГЛАВА X	
Бедствие	689

Г. Эмар
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Том 24

Редактор *И. Шурыгина*
Художественный редактор *И. Лопатина*
Технический редактор *Н. Привезенцева*
Корректоры *В. Антонова, М. Александрова,*
В. Рейбекель

ЛР № 030129 от 02.10.91 г.
Подписано в печать 27.03.95.
Уч.-изд. л. 40,63.

Издательский центр «ТЕРРА». 109280,
Москва, Автозаводская, 10, а/я 73.

Оригинал-макет и диапозитивы подготовлены ТОО
«Макет». 141700, Московская обл., г. Долгопрудный,
ул. Первомайская, 21.

Scan Kreyder - 25.02.2018 - STERLITAMAK

